

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

INSTITUTE OF WORLD HISTORY
CENTRE FOR INTELLECTUAL HISTORY
RUSSIAN SOCIETY OF INTELLECTUAL HISTORY

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

66

DIALOGUE WITH TIME

DIALOGUE WITH TIME

INTELLECTUAL HISTORY REVIEW

2019 Issue 66

EDITORIAL COUNCIL

Carlos Antonio AGUIRRE ROJAS
La Universidad Nacional
Autónoma de Mexico

Mikhail V. BIBIKOV
Institute of World History RAS

Constance BLACKWELL
International Society
for Intellectual History

Vera P. BUDANOVA
Institute of World History RAS

Tamara A. BULYGINA
North-Caucasus Federal University

Wojciech WRZOSEK
Uniwersytet im. Adama Mickiewicza
w Poznaniu

Piama P. GAIDENKO
Institute of Philosophy RAS

Galina I. ZVEREVA
Russian State University
for the Humanities

Valentina P. KORZUN
Omsk State University

German P. MYAGKOV
Kazan Federal University

Igor V. NARSKIJ
National Research
South Ural State University,
Cheljabinsk

Valery V. PETROFF
Institute of Philosophy RAS

Jefim I. PIVOVAR
Russian State University
for the Humanities

Jörn RÜSEN
Kulturwissenschaftliche Institut, Essen

Irina M. SAVELIEVA
Higher School of Economics
National Research University

Gyula SZVÁK
Eötvös Loránd University,
Budapest, Hungary

Andrej B. SOKOLOV
Yaroslavl State Pedagogical University
named after K. D. Ushinsky

Rolf TORSTENDAHL
Uppsala Universitet, Sweden

Victoria I. UKOLOVA
Moscow State Institute of International
Relations (University) MFA of Russia

Nina A. KHACHATURIAN
Lomonosov Moscow State University

Chen QINENG
The Institute of World History,
Chinese Academy of Social Sciences

Pavel P. SHKARENKOV
Russian State University
for the Humanities

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ

АЛЬМАНАХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

2019 Выпуск 66

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Карлос Антонио АГИРРЕ РОХАС
Национальный автономный университет
Мехико

М. В. БИБИКОВ
Институт всеобщей истории РАН

Констанс БЛЭКВЭЛ
Международное общество
интеллектуальной истории

В. П. БУДАНОВА
Институт всеобщей истории РАН

Т. А. БУЛЫГИНА
Северо-Кавказский
федеральный университет

Войцех ВЖОСЕК
Университет им. Адама Мицкевича,
Познань, Польша

П. П. ГАЙДЕНКО
Институт философии РАН

Г. И. ЗВЕРЕВА
Российский государственный
гуманитарный университет

В. П. КОРЗУН
Омский государственный университет
им. Ф. М. Достоевского

Г. П. МЯГКОВ
Казанский
федеральный университет

И. В. НАРСКИЙ
Национальный исследовательский
Южно-Уральский государственный
университет, Челябинск

В. В. ПЕТРОВ
Институт философии РАН

Е. И. ПИВОВАР
Российский государственный
гуманитарный университет

Йорн РЮЗЕН
Институт наук о культуре, Эссен, ФРГ

И. М. САВЕЛЬЕВА
Высшая школа экономики
Национальный исследовательский
университет

Дюла СВАК
Будапештский университет
имени Лоранда Этвеша

А. Б. СОКОЛОВ
Ярославский государственный
педагогический университет
им. К. Д. Ушинского

Рольф ТОШТЕНДАЛЬ
Упсальский Университет, Швеция

В. И. УКОЛОВА
Московский государственный институт
международных отношений
(Университет) МИД России

Н. А. ХАЧАТУРЯН
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова

Чен ЧИНУН
Институт мировой истории
Академии социальных наук, КНР

П. П. ШКАРЕНКОВ
Российский государственный
гуманитарный университет

ББК 63.3

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

доктор исторических наук, профессор,
член-корреспондент РАН
Лорина Петровна РЕПИНА

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АФАНАСЬЕВА А. Э., кандидат исторических наук, доцент
ВЕДЕШКИН М. А., кандидат исторических наук (отв. секретарь)
ВИШЛЕНКОВА Е. А., доктор исторических наук, профессор
ВОРОБЬЕВА О. В., кандидат исторических наук, доцент
ГОРЕЛОВ М. М., кандидат исторических наук
ИОНОВ И. Н., кандидат исторических наук
КИСЕЛЕВА М. С., доктор философских наук, профессор
КОРЧИНСКИЙ А. В., кандидат филологических наук, доцент
МАЛОВИЧКО С. И., доктор исторических наук, профессор
НЕДАШКОВСКАЯ Н. И., кандидат филологических наук, доцент
ПЕТРОВА М. С., доктор исторических наук, доцент
(заместитель главного редактора)
РУМЯНЦЕВА М. Ф., кандидат исторических наук, доцент
СЕЛУНСКАЯ Н. А., кандидат исторических наук
СЕРЕГИНА А. Ю., доктор исторических наук
СТОГОВА А. В., кандидат исторических наук, доцент
ЭКШТУТ С. А., доктор философских наук

ДИАЛОГ СО ВРЕМЕНЕМ 66

М.: ИВИ, 2019. — 432 с.

Журнал «Диалог со временем» посвящен проблемам интеллектуальной истории, которая изучает исторические аспекты всех видов творческой деятельности человека, включая ее условия, формы и результаты.

ISSN 2073-7564

Эл. № ФС 77-53624

DIALOGUE WITH TIME 66

Moscow: IWN, 2019. — 432 p.

Journal "Dialogue with Time" is specially intended for consideration of the problems of intellectual history understood as a study of historical aspects of all kinds of human creative activity, including its conditions, forms and products.

Подписной индекс
в общероссийском каталоге «Роспечать»
36030

- © Общество интеллектуальной истории, 2019
- © Институт всеобщей истории, 2019
- © Журнал «Диалог со временем», 2019

Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом без письменного соглашения с издателем запрещается

ИСТОРИЯ – ПАМЯТЬ – ИДЕНТИЧНОСТЬ

А. БУЛЛЕР, А. А. ЛИНЧЕНКО

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК ПРЕДМЕТ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ¹

В статье предпринимается попытка философской концептуализации культурной памяти. Показано, что современная критика cultural memory studies связана с развитием конкретных исследований культурной памяти, что способствует как увеличению разнообразия тематик и жанров исследований, так и децентрализации методологии исследований культурной памяти. Используя идеи философской герменевтики, авторы рассматривают проблему культурной памяти из перспективы философии культуры. Представлен философский анализ общепринятого тезиса о несоизмеримости различных типов культурной памяти и мемориальных культур.

Ключевые слова: культурная память, философия культуры, мемориальная культура, историческое переживание, историческое сознание

Термин «культурная память» по праву может быть отнесен сегодня к числу наиболее заметных в социально-гуманитарном дискурсе. За последние годы за рубежом и в России было издано огромное количество материалов, посвященных тем или иным сторонам изучения «культурной памяти», равно как и близким ей «коллективной памяти», «надындивидуальной памяти», «социальной памяти», «исторической памяти». Более того, по словам Астрид Эрл само понятие «культурной памяти» является обобщающим (umbrella term) и в самом широком понимании охватывает «медиа, практики, структуры, столь же разнообразные как миф, монументы, историография, ритуалы, устные воспоминания, конфигурации культурного знания, нейронные сети... взаимная игра настоящего и прошлого в социокультурных контекстах»². Она также отмечает, что исследования культурной памяти являются междисциплинарными и интернациональными. Культурная память сегодня рассматривается исключительно как трансдисциплинарный феномен. Наибольшие успехи в области изучения культурной памяти были достигнуты в социологии, истории, теории истории и исследованиях исторической политики, а также в психологии³.

Вместе с тем, термин «память», столетиями являвшийся предметом философского интереса и получивший широкое исследование в

¹ Исследование выполнено за счет средств гранта Российского научного фонда, проект № 17-78-20149.

² Erl 2008. P. 1-2.

³ Olick, Robbins 1998; Пекина 2005; Assmann 1992; Ассман 2014; Straub 2010.

различных социально-гуманитарных науках в минувшем столетии, а также в нейронауках, продолжает оставаться важным объектом внимания современной философии. Это, на наш взгляд, относится и к термину «культурная память», который вследствие многообразия трактовок и аспектов изучения оказался недостаточно изученным именно в философском контексте. Но каковы перспективы, возможности и границы философского рассмотрения культурной памяти? Чем философский подход к культурной памяти мог бы быть полезен многочисленным междисциплинарным исследованиям *memory studies*? Представляется, что ответы на данные вопросы могут быть даны лишь после краткого освещения основных тенденций критики концепта «культурная память», а также анализа современного состояния самой философии.

Основные тенденции критики cultural memory studies

Среди зарубежных исследователей все чаще звучат критические замечания относительно слабой структурированности пространства исследований культурной памяти. Уже само определение культурной памяти, данное А. Эрл, с одной стороны позволяет охватить широкое многообразие явлений, связанных с процессами социального запоминания и забвения, а с другой, указывает на слабость теоретической разработки самого понятия. Дж. Олик и Д. Роббинс еще в конце 1990-х гг. отмечали, что «исследования социальной памяти являются непарадигматическими, трансдисциплинарными инициативами, лишенными центра»⁴. Преодоление этой «релятивистской дезорганизации» видится им прежде всего в расширении социологического анализа коммеморативных практик и ведущей роли исторической социологии. По мнению Р. Брубейкера, одним из серьезных недостатков современной литературы о коллективной памяти является отсутствие полноценных компаративных исследований, которые были бы далеки как от предельно общих высказываний, лишаящих коллективную память специфических характеристик, так и от сосредоточенности на частных формах коллективных воспоминаний⁵. Карлос Кёльбль и Ю. Штрауб, отмечая долгий путь развития представлений о памяти в науке и философии, прямо указывают на практическую и теоретическую невозможность интегрировать все имеющиеся сегодня подходы в области исследований памяти, в создании некоей «супертеории», охватывающей исследования памяти в различных науках⁶. Несмотря на то, что потребность в такой теории совершенно очевидна, она не может быть сформулирована по причине плохой сочетаемости исследований памяти, а также невозможности их компаративного анализа. Немецкие исследователи указы-

⁴ Olick, Robbins P. 105.

⁵ Брубейкер 2012. С. 291.

⁶ Kölbl, Straub 2012. S. 681.

вают на необходимость диалога как формы соотнесения методологий исследовательских программ *memory studies*.

Сохраняя общий тренд на процессуальное понимание культурной памяти, Эрл и Ригни предложили другую исследовательскую стратегию. По их мысли, «динамика культурной памяти только тогда может быть полностью понятной, если мы будем принимать во внимание не просто значение социальных факторов, но также «медиальные» рамки воспоминания и специфические медиальные процессы через которые воспоминания входят в публичную сферу и становятся коллективными»⁷. Однако, «медиа» для них – это не набор дискретных и статичных технологий передачи информации, а «комплекс и динамическая система». Динамика воспоминаний, их реинтерпретация в различных медиумах оказывается ключевой для современных исследований культурной памяти. Зарубежные авторы говорят о медиации (*mediation*) и о ремедиации (*remediation*), замечая, что «как нет культурной памяти до медиации, так и нет медиации без ремедиации: все репрезентации прошлого используют доступные медиа-технологии, существующие медиа продукты, паттерны репрезентации и эстетику медиа»⁸. Суммируя разные толкования, они определяют «ремедиацию» как процесс стирания предыдущих медиа в акте их умножения (*multiplying media*) и таким образом напоминания наблюдателю о наличии самого «опыта медиа».

С работами А. Ассман и А. Эрл связано активное использование в современной практике исследований понятия «культуры памяти / мемориальные культуры» (*Erinnerungskulturen*), которое также является своего рода критической реакцией на универсальность и обширность термина «культурная память». Это понятие употребляется в немецкой научной среде во множественном числе и представляется более гибким и открытым. В отличие от культурной памяти, данное понятие изначально нацелено на множественность форм и способов запоминания и воспоминания в социокультурном контексте и поэтому оказалось чрезвычайно востребованным в политических, социологических и историко-теоретических исследованиях. Под мемориальной культурой А. Ассман понимает «совокупность форм и средств культурной мнемотехники, с помощью которой группы или культуры выстраивают собственную коллективную идентичность и свою ориентацию во времени»⁹. По ее мысли, это понятие противопоставляется исторической политике как инструментализации прошлого в целях актуальных политических процессов. А. Эрл, стремясь показать необычайную сложность и высокую динамичность процесса коллективных воспоминаний, описывает его на

⁷ Erl, Rigny 2009. P. 2.

⁸ Ibid. P. 4.

⁹ Ассман 2014. С. 301.

трёх взаимосвязанных уровнях: на уровне «объективных», или «данных» обществу условий процесса воспоминания, включающем в себя социально-общественные структуры общества, т.е. формы его социальной организации, а также формы хранения и передачи знаний (сюда же относятся представления общества о времени и возникающие в обществе особые или специфические ситуации); на уровне «субъективных» или особых и специальных культур воспоминания, к которому относятся отношения власти, политические интересы процесса воспоминания, а также различные, ориентированные на интересы людей, «техники воспоминания»; наконец, на уровне непосредственных воспоминаний, которые организуется по специальным сценариям и проявляют себя, как правило, в конкретной «практике воспоминаний»¹⁰.

«Культурная память»: опыт критического анализа

Понятие «культурная память» было обосновано в работах Яна и Алейды Ассман¹¹. Они в какой-то степени продолжили традицию коллективной памяти Мориса Хальбвакса, о чём они сами говорят. Кроме Хальбвакса они упоминают и немецкого историка культуры Аби Варбурга, который, по их признанию, тоже оказал на них большое влияние.

Характеризуя концепцию памяти Хальбвакса, немецкая исследовательница Карин Либхарт считает, что французский мыслитель ставил перед собой задачу обосновать «память а priori»¹². С ней можно согласиться, если понимать под «а priori» тот социальный контекст, в котором «знания принимаются человеком от общества (в форме социализированного опыта) и отдаются обществу обратно. Индивид в этом случае перестаёт быть познающим субъектом, а образует собой нечто вроде познавательного медиа»¹³. Коллективная память в этом случае принимает ярко выраженный коммуникативный характер. Если Морис Хальбвакс обосновал концепцию коммуникативной памяти, то Ян и Алейда Ассман, стали анализировать коллективную память с другой, а именно, исторической перспективы, обосновав таким образом концепцию культурной памяти. Обе концепции памяти, по мнению Либхарт, очень близки и относятся друг к другу приблизительно так, как кратковременная память относится к долговременной памяти¹⁴.

Кратко описывая концепцию «культурной памяти» Яна и Алейды Ассман, необходимо заметить, что они различают отдельные виды человеческой памяти. Ян Ассман, например, выделяет (1) миметическую память, (2) память о вещах, (3) коммуникативную память и, наконец,

¹⁰ Ertl 2005. S. 34.

¹¹ Assmann 1999; 1992.

¹² Liebhart 2001. S. 3.

¹³ Ibid. S. 5.

¹⁴ Ibid. S. 3.

(4) культурную память. Последняя охватывает и включает в себя все другие виды памяти¹⁵. Алейда Ассман указывает на то, что культурная память менее всего связана с другими видами памяти и менее всего зависима от них¹⁶. Ян Ассман добавляет к сказанному, что культурная память есть «общее понятие, применяемое для обозначения всех знаний, которые определяют действия и переживания людей в специфическом пространстве интерактивных действий какого-либо общества, которые используются многократно от поколения к поколению как средство обучения и тренировки (воспитания)»¹⁷.

Обосновывая концепцию культурной памяти Ян и Алейда Ассман стремились связать в одну систему три полюса – память, культуру и общество. Ян Ассман называет шесть характерных черт культурной памяти: (1) её ориентированность на общество или же её зависимость от общества – *Gruppenbezogenheit*, (2) реконструктивный характер памяти – *Rekonstruktivität*, (3) наличие формы у памяти – *Geformtheit*, (4) её соответствующая организация – *Organisiertheit*, (5) её нормативность – *Verbindlichkeit* или *Wertbezogenheit* и (6) её рефлексивный характер – *Reflexivität*¹⁸. Однако возникает вопрос – почему Ян Ассман называет именно шесть характерных черт культурной памяти? Утверждение, что на моей руке имеется пять пальцев, не вызывает сомнений ни у меня, ни у других, однако, тезис о том, что культурную память характеризуют именно шесть признаков, нуждается в обосновании. Одно только описание признаков такого сложного феномена как память служить таким обоснованием, к сожалению, не может.

Однако, проблема лежит даже не в количестве признаков, которые позволяют нам описать характер культурной памяти, но в самом понятии «память», ибо в русском языке это понятие обладает двойным смыслом. В русском языке можно сказать — «это не сохранилось в моей памяти», но можно также сказать — «он потерял память». И если в первом случае речь идёт об утерянных мыслях / воспоминаниях, то во втором случае речь идёт об утери памяти как таковой. Впрочем, и в немецком языке можно выразиться точно таким же образом, сказав: «Er hat sein Gedächtnis verloren» (он потерял память) или же «Er hat das nicht mehr in seinem Gedächtnis» (он не сохранил этого в памяти). Однако, у Яна и Алейды Ассман различие между памятью как сознанием и памятью как функцией / акцией стирается и исчезает. Ян Ассман, например, характеризуя культурную память, говорит, что она зафиксировала лишь определённые, независимые от какого-либо настояще-

¹⁵ Assmann 1992. S. 20-21.

¹⁶ Assmann 2008.

¹⁷ Assmann 1988. S. 9.

¹⁸ Ibid. S. 13-16.

го, пункты прошлого, которые он называет *Fixpunkte*. Эти пункты сохранили информацию о судьбоносных событиях прошлого. Он указывает на те предпосылки, которые обеспечивают «хранение» этих важных или судьбоносных событий в человеческой памяти. Такими предпосылками являются, по его мнению, (1) наличие определённых «культурных форм» памяти (текст, традиция или памятник), а также (2) наличие институционально оформленной коммуникации. В совокупности «мы называем это ‘фигурами воспоминания’, т.е. «Eripnungsfiguren», говорит Ян Ассман. Ярким примером подобных «фигур воспоминания» может служить иудейский религиозный календарь¹⁹.

Вроде бы Ян и Алейда Ассман охватили в характеристике памяти все факторы, назвали все ее существенные моменты, описали различные формы её проявления, а также формы её коммуникативной организации, но упустили при этом из поля своего зрения лишь один момент – саму память. Их определение памяти основывается исключительно на ее внешних функциях, но не на внутренних механизмах и структурах человеческого сознания. А ведь «самое близкое, что дано человеку – это его переживания»²⁰, заметил в своё время Вильгельм Дильтей.

«Переживание» является одновременно и знанием, и воспоминанием, оно содержит в себе связь внутреннего и внешнего мира человека. Однако к внутреннему миру человека Ассман подступиться, к сожалению, не могут. Этот мир совершенно выпал из их анализа памяти, о чём свидетельствует следующее высказывание Алейды Ассман: «институты и организации как, например, нации, государства, церковь или фирма не „имеют“, а „создают“ память, используя знаки и символы, тексты, изображения, обычаи, практики, места и монументы»²¹. Но дело обстоит как раз наоборот: коллективы только потому „создают“ память, что они её „имеют“. Не „имея“ памяти, они не могли бы её „создавать“. Другими словами: «прошлое в некоторых отношениях и при определенных обстоятельствах упорно сопротивляется попыткам перекрыть его»²². Ян и Алейда Ассман очень узко трактуют понятие «память». И это не только наше мнение, но и мнение Мартина Цирольда, который считает, что, хотя у Ассманов «различия в анализе понятия память были установлены с максимальной детальностью, но её основные понятия были, однако, практически не тематизированы»²³.

А вот Вильгельм Дильтей обратился не к функциям памяти, а к живому человеку и его переживаниям, считая, что «взаимосвязь духов-

¹⁹ Ibid. S. 12.

²⁰ Dilthey 1981. S. 90.

²¹ Assmann 2008.

²² Schudson 1989. P. 107.

²³ Zierold 2006. S. 85.

ного мира осуществляется в субъекте»²⁴. Реально существует не память, а субъект, который хранит в себе воспоминания о прошлом и летит свои надежды на будущее. А это означает, что прошлое и будущее существует лишь в представлениях этого субъекта, а представления, в свою очередь, «в которых мы имеем для себя прошлое и будущее, существуют только здесь, в настоящем живущего человека»²⁵.

И для того, чтобы понять прошлое / будущее, необходимо обратиться к переживаниям субъекта, которые являются не чисто *субъективными* явлениями, а субъективными продуктами переработки реального мира! Ведь в человеческих переживаниях была схвачена объективная реальность, которая через эти переживания буквально ворвалась во внутренний мир человека и переплелась с ним. Дильтей описывает этот процесс следующим образом: «реальности не только становятся моими переживаниями и моим пониманием, а они образуют взаимосвязь мира моих представлений, в котором внешние восприятия тесно связаны и переплетены с ходом моей жизни»²⁶.

Следуя кантовской позиции, Дильтей утверждает, что человек воспринимает действительность предметно, но, характеризуя предметное восприятие мира, он, в отличие от Канта, считает, что уже в предметном восприятии действительности содержатся «восприятия и переживания, воспоминания, суждения, понятия, выводы и их взаимосвязь друг с другом»²⁷. Все эти моменты образуют собой «комплекс сложных взаимодействий», вне которого человеческая память существовать и функционировать не может. Память является частью это «комплекса взаимодействий». И прежде чем описывать её функции, надо понимать, в каких условиях она функционирует.

Если бы Дильтей был знаком с понятием «культурная память», то он, безусловно, не стал бы анализировать её так, как это делают Ян и Алейда Ассман, которые к тому же строго различают память и историю. Но делая различие между памятью и историей, надо также видеть, что память и история существуют в одном и том же сознании. Дильтей по этой причине анализирует не функции памяти, не её типы, а исследует «исторический мир человека», который «всё время здесь, который индивид воспринимает не извне, а который с ним тесно переплетён»²⁸.

В человеческом мире любое индивидуальное «выражение жизни» (*Lebensäußerung*) наполнено общественным или социальным содержанием, потому что «отдельный человек переживает, думает и действует

²⁴ Dilthey 1981. S.235.

²⁵ Ibid. S.237.

²⁶ Ibid. S.141.

²⁷ Ibid. S.145

²⁸ Dilthey 1981. S.346.

в сфере своего общества, только в нём он способен понимать»²⁹. Человек, по Дильтею, является как бы «точкой пересечения» не только своих собственных переживаний, но и общественных систем: «Я сам переживаю мои состояния, я сам вплетён во взаимозависимые изменения общества как пункт пересечения его систем»³⁰. Намного легче назвать «четыре» вида памяти или «шесть» её признаков, чем углубиться в анализ лишь одной цитаты Дильтея, который не описывает селективным образом различные функции памяти, не делит её на типы или виды, а обращается к анализу человеческого сознания – единственно возможного места существования памяти. В сознании ищет Дильтей причину существования как прошлого, так и будущего, в нём он видит как источник человеческих переживаний, так и воспоминаний. Очевидно, что продвинуться вперёд в философском исследовании такого интересного феномена культурной жизни человека как память, мы сможем опираться, скорее, на концепцию Дильтея, чем на теорию памяти Ассманов.

Заметим, что теория культурной памяти Яна и Алейды Ассман подверглась критике и со стороны, созданной при университете Гисен в 1996 г. и просуществовавшей до 2008 г. специальной исследовательской группы «Культуры воспоминания» (SFG «Erinnerungskulturen»). Признав вклад египтолога Яна Ассмана и англоведа Алейды Ассман в исследование различных форм коллективной памяти, исследовательская группа констатировала, что их концепция памяти является неподвижной и застывшей, одним словом – статичной и что она в недостаточной степени учитывает «плюрализм и динамику развития общественных процессов воспоминания и влияние на них таких противоречивых факторов, как фактор власти или же фактор компромисса»³¹. Именно эти существенные недостатки в анализе человеческой памяти исследовательская группа университета Гисен и стремилась устранить, сконцентрировав свои усилия на изучении динамики и изменчивости («Prozesshaftigkeit») коллективных процессов воспоминания.

Алейда Ассман дала также толчок и исследованию медиальной сферы памяти (Gedächtnismedien), но опять же исследовала эту тему недостаточно. Надо сказать, что современная медиальная философия открывает для исторической науки новые и даже неожиданные перспективы как для рефлексии о прошлом, так и для саморефлексии, потому что позволяет увидеть в историческом источнике (устное слово, текст, изображение, материальный памятник) «медиальное средство», которое не только связывают людей во времени, но которое само по себе также отражает сложную структуру человеческой памяти.

²⁹ Ibid. S. 178.

³⁰ Ibid. S. 347.

³¹ Jacke, Zierold 2006. S. 81.

Таким «медиальным средством» является, например, понятие «след прошлого»³², который является человеку не только как предмет прошлого, но и как «взаимосвязь мира моих представлений, в котором внешние восприятия тесно связаны и переплетены с ходом моей жизни» (Дильтей). След прошлого объединяет в себе различные виды памяти (память о вещах, коммуникативную память, культурную память), не позволяя их разделять, более того, делает подобное разделение бессмысленным. Благодаря тому, что след происходит из прошлого, но существует в настоящем, он образует материальный фундамент истории. Существование его как *следа* возможно лишь благодаря памяти, которая «видит» в предметах настоящего больше, чем они ей показывают. Память позволяет «видеть» мир из совершенно другой перспективы, воспринимать его *исторически*. Утерев память, человек перестаёт жить исторически, перестаёт быть историческим существом. В этом смысле память – не просто «функция», а способ существования человека.

Современная философия и проблема культурной памяти

Мы лишь потому уделили столь большое внимание критическому анализу концепции Яна и Алейды Ассман, что эта концепция культурной памяти является одной из наиболее авторитетных. Однако подход Яна и Алейды Ассман не позволяет перейти философский уровень изучения проблемы культурной памяти. И здесь перед нами встает гораздо более сложный вопрос – что означает рассматривать культурную память на уровне философской интерпретации?

Современные трактовки философии вряд ли позволяют рассматривать ее в качестве некоей «царицы наук», осуществляющей синтез всех форм междисциплинарного анализа культурной памяти в рамках какой-либо «метаконцепции». Соотношение философского подхода к культурной памяти и научных ее интерпретаций представляется не вертикальным и иерархическим, а горизонтальным. В этом смысле достаточно уместна трансформация смысла и задач философии в трудах Ю. Хабермаса, который утверждал, что философия более не может выступать в качестве «местоуказчика» по отношению к другим наукам³³. По его мысли, современная философия теряет свою самоидентичность и должна занять место интерпретатора-посредника между разными сферами культуры: наукой, моралью, искусством. «В повседневной коммуникативной практике когнитивные толкования, моральные ожидания, выражения и оценки и без того пронизывают друг друга. Поэтому протекающим в жизненном мире процессам общения и взаимопонимания потребна культурная традиция во всей ее широте, а не только благословенные плоды науки и техники. В таком случае философия могла бы

³² Buller 2016.

³³ Хабермас 2001. С. 27.

актуализировать свое отношение к тотальности, приняв на себя роль интерпретатора, обращенного к жизненному миру. Она могла бы, по меньшей мере, способствовать возобновлению игры взаимодействия когнитивно-инструментальных моментов с морально-практическими и эстетически-выразительными»³⁴.

Можно сказать и о том, что современная «постметафизическая» философия также находится в рамках парадигмы «практического поворота» и конструктивистской методологии, как и подавляющее большинство исследований культурной памяти. Речь идет о внутренней «практизации» теоретического ядра философского знания, перепределении понятия философии в рамках ее постметафизического понимания, что означает, прежде всего, «посюстороннюю» привязанность философского мышления к опыту, медиальное понимание опыта и перформативность философской «теории». С этой точки зрения, задача философской концептуализации культурной памяти могла бы состоять в анализе самого теоретического языка описания культурной памяти и согласования различных междисциплинарных версий с классическими философскими дисциплинами: риторикой, эстетикой, теорией символов, философией языка и теорией действия. Именно о таком «методологическом» и «критическом» значении философии в отношении проблем памяти и культурной памяти говорят Ю. Штрауб и К. Кёльбл, отмечающие, что дальнейшая «критическая задача» философии должна состоять в экзаменации возможностей переноса понятий, описывающих индивидуальную память на память групп, коллективов и наций³⁵. Подобный критический подход получил распространение и в современных отечественных исследованиях философии памяти³⁶. Данный подход актуализирует прежде всего гносеологическое измерение философского понимания культурной памяти, закрывая от нас онтологический и социально-философский аспекты.

На необходимость поиска онтологических оснований надындивидуальной памяти как возможной ее философской концептуализации указывает А.И. Макаров. На историко-философском материале он показывает две принципиальные возможности философской концептуализации феномена надындивидуальной памяти: холизм платонической традиции и «методологический индивидуализм» новоевропейского субъективизма. Для нас важна центральная гипотеза его работы – «феномен надындивидуальной памяти онтологически укоренен в бытии культуры и имеет трансцендентально-имманентную природу»³⁷. Ко-

³⁴ Там же. С. 32.

³⁵ Kölbl, Straub 2012. S. 683.

³⁶ Шевцов 2016. С. 31.

³⁷ Макаров 2010. С. 8.

нечно, термин «надындивидуальная память» представляется очень удачным в качестве некоего собирательного понятия. Вместе с тем, следует заметить, что и такие термины как «социальная память», «историческая память», «культурная память», «коллективная память», являясь модусами памяти «надындивидуальной» также могут получить свое «философское измерение». Таким образом, вопрос уже будет перенесен в плоскость различных отраслей самой философии.

В нашем случае особую роль приобретает философия культуры. Именно с позиций философии культуры мы постараемся выявить философский смысл и значение культурной памяти. И здесь мы возвращаемся к философской позиции Дильтея. Философская концептуализация культурной памяти является скорее проблемой понимания культуры и ее субъекта, и только потом уже памяти. В этом смысле определение культуры как памяти в работах Ю.М. Лотмана представляется важным шагом на пути философской концептуализации культуры, но одновременно – шагом недостаточным, поскольку определение культуры через память существенно обедняет само понятие «культуры». В.М. Межуев полагает, что важнейшим свойством культуры помимо памяти, языка, передаваемых традиций является сам факт свободы человека, его возможности осуществлять свой творческий, свободный выбор³⁸.

В.М. Межуев дает нам четкое разделение предмета философии культуры и наук о культуре: «Если наука дает знание о разных культурах, сколько их есть на свете, то философия культуры есть осознание нами собственной культурной идентичности, и только такое осознание, зафиксированное в идее культуры, содержит в себе норму, по которой мы судим об уровне культурного развития, достигнутого другими эпохами, странами и народами <...> философия культуры берет на себя функцию знания человека о своей культуре, или его культурного самосознания, которое следует отличать от просто знания им культуры, безотносительно к ее делению на свою и чужую»³⁹. В таком случае философский подход к культурной памяти оказывается сродни герменевтике культурной памяти, состоящей не только в критике и интерпретации языка текстов и практик культурной памяти (например, классическая герменевтика Ф. Шлейермахера), а в прояснении смысла собственной принадлежности к своей культурной памяти и ее традиции, ее отношении к иным способам соприкосновения с прошлым и его следам (философская герменевтика В. Дильтея и Х.Г. Гадамера). При таком подходе, за культурной памятью оказывается мыслящий человек как ее субъект, осуществляющий свободный выбор в отношении своего прошлого, его светлых и темных страниц, артефактов и следов прошлого.

³⁸ Межуев 2012. С. 12.

³⁹ Там же. С. 10.

Взгляд на культурную память со стороны философии культуры акцентирует внимание на особенностях тематизации времени и пространства субъектом в соответствующей культуре (культура времени и культура пространства). Многочисленные формы культурной памяти и мемориальные культуры просто не могут быть соотнесены, если не будут определены изначальные особенности артикуляции ими времени и пространства, с которыми уже связаны воспоминания. Использование категории «время» применительно к культурной памяти отражает особенность самого порядка сочленения модусов времени в рамках определенной культуры. Культурная память всегда есть определенный способ культурного овладения и использования времени. Это означает, что всякая конкретная культура времени будет устанавливать определенную взаимосвязь между пространством опыта (Erfahrungsraum) и горизонтом ожиданий (Erwartungshorizont). Культурная память как одно из проявлений культуры времени может по-разному трактовать понятия «современность», «одновременность неодновременного» и «аллохронизм» (отрицание равенства во времени). Речь идет о позиционировании той или иной культуры как имеющей свой особый темпоритм. Вопрос в том, что в культуре памяти трактуется как «устаревшее», подлежащее забвению, а что как «современное» или же «непреходящее», составляющее основу идентичности и исторической преемственности. Причем более ранние эпохи могут оказаться ближе современности, чем более поздние эпохи. Важной оказывается и идея самой исторической преемственности. В данном случае речь идет о широте охвата тех исторических эпох, которые определяются как преемственные или требуют дистанции. С использованием особого понимания времени связано также определение в культурной памяти основополагающих точек отчета, которые оказываются важнейшими датами ее календаря.

Использование категории «пространство» применительно к культурной памяти позволяет говорить о тех структурных измерениях исторических эпох, которые мыслятся субъектами культурной памяти (политическая история, история революционных движений эпохи, история повседневности и т.д.). В фокусе внимания оказываются альтернативы прошлого. Пространственный аспект философии культурной памяти ориентирует не только на исследование прошлого своей культуры, но может быть связан и с репрезентацией Другого в пространстве памяти: Другой может входить в культурную память как враг, союзник, соперник, сосед. Наконец, использование категории «пространство» оказывается связанным с постоянной системой взаимоотношений между индивидуальной памятью, памятью тела, автобиографической памятью и их позиционированием в пространстве памяти культуры.

Таким образом, трансдисциплинарный характер исследований культурной памяти и успехи социологии, истории, психологии в изуче-

нии данного явления не препятствуют возможностям философской интерпретации культурной памяти. Современная критика *cultural memory studies* оказалась во многом связана с дальнейшим развитием конкретных исследований культурной памяти, что с одной стороны, способствует увеличению разнообразия тематик и жанров исследований, а с другой стороны, способствует децентрализации методологии исследований культурной памяти. При этом соотношение философской интерпретации культурной памяти и ее изучение отдельными социально-гуманитарными науками не является вертикальным, иерархическим, а скорее горизонтальным.

Взгляд на культурную память из перспективы философии культуры позволяет говорить о герменевтике культурной памяти, состоящей не только в критике и интерпретации языка многочисленных теорий культурной памяти, но и в прояснении смысла собственной принадлежности к своей культурной памяти и ее отношении к иным способам соприкосновения с прошлым и его следам. При таком подходе за культурную памятью оказывается мыслящий человек как ее субъект, осуществляющий свободный выбор в отношении своего прошлого, его светлых и темных страниц.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М.: НЛЮ, 2014/ [Assman A. *Diinnaja ten' proshlogo: Memorial'naja kul'tura i istoricheskaja politika*. М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014]
- Брубейкер Р. Этничность без групп. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. [Brubejker R. *Jetnichnost' bez grupp*. Moskva, Izdatel'skij dom VSHJe, 2012]
- Vajskopf M. *Pisatel' Stalin*. Moskva, Novoe literaturnoe obozrenie, 2002.
- Макаров А.И. Феномен надъиндивидуальной памяти: стратегии концептуализации и онтологический статус в истории новоевропейской философии. Автореф. дисс. д.ф.н. СПб., 2010. [Makarov A.I. *Fenomen nadyndividual'noj pamjati: strategii konceptualizacii i ontologicheskij status v istorii novoevropskoj filosofii*. Avtoref. diss. SPb, 2010]
- Межуев В.М. Философия культуры в системе современного знания о культуре // Проблемы философии культуры. М.: ИФРАН, 2012. [Mezhuev V.M. *Filosofija kul'tury v sisteme sovremennogo znanija o kul'ture* // Problemy filosofii kul'tury. М.: IFRAN, 2012]
- Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / Ред.: И.М. Савельева, А.В. Поletaev. М.: Изд. дом ГУ-ВШЭ, 2005. С.122-169. [Repina L.P. *Koncepcii social'noj i kul'turnoj pamjati v sovremennoj istoriografii* // Fenomen proshlogo / red. I.M. Savel'eva, A.V. Poletaev. Moskva, Izd. Dom GU VShJe, 2005. S.105-144]
- Тесля А. Неудобная история / Журнал ГЕФТЕР от 28.04.2014. [Teslja A. *Neudobnaja istorija*. Zhurnal GEFTER ot 28.04.2014. URL: <http://gefter.ru/archive/12159>]
- Хабермас Ю. Философия как «местоблюститель» и «интерпретатор» / Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. [Habermas Ju. *Filosofija kak "mestobljustitel" i "interpretator"* / Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie. SPb.: Nauka, 2001]
- Шевцов К.П. Основные парадигмы концептуализации памяти в философии. Автореф. дисс. д.ф.н. Санкт-Петербург, 2016. [Shevcov K.P. *Osnovnye paradigmy konceptualizacii pamjati v filosofii*. Avtoref. diss. d.f.n. Sankt-Peterburg, 2016]
- Assmann A. *Erinnerungsräume. Formen und Wandlungen des kulturellen Gedächtnisses*. München 1999.

- Assmann A. Kollektives Gedächtnis. Beitrag für Bundeszentrale für politische Bildung vom 26.08.2008. URL: <http://www.bpb.de/geschichte/zeitgeschichte/geschichte-und-erinnerung/39802/kollektives-gedaechtnis?p=all>
- Assmann J. Das kulturelle Gedächtnis: Schrift, Erinnerung und politische Identität in frühen Hochkulturen. München: Verlag C.H. Beck, 1992.
- Assmann J. Kollektives Gedächtnis und kulturelle Identität // Kultur und Gedächtnis. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1988.
- Buller A. Theorie und Geschichte des Spurbegriffes. Entschlüsselung eines rätselhaften Phänomens. Marburg: Tetum, 2016.
- Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. Mit Einleitung von Martin Riedel. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 1981.
- Erl A. Cultural Memory Studies: an Introduction // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook. Berlin, DEU: Walter de Gruyter, 2008.
- Erl A., Rigny A. Introduction: Cultural Memory and its Dynamics // Mediation, remediation, and the dynamics of cultural memory / ed. by Astrid Erl, Ann Rigney. Berlin, N.Y.: Walter de Gruyter, 2009.
- Erl A. Kollektives Gedächtnis und Erinnerungskulturen: Eine Einführung. Stuttgart: Metzler, 2005.
- Jacke C., Zierold M. Gedächtnis und Erinnerung // Handbuch Cultural Studies und Medienanalyse. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2006.
- Kölbl C., Straub J. Erinnerung // Neues Handbuch philosophischer Grundbegriffe / Kolmer P. & Wildfeuer A.G. (Hg.). Freiburg, Br.: Alber, 2012.
- Liebhart K. Das kollektive Gedächtnis bei Halbwachs und Ricoeur. URL: <https://textfeld.ac.at/pdf/105.pdf> S.3.
- Olick J., Robbins J. Social Memory Studies: From "Collective Memory" to the Historical Sociology of Mnemonic Practices // Annual Review of Sociology. Vol. 24 (1998). P. 105-140.
- Schudson M. The Present in the Past versus the Past in the Present // Communication. 1989. No. 11. P.105-113.
- Straub J. Psychoanalysis, History and Historical Studies // Dark traces of the Past: psychoanalysis and historical thinking / ed. Jürgen Straub and Jorn Rösen. L.: Berahn Books, 2010.
- Zierold M. Gesellschaftliche Erinnerung: Eine medienkulturwissenschaftliche Perspektive. Berlin, New York: de Gruyter 2006.

Буллер, Андреас – доктор философии, референт Социального министерства земли Баден-Вюртемберг (Штутгарт, ФРГ); andreas.buller@gmail.com

Линченко Андрей Александрович, кандидат философских наук, доцент, научный сотрудник Липецкого филиала Финансового университета при Правительстве РФ; Липецкий государственный технический университет; linchenko1@mail.ru

Cultural memory as a subject of philosophical understanding

The article deals with an attempt of philosophical conceptualisation of cultural memory. It is shown that modern criticism of cultural memory studies is associated with the development of the specific studies of cultural memory, which contributes both to increase in the diversity of subjects and genres of research, and to the decentralization of the methodology for the study of cultural memory. On the basis of hermeneutical methodology, the problem of cultural memory is examined from the perspective of the philosophy of culture. The authors attempt to philosophize the generally accepted thesis of the incommensurability of various types of cultural memory and cultures of remembrance.

Keywords: cultural memory, philosophy of culture, culture of remembrance, historical experience, historical consciousness

Andreas Buller, Dr. Ph., Referent in the Ministry of Integration Baden-Württemberg (Stuttgart, Germany); andreas.buller@gmail.com

Andrei Linchenko, PhD, Researcher, Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk branch); Lipetsk State Technical University; linchenko1@mail.ru

В. К. Пичугина

АНТИЧНЫЕ ТЕКСТЫ IN STATU QUO ИСТОКИ ЖАНРА ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ АНТОЛОГИИ КАК ФОРМЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ¹

В статье рассматриваются истоки антологического принципа в античных представлениях о памяти. Античные авторы часто брали на себя роль составителей-комментаторов, маневрируя между желанием сделать чужие тексты доступными и желанием манипулировать ими в рамках конкретной культуры. Антология как форма исторической памяти возникает в пространстве между благоговейностью и бесцеремонностью отношения к текстам. Это пространство оформилось в античном прошлом и продолжает существовать в современном настоящем, где также существуют санкционированные и несанкционированные воспоминания и модели памяти, которые репрезентируются с педагогическим умыслом.

Ключевые слова: антология, античная педагогическая культура, историческая память, память о педагогическом прошлом

*Мудрый, ведал он все, что минуло,
что есть и что будет... (Ном. II.1.70)*

Интерес современных исследователей к установлению взаимосвязи между культурой, историей и памятью оформил особую область междисциплинарного гуманитарного поиска. Антологии текстов, призванные пролить свет на те или иные аспекты надындивидуальной памяти, стали одним из трендов современности², который можно было бы назвать «на пути к прошлому». Марта Банта в статье «Зачем использовать антологии, или Маленькая свеча, освещающая капризный мир» подчеркивает следующее: хорошая антология содержит «сильные тексты», а это много больше того, что называется «разные тексты»³. Эти тексты позволяют увидеть многочисленные регистры памяти и восстановить потерянные связи между процессами формирования и изменения образов прошлого. Казалось бы, все достаточно просто и антологии реализуют высокую миссию: литературные антологии позволяют увидеть литературу как совокупность разных «литератур», антологии по культуре – культуру как совокупность разных «культур» и т.д. В противовес этому противники антологий выдвигают аргумент о том, что фактическую ценность имеют только самостоятельные сочинения, ан-

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания ФГБНУ «Институт стратегии развития образования Российской академии образования» на 2017–2019 годы» (№ 27.8089.2017/БЧ).

² Erl 2010. P. 1.

³ Banta 1993. P. 331.

тология же представляет собой «разновидность шведского стола»⁴, попав за который читатель рискует «переесть» или даже «отравиться» несовместимыми текстами. Если абстрагироваться от метафоричности, то множество ракурсов рассмотрения памяти о прошлом⁵ раскрывается тогда, когда мы всерьез начинаем задумываться о том, что тексты разных эпох и культур часто выстроены по антологическому принципу, и само наше знание этих текстов антологично. Многолетний накал методологических страстей только подогревает современную моду на антологии, которые давали и продолжают давать читателю большое число степеней свободы, позволяя осуществлять чтение как присвоение текстов разных авторов с возможностью их отбора, группирования и сравнения. Итогом такого чтения является не только понимание того *как* может быть представлено прошлое, но и о то, *что* заставляет людей тем или иным образом воспринимать прошлое.

Антология о педагогическом прошлом как форма исторической памяти. За последнее столетие антологии о педагогическом прошлом сильно изменились, поскольку изменились подходы к систематизации, классификации и репрезентации для последующих поколений знания об истории педагогической практики, истории педагогической мысли, истории педагогического сознания и истории педагогического обычая⁶. Информационная эпоха существенно трансформировала традиционные представления о параметрах антологии, которая призвана расширять представление об истории педагогики как совокупности текстов и контекстов в самом широком понимании этих слов. Открытый и почти не ограниченный в объеме онлайн-контент позволяет читателю формировать собственные антологии, для которых объем и структура не являются постоянными величинами. Они потенциально не завершены и могут существовать в десятках противоречивых версий⁷. Исследование истории публикаций и содержательных особенностей онлайн и офлайн антологий о педагогическом прошлом убеждает в том, что антология не просто книга или жанр, которые призваны дать читателю новое структурированное знание. Это знание удобно размещается под зонтиком исторической памяти. Здесь я не иронизирую, а лишь имею в виду, что «историческая память» является зонтичным термином, который включает множество значений и позволяет авторам антологий выбрать для себя наиболее удобный эвристический инструмент.

Я хочу отойти от классического определения антологии как собрания текстов небольшого объема, задающих рамочное представление

⁴ Lauter2004. P. 19.

⁵ Репина 2008. С. 7.

⁶ Безрогов 2009. С. 33-62.

⁷ Безрогов, Пичугина 2017. С. 219-224.

относительно ключевой темы или тем, в пользу определения *антологии как формы исторической памяти*. В этом антология близка к энциклопедии, которая также является ответом на постоянное увеличение знания⁸ и позволяет сопоставить представления авторов разных эпох о памяти как ключевой особенности (по)знания. Любая антология ставит целью использовать те или иные тексты с педагогическим умыслом, находя место для санкционированных и несанкционированных воспоминаний и моделей памяти. Однако, как показывает практика, между желанием сделать тексты/переводы текстов доступными и желанием манипулировать ими в рамках конкретной культуры часто всего один шаг. Совокупность этих шагов определяется как особый вид стратегии, которая «принадлежит к области изменения и выживания, а не к области словарей и учебников»⁹. Возникновение или изменение таких стратегий является ответной реакцией на тексты, претендующие на звание центральных для данной культуры текстов, или культуры, определяющие себя как доминирующие над другими культурами.

Истоки возникновения этих стратегий лежат в сочинениях античных авторов, писавших свои тексты как ответ на уже существующие тексты, которые воплощали ценности конкретной культуры или подрывали ее основы, а потому были неприемлемы для включения (частично или в полном объеме, если речь шла о поэзии) в их собственные. В античных текстах разных жанров можно обнаружить большие фрагменты, в которых авторский текст обрамляет множество цитат, т.е. является расширенным комментарием к текстам других авторов. Античным авторам не были чужды вопросы, терзающие современных составителей антологий и связанные с плагиатом в смысле вынужденной необходимости обосновывать для читателя, почему они считают или не считают целесообразным копировать большие фрагменты текстов своих предшественников и обсуждать их. Цитирование в античную эпоху осуществлялось разными способами (от стенографирования до вольного пересказа) и с разными целями: чтобы утвердить или подтвердить статус цитируемого автора, расширить или ограничить полномочия цитирующего автора, продемонстрировать превосходство цитирующего над цитируемым и т.д. Излишне говорить, что обращение к «источникам» часто воспринималось как возможность для разного рода манипуляций с текстами. То, что мы находим, например, у Платона «неправильного Гомера», как считает Д. Ллойд, имеет как минимум четыре причины: 1) всему виной то, что Платон цитирует по памяти, что-то забывая, 2) Платон намеренно ошибается и ожидает, что его читатели / слушатели это обнаружат и поймут, что он играет с Гомером, 3) Платон

⁸ Артемьева, Микешин 2004. С. 14; 23.

⁹ Dacier 2003. P. 10.

намеренно неправильно цитирует Гомера, не ожидая, что он будет уличен, 4) у Платона есть иной текст Гомера, которого нет у нас¹⁰.

Гипотетическое предположение Д. Ллойда, высказанное относительно Платона справедливо для многих античных авторов, и, по сути, позволяет восстановить *In Statu Quo* способы превращения сгруппированных по тому или иному принципу текстовых фрагментов в особую форму исторической памяти. Эти фрагменты, которые (хоть и с целым рядом оговорок) можно назвать *прообразами антологий*, поскольку авторы отчасти превращались в составителей, пытаясь балансировать между желанием указать на те или иные тексты как значимые и навязать читателю свое представление об их значимости. *Античные тексты, включенные в современные антологии о педагогическом прошлом, представляют собой маленькие антологии внутри большой антологии*, что несколько напоминает принцип собирания матрешки, где не всегда одна способна органично «встраиваться» в другую. Антологические способы передачи последующим поколениям фрагментов канонических текстов (которыми для Платона были «Илиада» и «Одиссея» Гомера, а для Цицерона – тексты самого Платона и т.д.) возникали как ответ на существовавшую античную традицию письменной или устной передачи памяти о прошлом как в поэзии, так и в прозе.

Письменная и устная память о прошлом: история и педагогика воска, голубей и пчел. Особенности античной памяти о прошлом во многом обусловлены тем, что она опиралась на устную традицию и со временем превратилась в «ни на что не похожую форму историописания»¹¹. Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Полибий и многие другие античные авторы много сделали для того, чтобы утвердить право на историю как рассказ об услышанном, увиденном, пережитом и имеющем огромную воспитательную силу. История вне жанра исторической хроники, т.е. явленная во множестве других жанров античной литературы, также была призвана воспитывать соотечественников и потомков. Изучение античных способов текстового представления памяти о прошлом для нас, современных, осложнены по целому ряду параметров. Одним из них является сложность отграничения устной (основанной на памяти) и письменной культуры (основанной на письменности), поскольку античные и отчасти средневековые авторы существовали и творили в культуре, которую нельзя назвать полностью устной¹². Даже в современной культуре постоянно присутствуют отголоски этого сложного многовекового отграничения: когда мы используем фразу «он говорил» для обозначения «он написал».

¹⁰ Lloyd 1995. P. 142.

¹¹ Суриков 2011. С. 13.

¹² Carruthers 2008. P. 18.

Античные подходы к памяти проливают свет на то, как образовательная практика была связана с другими практиками, которые в совокупности составляли «ментальный горизонт общества»¹³. Большой оригинал Платон не мог не иметь своего мнения относительно устного обучения и обучения по книгам. Ему было важно ответить на один из ключевых для Сократа вопрос: как знание о прошлом соотносится с познанием в настоящем, когда речь идет о педагогической деятельности? В диалоге «Парменид» Платон рассказывает о том, как молодой Сократ пришел послушать как Зенон читает свои сочинения в присутствии Парменида. Обсуждение, которое последовало за чтением, инициирует Сократ, попросив Зенона еще раз прочитать фрагмент текста (Plat.Parm. 127c-d). Показательно, что Сократ просит Зенона не дать ему текст, а именно еще раз процитировать самого себя. Зенон сначала радуется вниманию к нему и говорит, что Сократу удалось постичь смысл его текста. Но после реплики Сократа сразу же меняет позицию на противоположную, говоря, что именно смысла Сократ и не понял. Зенон говорит Сократу, что тот отлично выискивает содержащееся «в сказанном», но при этом от него «ускользает» само сочинение, т.е. текст, где это сказано (Plat.Parm. 128c). Утверждение Зенона кажется парадоксальным: содержание написанного текста (или его фрагмента) должно быть идентично содержанию прочитанного текста (или его фрагмента). В беседе Сократа и Зенона, по сути, поднимается вопрос о точности цитирования со стороны того, кто сопрягает устное слово с письменным.

В диалоге Платона «Федр» Сократ просит Федра пересказать сочинение Лисия. Федр отвечает, что желал бы обладать умением достойно «припоминать» больше, чем богатством (Plat. Phaedr.228a). Сократ пристыдил Федра за ложную скромность, а затем коротко описал практику запоминания, которую обычно использует Лисий, когда хочет, чтобы его сочинения передавались от слушателя к слушателю по памяти (Plat. Phaedr.228b). Федр парирует тем, что выучить дословно не смог, поэтому он может рассказать Сократу лишь так, «как умеет». Сократ сначала соглашается, а потом уличает Федра в обмане: в полах его одежды скрыт тот самый свиток с сочинением Лисия, а поэтому лучше «не упражняться» в пересказе, а просто совместно прочесть его. Разумеется, речь идет о чтении вслух с последующим обсуждением.

Далее Сократ напоминает Федру миф о египетском боге Тевте, который предложил царю Тамусу передать египтянам целый ряд искусств, среди которых была и письменность. Тевт так определил ее значение: «Эта наука, царь, сделает египтян более мудрыми и памятьливыми, так как найдено средство для памяти и мудрости» (Plat. Phaedr.274e). Царь иначе оценил этот дар бога, сказав, что письмен-

¹³ Confino 2010. P.81.

ность не улучшит, а ухудшит память: люди станут забывчивыми, поскольку начнут доверять написанному, а не самим себе. Следовательно, письменность – это средство не для памяти, а для припоминания. Письменность, как считал Тамус, способна разрушить образование. Обучение сведется к погоне за мнимой мудростью, ученики будут хотеть все знать понаслышке, не тратя много усилий на устное обсуждение. Этот фрагмент диалога демонстрирует критическое отношение к учебникам, которые представляют собой внешнюю письменную память, угнетающую аналогичную внутреннюю. Нигде в диалоге не говорится о том, что текст/сочинение является источником памяти; скорее, сама память в некотором роде является текстом/сочинением, которое написал тот, кто хотел запомнить что-то важное.

В диалоге «Теэтет» платоновский Эвклид говорит, что не знает разговор наизусть, но тщательно записал все по памяти, убрав лишние подробности: «Весь разговор я записал не так, будто Сократ пересказывает мне его, а так, как если бы он сам разговаривал с тем, кто был при этой беседе» (Plat. Theaet. 143c). Далее в разговоре Сократа с Теэтетом встает вопрос о том, что такое память, и собеседники очень обстоятельно его разбирают (Plat. Theaet. 163e-168). Платон от лица Сократа делает следующий вывод: память об испытанных ощущениях не тождественна им самим, равно как и запись услышанного по памяти не тождественна сказанному. Это обусловлено тем, что в наших душах есть подобие маленьких или больших восковых дощечек разного качества. Память позволяет нам сделать оттиск на дощечке: «И то, что застывает в этом воске, мы помним и знаем, пока сохраняется изображение этого, когда же оно стирается или нет уже места для новых отпечатков, тогда мы забываем и больше уже не знаем» (Plat. Theaet. 191e). После метафоры воска у Платона появляется метафора голубятни. Иметь память – это значит почти то же самое, что содержать голубей: человек властен лишь поймать какую-то птицу, подержать и отпустить (Plat. Theaet. 197d). Голубей можно при желании докупить, но они могут и улететь – самовольно и навсегда покинув голубятню-память. Под птицами платоновский Сократ подразумевает знание. Передающий знание – это учитель, принимающий – ученик, а хранитель приобретенного знания в голубятне – знаток. Разница между «учиться» и «знать» так же велика, как между приобретением и хранением знания в памяти. Голуби, как и восковые таблички, снова указывают на память как особым образом упорядоченное пространство.

Аристотель разделяет это представление о памяти, когда в «Топике» говорит о памяти как хранилище доказательного знания (Aristot. Top. II.6). В «О памяти и припоминании» определяет память о прошлом как «приобретенное свойство» фиксировать некогда узнанное, увиденное, услышанное (Aristot. Mem. 449b). Аристотель задается во-

просом о том, насколько сказанное по памяти может быть уподоблено отпечатку или рисунку внутри нас. На первый взгляд, Платон и Аристотель в большей степени связывают память с внутренним образным, нежели текстовым рядом, хотя и не отрицают способность памяти создавать множество разных по своей природе копий. Однако они, по сути, предлагают рассматривать запоминание как практику, близкую к практикам чтения: именно зрение, а не слух является для них ключевым. Неслучайно для Платона мудрец – это открытый к обучению человек с хорошей памятью, который способен составлять внутри себя что-то наподобие каталога из восковых отпечатков (Plat. Theaet. 194d). Удобно расставленные и рассортированные отпечатки позволяют мудрецу познавать мир, не заблуждаясь. Метафора памяти как восковой таблички, согласно Платону, восходит к Гомеру. Именно восковая табличка была известной грекам поверхностью для письма, которая как минимум с VIII в. до н.э. использовалась для записи счетов, написания писем, проработки школьных упражнений и т.д. Корневая основа, которую Платон использует для обозначения печати на воске, связана со значениями именно для письменных систем: «...заимствуя некоторые термины у когнитивных психологов, “представление” в памяти носит “словесный”, а не “наглядный” характер»¹⁴.

Ксенофонт Афинский настойчиво обращается к метафоре пчелы; у него она связана с памятью опосредованно. Сделав Сократа главным героем «Домостроя», он через него пытается пояснить особенности ведения домашнего хозяйства, которое похоже на улей, где жена – царица пчел. Эта метафора не лишена политико-педагогических аллюзий, поскольку пчелы обязаны подчиняться всезнающей царице и охранять ее. Эту мысль Ксенофонт развивает в «Киропедии» и «Греческой истории», где пчела символизирует политического лидера. Частная жизнь у него не противопоставлена политической, а личные заботы общественным. Боги даровали мужчине и женщине в равной мере память и заботливость, чего нельзя сказать о простом гражданине, который сильно проигрывает правителю. И снова в этом особую роль играет образование, которое для женщины начинается с материнского обучения и продолжается благодаря мужу-наставнику, а для правителя представляет собой постоянное обучение и воспитание себя и других. В этом суть «социально-образовательной теории»¹⁵ Ксенофонта, которая опирается на особое понимание памяти. Истории царских родов и крупных домохозяйств могут быть настолько древними, насколько простирается наша память. В некотором смысле историческая память похожа на соты, созданные множеством пчел-правителей и пчел-граждан.

¹⁴ Carruthers 2008. P. 25.

¹⁵ Lu 2011. P. 149.

Метафоры воска, пчелы и птицы (которая не всегда определена именно как голубь) активно восприняли более поздние авторы. В «Об ораторе» Цицерон обозначает Симонида Кеосского основоположником науки о памяти, а саму память обозначает как требующий развития природный дар. Острая память, по Цицерону, это возможность удерживать «порядок слов и мыслей», а этот порядок возникает, если «мы будем пользоваться местами, как воском, а изображениями, как надписями» (Cic. De orat. II.86). В ряде сочинений Цицерон пишет о работе, которую следует осуществить, чтобы память стала для человека внутренним хранилищем сочинений и могла быть соотнесена с реально существующими написанными сочинениями. Цицерон подчеркивает, что вынужденные путешествия по стране часто лишают его необходимых для работы книг, а значит приходится восстанавливать все по памяти. Помимо определения памяти через метафору внутренней библиотеки (каталога восковых табличек, на который намекал Платон), Цицерон постоянно стремится соотнести индивидуальную память с исторической: «В самом деле, что такое жизнь человека, если память о древних событиях не связывает ее с жизнью наших предков?» (Cic. Or. 34.120).

Ораторская речь политика является первой попыткой зафиксировать в памяти потомков значимые для современников события. В «Об ораторе» Цицерон упрекает греков в том, что они оставили потомкам «только лишённые всяких украшений памятки о датах, людях, местах и событиях» (Cic. De orat. II.12.53). Истории давно пора было придать «более возвышенный тон» и писать «художественную историю», а не «простой рассказ о событиях» (Cic. De orat. II.12.54). Цицерон как будто забывает слова Гесиода из «Теогонии», где он с иронией пишет о страсти соотечественников к писанию истории: «Много умеем мы лжи рассказать за чистейшую правду./ Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем» (Hes. Theog. 27-28). Гесиод пишет о том, что история – или правдива, или ее не существует. Цицерон же изменяет акценты: история или художественна, или это не она. Во многих сочинениях Цицерона между героями происходит некий акт обмена памятью (наподобие того, что мы видим между Атикком и Цицероном в «О законах»), в ходе которого снова и снова утверждается канон исторической памяти.

Особым признаком ума Квинтилиан считал память – способность «скоро понимать и не забывать, что поняли»¹⁶. Память обучающегося ребенка и практикующего оратора существенно отличаются. Квинтилиан сравнивает оратора с пчелой, которая собирает знание-нектар со многих наук и искусств как с цветков, бережно сохраняя его. У Квинтилиана метафора пчелы полностью лишена политических аллюзий, которые так старательно обозначал Ксенофонт. Полтин, задаваясь во-

¹⁶ Квинтилиан. О воспитании оратора.

просами, как и что именно сохраняют наши души в памяти, обращается к метафорам воска и птицы, которая не называется голубем, но являет все необходимые памяти атрибуты: легкость, быстроту, полетность и т.д. Плотин рассуждает так: «Что ж, память имеет отношение к чему-то, что пришло в круг поздний извне, к чему-то, что были либо узнано, либо испытано, стало быть, Принцип Памяти не может принадлежать тем вещам, для которых не имеет значения, ни опыт, ни время» (Plot. Enn.IV.3.25). Плотин определяет память «привилегией души», которая открывает путь к знанию и мудрости. Все люди имеют души, оснащенные от природы крыльями. Но одни не в состоянии оторваться от земли и полететь, а другие – взлетают благодаря добродетельному поведению (Plot. Enn. V.9.1). Память связывает душу с телом, поскольку актуализирует восприятие впечатлений – процесс, похожий на создание отпечатков пальцев на воске. Плотин так его характеризует: «Если же отпечатки остаются, то либо нельзя запечатлеваться другим, поскольку держатся эти, так что не будет новых впечатлений; либо с появлением других будут пропадать прежние, так что нельзя будет вспоминать» (Plot. Enn. II.4.7). Если Платон считает, что стремление человека к знанию улучшает качество души как восковой дощечки, то Плотин мыслит об улучшении качества написания на воске.

Таким образом, для античных авторов память позволяет сконструировать, а не воспроизвести прошлое в настоящем. Работа по припоминанию чего-либо сходна с воспроизведением сочинения по памяти. Хорошая память означала умение оперировать прошлым как большим текстом, который некогда стал частью тебя самого. Неслучайно в античной интеллектуальной традиции уважения заслуживал не столько способный воспроизвести текст по памяти, но и свободно двигаться по нему как в прямом, так и в обратном направлении. Тягостное заучивание или простое повторение не рассматривались как способы «обучения памяти». Прошлое должно быть вспомнено, а не точь-в-точь воспроизведено. Это определение во многом расходится с современными определениями памяти, но близко к ним в главном: память дает возможность внутреннего прочтения. Неслучайно, «у древних греков не было глагола, означающего “читать” как такового: глагол, который они использовали, *anagignōskō*, означает “снова знать”, “вспомнить” <...> Точно так же латинский глагол, используемый для “чтения”, – это “*lego*”, что означает буквально “собирать” или “отбирать, выщипывать”, ссылаясь также на процедуру памяти (повторная сборка или сбор материал)»¹⁷.

Античные авторы метафорично описывают память, указывая на то, что в ней существуют локусы, указывающие на уровень образования человека. Каждый фрагмент знания занимает в памяти определенное

¹⁷ Carruthers 2008. P. 34.

пространство, как буква занимает свое место в предложении, а цитата – в тексте. Пространственный характер организации памяти делал ее для древнего грека, а затем римлянина более материальной и связанной с практиками написания и чтения. Метафора восковой таблички утратила актуальность для средневековых авторов, работающих со свитками, метафора голубя приобрела теологический оттенок, а метафора пчелы продолжила свое существование. Идея о памяти как внутреннемместилище текстов и образов реализовалась в стратегии книгопечатания, где картинки были органично интегрированы в текст и требовали от читателя осуществить акт, аналогичный чтению. Поиск ответов на множество вопросов о сложностях и возможностях устного или письменного сохранения и передачи памяти, поставленных античными авторами, во многом определил антологический принцип передачи последующим поколениям знания о прошлом. Если признать, что написанные или прочитанные вслух тексты являются источником памяти, а сама память – это в некотором роде тоже написанные или воспроизведенные вслух тексты, то определяющей становится роль того, кто не просто хочет запомнить что-то важное, а передать это важное для запоминания другим.

Поэтическая и прозаическая память о прошлом: история и педагогика в мифах. Античная эпоха была богата на тексты, которые стали неизгладимо яркими интеллектуально-культурными прецедентами. Написанные как в поэзии, так и в прозе, они оказали существенное влияние на последующую традицию памяти о педагогическом прошлом. В разные периоды античной истории противостояния поэтов и прозаиков, притязающих на «творение истории» то обострялось, то ослаблялось. Уже упомянутое нами использование фразы «он говорил» для обозначения «он написал» возникает у «отца истории» Геродота. В четвертой книге своего знаменитого сочинения он пишет: «Я не знаю, правда ли это, но записываю только то, что рассказывают» (Hdt. IV.195). Для Геродота «записываю» означает «придаю высказанному дополнительные полномочия», т.е. считаю текст авторитетным эквивалентом речи, особенно когда дело касается конструирования памяти о прошлом. Очевидно, что речь идет не о поэтическом тексте.

В начале «Истории» Геродот прямо заявил о том, что его целевые установки близки к установкам поэтов, желающих увековечить славу героев. В этом утверждении содержится скрытая ирония, поскольку настоящая цель Геродота затмить фундаментальностью фрагментарные поэтические рассказы о военных событиях того времени. Поэты и драматурги (Симонид, Пиндар, Фриних, Эсхил, Еврипид и др.) создавали тексты, не уступающие в силе и яркости текстам Геродота, утверждая, тем самым, право на написание истории в стихах. Разница в оценках происходящего была настолько ощутимой, что одни и те же события часто были трудно узнаваемы в официальной поэзии, притязающей на

статус исторического документа, в поэзии театральной и в сочинениях античных прозаиков. В частности, «афинская история показывает, что “поэтическая война” продолжалась после Пелопонесской войны, по крайней мере, до конца пятого века»¹⁸ и одним из наиболее ярких ее участников был древнегреческий драматург Еврипид.

Основополагающие античные тексты (как в поэзии, так и в прозе) существовали как некие исходные тексты, предлагающие множество возможных практик транслирования мифа как повествования, приведенного по памяти. Утверждение Г. Нады о Гомере справедливо для других античных поэтов, тексты которых дают возможность предположить, что миф для них также не был «вопросом личного изобретения»¹⁹. Творческое начало, действительно, могло проявляться в новых версиях известных мифов, что являлось осознанным отказом от существующей литературной традиции, а не попыткой расшатать традицию построения истории. «Илиада» и «Одиссея» Гомера, «Медея» и «Финикиянки» Еврипида, «Троянки» и «Октавия» Сенеки и многие другие тексты никогда не притязали на статус справочника по мифологии или учебника по истории. Э. Лич утверждает, что миф есть некая хартия, т.е. текст публично-правового характера, который регламентирует социальное поведение так, «как будто миф относится к существующему в настоящее время реальному миру, в котором люди пытаются участвовать»²⁰. Т.е. это особая «живая история», подтверждающая свою реальность в глазах других; история, которая в некотором смысле свободна от рассуждений в стиле «поэзия vs проза».

Затрагивая вопрос транслирования мифа, Платон говорит, что он и его современники располагают знанием, полученным из «недосказанного мифа» (Plat. Phileb.14a; букв. «прерванного», «исчезнувшего», «погибшего») и из «спасенного мифа» (Plat. Resp.621b; подразумевается «переданного» и, тем самым, «сохраненного»). Согласно Платону, первый миф дает нам ложную возможность спастись от незнания с помощью бессмыслицы, а второй по-настоящему спасает нас, если мы ему верим. Строя эти рассуждения, Платон противопоставляет поэзию и прозу с точки зрения их способности фиксировать прошлое, заявляя, что «поэт – если только он хочет быть настоящим поэтом – должен творить мифы, а не рассуждения» (Plat. Phaed.61b)²¹.

Оспаривая способность поэтов (в лице Гомера) выступать наставниками для народа, Платон забывает (скорее всего, намеренно), что разделение правдоподобной речи «из жизни» и неправдоподобной

¹⁸ Mac Farlane 2002. P. 4.

¹⁹ Nagy 1996. P. 114.

²⁰ Leach 1982. P. 5.

²¹ Федон 17.

речи «из мифа» началось только с Пиндара. Для Гомера же миф – это философско-риторическое воспоминание, которое никак не может быть названо педагогически опасным вымыслом. Неслучайно Феникс в «Илиаде» говорит: «Помню я дело одно... времен стародавних, не новых: как оно было, хочу я поведать меж вами, друзьями...» (Ном.П. IX.527-8). Для героев Гомера «расскажу всё» означает «расскажу всё как было». В постгомеровской традиции миф становится «сомнительной множественностью дискредитированных версий, на фоне которых контрастно выделяется единичная истина»²². Миф у Гомера – это сюжет, который создан из высказываний тех, кто в свое время получил на это полномочия. Именно этот тезис вслед за Платоном начинает опаривать Цицерон, еще сильнее заостряя вопрос о соотношении мифа и истории, но также не лишая этот вопрос педагогического контекста.

Поэзия Гомера уже во времена Платона воспринималась как некое ядро (центральный мифологический сюжет) и периферия из совокупности различных воспринимающих это ядро аудиторий – граждан, желающих приобщаться к текстам Гомера сначала благодаря деятельности гомеридов (рапсодов), а затем благодаря многочисленным цитатам из сочинений античных наставников. «Илиада» и «Одиссея», с одной стороны, оказываются вписанными во множество контекстов, а с другой – «практически не дают нам никакой информации о контексте их исполнения»²³. Следуя логике Р. Мартина, мы располагаем особым типом текста – совокупностью «речевых актов»²⁴ от авторитетных героев (молитв, угроз, проклятий, плача, пророчеств и т.д.), т.е. не словами, а жизнеописаниями, которые в совокупности создавали историю. Платон и Цицерон, выборочно помещающие фрагменты текстов Гомера в нужные им контексты, действовали почти так же, как рапсоды, «поющие» для своей аудитории. Они задавались вопросами о педагогической целесообразности использования текстов Гомера в эпоху, когда поэзия была «формой отражения значительных событий, которая позволяла передавать историю на протяжении веков»²⁵.

Направление рефлексии относительно поэтического текста обозначил Гесиод в «Теогонии»: «Много умеем мы лжи рассказать за чистойшую правду. / Если, однако, хотим, то и правду рассказывать можем» (Hes. Theog.27-28). Поправка на «если захотим» у Гесиода была связана с четким разделением между «правдивым дидактическим» и «лживым героическим» эпосом²⁶. У Платона поправка по Гесиоду была пере-

²² Nagy 2003. P. 123.

²³ Ibid. P. 119.

²⁴ Martin 1989. P. 12-42.

²⁵ Mac Farlane 2002. P. 1.

²⁶ Аверинцев 1994. С. 118.

осмыслена в педагогическом контексте: претендующие на освящение прошлого во имя будущего не могли себе позволить так легко «хотеть» или «не хотеть» говорить правду подрастающему поколению. Платон, говоря о Гомере, озвучивает перманентное для античной педагогической культуры обвинение в развращении молодежи. Опасность «сладкого слова Гомера» подмечает и Пиндар: «Вымыслы его и крылатое искусство / Некое несут величие; / Умение его обольщает вас, / Сказками сбивая с пути; / А сердце у толпы – Слепо...» (Pind. Nem.VII.21-24). Толпа, как считает Пиндар, не в состоянии увидеть истину, а Гомер своими творениями не хочет это исправить. Однако, если Пиндар несколько смягчает обвинение в нежелании наставить своих читателей, то Платон, напротив, ожесточает и переформулирует его. Согласно Платону, Гомер опасен тем, что ему удалось создать тексты, которые оказались востребованными в деле современного Платону воспитания и, вероятно, будут востребованы последующими поколениями.

Если Платон хочет внести поправки к Гесиоду, то Цицерон в своих сочинениях излагал поправки к Горацию, который в «Науке поэтике» утверждает, что всеобщее одобрение будет принадлежать тому поэту, который сможет одновременно восхитить и наставить читателя (Horat. Ars.343-344). «Горацианская формула, связанная с риторическим требованием наставлять» слушателя²⁷, находит отражение во многих сочинениях Цицерона. В «Об ораторе» он задается вопросом, «из каких источников должна направляться наша речь, чтобы... расположить к себе, и наставить, и взволновать людей» (Cic. De orat. II.121). Цицерон не считает поэзию таковым источником, в чем близок к Филодему и Страбону, определившим ее источником наслаждения, а не наставления. Гораций считает, что только избранные поэты в состоянии осмысленно смешать «полезное с приятным» и выступить в роли наставников; Цицерон же хочет заменить в этой формуле слово «поэт» на слово «оратор» (как Платон хотел заменить на слово «философ») и несколько расширить круг избранных. Если максимально упростить, то Платон и Цицерон хотели понять, насколько опасна разница между гомеровской картиной мира и картиной мира современного для них человека. Иными словами, *насколько Гомер и вообще поэты в состоянии передавать знание о прошлом и вмешиваться в «творение» истории?*

Разделение по принципу мифология – к поэзии, история – к прозе (и в т.ч. к прозаической речи оратора!) в разные периоды античной истории срабатывало очень по-разному. В частности, в сочинении современника Цицерона Диодора Сицилийского «Историческая библиотека» мифологические сюжеты изложены в прозе и настолько находятся в противоречии с реальными событиями, что все это нельзя назвать ина-

²⁷ Гринцер 1994. С. 160.

че, чем «систематизированная и легкая пространность и странность»²⁸. Вымысел присутствовал как в поэзии, так и в прозе, с тем лишь отличием, что поэзия могла позволить себе построение сюжета целиком на основе вымысла. Это было позволительно не только во времена Аристофана, но и во времена Менандра (почти полностью построенную на вымысле компиляцию Диодора оставим в стороне). В сложное отношение между мифологической реальностью и реальной реальностью со временем вмешалась не терпящая вымысла история, и не последнюю роль в осмыслении этого вмешательства сыграл Цицерон. В «О нахождении» он пишет: «Миф – это событие, в котором нет ни правды, ни правдоподобия, например: “Крылатые драконы были в упряжи...” История – это действительные события, отдаленные от нашего времени, например: “Аппий объявил карфагенянам войну”. Вымысел – это события придуманные, но такие, которые могли бы и случиться, как у Теренция: “Когда достиг он совершеннолетия...”» (Cic. Inv. I.27). В трактате Марциана Капеллы даны близкие к этим определения, но существенным замечанием: «История – это как у Тита Ливия. Миф – без всякой правды и правдоподобия, например, “Дафна превратилась в дерево”» (Marc.Cap.V.550). Сам же Тит Ливий, излагая историю Рима, постоянно обращается к распространенной у римских авторов мысли, наиболее ярко сформулированной у Полибия: «От истории требуется дать людям... непреходящие уроки и наставления правдивой записью деяний и речей» (Polyb. II.56.11-12). С легкой руки Цицерона в римскую традицию переходит ключевой для Платона тезис: если поэты не будут наставлять нас мифологическими стихами, то это сделают те, кто пишет о прошлом прозой.

Споры о том могут ли поэтические тексты выступать в качестве надежного источника о прошлом или это прерогатива только прозаических, являлись для античной эпохи перманентными. Платон в одних сочинениях пишет, что, если о чем-то «не упоминает ни один рассказчик и ни один поэт» (Plat. Symp.178b), то этого, скорее всего, и не было, а в других, напротив, оспаривает это. При этом Платон, кажется, допускает, что поэтический текст может быть более вольно передан тем, кто хочет его обсудить, нежели текст в прозе. Цицерон в целом следует тому же правилу, хоть иногда и уточняет у друга Аттика верность приведенной им цитаты из того или иного греческого автора. Но есть существенная разница: если Платон не стремится быть исторически точным и обращается к событиям прошлого лишь как к отправной точке своих рассуждений, то Цицерон активно борется за то, чтобы переубедить сограждан в оценках событий прошлого и, тем самым, определить историческую память римлян.

²⁸ Цыбенко 2000. С. 5.

Определяя особенности поэтического или прозаического сохранения и передачи памяти, античные авторы спорили о том, каким образом чередование описаний или жизнеописаний в мифологической канве или без нее создают историю. Античная эпоха стремилась возводить в педагогический ранг поэтические или прозаические тексты с последующим их обсуждением. Антологический принцип передачи последующим поколениям знания о прошлом с педагогическим умыслом закрепился в целом ряде текстов, авторы которых утверждали, что роль передающего что-то важное для запоминания другим – это роль наставника-творца истории, за которую стоило побороться.

Антологии о педагогическом прошлом: память и проект свой и нашей эпохи. Память и процессы запоминания были и остаются важной темой как для античных, так и для современных авторов. Исходный посыл Аристотеля о том, что память – это «объединенное состояние осознания *собственного образа и* просмотра его как *чего-то, что имело место в прошлом*» (курсив мой. – В.П.)²⁹, стал основой для сопряжения индивидуальной и исторической памяти в плоскости текстов. Любой текст – это не только (и не столько!) память и проект прошедших эпох, но и современная память и проект, т.е. то самое аристотелевское сочетание «собственного образа» и «чего-то еще».

Рассмотренные выше тексты проливают свет на то, как люди помнят о прошлом, почему ценят воспоминания и зачем постоянно хотят обучать свою память. Эти тексты входят в группу источников о педагогическом прошлом, поскольку их авторы интересуются не только «мнемоническим присутствием прошлого в настоящем»³⁰, но и педагогическим измерением этого присутствия. Будучи включенными в антологию по истории педагогики, они не только отразят особенности конфигурации памяти в рамках конкретной педагогической культуры, но и продемонстрируют сложность педагогического присвоения памяти. Эта сложность как минимум имеет три аспекта: тексты Платона, Ксенофонта, Аристотеля, Цицерона и других античных авторов для нас являются *литературными памятниками*, а в свое время были *учебными текстами* (хоть и в разной мере), которые мы снова хотим использовать как *учебные тексты*, но с совершенно другими целями.

Жанр антологии предполагает, что читателю будет явлена совокупность текстов разного объема, которые, с одной стороны, снабжены современными комментариями и представлены как открытые для включения во множество контекстов, а с другой – продолжают сохранять связи со своими собственными, первоначальными контекстами и комментаторами. В ряде современных антологий античное прошлое

²⁹ Bloch 2014. P. 71.

³⁰ Neumann 2010. P. 333.

аккуратно интегрировано в разные педагогические контексты: антология о римском домохозяйстве проливает свет на особенности семейной педагогической власти³¹; антологии о половых отношениях в античном мире – на взаимосвязь педерастии и наставничества³²; антологии по спорту и военному делу³³ – на воспитание отношения к соревновательности, в т.ч. в ее крайних проявлениях и т.д. Оценка того, насколько выбранное составителями из всего многообразия античных источников о педагогическом прошлом «работает» в современных антологиях не столько как проект прошедшей эпохи, сколько как осовремененный проект исторической памяти, является почти непосильной задачей. Каждая антология представляет собой уникальную форму исторической памяти, сформированную на основе соотнесения текстов, контекстов и комментариев, сочетание которых «превращает» учебные тексты прошлого в учебные тексты для настоящего и будущего.

Как правило, современные антологии о педагогическом прошлом являются плодами усилий авторского коллектива по консолидации источников и оригинальных современных исследований, задающих общую канву подачи материала. Каждая новая антология оказывается вписанной или не вписывающейся в существующие в данной культуре каноны. При этом не следует забывать об очень важной поправке на то, что литературные каноны, которым подчиняются источники, всегда намного шире учебных канонов, которым подчиняются антологии, включающие эти источники. Дебаты относительно валидности канонов (как литературных, так и учебных) не всегда имеют итогом радикальные канонические сдвиги: история формирования канонов показывает, что они «обладают необычайной степенью долговечности» и переосмысливаются, чтобы продолжить свое существование. Именно в этой неустойчивой устойчивости и заключается значение, которое канон имеет для сохранения памяти в рамках конкретной культуры. В частности, в американской университетской среде настойчивые призывы о необходимости выйти за пределы канона являются не более чем дискуссиями о том, в какой степени преподавание студентам тех или иных курсов определяется использованием одной из ведущих антологий³⁴. Это демонстрирует не только высокую степень зависимости оценки канона от личного опыта и особенностей профессиональной среды, но и большое внимание к антологии как жанру. Почти античный накал страстей вокруг вопросов текстовой передачи памяти о педагогическом прошлом и роли передающего в этом процессе продолжают сохраняться и по сей день.

³¹ Gardner 1991.

³² Hubbard 2003.

³³ Waldo, Segal 1987; Paul, Kyle 2013; Sage 1996.

³⁴ Ibid. P. 315.

Источники

- Аристотель. О памяти и припоминании / пер. С. Месяц // URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/Aristotle-de%20memoria.pdf>
- Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Гесиод. Полное собрание текстов / вст. ст. В.Н. Ярхо, комм. О.П. Цыбенко и В.Н. Ярхо. М., 2001.
- Гомер. Илиада / пер. Н.И. Гнедича. СПб., 2008.
- Квинтилиан. О воспитании оратора // Официальный сайт электронной библиотеки «Гумер». URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Pedagog/galag/06.php
- Пиндар. Немейские оды // Пиндар. Вакхилид. Оды. Фрагменты. М., 1980 // Официальный сайт по истории Древнего Рима URL: <http://ancientrome.ru/antlit/pindar/pindar02.htm#v71> оч. в 4-х т. / под общ. ред. А.Лосева и В.Асмуса. ,
- Плотин. Космогония. М., 1995.
- Плотин. Трактаты 1-11. М., 1997.
- Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / пер. Ф. Мищенко. М., 1890. Т. 1.
- Цицерон. Об ораторе // Цицерон. Эстетика. Трактаты, речи, письма / сост., вст. статья Г.С. Кнабе. М., 1994.
- Цицерон. Оратор // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / пер. и комм. И.П. Стрельниковой. М.: Наука, 1972.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Аверинцев С.С. Авторство и авторитет // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 105-125. [Averincev S.S. Avtorstvo i avtoritet // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epochi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. S.105-125]
- Артемьева Т.В., Микешин М.И. Плоды «энциклопедического древа», или два великих проекта // Философский век. Альманах. Вып. 27. Энциклопедия как форма универсального знания: от эпохи Просвещения к эпохе Интернета. СПб., 2004. [Artem'eva T.V., Mikeshin M.I. Plody «enciklopedicheskogo dreva», ili dva velikih proekta // Filosofskij vek. Al'manah. Vyp. 27. Enciklopediya kak forma universal'nogo znaniya: ot epochi Prosveshcheniya k epohe Interneta. SPb., 2004]
- Безрогов В.Г. Институциональное и внеинституциональное в истории педагогики // Историко-педагогический ежегодник. 2009 год. М., 2009. С. 33-62. [Bezrogov V.G. Institutional'noe i vneinstitutional'noe v istorii pedagogiki // Istoriko-pedagogicheskij ezhegodnik. 2009 god. M., 2009. S. 33-62]
- Безрогов В.Г., Пичугина В.К. Античное педагогическое наследие в антологиях и хрестоматиях: на пути к цифровым источникам содержания образования: сб. науч. трудов междунаrod. научно-практ. конф. «Образовательное пространство в информационную эпоху» (ЕЕИА-2017). М., 2017. С. 219-224. [Bezrogov V.G., Pichugina V.K. Antichnoe pedagogicheskoe nasledie v antologiyah i hrestomatiyah: na puti k cifrovym istochnikam sodержaniya obrazovaniya: sb. nauch. trudov mezhdunarod. nauchno-prakt. konf. «Obrazovatel'noe prostranstvo v informacionnuyu epochu» (EEIA-2017). M., 2017. S. 219-224]
- Гаспаров М.Л. Поэзия и проза // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 126-159. [Gasparov M.L. Poeziya i proza // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epochi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. S. 126-159]
- Гринцер П.А. Стиль как критерий ценности // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания. М., 1994. С. 160-221. [Grincer P.A. Stil' kak kriterij cennosti // Istoricheskaya poetika. Literaturnye epochi i tipy hudozhestvennogo soznaniya. M., 1994. S. 160-221]
- Репина Л.П. Память о прошлом и история // Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Крузь, 2008. [Repina L.P. Pamyat' o proshlom i istoriya // Dialogi so vremenem: pamyat' o proshlom v kontekste istorii / Pod red. L.P. Repinoj. M.: Krug', 2008]
- Суриков И.Е. Очерки об историческом искусстве в классической Греции. М., 2011. [Surikov I.E. Ocherki ob istoriopisanii v klassicheskoy Grecii. M., 2011]

- Цыбенко О. Историзированная мифология в Исторической библиотеке // Диодор Сицилийский. Греческая мифология. М.: Лабиринт, 2000. [Cybenko O. Istorizirovannaya mifologiya v Istoricheskoj biblioteke // Diodor Sicilijskij. Grecheskaya mifologiya. M.: Labirint, 2000]
- Banta M. Why Use Anthologies? or One Small Candle Alight in a Naughty World // American Literature, 1993. Vol. 65(2). P. 330-334.
- Bloch D. Aristotle on Memory and Recollection: Text, Translation, Interpretation, and Reception in Western Scholasticism, BRILL, 2014.
- Carruthers M. The Book of Memory: A Study of Memory in Medieval Culture. Cambridge University Press, 2008.
- Confino A. Memory and the History of Mentalities // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / ed. by Astrid Erll, and Ansgar Nünning, De Gruyter, 2010.
- Dacier A. From the Introduction to her translation of the *Iliad* // Translation Studies: a Sourcebook / trans. and ed. by A. Lefevere, London and New York: Routledge, 2003.
- Erll A. Cultural Memory Studies: An Introduction // Cultural Memory Studies... 2010.
- Gardner J.F., et al. The Roman Household: a Sourcebook, Taylor and Francis, 1991.
- Grabes H. Cultural Memory and the Literary Canon // Cultural Memory Studies... 2010.
- Hubbard T.K., et al. Homosexuality in Greece and Rome: a Sourcebook of Basic Documents, University of California Press, 2003.
- Lauter P. Taking Anthologies Seriously // MELUS, 2004. Vol.29(3/4). P.19-39.
- Leach E.R. Critical Introduction // Steblin-Kamenskij M.I. Myth, 1982.
- Lloyd G.E.R. Quotation in Greco-Roman contexts // Extrême-Orient, Extrême-Occident, 1995. Vol.17. Le travail de la citation en Chine et au Japon.
- Lu H. Queen Bee and Housewife: Extension of Social Moral Education into Private Sphere in Xenophon's *Oeconomicus* // Journal of Cambridge Studies. 2011. Vol. 6(4). P. 145-162.
- Mac Farlane K.A. "To Lay the Shining Foundation..." The Tradition of the Persian Wars in Classical Greek Poetry. Diss. Dep. of History and Classics, Edmonton, Alberta Fall, 2002.
- Martin R. P. The Language of Heroes: Speech and Performance in the *Iliad*. Ithaca, N.Y., 1989.
- Nagy G. Homeric Responses. Austin: University of Texas Press, 2003.
- Neumann B. The Literary Representation of Memory // Cultural Memory Studies... P. 333-351.
- Paul C., Kyle D.G. Companion to Sport and Spectacle in Greek and Roman Antiquity, Wiley, 2013.
- Sage M. Warfare in Ancient Greece: a Sourcebook, Taylor and Francis, 1996.
- Waldo S.E., Segal E. Sport and Recreation in Ancient Greece: a Sourcebook with Translations, Oxford University Press, 1987.

Пичугина Виктория Константиновна, доктор педагогических наук, доцент, профессор Российской академии образования, ведущий научный сотрудник, Институт стратегии развития образования РАО; Pichugina_V@mail.ru

Classical texts in statu quo: the origin of the genre of pedagogical anthology as a form of historical memory

The article considers the origins of anthological principle in the ancient notions of memory. Ancient authors often took on the role of compilers-commentators, maneuvering between the desire to make other people's texts accessible and the desire to manipulate them within a particular culture. If we define anthology as a form of historical memory, then we must admit that it arises in the space between reverence and unceremoniousness of the relation to texts. This space took shape in the ancient past and continues to exist in the modern present, where there are also sanctioned and unauthorized memories and memory models that are represented with pedagogical intent.

Keywords: anthology, ancient pedagogical culture, historical memory, memory of the pedagogical past

Victoria Pichugina, Doctor of Education, Assistant professor, Professor of the Russian Academy of Education, Leading Researcher, Institute for Strategy of Education Development of the RAE, Moscow; Pichugina_V@mail.ru

КОЛИИВЩИНА В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

В статье поднимаются вопросы исторической памяти и определяются места памяти еврейского, польского и украинского народов, связанные с событиями Колиивщины – гайдамацкого восстания на Правобережной Украине в 1768 г. Рассматривается, какое отражение получили эти события в произведениях литературы, молитвах, преданиях, исторических думах и песнях. Автор делает вывод о различиях между тремя народами не только в восприятии событий, но и в местах памяти, а также основных действующих лицах. Многие предания имеют историческую ценность, так как подтверждаются источниками.

Ключевые слова: историческая память, места памяти, Колиивщина, гайдамаки, предания, исторические думы

В 2018 г. исполнилось 250 лет со времени восстания гайдамаков на Правобережной Украине, вошедшего в историю как Колиивщина. Актуальность обращения к этому событию обусловлена не только юбилейной датой. Колиивщина сыграла ключевую роль в глобальных изменениях на геополитической карте Центрально-Восточной Европы. Разделы Речи Посполитой, ликвидация Запорожской Сечи и упразднение Украинского гетманства – только некоторые из них. События Колиивщины весьма актуальны и с точки зрения современной ситуации, в частности сложности религиозной жизни на Украине и проблем с ее государственным строительством.

Восстание гайдамаков, направленное против властей Речи Посполитой, отличалось необыкновенным ожесточением и проходило под лозунгами защиты православной веры и присоединения к Российской империи. В исторической памяти всех трех народов, вовлеченных в Колиивщину – украинского, польского и еврейского, события эти нашли яркое и совершенно противоположное отражение. И каждый из народов создал свои места памяти этого гайдамацкого восстания.

Учитывая то, что, несмотря на пророссийский характер восстания, Екатерина II помогла Речи Посполитой расправиться с гайдамаками, эта тема была «неудобной» для историографии Российской империи. Только в последней четверти XIX в. появился ряд работ, и был издан комплекс источников по Колиивщине. При этом одни авторы крайне негативно оценивали действия гайдамаков¹, другие наоборот – очень позитивно². В дореволюционной историографии так и не удалось использовать весь изданный комплекс документов и затронуть ряд важ-

¹ Мордовцев 1884; Скальковский 1885.

² Антонович 1876; Шульгин 1890.

нейших аспектов Колиивщины: геополитический и историю памяти. Советские историки тоже не жаловали гайдамаков из-за их ярко выраженной религиозной направленности, а свои исследования сводили к представлению Колиивщины как классового противостояния (в частности – старшины и рядового казачества)³. В польской советской историографии крупнейшую работу по Колиивщине написал В. Серчик, но и он был ограничен цензурными рамками⁴. В современной Украине тема гайдамаков также не нашла широкого отражения – из-за опасения затрагивать сложные вопросы еврейской резни и отношений с поляками. Примером здесь может служить недавняя «политкорректная» статья О.О. Ковалевской⁵. Современные западные историки специальных исследований по Колиивщине не делали, а лишь затрагивали ее в своих работах⁶. Таким образом, имеющаяся, хотя и достаточно обширная историография по Колиивщине носит очень отрывочный характер, а специальных работ по истории памяти до сих пор не было написано.

Мы постараемся реконструировать историческую память на материалах XVIII–XIX вв., дающих наиболее целостное и полное представление о данном предмете. Мы используем религиозные тексты; устные источники: предания, исторические песни; литературные произведения. Все они в разной степени отражают историческую память народа о прошедших событиях.

Еврейская традиция

В еврейской исторической памяти Колиивщина занимает особое место. Убийство гайдамаками евреев принято считать второй по масштабу после еврейских погромов эпохи Б. Хмельницкого.

Особый колорит исторической памяти евреев передает история с правнуком основателя хасидов (Израиля Баала Шем Това) рабби Цадиком Нахманом. Он верил, что по ряду причин много евреев, погибших в Умани в 1768 г., не смогли пойти на небо. Поэтому остаток жизни рабби провел в Умани, в доме, который выходил на еврейское кладбище. Впоследствии Нахман сам был там похоронен. Его могила стала местом паломничества хасидов⁷. В советское время паломничество было запрещено, но с 1989 г. оно возобновилось. Теперь празднование еврейского Нового года ежегодно становится большим испытанием для Умани, куда приезжают десятки тысяч хасидов. Умань является особым местом памяти для евреев в контексте Колиивщины и помимо истории с хасидами. Причем именно с «уманской резней» связа-

³ Голобуцкий 1961; Дядиченко 1954.

⁴ Serczyk 1968.

⁵ Ковалевська 2016.

⁶ Skinner 2009; Plokhy 2015.

⁷ Osherowitsch 1948. P. 172.

ны все сохранившиеся еврейские предания и молитвы о местах памяти, в то время как евреев (и поляков) убивали далеко не только в Умани, но и во многих других городах и селах Правобережной Украины.

В память о резне в Умани у иудеев была установлена особая молитва, которую читали ежегодно в уманских синагогах в пятый день месяца таммуз: в тот день гайдамаки напали на Умань (YIVO). В память тех страшных событий были составлены многие *киноты* – плачи, и в одном из них (на идиш), под названием «Плач на бедствия украинские», описывались несчастья того периода:

Отче небесный! Как мог Ты взирать,
Чтобы евреи украинские претерпели такие бедствия?..
Да предстанут пред Тобой злодеяния гайдамаков,
Владыка мира!
Помоги всем, кто за нас заступился, – аминь!⁸

При этом ряд еврейских молитв и коротких нарративов, как на иврите, так и на идише, отражающих историческую память о Колиивщине, появились через десятилетия после этих событий. Примечательно, что уже в еврейской литературе XVIII в. нашло отражение представление, что событие Колиивщины – всего лишь одна из серии чудовищных атак на евреев, происходивших на Украине. Еврейских литературных памятников именно о Колиивщине сохранилось немного. А те, которые имеются, часто носят а-исторический характер. То, что мы могли бы назвать «светской» историей, было ничтожно в масштабах еврейских ценностей, и память, как правило, была сконфигурирована с учетом более важных проблем, таких как покаяние и благочестие⁹.

Крупнейший специалист по истории памяти Й. Йерушалми отмечает, что все события массовых убийств евреев на Украине в период восстания Б. Хмельницкого и Колиивщины приравняются в еврейских источниках к аналогичным событиям предшествующих периодов. В частности, к погромам после первого крестового похода. Таким образом, опять происходит «преобладание литургического и ритуального элементов над историческим исследованием». Йерушалми констатирует, что *Слихоты* (тексты и молитвы, побуждающие к раскаянию), сочиненные в память о казацких погромах, не удержались в стандартных молитвенниках. Например, в память о 1648 г. читался только средневековый *слихот*. Таким образом, в еврейской памяти наблюдается тенденция подогнать недавнюю катастрофу под шаблон всех предшествующих трагедий. Как говорил рабби Хаим Геллер, автор знаменитой книги «Сефер Амицвот», основанной на одноименном кодексе Маймо-

⁸ Кандель 2014. С. 166.

⁹ Bernfeld 1926.

нида, «лишения пятисотлетней давности вполне достаточны также и для описания современных событий, ибо «все это одно и то же»¹⁰.

Несмотря на огромную роль Колиивщины в еврейской исторической памяти, специальных исследований этого вопроса практически не предпринималось. Только в начале XX в. Шимон Дубнов написал отдельную статью. Он назвал Умань «второй украинской катастрофой», используя термин *khurbn* (катастрофа), содержащий огромное теолого-историческое значение, потому что именно этим словом евреи характеризуют разрушение храма в Иерусалиме в 70 г. н.э. Причем под «первой катастрофой» Дубнов подразумевал восстание Б. Хмельницкого, в котором, по его мнению, погибла треть еврейского населения Украины. Третьей катастрофой историк считал события гражданской войны в России начала XX века¹¹. Мы опять-таки видим доминирование в еврейской исторической памяти апелляций к древнейшим событиям и параллелям с ними.

Те немногие предания, которые сохранились в еврейской исторической памяти о конкретных событиях Колиивщины, носят весьма неожиданный характер. Так, сохранилось предание о группе евреев, которая грабила местечки во времена Колиивщины, благочестиво исполняя все требования шабата и убивая помещиков в воскресенье. Хасидское предание тоже далеко от мученического характера большинства молитв и *слихот*. В нем рассказывается, как гайдамаки приехали в какое-то местечко, евреи которого молились в синагоге. Рабби Аарон Великий сел у входа в синагогу и спросил гайдамака: «Почему волнуются народы и племена замышляют тщетное?» (начала псалма). Гайдамак от этих слов обезумел, начал избивать своих, а остальные гайдамаки убежали¹².

Другое предание, сохранившееся в источнике за 1769 г., носит характер нравоучения. Там говорится о благочестивом ученом из Жаботина, который перед Колиивщиной напомнил, что после Хмельницкого все евреи Украины и Литвы дали клятву под страхом отлучения не селиться на Украине. По его мнению, все имущество евреев, нарушивших эту клятву, является «заклятым». Поэтому он сказал «если вы послушаетесь меня и, убегая, не возьмете с собой своих достатков, то спасетесь от угрожающего вам несчастья. А кто пожалеет свое имущество, тот погибнет». Так и случилось¹³. В этом предании можно увидеть попытку объяснить происшедшее и дать нравоучение на будущее.

¹⁰ Йерушалми 2004. С. 55-56.

¹¹ Dubnow 1929.

¹² Кандель 2014. С. 168.

¹³ Кандель 2002. С. 186.

Польская историческая память

Для польской традиции Умань тоже стала главным и практически единственным местом памяти, связанным с Колиивщиной. Точно так же, как в еврейской исторической памяти, гайдамацкое восстание для поляков – это прежде всего страшная трагедия, символ мученических страданий. Ни причины событий, ни обстоятельства, которые предшествовали восстанию (Барская конфедерация, с удивительной жестокостью расправлялась с украинским населением, не желавшим принять унию), ни сами эпизоды противостояния гайдамакам – не нашли отражения в польской исторической памяти. Только насилие, гибель и чудесные случаи спасения шляхты. Практически единственным местом памяти для поляков остается Умань.

Основу польской исторической памяти о Колиивщине заложили «воспоминания» участников событий, написанные много десятилетий спустя и носящие зачастую фантастический характер. Самые известные – воспоминания детей убитого губернатора Умани Младановича Вероники Кребс¹⁴ и Павла Младановича¹⁵, ставшего базилианским монахом. Но первая составляла записки через 59 (!) лет после событий, а второй в момент Колиивщины был семилетним ребенком. Столь же недостоверны и «воспоминания», а на самом деле, политический памфлет, написанный в 30-е годы XIX в. неизвестным автором (ошибочно вошедший в историю как воспоминания Липпомана¹⁶).

Именно эти три недостоверных, но популярных источника служили основой большинства польских литературных произведений XIX в. на тему Колиивщины. Традиция написания поэтических произведений на тему гайдамаков возникла у поляков еще в конце XVIII в. Тут можно вспомнить поэму, написанную в 1770-х гг. бывшим учеником уманской школы, отпущенным гайдамаками¹⁷. Польская романтическая литература, в отличие от украинской или русской, уделяла огромное внимание теме гайдамаков и служит для нас главным источником польской исторической памяти. Мы не ставим перед собой задачу рассмотреть все существующие польские произведения на тему Колиивщины, но стремимся выделить основные тенденции, обозначить главные места памяти и то, как историческая память об этом событии формировалась под влиянием реалий польской политической жизни.

Интересно, что несмотря на общую тенденцию изображать гайдамаков исключительно черными красками, историческая память поляков

¹⁴ Krebs 1840.

¹⁵ Mładanowicz 1905.

¹⁶ Bunt hajdamaków...1854. То, что Липпоман не был автором этого произведения доказал еще И. Франко. См.: Франко 1904. С. 28-29.

¹⁷ Франко 1904.

делает исключение для Ивана Гонты – главного действующего лица «уманской резни». Но так как Гонта был сотником надворной хоругви и в некотором смысле почти «свой» для польской шляхты, во многих польских произведениях он выступает скорее положительным героем или, по крайней мере, заслуживающим сочувствие.

Историческую память о Гонте можно проследить со времен записок Дукана Охоцкого, который передает оригинальное предание, относящееся к моменту казни гайдамака: «Пленника сторожил по ночам один из товарищей панцyrной хоругви. После прочтения приговора, накануне казни товарищ этот, подозревавший, что Гонта припрятал кое-что из добычи, обратился к нему с следующей речью: пан полковник! Завтра все земное будет кончено для вас; не найдете ли возможным оставить что-либо на память небогатому воину, который проводит с вами последние минуты? – Охотно, отвечал Гонта. Напомните мне завтра, я вам подарю пояс. Товарищ всю ночь мечтал о богатом поясе из златоглава и на другой день, лишь только Гонту вывели из темниц, обратился к нему: пан полковник! Позвольте вам напомнить обещанный пояс! – Я не забыл, ответил Гонта с презрительной улыбкой, – первая полоса кожи, которую снимут с меня, пусть служит вам поясом!»¹⁸

Характер фэнтези на тему Гонты носила пользовавшаяся популярностью пьеса Яна Каминского «Елена, или гайдамаки на Украине», которая имела успех в польском театре во Львове в 1819–1820 гг. На самом деле это был переработанный вариант Кернера «Ядвига». Любовная интрига, место действия которой из Италии было перенесено на Украину. Главным романтическим героем пьесы был Гонта.

В поэме Александра Кароля Грозы «Смечинский, повесть шляхетско-украинская» панского сына спасает жена Гонты. Гроза приводил в примечании факт, что его мать и дядя были спасены мельником¹⁹.

Но обычно в польской исторической памяти, в мемуарах и романтической литературе, все гайдамаки были исчадьем ада. Например, в поэме «Гайдамаки» С. Яшовского, написанной в 1825 г.²⁰, единственный хороший гайдамак оказывается польским шляхтичем, сыном убитого казаками мечника. Как метко отметил исследователь польской литературы В. Щурат, сюжет этой поэмы с таким же успехом «мог бы быть привязан и к истории американских индейцев»²¹.

Польская историческая память о Колиивщине формировалась на фоне возникшей в XIX в. моды на историческую литературу. Потеря государственности, подготовка, а затем провал Ноябрьского восстания

¹⁸ Pamiętniki 1857.

¹⁹ Groza 1860.

²⁰ Jaszowski 1826.

²¹ Щурат 1910. С. 91.

1830–1831 гг. приводят к переосмыслению исторического прошлого. У многих поляков появляется идея привлечь на свою сторону украинского крестьянства (вспомним знаменитый лозунг восстания «За нашу и вашу свободу!»). В этом смысле Колиивщина в исторической памяти превращается в символ «братского» конфликта, который необходимо преодолеть для благополучия обоих народов.

В атмосфере подготовки восстания 1830–1831 гг. появляется, по замечанию современников, «идеалистичный мираж Витвицкого» – «Слуга и пан»²², где тоже речь шла о чудесном спасении от гайдамаков. А. Мицкевич так высказался об этом произведении, что Витвицкий приказал уничтожить тираж, что, впрочем, удалось не вполне.

С целью несколько оправдать гайдамаков, формируется миф о «личной мести» как причине выступления отдельных «славных» гайдамаков. Именно идея личной мести проходит красной нитью в знаменитой эпической поэме Северина Гощинского «Каневский замок», опиравшейся на устные мемуарные рассказы про то, что автор назвал «уманской резней»²³. Вымышленный герой поэмы – некий казак Небаба присоединяется к отряду гайдамака Швачки (историческое лицо), который осаждал Канев. Месть Небабы обращена на коменданта замка, который обманом женился на его невесте²⁴. В пожаре, охватившем замок, героиня погибает, предварительно убив своего мужа. Подоспевшие польские войска берут Небабу в плен и сажают его на кол среди развалин замка. Автор придает ему черты байроновского героя – бунтовщика, совесть которого отягощена старыми злодеяниями. Главное – вывод Гощинского: хотя поляки и пострадали в Умани, этот опыт нужно использовать для примирения с украинцами и создания единой платформы для освобождения обоих народов от царского гнета.

Это послание стало идеологической основой «Уманской громады» (*Gromada Humań*) польской революционной группы, созданной в эмиграции после поражения восстания 1831 г. Члены группы рассматривали использование названия «Умань» как путь для примирения с народом Украины, народом греческой веры, чтобы «в страшных воспоминаниях мы могли вычеркнуть взаимные страдания, чтобы этим именем мы могли смыть взаимную ненависть и откинуть кровавые воспоминания... Но не будем обвинять людей. Они несчастные, они жертвы невежества, инструменты интриг; орудия собственной и чужой боли. Ибо не только тот, кто умирает, но и тот, кто убивает, достоин жалости. Умань служит уроком и для польского, и для украинского народов»²⁵.

²² Witwicki 1824.

²³ Goszczyński 1828.

²⁴ Проследживается прямая параллель с повестью Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» – Каневскому замку соответствует крепость Дубно, где находилась прекрасная полячка.

²⁵ Магочий 2012. С. 288.

Разумеется, попытка найти в истории общего врага (в данном случае – Екатерина) и мечта о союзе с украинским крестьянством оказали серьезное влияние на польскую историческую память о Колиивщине. Отсюда появление целого ряда польских произведений с попыткой «понять» если не оправдать гайдамаков.

В 1832 г. во Львове вышла поэма Михала Сухоровского «Ванда Потоцкая, или укрытие в лесах около Софиивки»²⁶. Сухоровский ссылался на живых свидетелей событий. На самом деле его произведение было отражением ложного предания о нападении гайдамаков на Львов. Если в предисловии автор давал традиционную для польской памяти резко отрицательную характеристику гайдамакам, как убийцам и разбойникам, то в самом тексте имелся совсем другой смысл. В сцене, когда к отряду восставших присоединяются «новички-гайдамаки», они рассказывают свои истории об обидах, нанесенных панами. Звучит исключительно социальный протест, который объединяет людей разных национальностей: «Виват наша старая дружба, поляк, русин – одна вера!». У Сухоровского к гайдамакам пристают мазуры, краковяне, поляки. Вместе они поют песни Т. Падуры²⁷, казацкие думы и т.д.

Поэма Александра Грозы «Первая епитимья Железняка»²⁸ писалась на воспоминаниях Кербс и Липпомана. Он также утверждал, что 90-летний пасечник с Вержбовского хутора рассказывал ему про отца Максима Железняка, который якобы был ковалем и жил над Днестром на самом пограничье. По обвинению в поддержке гайдамаков его несправедливо приговорили к сожжению рук, а жену к вырыванию языка и пытке клещами. Максим бежал на Запорожье и поклялся мстить. Главный отрицательный герой для Грозы – ворон, как символ религиозного фанатизма. Здесь прослеживается характерная для поляков, живших на Украине, идея поиска компромисса с украинцами. Он ужасается гайдамацким движением, но объясняет участие в нем отдельных личностей происшедшей с ними несправедливостью.

Историческая память о Колиивщине, как урок шляхте и необходимость образумиться, прослеживается в ряде польских произведений. Луциан Ипполит Симинский, опубликовавший в 1835 г. поэму «Деревня Сербь»²⁹, вкладывал в уста Гонты слова о грядущей каре на ляхов, т.е. пытался страхом грядущей новой Колиивщины образумить польскую шляхту. Симинский принадлежал к «союзу 21», львовской тайной организации, имевшей целью демократизировать польское общество³⁰.

²⁶ Suchorowski 1832.

²⁷ Тимон Падура – украинский поэт, писавший в псевдо-казацком стиле, тесно сотрудничал с организаторами Ноябрьского восстания.

²⁸ Groza 1843.

²⁹ Siemieński 1835. P. 17-18.

³⁰ Щураг 1910, С. 99.

Идеи польско-украинского союза, но совершенно на фантастическом сюжете³¹ излагал Михал Чайковский, написавший в 1838 г. произведение «Вернихора»³². В поэме Вернихору, как известно в среде малороссийского казачества, засылает на Правобережье для организации восстания против поляков Екатерина II. Но Вернигора поддержал Барскую конфедерацию, русские власти назначили награду за его голову, он укрывается в Корсуни, староста которой ему покровительствовал, и вскоре умирает своей смертью. В поэме Чайковского в полной мере нашла отражение легенда о «золотой грамоте» Екатерины II – как попытка перенести на русскую императрицу ответственность за восстание. «Золотая грамота» – очень распространенный в польской исторической памяти о Колиивщине мотив, сохраняющийся даже в современной историографии³³.

Украина

Наконец, мы подошли к украинской исторической памяти. Следует сказать, что существует только одно литературное произведение, ставшее отражением украинского восприятия событий Колиивщины – это знаменитая поэма Т.Г. Шевченко «Гайдамаки». Тем не менее, благодаря выдающейся популярности Шевченко, она имела огромное влияние на формирование исторической памяти населения Украины (и оказывает до сих пор). С другой стороны, сохранились многочисленные предания и несколько исторических песен. Хуже дело обстоит с думами, в большинстве своем утерянными, но иногда сохранившимися в форме прозаических рассказов, со стихотворными отрывками³⁴.

Историческая память о Колиивщине сохранилась исключительно на Правобережной Украине. По крайней мере, таковых рефлексий на Левобережной Украине не зафиксировано. Представления и общий тон о гайдамаках значительно различаются в зависимости от региона: если речь идет о черкасско-чигиринском уездах или каменско-уманском, т.е. о регионе, где зарождалось восстание, или о тех регионах, где восставшие были казнены по указу польских властей.

В целом, в украинской традиции места памяти Колиивщины связаны вовсе не с Уманью, но прежде всего с Мотронинским монастырем, Сербями, а также с Черкассами, Каневым. А в пантеоне героев имеется целый пьедестал, в котором первое место занимают Железняк и Гонта, далее идут Швачка, Шелест. В исторической памяти Украины настоящие *колії* – это запорожцы («идет войско, такое настоящее вой-

³¹ Хотя Чайковский утверждал, что Вернигору знал его дед, владевший Пархомовкой, в которой тот умер.

³² Czajkowski 1838.

³³ Konopczyński 1986. P. 190–191; Kamiński 2006. P. 257.

³⁴ Записки... 1856. С. 69–170.

ско»³⁵). Другим гайдамакам народная традиция отказывает в героизме, именуя их «затяжцами», т.е. присоединившимися с целью пограбить.

Следует отметить, что, несмотря на официальное осуждение гайдамаков в Российской империи, уже во второй половине XIX в. начинается публикация собранных и записанных преданий о гайдамаках, тональность которых явно не соответствовала официальной. Предания собирали как «любители старины» (например, писатель П. Кулиш, киевский губернатор И.И. Фундуклей), так и профессиональные историки (А. Лазаревский, В. Ястребов, В. Антонович). На страницах популярного журнала «Киевская старина» издавали и рассказы собственных родственников. В основном предания и исторические песни были записаны в 1820–1840-е гг., когда еще были живы отдельные очевидцы событий или их дети и внуки. Разумеется, в этих рассказах было много фантастического, а образы гайдамаков приобрели четкие черты, характерные для всей исторической памяти региона.

Безусловными и любимыми героями выступают Максим Желязняк и Иван Гонта³⁶. Сохранилось даже изображение Желязняка в образе казака Мамаю, в традиционной позе, с бандурой³⁷. Вот как описывает украинское предание Желязняк: «Впереди едет атаман на буланом коне, в красном жупане... Это был сам Максим Желязняк; нестарый был еще человек, лет может быть сорока, а может быть больше, полный, круглолицый, хорош собою, небольшого росту, но плечист, усы русые, небольшие, за ухом оселедец...». Традиция подчеркивает уважительное отношение к Желязняку реестровых казаков: те «сняли перед ним шапки, он также подошел к ним, снял шапку, да тотчас и надел, а они все перед ним без шапок стояли. Здравствуйте, говорит, козачество! – Здорово, отомане, батько!»³⁸. В исторической песне «Максим козак Залізняк» говорится:

Отак Максим Залізняк
Із панами бився,
І за те він слави
Гарной залучився³⁹.

В песне «Ой наварили ляхи пива» про И. Гонту звучит угроза полякам: придет Гонта – даст вам знать («Дастся він вам знати») и звучит им укор: «Гей, взяли собі Україну,/ Та й не шанували»⁴⁰.

³⁵ Материалы... С. 313.

³⁶ Например, песня «Виїхав Гонта та із Умані», в которой тот зовет к себе Желязняка. С. 517.

³⁷ Коллекция Флейшера. Максим Желязняк, 1858 г. Хранится в Российском государственном этнографическом музее Санкт-Петербурга.

³⁸ Материалы... 1888. С. 313.

³⁹ Історичні пісні 1961. С. 514-515.

Сохранился цикл «плачей» на гибель Гонты, написанный в традиционном стиле о «турецком плене»⁴¹. Народные предания, собранные на месте его казни в Сербях (довольно поздно, в 1871 г.), описывают, что Гонта во время чудовищных пыток читал акафист. Как справедливо писал А. Лазаревский «Если и теперь уцелело подобное предание, то ясно, что в народной памяти Гонта остался не в виде разбойника, а в совершенно другой обстановке: представление человека, умирающего с твердостью и читающего акафист во время мучительнейших смертных истязаний – вызывает в народе совсем не то чувство, какое имеют к разбойнику»⁴². Заметим, что это предание записано в регионе, в котором никогда не было гайдамацких восстаний.

Напротив, в «гайдамацких» районах Правобережной Украины к жителям Сербов было резко отрицательное отношение. Они не могли им простить гибель Гонты. Одно предание говорит, что по дороге в Одессу в селах не принимали на ночлег, если узнавали, что проезжий из Сербов: «так вы с тех Сербов, говорят, где нашего батька (или дядька) казнили. Идите себе! Так и не пустят. А мы что виноваты, что в Сербях Гонту казнили?»⁴³.

Одним из важнейших мест памяти Коливищины в украинской традиции выступает Мотронинский монастырь, послушником которого был Железняк, а настоятелем Мельхиседек-Яворский, знаменитый борец с унией. Одно из преданий так и называется «Мотронинский монастырь», в нем говорится: «Как собрались гайдамаки в Мотронинском лесу, то сделали себе Сечь. Выбрали такое место, что с трех сторон байраки, а с четвертого поставили башню»⁴⁴. Правда дальнейшие описания «гуляний» запорожцев на кургане под Жаботиным говорит о том, что в народной памяти слились предания о запорожцах и гайдамаках⁴⁵.

В другом предании (якобы рассказанном «нашим покойным Гладким»), говорится, что гайдамаков пришло из Запорожской Сечи в Мотронинский монастырь «сперва только три, будто бы на поклонение». Один из них, Демьян Гнида, пошел в Лебединский монастырь,

⁴⁰ Ibid. 514-516.

⁴¹ «Ой задумали ляхи та преслані хлопці», «Ой Максиме Залізнякакий». С. 518-519.

⁴² Лазаревский 1901. С. 6.

⁴³ Лазаревский 1901. С. 7.

⁴⁴ Материалы... 1888.; Записки... 1856. С. 279-283.

⁴⁵ Говоря о переплетении в исторической памяти гайдамаков с запорожцами, можно вспомнить слова внучки жены гайдамака (крестьянки д. Красновершки, Елизаветградского уезда Херсонской губернии). На вопрос, кто такие гайдамаки, она отвечала: «та так: кому надопекла панщина, та жинка, та диты, то вони втикали туда на Сичь, жили соби на воли, пили та гуляли». Знаменитую казацкую думу про гибель запорожца Авраменко от турок, она трактовала как борьбу гайдамака «з тими поганими ляхами». Журин 1886. С. 759-760.

другой, по прозванию Лускониг, пошел в Мошенский монастырь, а третий, Шелест, остался здесь в Мотронинском монастыре послушником⁴⁶.

Историческая память про Мотронинский монастырь тесно связана с преданиями о его архимандрите, Мелхиседеке (Михаиле Значко-Яворском). Народная традиция считает Мелхиседека агитатором и непосредственным организатором восстания (что сильно расходится с принятым в историографии мнением). В одном из преданий, записанном в селе Коротяка, говорится, что архимандрит навещал запорожские зимовники в районе р. Ингулец, агитировал против Польши и унии. «Между жителями зимовника он заметил особенные способности в Максиме Железняке, давал советы отцу и вероятно указывал сыну гетманскую булаву по обоим берегам Днепра и, как чародей, вызывал из могилы великую тень Богдана. Возбужденное воображение Максима, хорошо грамотного пушкаря, поддавалось обаянию, и другие седоусые и черноусые казаки, обитатели зимовников, слушали соблазнительные речи красноречивого энтузиаста, бескорыстного монаха, говорившего близким их сердцу языком»⁴⁷. В предании «Золотая грамота» говорится, что ее автором был сам Мелхиседек, который вручил ее Железняку, когда тот приехал в Мотронинский монастырь на богомолье⁴⁸. Мотив о подстрекательстве к восстанию со стороны «чернцев», т.е. монахов, звучит и в других преданиях⁴⁹. В исторической песне тоже напрямую говорится о бунте «попов и дяков»⁵⁰.

В отношении Колиивщины историческая память использует и любимый сюжет украинских преданий – клады. Гайдамаки в народной памяти настоящие герои, а следовательно – невероятно богаты. Тут и предание о том, что Железняк отдал своему слуге «пояс с червонцами», когда понял, что погибнет⁵¹. И рассказы жителей Сербов, как их родители кормили помещенных в ямах гайдамаков, спускали им на веревках еду, а в ответ получали червонцы и кораллы⁵². Ну и всевозможные гайдамацкие клады, якобы зарытые по балкам в районе Ингульца⁵³.

При этом в некоторых случаях историческая память сохраняет для потомков события, которые почти не получили отражения в источниках. Например, в селе Алексеевка Елизаветградского уезда сохранялось

⁴⁶ Материалы... С. 320; Записки... С. 293. О Шелесте см.: Гермайзе 1924. С. 40-41.

⁴⁷ Ястребов 1885. С. 727.

⁴⁸ «пысака добрый був, да як удрав Золоту Грамоту! А Максим Зализняк прыхив на поклоненье, а вин йому й пиднис: «Вельк свит Государыня вельт ризать Жыда й Ляха до ноги...». Украинские... 1847. С. 34; Записки... С. 149.

⁴⁹ Украинские... 1847. С. 38.

⁵⁰ Историчні пісні. 1961. С. 521.

⁵¹ Материалы... 1888.

⁵² Лазаревский 1901.

⁵³ Журин 1886. С. 758-760.

предание, что там располагался «зимовник богатого есаула Грицько Железняка», отца знаменитого Максима. Это предание, однако, получило подтверждение в архиве имения, где сохранилась купчая от Степана Железняка, продавшего свой зимовник⁵⁴.

Находит историческое подтверждение⁵⁵ и предание о Неживом, который «робыв колысь горшки у Артема Ганчара». Согласно народному преданию, Неживый был в Мотронинском лесу, оттуда пошел на Канев, «выризавши там ляхов и жывид, повернув на квартиры до Чыгрына», где его поймали и казнили поляки⁵⁶. Соответствуют действительности и песни о том, как гайдамаки висели по разным селам, а поляки не разрешали родственникам их снимать⁵⁷. Герои народных песен про гайдамаков Микиту Швачку и Ивана Бондаренка, как теперь установлено, являются историческими фигурами⁵⁸.

Интересно, что в украинской исторической традиции палачами восстания предстают польская шляхта и донцы. При этом русская императрица Екатерина не рассматривается как виновница кровавого подавления Колиивщины. Наоборот, для исторической памяти характерны мифы о поддержке императрицей восставших. Например, в Сербх сохранялось предание, что «русское правительство, представители которого выдали Гонту полякам, противилось его казни... как только казнили Гонту... из Петербурга пришло такое письмо, чтобы его не убивать, а повезти в Петербург, какой он “рыцарь”. Но письмо это опоздало, не было уже кого везти в Петербург»⁵⁹.

Единственным, зато всемирно известным литературным произведением о гайдамаках является одноименная поэма Т.Г. Шевченко. На наш взгляд И. Шпитковский, исследовавший историческую составляющую поэмы, совершенно неверно называет ее «единственными своего рода мемуарами, встающими на сторону *коліїв*»⁶⁰. «Гайдамаки» Шевченко – это, безусловно, яркое отражение исторической памяти украинского народа о Колиивщине.

Поэт не случайно увлекся этой тематикой – все его детство прошло в окружении мест памяти гайдамаков и исторической памяти о нем. Главным, но не единственным, источником знаний Шевченко о Колиивщине был его родной дед, И.А. Шевченко, доживший до 88 лет и бывший свидетелем и участником гайдамацкого восстания.

Сам Т.Г. Шевченко в предисловии к своей поэме писал:

⁵⁴ Ястребов 1885. С. 725.

⁵⁵ Гермайзе 1924. С. 38-39.

⁵⁶ Украинские... 1847. С. 37-38. Записки... 1856. С. 278

⁵⁷ Історичні пісні 1961. С. 520, 530.

⁵⁸ *Ibid.* С. 522-528. Букет 2014; Гермайзе 1924. С. 38.

⁵⁹ Лазаревский 1901. С. 7.

⁶⁰ Шпитковский 1915.

Бувало, в неділю, закривши мінею,
 По чарці з сусідом випивши тієї,
 Батько діда просить, щоб той розказав
 Про Коліївщину, як колись бувало,
 Як Залізник, Гонта ляхів покарав.
 Столітнії очі, як зорі, сяяли,
 А слово за словом сміялось, лилось:
 Як ляхи конали, як Сміла горіла.

Большое впечатление на будущего поэта произвела и его поездка в Мотронинский монастырь, где тогда еще сохранялись могилы многих *коліїв*. «Маленький Шевченко, в это время уже грамотный, прочитывал могильные надписи, удовлетворяя тем любопытство как свое собственное, так и других богомольцев. Меж последними немало нашлось хорошо помнивших покойников Мотронинского цвинтаря, и они тут же дополняли лаконичные надписи своими воспоминаниями о *коліях*»⁶¹. Детство Тараса прошло в районе, где происходила Колиивщина – на границе с каневским, уманским, таращанским, черкасским и чигиринским поветами. Еще ребенком он видел «золотой червонец» у сына того, кто по преданию получил его от Желязняка; лазал по «гайдамацким подвалам»; встречался с «гайдамакой Копием», который прятался в лесах и докучал семье Шевченко⁶². В поэме отражены эти воспоминания:

Розішли ся Гайдамаки,
 Куди який знає,
 Хто до дому, хто в діброву,
 З ножем у халяві...

Было много обвинений в адрес Шевченко в том, что он выдумал эпизод зверской расправы поляков над млиевским титором. Сам поэт уверял, что в основу этого сюжета легли «оповідане старих людей»:

І мені малому, нераз довелось
 За титаря плакати. І ніхто не бачив,
 Що мала дитина у куточку плаче.

Шпитковский обвинял Шевченко в том, что тот нарушил историческую достоверность, так как расправа над титором имела место за два года до Барской конфедерации – в конце марта 1766 г.⁶³ На самом деле для литературного произведения совершенно не важно соблюдение хронологии: этот трагический эпизод был всего лишь каплей, которая, в конечном счете, привела к Колиивщине, а Шевченко гениально использовал известное ему народное предание, чтобы изобразить драматизм событий, вызвавших восстание.

⁶¹ Лазаревский 1862. С. 1-10.

⁶² Шпитковський 1915. С. 49-52.

⁶³ Шпитковський 1915. С. 77.

Интересно, что историческая память Украины хранила предание о титоре (зачастую в фантастическом виде) – причем в некоторых вариантах приписывая его к событиям Колиивщины, а иногда – наоборот, сразу после нее. Например, есть рассказ, что титаря привезли в Млиев, «там його на верби повисили за руки, и усяк мордовали: оце поноплявы обмотають, да смолою обмажуть, да й запалять. А потим, замордовавши, голову йому одрубаль». Но ночью кто-то выкрал голову и отвезли в Переяславль к епископу Геврасию⁶⁴. На самом деле Даниилу Кушниру, жителю Млиевскому, за упорство в православной вере, по настоянию униатского протопопа Гдышицкого, сначала сожгли руки, обмотав пенькой и облив смолой, а затем отрубили голову⁶⁵.

Подводя итог, можно согласиться с Й. Йерушалми, что в еврейской исторической памяти Колиивщина устойчиво влилась в шаблоны о страданиях этого народа, как в целом, так и конкретно на Украине. Память не сохранила ни особенностей, ни конкретных исторических лиц этих событий. Для польской исторической памяти Колиивщина это тоже прежде всего трагедия и пережитое насилие. Однако крайне негативное восприятие гайдамаков поляками трансформировалось в условиях вынужденного поиска союза с украинским крестьянством. Романтические мотивы «чудесных спасений» стали переплетаться с идеей «кары за грехи», а гайдамаки – представляться «мстителями за личные обиды». Наконец для украинской народной памяти характерно разделение гайдамаков на «разбойников» и «героев-запорожцев». Вся вина за подавление восстания в исторической памяти Украины возлагалась на поляков, а Екатерина II изображалась как сочувствовавшая гайдамакам.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Антонович В. Исследование о гайдамачестве по актам 1700-1768. Киев, 1876. 128 с. [Antonovich V. Issledovanie o gajdamachestve po aktam 1700-1768. Kiev, 1876. 128 s.]
- Архив Юго-Западной России, изданный Временной комиссией для разбора древних актов. Ч. I. Т. 2. К.: тип. Федорова, 1864 [Arkhiv Iugo-Zapadnoi Rossii, izdannyi Vremennoi komissiei dlia razbora drevnikh aktov. Ch. I. T. 2. K.: tip. Fedorova, 1864]
- Букет С. Иван Бондаренко. Останній полковник Колиівщини. Київ: Стікс, 2014. 318 с. [Buket S. Ivan Bondarenko. Ostanii polkovnik Koliivshchini. Kiiiv: Stiks, 2014. 318 s.]
- Гермайзе О. Колиівщина в світлі ново-знайдених матеріялів. // Україна, 1924. К. 1-2. С. 19-81. [Germajze O. Koliivshhyna v svitli novo-znajdenyh materijaliv. // Ukraïna, 1924. K. 1-2. S. 19-81]
- Голобуцький В.О. Запорізька Січ в останні часи свого иснування. Київ: Видавництво Академії наук Української РСР, 1961. 416 с. [Golobuc'kij V.O. Zaporiz'ka Sich v ostanii chasi svogo isnuvannya. Kiiiv: Vidavnicтво Akademii nauk Ukraïns'koi RSR, 1961. 416 s.]
- Дядиченко В.А. Антифеодальні повстання в Росії і на Україні в XVII–XVIII ст. К., 1954 [Dyadichenko V.A. Antifeodal'ni povstannya v Rosii i na Ukraïni v XVII–XVIII. K., 1954]

⁶⁴ Украинские... 1847. С. 39. Фундукля – что вскоре после Колиивщины. Материалы... С. 316-318.

⁶⁵ Об этом чудовищном эпизоде 29 июля 1766 г. свидетельствует запись «в кафедре Переяславской». Страдание и мучение... 1860. С. 40-56; Архив 1864. С. 393-401.

- Журин Г. Из рассказов о запорожцах и гайдамаках. // Киевская старина. 1886. № 8. С. 758-760 [Zhurin G. Iz rasskazov o zaporozhtsakh i gaidamakakh. // Kievskaja starina. 1886. № 8. S. 758-760]
- Записки о Южной Руси. // изд. П. Кулиш. Записки о Южной Руси. Т. 1. СПб.: Тип. А. Яковлева. 1856. 322 с. [Zapiski o Iuzhnoi Rusi. // izd. P. Kulish. Zapiski o Iuzhnoi Rusi. T. 1. SPb.: Tip. A. Iakovleva. 1856. 322 s.]
- Йерушальми Йосеф Хаим, Захор. Еврейская история и еврейская память. М.: Мосты культуры., 2004. 168 с. [Jerushalmi Iosef Khaim, Zakhor. Evrejskaia istoriia i evrejskaia pamiat'. M.: Mosty kul'tury., 2004. 168 s.]
- Історичні пісні. Київ: Видавництво Академії наук, 1961. 1067 с. [Istorychni pisni. Kyi'v: Vydavnyctvo Akademii' nauk, 1961. 1067 s.]
- Кандель Ф. Евреи России. Времена и события. М.: Мосты культуры, 2014. 800 с. [Kandel' F. Evrei Rossii. Vremena i sobytia. M.: Mosty kul'tury, 2014. 800 s.]
- Кандель Ф. Книга времен событий. 1 История российских евреев. М.: Мосты культуры-Иерусалим: Гешарим. 2002. 470 с. [Kandel' F. Kniga vremen sobytii. 1 Istoriia rossiiskikh evreev. M.: Mosty kul'tury-Ierusaliv: Gesharim. 2002. 470 s.]
- Ковалевська О.О., Проблема іконографії І. Гонти в контексті політик пам'яті та сучасних досліджень. // Український історичний журнал. 2016. N 5. С. 139-163. [Kovalyvs'ka O.O., Problema ikonografii' I. Gonty v konteksti polityk pam'jati ta suchasnyh doslidzhen'. // Ukrain'skyj istorychnyj zhurnal. 2016. N 5. S. 139-163.]
- Лазаревский А.М. Материалы для биографии Т.Г. Шевченка. // Основа, 1862. № 3. С. 1-10. [Lazarevskii A.M. Materialy dlia biografii T.G. Shevchenka. // Osnova, 1862. № 3. S. 1-10.]
- Лазаревский А.М. Остатки предания о Гонте. // КС, 1901. № 7/8. Отд. 2. С. 6. [Lazarevskii A.M. Ostatki predaniia o Gontе. // KS, 1901. № 7/8. Otd. 2. S. 6.]
- Магочій П.Р. Україна. Історія її земель та народів. Ужгород: тип. В. Паляка, 2012. 790 с. [Magochij P.R. Ukraї'na. Istorija ii' zemel' ta narodiv. Uzhgorod: typ. V. Padjaka, 2012. 790 s.]
- Материалы для истории гайдамачины. // Киевская старина. 1888. Кн. 11. С. 307-325. [Materialy dlia istorii gaidamachyny. // Kievskaja starina. 1888. Kn. 11. S. 307-325.]
- Мордовцев Д.Л. Гайдамачина. Санкт-Петербург, 1884. 345 с. [Mordovcev D.L. Gajdamachina. Sankt-Peterburg, 1884. 345 s.]
- Скальковский А.А. История Новой Сечи или последнего Коша Запорожского, составленная из подлинных документов запорожского сечевого архива. Т.1 Одесса, 1885. 320 с. [Skal'kovskij A.A. Istoriya Novoj Sechi ili poslednego Kosha Zaporozhskogo, sostavlennaya iz podlinnyh dokumentov zaporozhskogo sechevogo arhiva. T. 1 Odessa, 1885. 320 s.]
- Страдание и мучение за православие Даниила Кушнера, жителя Млиевского. // Руководство для сельских пастырей. 1860, № 2. С. 40-56 [Stradanie i muchenie za pravoslavie Daniila Kushnira, zhitelia Mlievskogo. // Rukovodstvo dlia sel'skikh pastyrei. 1860, № 2. S. 40-56]
- Украинские народные предания. // Собрал П. Кулиш. Кн. 1. М.: Университетская типография, 1847. 91 с. [Ukrainskie narodnye predaniia. // Sobral P. Kulish. Kn. 1. M.: Universitetskaia tipografii'a, 1847. 91 s.]
- Франко І. Польська поема про уманську різню. // Записки наукового товариства ім. Шевченка, 1904. N LXII. С. 1-40. [Franko I. Pol's'ka poema pro umans'ku riznju. // Zapysky naukovoogo tovarystva im. Shevchenka, 1904. N LXII. S. 1-40.]
- Шпитковський І. «Гайдамаки» Шевченка, як пам'ятка Коліївщини. // Збірник пам'яті Тараса Шевченка. Київ: Друк. 2-ї Артїлі, 1915. С. 48-82. [Shpytkov's'kyj I. «Gajdamaky» Shevchenka, jak pam'jatka Koliivshchyny. // Zbirnyk pamjaty Tarasa Shevchenka. Kyi'v: Druk. 2-i' Arti'ly, 1915. S. 48-82.]
- Шульгин Я. Очерк Коливщини по неизданным и изданным документам 1768 и ближайших годов. Киев, 1890. 209 с. [Shul'gin Ia. Ocherk Koliivshchiny po neizdannym i izdannym dokumentam 1768 i blizhajshih godov. Kiev, 1890. 209 s.]
- Щурат Василь. Коліївщина в польській літературі до 1841 р. // Записки наукового товариства ім. Шевченка, 1910, № XCVII. С. 86-104 [Shhurat V. Koliivshchyna v pol's'kij literaturi do 1841 r. // Zapysky naukovoogo tovarystva im. Shevchenka, 1910, № XCVII. S. 86-104]
- Ястребов В. В запорожском захолустье // Киевская старина. 1885. № 12. 721-729. [Iastrebov V. V zaporozhskom zakholust'e // Kievskaja starina. 1885. № 12. 721-729]

- Bernfeld, Shim'on. *Sefer hadema'ot: Me'ora'ot hazezerot veharedifot vehashemadot* [The Book of Tears: Events, Decrees, Persecutions and Mass Murders], vol. 3. Berlin, 1926.
- Bunt hajdamaków na Ukrainie r. 1768 opisanz przez Lippomana i dwóch bezimiennych. Wyd. E-Raxzyński. Poynan, 1854.
- Czajkowski M., Wenyhora wieszcz ukraiński. Paryż: Bourgogne et Martinet, 1838. 218 c.
- Dubnow, Shimon. "Der tsvayter khurbn fun Ukrayne (1768): Di folks-khronik `Mayse gedolah min Uman umin Ukrayne.," [The Second Destruction in Ukraine (1768): The Folk Chronicle `A Terrible Deed in Uman and Ukraine] *YIVO Historishe Shriftn* 1 (1929), 29-54.
- Goszczyński S., Zamek kaniowski. Warszawa, тип Варшавского университета, 1828. 158 c.
- Groza A., Pierwsza pokuta Żelizniaka. // Poezye Aleksandra Grozy. T. II. Wilno: тип. J.Zawadzkiego, 1843. 203 c.
- Groza A., Śmieciński. Powieść szlachecko-ukraińska, Żytomierz: тип. J.Hussarowskiego, 1860. 234 c.
- Jaszowski Stanisław Lubicz, Hajdamacy. // Zabawki rymotwórczę. Lwów: тип. P. Fillera. T. 3. 1826. C. 75-105.
- Kamiński Marek, Robert Śniegocki. Historia od renesansa do czasów napoleońskich. Cz. I. Wyd. 4. Warszawa, 2006. 320 c.
- Konopczyński W. Dzieje Polski nowożytnej. T. 2. Warszawa: Pax, 1986. 339 c.
- Krebs W. Opis rzezi humańskiej przez córkę gubernatora Humania, Mładanowiczównę, zamężną Krebsową. Poznań, 1840. 35 c.
- Osherowitsch M., Shtetl un shtetlekh in Ukraine un in andere tayln fun Rusland. Vol. II. New York: M.Oberowitch Yubilay-Komitet 1948. 110 c.
- Pamiętniki Jana Dukłana Ochockiego. T. I. Wilno: тип. Józefa Zawadzkiego, 1857. 444 c. [Mładanowicz P.] Rzeź humańska czyli historia rewolucyi przez Żeleźniaka i Gonę: napisana rzetelnie wiernie, dokładnie przez znajdującego się w tejsze okropnej rewolucyi // Z dziejów hajdamaczyzny.- oprac. H. Mościcki.- T. I, Warszawa-Kraków: Gebethner i Wolf, G. Gebethner i Spółka, 1905. 120 c.
- Plokhay Serhii, The Gates of Europe: A History of Ukraine. N.Y.: Basic Books, 2015. 395 c.
- Serczek Władysław, Koliszczyzna, Kraków, 1968. 175 c.
- Siemiński Lucjan Hipolit, Wieś Serby. // Rozmaitość, Lwów, 1835: 17-18.
- Skinner B. The Western Front of the Eastern Church: Uniate and Orthodox Conflict in the 18th-century Poland, Ukraine, Belarus and Russia. Northern Illinois: U.P., 2009. 295 p.
- Suchorowski Michal. Wanda Potocka czili schronienie w lasku ś. Sofji. Lwow: тип. Piotra Pillera, 1832. 72 c.
- YIVO Encyclopedia of Jews in Eastern Europe // <http://www.yivoencyclopedia.org/article.aspx/Uman>
- Witwicki S. Sługa i pan. // Ballady i romanse, Warszawa: тип. Szkolna, 1824. T. 1. C. 83-96.

Таирова Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры Истории народов стран СНГ, Институт истории СПбГУ, tairovayak@mail.ru, t.tairova@spbu.ru

Koliivshchyna in the Historical Memory

The article raises questions of the historical memory and the places of memory of the Jewish, Polish and Ukrainian people, associated with the events of Koliivshchyna – the Hajdamak uprising at the Right-Bank Ukraine in 1768. The author examines the reflections of these events in literature, prayers, stories, historical songs. It is concluded that the three peoples had not only different perception of the events, but also different places of memory and different heroes. Despite the fantastic nature of many legends, some of them have the historical value being confirmed by documents.

Keywords: historical memory, places of memory. Koliivshchyna, hajdamaks, traditions, historical songs

Tatiana Tairova, Doctor of History, Professor, Department of History, St. Petersburg State University; tairovayak@mail.ru, t.tairova@spbu.ru

ДВА ПРАЗДНИКА ВРЕМЕН АМЕРИКАНСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ¹

Статья посвящена праздничной культуре Американской революции. Автор анализирует как патриотические торжества (День независимости и День благодарения), так и лоялистский праздник (Meschianza). Делается вывод о связи праздников обеих партий с утопической картиной мира. Праздничная культура вписывается в общий контекст становления американской национальной идентичности.

Ключевые слова: история США, Американская революция, праздничная культура, День независимости, День благодарения, лоялисты, Джон Андре

Политический праздник как особый феномен культуры является важной частью пропагандистских стратегий, ритуалов национализма и самоидентификации. Американская революция конца XVIII в. была временем формирования американской нации, которая стала первой, чье становление было связано с революционным процессом и с сознательными усилиями политических лидеров.

Разрушалась старая колониальная идентификация, включавшая осознание себя как подданных Британской империи, живущих за морем. Рождалась новая версия национальной идентичности, строившаяся на признании независимости США, постулатах классического республиканства. Население бывших английских колоний разделилось на сторонников революции, патриотов (вигов), – и ее противников, лоялистов (тори). Праздничная культура новорожденного государства отражала все эти процессы. Праздник стал частью политических стратегий, способом сплочения единомышленников и, в отсутствие партийного аппарата, способом мобилизации масс. При этом праздничные ритуалы патриотов и лоялистов резко различались. В данной статье речь пойдет о примерах, наиболее ярко демонстрирующих праздничную традицию с обеих сторон политического спектра Американской революции.

Исследования истории праздников, в т.ч. революционных, на Западе были связаны с третьим поколением «школы Анналов». В классическом труде Моны Озуф «Революционный праздник: 1789–1799» (1976) был впервые поставлен вопрос о роли праздника в формировании и распространении революционной ментальности во Франции. Соответствующие работы на материале Американской революции появились гораздо позже. В 1997 г. вышли сразу две монографии: «Празднование 4-го» Л. Трэверса, посвященная генезису Дня независимости, и «Посреди по-

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Исследовательский проект № 18-09-00166а «Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке».

стоянных праздников» Д. Вальдштрайхера². Оба автора связывали становление праздничной культуры с формированием национальной идентичности, но совершенно не занимались ее политической функцией. Между тем, революционный праздник служил мощным механизмом отторжения «чужих» (лоялистов) и способом для самых широких масс проявить свою преданность революционной идеологии. Гораздо меньше внимания уделялось празднику лоялистскому. Лишь в 2015 г. появилась статья Д. Шилдса и Ф. Тейте, с результатами исследования торжества Meschianza, устроенного англичанами в оккупированной Филадельфии³. В статье содержатся интересные наблюдения относительно культурного контекста лоялистского торжества, но не выделены его отличия от патриотических праздничных ритуалов. Тот же праздник отчасти изучался в более ранней статье Р. Фуллера⁴, где он сопоставлялся с любительской постановкой трагедии Дж. Аддисона «Катон», организованной солдатами Континентальной армии. Работ по сравнительному анализу лоялистского и патриотического праздника в американской историографии нет.

Исследования праздничной культуры требуют привлечения широкого круга источников. Формирование официального списка праздников было задачей Континентального конгресса. Информация об относящихся к данной теме дискуссиях и принятых решениях содержится в официальных журналах Конгресса. Проведение праздничных церемоний, как правило, освещалось прессой; те, кто не присутствовал на торжестве, могли прочесть о нем в газете. В статье использованы такие периодические издания, как «South Carolina Gazette», «Pennsylvania Packet», «New York Daily Advertiser». Непосредственные впечатления современников от состоявшихся торжеств можно найти в эпистолярных материалах и дневниковых записях. Ценный материал содержится, в частности, в письмах делегатов Континентального конгресса. Делегаты представляли различные регионы США, относились к разным социальным группам – от крупных фермеров до плантаторов, юристов, купцов – и, таким образом, их письма могут служить своеобразной выборкой мнений политической элиты нового государства. Дополнительно привлечены дневники и письма рядовых американцев, содержащиеся в сборнике «Мятежники и красные мундиры», дневник полкового хирурга Дж. Тэтчера, мемуары рядового Континентальной армии Дж. Пламба Мартина. Это дает возможность увидеть праздничную культуру Американской революции не только через призму официальной идеологии, но и «снизу».

Колониальная праздничная культура была несамостоятельной. Она почти целиком заимствована из британской традиции. В колониях

² Travers 1997; Waldstreicher 1997.

³ Shields and Teute 2015. P. 185–214.

⁴ Fuller 1999. P. 126–146.

праздновали победы Британской империи и праздники, связанные с королевской семьей. Ритуалы подтверждали мощь Британской империи. Например, в 1765 г. в Чарльстоне отмечался день рождения короля. Утром был устроен парад колониальной милиции. За ним последовал элегантный обед для южнокаролинской политической и религиозной элиты. В полдень палили пушки чарльстонского форта и кораблей, стоявших в городской гавани. Вечером празднование завершилось иллюминацией⁵. В окнах частных домов выставляли бумажные фигурки королевской семьи, которые подсвечивались. В моде также были восковые бюсты короля и его детей⁶.

Традиционно отмечались в Америке и другие праздники британского происхождения. 5 ноября праздновался популярный День Гая Фокса. В Бостоне он превращался в настоящие «сатурналии». Толпы народа проходили по улицам с огромными изображениями папы римского, дьявола, а иногда и Претендента⁷. Вечером праздник переходил в драку между группировками Северного и Южного концов города. Победители отбирали у побежденных чучело Гая Фокса и торжественно волокли к себе, чтобы сжечь на костре⁸.

Колонисты английского происхождения справляли День св. Георгия, ирландцы – День св. Патрика. Делегат Конгресса С. Хантингтон оставил яркое и нелицеприятное описание этого последнего праздника: «Воскресным утром 17-го [марта] мое внимание привлекла громадная кавалькада плебеев, марширующих по улице под барабанный бой. Пройдя немного, они останавливались и троекратно кричали “ура!”. Я опасался, что готовятся какие-нибудь бесчинства, но вскоре заметил свою ошибку: это была религиозная церемония “сынов св. Патрика”⁹. В 1780-х гг. организации «Сынов св. Андрея», «Сынов св. Патрика» и «Сынов св. Георгия» ежегодно отмечали свои праздники пышными процессиями и торжественными обедами, а аналогичный праздник св. Таммани (1 мая) рассматривался как общенациональный¹⁰.

Для колониальной культуры, прежде всего, для Новой Англии, характерны и своеобразные «антипраздники», органически вошедшие в культуру революции. Обряды «антивеселья» также относятся к сакрализованному времени, но только с обратным знаком по сравнению с праздником. В Американской революции формой «антивеселья» были «дни поста и молитвы». Так, в 1774 г. Виргинская ассамблея объ-

⁵ South Carolina Gazette. June 8, 1765.

⁶ Hutchins 2016. P. 45.

⁷ В данном случае это был «Молодой претендент» Карл Эдуард из свергнутой династии Стюартов, прозванный Красавчик принц Чарли.

⁸ Travers 1997. P. 16–17.

⁹ Letters of Delegates. Vol. 3. P. 464–465.

¹⁰ Waldstreicher 1997. P. 70–71.

явила день вступления в силу закона о блокаде Бостона «днем скорби, поста и молитвы». Начало Войны за независимость также стало потрясением для американцев. Вооруженный конфликт с метрополией и отделение от Великобритании в это время еще воспринимались как трагический поворот событий. Конгресс объявил 20 июля 1775 г. «днем поста и молитвы». В этот день американцы должны были оплакивать свои грехи и молить Бога отвратить бедствия от восставших колоний, а также «благословить нашего законного суверена Георга III и даровать ему мудрость, дабы мог он узнать подлинные интересы всех своих подданных и действовать в соответствии с ними»¹¹. Американцы все еще верили в возможность предотвратить дальнейшее кровопролитие. Дж. Адамс и С. Дин отмечали, что назначенный Конгрессом пост соблюдался так строго и торжественно, как никогда прежде¹².

Традиция патриотического праздника начала формироваться еще до того, как протесты в колониях переросли в полномасштабную революцию. Революционные праздники первоначально представляли собой разовые мероприятия, отмечавшие какое-либо конкретное событие, или даже то, что современный историк называет «колониальными флэш-мобами»¹³. Так, Джон Адамс в 1769 г. описывал в своем дневнике обед, устроенный массачусетскими «сынами свободы». Два стола, рассчитанные на 300–400 человек, накрыли под открытым небом. После угощения была показана пантомима и исполнены патриотические песни. Адамс высоко оценил такие приемы: «Весьма разумно со стороны Отиса и [Сэмюэля] Адамса устраивать подобные празднества, ибо они накладывают отпечаток на умы людей и пробуждают в них любовь к свободе. Они заставляют народ любить своих лидеров и питать отвращение и враждебность ко всем [их] противникам»¹⁴. Данное мероприятие не представляло собой коммеморации. Однако коммеморативные празднества также рано вошли в обиход американских патриотов (вигов). В том же 1769 г. в Плимуте впервые отмечался «день отцов-пилигримов» (Forefathers' Day), который впоследствии стал национальным праздником. Члены одного из местных клубов устроили в честь события обед, где все присутствующие должны были одеться в самом скромном стиле, в подражание суровым пуританам.

В период Войны за независимость поводами для праздника становились победы Континентальной армии, заключение союза с Францией и т.п. Франко-американский альянс, например, был отмечен особой

¹¹ Journals. Vol. 2. P. 87.

¹² Letters of Delegates. Vol. 1. P. 643, 640.

¹³ Hutchins 2016. P. 51.

¹⁴ Adams Vol. 1. P. 341. Джеймс Отис, наряду с С. Адамсом, был в 1769 г. одним из самых активных защитников прав колоний. См. о нем: Беляевская 1975. С. 171–186.

церемонией в лагере Континентальной армии в Вэлли-Фордж. Естественным элементом праздника, учитывая обстоятельства, стали военные маневры, орудийный и мушкетный салют, а также «ура» в честь короля Франции и союзных европейских держав (во множественном числе, хотя реально Франция была единственным союзником США). Дело было весной и, в отличие от катастрофического Дня благодарения (о нем речь пойдет ниже), «радость царила во всем лагере»¹⁵.

Широко отмечалось и завершение Войны за независимость. В Нью-Йорке, на Боулинг-Грин, был устроен великолепный фейерверк. Его началом послужило огненное изображение голубки, летящей с оливковой ветвью¹⁶. В Филадельфии по эскизу художника Ч.У. Пила была сооружена грандиозная триумфальная арка. Фигуры на ее балюстрадах символизировали благоразумие, умеренность, стойкость и справедливость. На фризе был представлен Вашингтон в образе Цинцинната. Арка была увенчана облаками и грандиозной фигурой богини Мира¹⁷. Однако празднество обернулось трагедией. Там были сделаны изображения аллегорических фигур из промасленной бумаги, подсвеченные сзади (transparencies). Случилось так, что в них попала одна из ракет фейерверка, взорвав попутно весь приготовленный запас ракет. Один человек был убит на месте, многие ранены¹⁸.

Яркими и красочными были «федеральные процессии» 1787–1788 гг. в честь ратификации федеральной конституции. В них было задействовано огромное по тем временам число людей: в Филадельфии 5–6 тыс. чел. (около $\frac{1}{8}$ всего населения), в Нью-Йорке – 5 тыс. (около $\frac{1}{4}$ всего населения), в Бостоне – 4 тыс., в Балтиморе – 3 тыс., в Чарльстоне – 2,8 тыс.¹⁹. Подобные парады устраивались и позже. В частности, в 1794 г. в Нью-Йорке посредством такой же процессии механики продемонстрировали свое недовольство договором Джея, а в 1825 г. устроили парад по более приятному поводу – в честь открытия канала Эри²⁰.

С течением времени подобные окказиональные церемонии могли превращаться в календарные праздники, сопровождавшиеся определенными ритуалами. Как и всегда, здесь в основе традиции лежит стереотипизация опыта; она создает внутреннюю упорядоченность культуры²¹. Революция – время перехода, резкого переформатирования культуры. Старая традиция отвергается, но одновременно опыт самой революции стереотипизируется и превращается в новую традицию.

¹⁵ Thacher 1823. P. 151–152.

¹⁶ Ibid. P. 422.

¹⁷ Алентьева 2016. С. 253–254.

¹⁸ Letters of Delegates. Vol. 21. P. 289.

¹⁹ Young 1984. P. 186.

²⁰ Wilentz 1984. P. 87–88.

²¹ Байбурын 1991. С. 23.

Интересная дискуссия по поводу праздников произошла в Континентальном конгрессе в 1779 г. У.Г. Дрейтон, делегат от Южной Каролины, ссылаясь на древние традиции Олимпийских игр, предложил Конгрессу также развивать праздничную культуру. Президент Конгресса Г. Лоуренс в ответ выразил мнение, что дорогостоящие затеи подобного рода неуместны при общем печальном состоянии США, и призвал оппонента к серьезности²². Порой Конгресс соглашался с точкой зрения Лоуренса. Скажем, в 1778 г. было издано специальное распоряжение не иллюминировать дома 4 июля²³. Но чаще брала верх естественная тяга к отдыху, веселью, эффектным церемониям.

Многие из этих праздников остались на региональном уровне. Так, в Бостоне в 1771–1783 гг. 5 марта отмечалась годовщина «бостонской резни». В Южной Каролине с 1777 г. празднуется победа группы местных патриотов, сумевших защитить столицу штата от английского флота (в настоящее время праздник именуется Днем Каролины – Carolina Day). В Нью-Йорке с 1783 г. отмечается также 25 ноября – день окончания английской оккупации города (Evacuation Day).

Но центром патриотической праздничной традиции очень рано стал День независимости. Символическое значение этого акта было огромным. Независимость означала для американцев нечто большее, чем создание новой суверенной державы. Это был резкий разрыв с прошлым, с традицией, с англосаксонской общностью. Чтобы судить о резкости перелома в сознании, достаточно перечитать памфлеты 1774–1775 гг., в которых тори, как правило, использовали образ независимой американской республики для того, чтобы скомпрометировать программу вигов; американскую республику они изображали как арену «войны всех против всех». Но и виги, собственно, не пытались опровергнуть отрицательные коннотации этого образа. Они либо уверяли, что не желают независимости от Англии, либо, как Сэмюэль Адамс, пытались свести независимость к равноправию колоний в рамках империи. И вот, то, что так недавно пугало, теперь представляется открытыми воротами в утопию. Солдаты Вашингтона пели:

Чужеземные рабы не будут давать нам законов,
Британский тиран не будет нами править.
Это Независимость сделала нас свободными,
И мы сохраним свободу...²⁴

4 июля 1776 г., День независимости, очень рано начинает восприниматься как часть сакрального времени, подлежащего воспроизведе-

²² Letters of Delegates. Vol. 13. P. 135–136.

²³ Pennsylvania Packet. July 4, 1778.

²⁴ “No foreign slaves shall give us law./ No British tyrant reign./ ‘Tis Independence made us free / And freedom we’ll maintain...” (Pennsylvania Packet. April 8, 1778.)

нию в ритуале. Широко известно письмо Дж. Адамса, в котором день принятия Декларации независимости провозглашается «самой памятной эпохой в истории Америки»: «Его (День независимости. – М.Ф.) следует отмечать со всей торжественностью, с представлениями, играми, спортивными состязаниями, салютами, колоколами, праздничными кострами и иллюминацией с одного конца континента до другого»²⁵.

В 1777 г. первая годовщина была пышно отпразднована в Филадельфии. Суда континентального флота и флотилия штата Пенсильвания прошли парадом по реке Делавэр, украшенные цветами всех наций. Президент Конгресса посетил один из кораблей и был встречен троекратным «ура». Состоялся также торжественный обед для членов Конгресса и представителей пенсильванских органов власти. Музыка обеспечили пленные гессенские солдаты, захваченные в сражении при Трентоне. Кавалеристы, артиллерия и пехота устроили показательные маневры. Весь день в городе звонили колокола, то и дело раздавались орудийные салюты из 13-ти залпов по числу восставших штатов, в небе сверкали фейерверки, на улицах горели костры. Выйдя вечером прогуляться, Дж. Адамс отметил, что на окнах всех домов горят свечи; лишь несколько мрачных зданий оставались неосвещенными²⁶. В 1778 г., во время празднования второй годовщины независимости в Филадельфии присутствовал персонаж, напоминавший карнавальную «ведьму». Это была «торийская леди»; ее изображала старая чернокожая проститутка с нелепо огромной прической (по свидетельству Р.Г. Ли, около трех футов высотой и такой же ширины). «Торийская леди» прошествовала по улицам в окружении толпы, вызывая всеобщий смех²⁷.

С течением времени сценарий торжества обогащался новыми элементами. Обязательной его частью стали речи, темой которых непременно должна была быть свобода, революция, патриотизм. В 1786 г. было принято решение устраивать 4 июля официальный прием у президента Конгресса²⁸. В том же году на улицах Нью-Йорка (на тот момент столицы США) появились офицеры из вновь образованного «Общества Цинциннатов». «Цинциннаты» были в парадной форме и при шпагах. Продефилировав по городу и выразив почтение президенту Конгресса, офицеры устроили собственный торжественный обед с тринадцатью тостами в честь Соединенных Штатов, союзных держав,

²⁵ Letters of Delegates. Vol. 4. P. 376. В своем письме Адамс намечает будущую годовщину на 2 июля, когда был одобрен первый вариант Декларации независимости; но Конгресс установил дату 4 июля – день окончательного принятия документа.

²⁶ Letters of Delegates. Vol. 7. P. 293–294.

²⁷ Letters of Delegates. Vol. 10. P. 224, 496; Ellery 1887. P. 477–481. Здесь имеет место явление, которое М.М. Бахтин называл «чисто сатирическим», «отрицающим» смехом: Бахтин 1990. С. 17.

²⁸ Journals. Vol. 30. P. 368.

Дж. Вашингтона и т.д. – вплоть до тоста за «прекрасных подруг Цинцинатов»²⁹. Очень рано праздник проникает и в сферу приватной жизни; появляется традиция украшать фонариками деревья в саду.

Революционный праздник, в т.ч. в Американской революции, выполняет не только рекреационную и коммеморативную, но и политическую функцию. Важнейшая его задача – сплочение «воображаемого сообщества» революционеров; формирование новой идентичности. В ходе праздника используются различные маркеры, позволяющие отличить «своих» от «чужих». Такими маркерами служили, например, свечи на окнах в День независимости: тори их не зажигали. Эту функцию праздника четко осознавали сами современники. Так, Дж. Адамс замечал, что крики «ура» 4 июля «радовали каждого друга своей страны и вселяли предельный ужас в каждого скрывающегося тори»³⁰.

Нередко использовались обряды, восходящие к древней люстрационной магии, но радикально переосмысленные. В этнографической литературе очень часто описываются обряды с куклой-чучелом, изображающей карнавал, масленицу, зиму, смерть и пр.; в конце обряда чучело сжигается, топится в реке, разрывается на куски. Во время рождественских и новогодних праздников в Англии принято было сжигать соломенное чучело Старого года, позже – смоляные бочки и старые лодки. Во время различных праздников было принято символическое уничтожение зловредных персонажей: «ведьмы» в Шотландии, Гая Фокса в Англии³¹. Люстрационные обряды предполагали очищение, символическое уничтожение враждебных сил³². В праздновании Дня независимости аналогом отторгаемых темных сил выступали персонажи вроде упомянутой выше «горийской леди».

Массовые празднества революционных эпох представляют собой также своеобразный полигон для отработки новой политической мифологии³³. Так было и в Америке. Политический миф Нового времени о борьбе Свободы и Тирании составлял содержание многих праздничных ритуалов, включая и День независимости. Другой популярный праздник, День благодарения, отмечался в новоанглийских колониях с XVII в. Традиция связывает его с первым урожаем, собранным «от-

²⁹ New York Daily Advertiser. July 6, 1786; Webb 1893–1894. Vol. 3. P. 60; Letters of Delegates. Vol. 23. P. 386.

³⁰ Letters of Delegates. Vol. 7. P. 294.

³¹ Календарные обряды 1983. С. 122.

³² С.А. Токарев подчеркивал возможность переосмысления древнейших обрядов, приводя в пример испанские «битвы мавров и христиан» – обряд, переосмысляющий древние агонические игры. Он же обращал внимание на сходство обряда сожжения чучела Гая Фокса 5 ноября и подобный же обряд сожжения чучела «Постного Джека» в пепельную среду. См.: Календарные обряды 1983. С. 212.

³³ Малышева 2003. С. 232.

цами-пилигримами» на американской земле. Но в период революции праздник приобрел новый смысл и общенациональный характер.

Первый общенациональный День благодарения был назначен Конгрессом на 18 декабря 1777 г. в честь крупной победы при Саратого. В рекомендации штатам, составленной С. Адамсом, предлагалось «единым сердцем и единым голосом» молить Бога о благополучии отдельных штатов и США, о даровании мудрости и силы американским полководцам, о процветании торговли, ремесла и земледелия и в целом о даровании Америке «величайшего из земных благ – независимости и мира». Американцам рекомендовалось также воздержаться в этот день от работы и некоторых видов развлечений, «хотя и невинных в другое время, но, возможно, не подходящих к целям данного торжества»³⁴.

По приказу главнокомандующего День благодарения был назначен и в Континентальной армии, которая как раз в это время переживала голодную зимовку в лагере в Вэлли-Фордж. 17-летний рядовой Джозеф Пламб Мартин сохранил об этом дне настолько яркие воспоминания, что они не потускнели и за пятьдесят с лишним лет. Он писал, не скрывая сарказма: «Перед этим два или три дня у нас не было никакой еды, кроме того, что могли предложить деревья полевые и лесные. Но теперь мы должны были получить то, что Конгресс назвал роскошным благодарением в завершение изобильного года... Так вот, чтобы добавить нечто экстраординарное к нашему нынешнему запасу провизии, наша страна, всегда внимательная к своей страдающей армии, по этому случаю раскрыла свое любящее сердце и дала нам нечто, способное удивить мир. Как ты думаешь, читатель, что это было?.. 1/8 пинты риса и столовая ложка уксуса!!»³⁵.

Впоследствии дни благодарения назначались ежегодно, каждый раз на новые даты. В современном виде праздник сложился только в XX в.; в 1941 г. для него была назначена дата: четвертый четверг ноября.

Как и День независимости, День благодарения выполнял прежде всего функцию мобилизации и сплочения патриотов. Он был столь же политизирован, но имел более выраженную религиозную окраску.

Лоялисты отвергали революционную традицию вместе с революционной идеологией. У них были свои праздники, ареной которых становились оккупированные города – Нью-Йорк, Чарльстон, Филадельфия или Бостон. Это были торжества в честь побед Британской империи и праздники, связанные с королевской семьей. В песне, сочиненной лоялистом Дж. Оделлом для празднования в Нью-Йорке дня рождения короля в 1777 г., говорилось с полной уверенностью:

³⁴ Journals. Vol. 9. P. 854–855.

³⁵ Plumb 1830. P. 73. Неясно, что имеет в виду Мартин под словами Конгресса. В официальной прокламации цитируемых выражений не было.

Пленник скоро освободится от цепей,
И завоевание вернет нас Британии,
Чтобы вечно весело петь:
Слава и радость пусть венчают короля!³⁶

Правда, реальность вносила свои коррективы. Так, 4 июня 1778 г. английские солдаты в Филадельфии также планировали отметить день рождения своего монарха. Однако торжество сорвалось: к этому времени англичан выбили из города. Более успешным образцом лоялистского праздника можно признать причудливое зрелище под названием *Meschianza*, устроенное 18 мая 1778 г. в Филадельфии по инициативе майора Андре, впоследствии известного своей ролью в заговоре Б. Арнольда³⁷. В этот день генерал Хоу покидал пост главнокомандующего британскими силами в Америке и хотел отметить прощание запоминающимся зрелищем. По последней британской моде, это должен был быть роскошный праздник на открытом воздухе³⁸. Название, примерно означавшее по-итальянски «смесь», соответствовало сочетанию разных мероприятий. Приглашены были как британские офицеры, так и богатые филадельфийцы. В числе прочих гостей присутствовала будущая супруга Б. Арнольда, прекрасная Пегги Шиппен. Приглашения, оформленные все тем же незаменимым Андре, представляли собой гербовый щит с заходящим солнцем и пышным латинским девизом: «Сияю, нисходя, и вновь взойду в полном блеске».

День начался с регаты на реке Делавэр. Множество судов проходили вверх по реке под звуки музыки и залпы салюта, под приветствия зрителей. Затем на обширной лужайке был устроен стилизованный рыцарский турнир. Юная филадельфийка описывала эту сцену: «Наше внимание привлекла триумфальная арка в честь лорда Хоу. На ней был выгравирован Нептун со своим трезубцем; две сестры охраняли его с обнаженными шпагами. Они разместились в маленьких нишах, сделанных специально для этого. По обе стороны арки были места для леди: ступеньки, одна над другой, все покрытые коврами. <...> По особой просьбе организаторов четырнадцать юных леди были одеты одинаково: белые платья в польском стиле из Мантуи, с длинными рукавами, полосатые газовые тюрбаны и кушаки вокруг талии. Семь из них носили розовые кушаки с серебряными полосами, а другие – белые с золотыми полосами. Их газовые платочки были такого же цвета. Девушки в розо-

³⁶ The Captive shall soon be releas'd from his chain,/ And conquest restore us to Britain again./ Ever to join in chaunting merrily /Glory and joy crown the King! (Цит. по: Edelberg 1987. P. 66).

³⁷ Smith 2015. Vol. 1. P. 626. Андре был известен в Америке, кроме всего прочего, своей страстью к развлечениям: Короткова 2009. С. 42.

³⁸ В Британии того времени в моде были сельские праздники, театральные представления на открытом воздухе и т.п.: Shields and Teute 2015. P. 187.

вом и белом назывались Дамами пестрой розы, бело-золотые – Дамами пылающей горы». Сохранился сделанный Андре набросок костюма. Дама на рисунке украшена тюрбаном, отделанным жемчугом и небольшим плюмажем; ее восточный головной убор образует весьма необычное сочетание с высокой прической в стиле рококо³⁹. Затем явились герольды, одетые «совершенно в стиле Тысячи и одной ночи». Каждый провозглашал своих дам прекраснейшими на земле. Например, Черный герольд от имени своей партии провозгласил под звуки труб: «Рыцари пылающей горы явились сюда, дабы не словами, но деяниями опровергнуть тщеславные притязания Рыцарей пестрой розы, и выступают в борьбу, дабы утвердить превосходство Дам пылающей горы в красоте, добродетели и совершенствах над всеми во Вселенной».

Выехали рыцари в фантастических одеяниях (среди них был и Андре) и продемонстрировали подобие турнира, то преломляя копья, то обмениваясь пистолетными выстрелами. Когда два предводителя сошлись в поединке, распорядитель объявил, что дамы удовлетворены. За турниром последовали танцы и роскошный обед в зале, раскрашенном под мрамор, а также фейерверк, сияние которого отражалось в сотнях специально привезенных по такому случаю зеркал. Увеселения обошлись англичанам в кругленькую сумму: 3312 фунтов⁴⁰.

Реакция патриотов была предсказуемо негативной. Квакерша Ханна Гриффит, например, разразилась негодующими стихами, в которых *Meschianza* именовалась «постыдной сценой разврата», «погибелью здравого смысла и репутации», «празднеством, достойным величия королей» (совсем не комплимент в устах патриотки!)⁴¹. Некий старый артиллерист-американец припечатал: «Рыцари пылающей горы – дурали, а Рыцари пестрой розы – чертовы глупцы, вот и вся разница»⁴².

Бросается в глаза эклектическая эстетика праздника: помимо отсылок к античности (триумфальная арка, Нептун) и средневековью (турнир в честь прекрасных дам) присутствует восточная экзотика (кроме герольдов, одетых в стиле арабских сказок, в празднике участвовали еще рабы-негры в восточных костюмах, с серебряными браслетами на руках и обручами на шеях; они прислуживали на торжественном обеде). Не случайно американский исследователь Р. Фуллер характеризует этот праздник как «декадентский»⁴³. Некоторое сходство с декадансом рубежа XIX–XX вв. действительно присутствует.

³⁹ Haulman 2005. P. 654.

⁴⁰ *Rebels and Redcoats* 1957. P. 362–363; Fuller 1999. P. 137–138; Sargent 1861. P. 172; Fisher 1970. P. 251.

⁴¹ Цит. по: Shields and Teute 2015. P. 185.

⁴² Sargent 1861. P. 181.

⁴³ Fuller 1999. P. 128.

Также следует отметить, что лоялистское празднество было разовым мероприятием, подобным вигским «флэшмомам». Даже календарные лоялистские праздники, вроде дня рождения Георга III, отмечались в американских городах лишь от случая к случаю. Уходили британские войска – и с ними уходил праздник. Полноценной праздничной традиции в Америке лоялисты так и не создали, да и не могли создать, будучи проигравшей стороной. Здесь они резко отличались от своих политических противников.

И при этом очевидна территориальная близость лоялистского и патриотического праздника. Та же река Делавэр и те же улицы Филадельфии становились в 1778 г. сценой то для причудливой лоялистской *Meschianza*, то для ультрапатриотического Дня независимости, причем временной зазор между двумя столь разными праздниками не составил и двух месяцев, и вполне вероятно, что в числе зрителей были в обоих случаях одни и те же люди. В то же время идеологический посыл двух мероприятий противоположен. Мало того, что одно было посвящено английскому военачальнику, а второе символизировало конец английской власти в Америке. Если эстетика *Meschianza* была обращена к идеализируемому прошлому рыцарских турниров и прекрасных дам, то День независимости, напротив, был обращен в будущее и призван продемонстрировать торжество революционной утопии: свободное, процветающее, гармоничное сообщество патриотов. Градус политизированности в обоих случаях довольно высок. День независимости во время войны был, видимо, более откровенно ориентирован на «своих». Вся его символика так или иначе отторгала лоялистов; именно для этого загорались в окнах вигов праздничные огни, именно поэтому в праздничной процессии присутствовала пародийная «горийская леди». Что касается *Meschianza*, то здесь аллюзии к национальному прошлому использовались как комментарий к текущим событиям. Например, Андре сообщал зрителям, что турниры короля Артура служили для подготовки рыцарей к боям с «галлами», и призывал: «Пусть современные британцы сыграют старинную роль»⁴⁴. Столь же характерен посыл консервативной утопии с возвращением в романтическое Средневековье.

На примере праздничной культуры в Американской революции хорошо видно, как в новорожденной республике сосуществовали две разные идентичности, две разные ментальности. Просвещенческая и романтически-консервативная, устремленная в будущее и опрокинутая в прошлое, республиканская и монархическая. Разумеется, их сосуществование не могло продолжаться долго. Лоялистская идеология вместе с сопутствующей системой праздников должна была исчезнуть, а сами лоялисты – принять новый мир или смириться с участью эмигрантов.

⁴⁴ Fuller 1999. P. 139.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Алентьева Т.В. Чарльз Уилсон Пил – родоначальник династии художников // *Американистика*. Вып. 8. Курск: КГУ, 2016. С. 247–262. [Alenteva T.V. Charlz Uilson Pil – rodonachalnik dinastii hudozhnikov // *Amerikanistika*. Vyip. 8. Kursk: KGU, 2016. S. 247–262]
- Байбурун А.К. Ритуал в системе знаковых средств культуры // *Этнознаковые функции культуры / под ред. Ю.В. Бромлея*. М.: Наука, 1991. С. 23–42. [Bayburin A.K. Ritual v sisteme znakovyih sredstv kulturyi // *Etnoznakovyie funktsii kulturyi / pod red. Yu.V. Bromleya*. M.: Nauka, 1991. S. 23–42]
- Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Худож. литература, 1990. 545 с. [Bahtin M.M. Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovyya i Renessansa. M.: Hudozhestv. literatura, 1990. 545 s.]
- Белявская И.А. Джеймс Отис и его роль в подготовке Войны за независимость // *Американский ежегодник, 1975*. М.: Наука, 1975. С. 171–186. [Belyavskaya I.A. Dzheymys Otis i ego rol v podgotovke Voynyi za nezavisimost // *Amerikanskiy ezhegodnik, 1975*. M.: Nauka, 1975. S. 171–186]
- Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев / отв. ред. С.А. Токарев. М.: Наука, 1983. 221 с. [Kalendarnyye obyichai i obryadyi v stranah zarubezhnoy Evropy. Istoricheskie korni i razvitie obyichayev / otv. red. S.A. Tokarev. M.: Nauka, 1983. 221 s.]
- Короткова С.А. «355» и другие агенты генерала Д. Вашингтона // *Американистика: Актуальные подходы и современные исследования*. Вып. 2. Курск: КГУ, 2009. С. 38–44. [Korotkova S.A. «355» i drugie agenty generala D. Vashingtona // *Amerikanistika: Aktualnyie podhodyi i sovremennyye issledovaniya*. Vyip. 2. Kursk: KGU, 2009. S. 38–44]
- Мальшиева С.Ю. Историческая мифология советских «революционных празднеств» 1917–1920-х гг. // *Диалог со временем*. 2003. Вып. 10. С. 231–254. [Malysheva S.Yu. Istoricheskaya mifologiya sovetskikh «revolyutsionnyih prazdnestv» 1917–1920-h gg. // *Dialog so vremenem*. 2003. Vyip. 10. S. 231–254]
- Adams J. *Diary and Autobiography: 4 vols.* / ed. L.C. Faber. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1961.
- Edelberg C.D. *Jonathan Odell, Loyalist Poet of the American Revolution*. Durham, N.C.: Duke University Press, 1987. 220 p.
- Ellery W. *Diary* / H.C. Ellery // *Pennsylvania Magazine of History and Biography*. 1887. Vol. 11.
- Fisher D.E. *Social Life in Philadelphia during the British Occupation* // *Pennsylvania History: A Journal of Mid-Atlantic Studies*. Vol. 37. No. 3 (July 1970). P. 237–260.
- Fuller R. *Theaters of the American Revolution: The Valley Forge «Cato» and the Meschianza in Their Transcultural Contexts* // *Early American Literature*. 1999. Vol. 34 (2). P. 126–146.
- Haulman K. *Fashion and the Culture Wars of Revolutionary Philadelphia* // *The William and Mary Quarterly*. Third Series. Vol. 62. No. 4 (Oct. 2005). P. 625–662.
- Hutchins Z.M. *Community without Consent: New Perspectives on the Stamp Act*. Hanover, N.H.: Dartmouth, 2016. 264 p.
- Journals of the Continental Congress. 1774–1789: 34 vols.* / ed. by W.Ch. Ford. Washington, D.C., 1904–1937.
- Letters of Delegates to Congress, 1774–1789: 26 vols.* / ed. by P.H. Smith. Washington, D.C.: Library of Congress, 1976–2000.
- New York Daily Advertiser*. 1786.
- Pennsylvania Packet*. 1778.
- Plumb J.M. *A Narrative of some of the Adventures, Dangers and Sufferings of a Revolutionary Soldier; interspersed with anecdotes of incidents that occurred within his own observation*. Hallowell, Me, 1830.
- Rebels and Redcoats: The American Revolution through the Eyes of Those That Fought and Lived It* / ed. G. F. Scheer and H. F. Rankin. Cleveland: The World Publ. Co., 1957. 576 p.
- Sargent W. *The Life and Career of Major John André, Adjutant-General of the British Army in America*. Boston: Ticknor and Fields, 1861.
- Shields D.S., Teute F.J. *The Meschianza: Sum of All Fêtes* // *Journal of the Early Republic*. Vol. 35. No. 2 (Summer 2015). P. 185–214.

- Smith M.D. The World of the American Revolution: A Daily Life Encyclopedia: 2 vols. N.Y.: ABC-CLIO, 2015.
- South Carolina Gazette. 1765.
- Thacher J. A Military Journal during the American Revolutionary War, from 1775 to 1783. Boston, 1823.
- Travers L. Celebrating the Fourth: Independence Day and the Rites of Nationalism in the Early Republic. Amherst: Univ of Massachusetts Press, 1997. 288 p.
- Waldstreicher D. In the Midst of Perpetual Fetes: The Making of American Nationalism, 1776–1820. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1997. 364 p.
- Webb S.B. Correspondence and Journals: 3 vols. / ed. by W.S. Ford. N.Y., 1893–1894.
- Wilentz S. Chants Democratic: New York City and the Rise of the American Working Class, 1788–1850. New York – Oxford: Oxford University Press, 1984. 446 p.
- Young A.F. English Plebeian Culture and Eighteenth-Century American Radicalism // The Origins of Anglo-American Radicalism / ed. M. Jacob, J. Jacob. L. e.a.: Allen & Unwin, 1984. P. 185–212.

Филимонова Мария Александровна, доктор исторических наук, профессор кафедры философии, социально-правовых и естественно-научных дисциплин, Курский государственный университет; ведущий научный сотрудник, Курская академия государственной и муниципальной службы; mar-filimonova@yandex.ru

Two Festivals of the American Revolution

The article is focused on the festive culture of the American Revolution. The author analyzes Patriotic celebrations (Independence Day and Thanksgiving Day) and a loyalist holiday (Meschianza). The conclusion is that the holidays of both parties involved a utopian view of the world. The festive culture is included into the overall context of the formation of American national identity.

Keywords: USA history, American Revolution, festive culture, Thanksgiving Day, Independence Day, loyalists, John André

Mariya Filimonova, D.Sc. (History), professor, Kursk State University; leading researcher; Kursk Academy of state and municipal service; mar-filimonova@yandex.ru

Н. А. АНТИПИН

РУССКО-ЯПОНСКАЯ ВОЙНА 1904–1905 гг. И СОВЕТСКИЕ ПИСАТЕЛИ: РАБОТА НАД ПРОШЛЫМ

Русско-японская война 1904–1905 гг. стала одной из тем для советской художественной литературы. По меньшей мере, шесть крупных произведений было посвящено отдельным эпизодам кампании. Автор исследует мотивы, побудившие писателей обратиться к теме Русско-японской войны, влияние власти и идеологии на литературный процесс, отклики читателей на художественные тексты.

Ключевые слова: *Русско-японская война, художественная литература, культурная память, образы войны, коммеморация*

В 1930-е – начале 1950-х гг. в СССР появилось несколько художественных произведений, посвященных Русско-японской войне. Они прочно вошли в “short list” советского читателя. Самыми популярными из них – романы «Цусима» А.С. Новикова-Прибоя и «Порт-Артур» А.Н. Степанова – за время существования СССР выдержали множество переизданий, их тиражи достигли миллионов экземпляров, а авторы вошли в число советских классиков. Гораздо меньшую популярность получили романы «На сопках Маньчжурии» П.Л. Далецкого, «Варяг» и «Стережущий» А.С. Сергеева, «Портартурцы» Т.М. Борисова и повесть ««Аврора» уходит в бой» Г.Г. Халилецкого.

Почему именно эти авторы обратились к теме Русско-японской войны? Что послужило мотивами к созданию художественных произведений? Какова роль власти в литературном процессе? Чем обусловлена популярность одних произведений и периферийный статус других? Постараемся ответить на эти вопросы.

Важнейшим произведением для многих советских читателей и, пожалуй, единственным источником знаний о Русско-японской войне, был роман «Цусима». Его автор Алексей Силыч Новиков (1877–1944), впоследствии взявший писательский псевдоним «Новиков-Прибой», родился в крестьянской семье Тамбовской губернии, учился в церковно-приходской школе, в 1899 г. был призван на военную службу и попал на флот. Биографы писателя указывают, что на флоте он занимался чтением нелегальной литературы. С началом Русско-японской войны Новиков в составе экипажа броненосца «Орел» попал во 2-ю Тихоокеанскую эскадру, которая должна была из Либавы попасть в Порт-Артур. Этот переход закончился сражением у островов Цусима в Японском море, а матрос Алексей Новиков попал в плен, где он развил активную деятельность по сбору рассказов участников сражения. Кроме того, он сотрудничал с русским ученым-этнографом и революционером

Н.К. Русселем (Судзиловский) и публиковался в его газете «Япония и Россия». По возвращении в Россию Новиков занялся обработкой полученных материалов. До 1917 г. он опубликовал несколько очерков, которые позднее в переработанном виде вошли в роман «Цусима»: «Цусима», «Гибель эскадренного броненосца «Бородино», «Гибель эскадренного броненосца «Ослябя»», «Гибель крейсера первого ранга «Адмирал Нахимов»», «Безумцы и бесплодные жертвы», «За чужие грехи», «Между жизнью и смертью». В 1907–1913 гг. начинающий писатель жил во Франции, Англии, Испании, Италии, Северной Африке. В 1912–1913 гг. – у Максима Горького на острове Капри¹.

После революции А.С. Новиков-Прибой в своем литературном творчестве развивал несколько линий, причем тема Русско-японской войны не была доминирующей. Все изменилось в 1928 г., когда в родном селе писателя Матвеевском на Тамбовщине его племянником были найдены его бумаги: записи воспоминаний участников Цусимского сражения, спрятанные по его просьбе братом². Это позволило Новикову-Прибою возобновить свою работу над романом. Спустя пару лет в журнале «Молодая гвардия» он опубликовал первую книгу «Цусимы»³, которая в 1932 г. вышла под названием «Поход».

Она вызвала множество откликов читателей. В 1932–1933 гг. автор получил немало писем. И. Жаров из Узбекистана, Н. Жильцов из Хабаровска, Ш. Жордания из Азербайджана, Ф. Исмагилов из Белоречья, П. Назаров из Москвы, И. Колядко из Смоленска, И. Афонин из Ленинграда⁴ и многие другие спрашивали писателя: почему нет продолжения, ведь книга названа «Цусима», а описания боя нет. Однако это был не укор писателю, а скрытая похвала: читатели высоко оценили роман и ждали его продолжения. «Ваши произведения зачитываются почти все колхозники от мала до велика. В прошлом, т.е. 1932 г. появилось в роман-газете ваше произведение «Цусима», 1 часть романа, почему эта книга нарасхват читалась всей массой, ждали второй книги, неизвестно по чьей вине к нам не попала», – писал 15 июля 1933 г. Василий Ефремов, член правления колхоза «Москва» Октябрьского района Татарской республики⁵. Участник Русско-японской войны Л.В. Ларионов писал автору, что присутствовал на обсуждении романа в Ленинграде и слышал только благожелательные отзывы⁶. Другой ветеран войны Г.И. Ноженко из деревни Елизаветовка из-под

¹ Смирнов 1967. С. 237–238; Красильников 1950. С. 367–369; Горчаков 1968. Т. 5. Стб. 313–315.

² Красильников 1966. С. 13–66.

³ См.: Новиков-Прибой 1930.

⁴ РГАЛИ. Ф. 356. Оп. 1. Д. 120. Л. 3, 5–5 об., 7–7 об., 14–17, 24, 26. Д. 119. Л. 10–10 об.

⁵ См.: Там же. Д. 120. Л. 1.

⁶ См.: Там же. Д. 116. Л. 18–19.

Луганска в своем письме отметил краткость произведения. Очевидно, для расширения повествования он предложил А.С. Новикову-Прибою купить у него свой военный дневник⁷. Вероятно, писатель не принял предложение: в романе нет упоминания фамилии Ноженко.

В 1934 г. А.С. Новиков-Прибой опубликовал вторую книгу, озаглавленную «Бой»⁸ и продолжил получать многочисленные отзывы на свое сочинение⁹. Один из них поступил в 1939 г. от участника Цусимского сражения И.Т. Филиппова. Этот отзыв был передан автору через Союз советских писателей в январе 1940 г. Само письмо Филиппова обнаружить не удалось, но по ответу Новикова-Прибоя в оборонную комиссию ССП можно представить, в чем заключались претензии читателя. И.Т. Филиппов заявил, что «Цусима» содержит лживые факты, а правдивой является книга капитана 2-го ранга В.И. Семенова «Расплата», появившаяся вскоре после окончания Русско-японской войны. Новиков-Прибой, отвечая на претензии читателя, заключил: «Около 300 человек живых участников боя мне известны по личным встречам и переписке, но выпад Филиппова – первый и единственный в своем роде» (14 февраля 1940 г.)¹⁰. К 1960 г. роман переиздавался 315 раз, с общим тиражом 10 616 000 экземпляров¹¹.

Тон рецензий был положительный, и большинство критиков признавали, что издание «Цусимы» – значительное событие в советской литературе. В рецензиях на первый том отмечалось, что автору удалось революционная тема, он сумел изобразить противоречия, царившие в военной среде. Но даже незначительные обращения к проблеме героизма на войне и сплочения команд кораблей перед боем навлекли на Новикова-Прибоя резкую критику в журнале «Звезда»: «Здесь в “Цусиме” отраженным светом играет официальная патриотическая идеология, пронизывающая, в частности, такую ярко-шовинистическую книгу, как трилогия Вл. Семенова», – замечает рецензент С. Варшавский и говорит о непоследовательности писателя в описании событий¹².

Однако с публикацией романа работа над ним не закончилась. До самой смерти в 1944 г. Новиков-Прибой продолжал дополнять «Цусиму». В 1935 г. через газеты «Красная звезда» и «Красный флот» он обратился к живым участникам Цусимского сражения и их родственникам: «Для пополнения моей книги “Цусима” новыми героическими

⁷ См.: Там же. Д. 117. Л. 1.

⁸ См.: Красильников 1950. Т. 3. С. 369.

⁹ Кроме того, на роман «Цусима» в периодической печати появилось множество рецензий, напр.: Рожков 1932; Варшавский 1933; Вишневецкий 1935; Горбов 1933; Кунцевич 1932; Перцов 1933; Сергеев-Ценский 1933; Эвентов 1935.

¹⁰ РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 16. Д. 78. Л. 90–93.

¹¹ См.: Красильников 1966. С. 314.

¹² Варшавский 1933. С. 163.

эпизодами я разыскиваю, и частью уже нашел, живых участников Цусимского боя – старых моряков 2-й Тихоокеанской эскадры. По свидетельствам этих очевидцев мне нужно подробнее выяснить некоторые обстоятельства боя и героические действия русских моряков на других кораблях, кроме броненосца “Орел”, на котором присутствовал сам»¹³. Дальнейшая работа писателя над текстом была связана с развитием героической линии повествования. Его биограф В. Красильников отмечал, что вставки и дополнения «должны были, по замыслу автора, подчеркнуть основное: в войне с Японией потерпело поражение самодержавие, а не героический русский народ»¹⁴. Это же заметил и офицер-эмигрант, редактор нью-йоркской газеты «Россия» Г.Б. Александровский: «Новиковым был собран богатейший материал, но что он с ним сделал? В первом издании его книги почти не было положительных отзывов о своих офицерах. Даже советские критики ужаснулись и в газете “Красный флот” роман был подвергнут жесткой критике, требовавшей переработки книги и введения в нее, кроме благоприятных отзывов о матросах, еще положительных характеристик о морских офицерах, участвовавших в сражении. <...> Но нельзя исправить дух книги, наполненный поражением по отношению к своей родине, когда она управлялась исторической русской властью, психологией обывательской трусости и физиологической ненавистью полуинтеллигента ко всему, что напоминает ему о его душевной неполноценности»¹⁵.

Присуждение в 1941 г. А.С. Новикову-Прибою Сталинской премии II степени за вторую книгу «Цусимы» показательное. Именно вторая книга романа содержит описание боя и примеры героизма русских моряков. 14 января 1941 г. на заседании секции литературы и искусства Комитета по Сталинским премиям обсуждался вопрос о романе «Цусима». А.А. Фадеев тогда подвел такой итог: «Либо “Цусима”, либо “Севастопольская страда”»¹⁶. Это две исторических работы. Когда мы говорили на секции, то при всей симпатии к “Цусиме”, решили, что “Севастопольская страда” более мастерское произведение. По-моему, надо оставить так, как было»¹⁷. Таким образом, роман «Цусима» не был номинирован, но в итоге авторы обоих романов оказались лауреатами премии¹⁸. Здесь, очевидно, проявилось влияние ЦК ВКП (б), а, возможно, и И.В. Сталина, как это нередко случалось. 21 октября 1946 г. на заседании пленума Комитета по Сталинским премиям композитор и педагог А.Б. Гольденвейзер по поводу вмешательства представителей

¹³ Красильников 1950. Т. 3. С. 370–371.

¹⁴ Там же. С. 371.

¹⁵ Александровский 1956. С. 9–10.

¹⁶ Роман С. Н. Сергеева-Ценского (1875–1958).

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 2. Л. 235.

¹⁸ См.: Присуждение Сталинских премий... 1941.

правительства в решения Комитета сказал: «Мы знаем, что значительный процент выдвижений не совпадает с нашим мнением. Меняются кандидатуры, меняются категории степени премий. Входить в полемику с правительством по этому вопросу мы не можем, так как правительство не объясняет нам, почему оно делает те или иные изменения в выдвижаемых кандидатурах. Поэтому мы, являясь лишь совещательным органом, не можем отчитываться в присуждении премий»¹⁹.

Закономерным этапом продвижения романа должна была стать его постановка в театре или экранизация. В 1947 г. драматург М.К. Нефедов подготовил сценарий по «Цусиме» и предложил поставить пьесу в Центральном театре Красной Армии. Он так выразил ее суть: «Идея пьесы показать гниль и никчемность самодержавного строя, его жестокость, на фоне борьбы и страданий обреченных на бесплодную гибель людей. Но жестокая, невинная смерть несет просветление, которое рождает ростки мести и дань светлого будущего»²⁰. Очевидно, такая концепция уже не удовлетворяла запросам времени: требовалось не разоблачение порядков дореволюционной России, а выявление героических эпизодов в прошлом. Пьеса «Цусима» так и не была поставлена.

Биография автора другого популярного романа о Русско-японской войне требует особого внимания. Александр Николаевич Степанов умело создал миф о себе и придумал собственную историю жизни, которая отчасти обеспечила успех его главного произведения – романа «Порт-Артур». В советской литературе, в предисловиях к сочинениям и энциклопедиях многократно воспроизводилась биография Степанова. Кратко это выглядело так: родился в 1892 г. в семье военного, в 1901–1903 гг. обучался в Полоцком кадетском корпусе, затем вместе с семьей в Порт-Артуре, с отцом пережил осаду крепости в 1904 г. В 1913 г. окончил Санкт-Петербургский технологический институт. Участник Первой мировой войны. Участвовал в подавлении Кронштадтского мятежа. В 1921 г. окончил Артиллерийскую академию РККА. Автор романов «Порт-Артур» и «Семья Звонаревых». Умер в 1965 г.²¹

Став известным писателем, А.Н. Степанов в статьях о работе над романом и публичных лекциях неоднократно рассказывал о своей жизни в Порт-Артуре в годы войны. Он писал, что в 1903 г. его отца, капитана, перевели в Порт-Артур, куда он отправился вместе со своей семьей. Когда в 1904 г. японцы высадились на Ляодунский полуостров, мать с братом и сестрами выехали из крепости, а он по пути отстал от поезда и вернулся к отцу. Вместе с отцом был на позициях²².

¹⁹ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 21. Л. 7.

²⁰ См.: Там же. Ф. 356. Оп. 3. Д. 26. Л. 1–46. Д. 92. Л. 1.

²¹ См.: Курганов 1964. Т. 7. Стб. 168–169.

²² См.: Степанов 1945.

Д.К. Николаев и О.В. Чистяков, занимаясь составлением списка русских офицеров-защитников Порт-Артура, столкнулись с тем, что среди защитников крепости не встречается ни одного офицера с именем Николай Степанов. Это позволило им раскрыть миф А.Н. Степанова. На самом деле, он родился в 1892 г. в семье тверского дворянина и штабс-капитана Н.Н. Степанова, который служил в Новогеоргиевской крепости на р. Висле (Польша). А.Н. Степанов окончил кадетский корпус и артиллерийское училище. Он участвовал в Первой мировой войне, был награжден пятью орденами и Георгиевским оружием. 2 декабря 1917 г. был зачислен в Михайловскую артиллерийскую академию, которую окончил в 1920 г., получив звание военного инженера-технолога²³. Очевидно, в 1920-е гг. он оказался в Краснодаре, где работал инженером. Несмотря на то, что А.Н. Степанов не был в Порт-Артуре, он мог представить крепостной быт, устройство оборонительных сооружений: его детство прошло в Новогеоргиевской крепости, а личный военный и боевой опыт позволил реконструировать обстановку войны и взаимоотношения в среде военных.

Что побудило писателя переработать свою биографию? Только ли литературные задачи? Несомненно, то, что автор был непосредственным очевидцем описываемых событий, придавало художественному тексту значение исторического источника и убеждало в его правдивости. Возможно, мотивом «редактирования» своей биографии было стремление подражать А.С. Новикову-Прибою, успех которого отчасти основывался на личном военном опыте: участии в Цусимском сражении. Объяснение можно найти и в другом. Ведь А.Н. Степанов был дворянином и царским офицером, многократно отличившимся в боях. Советский писатель настолько стремился отстраниться от своего офицерского прошлого, что называл свою службу «воинской повинностью»: «Война 1914–1918 гг. застала меня отбывающим воинскую повинность в первой гвардейско-артиллерийской бригаде. После революции я сразу же перешел в Красную Армию и участвовал в Гражданской войне»²⁴. Во всяком случае, писателю удалось создать правдоподобный миф, который сопровождал его всю оставшуюся жизнь и до сих пор воспроизводится в литературе.

В рассказах Степанова о работе над романом встречаются и различия относительно зарождения идеи написания «Порт-Артура»²⁵.

²³ Николаев, Чистяков 2010. С. 31–33.

²⁴ Степанов 1945. С. 115.

²⁵ История Порт-Артура, революционная традиция, ленинские оценки привели к тому, что в ранние советские годы образ крепости был наполнен негативными коннотациями. Пример тому – роман Г.А. Бутковского (1903–1941), опубликованный в 1933 г. под названием «Осада», а в переработанном виде изданный в 1935 г. под названием «Порт-Артур. (Осада)». Образ Порт-Артура здесь весьма определенный:

В статье 1945 г. он вспоминал, что в 1931 г. попал в больницу и там начал писать об обороне крепости²⁶. В 1958 г. в общении с литературоведом и критиком Н.Ф. Веленгуриным писатель иначе воспроизвел историю появления идеи романа: «Собирались в Доме ученых (в Краснодаре – *Н.А.*), мы нередко вспоминали порт-артурские бои. Помню, в начале тридцатых годов была напечатана пьеса «Порт-Артур»²⁷. Прочитал ее. Пьеса не понравилась. Сейчас не помню, чем не понравилась, но хорошо знаю, что она у меня вызвала протест. Сказал об этом Павлу Петровичу Авророву (краснодарский профессор – *Н.А.*). А вы возьмитесь сами, напишите, – предложил Авроров, вы были в Порт-Артуре, видели бои. Я задумался. Стал изучать все имеющиеся материалы...»²⁸.

Н.Ф. Веленгурин назвал П.П. Авророва знакомым А.Н. Степанова по Порт-Артuru. Однако П.П. Авроров (1870–1940) не был в Порт-Артуре, в 1904 г. он стал приват-доцентом кафедры общей патологии Томского университета. В 1922 г. он оказался в Краснодаре, где работал во вновь образованном университете и участвовал в организации Кубанского медицинского института им. Красной Армии²⁹. Таким образом, если и встречался Степанов с Авроровым, то только в Краснодаре. Писатель с легкостью сочинял новые мифы, которые невозможно было проверить: Авроров к этому времени уже умер. Тогда же в 1958 г. Степанов сообщил Веленгурину новые подробности своей биографии: что он писал и до и после революции, что в годы Первой мировой войны его рассказы выходили в «Ниве»³⁰. В 1945 г. в «Новом мире» писатель отмечал иное: «...никого литературного опыта я не имел, никогда ничего не писал и плохо представлял себе, как я справлюсь с такой трудной и большой задачей»³¹. Так со временем А.Н. Степанов уже сам запутался в выдуманных фактах своей жизни. Остается вопрос, когда он начал работать над «Порт-Артуром»? 27 мая 1936 г. А.С. Новиков-Прибой писал А.Н. Степанову: «С большим интересом я прочитал при-

«Так назывался цех за свою отдаленность от прочего мира. <...> Скверный барак “Порт-Артур”, приплюснутый, словно стыдившийся своих серых, гнилых стен, сколоченный наспех из старых досок» (Бутковский 1935. С. 8).

²⁶ См.: Степанов 1945. С. 115.

²⁷ Никулин 1937. Автор пьесы Л.В. Никулин (1891–1967) вспоминал: замысел пьесы родился в 1937 г., когда он встретил Илью Ильфа, который нес четыре тома стенограммы Порт-Артурского процесса. Илья Ильф отдал их Л.В. Никулину и сказал: тут можно написать пьесу. В том же году он написал пьесу «Порт-Артур», которая была поставлена в Москве, Киеве, Харькове (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 729. Л. 30). Кроме того, она была издана в Москве в издательстве «Искусство» (1937) и Гослитиздате (1938) и могла быть доступна А.Н. Степанову.

²⁸ Веленгурин 1965. С. 4–5.

²⁹ См.: Некрылов, Новицкий 2011.

³⁰ См.: Веленгурин 1965. С. 5.

³¹ Степанов 1945. С. 115.

веденные Вами воспоминания – они изложены с полным знанием дела, обстановки и того времени. Очень приятно было встретить мне в письме также компетентное подтверждение тех положений, которые содержатся в моей “Цусиме”... Старайтесь довести дело это до конца и узнать мнение издательства. Вашему успеху в этом буду весьма рад»³². Если это письмо из архива Степанова подлинное, то к 1936 г. у писателя уже имелся некий текст, воспринятый Новиковым-Прибоем как воспоминания. Принимаясь за работу над романом, Степанов, имел пример разработки темы Русско-японской войны. Источниковой основой для него послужила обширная дореволюционная публицистическая, историческая, мемуарная литература и периодическая печать. Наличие у писателя многолетнего труда по истории Русско-японской войны, составленного Военно-исторической комиссией, опубликованных воспоминаний участников обороны, а, возможно, и устных рассказов, услышанных во время учебы и службы в армии, личный военный опыт позволили ему реконструировать обстановку в осажденной крепости.

В 1940 г. в Краснодаре тиражом 8 тыс. экз. вышел первый том «Порт-Артура»³³. Уже во время Великой Отечественной войны, когда фронт продвигался к Кавказу, в конце 1941 г. был опубликован второй том³⁴. 9 августа 1942 г. Краснодар был взят немцами, а незадолго до этого А.Н. Степанов эвакуировался в Москву, затем во Фрунзе (Киргизия)³⁵. Его разыскивали. Генерал-лейтенант Н.В. Пупышев, автор биографического очерка о А.С. Щербакове, ближайшем соратнике Сталина, первом секретаре Московского горкома ВКП (б), секретаре ЦК ВКП (б) и кандидате в члены политбюро, начальнике Главного политического управления Красной Армии, воспроизводит такую историю:

«Как-то в конце 1943 года Александр Сергеевич (Щербаков. – Н.А.) спросил одного сотрудника, читал ли он книгу Степанова “Порт-Артур”.

– Книгу эту, – сказал Александр Сергеевич, – отыскал товарищ Сталин. Издана она в Краснодаре, вышла очень маленьким тиражом, и ее с трудом нашли лишь в библиотеке имени Ленина. Товарищ Сталин на днях показал мне эту книгу и спросил, не читал ли я ее. Я признался, что, хотя читаю достаточно много, эта книга как-то прошла мимо меня. Вот он и дал мне ее прочесть.

Затем он помолчал и продолжил:

– Далеко смотрит товарищ Сталин, далеко. Он считает необходимым “Порт-Артур” немного переработать, подсократить то, что касается любви, и переиздать большим тиражом. Заняться этим поручено нам. Нужно бы поскорее разыскать автора»³⁶.

³² Веленгурин 1965. С. 13.

³³ См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 729. Л. 55–58.

³⁴ См.: Веленгурин 1965. С. 14.

³⁵ См.: Там же. С. 9.

³⁶ Пупышев 1986. С. 387.

Пупышев ошибся, говоря, что автора романа отыскиали на фронте. Однако остальное вполне правдоподобно. Биограф Степанова Веленгурин отмечал, что в 1944 г. писателя вызвали в Москву и в ЦК ВКП (б) предложили в течение двух недель подготовить роман «Порт-Артур» для полного и массового издания. Очевидно, Щербаков встречался со Степановым: «Беседа была довольно продолжительной. Степанов рассказывал о себе, о том, как совсем юным во время Русско-японской войны был вместе с отцом в армии. Затем речь пошла о романе, и Александр Сергеевич высказал пожелание о некотором его сокращении, а также задал кое-какие вопросы по тексту. Степанов внимательно выслушал пожелания и замечания Щербакова, полностью согласился с ними и выразил готовность сейчас же приступить к работе, что и было практически немедленно осуществлено», – писал Пупышев³⁷.

Писатель справился с заданием, и вскоре книга была опубликована³⁸, хотя и после этого работа над ней продолжилась. В московском издании с обложки исчезло слово «роман»: «Я назвал книгу романом. И.В. Сталин предложил назвать историческим повествованием ввиду наличия в книге большого количества документов», – вспоминал писатель в письме к В. Курганову 16 декабря 1955 г.³⁹ Это одно из немногих доказательств того, что Сталин приложил руку к работе над романом. В этом проявилась практичность сталинского мышления. 1 декабря 1943 г. закончилась Тегеранская конференция, на которой обсуждался вопрос о вступлении СССР в войну с Японией после заключения мира в Европе⁴⁰. Война с Японией – это война в Маньчжурии и дорога на Порт-Артур. В этой ситуации роман Степанова оказался актуальным и идеологически полезным. Критики единогласно положительно оценили новый роман и признали своевременность его появления⁴¹. Историк А.Л. Сидоров отметил: «Автор методически правильно и исторически объективно подошел к оценке старой армии и флота»⁴². Писатель Б.А. Лавренев признал, что труд А.Н. Степанова «дал народу крупное, нужное, мобилизующее и вооружающее читателя художественно-историческое произведение, которое на долгие годы займет почетное место на книжной полке советского читателя»⁴³.

Роман «Порт-Артур» приобрел не меньшую популярность, чем «Цусима». А.Н. Степанов начал получать отзывы уже в 1941 г. Читате-

³⁷ См.: Веленгурин 1965. С. 9.

³⁸ См.: Степанов 1944.

³⁹ Курганов 1967. С. 193.

⁴⁰ 28 ноября 1943 г. на Тегеранской конференции об этом заявил И.В. Сталин (См.: Советский Союз на международных конференциях... 1978. Т. 2. С. 98).

⁴¹ См.: Игнатьев 1941; Сидоров 1945; Лавренев 1945; Бородин 1944.

⁴² Сидоров 1945. С. 100.

⁴³ Лавренев 1945. С. 143.

ли жаловались на отсутствие романа в широком доступе, что было естественно, так как он был издан небольшим тиражом и лишь в Краснодаре. Прочитавшие роман называли его «шедевром современной литературы», «крупнейшим произведением социалистического реализма». После издания романа в Москве он появился во многих библиотеках страны. А. Рожнова, заведующая районной библиотекой в Калужской области, в январе 1945 г. писала, что у нее в библиотеке только один экземпляр романа, а спрос на него велик, его читают вслух, на чтение очередь⁴⁴. Подобная история была и в Ярославле: главный бухгалтер текстильного техникума в августе 1945 г. писал Степанову, что после большой очереди он получил книгу и прочитал ее 3 раза!⁴⁵

Один из участников войны, морской врач и эмигрант Я. Кефали оставил отзыв на книгу: «Фантазия Степанова безгранична. Это тем более печально, что в его романе действительно имеется столько мелочей артурской жизни и такая осведомленность о бесконечных сплетениях того времени, сохранившаяся в памяти артурцев до сего дня, что для него, как несомненного участника Порт-Артурской эпопеи, не было надобности выдумывать факты. В Париже, на одном из обедов уцелевших защитников говорили, что Степанов в период осады был еще мальчиком, много слышался, много видел, но все перепутал»⁴⁶.

Скоро роман «Порт-Артур» приобрел популярность среди молодежи. В 1948 г., проверяя эффективность «пропаганды лучших произведений советской литературы», Московский библиотечный кабинет Управления культурно-просветительских учреждений разослал в московские библиотеки анкету о чтении молодых рабочих, учащихся ремесленных школ и школ ФЗО. Из 780 читателей 23 назвали любимой книгой «Порт-Артур», она заняла седьмое место в рейтинге популярности художественных произведений, пропустив вперед «Молодую гвардию» А. Фадеева, «Как закалялась сталь» Н. Островского и некоторые другие. Еще 67 человек хотели бы прочитать роман А.Н. Степанова⁴⁷.

Союз советских писателей выдвинул роман на Сталинскую премию. Он обсуждался на заседании президиума ССП, по меньшей мере, дважды – зимой и весной 1945 г. На заседании 7 февраля писатель А.А. Караваева отметила, что роман оставил глубокие впечатления, в нем заключен огромный жизненный опыт, книга написана в традиции строгого реализма⁴⁸. В.И. Лебедев-Кумач заметил, что автор весьма точно

⁴⁴ РГАЛИ. Ф. 2328. Оп. 1. Д. 132. Л. 4, 7, 8.

⁴⁵ Там же. Л. 19.

⁴⁶ Кефели 1955. С. 58.

⁴⁷ См.: Добренко 1997. С. 260.

⁴⁸ И здесь видно, как прочно укоренилась мифическая биография Степанова: Караваева подчеркнула, что автор – пожилой человек, «старый порт-артурец», хотя он был лишь на год ее старше. См.: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 15. Д. 722. Л. 43–49.

уловил образы С.О. Макарова и Р.И. Кондратенко, но произведение ему показалось местами затянуто. С этим замечанием согласился и Ф.В. Гладков, он посоветовал сократить текст⁴⁹. Продолжение обсуждения состоялось 18 апреля 1945 г. Открывший заседание председатель ССП, поэт Н.С. Тихонов сказал, что в романе показана славная страница истории русской армии и флота. Его поддержал писатель П.А. Павленко, отметив своевременность и полезность книги: роман напоминает о том, что советский народ считает Порт-Артур родным⁵⁰. Присутствовавший на собрании вспомнил, что в 1944 г. «он был вызван в Москву руководящими органами», ему было дано десять дней на переработку двухтомника и дан ряд указаний, затем издание «Порт-Артура» заняло всего 49 дней. Очевидно, по мнению А.Н. Степанова, особое внимание власти к его роману должно было свидетельствовать о его актуальности, но одновременно, спешность в работе несколько повредила качеству⁵¹.

В марте 1945 г. на заседаниях литературной секции Комитета по присуждению Сталинских премий за 1944 г. определились претенденты. Первую премию присудили В.А. Каверину за роман «Два капитана». На три вторых премии предложены «Порт-Артур» (А.Н. Степанов), «Бессмертие» (А.К. Югов) и повесть «Дорогие мои мальчишки» (Л.А. Кассиль)⁵². Однако в постановлении Совета народных комиссаров СССР 26 января 1946 г. премии распределились иначе: В.Я. Шишкову (роман «Емельян Пугачев») и А.Н. Степанову («Порт-Артур») присуждены премии первой степени, а премии второй степени получили В.А. Каверин, Б.Л. Горбатов, В.Л. Василевская, К.М. Симонов⁵³.

Таким образом, предложение Комитета по Сталинским премиям осталось без особого внимания. Сталин сам определил лауреатов, при этом выдвинув роман «Порт-Артур» на первую позицию. К.М. Симонов в своих размышлениях, не предназначенных для печати, писал:

«Этот очень интересный факт подтверждает утилитарность сталинского взгляда на исторические произведения. <...> В сорок втором или в сорок третьем году Сталин мог вполне сказать об этой нравившейся ему книге (роман «Порт-Артур» – *Н.А.*): нужна ли она нам сейчас? Нужно ли было, особенно до начала сорок третьего года, до капитуляции Паулюса в Сталинграде, напоминание о падении Порт-Артура. А в 1946 г. Сталин счел, что эта книга нужна как нечто крайне современное, напоминание о том, как царь, царская Россия потеряла 40 лет назад то, что Сталин и возглавляемая им страна вернули себе сейчас»⁵⁴.

⁴⁹ См.: Там же. Л. 50–51.

⁵⁰ См.: Там же. Д. 729. Л. 3–27.

⁵¹ Там же. Л. 55–58.

⁵² Там же. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 13. Л. 37.

⁵³ См.: О присуждении Сталинских премий... 1946.

⁵⁴ Симонов 1988. С. 185–186.

Одновременно с А.Н. Степановым к теме Русско-японской войны обратились два подлинных очевидца войны Т.М. Борисов и А.С. Сергеев. Однако успех их произведений был не столь значительным.

Трофим Михайлович Борисов родился в 1882 г. в г. Гурьеве. Позднее оказался в Сибири, поступил на службу в Иркутскую судебную палату. С конца 1903 г. на военной службе. В качестве канонира второй батареи 4-й Восточно-Сибирской стрелковой артиллерийской бригады участвовал в Русско-японской войне и обороне Порт-Артура. В японском плену у него появилось первое сочинение – стихотворение «В плену». В январе 1906 г. Т.М. Борисов вернулся из плена, занялся рыбным промыслом, а в 1925 г. стал представителем Морепродукта в Хабаровске. Одновременно продолжал писать, тогда и появилась повесть «Тайна маленькой речки», которую отметил Максим Горький. Биограф писателя Н. Филипецкий утверждает, что идея описания событий обороны крепости Порт-Артур родилась у Борисова в Японии. Он много лет собирал материалы, переписывался с участниками войны и до конца жизни работал над романом «Портартурцы». Произведение автобиографично, сам автор скрывается под именем главного героя романа Тихона Подковкина. Подобное решение писателя позволило ему максимально использовать личный боевой опыт и собственные воспоминания. Первая часть романа была опубликована в 1940 г. в шестом номере журнала «На рубеже», вторая часть в 1941 г. в первом номере того же журнала⁵⁵. Таким образом, публикация «Портартурцев» во Владивостоке по времени совпала с изданием в Краснодаре «Порт-Артура». В 1959 г. роман вышел отдельной книгой⁵⁶.

В 1904 г. в Порт-Артуре также был Алексей Степанович Сергеев. Он родился в 1886 г. в г. Очакове Херсонской губернии в семье артиллерийского офицера. Окончил Симферопольскую гимназию. Затем поступил в Санкт-Петербургский университет на филологический факультет, но смерть матери вынудила оставить образование. Работал мелким банковским служащим в Порт-Артуре. Ему было 18 лет, когда началась война с Японией. Он оказался ее свидетелем. В 1937 г. у него появилась идея написать книгу о Русско-японской войне. А.С. Сергеев немного «опоздал», его тема уже была занята А.Н. Степановым, очевидно, поэтому он остановился на героических сюжетах, связанных с «Варягом» и «Стерегущим», которые еще в годы войны стали символами и примерами доблести и героизма. В 1946 г. в Москве опубликован роман «Варяг», а в 1957 г. – «Стерегущий»⁵⁷, его автор не увидел:

⁵⁵ См.: Великая 1965; 1971; Соколова 1965; Филипецкий 2007; 2007.

⁵⁶ См.: Борисов 1959.

⁵⁷ См.: Сергеев 1946; 1957.

он умер в 1954 г. Сочинения А.С. Сергеева не нашли широкого распространения и популярности среди советских читателей.

Павел Леонидович Далецкий (1903–1963) родился в семье военного юриста накануне Русско-японской войны и не мог сформировать отношение к конфликту на личном опыте. В 1924 г. окончил филологический факультет Дальневосточного университета. В его творчестве большое место занимала тема Дальнего Востока. В конце 1920-х гг. писатель переехал в Ленинград. В 1930-е гг. опубликовал несколько произведений, посвященных Гражданской войне на Дальнем Востоке, быту японских крестьян. Здесь же в 1951 г. вышел его роман «На сопках Маньчжурии» – самое большое по объему художественное произведение, посвященное Русско-японской войне (более 1100 страниц)⁵⁸. Замысел романа у П.Л. Далецкого возник в 1945 г., когда он в ходе Советско-японской войны вместе с Красной Армией оказался в Маньчжурии. «Я почувствовал, что надо вспомнить о тех далеких годах, и тогда ярче будет картина нашей замечательной сегодняшней победы», – писал он в предисловии к роману⁵⁹. Тему ему мог «подсказать» Сталин в своем выступлении 2 сентября 1945 г. по случаю победы над Японией. В качестве заглавия своего сочинения он избрал название известного вальса капельмейстера И.А. Шатрова, который тот сочинил после Русско-японской войны под впечатлением потерь, понесенных 214-м Мокшанским полком. Если вальс выразил скорбь по погибшим воинам, то роман содержит множество тем: военную, политическую, социально-революционную и т.п. В одном роман продолжает вальс, вернее тему стихов, написанных в 1906 г. Скитальцем (псевдоним писателя С.Г. Петрова) на музыку И.А. Шатрова. Это тема отместки:

Мир вашей душе!
Вы погибли за Русь, за Отчизну.
Но верьте еще мы за вас отомстим
И справим кровавую тризну!⁶⁰

В 1951 г. ленинградское отделение Союза писателей выдвинуло роман «На сопках Маньчжурии» на Сталинскую премию. Роман живо обсуждался на заседаниях секции литературы 3 и 17 декабря 1951 г.⁶¹ Б.А. Лавренев выразил основные замечания свои и рецензентов: автор «странно влюблен в японцев», не подходит критически к освещению образа врага, даже восхищается японскими обычаями и самурайством; японские солдаты представляются культурнее и благороднее, чем русские; произведение стилистически неоднородное, хорошо проработан-

⁵⁸ См.: Лунин 1964. Т. 2. Стб. 502–503.

⁵⁹ Далецкий 1953. Кн. 1. С. 8.

⁶⁰ Бирюков 1995.

⁶¹ См.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 55. Л. 313.

ные фрагменты соседствуют с сырыми и вяло написанными. Лавренев сравнил роман Далецкого с вариантом «Цусимы», который пришлось существенно переделывать Новикову-Прибою, и посоветовал автору еще поработать над текстом⁶². Также он узнал мнение участника Русско-японской войны генерал-лейтенанта А.А. Игнатьева, который резко раскритиковал роман и представил множество фактических ошибок и нелепостей⁶³. В мае 1951 г. Игнатьев по предложению редакции газеты «Ленинградская правда» подготовил рецензию на сочинение Далецкого. В рецензии он отметил, что автор взялся за необъятное, объединил в одном произведении четыре самостоятельных и больших темы: русский военный мир, японский мир, китайский мир, революционный мир⁶⁴. На защиту Далецкого встал С.В. Михалков: «Все-таки это большой труд, который читается нашими читателями довольно широко, а это два очень большие тома. Если мы оставляем на пленум гораздо более слабый роман “Семья Рубанюк”⁶⁵, то оставим на пленум и этот и там его со спокойной совестью, если у всех будет достаточно оснований, снимем»⁶⁶. Однако судьба романа решилась раньше: на заседании секции литературы 7 января 1952 г. за счет сочинения Далецкого решено было сократить список претендентов на премию⁶⁷.

На Дальнем Востоке работал и Георгий Георгиевич Халилецкий (1920–1977). В 1940 г. был призван на флот, к концу войны дослужился до офицера, работал во флотской газете «Боевая вахта», после армии остался в Приморье. В 1945 г. он выпустил первый сборник стихов «На Тихом океане», а в 1950 г. возглавил Приморскую писательскую организацию. В 1955 г. в СССР отмечали 50-летие трагического для русского флота Цусимского сражения⁶⁸. Очевидно, чувствуя конъюнктуру, Халилецкий написал и опубликовал историческую повесть «“Аврора” уходит в бой» об участии крейсера в этом морском бою⁶⁹. В августе 1945 г. он оказался на корабле, который в составе эскадры переходил из Владивостока в Порт-Артур. Советские корабли остановились у острова Цусима и салютовали погибшим 14–15 мая 1905 г. русским морякам-

⁶² Это же было высказано и в опубликованных рецензиях: Богданов, Ким 1951; Дементьев 1952. Авторы рецензий в провинциальных газетах высоко оценили роман, признав его значительным явлением в советской историко-революционной литературе: РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 24. Д. 344. Л. 29–35. Леонидов 1951; Соловьев 1951; Михлин, Смирнов 1951; Снесаревский 1951.

⁶³ См.: РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 55. Л. 25, 48–50, 101, 102, 176.

⁶⁴ См.: Там же. Ф. 1403. Оп. 1. Д. 119. Л. 58, 64–64.

⁶⁵ Тем не менее, автор Е.Е. Поповкин (1907–1968) за свой роман получил Сталинскую премию III степени.

⁶⁶ РГАЛИ. Ф. 2073. Оп. 1. Д. 55. Л. 102.

⁶⁷ См.: Там же. 172–177.

⁶⁸ См.: Антипин 2012.

⁶⁹ См.: Халилецкий 1977.

героям. Тогда же автор узнал от пожилого капитана второго ранга об участии в Цусимском сражении крейсера «Аврора». Спустя несколько лет Халилецкий побывал на крейсере и вспомнил рассказ капитана. Возможно, это и привело автора к мысли написать повесть об участии «Авроры» в Русско-японской войне. По-видимому, интерес писателя к военной истории крейсера также провоцировался его революционным образом и высоким статусом в советской мифологии.

Г.Г. Халилецкий, в отличие от других писателей, обратившихся в 1930–1950-е гг. к теме войны с Японией, был совсем молодым, не имел дореволюционного опыта, но хорошо знал боевую действительность. Основными источниками для него послужили: опубликованный дневник командира крейсера капитана первого ранга Е. Р. Егорьева, «Исторический журнал крейсера I ранга “Аврора”», архивные документы. Он также опирался на воспоминания контр-адмирала В.Е. Егорьева (сына капитана «Авроры» Е.Р. Егорьева), моряков крейсера Т.И. Липатова, А.С. Неволлина, Г.Г. Шатило и А.П. Подлесного⁷⁰. Работа над повестью не заняла у писателя много времени. Над текстом он работал в 1954 г. в Ленинграде и Владивостоке, а в сентябре того же года книга была сдана в набор и в начале 1955 г. вышла во Владивостоке⁷¹. Однако на этом работа не закончилась. Автору предложили переработать произведение для Военного издательства Министерства обороны СССР. В апреле 1956 г. существенно переработанный текст поступил в набор и в начале 1957 г. повесть издана в Москве. Сократилось число глав (с 25 до 19), но при этом объем книги увеличился. Текст и в переработанном виде сохранил немало погрешностей. Повесть нельзя назвать шедевром художественной литературы. В разработке сюжетных линий Халилецкий в чем-то повторил Далецкого: читатель то и дело переносится из Санкт-Петербурга на крейсер «Аврора» и обратно. Автор попытался объединить военную, революционную и любовную темы. Он гораздо лучше Далецкого справился с проблемой связи военных действий с революционными событиями в столице. Книга заканчивается трагически: один герой погибает, умирает отец возлюбленной, а она сама попадает в ссылку в Сибирь. Главный герой книги – крейсер «Аврора». С его судьбой и связывается позитивное продолжение: Цусима это лишь начало пути корабля, а его звездный час – октябрь 1917 г.

Таким образом, рассмотрение истории создания художественных произведений, биографий писателей, их мотивов в обращении к теме Русско-японской войны позволяет представить значение художественных произведений в процессе конструирования образа войны в культурной памяти советского общества. Культурный поворот 1930-х гг.

⁷⁰ См.: Халилецкий 1971. С. 5–8.

⁷¹ См.: Халилецкий 1955.

нивелировал ленинскую революционную риторику и запустил процесс реставрации традиционных, героических, значимых символов. Этот процесс отразился и на Русско-японской войне, особенно после победы над Японией в 1945 г. Художественная литература, как и историография⁷², оказалась вовлеченной в процесс конструирования героических образов Русско-японской войны 1904–1905 гг.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Александровский Г. Цусимский бой: 50 лет, 1905–1955 гг. Нью-Йорк, 1956.
- Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–1955 // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79–93.
- Антипин Н.А. Манипуляция памятью: трансформации образов Русско-японские войны в советской историографии (1920–1950) // Диалог со временем. 2017. № 61. С. 101–118.
- Антипин Н.А. Шатров Илья Алексеевич // Календарь знаменательных и памятных дат. Челябинская область, 2009 / сост. И.Н. Пережогина и др. Челябинск, 2008. С. 126–130.
- Бирюков Ю. «На сопках Маньчжурии» // Родина. 1995. № 2. С. 119–121.
- Богданов Н., Ким Р. Серьезные недостатки интересного романа // Новый мир. 1951. № 12. С. 267–271.
- Борисов Т. М. Портартурцы: роман. Владивосток, 1959.
- Бородин С. Крупное произведение советской художественной литературы // Большевик. 1944. № 17–18. С. 74–75.
- Бутковский Г. А. «Порт-Артур». (Осада): роман. Изд. 2-е, испр. М., 1935.
- Варшавский С. «Цусима» Новикова-Прибоя // Звезда. 1933. № 6. С. 145–168.
- Веленгурин Н. Александр Степанов и его книга о Порт-Артуре. М., 1965.
- Великая Н. Мастерство Трофима Борисова // Вопросы советской литературы / отв. ред. Н. И. Хоменко. Хабаровск, 1965. С. 114–131.
- Великая Н. Трофим Михайлович Борисов (слово о человеке и его книгах) // Борисов Т.М. Портартурцы: Роман. Владивосток: Дальневосточное книжн. изд-во, 1971. С. 398–406.
- Вишневский В. О «Цусиме» Новикова-Прибоя // Литературный критик. 1935 (5). С. 109–115.
- Горбов Д. Мастерство жизненной правды. (О Новикове-Прибое) // Новый мир. 1933. № 7–8. С. 370–389.
- Горчаков Г. Н. Новиков-Прибой Алексей Силыч // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968. Т. 5. Стб. 313–315.
- Далецкий П. На сопках Маньчжурии. Роман. Изд. 2-е, испр. и доп. Л., 1953.
- Дементьев А. Новый роман о Русско-японской войне // Библиография. 1952 (1). С. 167–169.
- Добренко Е. Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997.
- Игнатьев А.А. Записки очевидца // Знамя. 1941. № 3. С. 236–240.
- Кефели Я. Первый день войны // Порт-Артур. Воспоминания участников. Нью-Йорк, 1955.
- Красильников В.А. А.С. Новиков-Прибой: Жизнь и творчество. М., 1966.
- Красильников В. К творческой истории «Цусимы» // Новиков-Прибой А. С. Сочинения. М., 1950. Т. 3. С. 367–369.
- Кунцевич Н. Новиков-Прибой. Цусима // Октябрь. 1932. № 10. С. 189–191.
- Курганов В. К творческой истории романа А. Н. Степанова «Порт-Артур» // Русская литература. 1967. № 1. С. 190–194.
- Курганов В.Н. Степанов Александр Николаевич // Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 7. Стб. 168–169.
- Лавренев Б. Книга о русской доблести // Новый мир. 1945. № 1. С. 140–143.
- Леонидов Б. «На сопках Маньчжурии» // Красное знамя (Владивосток). 1951. 9 сент.
- Лунин И.Ф. Далекский Павел Леонидович // Краткая литературная энциклопедия. М., 1964. Т. 2. Стб. 502–503.
- Михлин Е., Смирнов М. «На сопках Маньчжурии» // Ленинградская правда. 1951. 21 дек.

⁷² Антипин 2017.

- Некрывлов С.А., Новицкий В.В. Павел Петрович Авроров (1870–1940): из истории создания школы патофизиологов в Сибири // Бюллетень сибирской медицины. 2011. № 1. С. 180–184.
- Николаев Д.К., Чистяков О.В. «Порт-Артур»: Неожиданные результаты одного исторического исследования // Военно-исторический журнал. 2010. № 1. С. 30–34.
- Никулин Л. Порт-Артур: Пьеса в четырех действиях. М.; Л., 1937.
- Новиков-Прибой А.С. Цусима // Молодая гвардия. 1930. № 9. С. 3–18; № 10. С. 3–25; № 11. С. 4–13; № 12. С. 3–12; № 13. С. 3–12; № 14. С. 3–22; № 15/16. С. 3–23.
- О присуждении Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы за 1943–1944 годы // Правда. 1946. 27 января.
- Перцов В. Россия, которую били // Знамя. 1933. № 8. С. 154–162.
- Присуждение Сталинских премий за выдающиеся работы в области искусства и литературы // Правда. 1941. 16 марта.
- Пупышев Н. Александр Сергеевич Щербаков // Комиссары: сборник / сост. А.Л. Афанасьев. М., 1986.
- Рожков П. «Цусима». (О романе А. Новикова-Прибоя) // Новый мир. 1932 (12). С. 176–181. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 631. Оп. 15. Д. 722, 729; Оп. 16. Д. 78; Оп. 24. Д. 344; Ф. 356. Оп. 1. Д. 26, 92, 116, 117, 119, 120, 119; Ф. 1403. Оп. 1. Д. 119; Ф. 2073. Оп. 1. Д. 2, 15, 21, 55; Ф. 2328. Оп. 1. Д. 132.
- Сергеев А. «Варяг»: роман. М., 1946.
- Сергеев А. «Стережущий». М., 1957.
- Сергеев-Ценский С. Цусимой рожденный. (Об А.С. Новикове-Прибое) // Новый мир. 1933. № 1. С. 211–229.
- Сидоров А. Степанов А. Порт-Артур. Историческое повествование // Исторический журнал. 1945. № 1–2. С. 99–102.
- Симонов К.М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И.В. Сталине. М., 1988.
- Смирнов Н. А. С. Новиков-Прибой среди друзей // Новый мир. 1967. № 3. С. 237–238.
- Снесаревский П. «На сопках Маньчжурии» // Калининградская правда. 1951. 2 сент.
- Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: Сборник документов. Т. 2. М.: Политиздат, 1978.
- Соколова В.В. О некоторых особенностях композиции и языка романа Т.М. Борисова «Портартурцы» // Вопросы советской литературы / отв. ред. Н.И. Хоменко. Хабаровск, 1965. С. 132–145.
- Соловьев В. «На сопках Маньчжурии» // Алтайская правда (Барнаул). 1951. 16 нояб.
- Степанов А.Н. О книге «Порт-Артур» // Новый мир. 1945. № 8. С. 114–115.
- Степанов А. Порт-Артур: Историческое повествование. М., 1944.
- Филипецкий Н. «Тайна маленькой речки» // Рыбак Приморья. 2007. 18 янв.
- Филипецкий Н. Певец Дальнего Востока // Рыбак Приморья. 2007. 26 июля.
- Халилецкий Г. «Аврора» уходит в бой: Повесть. Владивосток, 1955; 1971
- Эвентов И. А.С. Новиков-Прибой «Цусима», кн. 2, «Бой» // Звезда. 1935. № 6. С. 256–258.

REFERENCES

- Aleksandrovskij G. Cusimskij boj: 50 let, 1905–1955 gg. N'yu-York, 1956.
- Antipin N.A. 50-letie Russko-yaponskoj vojny v SSSR: kommemorativnye praktiki, 1954–1955 // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 79–93.
- Antipin N.A. Manipulyacii pamyat'yu: transformacii obrazov Russko-yaponskoj vojny v sovetskoj istoriografii (1920–1950) // Dialog so vremenem. 2017. Vyp. 61. S. 101–118.
- Antipin N.A. Shatrov Il'ya Alekseevich // Kalendar' znamenatel'nyh i pamyatnyh dat. Chelyabinskaya oblast', 2009 / sost. I.N. Perezhogina i dr. Chelyabinsk, 2008. S. 126–130.
- Biryukov Yu. «Na sopkah Man'chzhurii» // Rodina. 1995. № 2. S. 119–121.
- Bogdanov N., Kim R. Ser'eznye nedostatki interesnogo romana // Novyj mir. 1951, 12. S. 267–271.
- Borisov T. M. Portarturcy: roman. Vladivostok, 1959.
- Velengurin N. Aleksandr Stepanov i ego kniga o Port-Arture. M., 1965.
- Velikaya N. Masterstvo Trofima Borisova // Voprosy sovetskoj literatury / отв. red. N. I. Homenko. Habarovsk, 1965. S. 114–131.

- Velikaya N. Trofim Mihajlovich Borisov (slovo o cheloveke i ego knigah) // Borisov T.M. Portarturcy: Roman. Vladivostok: Dal'nevostochnoe knizhn. izd-vo, 1971. S. 398–406.
- Daleckij P. Na sopkah Man'chzhurii. Roman. Izd. 2-e, ispr. i dop. L., 1953.
- Dement'ev A. Novyj roman o Russko-yaaponskoj vojne // Bibliografiya. 1952 (1). S. 167–169.
- Dobrenko E. Formovka sovetskogo chitatel'ya. Social'nye i esteticheskie predposylki recepcii sovetskoj literatury. SPb., 1997.
- Kefeli Ya. Pervyj den' vojny // Port-Artur. Vospominaniya uchastnikov. N'yu-Jork, 1955.
- Krasil'nikov V. A. A.S. Novikov-Priboj: Zhizn' i tvorchestvo. M., 1966.
- Krasil'nikov V. K tvorcheskoj istorii «Cusimy» // Novikov-Priboj A.S. Sochineniya. M., 1950. T. 3. S. 367–369.
- Kurganov V. K tvorcheskoj istorii romana A.N. Stepanova «Port-Artur» // Russkaya literatura. 1967. № 1. S. 190–194.
- Lavrenev B. Kniga o russkoj doblesti // Novyj mir. 1945. № 1. S. 140–143.
- Mihlin E., Smirnov M. «Na sopkah Man'chzhurii» // Leningradskaya pravda. 1951. 21 dek.
- Nekrylov S.A., Novickij V.V. Pavel Petrovich Avrorov (1870–1940): iz istorii sozdaniya shkoly patofiziologov v Sibiri // Byulleten' sibirskoj mediciny. 2011. № 1. S. 180–184.
- Nikolaev D.K., Chistyakov O.V. «Port-Artur»: Neozhidannye rezul'taty odnogo isto-richeskogo issledovaniya // Voенно-istoricheskij zhurnal. 2010. № 1. S. 30–34.
- Nikulin L. Port-Artur: P'esa v chetyrekh dejstv'iyah. M.; L., 1937.
- Novikov-Priboj A.S. Cusima // Molodaya gvardiya. 1930. № 9. S. 3–18; № 10. S. 3–25; № 11. S. 4–13; № 12. S. 3–12; № 13. S. 3–12; № 14. S. 3–22; № 15/16. S. 3–23.
- Percov V. Rossiya, kotoruyu bili // Znamiya. 1933. № 8. S. 154–162.
- Prisuzhdenie Stalinskih premij za vydayushchiesya raboty v oblasti iskusstva i lite-ratury // Pravda. 1941. 16 marta.
- Pupyshhev N. Aleksandr Sergeevich Shcherbakov // Komissary: sbornik. M., 1986.
- Sidorov A. Stepanov A. Port-Artur. Istoricheskoe povestvovanie // Istoricheskij zhurnal. 1945. № 1–2. S. 99–102.
- Simonov K.M. Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I.V. Staline. M., 1988.
- Smirnov N. A. S. Novikov-Priboj sredi družej // Novyj mir. 1967. № 3. S. 237–238.
- Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 gg.: Sbornik dokumentov. T. 2. M.: Politizdat, 1978.
- Sokolova V.V. O nekotoryh osobennostyah kompozicii i yazyka romana T.M. Borisova «Portarturcy» // Voprosy sovetskoj literatury / otv. red. N.I. Homenko. Haba-rovsk, 1965. S. 132–145.
- Stepanov A.N. O knige «Port-Artur» // Novyj mir. 1945. № 8. S. 114–115.
- Stepanov A. Port-Artur: Istoricheskoe povestvovanie. M., 1944.
- Halileckij G. «Avrora» uhodit v boj: Povest'. Vladivostok, 1955; 1971.

Антипин Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет (НИУ); antipin87@mail.ru

The Russian-Japanese War of 1904-1905 and the Soviet writers work on the past

The Russian-Japanese War of 1904-1905 became one of the themes for Soviet fiction. At least six major works were devoted to individual episodes of the campaign. The article explores a range of issues related to the motivations of writers who prompted them to turn to the theme of the Russo-Japanese War, the influence of power and ideology on the literary process, and the readers' responses to artistic texts.

Keywords: the Russian-Japanese War of 1904–1905, images of war, cultural memory, fiction, commemoration

Nikolay Antipin, Ph. D (History), Associate Professor, South Ural State University (National Research University); antipin87@mail.ru

И. В. КРЮЧКОВ, Н. Д. КРЮЧКОВА

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ И ГАБСБУРГСКИЙ МИФ ПОСТТРАВМАТИЧЕСКИЙ СИНДРОМ ЧЕЛОВЕКА XX В. И ТОВАР ОБЩЕСТВА МАССОВОГО ПОТРЕБЛЕНИЯ

Распад Австро-Венгрии привел к значительным переменам в политической, экономической и культурной жизни Центрально-Восточной Европы в 1920–1950-е гг. Жители региона в это время столкнулись с ростом национализма, авторитаризма и падением уровня жизни. В статье анализируется влияние данных процессов на зарождение и развитие габсбургского мифа в его различных проявлениях. «Золотой век» у многих жителей региона ассоциировался с правлением императора Франца-Иосифа I и императрицы Елизаветы Австрийской (Баварской). Император символизировал стабильность, уравновешенность и гуманность, императрица отражала аристократизм, романтизм и стремление к красоте. Авторы отмечают, что данные качества жители Центрально-Восточной Европы не находили в современном обществе, обращаясь к истории Австро-Венгрии. В заключении статьи подчеркивается постепенная деполитизация габсбургского мифа во второй половине XX в., его размывание в повседневной жизни; он в большей степени превращается в товар общества массового потребления и прежде всего в сфере туризма и массовой культуры.

Ключевые слова: *габсбургский миф, Австро-Венгрия, ностальгия, национализм, кинематограф, Франц-Иосиф I, Елизавета Баварская, дуалистическая монархия*

Вчерашний мир погиб, но потомки будут вспоминать его и смогут построить новое на основе нашей общей истории. И в Центральной Европе мы начнем работу над общим домом Европы не с нуля. Я убежден в том, что Австро-Венгерская монархия – при всех ее недостатках – явилась этапом на пути к этой Европе.

(В. Зигль – посол Австрии в России в 1996 г.)¹

История многовековой империи Габсбургов сложна и многолика, ее изучение, к сожалению, во многом тесно связывалась с политическими процессами, происходившими внутри империи и за ее пределами. Пропаганда союзников в годы Первой мировой войны создает негативный образ Австро-Венгрии, подпитываемый рассуждениями бывших подданных Габсбургов, осевших после начала войны в Лондоне, Париже, Риме, Петрограде, от первого лица пугавших западноевропейских политиков и обывателей разными габсбургскими страхами. Дунайская империя представлялась в качестве колосса на глиняных ногах, эксплуатировавшей славян и другие народы, не принадлежавшие к правящей элите (австро-немцы, венгры (мадьяры)), проводившей политику «разделяй и властвуй». В дополнение высказывался тезис о полной по-

¹ Зигль 1997. С.8.

тере Австро-Венгрией независимости, поскольку она стала зависеть от Германии, оказавшись в авангарде пангерманизма². Цель Т. Масарика, Э. Бенеша, Ф. Супило, А. Трумбича и др. заключалась в дискредитации империи в глазах союзников для создания на ее обломках независимых национальных государств. Отторжение всего «габсбургского», полная дискредитация империи считалось благонадежной почвой для формирования нового миропорядка в Центрально-Восточной Европе.

В России негативное отношение к империи Габсбургов складывается в XIX в. во многом под влиянием славянофильской литературы. Более того, Россия и империя Габсбургов боролись за влияние на Балканах, вели борьбу за умы разделенных народов (поляки, украинцы), что еще больше усугубляло отрицательное восприятие Дунайской империи в России. Кстати, данный штамп оказался очень живучим, он активно развивался в советской историографии и перекочевал в нашу современную историографию и политический лексикон элиты³.

Российское общество в начале XXI в. имеет обрывочные представления об империи Габсбургов, они в лучшем случае заполнены лубочными образами, полученными нашими туристами при посещении Вены, Будапешта, Праги и других бывших центров Дунайской империи. Однако это мизерная часть российского общества. Разноликие воспоминания о пребывании в Австро-Венгрии долгое время сохраняли российские военнопленные Первой мировой войны, но они не стали частью исторической памяти россиян⁴. Военнопленные предпочитали лишний раз не делиться воспоминаниями о пребывании в плену, чтобы не вызвать гнев официальных структур и осуждение общественности. История империалистической войны не была в чести в СССР.

Исчезновение империи Габсбургов практически сразу порождает новую волну, связанную с ее постепенной реабилитацией, чему способствовала социально-экономическая и политическая нестабильность в Центрально-Восточной Европе в 1920–1930-х гг., которая затронула как обывателей, так и интеллектуалов⁵. Уровень жизни в большинстве государств, возникших на пространстве империи Габсбургов, вплоть до начала Второй мировой войны не достиг уровня жизни в Австро-Венгрии накануне 1914 г. Оказалось, что бывшие «угнетаемые», получив независимость, отказались уважать права национальных меньшинств⁶. В 1920–1930-е гг. с точки зрения защиты прав национальных меньшинств Центрально-Восточная Европа сделала шаг назад. Более того,

² Масарик С. 256.

³ Исламов 2005. С.75.

⁴ В немецком плену 1915; Кириш 1925.

⁵ Бибо 2004. С. 171-172.

⁶ From Trianon to the First Vienna Arbitral Award... P. 2.

регион, пораженный политической нестабильностью, становится легкой добычей для нацистской Германии и тоталитарных режимов (Румыния, Словакия, Венгрия, Хорватия). Нестабильность порождает потребность в воспоминаниях о «золотом времени».

С 1920-х гг. обыватель, по мере нарастания проблем, начинает все чаще вспоминать хорошие старые времена жизни в империи Габсбургов. Проблемы, с которыми он сталкивался в Австро-Венгрии, уже казались мелочными или вообще забывались. Удаляясь от 1918 г. позитивные воспоминания об эпохе императора Франца-Иосифа I только нарастали. Недостатки империи вызывали скорее иронию, перерастая в анекдоты и т.д. Империя давала ощущение стабильности, чего так не хватало в 1920-1950-е гг. Все это развивает т.н. *бытовую ностальгию*: люди, жившие в империи, вспоминали ее «золотой век». Известный австро-британский экономист Ф. фон Хайек не раз писал с ностальгией о своей жизни в Австро-Венгрии: «В 1909 г. Франц-Иосиф I праздновал 60-летие своего правления в качестве императора Австрии, по случаю чего был устроен пышный прием, на котором звучала музыка Штрауса. Она олицетворяла веселье и беспечность общества, которому суждено было исчезнуть. Для нас пятьюдесятью годами позже, первое десятилетие нашего столетия может показаться далеким периодом мира...»⁷. Правда, сам Хайек отмечал всю глубину противоречий, заложенных в основу дуалистической монархии и во многом предопределивших ее крах.

Параллельно развивается *культурная ностальгия*, отчасти порожденная бытовой ностальгией и одновременно ее подогревающая. Растет интерес к документальным фильмам, снятым в годы правления императора Франца-Иосифа. Первоначально, они сыграли большую роль в формировании габсбургского мифа. Эти фильмы, своеобразная «магия формы», посвящены парадом, торжественным шествиям, аристократическим праздникам. В них нет ничего, что напоминало бы о нищете, социальных и политических конфликтах⁸. Они демонстрируют спокойную жизнь в империи Габсбургов, приятный отдых по праздникам и в воскресенье широких слоев населения, прежде всего на ярмарках и в парках и т.д. Воплощение этой тенденции – сцены из жизни венского парка Пратер⁹. В них мог участвовать и император, о чем в частности свидетельствует фильм «Празднование дня рождения императора в Пратере» (1913 г.). Монарх принимает участие в публичных мероприятиях – «Император открывает Адриатическую выставку в Вене» (1913 г.) или посещает отдельные регионы империи – «Путешествие через Боснию и Герцеговину» (1910 г.).

⁷ Хайек 1999. С. 161-62.

⁸ Moritz 2008. S. 141-172.

⁹ Storch 2005. S. 101-125.

В создании позитивного образа империи Габсбургов и в его визуализации большую роль сыграли туристические буклеты, фотографии и познавательные фильмы, посвященные истории, культуре и природе австрийской половины империи Габсбургов конца XIX – начала XX в. С 1911 г. правительство Цислайтании проводило кампанию по созданию и популяризации документальных и художественных фильмов австрийской половине Дунайской империи. Венский филиал кинокомпании «Eclair» в 1913 г. снял цикл фильмов о пейзажах и городах Австрии для развития массового туризма в стране и для привлечения иностранных туристов. После распада империи эта продукция продолжала циркулировать, в т.ч. на пространстве бывшей империи.

Ностальгические черты находят отражение в художественной литературе. Они проявляются в деятельности известного писателя Й. Рота, родившегося в г. Броды на восточной окраине империи в Галиции. В 1932 г. он заканчивает, пожалуй, самое интересное свое произведение роман «Марш Радецкого», где на примере семейства фон Троттов прослеживается тернистая судьба империи Габсбургов¹⁰. Автор далек от ее идеализации, описывая пороки старой империи на примере чиновников и офицерства. Тем не менее, на всем протяжении романа проявляется его ностальгия по ушедшему времени. В сатирическом романе Р. Музиля «Человек без свойств» (1930), за внешней неприглядностью габсбургской бюрократии скрывается некая «очаровательная» бесшабашность и безалаберность империи, отрицающей жесткий рационализм и авторитаризм XX в.¹¹ В 1934 г. вышла книга Эгона Цезаря Конте Корти «Елизавета I Австрийская», выдержавшая 37 изданий и положившая начало идеализации образа императрицы¹². Романтизация империи наиболее ярко прослеживается в мемуарах С. Цвейга, получивших неслучайное название «Вчерашний мир», мир Габсбургов, который оказался куда лучше современности. Цвейг писал: «Когда я пытался найти определение для той эпохи, что предшествовала Первой мировой войне и в которую я вырос, мне кажется, что точнее всего было бы сказать, так, это был золотой век надежности. Все в нашей почти тысячелетней австрийской монархии, казалось рассчитано на вечность и государство – высший гарант этого постоянства... Все в этой обширной империи прочно и незыблемо стояло на местах, а надо всем старый кайзер»¹³.

Большой вклад в реабилитацию исчезнувшей империи внесла музыка. Вальсы и марши Й. Штрауса-младшего и Й. Штрауса-старшего, оперетта Ф. Легара, Ф. фон Зуппе и И. Кальмана, музыка В.А. Моцар-

¹⁰ Рот 2014.

¹¹ Музиль 1994.

¹² Корти 1998.

¹³ Цвейг 2004. С.10.

та, Ф. Листа, Б. Бартока, Г. Малера невольно создавали ощущение безмятежной и веселой жизни в старой империи.

Неожиданно свой вклад в идеализацию империи Габсбургов вносит Голливуд. В 1938 г. на киноэкраны США выходит фильм режиссера Ж. Дювилье «Большой вальс», посвященный жизни Й. Штрауса и получивший в 1939 г. «Оскара». «Большой вальс», пожалуй, стал первым художественным фильмом об империи Габсбургов, который увидели зрители в СССР. Фильм имел в нашей стране огромный успех. В 1940 г. его посмотрело 25,7 млн. чел., а через 20 лет еще 25,3 млн. чел. Считается, что это был один из любимых фильмов И.В. Сталина. В. Астафьев, Э. Рязанов, А. Петров вспоминали, какое на них огромное впечатление оказал фильм¹⁴. В это же время начинается романтизация знакомства и первых лет брака Франца-Иосифа и Елизаветы Баварской (Сисси). В 1938 г. в США выходит фильм режиссера Д. фон Штернберга «Король уходит». Красивая и беззаботная жизнь аристократов, наполненная романтизмом и событийностью, вызывала большой интерес у обывателя, тем более в условиях мирового экономического кризиса и последовавшей за этим депрессии.

В Австрии ностальгия по габсбургским временам сразу приобретает политическую окраску, рождается своего рода *политическая ностальгия*. Социал-демократы выступали против любых попыток реабилитации Габсбургов, консерваторы наоборот, требовали пересмотра отношения к империи, выделяя все то, что было в ее истории позитивного. С 1923 г. солдаты и офицеры австрийской армии стали частично использовать символику и награды австро-венгерской армии, проявляя симпатии к «Маршу Радецкого». Во времена правления канцлера К. Шушница в 1934–1938 гг. интерес к империи Габсбургов в Австрии возрастает. После аншлюса любые положительные отзывы о «дегенеративной династии» могли иметь самые печальные последствия для австрийцев.

В Венгрии складывается несколько иная ситуация. Трианонский договор попал в число национальных катастроф, сравнимый с нашествиями монголов и турок-османов. Его несправедливость вызвала шок в венгерском обществе, что отчасти ощущается и в наши дни¹⁵. «Золотой век» здесь олицетворяла не столько империя Габсбургов в целом, сколько ее венгерская половина. Это во многом определяется сложностью взаимоотношений венгерского национального движения с монархией, в т.ч. в эпоху дуализма. Свою роль сыграло и нежелание М. Хорти восстановить в стране династию Габсбургов в 1921 г.¹⁶ Для венгров дуалистическая Венгрия выступает в качестве процветающего и ста-

¹⁴ Андрей Петров 2006; Гуслияров 2003. С. 682.

¹⁵ Контлер 2002. С. 446.

¹⁶ Шимов 2009. С. 308.

бильного государства, где развивались экономика, культура и все народы жили в полной гармонии¹⁷. Особенно данная тенденция была присуща венграм-беженцам из Трансильвании, Воеводины, Словакии и других регионов, потерянных страной по условиям Трианонского договора. Воспоминания о «золотом веке» подогревали в венгерском обществе реваншистские настроения, требования отмены Трианонского договора, с полным или частичным восстановлением довоенных границ Венгрии, но этот ренессанс мог вполне произойти и без Габсбургов. В венгерском обществе не было полного единства мнений. Примечательно, что Франц-Иосиф выпадал из числа пантеона «славных монархов», его заполнили Мария-Терезия, Елизавета и кронпринц Рудольф, не скрывавшие своих симпатий к венграм. В Чехословакии, Румынии и Югославии любые попытки проявления политической реабилитации Габсбургов приравнивались к разряду тяжелых преступлений (сепаратизм, национализм, антигосударственная деятельность).

Вторая мировая война принесла многочисленные несчастья народам Центрально-Восточной Европы. Она фактически уничтожила последние остатки габсбургского наследия в виде сложной географии расселения населения. Холокост, изгнание немцев и венгров из стран Центрально-Восточной Европы в 1944–1947 гг., «обмены населением» ликвидировали многонациональный характер большинства регионов Центрально-Восточной Европы, они становятся мононациональными, особенно это рельефно проявляется при сравнении этнического состава населения городов в 1913 г., в 1938 г. с послевоенным периодом¹⁸.

Новым испытанием для народов стран Центрально-Восточной Европы явилось утверждение коммунистических режимов, сопровождаемое проведением политики массовых репрессий и падением уровня жизни населения в результате бездумного копирования советской модели строительства социализма в 1940–1950-е гг. Эти проблемы в очередной раз заставляли жителей Центрально-Восточной Европы искать проявления «золотого века» в Дунайской империи.

После Второй мировой войны реабилитация империи Габсбургов развивается, получая новые проявления. В эпицентре данного процесса оказалась Австрия, пережившая две исторические катастрофы, связанные с падением империи Габсбургов и аншлюсом. Австрийцы в процессе избавления от последствий нацизма стремились найти собственный идеальный мир, альтернативу Третьему рейху. Первая республика, наполненная нестабильностью и острыми конфликтами, не могла выступить в качестве идеального общества, тем более из ее недр выросли австрийский авторитаризм и национал-социализм.

¹⁷ Фюлеп 2002. С. 65.

¹⁸ Никифоров 2015. С. 5.

В 1950-е гг. в австрийской историографии предпринимаются первые попытки научной реабилитации империи Габсбургов¹⁹. Х. Ханч и Р. Канн попытались показать универсальность габсбургской имперской идеи, ее наднациональность, Австро-Венгрия начинает восприниматься как прообраз европейской интеграции второй половины XX в.²⁰

Австро-Венгрия в глазах элиты и простого человека все чаще видится олицетворением стабильности, межкультурного диалога и терпимости. Она противопоставляется прусско-германскому национализму, российскому авторитаризму и мракобесию Третьего рейха. Образ Австрии как первой жертвы нацизма требовал определенной идеологической подпитки. Религиозность, покровительство искусству, семейственность, поликультурность, процветавшие в империи Габсбургов, противопоставлялись тем установкам, которые проповедовал национал-социализм. Франц-Иосиф, покорный, любящий, полубуржуазный муж, не желавший подписывать смертные приговоры, противопоставлялся другому уроженцу Австрии Гитлеру – психопату и маньяку²¹.

В 1970-е гг. в Австрии происходит дальнейшая политическая реабилитация Габсбургов. Традиционно республика ревностно следила за любыми попытками возврата Габсбургов к власти в любом проявлении. Народная партия всегда подчеркивала лояльность к историческому наследию Габсбургов. Данный процесс поддержали и социал-демократы, их лидер Б. Крайский совершил исторический жест, пожав в 1972 г. руку эрцгерцогу Отто фон Габсбургу, старшему сыну Карла I Австрийского. Б. Крайский любил давать интервью и фотографироваться, находясь рядом с портретами Франца-Иосифа и Иосифа II, особенно это проявилось во время парламентских выборов 1979 г. Б. Крайский не скрывал неприязни к Первой республике, демонстрируя определенные симпатии к империи Габсбургов²². Такое поведение лидера социал-демократов отражало общественный запрос австрийских избирателей.

К 1980-м гг. по мере стабилизации социально-экономической и политической ситуации в Австрии образ Габсбургов становится в большей степени политически нейтральным. Похороны бывшей императрицы Зиты в 1989 г. больше походила на фольклорный праздник, чем на политическое событие. «Странные похороны» 16 июля 2011 г. Отто фон Габсбурга, проведенные практически в соответствии с канонами похорон императоров Австрии, стали еще одним аккордом в развитии политически нейтрального габсбургского мифа. Габсбургская *политическая ностальгия* в Австрии практически полностью исчезает.

¹⁹ Турок 1964. С. 28–29.

²⁰ Hantsch 1957.

²¹ In Austrian historiography, what precisely is the "Habsburg Myth"?

²² Ibidem.

Однако в наши дни историческое прошлое Габсбургов в ряде случаев вновь приобретает политические оттенки. Бывший лидер австрийских националистов, Партии свободы Й. Хайдер не раз заявлял о необходимости спасения культурного наследия Габсбургов от мигрантов.

После крушения коммунистических режимов в странах Центрально-Восточной Европы в обществе отмечается всплеск интереса к их габсбургскому прошлому²³. Реабилитация империи не исключает признания обществу необходимости создания независимых государств в результате распада Австро-Венгрии в 1918 г.

Жители бывших социалистических государств стремились определить собственную принадлежность к «Другой Европе», свободной от авторитаризма и коммунизма. Габсбургское прошлое выступает в качестве одного из механизмов преодоления наследия коммунизма. В бывших имперских центрах, все напоминает о жизни Франца-Иосифа и Елизаветы; приезжая во дворец Грашпалковичей в Геделе туристы, прежде всего, видят баннер, изображающий Франца-Иосифа. Никого не удивляют портреты императора на вокзалах, в магазинах, кафе и ресторанах. Удивительно, но у чехов, бывших ярых оппонентов Габсбургов, габсбургский ренессанс развит больше, чем у словаков²⁴. В Чехии за последние двадцать лет вышло огромное количество документальных фильмов, книг, проведено множество научных конференций по поводу истории империи Габсбургов. Во всех ведущих музеях страны габсбургский период нашел достойное отражение. Негативные воспоминания о Дунайской империи либо стираются, либо отходят на второй план. Правда, в Чехии не спешат с возвращением улиц и площадям населенных пунктов старых имперских названий. В габсбургском ренессансе Прага соперничает с Веной и опережает Будапешт. Отчасти данный факт связан с историческими травмами, нанесенными чешскому обществу в 1938, 1948 и 1968 гг., показавшими уязвимость маленькой Чехии (Чехословакии) перед лицом внешних угроз.

Говоря о деполитизации габсбургского мифа в Центрально-Восточной Европе, отметим своеобразие процессов, происходящих в Венгрии в начале XXI в. В стране премьер-министр В. Орбан и его окружение культивируют образ Венгрии эпохи дуализма в качестве «золотого века» венгерского государства²⁵. Неслучайно переименование площади Москвы в Будапеште в площадь Кальмана Селля, одного из премьер-министров дуалистической Венгрии. Королевство Св. Иштвана эпохи дуализма воспринимается как торжество национального духа венгров, противовес коммунизму, хортизму и засилью евробюрократии в ЕС.

²³ Шимов 2009. С. 279.

²⁴ Шарый, Шимов 2010. С. 412.

²⁵ Стыкалин 2017 С. 184.

Во второй половине XX в. по мере стабилизации ситуации в государствах Центрально-Восточной Европы, и с уходом поколений, живших в эпоху Габсбургов, *бытовая ностальгия* нивелируется. В это время образ империи Габсбургов приобретает все более выраженный лубочный характер, становясь товаром общества массового потребления и главным образом в сфере туризма. Габсбургский миф оказался востребованным в развитии массового туризма, для чего необходимы узнаваемые символы и до определенной степени адаптированное историческое прошлое. Более того, современное общество требует от искусства романтических историй и остросюжетных событий, в т.ч. из истории династии Габсбургов. Посещение Австрии, Венгрии и других стран-наследниц империи Габсбургов сосредоточено на позитивных образах империи и ее монархов. В этой связи примечательна трансформация образа Елизаветы Баварской не пользовавшейся, в отличие от своего мужа, большой популярностью у современников, но приобретшей романтический и привлекательный образ в наши дни. Апофеозом увлечения образом императрицы становится 1998 год – «Год Сисси»²⁶.

Фирма «Сваровски» выпускает украшения в стиле «императрицы Елизаветы», туристы непременно везут из Вены столь любимые в свое время Елизаветой засахаренные лепестки фиалок, предлагаемые кондитерской «Демель», которая расположена в центре Вены на улице Кольмаркт и т.д. В «Монтре-палас» и других популярных гостиницах Швейцарии консьержи обязательно предложат туристам буклеты, предлагающие путешествие по «Швейцарской Ривьере в прекрасную эпоху», которая ассоциируется с местами, связанными с пребыванием Елизаветы в Швейцарии (Монтре-Территэ-Глион-Вэйто-Шильон).

Традиции венских кафе, распространившихся в империи Габсбургов, вносят свою лепту в развитие габсбургского мифа. Когда после занятия Львова в 1918 г. польскими войсками, новая администрация потребовала от владельца модного кафе «Венское» его переименовать, то в защиту старого названия выступила значительная часть горожан. Кофе становится неким маркером, демонстрирующим принадлежность к габсбургской культуре. На окраинах бывшей империи – во Львове, Кракове, Ужгороде, Нови Саде, Дубровнике – везде встречаются кафе, подчеркивающие историческую связь с венской кофейной культурой. Потребление кофе символизирует стабильность, приверженность определенным традициям. Разрушение империи, в глазах обывателя в 1920-1930-е гг., сказалось негативно на качестве кофе и вело к непростительным нарушениям кофейных заветов.

В процесс создания габсбургского мифа и навязывания его символов обществу после Второй мировой войны активно подключается ки-

²⁶ Воцелка 2007. С. 320.

нематограф. В 1955 г. выходит фильм режиссера Эрнста Маришки «Марш для императора», где одну из главных ролей сыграла тогда еще начинающая актриса Роми Шнайдер. В фильме создается положительный образ императора Франца-Иосифа и его окружения. Но настоящая триумф заслужила трилогия Э. Маришки «Сисси» (1955), «Сисси-молодая императрица» (1956) и «Сисси: трудные годы» (1959), в которой Роми Шнайдер сыграла роль императрицы Елизаветы Баварской. В фильмах создается привлекательный образ империи Габсбургов, ее императрицы и императора. Обычный зритель мало знал о проблемах во взаимоотношениях Елизаветы с Францем-Иосифом и императорским двором. Он обращал внимание на красоту Елизаветы, ее элегантность и даже несколько странный образ жизни императрицы казался ему романтическим. Роми Шнайдер смогла создать привлекательный и узнаваемый образ Сисси, сделав из него туристическую приманку, востребованный товар в обществе массового потребления²⁷.

В конце XX – начале XXI в. в мировом кинематографе отмечается вал фильмов, посвященных жизни императрицы Елизаветы. В 1991 г. Германия и Франция снимают фильм «Сисси и поцелуй императора» (режиссер К. Белль). В 2004 г. на экраны выходит французский фильм «Сисси – мятежная императрица» (режиссер Ж.-Д. Верхак), где авторы фильма частично отходят от идеализации образа австрийской императрицы. В 2009 г. появляется масштабный фильм «Император и Сисси» в создании которого принимали участие Германия, Австрия, Франция (режиссер К. Шварценбергер), бюджет фильма составил 11 млн. евро, он поражает зрителей интерьерами, костюмами и грандиозностью исторических реконструкций.

Отдельной темой в кинематографе является загадочная смерть наследника престола, сына Франца-Иосифа, кронпринца Рудольфа и его возлюбленной баронессы Марии Вечеры в замке «Майерлинг» в январе 1889 г. По одной из версий они застрелились после того, как Франц-Иосиф выступил против их брака. Данная романтическая и одновременно трагическая история, обросшая мистикой и различными конспирологическими теориями, не могла не вызвать живой интерес у публики. В 1936 г. во Франции появляется первый фильм «Майерлинг» (режиссер А. Литвак), в 1949 г. снимается фильм «Тайны Майерлинга» (режиссер Ш. Делансуа). В 1957 г. в США выходит фильм «Майерлинг», где одну из главных ролей сыграла Одри Хепбёрн. По мотивам одноименной книги французского писателя Клода Арно (1930) в 1968 г. снимается классический фильм «Майерлинг» (режиссер Т. Янг), в котором ведущие роли сыграли Омар Шариф и Катрин Денёв («Золотой

²⁷ Воцелка 2007. С. 320.

Глобус» 1970 года). В 2006 г. выходит последний на сегодняшний день фильм «Кронпринц Рудольф» (режиссер Р. Дорнхельм). Добавим к этому ряд художественных книг, балет, оперетту И. Кальмана и мюзикл, посвященные Рудольфу. В них создается положительный образ кронпринца, романтика, мистика, приверженца либеральных идей, вступившего в конфликт с отцом, и человека, опередившего свое время.

Новым явлением в создании габсбургского мифа становится его отражение в мультипликации. В 1997–1998 гг. появляется франко-канадский сериал «Принцесса Сисси» (52 серии), его продемонстрировали на канале France 3, а затем и в других странах. Захватывающий сюжет, связанный с предстоящей свадьбой Сисси и императора Франца-Иосифа, с попытками злых сил ее сорвать, далек от исторической действительности, но пользуется большой популярностью. Императрице Сисси посвящен германский мультфильм «Переполюх в Гималаях» (2007), не имеющий ничего общего с исторической реальностью. В 2015–2016 гг. в Италии снимается мультсериал «Принцесса Сисси».

В настоящее время именно кинематограф и мультипликация выступают в качестве надежного средства ретрансляции габсбургского мифа современному обществу, вне зависимости от национальных и государственных границ. Неслучайны комментарии в Интернете, где на вопрос кто такая Сисси, пользователи рекомендуют посмотреть фильмы с Р. Шнайдер²⁸. Большой резонанс в мире искусства вызвал мюзикл «Элизабет» (режиссер Г. Кунфер, музыка С. Леви). Мюзикл, поставленный в 1992 г. в Вене и посвященный императрице Елизавете, имел большой успех во многих странах, собрав аудиторию в 9 млн. чел. В мюзикле в целом создается положительный образ Сисси.

В 1966 г. итальянский германист и политик из Триеста Клавдио Магрис впервые использует термин «Габсбургский миф», пытаясь осмыслить данный феномен²⁹. Магрис обратил внимание на тот факт, что сторонники габсбургского мифа исключают из числа его героев неординарных монархов, в т.ч. Марию Терезию и Иосифа II, которые ассоциировались с постоянными переменами и разрушением стабильности. Франц-Иосиф воплощал в себе ключевые ценности габсбургского мифа – «мера», «уравновешенность», «сдержанность»³⁰, чего так не хватало человеку Центрально-Восточной Европы в XX в. Неспешный, размеренный ритм жизни мудрого императора Франца-Иосифа символизировал стабильность и благополучие. То, что воспринималось современниками как консервативный застой, безысходность³¹, постепен-

²⁸ Геделле – резиденция австрийских императоров.

²⁹ Magris 1988.

³⁰ Белоусова 1997. С. 136.

³¹ Яси 2011.

но превращается в романтический образ «славных и добрых времен». Императрица Елизавета отражала аристократический блеск, эталон женской красоты, яркими штрихами дополняя картину «золотого века».

В 1998 г. известный венгерский кинорежиссер Иштван Сабо снял фильм «Вкус солнечного света», который на примере еврейской семьи Зоненшайн отражает тернистую историю Центрально-Восточной Европы XX столетия. Семья оптимистично встречала новый XX век в Австро-Венгрии, веря в стабильность и благополучие. Эммануэль Зоненшайн становится владельцем винного завода, его сын Адам, получив образование юриста, для продолжения карьеры, вопреки мнению отца, принимает новую фамилию Шорш. Внук Адам переходит в христианство, он прославил семью, став олимпийским чемпионом по фехтованию в 1936 г., однако его жизнь трагически обрывается в концлагере. Правнук Иван идет в органы госбезопасности коммунистической Венгрии, чтобы отомстить хортистам, но, пройдя через процесс морального очищения, он принимает активное участие в венгерской революции 1956 г.³² И так, беды семьи начались в 1914 г. – исчезла стабильность и уверенность в будущем, культивируемые многовековой империей Габсбургов, XX век заставил семью Зоненшайн, как и многих центрально-европейцев, пройти через суровые испытания с мыслью о счастливом времени при старом кайзере. Правда, не стоит забывать, что кризис семьи Зоненшайн начался уже в годы «золотого века».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андрей Петров: мою судьбу решил «Большой вальс» // Труд. Общественно-политическая газета. 28 февраля 2006. [Andrei Petrov: moyusud'bureshil «Bol'shoival's» // Trud. Obshchestvenno-politicheskaya gazeta. February 28. 2006]
- Белуосова В.М. К вопросу о венгерской интерпретации габсбургского мифа/Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: ИСБ РАН, 1997. С. 134-142 [Belousova V.M. K voprosu o vengerskoi interpretatsii gabsburgskogo mifa/Avstro-Vengriya: integratsionnye protsessy i natsional'nayaspetsifika. Moscow: Institute of Slavic Studies and Balkan Studies RAS, 1997. P.134-142].
- Бибо И. О бедствиях и убожестве новых восточно-европейских государств // Бибо И. О смысле европейского развития и другие работы. М.: «Три квадрата», 2004. 480 с. [Bibo I. O bedstviyakh i ubozhestve novykh vostochno-evropeiskikh gosudarstv // Bibo I. O smysle evropeiskogo razvitiya i drugie raboty. Moscow: Tri kvadrata, 2004. 480 p.].
- Воцелка К. История Австрии. Культура, общество, политика. М.: Весь мир, 2007. 512 с. [Votselka K. Istoriya Avstirii. Kul'tura, obshchestvo, politika. M.: Ves' mir, 2007. 512 p.].
- В немецком плену. М.: Наши дни, 1915. 184 с. [V nemetskom plenu. Moscow: Nashi dni, 1915. 184 p.]
- Геделле – резиденция австрийских императоров [Gedelle – rezidentsiya avstriiskikh imperatorov // https://www.tourister.ru/responses/id_10447
- Гусляров Е. Сталин в жизни. Систематизированный свод воспоминаний современников, документов эпохи, версий историков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003. 749 с. [Guslyarov E. Stalin v zhizni. Sistemativirovanniy svod vospominanii sovremennikov, dokumentov epokhi, versii istorikov. Moscow: OLMA-PRESS, 2003. 749 p.]

³² Трошин 2008. С. 55-56.

- Зигль В. Обращение к участникам конференции / Австро-Венгрия: интеграционные процессы и национальная специфика. М.: ИСБ РАН, 1997. С.6-8 [Zigl' V. Obrashchenie k uchastnikam konferentsii/ Avstro-Vengriya: integratsionnye protsessy i natsional'naya spetsifika. M. Institute of Slavic Studies and Balkan Studies RAS, 1997. P.6-8]
- Исламов Т.М. Модерн в Средней Европе: Историческая обусловленность. Зарождение. Реализация в модерне / Модерн. Модернизм. Модернизация. М.: РГГУ, 2005. С. 47-85 [Islamov T.M. Modern v Srednei Evrope: Istoricheskaya обусловlennost'. Zarozhdenie. Realizatsiya v modern / Modern. Modernizm. Modernizatsiya. M.: RGGU, 2005. S. 47-85]
- Кириш Ю. Под сапогом Вильгельма: записки рядового военнопленного в 1914-1918 гг. М.: Государственное изд-во, 1925. 104 с. [Kirsh Yu. Pod sapogom Vil'gel'ma: zapiski ryadovogo voennoplenennogo v 1914-1918 gg. Moscow: Gosudarstvennoe izd-vo, 1925. 104 p.]
- Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М.: Весь мир, 2002. 656 с. [Kontler L. Istoriya Vengrii. Tysyacheletie v tsentre Evropy. M.: Ves' mir, 2002. 656 s.]
- Корти Э.Ц.К. Елизавета I Австрийская Ростов на Дону: Феникс, 1998. 608 с. [Korti E.Ts.K. Elizaveta I Avstriiskaya. Rostov on Don: Feniks, 1998. 608 p.]
- Рот Й. Марш Радецкого. СПб.: Азбука-классика, 2008. 384 с. [Rot I. Marsh Radetskogo. St.Petersburg: Azbuka-klassika, 2008. 384 p.]
- Масарик Т.Г. Мировая революция. Воспоминания. Т. 2. Прага: Пламя-Орбис, 1927. 390 с. [Masarik T.G. Mirovaya revolyutsia.Vospominaniya. V 2. Praga: Plama-Orbis, 1927. 390 p.]
- Музиль Р. Человек без свойств. В 2х т. М.: НИЦ «Ладомир», 1994. [Muzil' R. Chelovek bez svoistv. In 2 vols. Moscow: Nauchno-izdatel'skiitsentr «Ladomir», 1994].
- Никифоров К.В. Этнические процессы на пространстве от Кавказа до Балкан в XX веке // Кавказ – Карпаты – Балканы: этноконфессиональные, региональные и локальные компоненты национального менталитета в XVIII–XX вв. Материалы международной конференции. Ставрополь: Изд-во СКФУ, 2015. С. 3-6 [Nikiforov K.V. Etnicheskie protsessy na prostranstve ot Kavkaza do Balkan v XX veke // Kavkaz – Karpaty – Balkany: etnokonfessional'nye, regional'nye i lokal'nye komponenty natsional'nogo mentaliteta v XVIII-XX vv. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Stavropol': NCFU, 2015. P. 3-6].
- Стыкалин А.С. К вопросу о политике исторической памяти в Венгрии Виктора Орбана // Историческая память и культурные символы национальной идентичности. Материалы международной конференции. Ставрополь-Пятигорск: Изд-во ПГУ, 2017. С. 180-186 [Stykalin A.S. K voprosu o politike istoricheskoi pamyati v Vengrii Viktora Orbana/Istoricheskaya pamyat' i kul'turnye simvolyy natsional'noi identichnosti. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii. Stavropol'-Pyatigorsk: PSU, 2017. P.180-186]
- Трошин А. Иштван Сабо: темы и вариации. М.: Наука, 2008. 264 с. [Troshin A. Ishtvan Sabo: temu i variatsii. Moscow: Nauka, 2008. 264 p.]
- Турок П.М. Многонациональная монархия Габсбургов в освещении современной западной историографии // Славяно-германские отношения и связи. М.: Наука, 1964. С. 24–36 [Turok P.M. Mnogonatsional'naya monarkhiya Gabsburgov v osveshchenii sovremennoi zapadnoi istoriografii/Slavyano-germanskije otnosheniya i svyazi. Moscow: Nauka, 1964. P. 24–36]
- Фюлеп Л. Национальная самодостаточность // Венгры и Европа. Эссе. М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 46-76 [Fyulep L. Natsional'naya samodostatochnost' // Vengry i Evropa. Esse. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2002. P. 46-76]
- Хайек Ф. Познание, конкуренция и свобода. СПб.: Пневма, 1999. 288 с. [Khaiiek F. Poznanie, konkurentsia i svoboda. St.Petersburg: Pnevma, 1999. 288 p.]
- Цвейг С. Вчерашний мир. Воспоминания европейца. М.: Вагриус, 2004. 352 с. [Tsveig S. Vcherashnii mir.Vospominaniya evropeitsa. Moscow: Vagrius, 2004. – 352 p.]
- Шарый А., Шимов Я. Корни и корона. Очерки об Австро-Венгрии: судьба империи. М.: КоЛибри, 2010. 448 с. [Sharyi A., Shimov Ya. Korn i korona. Ocherki ob Avstro-Vengrii: sud'ba imperii. Moscow: KoLibri, 2010. 448 p.]
- Шимов Я. «Искал мира и нашел его в бже». Карл I Австрийский. набросок политического портрета последнего коронованного Габсбурга // Средняя Европа. Проблемы международных и межнациональных отношений. М.: Алетея, 2009. С. 276-311 [Shimov Ya. «dskal mira i nashel ego v boge». Karl I Avstriiskii. Nabrosok politicheskogo

- poterta poslednego koronovannogo Gabsburga // Srednyaya Evropa. Problemy mezhdunarodnykh i mezhnatsional'nykh otnoshenii. M.: Aleteiya, 2009. P.276-311]
- Яси О. Распад Габсбургской монархии. М.: Три квадрата, 2011. 614 с. [Yasi O. Raspad Gabsburgskoi monarkhii. Moscow: Tri kvadrata, 2011. 614 p.]
- From Trianon to the First Vienna Arbitral Award. Hungarian Minority in the First Czechoslovak Republic 1918-1938. Montreal: Institute of Comparative Civilizations, 1981. 229 p.
- Hantsch H. Die Geschichte Österreichs. Bd. II. Graz: Tyrolia, 1962. 328 s.
- In Austrian historiography, what precisely is the "Habsburg Myth?"// <https://www.reddit.com/r/AskHistorians/comments/4fd2u1/>
- Kann R. The Habsburg Empire. A Study in Integration and Disintegration. N.Y.: Octagon Press Ltd, 1973. 227 p.
- Magris C. Der habsburgische Mythos in der österreichischen Literatur. Salzburg: Muller, 1988. 354 s.
- Moritz V. Vergangenheitsbewältigung/Moritz V., Moser K. Leidinger, Hannes: Kampfzone Kino. Film in Österreich 1918-1938, Wien: Verlag Filmarchiv. Austria, 2008. S. 141-172.
- Storch U. Eine Reise um die Welt – im Wiener Prater / Dewald C., Schwarz W. Prater Kino Welt. Der Wiener Prater und die Geschichte des Kinos. Wien: Verlag Filmarchiv. Austria, 2005. S.101-125.

***Крючков Игорь Владимирович**, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой зарубежной истории, политологии и международных отношений Северо-Кавказского федерального университета; igory5@yandex.ru*

***Крючкова Наталья Дмитриевна**, кандидат исторических наук, доцент, Северо-Кавказский федеральный университет; intist08nk@yandex.ru*

Historical memory and the Habsburg myth: post-traumatic stress disorder of a human of the 20th century and a social product of mass consumption

The breakdown of Austria-Hungary led to significant changes in political, economic and cultural life of Central-Eastern Europe in the 1920-1950s. Inhabitants of the region faced the growth of nationalism, authoritarianism and decline in living standards. The authors analyze the influence of these processes on birth and development of the Habsburg myth in its various forms. The “Golden Age” was associated with the rule of Emperor Franz-Joseph I and Empress Elizabeth of Austria (of Bavaria) by many inhabitants of the region. The Emperor was a symbol of stability, centrality and humanity, while the Empress reflected aristocracy, romanticism and aspiration to the beauty. The authors have noted that the inhabitants of Central-Eastern Europe did not find these qualities in modern society turning to the history of Austria-Hungary. The gradual depoliticization of the Habsburg myth in the second half of the 20th c., its erosion in a daily life is shown in the article; it is mostly turning into a social product of mass consumption first of all in spheres of tourism and popular culture.

Keywords: the Habsburg myth, Austria-Hungary, nostalgia, nationalism, cinematography, Franz-Joseph I, Elizabeth of Bavaria, dualist Monarchy, tourism

***Igor Kryuchkov**, Dr. Sc. (History), Professor, Head of Chair of Foreign History, Political Sciences and International Relationships of North-Caucasus Federal University; igory5@yandex.ru*

***Natalia Kryuchkova**, Ph. D., Associate Professor, North-Caucasus Federal University; intist08nk@yandex.ru*

Л. Н. МАЗУР

МЕМОРИАЛЬНЫЕ МУЗЕИ ПОЛИТИЧЕСКИХ ДЕЯТЕЛЕЙ В ПРОСТРАНСТВЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ¹

В статье рассматривается роль мемориальных музеев в конструировании государственного мифа и исторической памяти. Анализируется структура музейно-мемориального пространства России, его динамика на протяжении XX – начала XXI в. Особое внимание уделено характеристике мемориальных музеев руководителей советского государства – В.И. Ленина, И.В. Сталина и их влиянию на историческую память современного российского общества. Раскрываются функции музея в контексте механизмов социального инжиниринга, а также место и роль президентского центра Б.Н. Ельцина в формировании образа России 1990-х гг.

Ключевые слова: музеи, мемориальные музеи, советский миф, образ времени

Исторические музеи играют особую роль в формировании исторической памяти общества². Они образуют символическое пространство прошлого и, используя механизмы эмоционального сопереживания, включают его в историческое сознание и память новых поколений. Музей – единственная институция, способная дать посетителю подлинное переживание исторической реальности. В этом и состоит роль музеев как институтов памяти [Гюйссен 2012; Грусман 2007].

Процесс формирования образа прошлого в общественном сознании включает несколько этапов: он начинается с усвоения гипотетических исторических знаний в ходе общения с их носителями (преподавателями и/или очевидцами); затем они преобразуются в чувственный образ, благодаря эмоциональному соприкосновению с прошлым через визуальные источники – фотографии, фильмы, музейные выставки, места памяти; и на последнем этапе в ходе работы с текстами (научными и/или художественными) образы упорядочиваются и закрепляются в сознании в форме мифа – устойчивой эмоционально окрашенной системы представлений о событиях прошлого. В результате образ прошлого включается в индивидуальный жизненный опыт [Мазур 2017].

Роль музеев в этом информационном процессе совершенно особая: с одной стороны, они, как научные институты и аккумуляторы исторических знаний о прошлом, проводят оценочную селекцию исторических фактов и событий, присваивая им символические смыслы [Воронцова 2014]. Музеи – своеобразный трансформатор по преобразованию исто-

¹ Тема поддержана грантом РНФ (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

² См., напр.: Божченко 2012; Буринская 2006; Ростовцев, Сидорчук 2014.

рических знаний в убедительный и внешне достоверный миф. С другой стороны, они представляют собой контактное, эмоционально заряженное пространство прошлого и настоящего, транслируя новым поколениям их образы³. Вместе с тем, формируемый музеями образ прошлого подвержен серьезным деформациям. Во-первых, необходимо учитывать фактор времени: музеефикация исторических событий, объектов или персоналий всегда происходит позднее, иногда с большим разрывом во времени, т.е. представляет собой *реконструкцию* прошлого с опорой на социальный заказ и существующий уровень научных знаний о прошлом, околонучные представления и музейные технологии. Во-вторых, как правило, содержание музейных экспозиций (актуализированной информации) подчинено задачам государственной политики памяти.

Музеи выступают одновременно в качестве объекта и инструмента культурной политики государства. Сложная природа исторического музея как модели и инструмента создания образа прошлого раскрыта в концепции исторической памяти Пьера Нора. Он относит музеи, архивы, кладбища, коллекции, праздники, годовщины, трактаты и протоколы (документы), монументы, храмы и прочие материальные объекты к понятию «места памяти», аттестуя их в качестве «свидетелей другой эпохи» [Нора 1999: 26]. Нора отмечает свойства мест памяти – материальность, символичность и функциональность [там же: 40]. Музей, как форма коммеморации, с наибольшей полнотой интегрирует все эти три свойства, что позволяет рассматривать его в качестве концентрированного выражения, кода историко-культурной памяти народа, где отображены, сохранены, ранжированы все наиболее значимые для общества образы и символы, традиции и события. Другой важнейшей функцией музея является трансляция и распространение этих образов, включение их в общественные практики – образовательные, научные, развлекательные, познавательные и проч. Выполняя функции социальной рефлексии, коммуникации и инжиниринга, музеи становятся одним из важнейших конструкторов исторической памяти общества, а также национальной и региональной идентичности [там же: 40]⁴.

Мемориальные музеи как инструмент и результат конструирования государственного мифа

Формирование музейного пространства – сложная задача, в решении которой в равной степени заинтересовано общество и государство. Особое значение музеи, как институты памяти, приобретают *в условиях становления новой государственности*. В истории России нового и

³ Поэтому П. Нора охарактеризовал музей как «базовый инструмент исторической работы» и «наиболее символический объект нашей памяти» [Нора 1999: 26].

⁴ Мастеница 2015; Наварро 2010; Марков 2009; Резник 2012; Anderson, Reeves 1996; Шнирельман 2010; Kelly 2011; Красильникова 2011; Нурлигенова 2012; и др.

новейшего времени выделяется несколько таких периодов: образование Российской империи в начале XVIII в.; становление Советского государства в 1917–1930-е гг.; создание Российской Федерации в первой половине 1990-х гг. Это наиболее дискуссионные этапы отечественной истории, поскольку каждый раз формирование новой государственности шло на фоне отрицания прошлого, старые мифы и образы власти разрушались и им на смену создавались новые.

Первоочередная задача новой власти – легитимация, которая тесно связана с перекодированием пространства и сознания на всех уровнях его организации, включая язык, традиции и нормы (поведение) и память. Наиболее активно этот процесс протекал в раннесоветский период: разрушение мест памяти Российской империи и создание новых было нацелено на конструирование социалистического мифа, формирование нового сознания, доминантами которого стала устремленность в будущее и историческая амнезия (забвение прошлого). Для советского человека на первом месте была идея будущего, настоящее воспринималось через призму преодоления и жертвенности, а прошлое было интересно как пролог к будущему, т.е. было редуцировано до логической схемы доказательства закономерности и неизбежности настоящего и будущего. Такой социальный заказ нашел отражение в структуре мест памяти и в музейных практиках советской власти, нацеленной на увековечение подвига настоящего во имя будущего. В постсоветский период разрушительный порыв был выражен слабее и ограничился несколькими демонстративными актами (например, демонтаж памятника Ф. Дзержинскому на Лубянке 23 августа 1991 г. или переименование улиц и городов в 1990-е гг.). Общее пространство мест памяти в целом сохранилось, что свидетельствует о преемственности и генетическом сходстве новой власти, в целом воспроизводящей советскую модель.

Новая власть нуждается в новом государственном мифе, и для решения этой задачи старый миф может быть частично переписан, если власть признает преемственность с прошлым. В случае ее отрицания происходит полная ремифологизация, как это было в раннесоветском обществе, т.е. формируется новый государственный миф. В этом случае необходимо переписать весь мифологический цикл, включая миф сотворения; миф преображения; эсхатологический миф; а также героическую и ностальгическую мифологию (миф о золотом веке). Такая масштабная работа требует мобилизации всего культурного потенциала общества, включая науку, искусство, литературу, кинематограф, и подчинение его задачам идеологии. Своя роль в этом процессе отведена местам памяти – в первую очередь, памятникам, документам, топонимам, праздникам, музеям, которые непосредственно включены в повседневность и первыми подключаются к выполнению идеологического заказа, символически преобразуя время и пространство.

Советский миф опирался на идеологические постулаты, изложенные в работах Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина. Особенностью советского мифа было активное использование библейских сюжетов, представлений об Октябрьской революции как акте сотворения нового мира («Десять дней, которые потрясли мир»); коммунизме как воплощенной мечте о рае; эсхатологические представления были обращены в прошлое, которое рассматривалось как темное царство. Советский миф был призван вытеснить и заместить в сознании советских людей христианскую доктрину, сформировать новую советскую идентичность. Основу новой мифологии составляли представления об окружающем мире как пространстве, расколотом на два антагонистических лагеря (земное и духовное/небесное), между которыми возможна только беспощадная борьба. Это пространство заселили новые герои/защитники и титаны/покорители природы. Формируется и новый образ врага, особенностью которого была социальная маркировка (буржуй, помещик, кулак, мещанин, бюрократ, интеллигент) и статус «чужого» среди «своих» («бывший», «чуждый», «вредитель») [Николаева 2012]. Финальная версия мифологического пантеона (вожди+герои+титаны) нашла отражение в сформированном в 1970-е гг. музейно-мемориальном пространстве СССР, дополненном краеведческими музейными объектами. Они сохранились и в постсоветской России, которая выступила преемницей советского государственного мифа, только слегка обновив его.

В мифологическом цикле важное место занимает миф «сотворения», он объясняет, легитимирует и сакрализирует (мотив жертвы) новую власть. Революционный миф начинает формироваться уже в ходе событий 1917 г. и окончательно оформляется в 1930-е гг. В канонической форме революционный миф сотворения был озвучен и закреплен в тексте Краткого курса ВКП(б), который стал эталоном для исторических интерпретаций прошлого [История... 1945]. Главным героем сюжета о рождении нового мира является «творец» – создатель советского государства. Опора на архетип «троицы» способствовала формированию сложно сконструированного образа «творца», где роль «отца» была закреплена за Марксом, «сына» – за Сталиным, а «святого духа» – за Лениным. В ходе «оттепели» и ревизии канонизированной в «Кратком курсе» версии раннесоветской истории образ творца подвергся частичной деконструкции, но фигура Ленина осталась за пределами критики, приняв на себя основную «творческую» нагрузку. Он остается центральной фигурой истории XX века, увековеченной в разнообразных вариантах мест памяти – топонимах, скульптурах, мемориальных музеях.

Мы остановимся на роли мемориальных музеев политических деятелей, которые несли наибольшую идеологическую нагрузку в решении задач создания образа прошлого, персонифицируя его, а также на динамике формирования музейно-мемориального пространства, поскольку

она непосредственно связана с логикой создания мифа: в первую очередь происходит музеефикация событий, объектов и персоналий, символизирующих революцию, и конструирование образа творца, затем вождей, потом наступает черед героев, и заключает эту цепочку создание мемориальных музеев, посвященных «титанам»: ученым, изобретателям, космонавтам – покорителям природы. Несколько особняком стоят деятели культуры – писатели, художники, композиторы, вклад которых признан на мировом уровне. Музеефикация их персональных историй важна для национальной идентичности и имеет свою логику развития, хотя и здесь заметно влияние идеологического фактора.

Исторические вехи становления и развития музейно-мемориального пространства в России

В развитии музеев как институтов памяти выделяются несколько этапов: подготовительный (до XVIII в.), период институализации (XVIII – первая половина XX в.), период интеграции (вторая половина XX в. по настоящее время) [Акулич 2004: 90]. Хотя предложенная музеологами периодизация опирается на организационно-институциональный принцип, она непосредственно соотносится с моделями исторической науки и соответствующими им практиками коммеморации.

Для анализа роли музеев в формировании исторической памяти перспективной выглядит предложенная М.Ф. Румянцевой гипотеза об эволюции форм коммеморации от «естественной», характерной для классической исторической науки, к «искусственной», конструируемой в логике постмодерна [Румянцева 2016]. «Естественная» коммеморация настроена на сохранение прошлого в максимально достоверной форме («как оно было на самом деле»). Таков был девиз исторических музеев XVIII – начала XX в., для которых главной ценностью был музейный артефакт, имевший статус «свидетеля времени». Но уже в раннесоветский период музейные практики, подчиненные задачам пропаганды, начинают переориентироваться на новые принципы презентации прошлого через конструирование его образов и исторической памяти в соответствии с социальным заказом. К концу XX в. эта перестройка завершается утверждением новых подходов к музейной деятельности как «перформансу» актуальных для власти интерпретаций истории, выдавая «возможное за действительное» и усиливая разрыв между научной и социально ориентированной историей [Румянцева 2016: 24; 2012].

Логический результат реализации данного подхода – появление в 2017 г. в крупнейших городах РФ мультимедийных исторических парков «Россия – моя история», главным объектом которых стали не музейные экспозиции, демонстрирующие документы, предметы, артефакты, а образы прошлого, презентация которых опирается преимущественно на визуальный контент без обращения к системе доказательств классической науки. Для narra-

тива исторических парков характерна, помимо интерактивной визуализации основных событий, краткая форма сопроводительных текстов (заголовки, лозунги, тезисы), опора на мнения «медийных» лиц – преимущественно, политиков и писателей. Причем эти мнения могут носить диахронный характер, представляя собой голоса из будущего. Визуальный ряд экспозиций ленты времени поддерживают аудиозаписи, повторяющие доступный для общего визуального восприятия текстовый контент, дополненный музыкальным или шумовым оформлением.

Таким образом, концепция исторического парка ориентирована на достижение комплексного информационного эффекта, получаемого при загрузке всех органов чувств – зрения, слуха, прикосновения (сенсорные экраны) и обеспечивающего закрепление в памяти эмоционального образа, в котором доминирует цвет, звуковые акценты и ключевые слова, представленные в заголовках стендов («достижения», «успехи», «планы нападений», «диссиденты и Запад» и проч.).

Так, например, экспозиция истории 1930-х гг. поделена на три части: две, расположенные по краям зала и отделенные стеной от общей экспозиции, посвящены репрессиям. Причем, сначала посетитель попадает в затемненное пространство, где представлена информация о репрессированных церковнослужителях. Эта часть оформлена в церковном стиле с лампадами перед образами мучеников. Вторая экспозиция по политическим репрессиям расположена в противоположном конце зала, реализована в строго научном ключе (есть интерактивная карта лагерей, биографии наиболее заметных политических деятелей, можно получить данные по статистике осужденных) и находится как бы в стороне от основного экскурсионного маршрута. Далеко не всякий школьник заглянет в этот уголок экспозиции, выполненный в серо-грязных тонах и не озвученный текстовым или музыкальным сопровождением.

Зато центральная часть зала, занимающая 2/3 общего пространства, освещена солнечным/золотым светом, оформлена в радостных небесно-голубых тонах. Здесь представлена информация о достижениях индустриализации, коллективизации, росте уровня и качества жизни. Визуализация успехов достигается за счет широкого использования советского плаката 1930-х гг., праздничных открыток, демонстрации документальных и художественных фильмов. Важную роль играет звуковое оформление экспозиции – популярные мелодии того времени, преимущественно марши. Все направлено на формирование образа «золотого века» советской истории. И даже информация о репрессиях, голоде, трагедии коллективизации, не влияет на общее впечатление, поскольку успехи и достижения оправдывают все. Зал «СССР в 1930-е гг.» оказался наиболее позитивно заряженным из всей советской истории, как и выполненная в зелено-золотой гамме экспозиция по совре-

менной России, однако, если в первом случае позитив достигается за счет визуальных образов, то зал современной России наполнен статистическими графиками, диаграммами, таблицами: по основным позициям идет сравнение показателей 2000 и 2017 г. Картина получается вполне радужная, если не принимать во внимание, что стоимостные показатели приведены без учета инфляции.

В целом, логика эволюции моделей коммеморации от «естественных» к «конструируемым» хорошо прослеживается в исторической динамике музейно-мемориального пространства. Рассмотрим ее на примере мемориальных политических музеев.

В 1714 г. Петр I основал Кунсткамеру [Хартанович 2014]. Первые мемориальные музеи в России также связаны с именем Петра I и появились практически сразу после его смерти. В 1726 г. Екатерина I выкупила дом ремесленника И. Луде в Нарве, где останавливался Петр I. В 1729 г. в Кунсткамере был воссоздан «Императорский кабинет», выставлены личные вещи Петра I, его инструменты и коллекции. В XIX в. мемориальными объектами становятся его дома в Петербурге (1831), на о. Маркове в устье Северной Двины в Вологде (1885), в 1803 г. близ Переславля-Залесского был построен музей для сохранения ботика Петра I и остатков других кораблей. Свой вклад в развитие мемориального пространства, связанного с именем Петра I, внесла советская власть: в 1930 г. деревянный Домик Петра I на Петроградской стал музеем; с 1934 г. музейный статус приобрел Летний дворец Петра I.

Всего на протяжении XIX – начала XX в. в Российской империи было создано около 20 мемориальных музеев, среди них «Кутузовская изба», «Карамзинский кабинет» в Остафьево, Дворец в Таганроге, где умер Александр I. В дореволюционный период большинство музеев возникало по частной инициативе [Мемориальные музеи...]. Ситуация существенно изменилась после Октябрьского переворота. Роль музеев возросла на фоне разрыва традиции, уничтожения культурного слоя имперской эпохи и необходимости формирования официальной истории событий революции и гражданской войны. Уже в ходе революции начался процесс конструирования нового пространства памяти, активно обсуждался вопрос о создании Музея Революции (его инициатором выступило Общество памяти декабристов) [История музея...]. Весной 1918 г. был принят декрет о сносе памятников царской России и возведении революционных монументов [Декрет о памятниках, с. 95-97].

В 1919 г. Совнарком утвердил «Положение о Музее революции», в соответствии с которым по всей стране планировалось создать сеть музеев: два центральных (всероссийских) – в Петрограде и Москве, а также местные музеи революции в губерниях. В их задачи входило «собирание и охранение памятников русской революции в самом широком смысле этого слова – вещественных, книжных, рукописных, архивных и

т.д.», а также охрана могил революционеров по всей России, установка им памятников и «прибитие памятных досок» [История музея...]. Первый Государственный музей революции (ГМР), созданный решением Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов 9 октября 1919 г. и расположенный в Зимнем дворце, выполнял функции научно-методического центра, нацеленного на всестороннее освещение мирового революционного движения. К концу 1920-х – началу 1930-х Музей революции уже включал несколько филиалов, в т.ч. Трубецкой бастион Петропавловской крепости, Шлиссельбургскую крепость, «Шалаш» и «Сарай» в Разливе, где скрывался Ленин в 1917 г., музей В.И. Ленина в Смольном, усадьбу графа А.А. Аракчеева в Грузино и др.

В начале 1920-х гг. музеи революции появляются в Вологде, Новгороде, Пскове, ряде городов Белоруссии и Украины. В 1924 г. был открыт Музей революции в Москве. К тому же времени относится создание (как правило по частной инициативе) первых мемориальных музейных объектов – Дом-музей Н.Г. Чернышевского (1920); Музей-квартира П.А. Кропоткина (1921). Настоящий бум мемориальных объектов начался после смерти Ленина, давшей толчок к появлению сначала «Уголков Ильича», создаваемых по инициативе «снизу», а затем и полноценных музеев. Так, в 1923 г. в особняке М.Ф. Кшесинской, где весной-летом 1917 г. работал Ленин, был открыт «Уголок Ильича», реорганизованный к 10-летию Октябрьской революции в музей-квартиру В.И. Ленина. В 1924 г. «Уголок Ильича» был создан по инициативе жителей Казачьего переулка, где в доме 7 в 1894–95 гг. жил В.И. Ульянов. В 1938 г. на его основе был открыт музей-квартира В.И. Ульянова – филиал Ленинградского филиала Центрального музея В.И. Ленина⁵. Однако не все инициативы снизу поддерживались правительством. Нередко местные власти пытались решить задачи сохранения историко-культурного наследия, ссылаясь на необходимость меморизации отдельных фактов жизни Ильича. Так, например, в 1920-е гг. заведующий секцией культуры и быта Нижегородского губернского архивного бюро И.И. Вишневский пытался получить средства для реставрации двух башен Нижегородского кремля, опираясь на свидетельства очевидцев о посещении их Лениным в 1901 г., но неудачно. Башни были реставрированы только в 1950–1960-е гг., а вопрос о достоверности приведенных Вишневским фактов так и остался открытым [Уткина 2013].

Первоначально формирование памятных мест шло стихийно, не всегда создаваемые музеи имели мемориальные коллекции или находились в мемориальном месте. Это было не важно. Мемориальные музеи в раннесоветском обществе воспринимались, скорее, как символи-

⁵ В настоящее время это музей «Разночинный Петербург», сохранивший статус мемориального объекта.

ческие объекты, места поклонения, призванные увековечить не столько память, сколько образ вождя. Эту же функцию выполняли Ленинские комнаты, Красные уголки, которые создавались повсеместно: в школах и учреждениях, цехах и больницах, колхозах и советах. Здесь располагались портреты или бюсты вождей, символы новой власти (флаг, герб), формируя особое, освященное пространство, где приносились клятвы и обещания, восхваляли героев и проклинали врагов.

Исторические и мемориальные музеи, посвященные политическим деятелям, формировались в первую очередь как пропагандистские институты. Задачи сохранения историко-культурного наследия в этом случае отходили на второй план. С особой силой эта особенность советских историко-мемориальных музеев проявилась в 1930–1940-е гг., когда происходит переход от форм «естественной» коммеморации к конструируемым. В декабре 1930 г. состоялся первый музейный съезд СССР, на котором, помимо осуждения краеведческого движения и закрытия ряда музеев, была провозглашена новая концепция музейного дела. Экспозиции должны были служить иллюстрацией идей марксизма-ленинизма, отражать успехи коллективизации и индустриализации.

На фоне ограничения научных функций музеев, в 1930-е гг. в разных концах страны создаются десятки музеев вождей (Ленина, Сталина) и их соратников (С. Кирова, Я. Свердлова, М. Калинина, К. Ворошилова, С. Буденного и др.). Новыми мемориальными объектами пополняется история революционного движения: в 1941 г. был открыт музей революционера-подпольщика И. Бабушкина, расстрелянного в 1906 г., созданы музеи В. Белинского (1938) и А.Н. Радищева (1945). Подошла очередь канонизации героев: в 1936 г. появился первый музей, посвященный В. Чапаеву, а затем в течение нескольких лет в его честь были созданы еще два музейных объекта. В 1940 г. был открыт музей В. Чакова. После Великой Отечественной войны сеть мемориальных музеев дополняется новыми объектами, посвященными героям и полководцам войны. В 1960–1970-е гг. список музеев расширяется за счет мемориальных объектов космонавтов, ученых, изобретателей. Оттепель внесла заметные коррективы в мемориальное пространство. На волне десталинизации были закрыты памятные места, связанные с именами И. Сталина, В. Молотова, К. Ворошилова и др. Был принят ряд указов и постановлений о переименовании населенных пунктов, областей и районов. Введен новый порядок присвоения имен выдающихся деятелей политики, науки и культуры топографическим объектам⁶.

Изменения коснулись и статуса мемориальных музеев. В 1967 г. было принято «Положение о мемориальных музеях системы Министерства культуры», которое в известной степени упорядочило процессы

⁶ Постановление... 1965, с. 114; Указ..., 1957, с. 494; 1968, с. 191; и др.

музеефикации и определило обязательные условия организации музея, к числу которых относилось расположение его в мемориальном месте, а также наличие подлинных предметов [Косторакова 2003]. В результате ряд музейных объектов, не соответствовавших нормативным требованиям, были закрыты. С другой стороны, в 1970-е гг. стали открываться мемориальные музеи лиц, которые укрепляли советский миф, но не были по разным причинам увековечены в сталинский период – Г. Плеханова, Г. Чичерина, Г. Кржижановского, А. Луначарского и др.

Обогадилась новыми мемориальными объектами досоветская история революционного движения: в 1960–1980-е гг. в разных городах Сибири и Урала – местах ссылки декабристов, – были открыты восемь мемориальных объектов. Появились музеи национальных героев освободительного движения и организаторов автономий – Салавата Юлаева, Сухэ-Батора, М. Аммосова, т.е. музейно-мемориальное пространство стало более разнообразным, но не входило в противоречия с советским государственным мифом.

Современное мемориально-музейное пространство

В 1990-е гг. структура мемориальных музеев в целом сохранилась. Заметно выросла их численность: появилось много новых мемориальных объектов, связанных с именами деятелей культуры, не принимавших советскую власть – М. Цветаевой, В. Высоцкого, П. Флоренского, А. Сахарова, А. Солженицына и др. Историко-революционные и краеведческие музеи, учитывая новые веяния, стали перестраиваться и менять экспозиции. Так, например, Музей-заповедник «Сибирская ссылка В.И. Ленина» был преобразован в 1993 г. в Историко-этнографический музей-заповедник «Шушенское», где наряду с мемориальными объектами были созданы новые экспозиции, реконструирующие повседневность сибирского села – хозяйственную жизнь, быт, духовную культуру крестьян рубежа XIX–XX вв.

В музейном ландшафте современной России мемориальные музеи составляют примерно 9,7% (581) от общего числа 5981⁷. Это музейные объекты, посвященные историческим личностям – преимущественно, писателям, художникам, ученым, героям военных лет. Удельный вес мемориальных музеев политических деятелей в общем списке не превышает 20%, но они представлены крупными музейными центрами, формирующими образ эпохи и дополняются сетью исторических и краеведческих музеев, активно работающих с мемориальными артефактами, удельный вес которых составляет 48,2% от общего числа музеев. Важно и то, что политические мемориальные музеи территориально распределены по всем регионам страны, образуя своеобразный каркас, поддерживающий память о советском прошлом, его вождах и героях.

⁷ Подсчитано по сайту «Музеи России».

В музейном пространстве России по количеству мемориальных объектов выделяются три имени – Петр I, В.И. Ленин, И.В. Сталин.

Четыре музея связаны с биографией Петра I: Летний дворец, Домик Петра I в Санкт-Петербурге, Дом-музей Петра I в Вологде и музей-усадьба «Ботик Петра I» в Переяславле-Залесском. Помимо них, экспозиции, посвященные первому российскому императору, имеются в ряде других исторических музеев, например, Центральном военно-морском музее, т.е. реально их число существенно больше.

Практически полностью сохранились памятные места (включая памятники, топонимы, памятные дни), связанные с именем В.И. Ленина. В общей сложности насчитывается 24 музейных объекта – комплексы, заповедники, научно-культурный центр, дома-музеи, мемориальные квартиры, большинство из которых было открыто в 1930–1940-е гг.

К числу крупнейших музейных комплексов относятся «Горки Ленинские» (Московская область), «Родина Ленина» (Ульяновск), научно-культурный центр «Музей В.И. Ленина» (Горки Ленинские). В Петербурге насчитывается восемь музейных объектов, в т.ч. музейный комплекс «В Разливе», историко-мемориальный музей «Смольный». Географический охват ленинских мемориальных мест очень широк – Красноярский край, Казань, Выборг, Самарская, Ульяновская, Псковская области. Музеефицирован буквально каждый эпизод жизни Ленина, детально конструируя образ творца – вождя Революции и основателя Советского государства. Здание НКЦ «Музей В.И. Ленина» в Горках, получившее символическое название «Парфенон», выполнено в форме куба, окруженного колоннадой (1987, арх. Л.Н. Павлов), Низкий потолок, черный мрамор, бронзовые светильники в форме факелов, статуя Ленина, освещенная прожекторами – все создает ощущение храма, воздвигнутого во имя Богочеловека⁸.

Музей оснащен современными технологиями, широко используются визуальные эффекты. В центре каждого зала расположен куб из черного стекла, внутри которого транслируются кино, видео, слайд-проекции, музыка, уникальные записи выступлений Ленина, применяются лазерные проекции. В экспозиции представлены подлинные документы эпохи, кинохроника, фотографии, многофигурные реконструкции, они погружают посетителя в историческую среду первых лет советской власти. В центре работает библиотека и архив, который в 1990-е гг. пополнился документами об альтернативных программах преобразования России, фотографиями лидеров Белого движения.

⁸ По мнению Е. Болтуновой, такой формат презентации вождя непосредственно связан с имперской мемориальной стратегией, которая с особой силой проявилась в позднесоветскую эпоху, дополнив советскую стратегию меморизации, для которой был характерен акцент на обыденности [Болтунова 2017].

Несмотря на ревизию советского прошлого в 1990–2000-е гг., В.И. Ленин сохранил свои позиции наиболее значимого политического деятеля XX века – символа советской эпохи. Интересно, что его образ «творца» не подвергся серьезной деконструкции и в целом соответствует созданным в советскую эпоху канонам – вождя революции, государственного деятеля, мыслителя, «самого человеческого человека», гениального ребенка. Другим руководителям советского государства – И. Сталину, Н. Хрущеву, Л. Брежневу, М. Горбачеву – повезло меньше: все повороты и тупики исторического пути советского государства отразились на оценке их личности. Руководители, бывшие у власти после Сталина, вообще не представлены в современном музейном пространстве. Исключение составляет фигура самого Сталина.

Места памяти «отца народов», созданные в 1930–1940-е гг., имели сложную судьбу: их закрывали на волне «оттепели», в постсоветский период началось их восстановление, появились новые мемориальные объекты. В настоящее время в России, по приблизительным подсчетам, имеется более десятка музейных объектов, большинство из которых были открыты в 2000-е гг.: музей «Дом-памятник политических ссыльных» в Сольвычегодске, где с 1908 по 1910 гг. отбывал ссылку Сталин; музей «Вологодская ссылка» (г. Вологда). В Волгограде в 2006 г. открылся музей Сталина в здании культурного центра «Сталинград» на Мамаевом кургане. В Уфе к 132-й годовщине со дня рождения Сталина был создан частный музей; в Самаре – музей под названием «Бункер Сталина»; в Сочи – «Дача Сталина»; музей «Август 1943 г.» в дер. Хорошево близ Ржева и др.⁹ Восстановление мест памяти Сталина связано не только с тенденцией ресталинизации, характерной для современной политической ситуации, но и коммерциализацией музейных практик, развитием туризма, распространением идеологии шоу в музейной деятельности, а также с частной инициативой, отражающей настроение определенных слоев общества.

Иначе сложилась судьба мемориальных мест, связанных с именами соратников Сталина. Хрущевская оттепель внесла свои коррективы в реструктуризацию карты мемориальных центров – многочисленные объекты, посвященные В. Молотову, К. Ворошилову и другим лицам, олицетворявшим сталинский режим, были закрыты. В настоящее время на территории России сохранились в общей сложности 17 мемориальных музеев политических деятелей раннесоветской эпохи, в т.ч. 4 музея С.М. Кирова: Историко-краеведческий музей с мемориалом Кирова и выставочным залом, Мурманская область (1934); Музей-квартира в Петербурге (1938); Мемориальный музей-квартира С.М. Кирова, Рес-

⁹ Всего журналистами было выявлено 13 музейных объектов в РФ и два музея в Грузии (Гори и Батуми) [Алехина 2012].

публика Северная Осетия-Алания (1939); Музей «С.М. Киров в Сибири», Новосибирская область (1947). Трагическая гибель С.М. Кирова и его канонизация советской властью как жертвы / мученика способствовали сохранению мест памяти, созданных преимущественно в 1930–1940-е гг. и их незначительную последующую трансформацию.

Два музейных объекта связаны с именем М. Фрунзе. В 1934 г., по инициативе К. Ворошилова, был открыт Дом-музей М.В. Фрунзе (Самарская область). Современная экспозиция рассказывает о противостоянии на Восточном фронте армий Фрунзе и Колчака, о «красных», «белых» и «зеленых», об антисоветском восстании в тылу Восточного фронта («чапанной войне»), дезертирстве в Красной и Белой армиях и других страницах истории. В 1992 г. мемориальная часть Шуйского музейно-культурного центра им. М.В. Фрунзе (открыт в 1939 г.) пополнилась экспозицией «Время и судьбы» об истории Ивановской области и г. Шуи в XX в. (быт, культура, политика). Таким образом, в этом музейном сегменте наблюдается трансфер в сторону местной и военной истории, которые ранее служили фоном для житийного нарратива.

Популярной фигурой в музейном пространстве остался В. Чапаев, личность которого, благодаря знаменитому фильму, обрела символический статус. Он стал героем революционного мифа преображения. В настоящее время сохранились четыре музейных объекта, поддерживающих память о легендарном начдиве: Музей В.И. Чапаева (филиал Чувашского национального музея), открытый 9 мая 1974 г.; Дом-музей В.И. Чапаева в г. Балаково (1948, Саратовская область); Дом-музей 25-й Чапаевской дивизии (1936, Республика Башкортостан); Мемориальный дом-музей В.И. Чапаева (1939, Саратовская область). В советские годы музеи, посвященные В. Чапаеву и боевому пути 25-й дивизии, существовали во многих школах. Интересно, что наиболее ранним мемориальным объектом стал Дом-музей 25-й Чапаевской дивизии, где в течение шести дней (со 2 по 7 июня 1919 г.) размещались штаб и полевой лазарет дивизии. Такой, почти случайный выбор объекта музеефикации, свидетельствует о целенаправленной политике конструирования нового образа народного героя, который должен был вытеснить из памяти и заместить бывших героев Гражданской войны, подвергшихся репрессиям. Создание музея стало актом удостоверения правды художественного фильма о Чапаеве. В конце 1930-х – 1940-е гг. открылись еще два музея в Саратовской области, где жила семья Чапаевых. Наконец в 1970-е гг. возводится мемориальный комплекс в Чувашии, на родине В. Чапаева, что завершает канонизацию героического образа. Комплекс, расположенный в Чебоксарах, представляет собой полностью сконструированный объект, поскольку сам дом, где родился В. Чапаев, не сохранился. На его месте было построено здание музея, а в 1986 г. восстановлен и сам дом. Кроме того, комплекс включает мемориальную стелу с барель-

ефами соратников Чапаева (1974), памятник герою и сквер В.И. Чапаева (1960). Знаменательно создание этого комплекса в позднесоветский период: фактически он завершил героический нарратив, начало которому положили фильм режиссеров Васильевых и роман Д. Фурманова. Мемориальные места В. Чапаева – пример последовательно конструируемой памяти, которая постепенно достраивается, удостоверяя историческую правду, созданную первоначально художественными средствами.

Кроме того, от советской эпохи сохранились мемориальные музеи Г.М. Кржижановского – в Москве (1968) и Красноярском крае (1970), музеи С.М. Буденного (1939), С. Орджоникидзе (1940), М.И. Калинина (1940), В.В. Куйбышева (1947), А. Луначарского (1965), Г.В. Плеханова (1977), Г.В. Чичерина (1987). Музей Н. Крупской был организован только в 1996 г., что тоже красноречиво свидетельствует о принципах меморизации, реализуемых советской властью. Статус спутницы и соратника вождя мешал признанию самостоятельной политической роли Н. Крупской, кроме того действовали гендерные стереотипы, отводившие женщинам второстепенное место не только в советской управленческой системе, но и в историческом процессе.

В постсоветскую эпоху появилось три объекта, сохраняющих память о времени формирования новой российской государственности:

- Музей становления демократии в современной России им. Анатолия Собчака (Санкт-Петербург), основан в 2003 г.
- Историко-мемориальный музей В.С. Черномырдина (Оренбургская область), открыт в 2011 г. в с. Черный Отрог Саракташского района. Цель музея – изучение и популяризация исторического наследия, связанного с деятельностью первого Председателя Правительства РФ В.С. Черномырдина. Музей создан по типу визит-центра, представляет собой многопрофильный комплекс, объединяющий мемориальный, исторический, научно-технический и сельскохозяйственный музеи.
- Президентский центр Б.Н. Ельцина (Ельцин-Центр) в Екатеринбурге, основная задача которого определена в Уставе как *сохранение, изучение и осмысление исторического наследия Бориса Ельцина в контексте политических событий 1990-х.*

В Горбачев-фонде на Ленинском проспекте в Москве имеется экспозиция «М.С. Горбачев: жизнь и реформы», создание музея первого и единственного Президента СССР пока не планируется [Болтунова, 2017] и, возможно, никогда не будет реализовано, поскольку М.С. Горбачев не включен в государственный миф новой России.

Президентский центр Б.Н. Ельцина в Екатеринбурге

Президентский Центр Б.Н. Ельцина в некотором роде открывает новую страницу истории мемориальных музеев. Он был создан в соответствии с принятым в 2008 г. федеральным законом № 68 «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий» [Федеральный закон... 2008] и

свидетельствует о позиции правительства, направленной на сохранение памяти о российских президентах, меморизации их жизни и деятельности. В законе определены не только задачи президентских центров, но и их структура, система управления, статус. Любой президентский центр в своем составе должен иметь музей, библиотеку, архив, научно-исследовательский совет. Прототипами такой структуры стали, во-первых, позднесоветские мемориальные практики, в частности Музей В.И. Ленина в Горках и научно-информационный центр; во-вторых, американский опыт меморизации жизни и деятельности президентов.

Ельцин-Центр открылся в Екатеринбурге 25 ноября 2015 года¹⁰. В музее центра экспонируется коллекция мемориальных документов и предметов, переданных семьей и связанных с жизнью и общественно-политической деятельностью Б.Н. Ельцина на посту президента, а также из предметов, которые раскрывают дух эпохи становления новой государственности. Экспозиция расположена в девяти залах, в центре внимания выставки не биография президента, а история страны, ее путь к свободе. Страницы жизни Б. Ельцина вплетены в историческую канву советской эпохи, расписанной буквально по годам с акцентом на периоде его президентской карьеры. Музейную экспозицию открывает «Лабиринт истории» – зал, который вводит посетителей Центра в общественно-политический контекст XX в. Первому президенту России и его эпохе посвящен второй этаж музея. Здесь располагается комплекс залов под общим названием «Семь дней, которые изменили Россию», каждый зал связан каким-то переломным моментом в истории страны второй половины 1980–1990-х гг.: день первый «Мы ждем перемен»; день второй «Августовский путч»; день третий «Непопулярные меры»; день четвертый «Рождение Конституции»; день пятый «Голосуй, а то проиграешь»; день шестой «Президентский марафон»; день седьмой «Прощание с Кремлем». Завершает экспозицию Зал Свободы, где можно услышать из уст разных людей определение понятия «свобода». Так создается новая мифологическая история *свободной России*, в которой образ творца связан с личностью ее первого Президента. При конструировании образа акцент сделан на человеческих качествах и даже слабостях, благодаря которым достигается преодоление встающих на его пути препятствий. Такая трактовка расходится со стратегией мифологизации вождей революции, но соответствует требованиям современного информационного общества с его возможностями формирования альтернативных образов и медийной средой, а также учитывает противоречивое отношение российского общества к данной политической фигуре. Музей предлагает разные способы знакомства с экспозицией, учи-

¹⁰ На родине президента, в с. Бутка была установлена памятная доска, сам дом отца пока не стал объектом музеефикации.

тывая поведенческие стратегии посетителей: экскурсии, самостоятельный обзор, детальное изучение имеющихся ресурсов. Главная задача, которую решали разработчики, – приблизить прошлое к человеку, погрузить его в историческую среду, дать прикоснуться к вещам, документам, услышать голоса эпохи. Фотографии, медиа, текстовые документы, песни тех лет – все нацелено на создание эмоциональной атмосферы соучастия в реальных событиях, на понимание сложности исторического выбора: событие не маркируется, за посетителем остается право дать свою оценку происходящему. Так создается эффект «правды» о человеке, принявшем на себя груз ответственности в сложные для страны годы.

По признанию работников центра, «рассказывая о ключевых событиях XX века в России, музей Ельцина имеет схожий с советскими музеями ключевой концепт “движения к свободе”, но исходит из другой системы ценности и оценок» [Соколовская 2016]. С этих позиций Ельцин-центр можно рассматривать как мемориальный социально-политический музей нового поколения, построенный на принципах многофункциональной интеграции музейных предметов, образов, познавательных практик, имитирующих эффект присутствия. Такой подход снижает критический накал и призывает к взвешенной рефлексии, но не следует забывать, что подбор информации и артефактов нацелен *на увековечение памяти* политика, объективно способствуя его будущей канонизации, если не как «святого», то как «героя» нового государственного мифа свободной России.

Выводы

На протяжении XVIII–XX вв. мемориальные музеи существенно изменились, постепенно трансформируясь из мест сохранения памяти о личностях, транслирующих персональные истории (персональная меморизация), в многофункциональную среду конструирования исторического образа эпохи. В этом случае неизбежно происходит выход за пределы приватного пространства. Современные мемориальные музеи пытаются воссоздать более широкий пласт исторической реальности, нежели просто дом, обстановку, историю личности.

Особенно заметна трансформация политических мемориальных музеев, где прием апеллирования к историческим событиям выражен намного сильнее, чем, например, в музеях ученых, писателей, художников, музыкантов и других представителей творческих профессий. Это неудивительно, поскольку политик, государственный деятель всегда тесно связан с историей страны, а его персональная история включена в национальный, а иногда и международный контекст.

В настоящее время мемориальные музеи создаются по заказу и при активном участии государства, выступая агентами нового государственного мифа. Но нередко инициатива создания мест памяти идет

снизу, от обычных людей – граждан, часто близких родственников или друзей, общественных организаций, формируя стихийные меморативные практики. Они являются отражением бытующих в обществе представлений о роли разных политических деятелей, представителей культуры и науки. Такие встречные практики позволяют судить о наличии альтернативных образов прошлого и их конфликтности.

Основная функция современных мемориальных музеев – не просто сохранение и демонстрация реликвий, она шире. Эти музеи – свидетельство исторической правды государственного мифа, манифестация целей новой государственности, ее легитимности и закономерности. Образуя контактное пространство, музеи позволяют соприкоснуться с исторической личностью, в результате чего меняется ее восприятие: человек становится близким, понятным, знакомым, отношение к нему эмоционально окрашивается, происходит приватизация «чужого» опыта, мыслей, идей и осознание их как «своих».

Благодаря компьютерным технологиям, мемориальные музеи превратились в технически сложные объекты, где музейный предмет или документ / артефакт уступает место действию / демонстрации, которое уместно обозначить термином «перформанс». Это объективно усиливает их мифотворческую миссию, способствуя символическому конструированию исторической памяти. С развитием музейных технологий, особенно мультимедийных, воздействие музейной информации на сознание усиливается, она приобретает кодирующие свойства. Создание эффективной системы коммуникаций, нацеленной на информирование, обучение, общение, отдых обеспечивает включение музейной информации в коллективную память. Ставка на визуальный эффект и использование приемов нейролингвистического программирования хорошо видны в музейном проекте «Россия – моя история», который транслирует новый государственный миф Великой России как исторического пространства трех империй: Петровской, Сталинской и Путинской. В этом смысле идеология исторического парка «Россия – моя история» противостоит концепции Ельцин-центра, поскольку происходит заметное переосмысление концепта «свободы»: он понимается по-разному в контексте представлений о «демократии» или «величии». Возможно поэтому Ельцин-центр становится объектом политических нападков и претензий со стороны защитников имперского прошлого.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Акулич Е.М. Музей как социокультурный институт // Социологические исследования. 2004. № 10. С. 89–92 [Akulich E.M. Muzej kak sociokul'turnyj institut // Sociologicheskie issledovaniya. 2004. № 10. S. 89–92]
- Алехина Ю. Появление Сталина на школьных тетрадях раскололо общество на правозащитников и всех остальных // Комсомольская правда. 31 марта 2012 г. [Alekhina Yu. Poyavlenie Stalina na shkol'nyh tetradyah raskololo obshchestvo na pravozashchitnikov i vsekh ostal'nyh // Komsomol'skaya pravda. 31 marta 2012 g.]

- Божченко О.А. Историческая память как форма музейной рефлексии // Вестник Санкт-Петербургского государств. ун-та культуры и искусств. 2012. № 3 (12). С. 112–116 [Bozhchenko O.A. Istoricheskaya pamyat' kak forma muzejnoj refleksii // Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2012. № 3 (12). S. 112–116]
- Болтунова Е. Пространство (ушедшего) героя: образ лидера, историческая память и мемориальная традиция в России (на примере Ельцин-центра) // НЛЮ. 2017. 2 (144). С. 154–173 [Boltunova E. Prostranstvo (ushedshego) geroya: obraz lidera, istoricheskaya pamyat' i memorial'naya tradiciya v Rossii (na primere El'cin-centra) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2017. № 2 (144). S. 154–173. URL: <http://nlobooks.ru/node/8356>]
- Буринская Е.Н. Библиотеки-музеи как форма сохранения исторической памяти региона // XX век. Две России – одна культура. СПб., 2006. С. 292–300 [Burinskaya E.N. Biblioteki-muzei kak forma sohraneniya istoricheskoy pamyati regiona // XX vek. Dve Rossii – odna kul'tura. SPb., 2006. S. 292–300].
- Воронцова Е.А. Музей как базовый элемент информационной инфраструктуры исторической науки // Диалог со временем. 2014. Вып. 49. С. 163–189 [Voroncova E.A. Muzej kak bazovyy ehlement informacionnoj infrastruktury istoricheskoy nauki // Dialog so vremenem. 2014. Vyp. 49. S. 163–189].
- Грусман В.М. Музей как институт формирования исторической памяти // Известия Российского государств. педагогич. ун-та им. А.И. Герцена. 2007. Т. 8. № 35. С. 92–99 [Grusman V.M. Muzej kak institut formirovaniya istoricheskoy pamyati // Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo un-ta im. A.I. Gercena. 2007. T. 8. № 35. S. 92–99]
- Гуйссен А. Бегство от амнезии: музей как массмедиа // Искусство. 2012, 2 (581). С. 36–51 [Guyjssen A. Begstvo ot amnezii: muzej kak massmedia // Iskusstvo. 2012, 2/581. S. 36–51]
- Декрет о памятниках республики от 12 апреля 1918 г. // Декреты советской власти: в 15 т. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М.: Государств. изд-во полит. лит-ры, 1959. С. 95–97 [Dekret o pamyatnikah respubliki ot 12 aprelya 1918 g. // Dekrety sovetskoj vlasti: v 15 t. T. 2. 17 marta – 10 iyulya 1918 g. M.: Gosudarstv. izd-vo polit. lit-ry, 1959. S. 95–97]
- История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. М., 1945 [Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy partii (bol'shevikov). Kratkij kurs. M., 1945]
- История музея // Государственный музей политической истории России [сайт]. URL: <http://www.polithistory.ru/museum/history/view.php?id=2527> [Istoriya muzeya // Gosudarstvennyj muzej politicheskoy istorii Rossii [sajt].
- Косторакова Г.Е. Музееведение. Курс лекций. Ростов-на Дону: РИС ЮРГУЭС, 2003 [Kostorakova G.E. Muzeevedenie. Kurs lekcij. Rostov-na-Donu: RIS YURGUEHS, 2003. URL: <http://www.studfiles.ru/preview/4339073/page:2/>]
- Красильникова Е.И. Особенности репрезентации исторического прошлого в экспозиции Омского музея в 1920-е гг. // Вопросы музеологии. 2011. № 2 (4). С. 91–103 [Krasilnikova E.I. Osobennosti reprezentacii istoricheskogo proshlogo v ehkspozicii Omskogo muzeya v 1920-e gg. // Voprosy muzeologii. 2011. № 2 (4). S. 91–103]
- Мазур Л.Н. События советского прошлого в исторической памяти современной молодежи: механизмы формирования, поддержания, трансформации // Событие в истории, исторической памяти и нарративах идентичности / под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2017. С. 309–341 [Mazur L.N. Sobytiya sovetskogo proshlogo v istoricheskoy pamyati sovremennoj molodezhi: mekhanizmy formirovaniya, podderzhaniya, transformacii // Sobytie v istoricheskoy pamyati i narrativah identichnosti / pod red. L.P. Repinoj, M.: Akvilon, 2017. S. 309–341]
- Марков Б.В. История и память // Вестник СПб ун-та. 2009. Сер. 6. Вып. 4. С. 66–73 [Markov B.V. Istoriya i pamyat' // Vestnik SPb universiteta. 2009. Ser. 6. Vyp. 4. S. 66–73]
- Мастеница А.М. Социальные функции музея в глобальном мире // Труды Санкт-Петербургского государств. ун-та культуры и искусств. 2015. Т. 210. С. 229–236 [Mastenica A.M. Social'nye funkcii muzeya v global'nom mire // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2015. T. 210. S. 229–236]
- Мемориальные музеи // Российская музейная энциклопедия [сайт]. URL: http://www.museum.ru/rme/sci_mem.asp [Memorial'nye muzei // Rossijskaya muzejnaya enciklopediya. URL: http://www.mu-seum.ru/rme/sci_mem.asp]

- Наварро О. История и память в современном музее: несколько замечаний с точки зрения критической музеологии // Вопросы музеологии. 2010. № 2. С. 3–11 [Navarro O. Istoriya i pamyat' v sovremennom muzee: neskol'ko zamechanij s toчки zreniya kriticheskoj muzeologii // Voprosy muzeologii. 2010. № 2. S. 3–11]
- Николаева М.Ф. Динамика образа врага в советском плакате (1917–1941) и модели идентификации советского человека // Диалог со временем. 2012. Вып. 39. С. 372–386 [Nikolaeva M.F. Dinamika obraza vraga v sovetskom plakate (1917-1941) i modeli identifikacii sovetskogo cheloveka // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 39. S. 372–386]
- Нора П. Франция-память / П. Нора и др. / СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 1999 [Nora P. Franciya-pamyat' / P. Nora, M. Ozuf, Zh. de Pyuimezh, M. Vinok. SPb.: Izd-vo SPb. un-ta, 1999]
- Нурлигенова З.Н. Память, хранимая столетиями (из истории карагандинского областного историко-краеведческого музея) // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2012. № 2. С. 12–15 [Nurligenova Z.N. Pamyat', hranimaya stoletiyami (iz istorii karagandinskogo oblastnogo istoriko-kraevedcheskogo muzeya) // Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij. 2012. № 2. S. 12–15]
- Постановление Президиума Верховного Совета РСФСР от 28 января 1965 г. «О порядке наименования и переименования административно-территориальных единиц, населенных пунктов, предприятий, колхозов, учреждений и организаций, улиц и площадей РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1965. № 5. С. 114 [Postanovlenie Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 28 yanvarya 1965 g. «O porjadke naimenovaniya i pereimеноvaniya administrativno-territorial'nyh edinic, naselennyh punktov, predpriyatij, kolhozov, uchrezhdenij i organizacij, ulic i ploshchadej RSFSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1965. № 5. S. 114]
- Резник И.И. Музей как утверждение бессмертия // Вестник Омск. ун-та. 2012. № 3. С. 69–71 [Reznik I.I. Muzej kak utverzhdenie bessmertiya // Vestnik Omsk. un-ta. 2012. № 3. S. 69–71]
- Ростовцев Е.А., Сидорчук И. В. Музей и историческая память в современной России // Вопросы музеологии. 2014. 2/10. С. 16–21 [Rostovcev E.A., Sidorchuk I.V. Muzej i istoricheskaya pamyat' v sovremennoj Rossii // Voprosy muzeologii. 2014. 2/10. S. 16–21]
- Румянцева М.Ф. Проблема коммеморации метанарратив – места памяти – ренарративизация // Диалог со временем. 2016. Вып. 54. С. 16-31 [Rumyanceva M. F. Problema kommemoracii metanarrativ – mesta pamyati – renarrativizacija // Dialog so vremenem. 2016. Vyp. 54. S. 16-31]
- Румянцева М.Ф. Музейная экспозиция как форма репрезентации / позиционирования актуального исторического знания: от постмодерна к постпостмодерну // Роль музеев в формировании исторического сознания. М., 2012. С. 16–27 [Rumyanceva M.F. Muzejnaya ehkspoziciya kak forma reprezentacii / pozicionirovaniya aktual'nogo istoricheskogo znaniya: ot postmoderna k postpostmodernu // Rol' muzeev v formirovani i istoricheskogo soznaniya. M., 2012. S. 16–27]
- Соколовская М.В. Взятые баррикады // Историческая экспертиза. 2016. № 3. С. 316–333 [Sokolovskaya M. V. Vzyatyie barrikady // Istoricheskaya ehkspertiza. 2016/3. S. 316–333]
- Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об упорядочении дела присвоения имен государственных и общественных деятелей краям, областям, районам, а также городам и другим населенным пунктам, предприятиям, колхозам, учреждениям и организациям» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1957. № 10. С. 494 [Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta SSSR «Ob uporyadochenii dela prisvoeniya imen gosudarstvennyh i obshchestvennyh deyatelej krayam, oblastyam, rajonom, a takzhe gorodam i drugim naselennym punktam, predpriyatijam, kolhozam, uchrezhdenijam i organizacijam» // Vedomosti Verhovnogo Soveta SSSR. 1957. № 10. S. 494]
- Указ Президиума Верховного Совета РСФСР от 30 января 1968 г. «О порядке присвоения имен государственных и общественных деятелей улицам, площадям и другим составным частям населенных пунктов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1968. № 5. С. 191 [Ukaz Prezidiuma Verhovnogo Soveta RSFSR ot 30 yanvarya 1968 g. «O porjadke pri-svoeniya imen gosudarstvennyh i obshchestvennyh deyatelej ulicam, ploshchadyam i drugim sostavnym chastyam naselennyh punktov RSFSR» // Vedomosti Verhovnogo Soveta RSFSR. 1968. № 5. S. 191]

- Уткина Н.А. К истории музеефикации Нижегородского кремля: «с отточенным как из слоновой кости верхом головы» или «голова лысая, как голая колбенка!» // Диалог со временем. 2013. Вып. 42. С. 256–270 [Utkina N.A. K istorii muzeifikacii Nizhegorodskogo kremlja: «s ottochennym kak iz slonovoj kosti verhom golovu» ili «golova lysaya, kak golaya kolenka!» // Dialog so vremenem. 2013. Вып. 42. С. 256–270]
- Федеральный закон Российской Федерации от 13 мая 2008 г. N 68-ФЗ «О центрах исторического наследия президентов Российской Федерации, прекративших исполнение своих полномочий». URL: <http://yeltsin.ru/uploads/about/68fz.pdf> [Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 13 maja 2008 g. N 68- FZ «O centrach istoricheskogo naslediya prezidentov Rossijskoj Federacii, prekrativshih ispolnenie svoih polnomochij». URL: <http://yeltsin.ru/uploads/about/68fz.pdf>]
- Хартанович М.Ф. Первый музей России // Русская история. 2014. № 1 [Hartanovich M.F. Pervyj muzej Rossii // Russkaja istoriya. 2014. № 1. URL: <http://rus-istoria.ru/component/k2/item/966-pervyy-muzej-rossii>]
- Шнирельман В.А. Музей и конструирование социальной памяти: культурологический подход // Этнографическое обозрение. 2010. № 4. С. 8–26. [SHnirel'man V.A. Muzej i konstruirovanie social'noj pamjati: kul'turologicheskij podhod // Etnograficheskoe obozrenie. 2010. № 4. S. 8–26.]
- Anderson M., Reeves A. Contested identities: museums and the nation in Australia // Museums and the making of “ourselves”. The role of objects in national identity / Ed. by F.E.S. Kaplan. Leicester, 1996. P. 79–124.
- Kelly C. Making a home on the Neva: domestic space, memory, and local identity in Leningrad and St. Petersburg, 1957 – present // Laboratorium. 2011. Vol. 3. № 3. P. 53–96.
- Мазур Людмила Николаевна, доктор исторических наук, доцент, зав. кафедрой документоведения, архивоведения и истории государственного управления, Уральский федеральный университет имени Первого Президента России Б.Н. Ельцина; Lmaz@mail.ru*

Memorial museums of political figures in the space of the historical memory of modern Russia

The article examines the role of memorial museums in the design of the state myth and historical memory. The structure of the museum-memorial space of Russia, its dynamics throughout the 20th – early 21st c. is analyzed. Particular attention is paid to the description of the memorial museums of the leaders of the Soviet state –Lenin, Stalin and their influence on the historical memory of Russian society. The functions of the museum in the context of social engineering mechanisms, as well as the place and role of Yeltsin's Presidential Center in shaping the image of Russia in the 1990s, are disclosed.

Keywords: museums, memorial museums, Soviet myth, the image of time

Ljudmila Mazur, Dr. Sc. (History), Associate Professor, Head of the Department of Document Management, Archives and History of Public Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin; Lmaz@mail.ru

А. И. КЛЮЕВ, А. В. СВЕШНИКОВ

**ДИСКУРСНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ СОВРЕМЕННОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО РЕКОНСТРУКТОРА¹**
(на материале средневековых клубов исторической реконструкции)

Одной из специфических форм «работы с прошлым», характерной для современной культуры и являющейся, помимо всего прочего, результатом причудливого взаимодействия профессионального исторического с непрофессиональными пост-модернистскими способами, является т.н. движение исторической реконструкции. Появившись в России в конце 1980-х гг. в результате трансфера из западной массовой культуры эта форма «работы с прошлым» получила и получает все большее распространение. В статье анализируются основные формы деятельности средневековых клубов исторической реконструкции, а также культурный механизм формирования социальной идентичности современного российского реконструктора.

***Ключевые слова:** историческая реконструкция, историческая культура, работа с прошлым, средневекизм, дискурсивная идентичность, субкультура, образ прошлого*

По мнению многих специалистов, занимающихся изучением «исторической культуры», современная (постмодернистская) культура отличается многообразием форм конструирования и репрезентации знаний о прошлом. Если попытаться обозначить некую динамику этого состояния, то следует признать, что число форм присутствия прошлого в современной культуре неуклонно увеличивается. По справедливому замечанию Г. Люббе, современная культура очень озабочена прошлым (и не только своим)². Историческая наука среди форм «работы с прошлым» в силу различных причин вовсе не занимает то доминирующее положение, которое она в качестве специализированного общественно значимого экспертного знания о прошлом занимала, хотя бы формально, в обществе Модерна. «Профильные» институции (музеи и архивы) и традиционные (модерные) коммеморативные практики тоже переживают не лучшие времена. Художественная культура, различные формы «работы с прошлым» связанные с современными СМИ (Интернет, реклама) и индустрией развлечений (компьютерные игры, комиксы), с политической и идеологической борьбой в современном обществе оказываются гораздо более успешными, как по охвату аудитории, так и по эффективности конструируемых ими версий и образов прошлого³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект №17-31-00021.

² См.: Люббе 2016. С. 407-410.

³ В качестве примера можно привести паблик в социальной сети «ВКонтакте» – «Страдающее Средневековье», на который подписано, на момент подготовки статьи, более 320 тыс. чел. По инициативе этого сообщества в 2018 г. выходит в серии «История и наука Рунета» книга (см.: Зотов, Майзульс, Харман 2018). Релиз книги

Опять-таки в отличие от Модернистской версии образа истории, подразумевающей наличие «правильной картины прошлого», транслируемой в разных формах через различные каналы коммуникации (грубо говоря, художники говорят о том же прошлом, что и историки, только по-своему), постмодернистская картина прошлого принципиально гетерогенна и несинтезируема. При этом различные формы «работы с прошлым» вступают друг с другом в очень сложные взаимоотношения, с одной стороны, конкурируя друг с другом, но при этом, с другой стороны, дополняя и опираясь друг на друга.

Одна из специфических форм «работы с прошлым», характерная для современной культуры и являющаяся, помимо всего прочего, результатом причудливого взаимодействия профессионального исторического с непрофессиональными постмодернистскими способами, – т.н. движение исторической реконструкции (далее – ДИР). Эта форма «работы с прошлым», появившись в России в конце 1980-х в результате трансфера из западной массовой культуры, получила и получает все большее распространение. Фестивали исторической реконструкции, которые проводятся в разных городах, становятся все более заметными явлениями и даже начинают играть определенную роль в «исторической политике»⁴. Несмотря на недолгую историю существования, движение успело привлечь к себе внимание в качестве объекта исследования представителей самых разных научных дисциплин – социологии, культурной антропологии, философии и т.д.⁵ Однако в этих исследованиях, за исключением статьи Н.С. Божка и В.Н. Ярской, фактически не рассматриваются вопросы о, так сказать, внутренней мотивации участников ДИР: почему и зачем становятся историческим реконструкторами, что они понимают под «историческим прошлым» и «исторической реконструкцией», ее способами, целями и задачами? Другими словами, вопросы, связанные с личной и групповой идентичностью участников

был намечен на 05 февраля 2018 г., однако, если верить записи в группе от 02 февраля, то на эту дату, при тираже книги 3000 экз., было оформлено предзаказов на более чем 5000 экз., из-за чего пришлось перенести дату выхода книги в свет.

⁴ В качестве примеров такого взаимодействия, на федеральном уровне, можно назвать создание в 2012 г. Общероссийской общественно-государственной организации «Российское военно-историческое общество», а также проведения ряда общероссийских мероприятий, таких как «День Бородина», «Поле Куликово» и т.д. На уровне регионального показательно, что многие из реконструкторских фестивалей (например, «Сибирский огонь» в Новосибирске) открывают первые лица региона.

⁵ Литература, посвященная ДИР довольно обширна. См., напр.: Божок 2015; 2016; Божок, Ярская 2014; Дёмина 2012; Донская 2013; 2014; Кадер 2015; Каплуненко 2013; Корнев 2009; Славко 2015; Ткаченко 2011. Среди работ зарубежных авторов стоит в первую очередь отметить следующие: Gapps 2001; Hochbruck 2005; De Groot 2009; Hochbruck 2013; O'Brien Backhouse 2009.

ДИР. В настоящей статье мы попытаемся сугубо предварительно обозначить подход к исследованию этой проблемы.

Понятно, что на формирование идентичности оказывают влияние самые разные культурные, социальные и интеллектуальные контексты, и в результате их влияния сам процесс конструирования идентичности и его результаты оказывают очень вариативными. Не пытаясь объять необъятное или померить «среднюю температуру по больнице», мы решили сосредоточиться на конкретном кейсе определенного локального набора сообществ исторической реконструкции, а именно на существующих в четырех городах Западной Сибири (Новосибирске, Омске, Томске и Тюмени) клубах исторической реконструкции, «реконструирующих» западноевропейское средневековье. Их около десятка. Это такие клубы как «Братина», «Тевтонский орден», «Орден Святого Георгия», «Дагмар» и «Ulffang» в Омске, «Бер», «Северный берег» и «Дом Ордена Святого Иоанна Иерусалимского» в Новосибирске, «Ильвинг» и «Мидгард» в Тюмени, «АБО» в Томске⁶. Кроме того, существует официально базирующийся в Иркутске, но имеющий филиалы практически во всех крупных западносибирских городах клуб «Дортмунд», в полном соответствии с названием «реконструирующий жизнь» немецкого города Дортмунда второй половины XIV – начала XV в. Кроме того, средневековая тематика присутствует и в некоторых «мультивековых» клубах. В целом, средневековый сегмент в ДИР Западной Сибири достаточно заметен и активен. Определить точное число клубов ДИР такого рода непросто, поскольку «организационное формотворчество» реконструкторов «бьет ключом» и регулярно появляются какие-то новые организационные формы.

Безусловно, средневековый сегмент ДИР довольно специфичен и, в силу тематики, стоит особняком в смысле соотношения его с официально декларируемыми направлениями «исторической политики». Но это как раз и дает нам возможность рассматривать полученный в результате его анализа материал как чистый «лабораторный опыт», относительно свободный от всяких примесей. В какой-то степени – это реконструкция в «чистом виде».

Источниками для исследования послужили материалы, собранные в результате полевых включенных наблюдений, интервью с представителями реконструкторского движения, собранные летом-осенью 2017 года, и материалы социальных сетей. Понятно, что биографические интервью – это весьма специфический источник для изучения групповой идентичности. В значительной степени конструирование биографии в нем идет согласно сложившимся правилам и стереотипам био-

⁶ Об истории и социальном составе этих клубов в Омске см.: Дик, Клюев, Свешников, Федяева 2017; Дик 2015.

графического нарратива. Но при этом сам нарратив строится уже в рамках специфического, характерного для конкретного реконструкторского сообщества дискурса и, в силу этого, и он сам уже непосредственно дает определенный материал для анализа процесса конструирования групповой и личной идентичности исторических реконструкторов. Другими словами, для нас важным оказывается, что говорят реконструкторы о себе и как говорят.

Как становятся реконструкторами

В рамках интервью с участниками движения мы, естественно, задавали им вопрос о том, почему и как они стали реконструкторами. При всей вариативности ответов респондентов, в них можно условно выделить следующие общие моменты.

Во-первых, и это, в той или иной степени, характерно для любых автобиографических нарративов, личный путь в реконструкцию описывается как движение, имеющее телеологическую направленность. Получается, что человек всю жизнь шел к реконструкции, накапливая разрозненные, как бы случайные, но оказавшиеся значимыми события. Разумеется, не осознавая «логики жизни». В итоге путь «превращения» приобретает закономерную направленность: иного быть и не могло:

«Наверное, я впитал ее в раннем детстве вместе с фильмами и рассказами, увлекаясь английскими легендами, ну и, конечно же, такими шедеврами отечественного кинематографа, как «Стрелы Робин Гуда», «Баллада о доблестном рыцаре Айвенго». Я не особо читающий человек, никогда им не был, не могу похвастать прочтением большого количества романов, но помню из детства такую историю: когда елки выносили во двор, мальчишки делали мечи и пики, и делали шлема из картона...»⁷.

«Это было очень давно, я был маленький, любил книжки про рыцарей, всякие исторические книги. А потом как-то во дворе появился друг, он занимался так называемым “ролевым” движением, на пластиковых мечах. Я попробовал, вроде понравилось, но чего-то не хватает. Потом появились бои на железе, тогда я еще не знал, что это реконструкция, “железячниками” называли. Ну и все, затянуло, начал заниматься, тренироваться, потом еще соревнования». «Книжки были: какие-то энциклопедии, на тот момент, детские, наверно, там просто картинки красочные были на тот момент. Точно помню «Что есть что: крестоносцы», она прямо очень сильно в голову влезла. А потом – вообще все подряд фильмы, советские, несюжетские. «Робин Гуд», там еще Высоцкий на озвучке идет...»⁸.

«Потом, короче говоря, получилось так, что в то время я учился, речное училище окончил, потом навигации две отходил, а потом – в армию. И вот эти все рыцари они у меня были, грубо говоря, где-то там на подсознательном каком-то уровне. Я в этот период даже про рыцарей не думал, я просто жил. В армию пошел – опять же, тоже, по жизни очень много суеты»⁹.

⁷ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

⁸ Интервью с респондентом Г (дата записи: 06.06.2017).

⁹ Интервью с респондентом Д (дата записи: 20.06.2017).

В качестве «текстов культуры», оказавшихся значимым вкладом в копилку телеологически заданного опыта, часто называют романы Вальтера Скотта и Роберта Льюиса Стивенсона, голливудский фильм «Викинги» с Кирком Дугласом и Тони Кёртисом в главных ролях, средневеальные фильмы С.С. Тарасова, иногда даже вспоминается «Александр Невский» С.М. Эйзенштейна, участие в «толкинистском» ролевом движении. Хотя, понятно, что для представителей разных поколений – условно говоря, позднесоветского и постсоветского – набор текстов будет отличаться. Понятно, что отчасти такая телеология вызвана заданным вопросом, но, представляется, что вполне можно допустить, что вопрос спровоцировал наличную рефлексию.

Во-вторых, несмотря на телеологичность обращения в реконструкторы оно, как полагается в биографическом нарративе, произошло неожиданно и «случайно». Для обращения, как помним из «Исповеди» Августина, необходимо «чудо», неожиданное, случайное, «переворачивающее жизнь» событие. Оно приходило, и после него весь накопленный багаж приобретал смысл. Жизнь представляла в «истинном свете»:

«Однажды летом, сдав сессию, я прогуливался по одной из центральных улиц города, где наблюдал такое мероприятие, похожее на турнир. Оно было организовано не спонтанно, возможно, это был праздник какой-то, я застал уже финал, когда ребята разоблачались. Я идентифицировал доспешные комплексы, людей, познакомился, заобщался и так я и вошел в эту среду»¹⁰.

Получается, что само становление реконструктором осмысляется реципиентами как путь, строящийся на пересечении трех моментов – «любви к истории» (как в целом, так и к конкретному периоду средневековья), очаровывающей «красоты средневековья» и наличия «чувства неудовлетворенности» своей современной жизнью. При этом характерно, что «обращение» происходит примерно одинаково в нарративах людей с разным образованием, гендерным и жизненным статусом, но примерно в одном «культурном возрасте», который условно мы называем «периодом поисков». И в этом плане (но, пожалуй, только в этом) приводимое иногда в научной литературе определение ДИР как молодежной субкультуры¹¹ не лишено оснований.

Чем и как занимается исторический реконструктор

Фактически, «жизнь реконструктора» сводится к двум, циклически последовательным стадиям – проводимые ими мероприятия (турниры и фестивали) и подготовка к ним. Первая из них более значимая и «праздничная», вторая – более продолжительная, рутинная и будничная. В современной литературе, посвященной ДИР, принято выделять два типа реконструкторской деятельности – «живую историю»

¹⁰ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

¹¹ См.: Божок, Ярская 2014.

(Living History) и историческое фехтование (ИСБ). Сами реконструкторы в основном с такой типологией вполне согласны, но выделение обозначенных форм деятельности характерно для обоих типов ДИР.

Фестивали являются наиболее масштабным и заметным мероприятием, проводимым ДИР. Нельзя быть реконструктором, не участвуя в фестивалях. Их долго ждут, к ним готовятся и т.д.

«Я сшила платище. А потом, где-то через год, я открыла для себя направленные living history. Не просто фестиваль, каким являлся «Щит Сибири» на тот момент, тут уже началась реконструкция, как эксперимент, и до сих пор продолжается. Это не как приложение к танцам или к мужу, а эксперимент, которым ты занимаешься, он тебе интересен, ты читаешь»¹².

Фестиваль, который реконструкторы описывают преимущественно в положительно эмоционально маркированных (порой, даже восторженных) выражениях, фактически выполняет две функции, преимущественно коммуникативные. Во-первых, здесь осуществляется так сказать публичная репрезентация результатов их деятельности, во-вторых, фестиваль – это место интенсивного праздничного общения со «своими». Отношение к выполнению первой функции среди реконструкторов далеко не однозначно – одни говорят об этом как о главной задаче реконструкторского движения:

«Безусловно, это самовыражение себя, своего мироощущения, и форма общественного служения, потому что каждый год, делая фестиваль, это огромный труд, это занимает два месяца примерно плотной работы, я понимаю, что придут люди, и они будут благодарить за этот праздник. Благодарить не за веселье, не за гулянья, а за то, что это такая маленькая сказка, для детей в том числе. Многие приходят с детьми – возраста у фестиваля нет. И бабушки, и детишки – стараемся всех занять. Я вижу, что это идет в какой-то правильный разрез с тем, что предлагает сейчас мир. Это все живое, это можно потрогать, и это сквозное со временем. И я вижу в этом какую-то сквозную цель, миссию, которая меня вдохновляет. По большому счету, для меня историческая реконструкция – это фестиваль. Потому что да, интересно дома что-то делать, интересно общаться с друзьями, встречаться, быть в какой-то теме информационной, в ней плавать, возможно, даже что-то знать на уровне эксперта. Но фестиваль – это такая вспышка, которая тебя просто рождает, которая дает тебе концентрат жизни и ты можешь им поделиться с другими людьми»¹³.

Другие же оценивают это как необходимую обязанность, выполнение которой хлопотно, не очень радостно и интересно. «От нас это требуют – мы должны это делать». И в этом случае отношение к публике, посещающей фестиваль («гражданским» в терминологии реконструкторов) тоже оказывается весьма прохладным.

«Без зрителей, пока лагерь ставится – это все подготовка. Здесь никто не стареется переодеться и быть при параде, потому что могут испортить ин-

¹² Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

¹³ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

струменты аутентичные. Здесь зависит от фестиваля. «Щит Сибири», «Сибирский огонь» – это городские фестивали, грубо говоря, показуха. Здесь элемент шоу. [...] Мы бы вообще забор поставили и никого не пустили. Да. Просто в Сибири еще нет такого количества living history фестивалей, есть два. И мы туда поедем не потому, что любим зрителям рассказывать, что на мне и пр. [...]. Раньше вот лагерь вообще не отгораживался – зрители могли туда зайти, могли зайти к тебе в палатку. Люди даже не думали, что это твои личные вещи, могли сесть за стол, взять твою посуду. Сейчас есть ограждение – мы не допускаем людей в принципе на территорию лагеря, потому что надо понимать, сколько все это стоит и как оно тебе дорого, чтобы ты разрешил человеку выпить из твоей кружки, которая стоит 500 рублей и больше, к примеру»¹⁴.

А вот общение со «своими» практически всеми участниками движения оценивается однозначно положительно. Это и встреча друзей, и совместное обсуждение «своих» проблем, и ночные костры с песнями под гитару. Иногда кажется, что реконструкторы только и ждут, когда «гражданские» покинут их лагерь, чтобы насладиться общением. Разумеется, цель фестиваля не сводится исключительно к дружеским посиделкам у костра (кто-то, например, вполне успешно «делает здесь свой бизнес»¹⁵), но именно они оказываются в эмоциональном самоописании реконструкторов наиболее значимыми.

«Скорее, все это вместе. Это та составляющая реконструкции, которая затягивает все большую массу людей в нее: и романтика вечеров у костра, дружеской беседы, азарт схватки жестокой, адреналин, возможность как-то отгородиться от реальности, попасть в другую атмосферу – и тут же научный интерес. Выезжаешь на фестивали, общаешься с людьми – у всех своя точка зрения. Смотришь, выбираешь, какая точка зрения тебе кажется более верной. Это все вместе. Приходить в это движение из-за чего-то одного – на мой взгляд, это глупо, и ты надолго не останешься, ты уйдешь. Если научный интерес – ты придешь, возьмешь нужное. Тоже от характера зависит. Если спортивный интерес – ты рано или поздно скатишься, у нас такой регресс. Когда я только начал заниматься, увидел, как доспехи мастера делают и сейчас каких высот мастера достигли и какие доспехи делают...»¹⁶.

А поскольку фестивали проводятся исключительно летом, в традиционную пору отпусков (в Западной Сибири – с мая по август), то, получается, что годовой календарь реконструктора делится на две неравные части – долгая подготовительная «зимняя спячка» и праздничное фестивальное лето. Особым «почитанием» часто окрашены и места регулярного проведения фестивалей. Но без подготовительной стадии не обойтись. Она в свою очередь делится на два основных вида реконструкторских практик – тренировки (в первую очередь для представителей ИСБ) и изготовление того, что на языке реконструкторов называ-

¹⁴ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

¹⁵ См.: Клюев, Свешников Движение исторической реконструкции 2018.

¹⁶ Интервью с респондентом Ж (дата записи: 04.08.2017).

ется «историческим комплектом». Есть еще неосновные – работа по организации фестивалей, поиск средств и помещений для клуба, приобретение клубного инвентаря, организация выезда на фестиваль – но в самоописаниях реконструкторов она занимает гораздо меньше места.

Необходимые регулярные тренировки позволяют некоторым реконструкторам описывать ДИР как своего рода спорт. Недаром многие условные ИСБ-шники пришли в реконструкцию из спортивных единоборств. На тренировках, по их словам, должны формироваться как физическая сила, так и технические навыки исторического фехтования. В своих самописаниях реконструкторы часто делают акцент так физических трудностях, которые приходится преодолевать, и с которыми «не все справляются». Реконструкция «не для слабых»! Ну а проводимые в зимнее время турниры в рамках этой спортивной терминологии оказываются своего рода контрольными соревнованиями. Но тренировки, как любят подчеркивать реконструкторы, это не только физические упражнения. Это еще и школа формирования особого командного бойцовского («рыцарского» для средневековых реконструкторов) духа.

Подготовка комплекта имеет более камерный характер. Для допуска к участию в фестивале реконструкторы должны подготовить гражданский и, те, кто участвует в единоборствах, боевой (доспехи и оружие) комплекты (кстати, в единоборствах участвуют не только мужчины, есть и женские «номинации»), причем реконструктор обязан подтвердить «историческую аутентичность» своего комплекта, атрибутировав каждый его элемент. Оценивает аутентичность специальная экспертная комиссия фестиваля, состоящая из наиболее «авторитетных» представителей движения, «внутренних экспертов». В описаниях реконструкторов особенно подчеркивается строгость требований допуска и периодически рассказываются «страшилки», о том, что кого-то, не подтвердившего аутентичность, не допустили на фестиваль, но «живьем» увидеть ни одного «недопущенного» нам пока не удалось.

Комплект (в минимальный гражданский костюм для мужчин, реконструирующих классическое средневековое входят шоссы, брз, камиза) можно купить, а можно сделать самостоятельно. Комплект всегда имеет, по крайней мере на уровне описания, четкую историко-географическую и социально-культурную привязку (например, «дортмундский ремесленник второй половины XIV века» или «шведский викинг IX в.». Делать можно дома или в специальных «клубных» помещениях (например, кузнице, которая есть почти у каждого клуба – меч дома не выковать). Купить комплект можно у других реконструкторов (страницы в социальных сетях наполнены объявлениями о продажах) либо у мастеров-ремесленников, занимающихся их производством¹⁷. В реаль-

¹⁷ См. об этом: Клюев, Свешников Движение исторической реконструкции 2018.

ности, комплекты большинства реконструкторов оказываются составными – какие-то элементы они купили, какие-то сделали сами. Но идеальный реконструктор должен все сделать сам! К людям, покупающим комплект полностью, относятся с некоторым неодобрением.

В самостоятельном производстве комплекта для многих реконструкторов заключена суть исторической реконструкции. Во-первых, именно в ходе производства реконструктор начинает непосредственно взаимодействовать с прошлым, точнее с информацией о нем: собирает информацию о быте и внешнем виде людей «реконструируемой» эпохи, о форме и материалах, из которых были сделаны предметы их утвари и др. Во-вторых, приобретаются и совершенствуются навыки ручной работы по изготовлению «средневековых» комплектов – шитья, плетения,ковки и т.д. В самоописаниях многие реконструкторы регулярно подчеркивают, что, придя в реконструкцию, они ничего этого не умели, но работая над собой, преодолевая трудности, освоили и теперь получают от этого огромное удовольствие, а иногда и прибыль.

«Вообще ничего не умел. Я был уверен только в том, что я умею бить людей и что на большее я не способен. А тут открылось, что я руками что-то умею делать, что-то получается из ткани. Потом остальные ремесла меня начали увлекать потихоньку, стало интересно что-то руками делать»¹⁸.

«Нет, я не умела шить. Я пришла на средневековые танцы, увидела, что все там в красивых платьях, подумала, что надо бы и мне такое заиметь. Но так как я была студенткой, и стипендия была невелика, и есть другие пути ее потратить, решила, что нужно попробовать как-то сделать самой. И как-то так, не мытьем, а катаньем, путем проб и ошибок поняла, что это – мое. То есть через исторический факультет и такую неисторическую специальность, как делопроизводство, я пришла к тому, чем занимаюсь сейчас профессионально»¹⁹.

«Нет, никакого соответствующего образования у меня, естественно, не было, хотя это неестественно, но не было. А был такой этап в жизни, когда очередной кризис сознания, и вот я взял и решил делать, что хочется, наплевав на все, питаюсь перловой кашей на воде, поскольку не было денег. Просто решил взять и сделать»²⁰.

Таким образом, идеальный реконструктор, согласно самоописанию, это, во-первых, человек знающий историю, а во-вторых, умеющий «работать руками». В рассуждениях участников движения часто встречается некое неявное осуждение людей сугубо «книжного знания», которые умеют красиво говорить, а сами ни разу меча в руках не держали и не очень представляют, как варилось то, что «было в котле у Джона и Мэри».

¹⁸ Интервью с респондентом Ж (дата записи: 04.08.2017).

¹⁹ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

²⁰ Интервью с респондентом А. (дата записи: 05.05.2017).

Учите матчасть. Реконструкторы и историческое знание

В общем, реконструкторы относятся к профессиональной историографии с уважением. Правда, весьма специфически²¹.

В современных самоописаниях участников ДИР порой встречаются воспоминания «ветеранов» о том, как в «доинтернетную» эпоху им приходилось ходить в библиотеку, искать и покупать нужные книги (например, Э. Виолле-ле-Дюка), срисовывать, посещая музеи, нужные элементы конструкции рыцарского доспеха. Причем описывается это если не как подвиг, то как «сверх-усилие». Порой, эти практики получения необходимого знания применяются и сейчас, но основным источником информации о прошлом для современных реконструкторов является Интернет. С определенной долей условности можно сказать, что без Интернета не было бы ДИР в его современном массовом виде. В самой Сети реконструкторы в основном посещают специализированные, создаваемые самими участниками движения, сайты и страницы в социальных сетях²². На них в большом количестве регулярно загружаются в электронном (сканированном) виде как работы профессиональных историков-медиевистов, так и выполненные ими издания (или переводы на русский язык) собственно средневековых текстов²³. Это для реконструкторов основной источник информации и, следовательно, можно сказать, что и от профессиональной историографии как своего рода донора информации, они зависят очень сильно. Следовательно, и без профессиональной историографии, теперь уже без всяких оговорок, исторической реконструкции тоже бы не существовало. Научную литературу, посвященную реконструируемой ими эпохи, исторические реконструкторы знают и читают, воспринимая ее весьма своеобразно.

Во-первых, у реконструкторов существует своя, весьма отличная от той, что является значимой для профессиональной историографии, иерархия типов историков и исторических работ. Наиболее значимыми для них оказываются не историки-«теоретики», создатели теоретически нагруженных концепций, а те, что занимаются реконструкцией предметов быта и материальной культуры. И, вообще, лучшие историки – это археологи, а самые востребованные тексты для реконструкторов – описания археологических коллекций и находок, публикации артефактов материальной культуры, реконструкции различных технологий производства (от оружейных до кулинарных). Показательно, что и сами рассуждения реконструкторов о прошлом оказываются максимально «атеоретичны». Там не только нет «генезиса феодализма» и «дискурса

²¹ См. также: Клюев 2017.

²² О специфике саморепрезентации медиевальных клубов Западной Сибири в Интернете см.: Дик, Федяева 2017.

²³ См. о так называемой «теневой историографии»: Клюев 2017. С. 27-28.

репрезентации власти», но и отсутствует «представительная монархия», «феодалная рента» или «лен». Да и само средневековье, создаваемое реконструкторами, оказывается весьма специфично²⁴.

«Вообще, все, что мы читаем – это труды историков и археологов. Про Исландию я нахожу археологические находки и начинаю их листать, копирую, вставляю, смотрю. Я знаю Митри – он живет в Европе, он русский, и он этим занимается. Копают, все, что находит – постит, выставляет тонкие детали, по типу «вот эта заколка, она отличается от другой тем, что...». Т.е. вот такие тонкие нюансы»²⁵.

«Не сказала бы, что там все так хорошо сохраняется, просто очень много захоронений и очень много сохранений по быту – начиная от топоров и заканчивая табуретками. Т.е. очень много сохранилось того, что можно потрогать. А вот по костюмам очень редкие фрагменты и там крой буквально есть какой-то кусок, который был на платье (там не платье, а сарафан, анкерок назывался) – и ты по нему не поймешь, какой оно было длины, ширины, что там и как. Изображений крайне мало, в основном фигурки, и фигурки валькирий, по которым очень сложно что-то понять. И это все собирается по крупицам. Допустим, на Хедебю есть много захоронений. И раньше были исследователи, которые посмотрели на эти остатки и сделали вывод, что крой был один – распашной. А не так давно появилось исследование, в котором написали, что распашного анкерка не было, были только сплошные, и теперь не допускают на некоторые фестивали с тем кроем»²⁶.

«Археология в исторической реконструкции на том периоде, когда она еще только проходила становление, такой принцип был заявлен «не откопано – значит, не было». Потому что изобразительные источники... То есть все, что не археология, а тем более описательное – не достоверно. К ним нужно проявлять гораздо более критический подход, потому что есть истолкования, особенности изображения, стилистика, т.е. время поработало, а археология она есть – и все, против нее не попрешь»²⁷.

В силу этого получается, что в основе взглядов реконструкторов на взаимодействие с прошлым лежит совершенно классический образ ранкеанского гносеологического режима. История должна воссоздавать «как оно было на самом деле», и это, безусловно, в принципе абсолютно возможно. Были бы источники, и все проблемы решаемы.

Историческое знание реконструкторов оказывается персонифицированным. Достаточно часто в интервью встречается фраза: «Это исследовали современные ученые, фамилии которых я не помню. Они у нас в стране почти неизвестны». Понятно, что за этой формулировкой стоит, с одной стороны, представление о безличностном характере исторического знания – неважно, кто «открыл», главное, что «открыл». С другой стороны, представления о том, что в изучении западноевропейского средневековья ведущие позиции принадлежат западной меди-

²⁴ См.: Клюев, Свешников Основные элементы 2018.

²⁵ Интервью с респондентом З (дата записи: 05.08.2017).

²⁶ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

²⁷ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

евистике, и она не стоит на месте. Медиевальные реконструкторы с большим уважением относятся к работам «западных ученых». Большинство западносибирских медиевальных реконструкторов не читает на европейских языках, но очень переживает по этому поводу, используя либо Гугл-переводчик, либо размещенные в сети переводы, сделанные компетентными в этом вопросе реконструкторами²⁸.

«В интернете есть почти все, даже то, к чему сложно подобраться – европейские музеи: немецкие, Скандинавия. Это все сейчас сфотографировано, все описано. Все исследования, которые проводят зарубежные ученые, выложены в общий доступ. Возникает вопрос с переводом, конечно, потому что некоторые исследования на немецком языке, на шведском. И процесс усложняется тем, что нужно сидеть с Google-переводчиком и переводить. Какие-то книги заказываются из Интернета, не выложенные в общий доступ. Есть огромное исследование Марка Карлсона, по которому, мне кажется, вся Сибирь шьет.

Вот основная масса, чтобы взять и с нуля сшить комплект 14 века, например, уже не так сложно – есть масса групп, где мастер-классы. Нужно просто сесть и посмотреть внимательно. [...].

Да, это началось только в XV веке. А вообще, надо благодарить тех людей, кто начал заниматься этим еще в 90-е гг., потому что, если открыть любой форум, там допустим типа «Килты XV века» – она с 90-х гг. все дополняется, дополняется, и году только к 2000-му пришли к истине, наконец, как надо делать. Поэтому нам остается только искать в нужном направлении. Или брать и с нуля новые находки изучать, что сейчас очень нередко. Переводить, делать какую-то версию на основе этого, потом уже дальше разрабатывать это, и дальше уже люди начинают повторять. Но в Сибири такого, наверно, и нет. [...].

В основном, это англоязычные источники. Но есть в Тюмени ребята, которые занимаются Скандинавией, ранним средневековьем. Они делают не книги, но такие выпуски – газетой это тоже не назовешь, т.е. они делают исследования по погребениям на русском языке. Компилируют разные исследования. [...] Это реконструкторы, но у них образование просто позволяет делать это. Также в Москве есть девушка, которая регулярно переводит исследования на русский язык и выкладывает, как книгу. Это регулярно появляется в интернете»²⁹.

«Более того – кто-то ездит в Швецию, Британию, Германию в музеи, проводит там работу научную, не являясь научным сотрудником, возвращается, в своем клубе все это культивирует, доносит до людей, а все остальные довольствуются информацией с форумов. ВКонтакте масса групп, где и источники приведены, и сканы из книг, и ссылки, и более того – подробные руководства сейчас существуют, чаще всего – на иностранных языках о том, как было пошито – реконструкция всего и версия. Есть реконструкция – когда все досконально сделано, а есть версия, когда не совсем понятно, как это было, но примерно так, и в среде это допустимо»³⁰.

²⁸ См.: Клюев 2017. С. 27-28.

²⁹ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

³⁰ Интервью с респондентом Б (дата записи: 22.05.2017).

Так что имена большинства историков, чьи работы содержат значимую для них информацию, в памяти у самих реконструкторов не остаются. Редкий случай, когда реконструктор назовет фамилии более двух-трех историков. Иногда, складывается впечатление, что и из текстов работ значимыми оказываются лишь иллюстрации и комментарии к ним. Есть определенный канон имен историков, но он очень невелик.

Историческое знание выступает в самоописаниях реконструкторов в режиме авторитетного готового объективного знания. То, что написано историками в текстах значимой для реконструкции тематики и жанров, оказывается истиной в последней инстанции. Проблемы имплицитного историографического и теоретико-методологического контекста, значимого для профессиональной историографии, для реконструкторов просто не существует. Другими словами, историк может быть хоть неокантианцем начала XX в., хоть марксистом второй половины того же века с точки зрения теоретических оснований своего исследования, а археолог – хоть диффузионистом, хоть эволюционистом, но если он детально реконструировал в своем исследовании процесс покраски ткани для платья, он хороший историк. Лучше бы вообще «не был никем», был «гносеологически наивным эрудитом». В силу этого, любопытно то, как реконструкторы используют важное для них и позаимствованное из лексикона профессиональной историографии слово «источник». Для ДИР базовый смысл этого слова – «источник информации» и, следовательно, источниками реконструкторы называют как средневековые тексты (собственно, «исторический источник» в профессиональном смысле слова), так и работы современных историков³¹.

При этом важнейшими ценностями, на основании которых должна строиться и оцениваться работа с прошлым, для представителей ДИР являются «достоверность», «точность», «аутентичность». Именно с этих позиций достаточно часто представители одних сообществ ДИР оценивают (чаще всего негативно) как деятельность других своих коллег, так и другие формы (например, исторические кинофильмы) репрезентации знаний о прошлом. Любые разговоры о целях или критериях реконструкции в конечном итоге редуцируют к «точно» или «не очень точно», «достоверно» или «не очень». Эти ценности в реальности выпадают из поля саморефлексии. Они абсолютны. А достижение точности – это то, к чему реконструктор должен стремиться, получая от этого удовольствие. Это и важно, и интересно.

Кроме того, следует отметить любопытный парадокс. Придя к реконструкции средневековья под влиянием романтического образа этой эпохи (рыцари, В. Скотт, министрели), существующего в современной

³¹ См.: Клюев 2017.

массовой культуре, реконструкторы в своей «работе со средневековым» оказываются довольно прозаическими. Никаких рассуждений о возрождении духа средневековья (или стремления его «почувствовать»), сознания средневекового человека, его «внутреннего мира» или «чувств». Максимально точная реконструкция материальных «внешних форм» повседневной жизни средневекового человека с получением удовольствия от этого процесса, который оказывается самодостаточным, а его результат является пропуском в мир общения со своими.

«Историческая реконструкция, если в классическом ее понимании – это воссоздание, прежде всего, материальной культуры. Другое дело, что я считаю, и не только я, что воссоздание сугубо материальной культуры бессмысленно без понимания менталитета. С третьей стороны, мы очень, очень, очень приблизительно представляем, что двигало этими людьми. Это такие вещи, где вопросов больше, чем ответов. И оно все, в основном, в некоторой плоскости, где очень много наших фантазий, и они с реальной действительностью связаны как божий дар с яичницей. Поэтому не могу сказать, что мы сможем когда-нибудь точно воспроизвести духовный мир той эпохи»³².

«Поэтому мне сложно сказать, что я на себе ощущаю дух средневековья, ощущаю себя средневековым человеком. Если я даже буду полностью в средневековой одежде, промокну под дождем, буду идти до своего лагеря – я не почувствую себя как человек, живущий в средневековье. Мне казалось раньше, когда я начинала в реконструкции, что это очень романтично – рыцари и все такое. Сейчас я понимаю – нет, рыцари точно такие же парни, которые переоденутся в джинсы. И у них не меняется сознание ... Это, в первую очередь, для меня – эксперимент. Не меняется у меня в голове ничего, когда я передеваюсь»³³.

Ассимилируя импульсы, идущие от различных способов работы с прошлым, дискурс исторического реконструктора их существенно трансформирует.

Основные элементы дискурса самоидентичности ДИР

Сам дискурс, посредством которого идет конструирование групповой идентичности исторических реконструкторов, оказывается довольно гетерогенным – как генетически, так и функционально.

Этот дискурс включает в себя элементы словаря современной городской молодежи, специфически переинтерпретированные термины профессиональной историографии и ключевые слова, являющиеся результатами оригинального словотворчества самих участников движения. Например, занимающиеся реконструкцией раннего средневековья определяются в рамках этого словотворчества как «ранятники», эпохой позднего средневековья – «позднятина», ролевики называются «толчками», «плохие реконструкторы» доинтернетной эпохи – «гобулятина».

³² Интервью с респондентом И (дата записи: 05.08.2017).

³³ Интервью с респондентками Е (дата записи: 08.07.2017).

Функционально дискурс реконструкторов, с одной стороны, обращен вовне и служит для репрезентации реконструкторской деятельности в публичном пространстве. С другой стороны, выполняя функции внутренней коммуникации, он служит средством сплочения сообщества и инструментом сегрегации, маркируя деление на «своих» и «чужих». Не будучи тотально и системно завершенным (это всегда частный языковой режим, непременно требующий сочетания с иными дискурсами) и различаясь во «внешнем» и «внутреннем» варианте, дискурс исторического реконструктора, тем не менее, транслирует определенный набор ценностей, на которых и строится групповая идентичность исторического реконструктора.

Впрочем, говорить о какой-то принципиальной оригинальности этих ценностей вряд ли возможно, поэтому, представляется, что ДИР корректнее определять не как субкультуру, а как возникшее на основании компенсаторного хобби сообщество «культуры соучастия»³⁴.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Божок Н.С. Время исторической реконструкции // *Инновационная деятельность*. 2015. №4 (35). С. 74-80 [Bozhok N.S. Vremya istoricheskoi rekonstruktsii // *Innovatsionnaya deyatel'nost'*. 2015. №4 (35). S. 74-80]
- Божок Н.С. Культура сплоченности: дискурс исторической реконструкции // *Инновационная деятельность*. 2016. № 4. С. 92-104 [Bozhok N.S. Kul'tura splochnosti: diskurs istoricheskoi rekonstruktsii // *Innovatsionnaya deyatel'nost'*. 2016. № 4. S. 92-104]
- Божок Н.С., Ярская В.Н. Перспектива поколения: движение исторической реконструкции // *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология*. 2014. Т. 14. № 2. С. 19-26 [Bozhok N.S., Yarskaya V.N. Perspektiva pokoleniya: dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Sotsiologiya. Politologiya*. 2014. T. 14. № 2. S. 19-26]
- Дёмина А.В. Движение исторической реконструкции: пути и решения // *Вестник Костромского государственного университета*. 2012. Т. 18. № 5. С. 45-48 [Demina A.V. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii: puti i resheniya // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2012. T. 18. № 5. S. 45-48]
- Донская В.К. Движение исторической реконструкции как проявление гражданской инициативы // *Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): Сб. статей. Чебоксары: «Интерактив плюс», 2014. С. 158-162 [Donskaya V.K. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii kak proyavlenie grazhdanskoj initsiativy // *Rossiiskaya intelligentsiya v usloviyakh tsivilizatsionnykh vyzovov (V Arsent'evskie chteniya)*: Sbornik statei. Cheboksary: «Interaktiv plus», 2014. S. 158-162]*
- Донская В.К. Событийность в движении исторической реконструкции Волго-Вятского региона // *Русский Сборник. Сер. «Труды кафедры отечественной истории Брянского гос. университета им. акад. И.Г. Петровского»*. Т. 7. Брянск: БГУ, 2013. С. 112-114 [Donskaya V.K. Sobytiynost' v dvizhenii istoricheskoi rekonstruktsii Volgo-vyatskogo regiona // *Russkii Sbornik. Ser. «Trudy kafedry otechestvennoy istorii Bryanskogo gos.universiteta im. akad. I.G. Petrovskogo»*. T. 7. Bryansk: BGU, 2013. S. 112-114]
- Дик А.И. Движение исторической реконструкции в г. Омске: зарождение и развитие // *Древность и средневековье: вопросы истории и историографии: материалы IV Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Омск: ОмГУ, 2015. С. 183-187 [Dik A.I. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii v g. Omske: zarozhdenie i razvitie // *Drevnost' i srednevekov'e: voprosy istorii i istoriografii: materialy**

³⁴ См. об этом также: Каплушенко 2013; Божок 2016.

- IV Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii studentov, aspirantov i molodykh uchenykh. Omsk: OmGU, 2015. S. 183-187]
- Дик А.И., Федяева В.О. Визуальная репрезентация европейского средневековья в виртуальной реконструкторской среде (на материалах клубов исторической реконструкции Западной Сибири) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИПЦ НГУ, Институт истории СО РАН, 2017. С. 13-21 [Dik A.I., Fedyayeva V.O. Vizual'naya reprezentatsiya evropeiskogo srednevekov'ya v virtual'noi rekonstruktorskoi srede (na materialakh klubov istoricheskoi rekonstruktsii Zapadnoi Sibiri) // Aktual'nye problem istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Novosibirsk: IPTsNGU, Institut istorii SO RAN, 2017. S. 13-21]
- Дик А.И., Ключев А.И., Свешников А.В., Федяева В.О. Движение исторической реконструкции в Омске: попытка исследования // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2017. № 3. С. 319-328 [Dik A.I., Klyuev A.I., Sveshnikov A.V., Fedyayeva V.O. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii v Omske: popytka issledovaniya // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki. 2017. № 3. S. 319-328]
- Зотов С., Майзульс М., Харман Д. Страдающее Средневековье. Парадоксы христианской иконографии. М.: Издательство АСТ, 2018. 416 с. [Zotov S., Maizul's M., Kharman D. Stradayushchee Srednevekov'e. Paradoksy khristianskoi ikonografii. M.: Izdatel'stvo AST, 2018. 416 s.]
- Люббе Г. В ногу со временем. Сокращенное пребывание в настоящем / Под науч. ред. В. Куренного. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 456 с. [Lyubbe G. V nogu so vremenem. Sokrashchennoe prebyvanie v nastoyashchem / Pod nauch. red. V. Kurenno. M.: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2016. 456 s.]
- Кадер А.М. Развитие движения исторической реконструкции на постсоветском пространстве: аналитический обзор литературы // European Social Science Journal. 2015. № 6. С. 237-242 [Kader A.M. Razvitie dvizheniya istoricheskoi rekonstruktsii na postsovet'skom prostranstve: analiticheskii obzor literatury // European Social Science Journal. 2015. № 6. S. 237-242]
- Каплуненко А.Е. Об адекватности термина «историческая реконструкция» в контексте неформального молодежного движения ролевиков // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2013. № 4 (25). С. 70-76 [Kaplunenko A.E. Ob adekvatnosti termina «istoricheskaya rekonstruktsiya» v kontekste neformal'nogo molodezhnogo dvizheniyar olevikov // Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. 2013. № 4 (25). S. 70-76]
- Ключев А.И. Исторический источник в пространстве исторической реконструкции (на примере движения исторической реконструкции города Омска) // Актуальные проблемы исторических исследований: взгляд молодых ученых. Новосибирск: ИПЦ НГУ, Институт истории СО РАН, 2017. С. 22-30 [Klyuev A.I. Istoricheskii istochnik v prostranstve istoricheskoi rekonstruktsii (na primere dvizheniya istoricheskoi rekonstruktsii goroda Omska) // Aktual'nye problem istoricheskikh issledovaniy: vzglyad molodykh uchenykh. Novosibirsk: IPTsNGU, Institut istorii SO RAN, 2017. S. 22-30]
- Ключев А.И., Свешников А.В. Движение исторической реконструкции – от хобби к бизнесу. Эссе по экономической антропологии // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2018 (в печати) [Klyuev A.I., Sveshnikov A.V. Dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii – ot khobbi k biznesu. Esse po ekonomicheskoi antropologii // Neprikosnovennyyi zapas. Debaty o politike i kul'ture. 2018 (vpechati)]
- Ключев А.И., Свешников А.В. Основные элементы образа западноевропейского средневековья в современном движении исторической реконструкции в Западной Сибири. Предварительные замечания // Листападаўскія сустрэчы – XII. 2018 (в печати) [Klyuev A.I., Sveshnikov A.V. Osnovnye element obraza zapadnoevropeiskogo srednevekov'ya v sovremennom dvizhenii istoricheskoi rekonstruktsii v Zapadnoi Sibiri. Predvaritel'nye zamechaniya // Listapadaўskiya sustrechy – XII. 2018 (v pechati)]
- Корнев Д.М. Социальные аспекты движения исторической реконструкции // Вестник ОрелГИЭТ. 2009. №4 (10). С. 133-136 [Korenev D.M. Sotsial'nye aspekty dvizheniya istoricheskoi rekonstruktsii // Vestnik OrelGIET. 2009. №4 (10). S. 133-136]

- Славко М.А. Патриотическое воспитание молодежи и движение исторической реконструкции в современной России // Гуманитарные науки в XXI веке. 2015. № 5. С. 34-40 [Slavko M.A. Patrioticheskoe vospitanie molodezhi i dvizhenie istoricheskoi rekonstruktsii v sovremennoi Rossii // Gumanitarnye nauki v XXI veke. 2015. № 5. S. 34-40]
- Ткаченко Д.В. Социологические аспекты движений исторической реконструкции // Вестник Северо-Кавказского федерального университета. 2011. №2. С. 192-197 [Tkachenko D.V. Sotsiologicheskie aspekty dvizhenii istoricheskoi rekonstruktsii // Vestnik Severo-Kavkazskogo federal'nogo universiteta. 2011. № 2. S. 192-197]
- De Groot J. Consuming history. Historians and heritage in contemporary popular culture. Abingdon: Routledge, 2009. 292 p.
- Gapps S. Out of Time, Out of Place: Reenacting the Past of Foreign Country // Public History Review. 2001. № 9. P. 61-69.
- Hochbruck W. Between «Living History» and Pageantry: Historical Reenactments in American Culture // Beyond the mainstream. Contemporary drama in English / Ed. by P.P. Schierer. Trier: Wissenschaftlicher Verlag Trier, 2005. P. 93-105.
- Hochbruck W. Geschichtsthe a theatre. Formen der «Living History». Eine Tipologie. Bielefeld: Transcript – Verlag für Kommunikation, Kultur und soziale Praxis, 2013. 152 S.
- O'Brien Backhouse M. Re-enacting the Wars of the Roses: History and Identity // People and their past. Public History Today / Ed. by P. Ashton and H. Kean. N.Y.: Pelgrave Macmillan, 2009. P. 113-130.

Клюев Артем Игоревич, преподаватель кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; kluevartem@mail.ru

Свешников Антон Вадимович, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории исторического факультета Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского; pucholik@rambler.ru

Discourse identity of the modern historical re-enactor (on the material of medieval clubs of historical reconstruction)

One of the specific forms of "working with the past", typical for contemporary culture, as a result of the bizarre interaction of professional historical with non-professional post-modernist methods, is the so-called historical re-enactment movement. It emerged in Russia in the late 1980s as a result of a transfer from Western mass culture, this form of "work with the past" is gaining popularity. The article analyzes the main forms of activity of modern medieval clubs of historical re-enactment, as well as the cultural mechanism for the formation of the social identity of the modern Russian re-enactor.

Keywords: historical re-enactment, historical culture, work with the past, medievalism, discourse, discourse identity, subculture, culture of participation, the image of the past, the image of history

Artem Klyuev, lecturer of Chair of general history in Dostoevsky Omsk State University, kluevartem@mail.ru

Anton Sveshnikov, Doctor of History, Professor of Chair of general history in Dostoevsky Omsk State University, pucholik@rambler.ru

И. М. ЭРЛИХСОН, С. А. ВАСИЛЬЕВА

«МЕЛЬНИЦА ДЛЯ ПЕРЕМАЛЫВАНИЯ НЕГОДЯЕВ...»¹ (раскаяние как ключевая категория трансформации английского уголовного правосудия в XVIII столетии)

Авторы исследуют интеллектуальные истоки английских пенитенциарных реформ посредством анализа английской общественной мысли XVIII в. с учетом социально-культурного контекста. Прогрессирующий рост преступности, с которым столкнулось английское общество в XVIII в., стал популярной темой общественного дискурса, что выразилось в появлении целого пласта произведений светского и религиозного характера с предложениями путей решения проблемы, причем прожектеры апеллировали преимущественно к христианской риторике. Именно постановка вопроса о формах раскаяния у преступников и его исправительного потенциала стала причиной смены старой парадигмы уголовного правосудия, в рамках которой наказание рассматривалось преимущественно с точки зрения его карательной функции. Большинство публицистов XVIII в. придерживались крайне жестких взглядов по вопросу о возможности исправления преступника, подтверждая это конкретными примерами из уголовной практики. Но в результате бурной полемики, растянувшейся практически на столетие, возобладала точка зрения, согласно которой раскаяние не только теоретически возможно, но и практически реализуемо, посредством создания такой системы наказания, главной целью которой станет исправление преступника и возвращение в общество честного гражданина.

Ключевые слова: Великобритания, XVIII век, уголовное правосудие, преступность, религия, раскаяние, пенитенциарные реформы

Тяжесть греха зависит от непознаваемой порчи, затаившейся в сердце. Суть ее не может быть постигнута смертными без Божественного откровения. Но каким тогда образом порча в сердце может служить мерилом при наказании преступлений?

Ч. Беккариа, 1764

Бросив даже поверхностный взгляд на внутреннее устройство монастыря и тюрьмы, невозможно не заметить явного сходства между этими двумя социальными институтами. Кроме подобия внешних деталей (келейно-камерная система, строгий режим изоляции, постоянный труд, ограничения в еде и прочих «плотских» запросах), поражает глубинное подобие основополагающих целей – достичь *покаяния* потенциального преступника/грешника. На это сходство обращали внимание первые исследователи тюремных моделей еще в XIX в.: так в фундаментальном труде М. Фуко «Надзирать и наказывать» упоминается ис-

¹ “A mill for grinding rogues honest” (характеристика, данная И. Бентамом своему проекту идеальной тюрьмы – Паноптикуму).

точник «Размышления о тюрьмах религиозных орденов» 1845 г., в котором автор доказывает, что первые проекты пенитенциарных систем были «совершенно монастырские»². Современные авторы склонны не только разделять эту точку зрения: «...источник всей нашей пенитенциарной системы... надо искать в церкви, в особенности те ее черты, которые касаются тишины, изоляции, душевных и физических испытаний, как верной дороги к спасению»³, но и, в попытках выявить мотивацию первых пенитенциарных реформаторов, высказывать критические суждения. Так Ричард Атертон в монографическом исследовании «Призыв служить: христианское воззвание к тюремному служению» рассуждает: «может быть, одной из самых «случайных» ошибок в истории было решение возвести «институты» монастырского типа, заточить в них десятки тысяч людей, у которых нет ни призвания, ни склонности, ни в большинстве случаев физических или духовных ресурсов, чтобы извлечь какую-либо реальную пользу от монашеского образа жизни?»⁴

В поисках ответа на вопрос, с какой целью пенитенциарные реформаторы второй половины XVIII в. воспользовались готовой моделью монастыря, наделив проектируемую ими тюрьму теми же целями – исправления преступника путем раскаяния, обратимся к этому понятию, так сближающему эти социальные модели. Само название современной тюрьмы – пенитенциарий («Дом покаяния») – производное от христианской риторики. В данной работе предпринята попытка обратиться к феномену раскаяния с учетом социально-культурного контекста и реалий Англии XVIII в. Авторы задаются целью рассмотреть отношение к назначению раскаяния в процессе наказания преступника как в светской публицистике, так и в богословских текстах XVIII в. Это поможет глубже проникнуть в понимание английскими публицистами психологии преступления и наказания, рассмотреть такие источники пенитенциарных реформ как христианское мировоззрение и идеи Просвещения в их диалектической взаимосвязи.

Путешественник и филантроп Джонас Хэнвей в 1776 г. писал: «Какие ледяные души кровь описания ежедневно появляются на страницах газет! Какое впечатление сложится у иностранцев о нашем правительстве? Грабежи, расследования грабежей, опознания преступников, судебные процессы, публичные казни – подобного рода заметки появляются чаще, чем объявления о свадьбах и рождениях!»⁵. Рост преступности в Англии, и особенно в столице в XVIII в. шокировал как правительство, так и общественность. Правительство практически все

² Фуко 1999. С. 177.

³ James 1990.

⁴ Atherton 1988. P. 38.

⁵ Hanway 1776. P. 62.

столетие шло по пути ужесточения действующего законодательства, в результате чего век получил весьма яркое прозвище «Эпоха Кровавых кодексов». Суровое уголовное правосудие Великобритании XVIII в. наследовало юриспруденции Средних веков, в рамках которой наказание рассматривалось преимущественно с точки зрения его карательной функции как симметричный ответ на преступление. Результатом стала резкая эскалация применения высшей меры – смертной казни, как «универсального ответа» на рост преступности. В свою очередь просвещенная общественность с патриотическим пылом ринулась к решению проблемы, что выразилось в потоке трактатов, авторы которых в рамках своего видения проблемы предлагали пути ее решения. Обращаясь к проблеме преступности, они не ограничивались утверждениями об ухудшении криминальной обстановки, критикой жестокости и неэффективности современной им системы уголовных наказаний, но излагали проекты ее реформирования. Дж Тревельян тонко подметил такую двойственность социального контекста как «возрастающая строгость закона в этом постепенно становившемся более гуманным веке»⁶. Подобное противоречие не могло развиваться бесконечно, поэтому его кульминационной точкой стала реформа уголовного правосудия, пришедшая на конец XVIII – начало XIX в., которая и привела к зарождению пенитенциарных учреждений современного типа.

Обратив еще раз внимание читателя на поставленный в начале статьи вопрос о мотивах, подвигнувших пенитенциарных реформаторов обратиться к монастырской модели конструируемых учреждений уголовного наказания, проанализируем трактаты, в которых авторы много и подробно размышляли об антропологической и социальной обусловленности преступления, функциях государства и религии, эффективности уголовного законодательства и его исполнения.

Примечательно, что именно в эпоху Просвещения внимание мыслителей привлекает феномен раскаяния, трактуемого как духовная основа исправления преступника и его потенциального возвращения в общество. В предшествующей парадигме уголовной репрессии раскаянию и исправлению преступника просто не было места. Однако с наступлением эпохи Просвещения внимание мыслителей фокусируется на феномене раскаяния, которое интуитивно воспринимается ими как духовный потенциал исправления преступника. И действительно, если раскаяние в совершенном преступлении возможно, то только оно и создает перспективу возвращения правонарушителя к нормальной жизни, а, следовательно, проецирует наказание не только в карательную, но и в воспитательную плоскость. Именно попытка пробуждения в преступнике раскаяния посредством создания специфических условий тюрем-

⁶ Тревельян 2002. С. 376.

ного содержания с целью его духовного перерождения и исправления лежит в основе и задает вектор прогрессивных проектов тюремных реформ в Старом и Новом свете.

В контексте нашей проблематики логичным будет дать определенное *раскаянию* – центральной категории, которой мы будем оперировать. Удачной видится трактовка, данная в кодексе Маймонида⁷, где выдающийся философ выделил два вида раскаяния: первый, искупающий лишь некий определенный грех; и второй, ведущий к радикальному изменению образа жизни человека, перерождению его личности. Это временной процесс, приводящий к коренному изменению жизни человека и реализующийся последовательным выполнением четырех условий: признание неправильности совершенного поступка (интеллектуальная стадия); прочувствование неправильности поступка (эмоциональная стадия); исправления нанесенного ущерба (сфера действия); отказ от совершения подобного поступка в идентичных условиях (волевой уровень)⁸. Учитывая особенности социокультурного контекста и мощное влияние христианского мировоззрения на мысли и поступки англичан, данная интерпретация сочетает элементы теологического и светского (просвещенческого) понимания раскаяния. Очевидно, что для любого вида раскаяния, а главное, достижения всех перечисленных стадий, необходимо было не только длительное время, но и определенная «среда» – условия возникновения осознания греха / проступка и перехода от знания к волевому отказу от преступного поведения. Обратимся к ряду произведений, в которых авторы XVIII века анализируют современную им процедуру исполнения наказания, подчеркивая неосуществимость раскаяния.

Уникальные свидетельства прогрессирующего роста преступности в Англии XVIII в. представлены знаменитыми изданиями «Ньюгейтские календари»⁹, которые современники именовали не иначе как «Кровавый реестр негодяев». «Календари» изобилуют историями узников знаменитой Лондонской тюрьмы Ньюгейт и «властителей Тайнберна» – так называли висельников, приговоренных к смерти через повешение в местечке публичных казней деревне Тайнберн. Эта своего рода «Библия преступного мира», включающая печально знаменитые и малоизвестные преступные биографии, стала бестселлером, который можно было встретить на книжной полке рядовой английской семьи. Некоторые исследователи предполагают, что «преобладающий морализаторский тон каждого повествования, доскональное знание последних

⁷ Рабби Моше бен Маймон (Маймонид, РаМБам) (1138–1204) – философ и кодификатор законов Торы.

⁸ См. Законы Раскаяния // Мишне Тора. М.: Библиотека библейских текстов, 2010.

⁹ The Newgate Calendar... Vol. 1–5. L. 1824–1825.

слов и поступков осужденных, и особенно выражение покаяния (или его отсутствия)» с высокой долей вероятности указывают на возможную причастность к авторству тюремных священников»¹⁰.

Столетие спустя английские журналы в погоне за читательской аудиторией периодически воспроизводили леденящие душу биографии преступников. Так, в 1834 г. в «Журнале Фрэйзера для города и деревни» появился очерк «По следам “Истории разбойников”»¹¹. Даже в XIX в. вызывало недоумение отношение соотечественников предшествующей эпохи к наказанию путем повешения: «Сэр Томас Смит, философ и юрист, утверждал, что ни в одной стране кроме Англии преступники не отправляются на казнь с такой отчаянной смелостью. Некий знающий и заслуживающий доверия французский автор, к сожалению, мы не помним его имя, уведомяет читателя о том, что наши соотечественники отличаются удивительной страстью к виселице (курсив наш – авт.), объясняя это влиянием невыносимого климата. Мы не можем опровергнуть это утверждение, так как лично не присутствовали на процедуре казни, но в записях прошлого столетия представлены в высшей степени странные сцены, когда приговоренные прибывали в Тайберн в наемном экипаже, облаченные в лучшую одежду, с букетом в петлице, по пути сделав несколько остановок в тавернах, чтобы влить в себя не одну пинту крепкого алкоголя»¹². Подобное описание мы встречаем в трактате социального философа-моралиста Бернарда Мандевилля, современника «Тайбернских шествий»¹³. Автор красочно описывает театрализованное шествие преступника, одурманенного алкоголем, до виселицы. Под воздействием алкогольных паров и плотной пищи, перед лицом заинтересованной аудитории в них просыпается бравада, опьяняющий нигилизм и агрессивный эпатаж, с помощью которых они гонят мысль о близком конце земного существования. Публика восхищается стойким принятием смерти преступником и восклицает «Хорошо умер!», но осыпает оскорблениями тех, кто цепляется за жизнь, приравнивая слезы к малодушию. Вполне естественно, что в вышеописанных условиях смысл наказания как кары за совершенное преступление пропадает, так как виселица превращается в театральные подмости, на которых разыгрывается бенефис главного героя. И задача его – продемонстрировать не раскаяние, которое воспринимается как проявление слабости и малодушия, а отсутствие страха перед смертью.

¹⁰ Rock 1983. P. 191-221.

¹¹ Статья представляла собой критическую рецензию на книгу «Жизнь и деяния знаменитых английских разбойников, пиратов и грабителей» Ч. Уайтхеда (1804–1862).

¹² Hints for a History of Highwaymen... 1834. P. 282.

¹³ Подробнее о трактате «Исследование причин частых казней в Тайберне» см.: Эрлихсон, Васильева 2016(а); 2016(б).

Именно эта буффонада, так любимая лондонцами, вызывает у Мандевиля осуждение на грани отвращения, но и вдохновляет на серьезные размышления. Не будем забывать профессиональную принадлежность автора (Мандевиль был врачом), которая позволяла ему проникать в область человеческой психологии, и понимание психических процессов, на наш взгляд, является одной из сильных сторон трактата, позволившей прийти к оригинальным для своего времени выводам. Мандевиль подчеркивает извращенность отношения толпы к принятию смерти: стоит ли рукоплескать негодяю, который, не раскаявшись, смело погружается в пучину вечных страданий, – задается вопросом автор памфлета, – почему же толпа радуется несокрушимости злодея в его бесчестии? В то же время, недоумевает Мандевиль, публика осмистывает в осуждении проявление скорби и слез узника, которые могут быть признаками раскаяния, но почитаются толпой за малодушие. Между тем, считает автор, страх смерти испытывает и тот, кто принимает смерть с бравадой, но страх быть трусом в глазах толпы заглушает робкие всплески совести и последний шанс подумать о приготовлении души к другой жизни. В этом объяснение жадной тяги преступников к алкоголю по пути в Тайберн – утопить свой страх и мысли о смерти.

Мандевиль посвящает проблеме раскаяния раздел трактата, озаглавленный «О неверных суждениях, проистекающих от предсмертного поведения приговоренного». Он пишет: «Живые существа обладают инстинктом самосохранения, люди, как самые разумные и совершенные, испытывают наибольшее отвращение перед смертью как распадом и более всего ценят жизнь. Нет страха, равного по могуществу страху смерти...». Каждый человек знает, что когда-нибудь умрет, однако в обычной жизни под действием механизма психологической защиты страх перед неизбежностью и неизвестностью оттесняется на периферию сознания, а то и в область бессознательного. Но в ситуации, где человек знает, когда и каким образом прервется его физическое существование, и потому им овладевает экзистенциальный ужас, достойно встретиться с которым могут лишь немногие избранные. Преступники, шествующие к смерти в Тайберне, стараются побороть этот страх не только алкоголем, но и страстями – грехами гнева и гордыни: «Не человек может победить страх смерти, но то, что стоит выше человека. Что же поддерживает его, в чем он черпает силу? Это не осознание невиновности, так как вина доказана, а преступления совершены. Не религиозное рвение, не любовь к родине. Да он не претендует ни на то, ни на другое. Вы скажете, что он не верит ни в Господа, ни в загробную жизнь? Посмотрите на него, и вы поменяете свое мнение. У атеизма другие симптомы. Жалкий мошенник, даже не умеющий читать и не утруждавший свою голову сколь-либо серьезными мыслями, заблудится в лабиринтах философии и метафизики, и едва ли станет убежден-

ным атеистом... Потому и храбрость его фальшива от начала и до конца. Страх смерти терзает его, но страх показаться трусом и стать пошлостью в глазах себе подобных, перевешивает...»¹⁴. Все это заглушает робкие всплески совести и последний шанс подумать о приготовлении души к другой жизни.

Еще один пример эпатажа на «пороге вечности» – история некоего Натаниела Хауи, представленного перед судом в 1721 г. за разбой. Обвиняемый отказался признать свою вину на том основании, что он не желал умирать в потрёпанном сюртуке, который ему выдали вместо его собственной элегантной одежды. К нему применили жестокие пытки, детальное описание которых вызвало бы приступ тошноты у утонченного читателя образца 1834 года, разорвали сухожилия на руках, затем в течение семи минут держали под прессом массой 250 фунтов и вырвали признание. Автор «Журнала Фрэйзера», более всего возмущенный нарушением норм английского права, задается вопросом, что двигало несчастным: «стойкость мученика, отвага героя или тупое упрямство животного?»¹⁵. Между тем узник в предсмертной речи признался, что руководило им не стремление вернуть свое имущество, а желание вызвать одобрительную реакцию публики. «После вынесения приговора он продолжил вести себя в той же дерзкой манере и заявил своим товарищам по несчастью, что они лишены мужества, тогда как он хочет умереть как герой»¹⁶. Очевидно, векторы, задающие направление поведению закоренелых преступников, совершенно отличны от мотивации обывателей. «Их демонстративное пренебрежение “общечеловеческими” нормами поведения позволяет им жить за счет обывателя, ошеломить его, если нужно опередить реакцию толпы и восторжествовать над повседневностью... их поведение... – артистическая форма жестикюляции, рассчитанной на аудиторию... Уголовник знает, что его реальных сил недостаточно, чтобы приспособить к себе весь окружающий мир. Но если его решимость действительно безгранична, а, главное, впечатление, которое он способен произвести на аудиторию, внушает надлежащий трепет, ближайшая к нему часть мира может склониться перед ним, обеспечив ему точечный успех»¹⁷. Прибегая к театральным эффектам, преступник получает поддержку аудитории, следствием чего является последующая героизация его образа.

Против подобной романтизации образа негодяя выступил в свое время Даниэль Дефо в памфлете «Вторичные мысли – самые лучшие, или совершенствование последней схемы по предотвращению уличных

¹⁴ Mandeville B. An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn...

¹⁵ Hints for a History of Highwaymen. P. 282.

¹⁶ The Newgate calendar... 1770. P. 325.

¹⁷ Воронель 2013. С. 234-235.

разбоев» вышедшем в 1729 г. под псевдонимом *Эндрю Моретон, эсквайр*¹⁸. В памфлете подверглись острой критике такие литературные шедевры как «Опера нищего» Джона Гэя¹⁹ и написанная ей в подражание «Опера квакеров» Томаса Уолкера²⁰. Оба произведения – злые пародии, сочетавшиеся с социальной и политической сатирой, высмеивающей итальянскую оперу, любимое развлечение аристократии, и политическую коррупцию, процветавшую при правительстве Р. Уолпола. Но Дефо, виртуозно разбиравшийся в общественной психологии, понимал, что среднестатистический лондонский обыватель едва ли будет проводить столь тонкие параллели, а воплощенные талантливыми актерами лихие криминальные персонажи окажут на зрителя не разоблачающий, а очаровывающий эффект. «Воры из «Оперы нищего» представлены в столь благоприятном свете, что настоящие представители этой малопочтенной профессии гордятся ей вместо того, чтобы стыдиться», – негодует Дефо. Еще более резкой критике подвергается творение Т. Уолкера, усугубившее спровоцированный «Оперой нищего» преступный разгул на улицах Лондона. «Джек Шеппард, герой драмы, в сцене триумфального бунта, производит сильное впечатление на посредственные умы; его утонченные манеры, элегантная одежда, карманы, набитые деньгами, убивают стремление зарабатывать на жизнь честным трудом... и вот вам еще один свежеиспеченный негодяй!»²¹.

Что же предлагали публицисты первой половины XVIII в. в качестве средства противодействия растущей преступности и популяризации имиджа лихого негодяя? На фоне усилий правительства противо-

¹⁸ Под псевдонимом Эндрю Моретон эсквайр, Дефо работал в 1725–1729 гг., выпустив серию памфлетов (*Everybody's Business, Is Nobody's Business* (1725), «*The Protestant Monastery*» (1726), «*Parochial Tyranny*» (1727), «*Augusta Triumphans*» (1728), в которых были предложены конкретные меры, направленные, в т.ч. на улучшение качества жизни в современном ему Лондоне. Маска пожилого буржуа, ревнителя и апологета традиционных ценностей среднего класса, приобрела такую популярность у читательской аудитории, что Дефо, разоблаченный своими оппонентами уже в 1725 г., не раз впоследствии прибегал к ней и для того, чтобы повысить продажи. Дефо часто надевал маски, выражая точки зрения представителей различных классов и общественных групп, что позволило назвать его одним «из наиболее хамелеоноподобных английских авторов» (Marshall 2007).

¹⁹ Джон Гей (1685–1732) – английский поэт и драматург. Автор сатирических и пасторальных поэм в стиле просветительского классицизма («Сельские удовольствия»), «Неделя пастуха»; басен и пьес «Как это называется» (1715), «Три часа после свадьбы» (1717), трагической пасторали «Диона» (1720) и др. Создатель нового сценического жанра, т.н. «балладной оперы».

²⁰ Томас Уолкер, мечтающий повторить успех Гэя, взял в качестве основы анонимную пьесу «Разрушитель тюрем» («*Prison-breaker*»), ввел туда легко узнаваемые фигуры Джека Шеппарда и Джонатана Уайлда, но балладная опера с треском провалилась, выдержав лишь несколько постановок.

²¹ Moreton (Defoe). 1729. P. 10.

стоять криминализации страны эскалацией применения смертной казни, предлагать в начале века ее отмену осмеливались только квакеры, но не столько как средство борьбы с преступностью, сколько следуя своей теологии о бесценном «внутреннем свете» внутри каждого, даже закоренелого грешника. Мандевилл предлагал изменить процесс подготовки осужденного к исполнению приговора в виде смертной казни. Он придерживался убеждения: наказание, особенно исполнение высшей меры, непременно должно стать закрытым процессом, так как от его публичности уже нет ожидаемого превентивного или дидактического эффекта, а только опасная экзальтация развращенной толпы. Изоляция, строгая диета (пост), беседы со священником накануне исполнения приговора дадут возможность преступнику пересмотреть свою прошлую жизнь, оценить чудовищность своих поступков хотя бы на пороге смерти, покаяться. В день казни, грешника должно постигнуть раскаяние: от преступников ожидаемо чувство глубокой печали, состояние замкнутого молчания с признаками мук совести или вполне понятное тревожное беспокойство. Уже в предложениях Мандевила по тюремному содержанию (пусть даже такому краткосрочному как заключение в ожидании смертной казни) заключены черты «монашеского» типа и намечена целевая установка на достижение раскаяния.

Еще один объект острой критики публицистов – практика отмены исполнения приговора, на которую могли смело рассчитывать пятеро из шести преступников²². По подсчетам В. Гэтрелла, в Англии между 1780 и 1830 гг. к смертной казни были приговорены 35000 чел., но фактически в исполнение была приведена только пятая часть приговоров²³. Чезаре Беккариа, апологет идеи модернизации уголовного правосудия, тонко подметил, что жестокость наказания, при отсутствии стройной системы исполнения такового, сродни *азартной игре*, в которой всегда есть шанс его избежать!²⁴. В трактате «Размышления об уголовном судопроизводстве» священник с юридическим образованием Мартин Мэдан, приводит историю Патрика Маддана, буквально вынуженного из петли сердобольным шерифом под одобрительные крики толпы. Мэдан не жалеет красок, живописуя этапы его преступной биографии. «После освобождения вышеупомянутый Патрик организовал чудовищный по своей жестокости бунт в Мурфилдсе, за что был приговорен к заключению в Ньюгейте, откуда сбежал в 1780 г., после чего промышлял взломами, сколотил банду из юнцов, совершил налет на магазин, был взят с поличным и приговорен к смертной казни, которую заменили на

²² Как отмечал Тревельян, «из шести воров, приведенных в суд, пять могли тем или иным путем спастись, тогда как одного несчастного вешали». Тревельян 2002. С. 376.

²³ Gattrell 1994. P. 9.

²⁴ Maestro 1973. P. 26.

ссылку; откуда он сбежал, проделав отверстие в днище корабля, через некоторое время пойман и оказался на судебном слушании в Олд-Бейли... Выслушав смертный приговор, наш герой мгновенно растерял браваду и, пав на колени, молил о помиловании, которое было ему даровано. Его отправили в Африку, после чего сведения о нем крайне разнятся... Кто-то утверждает, что его вздернули на корабельной рее, другие же не без основания уверяют, что он процветает в Англии»²⁵.

Прежде чем подвергнуть анализу предложения публицистов по искоренению этой порочной практики, обратим внимание на историю уголовного дела некоего Джона Смита, помещенную в «Новом календаре Ньюгейта» ввиду того, что «обстоятельства, сопутствующие приведению в исполнение смертного приговора, удивительны и заслуживают особого внимания»²⁶. Сын фермера, он некоторое время был подмастерьем, служил на флоте, затем завербовался в полк, которым командовал лорд Джон Каттс по прозвищу Саламандра. Демобилизовавшись, Смит свернул на кривую дорожку, примкнув к банде взломщиков. В декабре 1705 г. его судили и приговорили к повешению. Во время суда Смит сохранял удивительное хладнокровие, не изменившее ему в момент исполнения приговора. Он провисел 15 минут под крики толпы, требовавшей помилования, после чего его вынули из петли, сделали кровопускание и предложили поделиться впечатлениями, пережитыми в состоянии клинической смерти. Получив помилование, он остался верен ремеслу взломщика, был повторно судим, оправдан коллегией из двенадцати судей, затем третий раз был привлечен к суду и вновь помилован. Составитель календаря Э. Нэпп, завершая повествование, назидательно замечает: «если разум был единожды осквернен совершением греха, едва ли он поддастся исправлению. Даже физические страдания в момент смерти не удержали этого человека от преступных деяний. Попустительствуя маленьким слабостям, мы открываем дорогу чудовищным преступлениям»²⁷. Оценивая ситуацию с исполнительным судопроизводством в конце XVIII в., Мэдан резюмировал: одновременная казнь пятидесяти человек не устрашит такое число преступников, какое закалят в приверженности к противоправной деятельности приведенные примеры неэффективного правосудия.

Подводя итог критике неэффективности современной им системы уголовных наказаний, публицисты XVIII в. в большинстве своем придерживались крайне жестких взглядов по вопросу о возможности исправления преступника в границах действовавшей карательной парадигмы: «Преступники часто совершают те же чудовищные деяния, за

²⁵ Madan 1784. P. 94-96.

²⁶ The Newgate Calendar... P. 60.

²⁷ Ibid. P. 61-62.

которые на их глазах в мучительной агонии умирают их собратья. Люди, которых их извращенный ум привел к совершению тяжелых преступлений, нечувствительны к страданиям других. Необузданность их порочных желаний перевешивает мысли об опасности, а воображение заманивает либо выгодами от злодеяний, либо иллюзорной надеждой ускользнуть от наказания»²⁸. Смертная казнь к середине XVIII в. окончательно утратила устрашающий и дидактический эффект, а система юридических ухищрений, помогавшая избежать наказания, упрочила иллюзию безнаказанности для азартных игроков преступного мира.

Реформа более чем созрела, причем и власть, и общественность понимали, что необходимо качественное изменение уголовного наказания, чтобы новая система достигала триединой цели: возмездие, восстановление социальной справедливости, общая и специальная превенция. Кроме того, нужно учитывать такие реалии времени, как общественная и парламентская борьба за отмену смертной казни, которая развернулась во второй четверти XVIII в., а также потерю американских колоний, которые использовались как место «экспорта» уголовных элементов Старого света. Итак, реформированная система уголовных наказаний должна была решить проблему преступности, не только максимально сохраняя жизнь преступникам, но и в географических границах британского острова. Таким средством стала обновленная тюрьма, которую, чтобы не путать с карательными тюрьмами – наследием Средневековья, назвали *пениitenciарием* (Дом покаяния) или *реформаторием*. Знаменитый Иеремия Бентам о проекте Паноптикума – тюрьмы-реформатория, отзывался как о «мельнице, перемалывающей негодяев в честных граждан». Казалось, это идеальное решение проблемы с соблюдением всех перечисленных условий с непременным требованием: реформаторий должен был обеспечить «перемалывание» преступника в честного человека. Именно здесь произошло обращение к категории раскаяния или покаяния как качественной концептуальной основе функционирования новой модели пениitenciария. М. Фуко убежден, что схему реформатория задал Дж. Хэнвей: «изоляция вызывает “страшный шок”, который, защищая заключенного от дурных влияний, помогает ему углубиться в себя и вновь услышать в недрах своего сознания голос добра; работа в одиночестве должна быть не только ученичеством, но и обращением; она должна перестраивать не только игру интересов, присущих homo oeconomicus, но и императивы морального субъекта. Одинокaя камера, техника христианского монашества, сохранившаяся лишь в католических странах, становится в этом протестантском обществе инструментом, с помощью которого можно перестроить одновременно и homo oeconomicus, и ре-

²⁸ Dagge 1772. Vol 1. P. 172-173.

лигиозное сознание. Тюрьма должна образовывать “пространство между двумя мирами”, между преступлением и возвратом к праву и добродетели; место преобразования индивида, которое вернет государству утраченного гражданина»²⁹. Возможно Хэнвей и задал стройную схему, но идею «перестроить религиозное сознание» преступника путем покаяния выдвигали мыслители на десятилетия раньше Хэнвея. В 1699 г. квакер Джон Беллерс пишет эссе «Некоторые доводы в пользу отмены смертной казни», где клеймит «высшую меру» как «пятно на религии» и сравнивает положение преступника в обществе с положением «блудного сына» в семье. «Как если бы родной человек оступился, впадши в преступление, семья сделала бы все возможное, чтобы сохранить ему жизнь, и направить ее таким образом, чтобы он смог измениться к лучшему, так и тюремное заключение может стать возможностью изменения к лучшему и предупреждения совершения дальнейших преступлений. Любой преступник по отношению к обществу – тот же “блудный сын” для семьи»³⁰. Блудному сыну дали шанс, а его раскаяние обеспечило ему возвращение в семью и общество.

Подобное сравнение преступника с «потерянным» и «обретенным» приводит священник местечка Стоктон-он-Тис Джон Брюстер в издании «Проповеди для заключенных. С включением молитв, рекомендованных для узников одиночного заключения» (1790)³¹. Для Брюстера заключенный – «заблудшая овца», ради которой пастор рискнул оставить все стадо, блудный сын из упомянутой притчи. Как отец в притче резюмировал: «о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся», так общество должно явить готовность простить покаявшегося преступника. Богослов обращается к теме совести, сравнивая ее с бесконечной чередой образов, которые проносятся перед глазами осужденного, и как бы велико ни было желание не видеть их снова, они «выплывают из самых отдаленных уголков мира, из недр земли, как свидетельства нашей вины». На это Брюстер отвечает изречением из Книги пророка Иеремии «Может ли человек скрыться в тайное место, где Я не видел бы его? говорит Господь. Не наполняю ли Я небо и землю? говорит Господь» (Иер 23:24). В обращении к арестантам, Брюстер поднимает тему совести и раскаяния: «Я вижу свою миссию в том, чтобы раскрыть перед вами преимущества, которые открываются от ниспосланной уединенности от мира... Я рекомендую вам пересмотреть моменты прошлой жизни и спутников ваших воцелений. Я бы хотел, чтобы вас постоянно кружило в смятении ума и упреках совести. Я хотел бы попросить

²⁹ Фуко 1999. С. 180.

³⁰ Bernstein 1930. P. 275.

³¹ Brewster 1790.

вас проследить каждый момент вашего пути – с какими усилиями и трудностями сопряжено было обладание награбленным, подозрения и зависть со стороны поделщиков, постоянный трепещущий страх попасть в руки правосудия. Стоило ли приносить в жертву сиюминутному удовольствию греха вашу Свободу? Стоило ли ради этого поступиться Честностью, Истиной, Религией? Ради этого вы отрелись от ощущения внутреннего покоя и домашнего счастья, отрелись от жены, которая могла бы успокоить ваши печали, от детей – утешения в старости, от любви к Богу и других благодатей, похоронив себя в одиночестве тюрьмы?»³² В дискурсе данной работы богослов не рассматривает гражданскую власть как карательный механизм, а наоборот, обращаясь к преступникам, отмечает: «законы нашей страны являются инструментами не отмщения, но коррекции». Он разъясняет своей пастве, что наказание, назначенное магистратом, не следует рассматривать «как обиду», ведь, с одной стороны, его цель – огородить общество от зла, а с другой – «остановить ваши успехи во зле» и предотвратить повторное преступление, дать шанс на «исцеление от греха»³³.

Дж. Брюстер, Дж. Хэнвей, Б. Мандевилль, подавляющее большинство реформаторов-квакеров высказывались в пользу одиночного тюремного заключения как средства отправления правосудия, возвращающего преступника к честной жизни. Пребывание в одиночной камере, должно «рассматриваться как промежуточное пространство между двумя мирами (миром земным и Небесным – *авт.*), рассчитанное на подготовку души к другой жизни», – пишет Хэнвей. Он трактует преступность как болезнь души, тем самым «прописав» больному «лечение» в условиях одиночного пребывания в заключении: «И каким бы тошнотворным оно не казалось, должно восприниматься как лекарство, ведь на самом деле его цель и состоит в том, чтобы сохранить и тело, и душу». В своих предложениях по «исправлению морали» Хэнвей вводит понятие рефлексии (самосозерцания) путем «погружения в себя», тогда заключение «вызовет глубокие перемены в сердце... слезы искреннего покаяния»³⁴. С точки зрения христианства, грех является результатом свободного выбора человека, а свободой выбора обусловлено и искушение греха, внутреннее исправление человека. При раскаянии человек должен испытывать искреннее отвращение к своему проступку и, более того, доказать это отвращение всем своим поведением, и *осознанно* прекратить грешить. «Страдание – истинный друг покая-

³² Brewster 1790. P. 27-28.

³³ Там же. P. 25-26.

³⁴ Hanway 1776. P. 34-35, 44.

ния; одиночество создает страдание, которое проистекает от осознания вины; а без него о каком исправлении может идти речь?»³⁵.

«Прогресс человеческой цивилизации и совершенствования нравов отражается в разнообразии и колебаниях циклов преступности»³⁶, и в этом контексте XVIII столетие в Великобритании, безусловно, представляет любопытный феномен. «Никакой другой век не был так глубоко проникнут и с таким энтузиазмом увлечен идеей духовного прогресса, как век Просвещения»³⁷, между тем, судебно-уголовная практика свидетельствовала о катастрофическом падении морально-этических принципов в национальном масштабе, что ставило перед публицистами и мыслителями вопрос о сущности человеческой природы. Определив, что же она собой представляет – «сокровищницу основных знаний и априорных истин» или «непроницаемую путаницу инстинктов», можно найти было эффективное средство противодействия преступности. Вопросы, поднимавшиеся в английской публицистике XVIII в., лежали в области юридической психологии и касались мотивации преступников в совершении противоправных деяний и последующего раскаяния в нем. Только поняв причинно-следственную связь, можно было установить меру искупления, адекватную ущербу, который был нанесен обществу, и в перспективе наметить магистральное направление преобразования уголовно-исполнительной системы. «Существование нравственности ... возможно только в обществе, в котором есть единая (и, желательно, единственная) сетка нравственных силовых линий, незримых координат, по которым могут ориентироваться все.... Для всех исторических обществ испокон веков единой координатной сеткой была религиозная традиция»³⁸. Закономерно, что взгляды английских публицистов на проблемы, касающиеся психологии преступников, не просто отмечены влиянием религиозного мировоззрения, но именно религия является тем контрапунктом, в котором циркулировали идейные направления реформирования уголовно-исполнительной системы.

Жесткость позиции большинства авторов XVIII в. по отношению к преступникам объяснялась тем, что в рамках религиозного мировоззрения (догматики), они являлись отступниками, посягающими на раз и навсегда установленный социальный порядок и преобразующими реальность методами, недопустимыми с точки зрения божественного законодательства, воплощенного в земном правосудии. Самый показательный пример восстаний против божественного мироустройства, который приводит Библия – падение Сатаны и низвержение его в земной

³⁵ Hanway 1776. P. 42.

³⁶ Hints for a History of Highwaymen... P. 286.

³⁷ Кассиреп 2004. С. 18.

³⁸ Воронель 2013. С. 143-144.

мир, где он начинает борьбу за души людей. Закоренелый преступник, одержимый грехом гордыни, чувствует себя неуязвимым победителем и совершает насилие, убийства и грабежи, бросая тем самым вызов своему Создателю и государству. Поведение преступника регулируется аффектами надежды и страха, а сам он является рабом собственных желаний и страстей, которые овладевают им все сильнее по мере ослабления религиозного чувства. При этом мыслители четко понимали, что опасность преступных элементов возрастает многократно не только из-за привлекательности порока. Здесь вступает в силу то обстоятельство, что при наличии в любом обществе неравного распределения материальных благ, острых социально-классовых конфликтов, в глазах обывателей попытка изменить баланс любыми, пусть даже нелегитимными способами, не просто воспринимается положительно, но оправдывается и даже окружается героическим ореолом. Не случайно Эдмунд Берк назвал XVIII столетие «веком разбойников», о громкой «славе» которого ностальгически вздыхал «прозаический и скучный» XIX век³⁹.

Признавая греховность человеческой природы, не все мыслители были сторонниками применения репрессивных мер в отношении лиц, преступивших закон. В общественном дискурсе появляется и набирает влияние идея о том, что общество по мере своего развития стимулирует в человеке присущие ему априори порочные потребности, создает условия и предоставляет средства для их удовлетворения, а потому несет такую же ответственность за преступление как и лицо, его совершившее. Поэтому логичным и соответствующим духу христианского милосердия будет создание системы наказания, главной целью которой станет исправление преступника и возвращение в общество честного гражданина. Инструментом, посредством которого осуществляется исправление, является религия, как априорный источник духовной жизни человека. Эта точка зрения вполне коррелирует с духом Просвещения, в рамках которого «религия теперь и впредь больше не сводится только к переживаниям и страстям; центр, из которого она должна проистекать и обретать свое сущностное определение и назначение, – это *поступок*. Человек должен быть не только захвачен и подавлен религией как какой-то чуждой силой, но сам, изнутри своей свободы должен выражать и воплощать смысл религии»⁴⁰. Таким *поступком* для преступника должно стать раскаяние, проистекающее из свободы выбора. Следовательно, система наказания должна быть сконструирована таким образом, чтобы раскаяние осуществлялось на всех уровнях: интеллектуальном, эмоциональном, волевом и в сфере действия. Структура личности преступника должна быть радикально преобразована так, чтобы жела-

³⁹ Hints for a History of Highwaymen... P. 279.

⁴⁰ Кассирер 2004. С. 185-186.

ния и наклонности, которые влекли его к греховной жизни, исчезли, равно как вероятность возврата к порочному образу жизни. В таком ключе будут выдержаны преобразования английского правосудия конца XVIII – начала XIX в., задавшие вектор для европейских и американских реформаторов XIX столетия.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Кассирер Э. Философия Просвещения. М., РОССПЭН, 2004. 400 с. [Kassirer E. *Filosofiya Prosveshcheniya*. M., ROSSPEN, 2004. 400 s.]
- Воронель А. Нулевая заповедь. Харьков: Права людини, 2013. 412 с. [Voronel' A. *Nuleva ya zapoved'*. Har'kov: Prava lyudini, 2013. 412 s.]
- Тревелъян Дж. М. Социальная история Англии от Чосера до королевы виктории. Смоленск: Русич, 2002. 624 с. [Trevel'yan Dzh. M. *Social'naya istoriya Anglii ot Chosera do korolevy viktorii*. Smolensk: Rusich, 2002. 624 s.]
- Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с. [Fuko M. *Nadzirat' i nakazyvat'*. Rozhdenie tyur'my. M.: Ad Marginem, 1999. 480 s.]
- Эрлихсон И.М., Васильева С.А. К вопросу об отношении общества к преступности (по материалам английской публицистики первой трети XVIII в.) // Вестник Рязанского государственного ун-та. 2016(a). № 3 (52). С. 48-58. [Erlihson I.M., Vasil'eva S.A. K voprosu ob otnoshenii obshchestva k prestupnosti (po materialam anglijskoj publicistikki pervoj tret'i XVIII v.) // *Vestnik Ryzanskogo gosudarstvennogo un-ta*. 2016(a). № 3 (52). S. 48-58]
- Эрлихсон И.М., Васильева С.А. Б. Мандевилль о реформировании уголовно-исполнительной системы (по материалам трактата «исследование о причинах частых казней в Тайберне», 1725) // Политическая жизнь Западной Европы: античность, средние века, новое и новейшее время / Отв. ред. А.Р. Панов. 2016. № 3 (52). С. 91-96 [Erlihson I.M., Vasil'eva S.A. B. Mandevil' o reformirovanii ugovovno-ispolnitel'noj sistemy (po materialam traktata «issledovanie o prichinah chastyh kaznej v Tajberne», 1725) // *Politicheskaya zhizn' Zapadnoj Evropy: antichnost', srednie veka, novoe i novejshee vremya* / Отв. ред. А.Р. Панов. 2016(б). S. 91-96]
- Atherton R. *Summons to serve: the Christian call to prison ministry*. L.: G. Chapman, 1988. 150 p.
- Bernstein Ed. *Cromwell and Communism, Socialism and Democracy in the Great English Revolution*. L.: George Allen & Unwin, 1930.
- Brewster J. *Sermons for prisoners. To which are added prayers for the use of prisoners in solitary confinement*. Stockton: R. Christopher, 1790. 212 p.
- Gatrell V.A.C. *The Hanging Tree: Execution and the English People 1770–1868*. Oxford. 1994. 634 p.
- Dagge H. *Considerations on criminal law*. L., 1772. Vol. 1. 434 p.
- Hanway J. *Solitude in imprisonment. With Proper Profitable Labour and a Spare Diet, the Most Humane and Effectual Means of Bringing Malefactors, who Have Forfeited Their Lives, Or are Subject to Transportation, to a Right Sense of Their Condition; with Proposals for Salutary Prevention*. L., 1776. 160 p.
- Hints for a History of Highwaymen*// Fraser's magazine for town and country. Vol. IX: January to June / by James Fraser. L., 1834. Pp. 279-287.
- James J.T.L. *A Living Tradition: Penitentiary Chaplaincy*. Chaplaincy Division Correctional Service of Canada, 1990. 220 p.
- Madan M. *Thoughts on executive justice with respect to our criminal laws, particularly on the circuits*. L.: Printed for J. Dodsley in Pall-Mall, 1784. 170 p.
- Maestro M. *Cesare Beccaria and the Origins of Penal Reforms*. Philadelphia: Temple University Press, 1973. 191 p.
- Mandeville B. *An Enquiry into the Causes of the Frequent Executions at Tyburn (1725)* // Free ebooks by Project Gutenberg: <http://www.gutenberg.org/files/37650/37650.txt>
- Marshall A. Daniel Defoe as Satirist. *Huntington Library Quarterly*. 2007. Vol. 70. No. 7. P. 553–576.

Moreton A. (D. Defoe) *Second Thoughts are Best: Or a Further Improvement of a Late Scheme to Prevent Street Robberies.* L., 1729. 20 p.

Rock P. *Law, Order and Power in Late Seventeenth and Early Eighteenth Century England // Social Control and the State: Historical and Comparative Essay / ed. S Cohen, A Scull, L.: Basil Blackwell 1983. Pp. 191-221.*

The Newgate Calendar. *Comprising Interesting Memoirs of the Most Notorious Characters who Have Been Convicted of Outrages on the Laws of England Since the Commencement of the Eighteenth Century; with Occasional Anecdotes and Observations, Speeches, Confessions, and Last Exclamations of Sufferers / by A. Knapp, W. Baldwin. Vol. 1. L., 1824. 516 p.*

The Newgate calendar: or, Malefactor's bloody register: containing genuine and circumstantial narratives of the lives and transactions, various exploits and dying speeches of the most notorious criminals of both sexes, who suffered death, and other punishments in Great Britain and Ireland from the year 1700, to the present time / by A. Knapp. L., 1770. 422 p.

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина; i.erlihson@rsu.edu.ru

Васильева Светлана Анатольевна, кандидат исторических наук, доцент, заместитель начальника кафедры философии и истории Академии ФСИН России; vasi-svetlana@yandex.ru

«A mill for grinding rogues honest» (repentance as the key notion of English criminal justice transformation in the 18th century)

The authors of the article study the intellectual origins of English penitentiary reforms by means of analyzing eighteenth-century British social thought and considering the social and cultural background of Great Britain of the period. The increasing crime rate, which plagued eighteenth-century England, was often referred to by the country's social thinkers and gave rise to an abundance of secular and religious works whose authors mused on the problem seeking remedial measures. The present article reveals eighteenth-century English political writers' views on criminal offenders' personal characteristics and their impelling motives, as well as on ways and means of imposing penalties. The authors of the article underline that the majority of penitentiary initiatives were instigated by religious considerations and the promoters of penitentiary reforms were often driven by Christian rhetoric. The proposed schemes later served as the basis for the first penitentiaries. The authors maintain that due to eighteenth-century political writers' attention to repentance in criminals and its reformatory potential, the old paradigm of criminal justice, which focused on vindictive punitive measures, underwent certain changes. The authors underline that the majority of eighteenth-century political writers strongly doubted the feasibility of repentance and relied on English criminal practice to prove the improbability of criminal offenders' rehabilitation. However, the impassioned debate on the subject, which lasted for almost a century, was resolved by accepting the possibility of offenders' repentance and reformation, which would be feasible provided that a correctional system aimed at reforming criminals into functioning members of society was created.

Keywords: Great Britain, criminal justice system, crime, religion, repentance, penance, penitentiary reforms

Irina Эрлихсон, Dr. Sc. (History), Professor, Department of World History and International Relations, Ryazan State University by S.A. Yesenin; i.erlihson@rsu.edu.ru

Svetlana Vassilyeva, Ph. D. in History, Assistant Professor, Department of Philosophy and History, Academy of the Federal Penitentiary Service; vasi-svetlana@yandex.ru

С. И. Посохов

ТРАДИЦИИ ПРОПОВЕДИ В АКТОВЫХ РЕЧАХ ПРОФЕССОРОВ УНИВЕРСИТЕТОВ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII – ПЕРВАЯ ТРЕТЬ XIX ВЕКА)¹

Автор рассматривает проповедь как основу, на которой в последующем происходило конструирование других текстов культуры. В данном случае цель исследования – изучение влияния традиций проповеди на речи профессоров на торжественных актах в университетах Российской империи второй половины XVIII – первой трети XIX в. Сравнение осуществляется по таким параметрам как целевая аудитория, структура, тематика, риторика, аргументация, авторитетный топос. Констатируется значительное влияние традиций проповеди на актовые университетские речи. Однако в целом можно утверждать, что в актовых речах профессоров устоявшиеся традиции соединились с риторическими и идейными новациями.

Ключевые слова: традиции проповеди, актовые речи, университеты, культурное наследование, риторика

Актовые речи профессоров университетов относительно недавно стали привлекать внимание исследователей. Долгое время они виделись «стереотипными», их не без оснований называли «панегириками», в которых «единогласно славились правление и все мудрые учреждения монарха»². Попробуем рассмотреть эти речи в другом ракурсе³.

Задача состоит в том, чтобы сравнить актовые речи и проповеди, проследить процесс рецепции традиций проповеди, а значит, выявить культурные основы такого нового для России явления как актовые речи профессоров. Сегодня исследования С.С. Аверинцева, В.М. Живова, Ю.В. Кагарлицкого, Е.И. Кисловой позволяют понять такое сложное явление как проповедь XVIII в. [Аверинцев 1996; Живов 1996; Кагарлицкий 1999; 2000; 2000(а); Kislova 2014]. Работы Ю.В. Кагарлицкого

¹ В основу статьи положен доклад на конференции «Проповеди в религиозной и культурной политике и практике России и Европы, XVIII – начало XIX в.» (Германский исторический институт в Москве, 26–27 августа 2016 г.).

² Как отметил еще С.П. Шевырев, «некоторые замечательные речи посвящены исключительно этой цели» [Шевырев 1998: 242].

³ Изучены речи московских, казанских и харьковских ораторов со второй половины XVIII в. до 1820-х гг., но для сравнения использовались и речи середины XIX в. Общую характеристику актовых речей см.: Посохов 2008; 2011; 2015. Актовые речи в университетах – не первые образцы светской ораторской прозы. Им предшествовали светский панегирик и академические речи во время проведения «публичных ассамблей» в Академии наук. Как отметил А.А. Костин, «В торжественных речах Академии наук проявилась впервые на русском языке и та структура научной речи (обусловленная многовековой европейской риторической традицией), которая была воспринята в Московском университете» [Костин 2010: 421].

позволили осуществить компаративный анализ церковных и светских текстов. В монографии Е.М. Матвеева [Матвеев 2009] сопоставлены церковные проповеди и светская ораторская проза преимущественно елизаветинского периода, но ряд выводов и наблюдений автора приложимы и к более позднему времени. В некотором смысле проповедь можно рассматривать как вместилище протодискурсов, как основу, на которой происходило конструирование многих других текстов культуры. С.С. Аверинцев в своей книге «Риторика и истоки европейской литературной традиции» упомянул эпиграмму французского поэта П.Д. Экушара-Лебрена (1729–1807), где речь идет о том, что Век Просвещения «побуждает проповедовать всюду, только не в церкви» [Аверинцев 1996: 332]. Это до известной степени приложимо и к России.

Актовые речи и проповеди: черты сходства

Говоря о влиянии традиций проповеди на актовые речи, мы исходим из того, что разрывов в культуре не бывает. Учитывая определенное хронологическое совпадение и тесную взаимосвязь светского и духовного в то время, найти “проповедничество” в речах не так сложно. Сложнее доказать факт влияния, интерпретировать сходства и различия, проследить эволюцию формы и содержания.

Устные выступления. Близость актовых речей к проповедям можно усмотреть уже в том, что и те, и другие являют собой устные выступления перед слушателями. Об этом свидетельствуют обращения: «Достопочтеннейшие Посетители!», «Почтеннейшие слушатели!», «Высокоименитое собрание!» и т.п. Конечно, можно встретить и обращения, направленные к широкому читателю («Блаженные Россы!»), но чаще встречаем непосредственное обращение к публике («Собравшись ныне в сие святилище наук, Почтенные Посетители...»). Порой используются риторические приемы, подразумевающие более тесный контакт с аудиторией («Возможно меня наградят пренебрежительной усмешкой...») или «Но и где ж – скажите!», «позвольте мне...»). Нередко выражается надежда на одобрение публики: «Я не тщетно надеюсь, ожидая от вас, Почтеннейшие Слушатели, благосклонного внимания, хотя способность моя должна быть гораздо больше, и красноречие сильнее, чтоб удовлетворять столь просвещенное собрание» [Рейхель 1762: 3]; «Итак удостойте же и меня Государи мои! ныне своего внимания, своей благосклонности» [Белен-де-Баллю: 54]. Заметен акцент на присутствии других профессоров: «Признаем в сем событии, Почтенные Сочлены, несомнительное предназначение долга и обязанностей наших...»; «Почтенные посетители! Под вашим надзором я воспитывался и учился; вижу здесь многих, некогда одобрявших мои, незрелого юноши, успехи в науках...» [Перевошиков 1814: 4]; «дражайшие мои сотрудники на неозримом поприще просвещения» [Стойкович 1811: 4]; «любезные мои товарищи» [Лобачевский 1987: 172]. Да, это не традиционное для про-

поведи «братья и сестры», но все же... Вообще, и в современных университетах в подобных выступлениях (и даже в некоторых лекциях) можно обнаружить своего рода «проповедничество» (по С.С. Аверинцеву, «совещательный» род красноречия, т.е., когда говорящий «увещает» слушающих) [Аверинцев 1996: 411 (прим. XIII, 3)]. Созвучие проповедей и речей можно усмотреть уже в том, как они озаглавлены. Название многих актов речей, особенно в XVIII в., начинается как «Слово...». В гомилетике «слово» – проповедь особого типа, причем определяющим критерием выделения этого жанра является не тема, а именно совершенство формы церковной проповеди [Матвеев 2009: 19 прим.].

Ритуальная форма. Оценивая органичность связи проповеди и актовой речи, важно понимать, что в анализируемый период религиозное и светское в университетах было в ином соотношении нежели в более позднее время. Университет как таковой был уподоблен храму. В актовых речах мы постоянно встречаем такие словосочетания: «храм наук», «святилище Наук», «Храм просвещения», «почтенное сие наук святилище», «храм истины святых», «Монаршей милостию ущедренный наук храм», «вертоград боговдохновенного Его насаждения». В некоторых речах университет характеризуется теми словами, которыми традиционно оперировали при описании храма, например: «В сем самом храме, навсегда отверстом Священною Десницею, указавшею быти в нем востоку благодетельного света на юге вселенныя владычества своего, здесь подобает совершать чистую жертву в умиленном преклонении сердец, благодарностию дышущих <...>, здесь беспримерным Твоими благодеяниями упоенные, созидаем в сердцах наших олтарь славы и величия Твоего...» [Шумлянский 1808: 4]. И позже, в середине XIX в., во время празднования 100-летия Московского университета С.П. Шевырёв фиксирует связь «храма Божия» и «храма наук»: «С самого зародыша, благословение Божие опочило на этом народном рассаднике всемирного учения. Первым попечением Шувалова и Мелиссино, храм Божий стал у нас твердо возле храма наук, ему опорой и освящением» [Шевырев 1855: 34]. Иногда (чаще в речах иностранцев) делался акцент на метафоричности слова «храм». Например, это выражено в таких высказываниях: «сей Музам посвященный Храм»; «сие посвященное Музам жилище»; «в сем обиталище Муз», «Се отверст храм Минервы...»⁴.

Соответственно пониманию университета как «храма наук» сделан акцент на подходящих этому месту практиках и благочестии как таковом: «Ученые убо должны вести жизнь свою так, чтоб она во всем соответствовала их учению, чтобы во всех их поступках предводитель-

⁴ Такие метафоры не были новыми. Так, студенты Харьковского коллегіума встречали Екатерину II латинскими речами, в которых о коллегіуме говорилось как о «храме наук», «соборе Парнасских муз» [Лубяновский 1872: 101–102].

ствуемы они были истинною добродетелью, страхом Божиим, непорочною и чистою совестью, и благоразумною во всем осмотрительностью» [Чеботарев 1779: 25]. Упоминания о профессорах как «жрецах святилища наук», «наставниках» и «пастырях», а также о «причащении наукой» в первой половине XIX в. станут весьма распространенными [Рославский-Петровский 1855: 4; Неслуховский 2008: 213]. Это засвидетельствовано в речах: «И сословию ученых <...> предлежит преличное в обществе служение» [Эрдман 1815: 4]. И это “служение” как сами профессора, так и окружающие связывали не только с государственной службой, но понимали как священнодействие, подобное тому, которое совершали служители церкви. Профессор Х. Роммель так подал это в своей речи «О преимуществе и силе истинного и совершенного просвещения»: «О преславный и божественный свет истины! о когда бы ученые никогда не забывали, что обязанность их есть питать и хранить тебя! [...] Твоими священнослужителями и вещателями и мы быть долженствуем» [Роммель 1811: 57–58]. Сын харьковского профессора Г.П. Успенского, основываясь на семейном опыте и своих детских впечатлениях, так охарактеризовал этот вид деятельности: «Я смело сравню всякого ученого мужа со священником, стоящим перед жертвенником в часы молитвенных отправлений, и спрошу: что можно сказать о его характере? Так и служитель науки перед своим жертвенником является существом духовным, как бы бестелесным» [цит. по: Багалея 2004: 786].

Религиозные ритуалы были частью университетской повседневности, именно для этого при чебных заведениях возникли домовые церкви. И сами торжественные акты начинались «благодарственным молебствием», а заканчивались не только гимном «Боже, Царя храни», но и пением «Тебе Бога хвалим». В торжественный день 5 ноября в Казанском университете выносили «ковчег из цельного красного дерева» с утвердительной грамотой и уставом [Булич 1904: 364, 367]. Торжественные университетские акты гармонично синтезировали православные обряды со светскими ритуалами, напоминавшими придворные церемониалы, они приобретали вес ритуальной формы, служили способом сакрализации ценностей новой российской культуры [Сиповская 2000: 36].

Результат диалога субкультур. Духовенство активно участвовало в процессе становления университетов и университетских традиций в Западной Европе и в России⁵. Характерны слова о «пользе наук» Слободско-Украинского епископа Христофора Сулимы и ректора Харьковского коллегиума соборного протоиерея, известного проповедника Андрея Прокоповича при открытии Харьковского университета. Епископ

⁵ При этом следует учесть принципиальное отличие: в университетах Российской империи не было теологических факультетов (за исключением Дерптского университета), а духовенство получало образование в семинариях и духовных академиях.

сказал: «устроается в граде сем новый храм – храм Богом избранный и Монархом утвержденный... Нет важнее и основательнее истины той, что науки, сей священный дар небес, человеку во всех состояниях полезны и необходимо нужны» [цит. по: Багалея 2004: 213–214]. Воспринималась эта речь как проповедь, а она и была проповедью, ведь произносилась после совершения им божественной литургии в Успенском соборе, куда пришла торжественная процессия с Утвердительною грамотой, а затем были освящены здания университета, и уже в здании университета произнесена речь протоиереем Андреем Прокоповичем.

Даже говоря о сферах деятельности выпускников университета ораторы упоминали церковь. П.А. Сохацкий, который сам был сыном священника и воспитанником Киевской академии, отмечал, что Московский университет может «похвалиться» тем, что из него вышли «Достойные Первосвященники и Пастыри Церкви, высокие Министры, проницательные Политики, мудрые Градоправители, правотворные судии, знающие письмоводцы, искусные врачи, даже отличные военнослужащие...» [Сохацкий 1805: 24]. Многие профессора были воспитанниками духовных семинарий, либо их отцы были священниками. Так, воспитанниками Харьковского коллегиума были два ректора Харьковского университета (В.Я. Джунковский и А.Ф. Павловский), попечитель Харьковского учебного округа Е.В. Карнеев, немало профессоров и преподавателей. Аналогичный личный опыт был и у профессоров-иностранцев: например, у монаха Иоганна Шада или известного богослова Людвиг Якоба (его труды «О бессмертии души» и «Сущность Бога» были удостоены высших наград Лейденского и Гаарлемского научных обществ). В период подготовки к открытию Харьковского университета первый попечитель С.О. Потоцкий предлагал даже открыть в нем специальное богословское отделение. Эта идея не была поддержана, но в первой половине XIX в. богословие занимало около 15% учебного времени в общем объеме дисциплин. Профессора богословия не только присутствовали на торжественных собраниях в университете, но и сами выступали с речами, выдержанными в традициях проповеди, как речь профессора богословия и церковной истории Московского университета архимандрита Московского Богоявленского монастыря Иннокентия (Платонова) [Иннокентий 1825]. Профессора богословия в своей преподавательской деятельности делали специальный акцент на красноречии и даже готовили соответствующие учебные материалы [см.: Могилевский 1824].

Чтобы понять, как традиции проповеди могли проникать в университетскую среду, нужно учесть и личное общение профессоров и священнослужителей. Д.И. Багалея писал об активном взаимодействии приехавших в Харьков профессоров с местным духовенством: «Самую видную роль в городе играла наименее многочисленная, но наиболее образованная группа населения – чиновники, дворяне и духовенство.

Профессора вновь основанного университета, естественно, примкнули к последней и заметно усилили собой ряды местной интеллигенции», а епископ Христофор Сулима охотно принимал у себя профессоров, причем не только русских, но и иностранцев [Багалей 2004: 897, 900]. Слово “естественно” использовано не случайно. Багалей указывал, что профессоров и местное духовенство сближали общие педагогические и научно-литературные интересы. Заметим, что духовенство являло собой не только группу интеллектуалов, имевшую определенную общность целей с университетскими профессорами, но и людей, способных понимать (не только в переносном, но и прямом смысле) прибывших в город профессоров. Р.М. Цебриков вспоминал о том, что во время визита к архиерею он застал там профессора Шада, «который говорил с ним [архиереем. – С.П.] по-латыни весьма чисто, плавно и скоро» [Цебриков 2013: 126]. На латыни обратился к Х. Роммелью во время венчания даже сельский протопоп [Роммель 2001: 138]. В воспоминаниях Роммель отметил «толерантность» местного духовенства [там же: 117].

Университетские профессора, особенно профессора словесности, обращали специальное внимание на традиции проповеди. Об этом свидетельствуют, в частности, речи профессоров Казанского университета Г. Городчанинова «Рассуждение о превосходстве Библейского и Св. Отцев красноречия над витийством древних языческих писателей» (1820) и Г. Суворцева «О духе христианского проповеднического красноречия, сравнительно с древним языческим» (1825).

Ораторы и публика. Как отметил Ю.В. Кагарлицкий, в XVIII в. проповедь произносилась высокоученым духовным лицом перед знатной публикой и урбанизированным служилым населением [Кагарлицкий 2000: 247]. Нечто подобное мы имеем в случае с актовыми речами. Как правило, их произносили авторитетные университетские профессора по поручению начальства. В одной из речей об этом прямо говорится: «Имея *препоручение* [курсив мой. – С.П.] занять вас, Милостивые Государи, на несколько минут, при нынешнем торжестве тезоименитства лучшего из Монархов...» [Делавинь 1818: 41]. Некоторые профессора выступали многократно: из названных С.П. Шевыревым более 90 речей московских профессоров, озвученных во второй половине XVIII – начале XIX в., С.Г. Зыбелин выступал девять раз, Д.С. Аничков и С.Е. Десницкий по шесть, И. Рост и И. Шаден – по пять раз, что, возможно, свидетельствует о популярности этих докладчиков, но кто-то из них мог сам проявлять инициативу. Выступали они перед представителями местной элиты и “просвещенных слоев”, о чем свидетельствуют обращения: «Почтеннейшие Сограждане!», «самые замечательные слушатели из всех сословий», «великодушное казанское дворянство», «осмеливаюсь я предложить здесь слово мое среди собрания градоначальников и граждан всякого звания» и т.п. Даже, когда речь шла о присутствующем

щих студентах, ораторы не забывали отметить их «благородство»: «Ныне к вам обращаюсь, благородные Российские юноши!»; «Благородные юноши! любовью к наукам в сие святилище оных приведенные!».

Структура. Можно сказать, что структура речей подобна структуре проповедей. Обращает на себя внимание наличие длинного вступления, которое часто не имеет ничего общего с темой речи, а скорее призвано подчеркнуть торжественность момента: «С достолюбезным благоговением празднуя всерадостнейший день сей, Тезоименитства Всемилостивейшего Нашего Государя Императора <...> Какою неопи-санною радостию восхищаются ныне мужественные защитники святыя веры, церкви, чести и славы Монарха Своего...» [Успенский 1809: 33]. Примечательны и концовки речей, например: «...и во всех действиях ваших да будет вам руководством сия священная истина: *начало премудрости страх Господень*»⁶ [Джунковский 1819: 40]. Часто в конце текста высказаны пожелания здоровья царствующей особе и представителям царствующего дома, вплоть до супруги наследника престола, как, в речи Дмитрия Аничкова: «Прославим убо в душах наших и телесах наших толико благодеющего нам Создателя...»; «Молим також Тебя, всеблагий Боже! Сохрани во всецелом здравии и Наследника Ея..., купно с дражайшею Его Супругою, Благоверною...» [Аничков 1783: 25].

Такая структура характеризовала уже первую речь, посвященную собственно научной проблеме, прозвучавшую в публичном собрании Академии наук (речь Семена Крашенинникова «О пользе наук и художеств», 1750 г.). А.А. Костин назвал ее «трехчастной»: основную часть обрамляли два панегирика императрице, а в конце речи неизменно следовала мольба к Всевышнему о сохранении здоровья императрицы и наследников, причем «зачастую язык этих коротких молитв приобретает подлинно церковные формы» [Костин 2010: 421, 423]. Далеко не все тексты строятся по такой схеме, она более характерна для речей российских профессоров, чем для профессоров-иностранцев. Но в целом проблема наследования традиций проповеди имеет общеевропейский характер, и это наблюдается как в середине XVIII в., так и в начале XIX в. И. Рейхель в 1762 г. завершил свою речь так: «Сей же промысл Все-вышнего, да хранит надежу Российского государства в священнейшей особе Пресветлейшего ЕЕ Наследника, Государя Цесаревича, Павла Петровича; да подаст Ему премудрое сердце, и душевные совершенства, почитаемые от всего света в премудрой Его Матери!» [Рейхель 1762: 3].

⁶ Курсивом автор выделил слова из Библии (Притч. 1, 7), но источник цитирования не указал. Это вполне соответствует выводу Е.М. Матвеева о том, что в светском панегирике широко используется библейский и богослужебный текст, но, в отличие от церковной проповеди, «скрыто». В проповеди же все цитаты выделены – проповедник, как правило, ссылается на первоисточник, и цитаты оформляются в печатном варианте ораторских произведений курсивом [Матвеев 2009: 131].

Л. Якоб завершил свою речь 1808 г. следующими словами, обращенными к Богу: «А ты, всеблагое Существо, без коего все наши предназначения тщетны, ты, Который обширные меры, равно как и малейшую пылинку с одинаковою премудростию устроил! Тебя ныне молим о покровительстве и помощи во всех наших предназначениях. Сохрани Мудраго САМОДЕРЖЦА Нашего... Излей милость твою на все храмы наук сея Империи и украси Попечителей и наставников их мудростию. Благослови сей град и нас» [Якоб 1808: 86].

Авторитетный топос. Сходным является и т.н. авторитетный топос (топос, задаваемый сакральным текстом, вероучительной доктриной или религиозной практикой [Кагарлицкий 2000: 248]). Вторая половина XVIII в. историками русской проповеди характеризуется как эпоха нравственно-практической проповеди. Морализаторство – лейтмотив большинства актовых речей, и это явление выступает в традиционном для проповеди варианте, хотя и с определенным акцентом на рациональном⁷. Яркий пример – речь Дмитрия Аничкова, в которой он напоминает, что Бог «по образу и подобию» сотворил человека, что «душа действует на тело» и т.д., часто цитирует Библию [Аничков 1783]. Но и позже ораторы рассуждали подобным образом: «Чтобы определить, в чем состоит истинная цель образования человека <...> для сего надобно вспомнить предназначение создания человека. Откровение – сия божественная книга <...>; назначение создания человека было прославление благодати всемогущего Творца и собственное благополучие человека» [Филомафитский 1818: 31]. Кажется, что это типичная проповедь, так мог выступать и священник. Причем связь с богословием отрефлексирована: «...по точному смыслу все безчисленные роды Наук и Искусств не что иное суть, как одно Богословие» [там же: 34]. Соответственно, часто призывы светских и церковных деятелей очень схожи. Так, казанский экстраординарный профессор И.Е. Срезневский говорил: «Посему нет ничего справедливее сего начала: Делай то, что согласно с Божескою волею. Воля сия открыта в писаниях мужей, Духа Божия исполненных; ее проповедует нам святая церковь» [Срезневский 1817: 20].

Для речей, как и для проповедей, характерен призыв к традиционализму: «Заслуги отца или деда как бы насильно убеждают сына или внука подражать добродетелям оных» [Успенский 1809: 42]; «Тако толпы незрелых умов, присвоивая себе имя преобразителей, с небрежением пробегают мимо мужей, опытными сведениями украшенных, почитаемых людьми старого века» [Гимковский 1808: 14]. В том числе и патристические призывы часто выступали в форме традиционализма.

⁷ Такой подход можно встретить и в более ранней светской ораторской прозе (и даже его обоснование М.В. Ломоносовым). Таким образом, можно говорить о довольно глубокой традиции. Об этом см.: [Елеонская 1987].

Риторика. Сравнивая актовые речи и проповеди, безусловно, следует сказать о риторике. Ю.В. Кагарлицкий отметил, что проповедь являет собою такой тип словесного творчества, когда происходит манипуляция авторитетной топикой в интересах текущей ситуации [Кагарлицкий 2000: 248, 254]. Принцип актуализации заметен и в речах. Например, И. Ланг, произнося речь «Об изучении юридических и политических наук» (1810), упомянул о законе 1809 г., в соответствии с которым чиновники обязаны были слушать лекции в университете: «О каком предмете достойнейшем сего места и сего торжественного собрания я говорить могу, если не об изучении тех наук, в коих впредь наставляемы будут гражданские чиновники?» [Ланг 1810: 87]. В ряде случаев ораторы непосредственно посвящали свои речи актуальным событиям. Такова речь профессора И. Шада «О возвращении Европе свободы», в которой автор использовал известные риторические приемы для прославления Александра I, в частности, противопоставил его Наполеону с использованием сакральных архетипов (Силы добра и Силы зла, Свет и Тьма). Наполеон назван «фурией, изшедшей из ада [...], терзавшей Европу», «злодеем, которого престол разрушен, столько был противен всякой вере и особенно Христианской, что по справедливости страшный властитель сей может назваться врагом Спасителя» [Шад 1815: 1, 2]. Не менее ярко охарактеризована победа: «...победа, ныне празднуемая [...] от самых ироических времен, подобной и спасительной для рода человеческого не обретаем»; «...победу сию почесть можно новым искуплением роду человеческому свыше ниспосланным» [там же: 2]. Речь характеризуют эмоциональность и образность: «Благославляю вас, войны, страшные для матерей чадолубивых и для мужей робких, – войны, произведенные за доброе дело, за свободу, за достоинство!». «[Москва] ...падением своим ты вознеслась выше всех градусов земных...»; «Повергаясь на землю и обнимая твои развалины, твой пепел, твою могилу, обожаю их как прах священный; взирая на них вкушаю некое божественное восхищение...» [там же: 25]. Порою речи имеют даже тональность молитвы: «В смирении сердечном должно искать света истины и премудрости; и тогда обильною струею изльется он в души ваши и озарит пути жизни вашей. Тогда потечет она, как светлый ручей среди прекрасных долин и от сладостных прохлад ея сердца ваши исполнятся веселия» [Срезневский 1817: 28].

Тематика. Интересный результат дает анализ тематики актовых речей. Ю.В. Кагарлицкий отметил, что ученая проповедь XVIII в. представляет собой шаблонный, заведомо вторичный, принципиально несамобытный текст [Кагарлицкий 2000: 253]. Большая часть речей также не отличается особой новизной. В них много шаблонного и в структуре, и в содержании. Это прослеживается и в тематике. Значительная часть речей посвящена схожим темам: о связи души и тела, о пользе

«нравственного просвещения» и т.п. Иногда фиксируется прямое созвучие в речах разных ораторов. Например: И. Шад «О возвращении Европе свободы» (1814) и Н. Бекетов «О содействии России благу Европы» (1817); Х. Чеботарев: «...какое обучение лучше: домашнее или публичное?» (1779) и Я. Беллен де Баллю «Общественное или домашнее воспитание преимущественнее» (1807). При всем видимом разнообразии тематики речей, большинство из них так или иначе направлены на проблемы воспитания, нравоучения. Зафиксировать тематический спектр речей сложно, так как они выдержаны в назидательном тоне, и их авторы все время выходят на более общие проблемы, нежели те, которые задекларированы. Собственно, это также характерно для проповеди (особенно «назидательной»). Роль нравоучения неоднократно была отрефлексирована ораторами: «Человек без Нравоучения есть слепец, бродящий во тьме» [Перевошиков 1814: 9]. Причем сами выступавшие понимали, что они не оригинальны, актуализируя такого рода темы: «Воспитание – знаю, что этот предмет не нов уже [...] Но он столь важен, что повторение, частое напоминание о нем никогда кажется неизлишне» [Филомафитский 1818: 31]. Религиозный подход является здесь определяющим. В связи с этим, такие речи в историографии стали характеризоваться как архаические, а применительно к началу 1820-х гг. и как реакционные. Действительно, с момента создания Министерства духовных дел и просвещения во главе с А.Н. Голицыным религиозное (и даже мистическое) начало в университетах усилилось, что отразилось и на актовых речах. Как пример можно привести речь ректора Казанского университета профессора Г. Никольского «Слово о достоинстве и важности воспитания и просвещения, основанных на Вере Христианской» (1821). В ней он, среди прочего, не преминул выступить против «вольномудства»: «...сей дым кладезя бездны и сии надменные волны лжемудрия, от которых все вещи двинулись с мест своих, коснулись и нашего Университета» [Никольский 1821: 31]. Во второй половине XIX в. появилась, а в советское время стала господствующей тенденция видеть в светском прогрессивное начало, а в духовном (церковном) – исключительно реакционное. Очевидно, что долгое время (и многие) на университеты смотрели как на воспитательные учебные заведения. Как результат, «нравственное воздействие» усматривали в усвоении религиозных постулатов.

Панегирический тон. Панегирики стали неотъемлемой частью многих актовых речей (вспомним о панегирическом типе проповедей⁸). К примеру, речь Е. Сырейщикова «О пользе нравоучения при воспитании юношества, произнесенная “на высокотождественный и всерадост-

⁸ Панегирик как жанр светской и церковной ораторской прозы XVIII века подробно проанализирован Е.М. Матвеевым [Матвеев 2009: 21].

ный день восшествия на престол» [Сырейщиков 1783]: панегирик в начале этой речи столь обширен, что утрачивает характер введения. Иногда авторы даже переходили от прозы к поэзии: цитируя чужие стихотворения (Перевошиков 1814) или сопровождая речь своими ораториями (Срезневский 1814). Панегирики встречаются и в речах иностранцев. Так, И. Гут в 1809 г. произнес «Оду Александру» в стихах. Впрочем, в этом случае следует задаться вопросом: монархизм здесь выступает как элемент религиозной доктрины или просветительской идеологии? К этому вопрос мы еще вернемся. Но, поскольку в данном случае говорим о сходстве проповедей и речей, то следует отметить, что типичный для проповедей вариант сакрализации монарха можно обнаружить и в речах. Таким примером может стать заключительная часть речи Матвея Афонина [Афонин 1774: 40]. В речи Ильи Тимковского император Александр I назван “Вседержителем” [Тимковский 1811: 1]. Названия некоторых речей уже сами по себе свидетельствуют об их направленности: речь профессора российского красноречия и поэзии Харьковского университета Ивана Срезневского «Слово о благодарениях Промысла Божия, в Царствование благословенного племени Романова на Россию ниспосланных» [Срезневский 1815]. Его речь завершается «ораторией», где есть такие слова: «Блажен, блажен наш край полночный! Блажен Народ Российских стран! Днесь нами правит Гений мощный; Сей Гений Богом ниспослан» [там же: 34].

Актовые речи и проповеди: отличия. В ходе сопоставления фиксируются не только сходства, но и отличия речей от проповедей.

Письменный текст. Проповедь – это ораторский жанр, предполагающий однократное устное исполнение, хотя этому и предшествует письменный текст. О том, что актовые речи в большей степени письменный текст, который предназначался для печати, свидетельствуют ссылки (их немного, но они есть) и примечания. Тексты могли дорабатываться уже после выступления [см., например, Reith 1812: 63].

Нередко тексты структурированы, в них выделены подзаголовки, отмечены нумерацией отдельные части. При подготовке таких речей на автора, очевидно, влияла и несколько иная мотивация. Так, профессор Эрдман в своей речи после очередного вопроса («Но какая слава ожидает ученого, какая похвала сопровождать его может?») делает такой вывод: «Конечно не рукоплескания презирающей его черни, а одобрение немногих отличнейших особ и память потомства...» [Эрдман 1815: 6]. Сделаем акцент на “памяти потомства”, предполагалось, что речь является авторским текстом, вкладом в дело большой длительности.

Аргументация. В речах профессоров мы встречаем иную аргументацию. Ю.В. Кагарлицкий использовал понятия «ресурсы убедительности» и «аргументативная техника». Да, в речах нередко можно встретить такие аргументы как цифры (статистику), упоминание кон-

кретных исторических фактов, используются политические аргументы, в частности указания на дела предшествующих российских монархов. Нередко слушатели (и читатели) ориентируются ораторами на имеющийся опыт: «Примеры научают лучше, нежели толкования и книги» [Лобачевский 1987: 176]. Внимание постоянно уделяется цивилизационному опыту: «Одни Саксонския княжеския училища половину округа снабдили искусными чиновниками и для всей Германии доставили великое множество знаменитых ученых мужей»; «Где искусства, человеческого жизнь украшающая, наиболее преуспевали? Без сомнения, там, где в продолжительном течении времени царствовала свобода рассуждений и исследований» [Якоб 1808: 69]. Л. Ванноти приводил примеры из медицинской практики: «Сколь ран, почитавшихся прежде за неизлечимые, научила исцелять новая хирургия...»; «По крайней мере вскрытие тел доставило нам несомненные признаки...» [Ванноти 1818: 46]. Уже декларируя свою тему, некоторые ораторы акцентировали внимание на опыте как весомом аргументе: «Позвольте мне высказать свое мнение относительно данного предмета без ораторской напыщенности, но основанное на доводах, рассудках и на опыте» [Nöldechen 1815: 1]. Сами науки виделись как аккумулированный опыт: «науки суть ни что иное как опыт всех людей до нас живших» [Перевощиков 1814: 8]. Порой обращали внимание и на личный опыт собравшихся: «научает нас ежедневный опыт...» [Ванноти 1818: 31].

Новые авторитеты. Если исконную функцию церковной проповеди выполнял комментарий к прочитанному за литургией евангельскому отрывку [Матвеев 2009: 74], то в актовых речах эту роль начинают играть мнения ученых, писателей, исторических деятелей. Часто ораторы непосредственно апеллируют к этим именам: «Вам свидетельствуют в сем случае, Линней, творец естественной Истории; Бель, основатель опытной физики; Невтон, ты, коего ум будучи восхищен благородною отважностью пустился первый в небеса, проник в намерения Всевышняго, и открыл нам непроницаемую доселе тайну сотворения мира...» [Белен-де-Баллю 1807: 58]. Причем они упоминают имена не только «классиков», но и современников. Так, Л. Ванноти приводит мнения современных ему западноевропейских врачей, ссылается на защищенную диссертацию и т.д. [Ванноти 1818: 46–47].

Рационализм. Отличительной чертой многих речей является очевидная приверженность их авторов принципу рационализма. При всей внешней напыщенности речей важно заметить, что некоторые из них громкогласно заявили о разуме как основе познания. Тем самым в сознании людей утверждалась возможность рационального познания истины. Как писал И. Шад, «искание истины и добродетели не только не превыше сил наших, но еще сама природа (вливающим в нас) чувством истины и честного беспрестанно нас к тому поощряет» [Шад 1807: 37],

«в сем расположении следовать внушениям разума состоит все достоинство человека» [там же: 41]. Более того, по его мнению, «искание истины и добродетели никакими не ограждено пределами» [там же: 46]. Такие размышления светских лиц с “высокой трибуны” о человеке и его предназначении, особенно в провинциальной среде поначалу воспринималось как откровение. Заметим, что при этом «размышления» трактовались как «спутник радости», «удовольствие» [Umlauf 1806: 15–16]. Слушателям предлагалось поразмышлять вместе с оратором: «Разсмотрим их без пристрастия, разберем без предубеждения и руководствуясь единственно личными вашими и ваших детей выгодами, разыщем, которым из оных двух способов можно вернее достигнуть цели предполагаемой в воспитании» [Белен-де-Баллю 1807: 55]. Одновременно, слышится отрицание схоластических рассуждений: «Здесь, в это заведение вступивши, юношество не услышит пустых слов без всякой мысли, одних звуков без всякого значения. Здесь учат тому, что на самом деле существует, а не тому, что изобретено одним праздным умом» [Лобачевский 1987: 174]. При этом авторы не считали рационализм основой для безбожия. Наоборот, они декларировали, что именно невежество – это путь к безверию: «Одно познание природы и любознательность могут расторгнуть узы суеверия, в которых пребывают грубые народы. Они одни могут святыя истинны веры освободить от примеси изуверства и довести до источника добродетелей. Одно только полупросвещение вовлекает в безверие и вольнодумство» [Якоб 1808: 69]. Впрочем, для обоснования такого взгляда нередко использовались, по сути, схоластические аргументы: «Как можно усомниться, чтобы Творец вселенной, которого признаем за существо благое, только с последним усилием ума дозволил достигать познания, самого необходимого для благополучия человека» [Лобачевский 1987: 176].

Неогуманизм. Актовые речи в ряде случаев демонстрируют следование принципам неогуманизма. Профессора выступали не только с обоснованием человеческого стремления к истине, но и отдавали дань чувственному, телесному: «...противно природе человека желать и искать только того, что надлежит до души, не имея ни малой связи с тем, что необходимо для чувственного тела» [Шад 1807: 42–43]. Подобным образом высказывались и российские профессора: «сравним нашего камчадала с просвещенным англичанином: кто из них наслаждается большим количеством удовольствий?» [Перевошиков 1814: 7]; «Жить – значит чувствовать, наслаждаться жизнью, чувствовать непрестанно новое, которое бы напоминало, что мы живем» [Лобачевский 1987: 174]. Эти мысли кажутся банальными, но в то время они звучали весьма необычно. Как отметил Л. Яновский, «они не только были новыми, но их еще следовало постоянно повторять, учитывая общую инертность и нежелание образования в обществе» [Яновский 2004: 113].

Монархизм. Монархизм был органично вплетен в систему взглядов человека эпохи Просвещения, а затем и романтизма. В частности, для просветителей «истинный монарх» непременно покровительствует наукам и искусствам. Так рассуждали и авторы актовых речей: «о монархии без наук и художеств и понятия иметь прямого не можно. ...либо токмо отринув любовь к наукам и вольности, то истинно другого средства не остается кроме страха, которым надобно будет общества членов [...] с жестокостью принуждать наподобие скотов. [...] Правосудный государь и мудрый света наук не боится» [Шаден 1771: 18–19]. Подобная мысль звучала и в начале XIX в.: «Науки суть величайшее, единственное средство для Государей, и никто из вас не сомневается, что просвещенный Государь может быть истинным Государем»; «...с помощью Наук вникает в права человечества, в свои права, права своих подданных...» [Цветаев 1805: 41].

Утилитаризм. Многие ораторы стали рассуждать более утилитарно и менее пафосно. В этом виделась как мотивация деятельности ученого: «...причем и польза сограждан служит ему побуждением» [Эрдман 1815: 6], так и задачи наук: «...превосходство наук определять должно по тому, поелику оныя большую или меньшую человеческому роду пользу приносят» [Эразмус 1765: 4]. Утилитаризм стал принципом на основе которого часто происходил выбор выступающим объекта внимания: «Я намерен вам предложить о том, что всего драгоценнее для вас на свете; о том, что занимает всех нежными попечениями, одним словом, о ваших детях» [Белен-де-Баллю 1807: 54]. Другие обращали внимание на то, что «Выгоды жизни, частное богатство каждого гражданина, умножаются в народе соразмерно степени его познаний и пределам его образования» [Якоб 1808: 68]. Даже морализаторство порою выступало как утилитарное предложение воспользоваться определенной методикой [см.: Чеботарев 1779: 18]. Как отметил Д.И. Багалеи, «профессора того времени, особенно первого десятилетия [XIX в. – С.П.], умели выбирать живые, интересные темы, могшие иметь образовательное значение» [Багалеи и др. 1906: 77]. Действительно, такие проблемы, как, например, о влиянии пищи на здоровье человека (с этой темой выступал В. Дрейсиг) или о том, «что такое деньги?» (И. Ланг), «сельское хозяйство и связанные с ним ремесла как основа богатства государства» (К. Нёльдехен)⁹, «о вероятной излечимости почти всех болезней» (Л. Ванноти), не могли не вызвать любопытства у местной публики. Так, после речи профессора А. Стойковича «О причинах, делающих воздух неспособным для дыхания, и о средствах, предохраня-

⁹ В этой «речи» Карл фон Нёльдехен обращал внимание на позитивный опыт Европы, в частности, он отмечал, что «английскую нацию следует признать нашей наставницей» [Nöldechen 1815: 6].

ющих его от совершенной порчи», губернатор И.И. Бахтин заинтересовался практическим решением проблемы для Харькова [Багалея 2004: 632]. Но главное, наверное, в том, что постепенно преодолевалось узкое понимание утилитаризма как блага государства и, одновременно, происходило введение в смысловое поле культуры идеи блага человека¹⁰. Именно так, по мнению Е.Н. Ярковой, утилитаризм стал нравственной основой консервативной модернизации [Яркова 2001: 198].

Ориентация на новые идеи. В речах (а порою даже в одной и той же!) весьма часто сочеталось старое и новое. Примером такой идейной эклектики может служить речь В. Перевощикова: «Что суть науки? На сей вопрос знаменитый Бюффон отвечает: они суть познание природы. Раздробим сие общее предложение: знать природу значит знать людей, знать окружающие нас физические тела, знать Бога»; «Будем же руководствоваться опытом, будем судить о мыслях и делах по их следствиям... но спокойно и с доверенностью предадим себя и человечество Провидению, которое правит его судьбою и ведет к цели Ему одному известной» [Перевощиков 1814: 13]. Соединялись также старые и новые авторитеты: «только просвещенный человек может повторять с Франклином слова Соломоновы: “мудрый носит долголетие в руке своей”» [там же: 6]. И в то же время в речах можно обнаружить осознанное новаторство и даже стремление противостоять господствовавшим взглядам: «Но сколь далеко от совершенства нынешнее воспитание женского пола! И не достигнет онаго, пока не будет и на правилах основанном. Я слышу тысячи голосов вопиющих противу сего мнения...» [Каменский 1812: 22]. Можно встретить и довольно смелые суждения. Например, в речи профессора Л. Якоба: «Никакое мнение не может более противоборствовать возвышению народного благоденствия, как суждение некоторых мрачных умов, что просвещение не целому народу, но только некоторым званиям прилично»; «В канцеляриях производятся одни только раболепные подражатели, но никогда не выходят из них сведущие государственные чиновники» [Якоб 1808: 69, 72].

Достаточно смелые по тем временам мысли можно обнаружить и в речах других ораторов: «...все болезни излечимы и только незнание врачей причиною, если больные умирают» [Ванноти 1818: 52]; «Людям просвещенным возможно все: они сильны изменить самую Природу» [Перевощиков 1814: 6]. В речах было немало и того, что выходило за рамки церковных догматов и традиций. Из-за такого рода вольнодумства против профессора Московского университета Д.С. Аничкова было возбуждено дело в Синоде, и прозвучало требование отстранить его от преподавания. Еще более известным стало «дело Мельманна», который был обвинен в «оскорбительных мыслях против христианской ре-

¹⁰ О такой эволюции утилитаризма пишет Е.Н. Яркова [Яркова 2001: 186].

лигии» и отрешен от должности в 1795 г. Подобная история произошла через двадцать с профессором Харьковского университета И. Шадам. Не поясняя ее суть [см.: Багалея 1889: 49–60; Абашник 2014: 146–155], приведем одну цитату из воспоминаний бывшего харьковского студента, в которой отразилось мнение местного общества: «на Шада указывали пальцами как на [...] распространителя неверия под оболочкой темного философствования» [Розальон-Сошальский 2008: 37]. По «особенным причинам», был уволен в 1819 г. из Казанского университета И.Е. Срезневский. М.Л. Магницкий усмотрел в его взглядах, которые были выражены и в актовой речи «Рассуждение о разных системах нравоучения, сравненных по их началам», отход от христианского учения и увлечение деизмом [Гуревич 1909: 299].

Коммуникация. Проповедничество, по Кагарлицкому, воплощало собой новую для русской культуры модель социальной коммуникации [Кагарлицкий 2000: 245]. Можно ли сказать, что и актовые речи – это новая модель коммуникации? Да, наверное. Хотя, опять-таки, можно говорить и о продолжении традиции. Такие речи предполагали существование достаточно динамичного, урбанизированного общества. Но в то время только начался процесс урбанизации. Даже далеко не все университетские ораторы были настроены на такое динамичное общество. Вот цитата из речи профессора Тимковского: «Обращаются ли к сим предметам мыслящие жители больших городов? Да никогда не забудут они, что там политические истины, кружась вихрем, сообщаясь с быстротою, или сражаясь с пламенною живостию, мешаются важные с бранными, и препятствуют иному всматриваться в подлинное состояние вещей, в ближайшие потребности народа» [Тимковский 1808: 12].

Даже «просвещенная публика» по-разному воспринимала эти речи. И. Шад, оправдываясь, писал о ситуации, возникшей во время его речи «О возвращении Европе свободы» (1814): «В оном собрании... французский профессор осмелился, еще при чтении... речи, открыть тревогу и шум, в слух ругать меня поноснейшими именами, и даже требовать от ректора университета, чтоб стащили меня с кафедры» (РГИА, ф. 733, оп. 49, д. 276а, л. 160об.). Со временем публика привыкла к «речам», стала лучше их понимать и реагировала на них благожелательно. Так, Рейт в послесловии к одной из речей отметил, что после выступления получил «в качестве дружественного послания» некоторые книги [Reith 1812: 63]. Очевидно, на степень понимания влияло то, что далеко не все речи оглашались по-русски. Некий путешественник Г. Рейнбек, в своих записках о России отметил: «...латынь остаётся единственным языком для чтения лекций в российских университетах иностранными профессорами. Потому как ни немецким, ни французским не владеет народ настолько, чтобы иметь необходимый запас знаний для слушания академических лекций» [Reinbeck 1806: 301–302].

Выводы. Влияние традиций проповеди на актовые университетские речи очевидно. Наследие доклассического (церковного) университета не исчезло с появлением университета классического (государственного), оно использовалось и по-новому прочитывалось в иных социокультурных условиях. Свою роль в актуализации этого наследия играло духовенство, которое не стояло в стороне от процесса становления университетов в Российской империи. Соответственно, в речах имеется немало из характерного для проповедей: это и общая направленность, и тематика, и авторитетный топос, и структура, и даже внешний вид опубликованных текстов. Но фиксируются и отличия: в речах можно встретить иные авторитеты (ученые и их труды), иную аргументацию (в большей степени построенную на рационализме, утилитарном подходе, на использовании цивилизационного опыта); несколько иную риторику – пафосность сменяется информационностью. Можно говорить о большей оригинальности речей, о возрастании роли личностного начала в повествовании, об определенной эволюции содержания и формы (более специальные темы, более сухое изложение¹¹). Как заметил В.С. Иконников, постепенно возрастал научный характер актовых речей [Иконников 1876: 542]. Конечно, речи одного периода порою сильно отличаются, а речи российских профессоров отличаются от речей иностранцев, в частности, “дух космополитизма” в речах профессоров-иностранцев контрастирует с призывами патриотического свойства, которые чаще звучат в речах российских профессоров. Фиксируются и “неявные дискуссии” на “местном уровне”.

Однако для массива речей в целом, более характерен синкретизм религиозного и светского, эклектичность взглядов (нередко провиденциализм сочетается с прагматизмом и просветительскими взглядами). В актовых речах профессоров соединились риторические и идейные новации с устоявшимися традициями. Этот материал является ценным источником для изучения проблемы сочетания светского и религиозного в процессах культурного наследования, а также адаптации заимствованных идей и практик в Новое время. Период актовых речей был переходным: речи занимают место между проповедью и публичной лекцией. Закат эпохи актовых речей начнется в конце 1830-х – 1840-е гг., когда получают распространение университетские публичные лекции, построенные на других основаниях [Бурмистрова 2002: 134]. Выступив в роли идейных центров модернизации, университеты Российской империи выполнили также важную задачу соединения культурных традиций и новаций, способствовали преодолению замкнутости социальных групп, становлению более целостного культурного пространства.

¹¹ Речь Б. Рейта «Дух литературной культуры стран Востока и Запада» уже, по сути, научный доклад на историческую тему [Reith 1812: 63].

Источники

- Сокращения:* РГИА – Российский государственный исторический архив (Санкт-Петербург)
ОР РНБ – Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (Санкт-Петербург)
ИР НБУВ – Институт рукопису Национальної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського (Київ)
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
- Аничков Д.С. Слово о разных способах, теснейший союз души с телом изыясняющих: На высокаторжественный и всерадостный день рождения ея императорскаго величества, всепресветлейшия державнейшия великия государыни Екатерины Алексеевны, императрицы и самодержицы всероссийския, премудрыя законодательницы и истинныя матери отечества. М., 1783.
- Афонин М. Слово похвальное всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Екатерине Алексеевне, самодержице всероссийской. В публичном Императорскаго Московскаго университета собрании говоренное, онагож Университета истории натуральной и земледелия экстраординарным профессором Матвеем Афониным апреля 24 дня, 1774 года. [М.], [1774].
- Белен-де-Баллю Я. Общественное или домашнее воспитание преимущественнее // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1807 года. Харьков, 1807, 54–76.
- Ваннотти Л. О вероятной излечимости почти всех болезней // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1818 года. Харьков, 1818, 31–53.
- Джунковский В. Об изящных искусствах у греков и влиянии их на нравственность // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1819 года. Харьков, 1819, 3–40.
- Делавинь Ф. [О ежегодном истощении лесов и о необходимости их восстановления и сохранения] // Речи, произнесенные в торжественном собрании Императорского Харьковского университета, 30 августа 1817 г. Харьков, 1818, 41–65.
- Иннокентий (Платонов). О могуществе веры как во святой церкви вообще, так в верующих порохов во все времена и во всех состояниях. Речь, произнесенная в торжественном собрании имп. Московского университета июля 3го дня 1825 года. М., 1825.
- Каменский И. О физическом воспитании детей, и о влиянии его на умственное и нравственное состояние их // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 17 января 1812 года. Харьков, 1812, 3–25.
- Ланг И. Об изучении Юридических и Политических наук // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1810 года. Харьков, 1810, 85–101.
- Лобачевский Н. Из речи “О важнейших предметах воспитания” // П.А. Лебедев, сост. Антология педагогической мысли России первой половины XIX в. М., 1987, 172–177.
- Лубиновский Ф.П. Воспоминания // Русский архив, 1, 1872, 98–185.
- Могилевский А. Российская риторика основанная на правилах древних и новейших авторов. Харьков, 1824.
- Неслуховский Ф.К. Из моих воспоминаний // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців, 1, Харків, 2008, 208–240.
- Никольский Г. Слово о достоинстве и важности воспитания и просвещения, основанных на Вере Христовой, произнесенное в торжественном собрании Казанскаго университета 17 января 1821 года // Казанский вестник, издаваемый при Императорском Казанском университете, 5, 1821, 21–63; 6, 1821, 65–84.
- Перевощиков В. Речь, говоренная при торжественном открытии имп. Казанскаго университета 5 июля 1814 года. Казань, 1814.
- Рейхель И.Г. Слово, говоренное, по совершении высочайшаго коронования, ея всепресветлейшаго величества, благочестивейшия великия государыни, Екатерины Вторья, императрицы и самодержицы всероссийския, в публичном собрании Императорскаго Московскаго университета октября 3 дня, 1762 года [М.], [1762].
- Розальон-Сошальский А.Г. Мои воспоминания // Харківський університет XIX – початку XX ст. у спогадах його професорів та вихованців, 1. Харків, 2008, 33–39.
- Роммель К.-Д. Спогади про моє життя та мій час. Харків, 2001.

- Роммель Х. О преимуществе и силе истинного просвещения // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1811 года. Харьков, 1811, 48–58.
- Сохацкий П. Торжественное слово на полувековой юбилей имп. Московского университета, празднованный 1805 года июня 30 дня // Торжественные речи в полувековой имп. Московского университета юбилей, говоренные июня 30 дня 1805 года, [М.], 19–28.
- Срезневский И. Рассуждение о разных системах нравоучений сравненных по их началам, говоренное в торжественном собрании имп. Казанского университета. Казань, 1817.
- Срезневский И. Слово о благодарениях Промысла Божия, в Царствование благословенного племени Романова на Россию ниспосланных // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 25 декабря 1814 года в память избавления Отечества от лютого и сильного врага. Харьков, 1815, 3–35.
- Стойкович А. О причинах, делающих воздух неспособным для дыхания, и о средствах, предохраняющих его от совершенной порчи // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1811 года. Харьков, 1811, 3–38.
- Сырейщиков Е. Речь о пользе нравоучения при воспитании юношества: На высокоторжественный и всерадостный день восшествия на престол ея императорского величества, всепресветлейшая, державнейшая, великия государыни Екатерины Алексеевны самодержицы всероссийския... М., [1783].
- Тимковский И. О применении знаний к состоянию и цели Государства // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1808 года. Харьков, 1808, 3–28.
- Тимковский И. О поместях // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 июня 1810 года. Харьков, 1811, 1–65.
- Успенский Г. О том, что каждому народу нужнее знать древнее и нынешнее состояние своего отечества, нежели других Государств // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1809 года. Харьков, 1809, 13–33.
- Филоматский Е. Об истинной цели образования человека посредством Наук и Изящных Искусств // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1818 года. Харьков, 1818, 29–43.
- Цветаев Л. Слово о взаимном влиянии Наук на Законы и Законов на Науки: На день торжественного празднования имп. Московского университета... в публичном онго университета собрании июня 30 дня 1805 г. // Торжественные речи в полувековой имп. Московского университета юбилей, говоренные июня 30 дня 1805 года, [М.], 30–47.
- Цебриков М.Р. Путешествие из Петербурга в Харьков. Харьков, 2013.
- Чеботарев Х. Слово о способах и путях, ведущих к просвещению: На высокоторжественный день рождения ея величества государыни императрицы и самодержицы всероссийския Екатерины Вторяя, премудрая законодательницы и истинная матери Отечества, в публичном собрании Имп. Московскаго университета, апреля 22 дня 1779 года.
- Шад И. О верховной цели человека // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1807 года. Харьков, 1807, 34–47.
- Шад И. О возвращении Европе свободы // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 25 декабря 1814 года в память избавления Отечества от лютого и сильного врага. Харьков, 1815, 1–28.
- Шаден И. Слово о праве обладателя в разсуждении воспитания и просвещения науками и художествами подданных: На день восшествия на всероссийский престол августейшая и самодержавнейшая великия государыни императрицы Екатерины II истинная матери отечества. [М.], 1771.
- Шевырев С. Обзорение столетнего существования Императорского Московского университета: Речь в день его столетнего юбилея в торжественном собрании 12 января 1855 года // ЖМНП, т. 85: 2, отд. 3, 1855, 31–54.
- Шумлянский П. Студент, окончивший курсы наук // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1808 года. Харьков, 1808, 3–11.
- Эразмус И. Слово на высокоторжественный день восшествия на всероссийский императорский престол ея императорского величества, благочествейшая великия государыни императрицы Екатерины II самодержицы всероссийския... говоренное июня 30 дня 1765 года. [М.], [1765].

- Эрдман И. Слово о выгодах, которые доставляет государству упражнение в науках, говоренное по случаю годичного торжества учрежденного в воспоминание открытия имп. Казанского университета июля 5 дня 1815 года. [Казань], [1815].
- Якоб Л. О влиянии университетов на образование и благосостояние народа // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1808 года. Харьков, 1808, 68–86.
- Nöldechen С. “Landwirthschaft und die mit ihr zusammenhängenden Gewerbe, sind die Grundlagen des Staatsreichthums” // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 30 августа 1815 года. Харьков, 1815, 1–11.
- Reinbeck G. Flüchtige Bemerkungen auf eine Reise von St. Petersburg über Moskau, Grodno, Warschau, Breslau nach Deutschland im Jahre 1805, 1. Leipzig, 1806.
- Reith В. Geist der literarischen Cultur des Orients und Occidents // Речи, произнесенные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 17 января 1812 года. Харьков, 1812, 53–63.
- Umlauf L. De arrogantia in literis // Речи, говоренные в торжественном собрании имп. Харьковского университета 17 января 1806 года. Харьков, 1806, 15–22.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абашник В.А. Харьковская университетская философия (1804–1920), 1. Харьков, 2014.
- Аверинцев С.С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М., 1996.
- Багалей Д.И. Удаление профессора Шада из Харьковского университета // Записки Харьковского университета, 1, 1889, 49–60.
- Багалей Д.И. Опыт истории Харьковского университета, 1, // Вибрані твори, 3. Харків, 2004.
- Багалей Д.И., Бузескул Н.Ф., Сумцов Н.Ф. Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805–1905). Харьков, 1906.
- Булич Н. Из первых лет Казанского университета (1805–1819): Рассказы по архивным документам, 1, С-Петербург, 1904.
- Бурмистрова Л.П. Публичные лекции профессоров и преподавателей Казанского университета: XIX в. Казань, 2002.
- Гуревич П. Срезневский Иосиф Евсеевич // А.А. Половцов, ред., Русский биографический словарь, 19: Смеловский – Суворина. С-Петербург, 1909, 298–300.
- Елеонская А.С., Проблематика “слов” М.В. Ломоносова и русская ораторская проза переходного времени // А.С. Курилов, ред., Ломоносов и русская литература. М., 1987, 126–145.
- Живов В.М. Язык и культура в России XVIII века. М., 1996.
- Иконников В.С. Русские университеты в связи с ходом общественного образования // Вестник Европы, 10, 1876, 492–550.
- Кагарлицкий Ю.В. Риторические стратегии в русской проповеди переходного периода, 1700–1775 гг. (дисс. [...] канд. филол. наук). М., 1999.
- Кагарлицкий Ю.В. Проповедь как источник по истории русской словесной и интеллектуальной культуры XVIII в. // А.М. Молдован, В.В. Калугин, ред., Лингвистическое источниковедение и история русского языка. М., 2000, 243–258.
- Кагарлицкий Ю.В. Некоторые аспекты изучения истории культуры переходного типа: русская проповедь XVIII века как источник // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Петрозаводск, 2000 (а), 211–216.
- Костин А.А. Торжественные акты научных собраний XVIII века (Петербургская Академия наук и Московский университет) // П. Бухаркин и др., ред. Оккациональная литература в контексте праздничной культуры России XVIII века. СПб., 2010, 413–424.
- Матвеев Е.М. Русская ораторская проза середины XVIII века (Панегирик в светской и духовной литературе). С-Петербург, 2009.
- Посохов С.И. Актовые речи профессоров-иностранцев Харьковского университета первой четв. XIX в.: трансфер университетской идеи // Вопросы образования, 2008, 3, 264–275.
- Посохов С.И. Механизмы саморепрезентации университета: торжественные акты в университетах Российской империи (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.) // Вісник Чернігівського національного педагогічного університету. Вип. 87: 8, 2011, 15–18.
- Посохов С.И. “Актовые речи” профессоров российских университетов второй половины XVIII – первой трети XIX в. как исторический источник и памятник культуры // Актуальные проблемы источниковедения. Витебск, 2015, 197–200.

- Рославский-Петровский А.П. Об ученой деятельности Императорского Харьковского университета в первое десятилетие его существования // ЖМНП, т. 87: 7, отд. 5, 1855, 1–36.
- Сиповская Н.В. Праздник в русской культуре XVIII века // Е.В. Дуков, сост. Развлекательная культура России XVIII–XIX вв. Очерки истории и теории. СПб., 2000, 28–42.
- Сухомлинов М.И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // ЖМНП, т. 128: 10, отд. 2, 1865, 9–172.
- Шевырев С.П. История Московского университета, написанная к столетнему его юбилею. 1755–1855. Репринтное издание. М., 1998.
- Яновский Л. Харківський університет на початку свого існування (1805–1820). Харьков, 2004.
- Яркова Е.Н. Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. Новосибирск, 2001.
- Kislova E. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // Slověne = Словѣне. International Journal of Slavic Studies, Vol. 3: 2, 2014, 175–193.

REFERENCES

- Abashnik V.A. Har'kovskaya universitetskaya filosofiya (1804–1920), 1. Har'kov, 2014.
- Averincev S.S. Ritorika i istoki evropejskoj literaturnoj tradicii. M., 1996.
- Bagalej D.I. Udalenie professora Shada iz Har'kovskogo universiteta // Zapiski Har'kovskogo kniversiteta, 1, 1889, 49–60.
- Bagalej D.I. Opyt istorii Har'kovskogo universiteta, 1, // Bagalej D.I. Vibrani tvorci, 3. Harkiv, 2004.
- Bagalej D.I., Sumcov N.F., Buzeskul N.F. Kratkij ocherk istorii Har'kovskogo universiteta za pervye sto let ego sushchestvovaniya (1805–1905). Har'kov, 1906.
- Bulich N. Iz pervyh let Kazanskogo universiteta (1805–1819): Rasskazy po arhivnym dokumentam, 1, S-Peterburg, 1904.
- Burmistrova L.P. Publichnye lekicii professorov i prepodavatelej Kazanskogo universiteta: XIX v. Kazan', 2002.
- Gurevich P. Sreznevskij Isosif Evseevich // A.A. Polovcov, red., Russkij biograficheskij slovar', 19: Smelovskij – Suvorina. S-Peterburg, 1909, 298–300.
- Eleonskaya A.S., Problematika “slov” M.V. Lomonosova i russkaya oratorskaya proza perekhodnogo vremeni // A.S. Kurilov, red., Lomonosov i russkaya literatura. M., 1987, 126–145.
- Zhivov V.M. Yazyk i kul'tura v Rossii XVIII veka. M., 1996.
- Ikonnikov V.S. Russkie universitety v svyazi s hodom obshchestvennogo obrazovaniya // Vestnik Evropy, 10, 1876, 492–550.
- Kagarlickij Yu.V. Ritoricheskie strategii v russkoj propovedi perekhodnogo perioda, 1700–1775 gg. (diss. [...] kand. filol. nauk). M., 1999.
- Kagarlickij Yu.V. Propoved' kak istochnik po istorii russkoj slovesnoj i intel-lectual'noj kul'tury XVIII v. // Lingvisticheskoe istochnikovedenie i istoriya russkogo yazyka. M., 2000, 243–258.
- Kagarlickij Yu.V. Nekotorye aspekty izucheniya istorii kul'tury perekhodnogo tipa: russkaya propoved' XVIII veka kak istochnik // Istoriya i filologiya: problemy nauchnoj i obrazovatel'noj integracii na rubezhe tysyacheletij. Petrozavodsk, 2000 (a), 211–216.
- Kostin A.A. Torzhestvennye akty nauchnyh sobranij XVIII veka (Peterburgskaya Aka-demiya nauk i Moskovskij universitet) // P. Buharkin i dr., red. Okkazonal'naya literatura v kontekste prazdnichnoj kul'tury Rossii XVIII veka. SPb., 2010, 413–424.
- Matveev E.M. Russkaya oratorskaya proza serediny XVIII veka (Panegirik v svetskoj i duhovnoj literature). S-Peterburg, 2009.
- Posohov S.I. Aktovyie rechi professorov-inostrancev Har'kovskogo universiteta pervoj chetverti XIX v.: transfer universitetskoj idei // Voprosy obrazovaniya, 2008, 3, 264–275.
- Posohov S.I. Mekhanizmy samoreprezentacii universiteta: torzhestvennye akty v universitetah Rossijskoj imperii (vtoraya polovina XVIII – pervaya polovina XIX v.) // Visnik Chernigivskogo nacional'nogo pedagogichnogo universitetu. Ser. Istorichni nauki, 87: 8, 2011, 15–18.
- Posohov S.I. “Aktovyie rechi” professorov rossijskih universitetov vtoroj poloviny XVIII – pervoj treti XIX v. kak istoricheskiy istochnik i pamyatnik kul'tury // Aktual'nye problemy istochnikovedeniya. Vitebsk, 2015, 197–200.
- Roslavskij-Petrovskij A.P. Ob uchenoj deyatelnosti Imperatorskogo Har'kovskogo universiteta v pervoe desyatiletie ego sushchestvovaniya // ZMNP, t. 87: 7, отд. 5, 1855, 1–36.

Sipovskaya N.V. Prazdnik v russkoj kul'ture XVIII veka // E.V. Dukov, sost. Razvlekatel'naya kul'tura Rossii XVIII–XIX vv. Ocherki istorii i teorii. SPb., 2000, 28–42.

Suhomlinov M.I. Materialy dlya istorii obrazovaniya v Rossii v carstvovanie imperatora Aleksandra I // ZMNP, t. 128: 10, otd. 2, 1865, 9–172.

Shevryev S.P. Istoriya Moskovskogo universiteta, napisannaya k stoletnemu ego yubileju. 1755–1855. Reprintnoe izdanie. M., 1998.

Yanovskij L. Harkivs'kij universitet na pochatku svogo isnuvannya (1805–1820). Har'kov, 2004.

Yarkova E.N. Utilitarizm kak tip kul'tury: konceptual'nye parametry i specifika Rossii. Novosibirsk, 2001.

Kislova E. Sermons and Sermonizing in 18th-Century Russia: At Court and Beyond // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies, Vol. 3: 2, 2014, 175–193.

Посохов Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой историографии, источниковедения и археологии, Харьковский национальный университет им. В.Н. Каразина (Украина); sposokhov@karazin.ua

Preaching traditions in the address speeches of university professors in the Russian Empire (second half of the 18th - the first third of the 19th c.)

The author views sermon as a foundation for other cultural texts. In this case, the study is focused on the influence of the tradition of preaching on professorial addresses delivered at University ceremonial occasions in the late 18th – early 19th cc. the following parameters have been compared: intended audience, structure, topics, rhetoric, arguments, topoi. It has been concluded that sermons influenced university orations considerably. However, it can be argued that in the professorial addresses established traditions co-existed with rhetorical and ideological innovations.

Keywords: preaching traditions, commencement address speeches, universities, cultural inheritance, rhetoric

Sergiy I. Posokhov, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Historiography, Source Studies and Archaeology, V.N. Karazin Kharkiv National University, Ukraine; sposokhov@karazin.ua

Н. Н. АЛЕВРАС

**ПЕРЕОТКРЫВАЯ ФЕНОМЕН И.Н. СРЕДНЕГО-КАМАШЕВА
УЧЕНЫЙ КАК СОЗДАТЕЛЬ ФИЛОСОФСКОЙ ВЕРСИИ
ИСТОРИКО-НАУЧНОГО ЗНАНИЯ¹**

Активный период творческой деятельности малоизвестного и полузабытого ученого-гуманитария И.Н. Среднего-Камашева, окончившего в 1826 г. Московский университет, пришелся на время интенсивного поиска историками смысла истории как науки. Для историографии Средний-Камашев был открыт лишь в конце XIX в. В современной науке интерес к его фигуре поддерживается упоминанием его имени в рядах первых историков исторического знания, отдельными суждениями о его взглядах и, что переизданием основных сочинений. Но специального анализа их содержания, как и авторской концепции, не предпринималось. Осуществляя очередное погружение в историю науки в целях идентификации фигуры ученого как представителя российской историко-научной мысли, автор статьи предлагает толкование его историко-философской версии развития человечества на основе анализа взаимосвязанных между собой основных его произведений: статьи «Взгляд на историю как на науку» и диссертации «О различных мнениях об изящном».

Ключевые слова: история исторического знания, история человечества, Московский университет, диссертация, историко-научное знание, И.Н. Средний-Камашев

Изучение становления истории исторического знания имеет давнюю традицию, однако в этой области сохраняются лакуны, особенно заметные относительно того времени, которое связывают с истоками историко-научных – историографических, философских, теоретико-методологических представлений, фиксирующих потребность формирующегося историко-научного сообщества осмыслить процесс создания исторического знания. Эти «истоки» применительно к российским реалиям развития науки традиционно отыскивают в первых десятилетиях XIX в. – периодом формирования университетской системы и становления профессиональной исторической науки. Процесс обращения к первым историографическим и историко-методологическим опытам нередко сопряжен с проблемой понимания и даже расшифровки идей тех ученых-первопроходцев, кто предложил свои концептуальные версии или методологии в целях изучения истории развития гуманитарной отрасли знания в предшествующее или современное им время.

Фигура И.Н. Среднего-Камашева привлекла мое внимание в процессе анализа активности российских историков на поприще создания диссертационных исследований в первой половине XIX в. Было установлено, что наряду с доминирующей традицией выбора их конкретно-исторической проблематики, для этого периода развития историче-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-03-00264.

ской науки характерно формирование оригинальной тенденции, выражавшей повышенный интерес первых поколений диссертантов к философским и методологическим аспектам исторического знания².

Для определенной категории историков периода становления университетской системы диссертация как научная продукция воспринималась в виде специфического жанра историописания, представлявшего актуальное «место» выражения философско-методологических открытий. Другой стороной отмеченного интереса к методологии и философии истории являлся факт позиционирования многими интеллектуалами себя как ученых-гуманитариев широкого профиля. В частности, А.З. Зиновьев, одним из первых обратившийся в магистерской диссертации³ к описанию хода «критической российской истории» (1827), известен одновременно как знаток русской словесности, тяготевавший к теоретическим аспектам данной сферы знаний. Интересен параллельный Зиновьеву и опыт И.Н. Среднего-Камашева, который в том же году опубликовал в «Вестнике Европы» очерк «Взгляд на историю как на науку»⁴. П.Н. Милюков, как известно, открыв в конце XIX в. этот полузабытый к тому времени труд, интерпретировал его философскую позицию как русский «шеллингизм», появление этой историко-философской версии развития человечества он считал результатом компилятивного заимствования идей И. Гердера, Ф. Шеллинга и их последователей. Но одновременно Милюков подчеркивал, что Средний-Камашев стал первым, кто положил в основу своих рассуждений «сознательное систематическое философствование над теоретическими вопросами истории», дав тем самым начало новому периоду истории русской исторической мысли (у Милюкова – «после Карамзина») ⁵. Нами данный очерк Камашева рассматривается как своеобразный пролог его магистерской диссертации под названием «О различных мнениях об изящном», защищенной в Московском университете в 1829 г.⁶

Исследования, концентрировавшие внимание на проблемах историко-научного знания, создавались в специфическом контексте развития тогдашней гуманитаристики, когда процесс её дисциплинарной диверсификации только зарождался. Ситуацию повышенного интереса

² Отмечен в этой связи фактор влияния лекций приглашаемых в российские университеты немецких профессоров-философов на характер преподавания университетских дисциплин в первые десятилетия XIX в., в т.ч. в Московском и Харьковском университетах. См.: Андреев 2001. С. 163-167; Куценко 2009. С. 129-137.

³ Зиновьев 1827.

⁴ См.: Средний – Камашев 2015. С.91-128.

⁵ См.: Милюков 2006. С. 11-12, 321-324.

⁶ О факте защиты этой диссертации см.: Кричевский 2004. С. 18. Есть мнение, что автор мог находиться под патронажем и влиянием идей М.Т. Каченовского. – См.: Мохначева 1999. С. 257-260.

к историографическим и философско-методологическим аспектам исторического знания можно расценивать как показатель напряженных поисков в 1820–1830-е гг. теоретического обоснования истории как науки. Многие из молодых российских интеллектуалов стремились освоить философское знание, которое воспринималось в качестве методологического ориентира в общем гуманитарном знании⁷. К их кругу следует отнести и Среднего-Камашева. Отметим скудость биографических сведений об этом ученом: нет даже точных данных о годах его жизни⁸. Не выявлены пока официальные документы о его магистерском диспуте, титульный лист диссертации не содержит указания на разряд наук, по которому он ее защищал. Можно лишь предполагать, что его сочинение квалифицировалось по специальности «философия», что было нередкой традицией в 1820–1830-е гг. для определения «разряда наук», к которым принадлежали диссертации гуманитариев.

Средний-Камашев, журналист, литератор, критик⁹ рассматривается и в качестве одного из зачинателей истории исторической науки. Основанием для этого остается указанное сочинение «Взгляд на историю как на науку». М.П. Мохначевой был расширен круг сведений о его работах и откликах на них современников, кроме того, представлено толкование концепции его «Взгляда» с учетом восприятия им идей западноевропейской философии¹⁰. Возобновленный интерес к личности и трудам Среднего-Камашева позволил внести новые акценты в оценку его деятельности и интерпретацию идей. В отличие от версии Милюкова, философско-научоведческая основа его «Взгляда», по мнению М.П. Мохначевой, явилась результатом «самостоятельного», а не «компилятивного» «поиска универсальной классификации отраслевого знания в “республике наук и художеств” и с ее помощью – попытка разработки универсальной истории исторической науки по типу опытов крупнейших мыслителей Просвещения XVIII в.»¹¹.

⁷ Отмеченная ситуация являлась общеевропейской тенденцией. Изучение процессов конструирования европейского знания о прошлом позволило авторам известного исследования по теории исторического знания сделать важные наблюдения. Они подчеркнули, что со времен философских идей Ф. Бэкона и Т. Гоббса, поддержанных философами-просветителями, «историческое знание оказывалось вспомогательным по отношению к “философии”» и сохраняло такой статус до начала XIX в. См.: Савельева, Полетаев 2003. С. 50.

⁸ Имеется историко-генеалогическая информация об елабужском дворянском роде Средних-Камашевых, представителем которого был Николай Иванович, родившийся в 1765 г. в дворянской семье. В сведениях о его детях упомянут Иван, но без обозначения даты рождения. См.: Камашев (Средний-Камашев)...

⁹ См.: Взгляд на историю... С. 91.

¹⁰ См.: Мохначева 1999. С. 257–265.

¹¹ Мохначева 1999. С. 261. К этой точке зрения присоединился К.Б. Умбрашко. – См.: Умбрашко 2006. С. 123–126.

Стремление соотносить «самостоятельность» и «компилятивность» в творческом почерке Среднего-Камашева, как это вытекает из вышеприведенной характеристики, не исключает факта существенного воздействия на концептуальные подходы Камашева идей Просвещения (Ш. Монтескье, И. Гердер) и немецкой философии – в частности Ф. Шеллинга и его последователей. Хотя, как это подчеркивалось еще современниками¹² и продолжает вызывать вопросы и сейчас, Шеллинга он не упоминал в опубликованных работах, но явно следовал смыслу его философской доктрины, что в свое время отметил Миллюков.

Восприятие Камашевым истории человечества как развитие «духа» и «ума», несомненно, возникло под влиянием европейских философских идей на этапе перехода от просветительской философии к романтизму. Но одновременно нельзя не отметить особый склад ума самого Камашева и выработанную им творческую манеру. Молодой ученый был ориентирован на инновационное и самостоятельное толкование философского наследия античности и Западной Европы XVIII – первых десятилетий XIX в. Он брал на себя роль как транслятора, так и интерпретатора мировой историко-философской мысли, включающей и сферу эстетического знания. Во «Взгляде» он сформулировал собственное понимание истории как науки, выработав соответствующие своему замыслу подход и задачи для определения основных эпох в истории человека и человечества. Заметим, что без специального анализа «Взгляда» замысел и идеи его диссертации не будут до конца понятны.

Подчеркнем, что история как «отрасль познания» хотя и воспринималась им как «отдельная наука», но идентифицировалась одновременно и «как часть философии»¹³. Он противопоставлял распространенному в то время «прагматическому» подходу к изучению и преподаванию истории иную позицию, которую можно определить как философско-антропологическую. В контекст своей версии смысла науки истории Камашев включал также методический потенциал психологии, трактуемой им как сфера знаний «о законах воли»¹⁴. В стиле «шеллингизма» он утверждал, что предметную область истории составляют человек, народы, человечество. История для него – не «цепь случайностей», а «органическое целое, полный круг явлений»¹⁵. Подобный ракурс понимания истории как всемирного процесса характерен был для других российских гуманитариев того времени, ориентированных на идеи немецкой философии. Почти в это же время Н.А. Полевой трактовал историческую науку как «практическую проверку философ-

¹² См.: Мохначева 1999. С. 265.

¹³ Средний-Камашев 2015. С. 102.

¹⁴ Там же. С. 95, 94.

¹⁵ Там же. С. 98.

ских понятий о мире и человеке», уподобляя исторический процесс «огромному кругу» всеобщей истории, в котором «вращаются другие бесчисленные круги: история частная, народов, государств, земель, верований, знаний»¹⁶. В русле заявленного подхода актуальную задачу исторического знания Камашев формулировал как постижение «деятельности высшей способности души – ума...»¹⁷. Критерием перехода человечества от «младенческого состояния»¹⁸ к эпохе «юношеского возраста»¹⁹, а потом и «возраста мужества» он считал появление знаний, идей и представлений об их истинности и/или ложности²⁰.

Во «Взгляде» Камашев вводит в свои рассуждения и понятие «изящное», определившее проблематику его будущей магистерской диссертации. Лейтмотив феномена «изящное»²¹ пронизывает всё изложение его «Взгляда». Именно здесь, по нашим наблюдениям – до написания диссертации, он выразил понимание смысла «изящного» и как феномена, и, одновременно, как некоей категории, служившей ему инструментом расшифровки культурно-цивилизационного кода той или иной эпохи. Полагаем, что в русле идей Шеллинга об искусстве как выражении самосознания человека, он подчеркивал особенности восприятия мира людьми периода античного «классицизма». «Изящное», имеющее отношение к сфере искусств, по его мысли позволяло уяснить степень духовного и умственного развития народов в истории человечества. Способность человека выразить собственное представление о себе и культуре, к которой он принадлежал через произведения искусства, являлось важнейшим признаком нового качественного состояния человечества, считал Средний-Камашев. Отмечая, что феномен «изящного» возник в эпоху «юношеского возраста», он подчеркивал, что человек на этом этапе «отделился» от природы, осознавая свое особое место на планете. Возникновение «изящного», по его версии, характеризовало эпоху античности как принципиально новый этап в истории человечества, которое входило в стадию «истории ума», идей, нравственности и «чувственной жизни».

Автор «Взгляда» трактовал «изящное» как феномен сложной природы, который предстал в виде некоего единства («слияния») духовной и вещественной природы. Но «изящное» не было равнозначным для разных эпох. Сравнивая характер искусства эпохи «юношеского

¹⁶ Полевой 1990. С. 158.

¹⁷ Средний-Камашев 2015. С. 102.

¹⁸ Автор имел в виду эпоху древности, когда доминировали созерцательное восприятие природы, «разумный инстинкт» и чувства.

¹⁹ Имелся в виду период античности. Толкуя сущность этой эпохи как первооснову сознательно создаваемой культуры, он обозначает ее как «классицизм».

²⁰ Средний-Камашев 2015. С. 101, 108, 124-125 и др.

²¹ «Изящное» упоминается во «Взгляде» не менее 12 раз.

возраста» (т.е. античности) с искусством эпохи «возраста мужества» («народов новейших»), эффект этого соотношения он расценивал по-разному. В первом случае «изящное» предстало как «стремление духа» к *«успокоению в вещественных формах бытия»*. Во втором – достигнутое соединение двух начал (духовного и вещественного) было нарушено. Кратко излагая своё понимание обновленной сущности «изящного» в эпоху «новейших времен», он полагал, что оно все более «возносилось» в сферу идеального, а потому «ограничилось только *означением* сего идеального как некоторого постороннего начала посредством вещественного» (курсив для обоих терминов применен Средним-Камашевым. – *Н.А.*). Сложные стилистические конструкции автора могут затруднять восприятие всех тонкостей его понимания историко-культурного перехода от античности к современности. Но важно понять, что он пытался раскрыть «изящное» как изменяющееся и развивающееся явление. Подчеркну целеполагание его исследования, устремленного к «изложению всех изменений ее [планеты] в течение различных периодов времени...»²². Этот фрагмент рассуждений Камашев сопроводил заключением о том, что вводимые им понятия *«успокоение»* и *«означение»* фиксируют различия в понимании «человечеством» предназначения искусств двух разных эпох. Это, по его мысли, породило два этапа в истории литературы – эпохи древнего «классицизма» (ее выразителем являлся Платон), и «так называемого романтизма новейших времен»²³. Полагаю, что этот пассаж завершающей части авторских рассуждений «Взгляда», можно рассматривать как непосредственный логический переход к теме его диссертации²⁴.

Магистерская диссертация Камашева обрела некоторую известность для современной науки, благодаря ее публикации в сборнике по истории эстетической мысли, подготовленном под редакцией известного историка философии З.А. Каменского²⁵, в свое время изучавшего философские идеи российских интеллектуалов первой половины XIX в. Но, несмотря на переиздание, специальных исследований содержания

²² Там же. С. 96.

²³ Там же. С. 121. В авторском примечании Камашев говорит о воззрении, им самим представленном в виде толкования терминов «успокоение» и «означение», как выражении некоего нового подхода.

²⁴ Выскажем предположение о причинах известного факта незавершенности публикации «Взгляда» в «Вестнике Европы»: за пределами публикации остался планируемый автором сюжет об особенностях современного периода истории человечества, обозначенного им как «возраст мужества». Возможно, после публикации серии сюжетов из истории «младенчества» и «юношеского возраста» человечества, Камашев взялся за работу над диссертацией. В ней сюжет о «народах новейших», выраженный «мнениями» об «изящном», мог им рассматриваться как своеобразное продолжение предыдущей работы.

²⁵ См.: Русские эстетические трактаты 1973.

диссертации Камашева нами не обнаружено. Его диссертацию, ориентированную на познание истории человечества посредством толкования «мнений» философов о ней, условно можно отнести к группе диссертационных работ, созданных в 1820-1830-х гг. и посвященных проблемам истории и методологии всеобщей истории.

В магистерской диссертации²⁶, в отличие от журнального очерка, Камашев имел в виду только две эпохи – античность и современность. Предметное поле его интересов сосредоточивается на сопоставлении «мнений об изящном как между древними, так и новейшими писателями»²⁷. При этом он оговаривал следующее: «изящное», понимается им как произведение, созданные человеком, а не природой; а под «писателями» он имел в виду преимущественно ученых-философов, представивших идеи о сущности искусств и эстетики. Таким образом, в изучении своего предмета автор ориентировался на своеобразный историко-научноведческий подход, используя в виде методологической опоры принцип поиска сущности различных «эпох» в истории с учетом мнений философов об «изящном». В последовательном сравнительно анализе этих мнений он сохранял позицию интерпретатора-критика.

Особое внимание в диссертации Средний-Камашев уделил методологическому обоснованию своего «плана» исследования в целом и уточнению принципов отбора авторов «мнений». Демонстрируя особенности предлагаемого научного подхода, он писал: «...бросим общий взгляд на ход успехов ума относительно мнений об изящном, образующих их историю; отделим те из них, которые поражают оригинальностью своею, от мнений, им подчиненных и установим последовательность, необходимую в подобных наблюдениях»²⁸.

Имея в виду эпоху, относимую им к «классицизму» (т.е. античность), он прослеживает зарождение и развитие интереса к теме «изящного» – от идей Платона и Аристотеля до философских учений представителей эпох Возрождения и Просвещения. Метафорически обозначая их, соответственно, как «радостное утро нового дня» и «деятельный полдень», он рассматривает эти исторические культуры как предтечи современной ему ситуации в изучении «изящного», поскольку они пробудили «дух критических исследований» понимания «изящного» и создали многообразие «наблюдений критицизма». Новейшая история мысли в версии Камашева предстаёт учениями об «изящном», созданными европейскими философскими школами XVIII в. Со свойственным ему системным подходом, он отбирает наиболее знаковые «учения», различающиеся пониманием смысла «изящного». В поле зрения

²⁶ См.: Средний-Камашев 1973. С. 368-409.

²⁷ Там же. С. 368.

²⁸ Там же. С. 369.

автора оказываются «мнения» видных представителей национальных «школ»: «французов», «англичан», «германцев». Соответственно представителями этих учений он определил Ш. Баттё, Э. Бёрка, А. Баумгартена. На самом деле в поле зрения диссертанта находилось более широкое пространство имен и идей философско-эстетической мысли, но отобранные фигуры, расценивались им как выразители магистральных тенденций формирующегося философского знания об искусстве и его месте в истории человечества.

Раскрывая смысл учений об «изящном», Камашев последовательно занимает позицию критика и фокусирует внимание на сущностных характеристиках «мнений». Он не только вступает в дискуссии с ними, но активно вводит свое представление о феномене «изящного». По сути, его критического взгляда, никто из новейших мыслителей не удовлетворил его своими идеями. В частности, полемизируя с Баттё, он резюмирует, противопоставляя ему свою позицию: «...источник изящества заключается не только во внешности образов, но во внутреннем бытии его»; «изящное есть произведение свободного духа..., в котором образы сливаются с мыслями и чувствованиями...»²⁹. По-новому, в духе идей свободы мышления и искусства, он пытался раскрыть природу актуального для него феномена, когда речь заходила о связи «изящного» с «пользой». Камашев утверждал: «... изящное полезно потому, что оно изящно, а не потому, чтобы было приноровлением к какой-нибудь полезной истине: такое насилие противно самой сущности изящного»³⁰. В этих размышлениях Камашев выступает прямым критиком постулата «польза», рожденного классическим просветительством.

В череду имен европейских философов он обращает внимание и на одного из представителей российской философской мысли – московского философа Сохацкого³¹. Его идея, что в основе «изящного» лежит любовь, также подвергается Камашевым критике, поскольку автор диссертации феномен «изящное» связывал, прежде всего, со сферой развития ума и знания. Он высказал мысль о том, что искусство, в том числе «изящество вещественное», относится к той области человеческой жизни, которая является результатом соединения различных способов восприятия и понимания мира. «Образец изящного» заключен в его резюмирующей мысли, которая выражена высоким стилем: «...искусство, не исключая и изящества вещественного, должно сотрясать созвучием и соответствующие земным формам земные струны бытия <...> Чтобы струны сии имели свое значение в общем аккорде,

²⁹ Там же. С. 382-383.

³⁰ Там же. С. 384.

³¹ Там же. С. 388-389. Имелся в виду Павел Афанасьевич Сохацкий (1766–1809), профессор Московского университета, который первым стал преподавать эстетику.

нужна гармония их, нужна не одна струна, не любовь, не ненависть, не страх, не сострадание, но полный аккорд души <...>»³².

Подобный подход не позволял автору диссертации безоговорочно принять и «мнение» уважаемого им «глубокомысленного» и тонкого интерпретатора «чувствований человека» – Бёрка. Тот видел резкое различие между прекрасным, вызывающим чувство наслаждения, и возвышенным – источником страдания и страха. Камашев полагал, что «ужас» и «страсти» не могут быть началом эстетического чувства³³.

Не убедил Камашева и Баумгартен, поскольку он стремился чувства и чувствования поставить в параллель (а не в гармонию!) силе смысла и ума. Подобная позиция немецкого философа трактовалась им как эклектичная. В конечном итоге, различные мнения видных представителей европейской философии не дали Камашеву ответ на изначальный вопрос: «Что же изящное? Сфера ли чувств? Сфера ли разума?»³⁴. Ни Кант, ни Фихте, ни другие представители философской мысли современности также не удовлетворили автора философской основой их версий природы «изящного». В результате Камашев, завершая свой труд, лаконично признается, что выше всех новейших философов остается «гений древности» Платон³⁵.

Заметим, что еще во «Взгляде» он подчеркивал особое значение идей Платона, как создателя философской системы, представлявшей «целостное, гармонистическое выражение всех элементов умствования греческого идеализма и реализма»³⁶. Таким образом, для Камашева целостность восприятия мира Платоном являлась основой признания его классиком. Подобного подхода при изучении «изящного» у современных философов он не обнаруживал, а потому, вероятно, полагал, что дальнейшее изучение поднятой им проблемы должно быть основано на принципах древнего «классицизма».

Личность И.Н. Среднего-Камашева как философа и историка, предложившего свою версию историко-философского знания о человечестве, еще, вероятно, будет привлекать ученых-гуманитариев. На мой взгляд, значение и оригинальность его позиции, вероятно не понятой современниками, можно воспринимать в «перспективном» ракурсе: актуальный для него ориентир на создание целостного и гармоничного взгляда на историю человечества являлся неким «романтическим» предчувствием идей «неклассических» философий и методологий, формировавшихся позднее – уже на рубеже XIX–XX вв.

³² Там же. С. 389.

³³ Там же. С. 391.

³⁴ Там же. С. 398.

³⁵ Там же. См.: с. 409.

³⁶ Средний-Камашев 2015. С. 125.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреев А.Ю. Лекции по истории Московского университета: 1755–1855. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2001. 240 с.
- Взгляд на историю как на науку: Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост.: Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М., СПб.: Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 560 с.
- Зиновьев А. О начале, ходе и успехах критической российской истории. М.: Университетская типография, 1827. 70 с.
- Камашев (Средний-Камашев) Николай Иванович, потомственный дворянин // Авторский сайт Виктора Белова. URL: <http://viktor-belov.rf/istoriya/istoriya-elabuzhskogo-kрая/istoriya-elabuzhskogo-kрая-v-licah-2/1413-2/dvoryanstvo-elabuzhskogo-kрая-kazakin/>
- Кричевский Г.Г. Магистерские и докторские диссертации, защищенные на историко-филологических факультетах университетов Российской империи (1755–1918): Справочное пособие / Составление, предисловие, научная редакция и посмертное издание А.Н. Якушева. 3-е изд., испр. и доп. Ставрополь: «Ставропольсервисшкола», 2004. 236 с.
- Кущенко Н.А. Из истории российского кантоведения. Харьковская философская школа первой половины XIX века // Кантовский сборник. 2009. Вып. 1. (29).
- Милоков П.Н. Главные течения русской исторической мысли. М., 2006. 400 с.
- Мохначева М.П. Журналистика и историческая наука. Кн. 2. М.: РГГУ, 1999. 511 с.
- Полевой Н.А. Рецензия на «Историю государства Российского» Н.М. Карамзина [1829] // Сборник материалов по истории исторической науки СССР. М., 1990.
- Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. В 2-х т. Т. 2. / сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского. М.: Изд-во «Искусство», 1973. 444 с.
- Савельева И.М., Полетаев А.В. Знание о прошлом: теория и история. В двух томах. Т. 1: Конструирование прошлого. М.: Изд-во «Наука», 2003. 632 с.
- Средний-Камашев И.Н. Взгляд на историю как на науку // Взгляд на историю как на науку: Малоизвестные источники по русской историографии (первая половина XIX в.) / Сост.: Р.А. Киреева, К.Б. Умбрашко. М., СПб.: Институт Российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015.
- Средний-Камашев И.Н. О различных мнениях об изящном // Русские эстетические трактаты первой трети XIX в. В 2-х т. Т. 2. / сост., вступ. ст. и примеч. З.А. Каменского. М.: Изд-во «Искусство», 1973.
- Умбрашко К.Б. «Снепгическая школа» в исторической науке России первой половины XIX века. М.: Институт российской истории, 2006. Т. I. 355 с.

REFERENCES

- Andreev A.YU. Lekcii po istorii Moskovskogo universiteta: 1755–1855. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2001. 240 s.
- Vzglyad na istoriyu kak na nauku: Maloizvestnye istochniki po russkoj istoriografii (pervaya polovina XIX v.) / Sost.: R.A. Kireeva, K.B. Umbrashko. M., SPb.: Institut Rossijskoj istorii RAN; Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015. 560 s.
- Zinov'ev A. O nachale, hode i uspekah kriticheskoj rossijskoj istorii. M.: Universitetskaya tipografiya, 1827. 70 s.
- Kamashev (Srednij-Kamashev) Nikolaj Ivanovich, potomstvennyj dvoryanin // Avtorskij sayt Viktora Belova. URL: <http://viktor-belov.rf/istoriya/istoriya-elabuzhskogo-kрая/istoriya-elabuzhskogo-kрая-v-licah-2/1413-2/dvoryanstvo-elabuzhskogo-kрая-kazakin>
- Krivichevskij G.G. Magisterskie i doktorskie dissertacii, zashchishchyonnye na istoriko-filologičeskikh fakul'tetah universitetov Rossijskoj imperii (1755-1918): Spravochnoe posobie / Sostavlenie, predislovie, nauchnaya redakcija i posmertnoe izdanie A.N. YAKu-sheva. – 3-e izd., ispr. i dop. – Stavropol': Izd-vo «Stavropol'servisshkola», 2004. 236 s.
- Kucenko N.A. Iz istorii rossijskogo kantovedeniya. Har'kovskaya filosofskaya shkola pervoj poloviny XIX veka // Kantovskij sbornik. 2009. Vyp. 1. (29).
- Milyukov P.N. Glavnye techeniya russkoj istoricheskoj mysli. M., 2006. 400 s.
- Mohnacheva M.P. ZHurnalistika i istoričeskaya nauka. Kn. 2. M.: RGGU, 1999. 511 s.

- Polevoj N.A. Recenziya na «Istoriyu gosudarstva Rossijskogo» N.M. Karamzina [1829] // Sbornik materialov po istorii istoricheskoy nauki SSSR. M., 1990.
- Russkie ehsteticheskie traktaty pervoj treti XIX v. V 2-h t. T. 2. / sost., vstup. st. i primech. Z.A. Kamenskogo. M.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1973. 444 s.
- Savel'eva I.M., Poletaev A.V. Znanie o proshlom: teoriya i istoriya. V dvuh tomah. T.1: Konstruirovaniye proshlogo. M.: Izd-vo «Nauka», 2003. 632 s.
- Srednij-Kamashev I.N. Vzglyad na istoriyu kak na nauku // Vzglyad na istoriyu kak na nauku: Maloizvestnye istochniki po russkoy istoriografii (pervaya polovina XIX v.) / Sost.: R.A. Kireeva, K.B. Umbrashko. M., SPb.: Institut Rossijskoj istorii RAN; Centr gumanitarnyh iniciativ, 2015.
- Srednij-Kamashev I.N. O razlichnyh mneniyah ob izyashchnom // Russkie ehsteticheskie traktaty pervoj treti XIX v. V 2-h t. T. 2. / sost., vstup. st. i primech. Z.A. Kamenskogo. M.: Izdatel'stvo «Iskusstvo», 1973.
- Umbrashko K.B. «Skepticheskaya shkola» v istoricheskoy nauke Rossii pervoj poloviny XIX veka. M.: Institut rossijskoj istorii, 2006. T. I. 355 s.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет; vhist@mail.ru

Rediscovering the phenomenon of I.N. Srednij-Kamashev's: a scientist as the creator of the philosophical version of academic historical knowledge

The period of creative activity of a half-forgotten and little-known scholar I.N. Srednij-Kamashev, who graduated from Moscow University in 1826, coincided with a time of intensive searches by historians for the meaning of history as a science. Historiographers only discovered Srednij-Kamashev in the late 19th century. In modern science, interest to his figure is supported by the mention of his name among the first historians of historical knowledge, by individual judgments about his views and, importantly, by the republishing of the main works. But a special analysis of their content, as well as the author's concept, has not been undertaken. Carrying out another immersion in the history of science in order to identify the figure of the scientist as a representative of Russian historical and scientific thought, the author proposes an interpretation of his historical and philosophical version of the development of the humanity. For this, the author of this article analyzed the major works by the historian: the series of articles entitled "A View of History as a Science", and the dissertation "Different opinions about the elegant".

Keywords: history of historical knowledge, history of humanity, philosophy, dissertation, Moscow University, historical and scientific knowledge, humanities

Natalia Alebras, Dr. Sc. (History), Professor, Chelyabinsk State University; vhist@mail.ru

Н. В. КОВАЛЕНКО

«ЗЛЫЕ ЗАМЕТКИ» КАК ЧАСТЬ ИДЕЙНОГО НАСЛЕДИЯ Н. И. БУХАРИНА¹

В работе проводится разбор «Злых заметок» Н.И. Бухарина, содержащих резкую критику лирики Сергея Есенина. Автор анализирует содержание «Злых заметок» в контексте основных идей Бухарина и обращается к духовной и интеллектуальной атмосфере первых двух десятилетий XX века. В статье делается вывод о том, что содержание «Злых заметок» полностью соответствует основным идеям Бухарина в отношении российского/советского общества, а резкая критика есенинской поэзии обусловлена тем, что последняя несла в себе тенденции, несовместимые для Бухарина с текущими задачами общества переходного периода, оказывала значительное деструктивное влияние, в том числе на молодежь.

Ключевые слова: Бухарин, Есенин, культура, «Злые заметки», советское общество

Значительное место в работах и выступлениях Н.И. Бухарина (1888–1938) занимают вопросы культуры и художественной литературы как неотъемлемой и важнейшей ее части, специфика их развития для разных обществ. Как главный идеолог партии, в 1920-е гг. Бухарин сыграл важную роль в выработке политики партии в области художественной литературы. Будучи популярен в мыслящей и читающей среде, особенно среди молодежи, он оказал большое влияние на формирование отношения к художественной литературе и литературным вкусам².

Бухарину отводится особое место среди большевиков – как интеллектуалу, заступнику за таланты и гуманисту. Но одна из его работ вызвала противоположные оценки – это «Злые заметки», где в резкой, местами грубой форме критикуется лирика Сергея Есенина. «Злые заметки» были впервые опубликованы в январе 1927 г. в «Правде», затем вышли отдельной брошюрой (1927), а также вошли в сборник «Этюды» (1932), содержащий статьи о путях развития культуры и искусства в молодом советском обществе и о наследии крупнейших представителей отечественной и зарубежной литературы. Содержащие острую критику творчества одного из самых выдающихся поэтов России, «Злые заметки» вызвали немалый интерес – и острую реакцию в отношении личности их автора – не только у профессиональных исследователей, но и у многих литераторов, публицистов, у «читающей публики».

¹ Работа выполнена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках госзадания Минобрнауки России (проект № 33.1221.2017/ПЧ).

² Взгляды Бухарина на общество, искусство и литературу – предмет интереса многих исследователей с конца 1980-х: Савченко 1990; Лайне 1991; Устинов 2007; Фрезинский 1993; Ярошевский 1988; Флейшман 1990; Ковалев 1988.

«Злые заметки» на первый взгляд противоречат идеям Бухарина и провозглашенному им сравнительно либеральному курсу в литературной политике. Задача настоящей работы – определить место «Злых заметок» в идейном наследии Бухарина, понять, каким образом они, с их кажущейся противоречивостью, стали продолжением его идей.

Тенденциозные, резко негативные оценки деятельности и личности Бухарина в связи с написанием «Злых заметок», имели место в публицистике Перестройки и начала 1990-х – без детального разбора работы и идей Бухарина в области культуры, художественной литературы и общественной жизни в целом³. Противоположная тенденция была связана с «бухаринским бумом» времен Перестройки – авторы этого направления, указывая на в целом положительное отношение Бухарина к творчеству Есенина и подчеркивая высокую оценку им таланта поэта, связывали негатив «Злых заметок» исключительно с неприятием Бухариным «есенинщины» как явления – пьянства и хулиганства в бытательской, молодежной, творческой среде⁴. Однако «кабацкие» стихи Есенина – органичная часть его поэзии 1920-х гг. Поэтому, как, в частности, замечено В.П. Казариным⁵, такая оценка «Злых заметок» также представляется тенденциозной. На сложность бухаринских оценок лирики Есенина иногда указывается⁶, но их суть не объясняется.

В дальнейшем, начиная с середины 1990-х, изучение интеллектуального наследия и деятельности Бухарина переходит на новый уровень, и тенденциозные оценки его идей и личности (от идеализации до демонизации) сменяет более взвешенный и научный подход. Однако «Злых заметок» эти изменения как будто не коснулись: в их отношении сохраняется все тот же тенденциозный подход. Тем самым этот подход сохраняется, соответственно, и в отношении обширного комплекса идей Бухарина, связанных с литературной и культурной политикой, советским обществом и искусством, а также в отношении литературной политики советской власти в 1920-е гг. в целом. На основе «Злых заметок» делаются выводы о жестком выхолащивании властями литературного творчества уже в 1920-е гг., о неприятии крестьянского направления в поэзии как такового, отказе от какого бы то ни было плюрализма в литературной тематике, курс на которые якобы и озвучил Бухарин как главный идеолог партии⁷. Бухарина также обвиняют в русофобии (Ю. Емельянов), сведения посредством «Злых заметок» личных счетов

³ См., напр.: Прокушев 1988.

⁴ «Бухарин отделял Есенина – талантливого русского поэта – от “есенинщины”, того культа кабатчины, который присутствовал в ряде его стихов, ходивших по рукам и смаковавшихся обывателем». Горелов 1988. С. 120. См. также: Лацис 1988.

⁵ Казарин 2000.

⁶ Савченко 1990. С. 27.

⁷ Куняев С.С., Куняев Ю.С. 2010. С. 13, 432–433.

с поэтом (В.С. Пашина, Л.В. Занковская), в использовании их в качестве орудия внутривластной борьбы против Троцкого. (О.А. Лекманов, М.И. Свердлов)⁸. Чтобы выяснить причину появления «Злых заметок», в первую очередь следует обратиться к многочисленным работам и выступлениям самого Бухарина, так или иначе затрагивающим вопросы художественной литературы, задачи культурной политики, развитие после революционного советского общества в целом.

Сущность литературного творчества и общество переходной эпохи по Бухарину. В своих многочисленных работах Бухарин указывал на крайне низкий уровень культуры большинства населения к моменту и в первые десятилетия после революции. Господствующий и наиболее сознательный, т.е. рабочий, класс представлял собой абсолютное меньшинство в крестьянской стране. Это был не тот класс, который ко времени взятия власти, перехода к «своей» формации достиг культурного уровня, когда можно управлять государством, создавать иные, более высокого уровня, общественные структуры во всех областях, как это было с буржуазией. Рабочий класс «созревает» уже после взятия им власти, т.е. после социалистической революции имеет место достаточно длительный переходный период, задача которого – культурный подъем победившего класса⁹. В России ситуация осложнялась значительной культурной отсталостью масс, характерными чертами которой были инертность, неграмотность, забитость, отсутствие элементарных культурных навыков. Это подразумевало обширное поле деятельности в области воспитания и образования масс: не только распространение грамотности, но и прививание принципиально нового отношения к работе, хозяйству, семье, личности, государству, обществу. Более отдаленной перспективой для Бухарина (эта идея развивалась им в основном в работах 1930-х гг.) становилось появление личности нового уровня – свободной, мыслящей, духовно одаренной, высоко интеллектуальной и гуманной – незнакомой старому миру. Способствовать всему этому должна была художественная литература.

Художественная литература по Бухарину имела крайне важное значение в формировании представления об окружающей действительности, «духовного стержня», становления личности, а также для восприятия массами текущих основополагающих процессов, отношения к ним, для формирования у них определенного настроения и системы мышления. Таким образом, литература должна была играть одну из ключевых ролей в культурной политике и формировании идеологии новой власти. В этом случае Бухарин указывал на постоянное «взаимо-

⁸ Емельянов 1989. С. 240–243, 292; Пашина 2006. С. 40–48; Занковская 1997. С. 249–250, 363–364; Лекманов, Свердлов 2011. С. 564–565.

⁹ См., напр.: Бухарин 1924. С. 216–241.

проникновение» базиса и надстройки. Будучи продуктом последней, т.е. явлением по природе своей вторичным, художественная литература, тем не менее, оказывала значительное влияние на процессы в обществе. Все это обусловило пристальное внимание Бухарина к литературной жизни в 1920–1930-е гг., формирование им обстоятельной концепции литературной политики. Одной из ключевых составляющих культурной политики властей в этом случае становилась политика в области искусства и в первую очередь литературы. Подразумевалось активное участие власти и государства в протекающих в литературной жизни процессах – в формировании ориентиров, задач, направлений творчества и, с другой стороны, потребностей и литературных вкусов.

Восприятие произведений искусства и литературы как его составляющей для Бухарина подразумевало два критерия. Одним из них был художественный уровень произведения, его эстетическая составляющая. Другой, и равный для него по значимости, критерий – то, насколько в произведении была реализована основная задача любого автора – отображение ключевых, судьбоносных процессов и явлений современной ему действительности. Писатели и поэты прошлого, оставившие наиболее ценное наследие, – те, кто был способен заглянуть за пределы своего круга и социального слоя, характерных для них образа мышления и понятий, охватить мыслью все социальное пространство, ощутить «биение жизни», понять перспективы будущего. В качестве примеров Бухарин, в частности, приводил творчество Гёте и Гейне¹⁰.

Вместе с тем Бухарин считал, что каждой эпохе присуща своя, определяемая «базисом», система мышления, миропонимания, которая пронизывает все человеческое существование, в т.ч. науку, искусство, художественную литературу¹¹. Строящееся советское общество должно было иметь систему мировосприятия, которая подразумевала принятие как прогрессивных происходящих социальных преобразований. В искусстве и литературе, ее отражением должен был стать социалистический реализм. Его произведения должны были отражать реальную действительность, не приукрашивая, не идеализируя ее, охватывая большое разнообразие тем и сюжетов, все значимые явления жизни – человеческие взаимоотношения, природу, общество и т.д. Это новое искусство не подразумевало обеднение культуры в силу отказа от части ее наследия, не должно было в перспективе обязательно создавать почву для «выхолащивания» художественной составляющей. По его мнению, любое общество существовало в своей, господствующей системе мышления, а искусство, литература и наука ставились на стражу интересов господствующих классов и создаваемого ими государства. Отличием

¹⁰ Бухарин 1932. С. 143–176.

¹¹ См., напр.: Бухарин 1924. С. 171–215.

новой системы мышления и культуры должен был стать рационализм, повернутость к человеку, обращение к высшим ценностям¹².

Культуру Запада и элитарную культуру «дооктябрьской» России Бухарин рассматривал как переживающую необратимый в рамках буржуазного строя упадок (отражение кризиса «базиса»). Упадок выразился в искусстве, философии, мировоззрении и в художественной литературе. Неуверенность в завтрашнем дне, тревога за судьбы цивилизации, пессимизм, уход от действительности, обращение к мистицизму, отказ от рационализма, устоявшихся норм, восприятие рока, неотвратимости как непреложного закона, обращение к религии, мифологизация и идеализация прошлого были характерными чертами литературного творчества этого периода. Талантливые представители декадентов, символизма, других авангардных направлений, концепции «чистого искусства», создавая произведения высокого художественного уровня не могли настоящему выразить ключевые процессы действительности, понять их в перспективе¹³. Такое искусство обладало высоким деструктивным потенциалом в отношении строящегося и переживающего большие трудности нового общества и развития его литературы – подобные настроения были свойственны значительной части творческой интеллигенции.

Бухарин высоко ценил творчество тех представителей авангарда, кто, не разделяя идеологии большевиков в целом, понимал и принимал тотальность и необратимость происходивших в стране процессов, трактовал их как движение вперед, отражал это в своих произведениях на высоком художественном уровне. Например, в ряде статей и выступлений Бухарин давал высокую оценку творчеству Блока, Брюсова, Пастернака. При этом у него, в соответствии с указанными критериями, разное отношение к разным периодам их творчества и произведениям. Бухарин высоко ценил позднее творчество Брюсова, раннее же было для него отражением упадка буржуазной культуры, в творчестве Блока им была отмечена поэма «Двенадцать» как пример высокоталантливого отображения масштаба и значимости происходивших в стране процессов, но вместе с тем непонимания автором основы этих процессов, ключевых их составляющих, обращение к варварству, «казиатчине» как «глубинным основам» русской культуры¹⁴. Творчество Пастернака, высоко ценимое Бухариным за художественный уровень, произведения о Ленине и революции, имело такие, по его мнению, недостатки, как глубокая индивидуальность образов и переживаний, недоступность их для кого-либо, кроме самого поэта, – в лирике должно было содержаться то, что затрагивало бы чувства и темы, актуальные для множества

¹² См., напр.: Бухарин 1993. С. 122–124.

¹³ Бухарин 2009. С. 208, 215.

¹⁴ См., напр.: Бухарин 1934. С. 488–490.

людей, общества конкретной эпохи, доносило бы их в высокохудожественных, но доступных широкому пониманию образах¹⁵.

Ситуация и литературное творчество 1920-х гг. Первые послектябрьские десятилетия воспринимались Бухариным как необходимый переходный период от старого, буржуазного к новому, социалистическому обществу. Общество переходного периода по Бухарину отличается социальной неоднородностью, подразумевающей большие различия в области культуры, образования, ментальности, что не могло не отразиться на литературном творчестве. Последнее стало предметом острых дискуссий Бухарина со сторонниками немедленного создания «чисто пролетарской» поэзии, жестких идеологических рамок для нее, в частности, с напостовцами¹⁶. Бухарин был автором Постановления Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 г., подразумевающего в качестве длительной перспективы сосуществование разных школ и направлений в литературе (лояльных, естественно, в отношении новой власти и строя в целом), в т.ч. крестьянской поэзии и прозы.

Одной из главных проблем, постоянно отмечал Бухарин, оставался низкий культурный уровень масс и соответственно низкий уровень художественного творчества их представителей – а ведь именно рабочие и крестьяне, как победившие классы, могли лучше всех отразить в нем ключевые процессы действительности. Бухарин указывал на угрозу подмены настоящего искусства «бревном с красным флагом», он отмечал как негативное явление ориентацию многих авторов на примитивные запросы масс и создание поэзии на уровне агиток, отказ от восприятия лучшего из богатого литературного наследия прошлого¹⁷.

Наиболее полно идеям Бухарина соответствовало творчество Маяковского и особенно Горького¹⁸. Их творчеству Бухарин посвятил несколько обстоятельных статей¹⁹. Обладая великим талантом, они вместе с тем имели прогрессивные взгляды, соответствующие задачам эпохи, более того, они были «плотью от плоти» классов, занявших историческую арену. В произведениях Горького («Мать», «Исповедь», «Жир Бу-

¹⁵ Там же. С. 494–495.

¹⁶ См., напр.: Бухарин 1993. С. 67–77.

¹⁷ В частности, в своем выступлении на Первом съезде советских писателей Бухарин подчеркивал, что новому обществу, способному в перспективе к беспрецедентному раскрытию личности, должен соответствовать высокий уровень культуры и литературного творчества. – Бухарин 1934. С. 479–480.

¹⁸ С Горьким имела место тесная дружба и длительная переписка, где затрагивались вопросы литературной политики и культурного строительства. См.: Письмо Бухарина Горькому, после 23 июня 1925 г.; РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 72–76; Письмо Горького Бухарину от 4 января 1930 г.; от 23 июля 1930 г.; от 11 декабря 1930 г.; Письмо Горького Бухарину, 1935 г.; Суровцева 2014. С. 18–21.

¹⁹ Бухарин 1993. С. 195–200; С. 141–143; С. 310–311; Фрезинский 1993. С. 25–27.

лычѐв...» и др.), как и в написанных «на злобу дня» стихах и поэмах Маяковского, выступают представители важнейших классов и групп. Как достоинство этих авторов и их произведений Бухарин неоднократно подчеркивал апелляцию к разуму и просвещению, указание (в особенности у Горького) на безграничные возможности и ценность человеческой личности в новых условиях, на перспективу подъема ее на новый уровень и насущность этих задач для властей и общества²⁰.

Негативные тенденции в отечественной художественной литературе, отмеченные Бухариным в 1920-е гг. были отражением потрясений, переживаемых страной в послеоктябрьское десятилетие. Пережившее революцию и Гражданскую войну общество претерпевало глубокие изменения социальных и культурных основ, всего жизненного уклада. Вместе с тем в этих условиях задачи литературного творчества были важными как никогда – формирование верного восприятия происходящих процессов, их разворота во времени, сути и целей строительства нового общества, т.е. создание нужной духовной атмосферы, настроения у масс. Последнее представлялось Бухарину столь же важным, как выработка и распространение собственно государственной идеологии. Поэтам и писателям посредством власти над умами следовало способствовать верному пониманию массами происходящего и недопущению распространения кризисных явлений в духовной жизни. Советский поэт и писатель должен быть «в гуще жизни». Отражением этой позиции и стало появление ряда статей и отдельных высказываний Бухарина, содержащих резкую критику творчества некоторых известных авторов.

В качестве яркого примера можно привести высказывания Бухарина о творчестве Ильи Эренбурга и Л. Гумилевского. В одном из выступлений Бухарин подверг резкой критике написанный в эмиграции его другом с юности Эренбургом сатирический роман «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (1928; впервые опубликован в СССР в 1989 г.). Это сатира на все ключевые начинания советской власти и на их результаты. Главный герой Лазик, скромный портной, старается быть сознательным гражданином, и следует во всей своей жизни и деятельности установкам новой идеологии, вдохновителями его деятельности выступают в разных случаях пролетарские поэты, руководители ячеек, реальные известные большевики. В силу этого Лазик постоянно попадает в нелепые ситуации²¹. В романе Л. Гумилевского «Собачий переулок» в качестве типичных представителей, казалось бы, одной из наиболее передовых и активных групп общества – нового студенчества – выступают распущенные и циничные молодые люди. Эти качества выработаны у них именно радикальными новыми теориями. Студенты, как наиболее обра-

²⁰ См., напр.: А<лексей> П<ешков>. 1934. 22 апр.; Спиридонова 2004. С. 66–122.

²¹ Эренбург 2002.

зованные и передовые, поставлены просвещать остальную молодежь – главный герой ведет политграмоту у молодежи с местной фабрики, пытается внушить свою «мораль» понравившейся девушке-работнице.

Для Бухарина появление произведений такой направленности представляло серьезную деструктивную тенденцию, несло в себе значительную опасность для состояния общества уже на новом, постреволюционном, т.е. созидательном, этапе. «Великая строительная работа, – писал он, – не исключает нового мещанства... Ухватить его (в художественном произведении. – *Н.К.*) чтобы... мещанину пришлось кисло... разве это было бы плохо?... А у нас? Уж если заскулят, так заскулят!.. Собачьи переулки, Лазики Ройтшванецы – дышать нельзя...»²² Отношение к роману-сатире Эренбурга и творчеству Гумилевского разительно отличалось от оценок, например, сатиры Маяковского – ее Бухарин, как и все творчество поэта, высоко ценил. В поэзии Маяковского, как известно, можно встретить достаточно резкие выпады в отношении советской действительности, у него много стихотворений и поэм с характерными названиями – «Мразь», «Надоело», «Прозаседавшиеся», «О дряни», «Клоп», «Нагрузка по макушку», «Критика самокритики» и др. Однако Маяковский приветствовал начинания новой власти как таковые, в отличие от указанных авторов, не представлял их неизбежным следствием необратимые и жестокие «искажения» и «деформации», видел выход в постоянной борьбе с отдельными изъянами, что соответствовало взглядам Бухарина. Понимание ключевых процессов в новом обществе и его задач у Маяковского, по Бухарину, органично сочеталось со здоровой критикой негативных сторон: «Какого злого, сильного, кусачего врага нашло себе в Маяковском наше мещанство, перерожденческое подхалимство!.. Какие великолепные громы и молнии обрушил Маяковский на духовную заскорузлость... оказывание быта и нравов, бюрократизм больших и малых чинуш и сутяг!»²³.

В 1920-е гг. значительной проблемой Бухарину и другим большевистским интеллектуалам представлялось широкое распространение через художественную литературу чуждых и деструктивных представлений, обусловленное тем, что значительная часть творческой интеллигенции, связанная происхождением с зажиточным крестьянством, мещанством, старой интеллигентско-дворянской средой, отражала представления этих слоев и была подвержена идеям «сменовеховского толка», согласно которым вставшая на путь нэпа Советская Россия постепенно и безболезненно вернется к капиталистическим отношениям и ценностям. Историческая роль революции и большевиков в этом случае – то, что они «расчистили путь» новым, прогрессивным тенденциям.

²² Бухарин 1993. С. 142; см. также: Фрезинский 1999.

²³ Бухарин 1993. С. 146–147.

Осложняло ситуацию культурное превосходство этих слоев вкупе с отсталостью масс и отсутствием, за редким исключением, высокохудожественных образцов литературного творчества их представителей. Одним из основных источников указанного влияния представлялась поэзия (и проза) новокрестьянских поэтов. Есенин, как известно, был наиболее ярким представителем группы новокрестьянских поэтов, куда входили также Н. Клюев, С. Клычков, П. Орешин, А. Ширяевец. Их произведение, особенно в начале 1920-х гг., выходило в многочисленных индивидуальных и коллективных сборниках. Базовым в новокрестьянской поэзии является идеальный образ Руси, с гармоничной связью человека, природы, земного и небесного, восходящей к глубинам народной культуры, крестьянским укладом – Голубая Русь и Китеж-град Есенина, Белая Индия Клюева, Ржаная Русь Орешина. Среди других образов наиболее известны Святой Никола, странствующий по деревням, крестьянская изба Клюева как модель Вселенной. Революция мыслилась новокрестьянским поэтам как духовное преображение, в неразрывной связи земного и небесного, как снисхождение Третьего Завета – этому посвящены поэмы Есенина о революции («Инония», «Октоих», «Иорданская голубица» и др.), «Красная песня» Клюева, стихи Ширяевца о казацкой, мужицкой «вольнице». Проза некоторых известных авторов 1920-х гг., например, Всеволода Иванова по тематике была отчасти близка к новокрестьянской поэзии и прозе²⁴. У новокрестьянских поэтов были многочисленные последователи (среди них П. Дружинин, раскритикованный как один из многих, подобных ему, в «Злых заметках»), чья поэзия была наполнена более или менее похожими образами – в зависимости от кругозора и уровня таланта. Новокрестьянская поэзия, помимо ее вершин, творчества Есенина и Клюева, была широко представлена, мягко говоря, неоднозначными образами – такими как «штаны, блины, царевны и дураки» и «аржаные мужики» у Дружинина, изба, которая «тянет сытым самогоном» у Орешина и пр. Поэзия этого направления, в силу известного постановления 1925 г., благоволившего литературным попутчикам, имела широкие возможности для публикации (в т.ч., на попутчиках «специализировалась» «Красная новь» А. Воронского – один из наиболее популярных и известных литературных журналов).

Идейной базой для новокрестьянских поэтов, как и для младших символистов, было распространенное на рубеже веков широкое философское течение, на интеллектуальном и культурном поле которого находились Русская идея, идеи евразийства, русского мессианства, славянофильства. От него новокрестьянскими поэтами, было воспринято неприятие современной западной цивилизации и идея особого пути страны, ее культурное преображение и возвышение на основе соб-

²⁴ Папкина 2009. С. 300–316.

ственных истоков, в данном случае через глубинные, потаенные ключи культуры крестьянской России²⁵. Им были близки идеи О. Шпенглера, противопоставление «Запад–Восток», «культура–цивилизация», в их случае противопоставлялись деревня и город как живое и железное²⁶.

Другим отражением негативной ситуации в литературе для советских и не только государственных и творческих деятелей был имажинизм. В 1919–1924 гг. Есенин принадлежал к имажинистам, и с ними связывались хулиганство, буйство, выражения и образы в стихах за пределами допустимого, нигилизм в отношении морали и культуры, именно через творчество и деятельность имажинистов зачастую рассматривалась жизнь и поэзия Есенина современниками²⁷.

Основные мотивы творчества Есенина 1920-х гг. Остановимся подробнее на ключевых мотивах поэзии Есенина, так или иначе связанных с критикой Бухариным его творчества²⁸. Для Есенина и других новокрестьянских поэтов революция подразумевала духовное преображение общества на вековых глубинных основах народной культуры и религиозных представлений. Таким настроем проникнуты поэмы «Октябрь» и «Июния» (1918). Но уже с 1919 г. в многочисленных произведениях проходит тема острого несоответствия целей, методов и результатов происходящих в стране преобразований. В 1919, 1920 и 1921 г. соответственно были написаны знаменитые «Кобыльи корабли» «Сорокоуст» и «Песнь о хлебе», наиболее ярко это тревожное мироощущение отразившие. В прозе оно было изложено Есениным в «Ключах Марии» (1918). Основное содержание этих произведений – новая цивилизация, строительство нового общества при прогрессивной и созидательной идее несут в себе всепроникающие жестокость и насилие, рушат существующие в мире основополагающие связи человека и природы, человека и предков, незыблемые до этого жизненные основы, преступают законы всего мироздания как сложного живого организма и человеческой жизни как его части. Подобная ломка не может привести к прогрессу общества, его гуманизации – цель и средства явно не подходят друг другу. В стихах Есенина этого периода очень часто встречаются мотивы убийства, насилия, смерти, противопоставление железного и живого. Символическим вершителем этого насилия в ряде стихотворений выступает машина или связанное с ней (поезд, мельница, шоссе), а жерт-

²⁵ См., напр.: Савченко 2014. С. 146–173 и др.; Воронова 2013. С. 30–38 и др.

²⁶ Тиме 2010.

²⁷ См., напр.: Луначарский 1921; Трубецкой 1993; Талызин 1993.

²⁸ Именно лирика Есенина стала объектом бухаринской критики. Поэмы Есенина, в т.ч. такие политически заостренные, как «Пугачев» и «Страна негодяев», в «Злых заметках», как и в других статьях Бухарина, не рассматриваются. Помимо лирики Есенина, у Бухарина можно встретить только упоминание о «Ключах Марии» в его докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей (1934 г.).

вой – животное, деревня, сам человек, т.е. люди и природа, все живое как единый организм. Строительство нового общества приводит к трагическим и необратимым изменениям в душах людей, иссяканию в них человечности, замене на чуждое ей, «железное». Животные в стихах становятся жертвами жестокости человека в силу происходящих в его душе необратимых процессов, но, в отличие от него, остаются верными своей «живой» природе, гармонии мироздания, отсюда и любовь к ним лирического героя («Сорокоуст», «Исповедь хулигана» и др.).

Непосредственно связан с этим другой комплекс тем есенинской лирики. Начиная с 1919 г. в ней можно встретить мотивы скорой и неизбежной собственной смерти, безвозвратного ухода молодости, старения. В стихах 24–30-летнего Есенина, вплоть до самых последних (1925), они встречаются очень часто. В качестве примера можно привести хрестоматийные «Отговорила роща золотая...» (1924) и «Не жалею, не зову, не плачу...» (1921). Творчеству Есенина этого периода также присущи мотивы внутреннего одиночества и опустошенности, отрешенности от сильных чувств, разочарования. Характерно это и для любовной лирики. Один из ярких примеров – «костер рябины красной», который никого не может согреть. Темой ряда стихотворений стало воспоминание о былых, безвозвратно ушедших чувствах, о прошлой жизни как о светлом и навсегда ушедшем времени. Частым мотивом становится разочарование в любви, верности, возможности личного счастья. В стихах передано критическое, даже циничное отношение, подразумевающее неизбежность поверхностных чувств, «легкое» отношение к их объекту, неспособность к чувствам серьезным («Сыпь, гармоника!...», «Пой же, пой. На проклятой гитаре...» и др.). Для сравнения можно вспомнить многочисленные образы девушек-березок («Мой путь» и др.). Восторженные их описания могут составить контраст со многими образами женщин – героинь стихотворений, далеких от идеала лирического героя, с такими же, как у него, угасшими чувствами, состоянием внутренней пустоты («Пусть ты выпита другим», «Какая ночь! Я не могу...», «Мне грустно на тебя смотреть...» и др.).

Данные мотивы обусловлены неприятием методов и результатов происходивших в стране изменений – в этой ситуации трагическое разрешение имеет вопрос самореализации как поэта, своего места в новой действительности. К лирическому герою ряда стихотворений приходит понимание: «Моя поэзия здесь больше не нужна, / Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен» («Возвращение на родину», «Русь советская», «Русь уходящая» и др.). Мотив собственной старости подразумевает принадлежность к старой, ушедшей эпохе. Столь часто встречающийся мотив смерти, ее приближения и угасания чувств объясняется ощущением отчужденности, неприкаянности в новой действительности. Все это остается в душе лирического героя даже после принятия происхо-

дивших изменений в целом как положительных – это выражено в ряде поздних стихотворений. По сюжету поэт, видящий значимые положительные изменения, глубокие созидательные процессы, хочет поставить свой талант им на службу и, таким образом, найти свое место в новом обществе. Вместе с тем он не может принять полностью происходящее, «всей душой» и внутренне «переделав» себя. Так, в известном стихотворении «Русь уходящая» лирический герой хочет «бежать за комсомолом», но тут же признает, что невозможно «старикам за юношами гнаться... Они несжатой рожью на корню / Остались догнивать и осыпаться». Отсюда мучительные раздумья о своем творчестве и прожитых годах, глубокий внутренний конфликт как тема многочисленных поздних стихотворений («Метель», «Русь уходящая», «Письмо матери», «Ответ [матери]»; Кто я? Что я? Только лишь мечтатель...», «Мне грустно на тебя смотреть...», поэма «Черный человек» и др.).

Звучащие в знаменитом цикле «Москва кабацкая» (1924) мотивы пьянства и хулиганства связаны с указанными выше мотивами. Во многих стихах «Москвы кабацкой» и более поздних можно встретить объяснение причин подобного состояния и поведения лирического героя, его «забубенной» славы («Снова пьют здесь, дерутся и плачут», «Пой же пой. На проклятой гитаре...» и др.). Кабацкая эпопея стала для лирического героя следствием наблюдения им необратимых трагических процессов вокруг, своего отчуждения и неприятия на их фоне – по этой причине «Заливаю глаза вином, / Чтоб не видеть в лицо роковое, / Чтоб подумать хоть миг об ином» (Снова пьют здесь, дерутся и плачут...).

Восприятие поэзии Есенина в 1920-е годы. «Злые заметки» были опубликованы, когда в советском обществе уже не один год, начавшись еще при жизни поэта, на разных уровнях шло обсуждение в критическом ключе поэзии Есенина и поэтов его направления, особенно ее негативного влияния на молодежь. Диспуты в вузах проходили с участием видных большевистских деятелей, литературных критиков и поэтов разных направлений. Еще до выхода «Злых заметок» стало широко распространенным понятие «есенинщина» как синоним негативного настроения к действительности, распущенности, пьянства и хулиганства, некультурного, с элементами эпатажа поведения в целом, «богемщины». Наиболее податливым материалом стала молодежь, учащаяся, рабочая, комсомольская, творческая. «Есенинщина», помимо непосредственного деструктивного влияния в отношении культуры, подразумевала распространение и усиление среди молодежи подавленности, пессимизма, неверия в будущее, разочарования – всего того, что и так имело место в условиях 1920-х г., с неприглядными сторонами нэпа, массовой бедностью и неустроенностью, в особенности рабочей и студенческой молодежи, другими проблемами молодого Советского государства. Предметом внимания властей стало также большое количество само-

убийств среди молодежи после гибели Есенина. В этой ситуации значимым фактором было то, что поэзия Есенина начиная с первых революционных лет имела колоссальную популярность, особенно среди молодежи, его собственные сборники, сборники с участием поэтов-имажинистов и новокрестьянских поэтов, как и отдельные стихи, были хорошо известны в России и в начале 1920-х гг. вышли в Берлине и Париже. В Советской России у Есенина, в основном среди молодежи, появилось множество последователей и подражателей, писавших «под Есенина» – в их стихах повторяются разобранные выше мотивы.

Наиболее известен диспут в Комакадемии «Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина» (1927), с докладом Луначарского и выступлениями К. Радека и Л. Сосновского, Владимира Маяковского, крупнейших советских литературных критиков Вячеслава Полонского и Александра Воронского и др. Но он был далеко не единственным, как не единственными в своем роде, а лишь наиболее известными потомкам и современникам были «Злые заметки» и более ранние статьи большевика Л.Н. Сосновского и поэта Л.Е. Крученых на тему «развенчайте хулиганство!» о поэзии Есенина. Известный есениновед Ю. Прокушев, что важно, осуждающий негативное отношение Сосновского и Бухарина к поэзии Есенина, заметил, что вышедшая в 1924 г. «Москва кабацкая» сразу получила очень большое количество негативных отзывов²⁹. В качестве критиков отдельных образцов есенинской поэзии выступали и в целом высоко ценившие творчество Есенина А. Воронский, А. Луначарский, В. Полонский, Г. Устинов. В силу своего лояльного отношения к литературным попутчикам и особенно к Есенину они подвергались критике со стороны радикальных литературных групп, таких как «На посту», сторонников «чисто» пролетарской поэзии. Маяковский, высоко ценя талант Есенина в целом, выступая в молодежных аудиториях, указывал на есенинщину как негативное явление. Горький, также его высоко ценивший, в известном письме Бухарину написал, что «талантливый плач Есенина» – не та поэзия, которая в настоящий момент нужна и актуальна³⁰. Много негативных отзывов о поэзии Есенина было также в эмигрантской прессе и публицистике того времени. Самый известный критик Есенина из видных русских эмигрантов – И. Бунин. Его знаменитые своей резкостью «Инония и Китеж»³¹ созвучны по оценкам «Злым заметкам». Подобное отношение к поэзии Есенина можно встретить у Зинаиды Гиппиус, Алексея Толстого, Николая Устрялова, Д.П. Святополка-Мирского, В.Ф. Ходасевича и многих других³².

²⁹ См. об этом: Бубнов 2014; 2005.

³⁰ Савченко 1990. С. 133–141, 208–221.

³¹ Бунин 1925.

³² См.: Русское зарубежье о Есенине. С. 79–84, 333–356 и др.; Гусева 2005.

Всех критиков есенинской поэзии объединяло негативное отношение к тем ее мотивам, которые для них отражали худшие черты некультурности масс. Именно «кабацкие» стихи (из сборников «Москва кабацкая», «Любовь хулигана» и др.) стали объектами наиболее резкой критики из-за имеющихся в них мотивов пьянства, хулиганства, буйства, грубости лирического героя по отношению к женщине. Многие критики разных взглядов сходились на том, что в поэзии Есенина затрагивались обширные пласты народной культуры, содержащих в себе хулиганские, «удалые» мотивы, мотивы «разинщины»³³. Проблема культурной отсталости страны на рубеже и в первые десятилетия XX в. была одним из главных предметов внимания в отечественном интеллектуальном пространстве, как в творчестве И. Бунина, А. Блока, А. Белого, Вяч. Иванова и др., так и в идеях русских марксистов, в т.ч. большевиков. Интересно, что в то время как советские деятели обличали «есенинщину», а многие современные исследователи – их самих за «посмертную травлю» поэта, некоторые критики эмиграции, в частности Бунин, объясняли популярность творчества Есенина поддержкой и поощрением его со стороны большевиков как «своего» – малокультурного представителя отсталых народных масс, на которые большевики сделали ставку.

Советские и многие эмигрантские критики поэзии Есенина также сходились в неприятии ее как наиболее яркого проявления новокрестьянской поэзии. За годы до появления «Злых заметок» о поэзии Есенина, Клюева и др. как о поэзии «мужиковствующих» писали такие лояльные к попутчикам и Есенину деятели, как Л. Троцкий (известный своей речью, посвященной памяти Есенина как трагически погибшего поэта высочайшего поэтического мастерства и таланта)³⁴ и А. Воронский – главный редактор «Красной нови»³⁵, на страницах которой постоянно печатались попутчики, в т.ч. Есенин. И советские, и эмигрантские критики отмечали как присущие такой поэзии идеализацию и мифологизацию прошлого и настоящего русской деревни, народной жизни и культуры. Критики советские, даже наиболее лояльные к есенинской и в целом новокрестьянской поэзии, видели в ней тревожный симптом. Идеализированный образ сельской России, представление отдельных ее черт как чего-то органически ей присущего и подлинно «народного», в т.ч. и черт наиболее отсталых (вроде «соломенных хат», полных «тайной овсяны», или религиозных атрибутов и архетипов, неприемлемых для большевиков) и образы города и техники как ей враждебного создавали ложные препятствовали пониманию необходимости социальных, культурных, хозяйственных преобразований.

³³ См., напр.: Толстой А. 1993; Устрялов 1993.

³⁴ См., напр.: Троцкий 1922; 1926.

³⁵ См., напр.: Воронский 1924.

Критика поэзии Есенина со стороны Бухарина. При внимательном чтении «Злых заметок» видно, что они состоят из нескольких тематических частей. Каждой теме посвящен ряд абзацев или отрывков, которые чередуются друг с другом. Эти тематические части представляют собой оценки Бухариным есенинской поэзии с разных сторон и в непосредственной связи со взглядами Бухарина в разных областях.

Начинаются заметки с критики не Есенина, а П. Дружинина – одного из многочисленных подражателей новокрестьянских поэтов. Бухарин подробно останавливается на вышперечисленных и отмеченных его современниками негативных чертах и деструктивном влиянии этой поэзии, отмечая давность и распространенность литературной традиции, в рамках которой развивалась новокрестьянская поэзия, и косвенно указывая на ее связь со славянофильством и возникшими на его почве философскими течениями. При этом Есенин отмечен как наиболее яркий представитель этой поэзии, благодаря таланту и популярности которого она имеет притягательность для многочисленных поклонников и подражателей, у которых высокохудожественные и наполненные глубоким смыслом образы из поэзии Есенина и Клюева заменяются на примитивные и невнятные – как штаны, блины, «тайная овсяна» и деревенские дураки у Дружинина: «С легкой руки Сергея Есенина, этой “последней моды” дня, у нас расплодилось по всей литературе, включая и пролетарскую, жирное пятно от этих самых “истинно русских” блинов»³⁶.

Другая центральная тема – культурная отсталость как основная проблема страны. Особое значение Бухарин придавал культурному подъему молодежи как ее будущему, чему он посвятил много статей и выступлений в молодежных аудиториях, сборник с характерным названием «Борьба за кадры» (1926). Крайне опасным он считал укоренение и, более того, культивирование в молодежной среде оставшихся от прошлого негативных проявлений в отношении труда, личности, женщин и такие явления, как пьянство, «мордобой», распространенность типа «хорошего парня», т.е. “не дурака выпить”, погулять... подебоширничать, “набить морду“, “покрыть матом“, с прохладцей работать...»³⁷. Молодой лирический герой Есенина с его хулиганством, пьянством, удалью «озорного гуляки», «забияки и сорванца», славой «похабника и скандалиста» являл собой крайне актуальный негативный пример для подражания. На есенинскую поэзию прямо и косвенно указывает Бухарин в данном контексте по крайней мере еще в двух работах, а они сами имеют подзаголовок «О социальном значении поэзии Есенина». В этой ситуации кабацкие и хулиганские мотивы есенинской поэзии, стали для Бухарина предметом наибольшего возмущения.

³⁶ Бухарин. Злые заметки. С. 106.

³⁷ Бухарин 1993. С. 115–116; С. 119–201; и др.

Тесно связана с предыдущей другая тема – возведение в достоинство как национальных и истинно русских антикультурных черт в сочетании с неприятием ненационального как чужеродного. Несколько раз повторяются в «Злых заметках» слова «русский», «национальный» и производные от них в связи с искажением этих понятий в есенинской поэзии: «новейший национализм а-ля *mojik russe*», «юродствующий квази-народный национализм», «опозитивированное хулиганство гуляющих “истинно русских” ухарей»³⁸. Бухарин отмечает это явление как широко распространенное и укорененное в царской России и оставшееся в качестве негативного наследия в обществе новом, с такими чертами, как буйство, разинщина, стихийность и анархизм, «душа широкая и забубенная», как у «гуслеяра со струнами, частью оборванными от чрезмерных порывов русской души»³⁹. Идея национального превосходства и неприятие иной культуры проходит во многих работах Бухарина и других большевистских идеологов как неискорененное наследие прошлого. Будучи до революции частью идеологии царской власти⁴⁰, «великорусский шовинизм» сохранял после революции деструктивное влияние. По Бухарину, поэзия Есенина и других новокрестьянских поэтов способствовала сохранению в массах шовинизма и представлений о стране как о «Руси Ивана Калиты» – через образы Голубой Руси, Руси чудесной и др. В докладах, посвященных проблеме великорусского шовинизма, Бухарин прямо указывал на роль в этом поэзии Есенина и новокрестьянских поэтов⁴¹, которая являлась проводником сменовеховских настроений и, соответственно, влияния тех слоев, которые их разделяли.

В «Злых заметках» возведению негативных черт в достоинство национальных как актуальной проблеме посвящен большой отрывок, где (в т.ч. посредством отсылки к ленинским работам) разбирается понятие истинной и ложной национальной гордости. Бухарин не был противником, как это утверждают некоторые современные его критики, национальной культуры и ее отражения в поэзии, что же касается поэзии Есенина и других новокрестьянских поэтов, она способствовала как раз сохранению ложной национальной гордости, и в этом состояла опасность ее влияния: «...“великорусская нация” дала в лице своего рабочего класса несравненные образцы героизма, революционной страсти и великой творческой энергии. Всем этим мы, великороссы, можем и должны гордиться. Но вот что интересно: у нас в литературе уже поднялась как на дрожжах, *другая* “гордость великороссов”, которая воспева-

³⁸ Бухарин. Злые заметки. С. 106–107.

³⁹ Фовицкий 1993. Эмигрантские критики были солидарны с Бухариным в отношении их распространения и укорененности, указывая на Есенина как носителя этих черт в силу крестьянского происхождения. См.: Толстой 1993. С. 293; Устрялов 1993.

⁴⁰ См., напр.: Бухарин 2009. С. 57.

⁴¹ Бухарин 1927.

ет именно наше *рабское прошлое*... Оно – в темноте. Оно – в мордобое. Оно – в пьянстве... Оно – в матерщине... Оно – в остатках шовинизма... Оно – в свинском отношении с женщиной...»⁴².

В «Злых заметках» этой проблеме отведено основное место, что иллюстрирует ее значение для Бухарина – без искоренения этого негативного наследия для нового общества невозможно было движение вперед. Лирический же герой Есенина с его «забуженной» славой гуляки и сорванца, делал, что называется, «обратную работу» – в сознании общества и в особенности молодежи, его будущего. Отсюда и резкость оценок, как в наиболее часто цитируемом отрывке «Злых заметок»: «Есенинский стих звучит нередко, как серебряный ручей. И все-таки *в целом* есенинщина – это отвратительная... российская матерщина, обильно смоченная пьяными слезами <...> Причудливая смесь из «кобелей», икон, <...> «жарких свечей», березок, луны, <...> некрофилии, обильных пьяных слез... религии и хулиганства, «любви» к животным и варварского отношения к человеку, в особенности к женщине, бессильных потуг на широкий размах» (в очень узких четырех стенах ординарного кабака)...»⁴³ Слова о «кобелях», «любви к животным» – выражение неприятия Бухариным противопоставления живому железного, отношения к людям как носителям новой железной и бесчувственной цивилизации. «Луна» – возможно, речь идет об ощущении внутреннего раскола, утраты жизненных сил (в таком ключе луна упоминается в стихотворениях «Метель» и «Какая ночь! Я не могу...»). «Некрофилия» – мотив смерти, также, по Бухарину, недопустимый для поэта, обязанного быть «в гуще жизни», особенно в сложное переходное время. «Пьяные слезы», «хулиганство» – прямая отсылка к «кабацким» мотивам, ставшим для Бухарина наиболее сильным раздражителем. Словами о серебряном ручье есенинской поэзии отмечен большой талант поэта, высокий художественный уровень его поэзии, что не препятствует резко негативным ее оценкам – для Бухарина не менее важен второй упомянутый выше критерий. Сходная оценка дана Бухариным есенинской поэзии на Первом всесоюзном съезде советских писателей. Есенин, как один из наиболее выдающихся поэтов, поставлен им в один ряд с Блоком и Брюсовым, однако снова перечисляются негативные черты его поэзии – «вражда к городу, мистика, культ ограниченности и кнутобойства»⁴⁴.

Еще одна тема «Злых заметок» связана с русской интеллигенцией, роль и судьба которой являлись одной из центральных тем в российском интеллектуальном пространстве на рубеже веков, в период революций и после Октября. Крайне актуальной она оставалась для большевистских

⁴² Бухарин. Злые заметки. С. 108.

⁴³ Там же. С. 106.

⁴⁴ Бухарин 1934. С. 488.

идеологов при решении масштабных задач в области культуры, идеологии, строительства нового общества в ситуации острого кадрового дефицита. В первые десятилетия нового века общественную мысль разных направлений объединяла идея необходимости для русской интеллигенции глубокого изучения окружающей действительности и активного участия в созидательной работе. При этом признавалось характерным для нее отсутствие «твердой почвы» и в силу того невозможность последней. Это положение под разным углом зрения проходит через сборник «Вехи», публицистику А. Блока, В. Брюсова, И. Бунина, работы В. Ленина, А. Луначарского, В. Полонского.

В работах Бухарина, затрагивающих эту тему, есть отсылки к «Вехам», «Инвективе товарищам интеллигентам» В. Брюсова, публицистике революционных демократов⁴⁵. По Бухарину, поэтам и писателям присущи «бессилие», «безволие», «остатки обломовщины, интеллигентского самомнения, рабского темпа работы». В отношении лучших из них в его статьях многократно повторяются слова «труд» и «работа» – подразумевается работа внутренняя, позволяющая глубоко осознать ключевые процессы действительности, и работа созидательная – высокоталантливое и разностороннее отражение этих процессов в творчестве. Упомянутые мотивы творчества Есенина являли для Бухарина негативный пример – ведь «поэзия воспитывает характеры»⁴⁶.

В «Злых заметках» Бухарин выступал за выражение в литературном творчестве реальных чувств, а также противоречий и конфликтов текущей эпохи («коммунисты и рабочие вообще – это не ходячие абстракции... Ничто человеческое им не чуждо. Они страдают, радуются, любят, живут, умирают... Жизнь переходной эпохи... так туго набита противоречиями и конфликтами... что здесь есть место и для драм, и для трагедий, и для комедий, и для лирики...»)⁴⁷. Но абсолютный пессимизм в отношении противоречий эпохи и вызванные ее драматизмом, как и личной драмой, отчаяние, внутренний раскол, ощущение угасания и близости смерти и, как следствие, осознанное разрушение собственной личности, цинизм не должны выступать в поэзии (с учетом ее влияния) в качестве ключевого мотива: «Слезы – допустимы. Но зачем же обязательно с пьяной икотой? Печаль – тоже. Но зачем же сразу гнилое «ваши пальцы пахнут ладаном» а la Вертинский в кабаре? ... Нам нужна литература бодрых людей, в гуще жизни идущих... знающих жизнь, с омерзением относящихся к гнили, плесени, гробокопательству...»⁴⁸.

⁴⁵ Там же. С. 484, 489; Бухарин 1924. С. 35; 1993. С. 78–88.

⁴⁶ Бухарин. Злые заметки. С. 107. Под «братьями-писателями» Есенина, «пьющими горькую», по-видимому, подразумеваются имажинисты.

⁴⁷ Там же. С. 109.

⁴⁸ Там же. С. 110.

Смежной с предыдущей темой является отсутствие значительного количества желаемых образцов новой художественной литературы. За редким исключением творчества Маяковского и Горького новую литературу отличал низкий уровень и подмена художественной составляющей идеологией. Высокоталантливые произведения Есенина представляли собой успешную и опасную конкуренцию, и Бухарин подробно останавливается на этом: «Почему у комсомольца частенько под «Спутником коммуниста» лежит книжечка стихов Есенина? Потому что мы и наши идеологи не трогали тех струн молодежи, которые тронул – хотя бы в форме вредоносной по существу – Сергей Есенин»⁴⁹. Эта ситуация, в конечном счете, и обусловила появление «Злых заметок» и их резкость. «Залп по есенинщине» – все, что можно было противопоставить распространению и устойчивости негативных процессов в литературном творчестве, а через них – в духовной жизни и культуре в целом.

«Злые заметки» полностью соответствуют идеям Бухарина в отношении российского/советского общества и его культуры. Есенинская поэзия стала объектом его резкой критики не в силу ее крестьянской природы или проводимого Бухариным курса на выхолащивание литературного творчества идеологией и неприятия им национальной культуры. В есенинской поэзии содержался большой деструктивный потенциал для общества переходной эпохи, с характерным для него значительным наследием прошлого и стоящими перед ним задачами глубоких преобразований, осуществление которых, как неоднократно подчеркивал Бухарин, подразумевало «переделку собственной природы» – прогрессивные изменения в сознании, мышлении, рост внутренней и внешней культуры. Художественная литература должна была способствовать этому. Поэзия же Есенина как наиболее яркое проявление широкого направления в литературе представляла собой пример обратного и, соответственно, значительную опасность, особенно в условиях, когда «жизнь переходной эпохи... невероятно сложна» и «туго набита противоречиями и конфликтами, общественными, бытовыми, личными»⁵⁰.

Для понимания содержания и причин написания «Злых заметок», как и всех работ Бухарина, необходимо иметь представление об исторической ситуации, в которой они возникли, об основных предметах внимания общественной мысли того времени – в области культуры, художественной литературы, идеологии, развития общества в целом. «Злые заметки», в свою очередь, помогают глубже понять идеи Бухарина, так как отражают их применительно к конкретному случаю, они являются иллюстрацией к представлениям Бухарина о допустимом уровне свободы и терпимости в отношении литературного творчества.

⁴⁹ Там же. С. 109.

⁵⁰ Там же.

Источники

- А<лексей> П<ешков>. Поль Верлен и декаденты // Самарская газета. 1896. №81 (13 апр.), №85 (18 апр.)
- Горький М. Беседа с молодыми. Правда. 1934. 22 апр.
- Бунин И.А. Инония и Китеж // Возрождение. 1925. 12 окт. (№ 132). С. 2–4.
- Бухарин Н.И. Борьба за кадры. М.: Молодая гвардия, 1926. 348 с.
- Бухарин Н.И. Атака. М.: Госиздат. 1924.
- Бухарин Н.И. Революция и культура. М.: Фонд им. Н.И. Бухарина, 1993.
- Бухарин Н.И. Времена. М.: АГРАФ, 2009. 384 с.
- Бухарин Н.И. Этюды. М.; Л.: Государственное технико-теоретическое изд-во, 1932.
- Бухарин Н.И. Злые заметки // Бухарин Н.И. Революция и культура. С. 104–111.
- Бухарин Н.И. О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР // Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стеногр. отчет. М.: Гослитиздат, 1934. С. 479–503.
- Бухарин Н.И. Речь на XXIV Ленинградской губпартконференции // Правда. 1927. 27 янв.
- Бухарин Н.И. Текущие задачи комсомола: Доклад на XVIII Всесоюзном съезде ВЛКСМ 6 мая 1928 г. М.: Молодая гвардия, 1928. 56 с.
- Воронский А.К. Литературные силуэты // Красная новь. 1924. №1 (18). С. 271–289.
- Воронский А.К. Об отошедшем Есенине // Воронский А.К. Литературные записи. М.: Круг, 1926. С. 135–145.
- Город и деревня. М., 1925. № 3/4, 5 марта
- Гумилевский Л.И. Собачий переулок. Л.: Изд. автора, 1927. 268 с.
- Есенин С.А. Исповедь хулигана. Б/м, Б/и, 1921. 15 с.
- Есенин С.А. Москва кабацкая: Стихи. Л.: Б/и, 1924. 43 с
- Есенин С.А. О России и революции. М.: Современная Россия, 1925. 94 с.
- Есенин С.А. Преображение: сб. поэм. М.: Имажинисты, 1921. 47 с.
- Есенин С.А. Русь советская. Баку: Бакинский рабочий, 1925. 80 с.
- Есенин С.А. Стихи скандалиста. Берлин: Издательство И.Б. Благова, 1923. 57 с.
- Золотой кипяток. М.: Имажинисты, 1921. 30 с.
- Известия ЦК КПСС 1989. №1.
- Луначарский А.В. Письмо в редакцию // Известия ВЦИК. 1921. № 80 (14 апр.)
- Письмо Бухарина Горькому, после 23 июня 1925 г. // Источник. 1994. №1 (8). С. 7–8.
- Письма Горького Бухарину 1930 г. // Источник. 1994. №1 (8). С. 8–12
- Постановление Политбюро ЦК РКП(б) «О политике партии в области художественной литературы» от 18 июня 1925 года // Власть и художественная интеллигенция. Докты ЦК РКП(б) – ВКП(б), ВЧК – ОГПУ – НКВД о художественной политике. М.: Международный фонд «Демократия», 1999. С. 53–58
- Протокол заседания комиссии Политбюро ЦК РКП(б) по вопросу о пролетарских писателях. 13 февраля 1925 г. // Власть и художественная интеллигенция... С. 50
- РГАСПИ. Ф. 329. Оп. 2. Д. 4. Л. 72–76
- Тальзин М. Неповторимый // Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. / Сост. и коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. Т. 2. М.: ИНКОН, 1993. С. 259–281.
- Толстой А. О новой литературе // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 293–294.
- Троцкий Л.Д. Вне-октябрьская литература. Литературные попутчики революции // Правда. 1922. №224. (5 окт.)
- Троцкий Л.Д. Памяти Сергея Есенина // Правда. 1926. 19 янв.
- Трубецкой Ю. Сергей Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 171–172.
- А. Фовицкий. Смерть поэта // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 327–332.
- Упадочное настроение среди молодежи. Есенинщина. М.: Изд-во Комакадемии, 1927. 160 с.
- Устрялов Н. Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2. 1993. С. 345–356.
- Эренбург И. Бурная жизнь Лазика Ройтшванца. СПб: Кристалл, 2002. 255 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бубнов С.А. Книга стихов С.А. Есенина «Москва кабацкая» в восприятии современников поэта // Известия Саратовского ун-та. Сер. История. Филология. Журналистика. 2014. Т. 14, вып. 3/2014. С. 96–100.
- Бубнов С.А. Поэзия С.А. Есенина в восприятии литературной критики 1915–1925 годов. Орел: Изд-во Орловского государственного университета, 2005. 165 с.

- Воронова О.Е. Национальное и общечеловеческое в творчестве С.А. Есенина. М.: Рязанский государственный университет, 2013. 356 с.
- Горелов И.Е. Николай Бухарин. М.: Московский рабочий, 1988. 283 с.
- Гусева Н.И. Дискурс русской эмиграции о Есенине (1918–1945) // Современное есениноведение. Рязань, Б/и, 2005. № 3. С. 107–120
- Емельянов Ю. Заметки о Бухарине. М.: Молодая гвардия, 1989. 320 с.
- Занковская Л.В. Новый Есенин. Жизнь и творчество поэта без купюр и идеологии. М.: ООО «Флинта», 1997. 413 с.
- Казарин В.П. Не верь глазам своим. Злые реплики по поводу современной интерпретации «Злых заметок» // Вопросы литературы. М., 2000. Вып. 6 (63). С. 116–117.
- Ковалев А. Бухарин Н.И. Эстетика. Критика. Стратегия культурной революции // Искусство. 1988. №12. С. 22–23.
- Куняев С.С., Куняев Ю.С. Сергей Есенин. М.: Молодая гвардия, 2010. 595 с.
- Лайне С.В. Николай Бухарин – литературный критик. М.: Знание, 1991. 63 с.
- Лацис О. Вступ. ст. к «Злым заметкам» // Вопросы литературы. М., 1988. №8. С. 22–35
- Лекманов О.А., Свердлов М.И. Есенин. Биография. М.: Corpus, 2011. 624 с.
- Папкова Е.А. Личность и творчество Есенина в книге Вс. Иванова «Тайное тайных» // Поэтика и проблематика творчества Есенина в контексте есенинской энциклопедии. М.; Константиново; Рязань: Лазурь, 2009. С. 300–316.
- Пашинина В.С. Неизвестный Есенин. Неопубликованные главы. Сыктывкар, 2006. 313 с.
- Прокушев Ю. Только правду // Вопросы истории. 1988. №6. С. 43–47.
- Русское зарубежье о Есенине: В 2 т. / Сост. и коммент. Н.И. Шубниковой-Гусевой. Т. 2. М.: ИНКОН, 1993. 203 с.
- Савченко М.М. Н.И. Бухарин и литература: Учеб. пособие. М.: Прометей, 1990. 93 с.
- Савченко Т.К. Есенин и русская литература XX века: влияния, взаимовлияния, литературно-творческие связи. М.: Русский мир, 2014. 558 с.
- Спиридонова Л. Горький: новый взгляд. М., Б/и, 2004. 264 с.
- Суровцева Е.В. Горький и Бухарин: переписка // Современная филология: Мат-лы III междунар. науч. конф. / Отв. ред.: Г.А. Кайнова, Е.И. Осянина. Уфа, 2014. С. 18–21.
- Суровцева Е.В. Жанр «письма вождю» в тоталитарную эпоху. М.: РОССПЭН, 2008. 147 с.
- Тиме Г.А. Закат Европы как «центральная мысль русской философии». Полемика о Шпенглере в России начала 1920-х годов // Россия и Германия. Т. 2. М.: АИРО-XXI, 2010. С. 460–480.
- Устинов О.А. Проблема человека в творчестве Н.И. Бухарина: Дисс. канд. фил. наук. М., 2007. 204 с.
- Флейшман Л. Пастернак и Бухарин в тридцатые годы // Дружба народов. 1990. № 2. С. 249–258.
- Фрезинский Б. Илья Эренбург и Николай Бухарин // Вопросы литературы. 1999. № 1. С. 305–311.
- Фрезинский Б.Я. Утопии и реальность // Бухарин Н.И. Революция и культура. С. 25–27.
- Ярошевский М.Г. Проблемы теории науки и искусства работах Н.И. Бухарина // Вопросы философии. 1988. № 10. С. 85–95.

REFERENCES

- Bubnov S.A. Kniga stihov S.A. Esenina «Moskva kabackaya» v vospriyatii sovremenni-kov poeta // Izvestiya Saratovskogo un-ta. Ser. Istoriya. Filologiya. Zhurnali-stika. 2014. T. 14, vyp. 3/2014. S. 96–100.
- Bubnov S.A. Poeziya S.A. Esenina v vospriyatii literaturnoj kritiki 1915–1925 godov. Orel: Izd-vo Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta, 2005. 165 s.
- Voronova O.E. Nacional'noe i obshchchelovecheskoe v tvorchestve S.A. Esenina. M.: Ryzanskij gosudarstvennyj universitet, 2013. 356 s.
- Gorelov I.E. Nikolaj Buharin. M.: Moskovskij rabochij, 1988. 283 s.
- Guseva N.I. Diskurs russkoj emigracii o Esenine (1918–1945) // Sovremennoe esenino-vedenie. Ryzan', B/i, 2005. № 3. S. 107–120
- Emel'yanov Yu. Zametki o Buharine. M.: Molodaya gvardiya, 1989. 320 s.

- Zankovskaya L.V. Novyj Esenin. Zhizn' i tvorcestvo poeta bez kupyur i ideologii. M.: OOO «Flinta», 1997. 413 s.
- Kazarin V.P. Ne ver' glazam svoim. Zlye repliki po povodu sovremennoj interpre-tacii «Zlyh zametok» // Voprosy literatury. M., 2000. Vyp. 6 (63). S. 116–117.
- Kovalev A. Buharin N.I. Estetika. Kritika. Strategiya kul'turnoj revolyucii // Iskusstvo. 1988. №12. S. 22–23.
- Kunyaev S.S., Kunyaev Yu.S. Sergej Esenin. M.: Molodaya gvardiya, 2010. 595 s.
- Lajne S.V. Nikolaj Buharin – literaturnyj kritik. M.: Znanie, 1991. 63 s.
- Lacis O. Vstup. st. k «Zlym zametkam» // Voprosy literatury. M., 1988. №8. S. 22–35
- Lekmanov O.A., Sverdlov M.I. Esenin. Biografiya. M.: Corpus, 2011. 624 s.
- Papkova E.A. Lichnost' i tvorcestvo Esenina v knige Vs. Ivanova «Tajnoe tajnyh» // Poetika i problematika tvorcestva Esenina v kontekste eseninskoj enciklope-dii. M.; Konstantino-vo; Ryazan': Lazur', 2009. S. 300–316.
- Pashinina V.S. Neizvestnyj Esenin. Neopublikovannye glavy. Syktyvkar; Kiev, 2006. 313 s.
- Prokushev Yu. Tol'ko pravdu // Voprosy istorii. 1988. №6. S. 43–47.
- Russkoe zarubezh'e o Esenine: V 2 t. / Sost. i komment. N.I. Shubnikovoj-Gusevoj. T. 2. M.: INKON, 1993. 203 s.
- Savchenko M.M. N.I. Buharin i literatura: Ucheb. posobie. M.: Prometej, 1990. 93 s.
- Savchenko T.K. Esenin i russkaya literatura XX veka: vliyaniya, vzaimovliyaniya, lite-raturno-tvorcheskie svyazi. M.: Russkij mir, 2014. 558 s.
- Spiridonova L. Gor'kij: novyj vzglyad. M., B/i, 2004. 264 s.
- Surovceva E.V. Gor'kij i Buharin: perepiska // Sovremennaya filologiya: Mat-ly III mezhdunar. nauch. konf. / Otv. red.: G.A. Kajnova, E.I. Osyaniina. Ufa, 2014. S. 18–21.
- Surovceva E.V. Zhanzh «pis'ma vozhdyyu» v totalitarnuyu epohu. M.: ROSSPEN, 2008. 147 s.
- Time G.A. Zakat Evropy kak «central'naya mysl' russkoj filosofii». Polemika o Shpenglere v Ros-sii nachala 1920-h godov // Rossiya i Germaniya. T. 2. M.: AIRO-XXI, 2010. S. 460–480.
- Ustinov O.A. Problema cheloveka v tvorcestve N.I. Buharina: Diss. kand. fil. nauk. M., 2007. 204 s.
- Flejshman L. Pasternak i Buharin v tridcatye gody // Druzhiba narodov. 1990. № 2. S. 249–258.
- Frezinskij B. Il'ya Erenburg i Nikolaj Buharin // Voprosy literatury. 1999. № 1. S. 305–311.
- Frezinskij B. Ya. Utopii i real'nost' // Buharin N.I. Revolyuciya i kul'tura. S. 25–27.
- Yaroshevskij M.G. Problemy teorii nauki i iskusstva rabotah N.I. Buharina // Voprosy filoso-fii. 1988. № 10. S. 85–95.

Коваленко Надежда Вячеславовна, преподаватель, Государственный академический университет гуманитарных наук; el.kowalenko2012@yandex.ru

«Angry notes» as a part of N.I. Bukharin's ideal heritage

The paper deals with Nicolay Bukharin's article *Angry notes* (*Zlye zametki*) which is dedicated to the lyrics of Sergey Yesenin. The author undertakes a detailed analysis of the structure, logic, and rhetoric of this article, and studies it as an important evidence for Bukharin's ideas about the early Soviet society. To understand the reasons for the creation of *Angry notes* the author also refers to cultural and literary processes in the Soviet/Russian society of the early 20th c. The author shows that *Angry notes* were organically linked to a wide range of Bukharin's ideas. The severe criticism of Yesenin's poetry is determined by the fact that in Bukharin's view some of Yesenin's tendencies were incompatible with the current tasks of the transitional society. Yesenin's lyrics, according to Bukharin, was capable to destructively influence the society, especially the youth.

Keywords: Russia, Europe, identity, image of the Other, dialogue of cultures

Nadezhda Kovalenko, Lecturer, State Academic University for the Humanities; el.kowalenko2012@yandex.ru

ПРИГЛАШЕНИЕ К ДИСКУССИИ

С. В. ЗАНИН

НЕМНОГО О «ЕЖАХ» И «ЛИСАХ», ИЛИ ОТКУДА ВОЗМУТСЯ «БРОНЕНОСЦЫ»? (Заметки о «новой культурной истории Просвещения»)

В статье рассматривается вклад «новой культурной истории» в историографию Просвещения второй половины XX в. Подчеркивается, что появление данного направления стало ответом на расширение и усложнение информации о Просвещении за последние 30 лет. Вместе с тем, в этом направлении выявлены недостатки: методологический эклектизм, отрицание предшествовавшей историографической традиции, взгляд на культуру как на совокупность культурных объектов. По мнению автора, дальнейшее развитие историографии Просвещения возможно на путях совершенствования методологии в рамках конкретных исторических исследований.

Ключевые слова: историография Просвещения, новая культурная история, предмет и методология исторического исследования

Широко известный парадокс, согласно которому ученый принимает обличье то «лиса», то «ежа», в полной мере характеризует французскую историографию Просвещения в XX в. Почему так происходит? Следует учесть, что в науке познавательный процесс как таковой един и протекает на двух уровнях. Во-первых, на предметном, который включает сам процесс исследования и собственные социокультурные установки ученого. Во-вторых, на рефлексивном (методологическом), связанном с «системой предписаний, определяющих характер и порядок применения познавательных средств и действий»¹. Во втором случае историк становится «ежом», пытаясь дать объяснение «в контексте одной дисциплины и, исходя из единственной причины» [ср.: Уваров 2015], а лучше сказать «исходя из определенной системы предписаний». В первом случае он находится в постоянном поиске предмета исследования, нового ракурса в рассмотрении, казалось бы, изученного явления.

«Новая культурная история Просвещения», представленная работами Даниеля Роша, Роже Шартье и др., выражает стремление к обновлению тематики («предметной области») исследований с акцентом на междисциплинарные. Согласен что «то, как новая культурная история заявляет о себе, представляет собой не столько новую специализацию исследований, сколько дальнейшее развитие процесса *расширения поля исторического исследования*» (Poirrier 2004: 387). Ее протагонисты – явные «лисы», признающие «узость», будь то «экономического марк-

¹ Ссылаюсь на работу моего Учителя: Борисов 1967.

сизма» и «истории идей», или же «истории книги» Л. Февра и «истории ментальностей» (Робер Мандру и Жорж Дюби), дальнейшим развитием которой по мнению ряда исследователей она является². Совершенно справедливо отмечалось, что это направление, хотя и тесно связано с «культуральной историей», но все же стоит несколько особняком по отношению к ней [Бёрк 2015: 15; Poirrier 2004: 374].

«Новая культурная история» зародилась не вчера, а в конце 1960-х. Это, к примеру, работы Мишеля де Серто – основоположника конструктивистского направления в изучении истории культуры [Serreau 1993]. Сегодня, перефразируя известное высказывание В.О. Ключевского по другому поводу, для «новой культурной истории Просвещения», наступила «историографическая давность» [Ключевский 1993: 233]³. Действительно, появляются работы, в которых предпринимается попытка охарактеризовать достижения и осмыслить перспективы дальнейшего развития [Poirrier 2004]. Относительно слабый интерес к поставленному вопросу в отечественной историографии во многом объясняется тем, что, при прочих равных условиях, мятущихся «лис» у нас предпочитали и предпочитают «ежам». Не стоит, наверное, загромождать статью ссылками на переведенные сочинения Филиппа Арьеса, Мишеля де Серто, Роже Шартье и Роберта Дарнтон. Повышенное внимание к публикациям подобного характера со стороны российских историков предопределило известный ракурс рассмотрения французской историографии Просвещения в целом. Проще сказать, в отечественной науке ее воспринимали фрагментарно, без учета общего контекста создания работ.

Очевидно, что критический разбор сочинений, написанных «лисами», сам по себе недостаточен для оценки историографической ситуации в целом. В рамках одной статьи невозможно ее охарактеризовать достаточно полно. Важно другое. Во французской историографии Просвещения второй половины XX в. появляется несколько десятков фундаментальных работ (о них и пойдет речь ниже). Встает вопрос: в какой мере «новая культурная история» изменила «историографический пейзаж» в сфере изучения французского Просвещения? Вопрос этот в отечественной (да, и в зарубежной) науке по указанным причинам еще не получил должного освещения.

В сложившейся ситуации С.Я. Карп весьма своевременно обратил ся к анализу французской историографии Просвещения и постарался подвести некоторый, хотя и, учитывая характер издания, где опубликована его работа, промежуточный итог ее развития. Его статья озаглавле-

² У Робера Мандру встречается выражение «социокультурная история». Ibid. P. 54.

³ «Для Екатерины II наступила историческая давность. Это налагает некие особые обязательства на мысль, обращающуюся к обсуждению ее деятельности, устанавливает известное отношение к предмету, подсказывает точку зрения».

на с явной отсылкой к известной статье Канта «Что есть Просвещение?». Однако вопрос сформулирован не совсем точно. Современник Просвещения вправе поставить его именно так: «Was ist Aufklärung?». Но в наши дни он должен звучать иначе: «Was war Aufklärung?». Действительно, в современной науке идеи Просвещения воспринимаются не как «наследие прошлого и памяти о нем», но как объект изучения «важнейших черт новой динамики мысли и знания» [Martin 2017: 8].

Ответу именно на второй, а не первый вопрос и посвящены работы, опубликованные во французской историографии между 1940-ми и 1970-ми годами. Сегодня не подлежит сомнению, что их появление ознаменовало собой целую эпоху. Поражает охват затронутой специалистами проблематики. Вот некоторые заголовки, взятые наугад: «Идея счастья во Французском Просвещении» Робера Мози, «Идея природы во Франции в первой половине XVIII века» Жана Эрара, «Возникновение французской эстетики в Новое время (1680–1814)» Анни Бек, магистральное исследование развития естествознания в век Просвещения Жана Роже⁴. Можно привести и другие примеры. Существует ли внутренняя связь тематики, избранной названными, а в большей мере – не названными, авторами? Ее выбор наводит на мысль о реализации и, одновременно, критике некоей программы исследований. Но какой?

Позволю себе высказать гипотезу: речь идет о фундаментальной работе академика Поля Азара, опубликованной вскоре после войны и после смерти автора, трагически погибшего во время оккупации Парижа. Именно в ней впервые были затронуты сюжеты, вынесенные в заголовки трудов Р. Мози, Ж. Эрара и А. Бек. Авторы доказали амбивалентный характер мысли Просвещения: колебания между наследием Классицизма и новой эстетикой «креативного субъекта»; противоречивость понятия «природа», которое было «стержневым понятием» (*idée-force*), а вместе с тем и «понятием-тормозом» (*idée-frein*) в той мере, в какой оно стало «бледным подобием» своего антипода – мирового порядка, основанного на благодати; стремление к счастью и тесно с ним связанное внутреннее «равновесие» (*équilibre*) человека (не всегда устойчивое), мечты об установлении которого в обществе нашли выражение в утопиях Просвещения. Азар отмечал: «все же не стоит изучать развитие идей, исходя из того, что они сохраняют свою изначальную чистоту, как будто они на деле сохраняют неумолимую логику абстрактного суждения. Сменяющие друг друга эпохи почти всегда оставляют после себя незавершенные постройки; каждая из них разрушается еще до того, как ее успевали возвести» [Hazard 1946: 5]. Сходный взгляд на «динамику мысли и знаний» обнаруживается и в композиции работ названных выше

⁴ Ehrard 1995; Roger 1993; Mauzi 1994; Весq 1994. Работы опубликованы в 1960-х гг., ссылки даются на переиздания.

авторов. К примеру, Мози указывал на то, что «идея счастья» была не неким устоявшимся концептом, а, скорее, «поиском внутреннего единства человека». Писатели Просвещения в значительной мере исходили из «двусмысленных предпосылок», а их взгляды отражали антиномии социального и индивидуального бытия человека. Упомянутые специалисты уделяли большое внимание проблеме вариаций идей в творческой деятельности отдельных писателей, но все же исходили из того, что, по словам Азара «именно интеллектуальные силы, а не материальные, направляют жизнь и властвуют над ней» [Hazard 1961: 11]. Таким образом, он предлагал изучать, если можно так выразиться, историю «сдвигов» в развитии *идей и интеллектуальной среды* в эпоху перехода от Классицизма к Просвещению и собственно в эпоху Просвещения.

В 1960-е подход, за который ратовал П. Азар, утвердился во французской историографии, хотя и не безоговорочно, как и тот, согласно которому Европа Просвещения – общекультурный и общеевропейский феномен. Иллюстрируя основные положения многочисленными примерами, он ссылаясь на произведения немецких, французских, английских и итальянских просветителей, а в известной диссертации Жана Фабра, основателя научной школы и Центра изучения французского языка и литературы XVII и XVIII (Париж-Сорбонна), был предпринят «сетевой анализ» связей между королем Польши Станиславом Августом Понятовским и мыслителями европейского Просвещения [Fabre 1952].

В 1970-е годы, под влиянием работ Жана Старобэнски и Бронислава Бачко, отчетливо прослеживается тенденция изучать наиболее значимые проблемы сквозь призму сочинений выдающихся мыслителей, принимая во внимание психологию их творчества. В них, отчасти отдавая дань интеллектуальной моде (неомарксизм, психоанализ), авторы проводили новаторский анализ произведений Ж.-Ж. Руссо, чьи идеи и сегодня активно и часто обсуждаются, правда в России, к сожалению, исключительно по случаю юбилейных дат. Весьма любопытная «дискретность»... Примером, если можно так выразиться, «пунктуального анализа», является диссертация Жана Дажана, посвященная «истории гуманизма» и исторического сознания эпохи Просвещения. Автор считал, что вехами этой истории стали труды Фонтенеля, Руссо и Кондорсэ [Dagen 1977]. В начале 1980-х, в значительной мере под влиянием работ Мишеля Делона и его учеников, история литературы изучается в контексте истории идей. Например, «принцип изящества» или «диалогичности», «понятие энергии» рассматриваются как достижение философской мысли, отразившейся в литературном и художественном творчестве. Предложенный подход оказался весьма плодотворным, поскольку в сочинениях крупнейших представителей Просвещения, например, Дидро, Руссо, Монтескье/ философская мысль весьма часто выражена в литературной форме и образует с ней неразрывное целое.

Вместе с тем, создается впечатление, что в начале 1980-х гг. исследователи отдавали себе отчет в том, что время «амбициозных сюжетов» прошло, и предпочтение все более отдавали неопубликованным архивным документам и «забытым» или малоизученным авторам. Словом, настало время «ежей-грибников». На то были веские основания, поскольку, к примеру, по смерти графини Шабанэ, последней из рода Монтестье, специалисты впервые получили доступ ко всем его рукописям и библиотеке мыслителя, и некогда считавшееся исчерпывающим трехтомное собрание его сочинений ныне заменяет издание в 22 томах, подготовленное усилиями международного консорциума исследователей, в первую очередь, Катрин Вopilлак-Оже. Сказанное касается не только Монтестье, но и аббата Куайе, маркиза Мирабо и многих других писателей Просвещения, прежде не пользовавшихся благосклонностью специалистов. Сегодня историография эпохи внешне напоминает некий многослойный субстрат, состоящий из исследований общего характера, изданных в 1960–1970-е гг., и новейших публикаций, посвященных более узким темам. Нараставшая специализация исследований во многом объясняет, почему в общей массе публикаций стали преобладать тематические сборники, коллективные монографии и комментированные издания текстов. Казалось бы, на рубеже 1970-х программа исследований, предложенная П. Азаром, оказалась полностью исчерпана, как исчерпало себя и изучение истории идей «в чистом виде».

Российские исследователи приводят критические выпады Д. Роша и В. Ферроне в адрес методов «интеллектуальной истории», применяемых в изучении Просвещения [Всемирная история 2013: 102]. Хотелось бы сделать два замечания касательно этой критики. Во-первых, направление, называемое «интеллектуальная история» далеко не однородно. Известна «интеллектуальная история» в интерпретации Пьера Розанваллона⁵, претившая Даниелю Рошу, существует, наконец, отечественная историография, представленная работами Л.П. Репиной. Обратим внимание и на иные подходы и направления, близкие «интеллектуальной истории», с которыми солидарен автор этих строк. Во-вторых, у представителей «новой культурной истории Просвещения» термины «интеллектуальная история» и «культурная история» подчас синонимичны. Так, Р. Шартье пишет: «Единственным ныне приемлемым определением *интеллектуальной или культурной истории* кажется то, которое дал Карл Шорске в том смысле, что *он не притисывает ей особую методологию или обязательные концепты*⁶, но указывает на двоякое

⁵ Пьер Розанваллон предлагал изучать историю представлений, задающих направления деятельности исторических индивидов, вкпе с «рациональным взглядом на политику» (*rationalités politiques*). Rosanvallon 1989. P. X.

⁶ Здесь и далее выделено автором статьи.

измерение исследований: вертикальное (диахроническое), которое позволяет выявить связь между текстом или «системой мысли» с тем, что ему предшествовало в культуре (живопись, политика), с одной стороны, и горизонтальное (синхронное), обнаруживающее связь между интеллектуальным объектом и иными культурными сферами определенной эпохи» [Chartier 1998: 59-60]. Как выразились Жан-Пьер Риу и его коллеги, понятие «“культурная история” не более произвольное, чем понятие “история интеллектуальная”, хотя последняя восходит к немного более старой традиции» [Poirrier 2004: 42]. Новая культурная история Просвещения не предлагает ни новой методологии, ни новой понятийной базы. Она – новый подход, метания «лиса», если угодно.

Попытаемся выяснить, каковы его истоки и в чем он заключается.

Немного об истоках. Дело в том, что подход, развитый П. Азаром в 1930-х, был далеко не единственным в изучении Просвещения. Обратим внимание на два известных сочинения академика Даниеля Морнэ: «Интеллектуальные истоки Французской революции (1715–1787)» (1933) и его более раннюю версию под названием «Французская мысль в XVIII веке» (1926), в которой автор поставил цель изучить «духовную и нравственную жизнь народа» с точки зрения «беспристрастного» позитивизма [Mornet 1926. Introduction]. В «Интеллектуальных истоках» автор притязает на то, чтобы показать, «каким образом, в какой мере идеи великих писателей воздействовали на общественное мнение в целом, на тех, кто не принадлежал к числу лиц, занятых словесностью профессионально? Каким образом и в какой мере они постепенно распространялись и проникали в глубь весьма образованных классов, в среду буржуазии и мелкой буржуазии, народа; по мере того, как мы мысленно отдаляемся от Парижа и изучаем отдаленные провинции? Словом, как получилось, что бесчисленное множество французов стало задумываться о необходимости глубоких реформ и об их направлении?» [Mornet 1933. P. 7]. Именно Морнэ первым стал изучать распространение книг в обществе, подчеркнул значимость квантитативного анализа каталогов частных библиотек. Ему же принадлежит инициатива изучения состава провинциальных академий и идейных течений в них. Он пишет по этому поводу: «членами академий все более овладевало стремление наблюдать и экспериментировать в духе Бэкона, Локка и “Энциклопедии”. Ведь изучать предрассудки, косность, царившую в сельском хозяйстве и торговле, и искать средства ее преодолеть означало и постепенно свыкнуться с мыслью о необходимости противостоять рутине и порокам». Дижонская академия, та самая что присудила первую премию Руссо за «Рассуждение о науках и искусствах», «пополняется поначалу людьми скромного происхождения, не допуская в свои ряды дворянство и высокопоставленных должностных лиц» [ibid.: 212]. Таким образом, предвзятому докторской диссертации Д. Роша, Морнэ посвятил целую главу

«провинциальным академиям» (часть 2, гл. 5) и распространению в них «идей века», которые у него выглядели как некий обезличенный интеллектуальный субстрат: противостояние рутине и пороку нарастало в различных кругах, а идеи великих мыслителей Просвещения проникали в них. Однако представляется, что в его рассуждения вкралась довольно распространенная логическая ошибка: *Namque «cum hoc» non vult «ergo propter hoc»*. Из того, что все эти «факторы» действовали одновременно, нельзя заключить, что французы стали требовать перемены и реформ. На эту непоследовательность Морнэ справедливо указывал Шартье, отмечая, что «истоки», к примеру, Французской революции, не производят на свет событие «автоматически». Но все же он признавался в том, что ему «волей-неволей пришлось взять за отправную точку классический труд Морнэ» [Шартье 2001: 212]. А вот стоило ли? К этому вопросу вернемся позднее, а сейчас отметим, что тематика, неизменно привлекающая представителей «новой культурной истории», а именно «распространение книг» в обществе, восходит к работам Люсьена Февра и Анри-Жана Мартэна, в частности, к коллективной монографии «Появление книги» (1958) [Poirrier 2004: 77-78].

Свою методологическую позицию Д. Рош обозначал неоднократно. Приведем некоторые, с нашей точки зрения наиболее значимые высказывания. «Поле этой социальной и культурной истории желало бы притязать на то, чтобы пойти навстречу вопросам и проблемам, относящимся к истории культурных моделей, идей и ментальностей, сохраняя стремление к всеобъемлющему и исчерпывающему подходу, но при этом отдавая себе отчет в том, что он останется недостаточным и ограниченным. Отвергая историю элит, предпочитающую изучение великих произведений, она отнюдь не собирается сбрасывать их со счетов» [цит. по: Poirrier 2004: 26]. Речь шла о том, чтобы «изучить переплетение отношений между людьми и социальными отношениями, необходимым образом подлежащими историческому изучению (*historisables*): это отношения между свободой и независимостью, независимостью индивида и социальным детерминизмом» [Roche 1993: VI].

Похоже, основная интенция Роша заключается в том, чтобы «социальную и культурную динамику» (П. Сорокин) противопоставить, с одной стороны, изучению творческого сознания элиты и ее окружения (в чем заключается суть историографии, восходящей к работам Азара), и, с другой – традиционной «социальной» истории Просвещения, т.е. истории классов и сословий. В сущности, он предлагает изучать «взаимоотношения (!) между практиками и представлениями», обещая, что учет этих факторов «позволит материализовать взаимоотношения между происходившими в обществе трансформациями и перемещениями, с одной стороны, и духовными и философскими сторонами бытия – с другой». И правда, наблюдения за изменениями материальной среды,

применение квантитативных методов позволяет понять многое из того, что прежде ускользало от внимания «чистых» историков идей и интеллектуальной среды: и прогресс материальной культуры, и «форм общения», и характер «усвоения новаций» индивидами в конкретной обстановке [Шартье 2001. С. 103]. Однако же, не в обиду будет сказано почтенному историку, его позиция есть ни что иное как ревизионизм со всеми его отличительными признаками: негативным отношением к историографической традиции и методологическим эклектизмом, выразившемся в принятии «многоаспектного (или многофакторного) подхода», который в естествознании был отброшен еще в конце XIX в., но почему-то упорно держится в науках гуманитарных вплоть до XXI в. Дело не в том, что утверждает в данном случае Рош, а в том, от чего он отказывается. Подвергая ревизии наследие истории идей (или старой «интеллектуальной истории» в духе Азара), он неизбежно «списывает в архив» труды ранее названных крупнейших специалистов по истории французского Просвещения. В конечном итоге получилось то, что, как верно подметил один французский историограф, по сути «новая культурная история Просвещения» выступала за «обновление истории институтов, сфер и объектов культуры». И это был своеобразный ответ на вызов «междисциплинарности», с которым столкнулись гуманитарные науки в конце XX в. [Poirtier 2004. P. 386-388].

От себя добавлю, что, если мы добавим к тематике, исследованной Морнэ, модные ныне термины «публичное пространство», «формы общения» или заменим восприятие в обществе идей, выработанных элитой, на усвоение «инноваций в широких кругах», а «циркуляцию идей» дополним «циркуляцией людей и вещей», то мы получим «новый» подход Роша и Ферроне, который вряд ли стоит называть «культурной историей Просвещения», потому как внятного понимания того, чем же является «культура», в этих работах не просматривается. Нельзя же, в самом деле, считать культурой «специфическое операционное поле рационализирующего дискурса и практик», которые «характеризовали процесс зарождения нового способа осмысливать историю, мораль и политику» и «придали совершенно особое значение религии и искусству, переведя общение людей на особый язык символов и кодов, положив в основу практику свободы и систематическое публичное использование разума во всех областях» (!) [цит. по: Всемирная история, 103].

Бесспорно, каждая из указанных автором сфер деятельности индивида или социальных групп имеет отношение к культуре, но их «взаимодействие» нельзя назвать «культурой». Меж тем, существует огромный пласт исследований, посвященных этой теме, и подчас не принимаемых во внимание представителями «новой культурной истории». Есть, к примеру, и такое: «For the moment it is unimportant how we define human culture. In the broadest sense it may mean the sum total of eve-

rything which is created or modified by the conscious or unconscious activity of two or more individuals *interacting* with one another or conditioning one another's behaviour». Проще сказать, «взаимодействуют» не сферы культуры, «системы мысли» или «интеллектуальные объекты», образуя некий субстрат, сильно напоминающий тот, что представлял себе Морнэ, а люди, так или иначе в них включенные. А то, каким образом они туда «включаются», образует контекст, т.е. то, что историк должен суметь «прочитать». На этом-то и настаивал в свое время Клиффорд Гирц, и его мнение вполне разделял, к примеру, Роберт Дарнтон [Берк 2015: 65].

Напрасно С.Я. Карп ссылался на некое «взаимодействие (!) социально-экономической истории Старого порядка (Л. Февр и др.) и литературоведения (Г. Лансон)», якобы имевшее место в историографии Просвещения в 1930–1940-е гг. Вот, что в действительности произошло, так это конфликт между зарождавшейся «историей идей» и «интеллектуальной среды» в духе П. Азара и подходом, предложенным Д. Морнэ, выразившимся в попытке заменить «историю идей» в узком понимании изучением социокультурного контекста их возникновения и распространения. Осознать значение этого, восходящего к 1930-м годам, конфликта – актуальная задача современной историографии Просвещения, которая не вписывается и не может вписаться в схему «линейного» развития (от «социально-экономической истории и литературоведения» к «новой культурной истории Просвещения»), потому как и само Просвещение развивалось далеко «не линейно».

Словом, специфика предметной области исследования во многом определяла характер историографии. Правда, я не склонен считать, что «новая культурная история», так сказать, возвратилась «на новом уровне» ко временам Даниеля Морнэ. Очевидно, что ее появление отражает сдвиги на рефлексивном уровне научных исследований, поскольку идет активный поиск новых «систем предписаний», о чем свидетельствуют многочисленные ссылки ее представителей на работы весьма разных по своим методологическим пристрастиям авторов, как Карл Шорске, Поль Рикёр, Питирим Сорокин [ibid.: 30] или Клиффорд Гирц. Таким образом, «новая культурная история Просвещения» – отнюдь не историографическая «данность», не «монолитное» направление исследований, хотя его сторонники, разумеется, склонны настаивать на обратном, а, как выразился Р. Дарнтон, «интерпретационная область», «чреватая последствиями» для исторической науки⁷.

А какими, собственно говоря, «последствиями»? Разумеется, речь идет не только о «размывании» ставшего традиционным предмета исследования (история идей, социальных групп, институтов), а о том, что при отсутствии внятного понимания культуры и методологии ее изуче-

⁷ Дарнтон 2002. Введение. Критика работы Дарнтон у Р. Шартье (Берк 2015. С. 65).

ния, необходимой понятийной базы и, вдобавок, игнорировании (надеюсь, я употребил не слишком сильное выражение!) главных достижений историографии Просвещения второй половины XX в., она рискует вылиться «в изощренные исследовательские практики и превратиться в “искусство ради искусства”», в достояние узкого круга специалистов» [Poitrier 2004: 390]. Сегодня попытки изложить историю Просвещения с позиций «новой культурной истории» не всегда дают однозначные результаты [Beaugerais 2011; Всемирная история 2013]. Так, если Даниель Рош призывал не «сбрасывать со счетов великие произведения», то в нашей историографии, ссылающейся на его работы, они растворились «в подвижной интеллектуальной среде», каковой якобы является Просвещение [Всемирная история 2013: 205].

С начала 1990-х гг. отечественные историки задаются вопросом: какой этап ныне переживает историческое познание? Является ли этот этап очередной «сменой парадигм» или «историографической революцией»? [Репина 2011. С. 557-558]. Не притязая на сколько-нибудь полный ответ на этот беспокоящий вопрос, ограничусь тем, что еще раз, но теперь уже с общенаучных позиций, постараюсь объяснить, с какими проблемами столкнулась во второй половине XX столетия историография французского Просвещения в момент появления «новой культурной истории». Прежде всего, в ней изначально была заложена междисциплинарность. Та, которую унаследовала «новая культурная история». Иначе и быть не могло. Жан Старобинский работал в Женеве интерном под руководством Карла-Густава Юнга, Бронислав Бачко посещал семинары Эрнста Блоха в Берлинском университете, Жана Эрара и Робера Мози связывали дружеские и профессиональные отношения с Мишелем Фуко и Жилем Делёзом. Как часто при изучении историографии мы ограничиваемся, так сказать, «историей идей», забывая порой о том самом «социокультурном контексте», в котором они возникали!

Разумеется, я не призываю подменять историографию агиографией, но склонен думать, что «метания лис» объяснимы с точки зрения выбора исследователями социальных и культурных установок, среды и организации научного общения, т.е. всего того, что применительно к истории Просвещения изучает «новая культурная история». «Я никогда не писал об истории в подобном ключе [историографическом], ибо у меня нет компетенций, которыми обладает историк Новейшего времени. Более насущным мне кажется участие в научной дискуссии как таковой, возникшей в последние годы, преодолевая национальные границы и границы научных дисциплин», – признавался Р. Шартье [цит. по: Poitrier 2004: 14]. Слов нет, «делать историю» гораздо приятнее, чем рассуждать о ней. Но ведь речь идет не о «компетенциях», а об анализе социальных и культурных установок самого специалиста, из необходимой рефлексии по поводу которых выстраивается «система предписаний» прило-

жимая к конкретному исследованию. «Новая культурная история Просвещения» от необходимой историографической работы отказалась, если не считать размышлений о собственной «генеалогии», восходящей к Морнэ. Ее выполнили другие, не из числа сторонников этого направления, поставив цель «реконструировать то, в каких условиях возникла культурная история», т.е. то, как «она развивалась, благодаря академическим спорам, откликаясь на культурную обстановку в начале ХХI века» (Филипп Пуаррье) [ibid.: Introduction].

Ранее упомянутые фундаментальные работы по истории Просвещения, участие большинства исследователей в публикации полных собраний сочинений и писем не только крупнейших просветителей (Руссо, Дидро, Вольтер), но и тех, кого ранее относили к разряду «второстепенных», новые данные экономического, этнографического и библиографического характера – все это привело к необычайному количественному и качественному росту информации об эпохе. Именно информации, а не пресловутой «источниковой базы» – расхожий термин, часто употребляемый коллегами. В какой мере научное сообщество справляется с обработкой этой информации? Ответить на поставленный вопрос следует в терминах той науки, которая занимается этой сферой.

Пока в 1950–1970-х гг. исследования века Просвещения носили междисциплинарный характер, а степени и звания присуждались без оглядки на то, была ли представлена на защиту работа в строгом смысле слова литературоведческая или философская, система научных исследований оставалась достаточно неустойчивой, т.е. открытой. Приведем в качестве примера работы Жана-Мари Гулёмо и его ученика Дидье Массо, которые, будучи специалистами по французской литературе, затрагивали в своих диссертациях широкий спектр проблем истории общественной мысли, идеологии, культуры и социологии социальных групп [Goulemot 1996; Masseur 1994]. Поэтому «энтропия» не возникала, и даже появлялись «временные островки уменьшающейся энтропии»⁸.

Но с 1980-х гг., когда поначалу вполне «толерантные» литературоведы и философы, озабоченные «сохранностью знамен», междисциплинарные исследования уступили место строго дисциплинарным. Достаточно назвать имена Сильвена Менана (работы по стихосложению, эстетике Вольтера, «сериальному подходу»), Жака Берштольда (поэтика и фабула французской прозы эпохи Просвещения), Пьера Франца (театр). Когда в нашей науке раздаются призывы не отбрасывать бездумно «социальную историю», за этим просматривается законное опасение насчет того, следует ли жертвовать наличными «островками определенности».

⁸ «В системах, не находящихся в равновесии, или частях таких систем энтропия не должна возрастать. Она может фактически уменьшаться в отдельных местах» [Винер 1958: 42, 48].

Без сомнения, появление «новой культурной истории» стало своеобразным ответом на нарастающую энтропию и отсутствие методов обработки вновь полученной весьма неоднородной информации. Ведь не случайно Роже Шартье заметил, что «в какой-то момент историки начинают *обрисовывать* контуры колоссальной и вместе с тем *неопределенной* территории» [Chartier 1998. Р. 29]. Иными словами, речь шла о расширении «островков определенности», создании нового предметного поля. Но возникло ли оно? С учетом сказанного ранее, напрашивается скорее отрицательный ответ на поставленный вопрос.

Сумеют ли историки Просвещения преодолеть возникшую «энтропию» и создать новые «островки определенности», как мне представляется, зависит в первую очередь от того, удастся ли им создать методологию, соответствующую специфике материала, привлеченного в рамках конкретного исследования, осознав потребность в адаптации или даже пересмотре тех или иных «систем предписаний», в особенности тех, что прямо заимствуются из социальных и гуманитарных наук. Конечно, следует избегать другой крайности, а именно «методологического эмпиризма». Тот факт, что, к примеру, у большинства французских медиевистов «культурная история так и не привилась» [Poitier 2004. Р. 42], не может не наводить на размышления о необходимости *предварительной* оценки действенности имеющихся в распоряжении историка методов. Если коротко сказать, то до того, как пользоваться инструментарием, не грех бы рассмотреть его со всех сторон, понять к чему он приложим, на что пригоден и в чем заключаются его недостатки и достоинства. Ведь как очень точно заметил Жан Тироль, нобелевский лауреат по экономике, сначала создается «теоретический каркас» («система предписаний»), а затем *в процессе* исследования доказывается его эффективность [Tirole 2016]. Именно на этапе такого конструирования оцениваются и существующие методы, и культурные установки исследователя. Безусловно, на нем невозможно обойтись и без историографического анализа, включая те аспекты, которые выдвинул на первый план Филипп Пуаррье.

Думается, что именно наличие внятной «системы предписаний» делает «ежа» сильнее «лиса», как бы последний ни «метался». Но ведь и «ежу» нужно быть готовым пересмотреть принятую «систему предписаний». Одним словом, мне кажется, историкам недолго осталось выбирать между обликом «ежа» и «мятушегося лиса». Возможно, историкам-«ежам» придется измениться и, подобно сказочному персонажу Редьярда Киплинга превратить себя, ну, например, в «броненосца». И если читатель где-нибудь встретит такого «броненосца», то, скорее всего, это – бывший «еж».

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Бёрк П. Что такое культуральная история? М.: Издательство ВШЭ, 2015.
- Борисов В.Н. Уровни логического процесса и основные направления их исследований. Новосибирск: Наука, 1967 [Borisov V.N. Urovni logitsheskogo prozessa i osnovnye napravlenija ih issledovanij. Novosibirsk: Nauka, 1967].
- Винер Н. Кибернетика и общество. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. [Wiener Norbert. Kibernetika i obshchestvo. M.: Izdatelstvo inostrannoj literatury, 1958].
- Всемирная история. Мир в XVIII веке. М.: «Наука», 2013 [Vsemirnaja istorija. Mir v XVIII veke. M.: Nauka, 2013].
- Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004 [Geertz C. Interpretatzia kultur. M.: ROSSPEN, 2004].
- Дарнтон Р. Великое кошачье побоище и другие эпизоды из истории французской культуры. М.: НЛО, 2002. [Darnton R. Velikoje koshatshie poboistshe I drugie epizody iz istorii frantzuzskoj kultury. M.: NLO, 2002].
- Ключевский В.О. Императрица Екатерина II (1729-1796) // Ключевский В.О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М.: Мысль, 1993 [Kliutsheskij V.O. «Imperatritza Ekaterina II (1729-1796) // Kliutsheskij V. O. Aforizmy. Istoritsheskie portrety i etiudy. Dnevniky. M.: Mysl, 1993].
- Уваров П.Ю. Историки делятся на работающих с источниками и не работающих с оными // Российская история, 2013, № 1. [Uvarov P.Yu. Istoriki deljatsja na rabotajustshih s istotshnikami i ne rabotajustshih s onymi // Rossijskaja istorija, 2013, № 1].
- Уваров П.Ю. Между «ежами» и «лисами»: восприятие творчества Э. Ле Руа Ладюри в СССР и в России // Заметки об историках. М.: НЛО, 2015. [Uvarov P.Yu. Mezhdu 'ezhami' i 'lisami': vosprijatie tvortshestva E. Le Roy Ladurie v U.R.S.S. i Rossii // Zametki ob istorikah. M.: NLO, 2015].
- Шартье Р. Культурные истоки Французской революции. М.: Искусство, 2001. [Chartier R. Kulturnye istoki Frantzuzskoj revoliutzii. M.: Iskusstvo, 2001].
- Beaurepaire P.-Y. La France des Lumières 1715–1789. Paris : Belin, 2011.
- Бецк, Annie. Genèse de l'esthétique française moderne. 1680-1814, Paris: Albin Michel, 1994.
- Chartier R. Au bord de la falaise. Histoire entre certitudes et inquiétude. P.: Albin Michel, 1998.
- Dagen J. L'Histoire de l'esprit humain dans la pensée française de Fontenelle à Condorcet. Paris: Klincksieck, 1977.
- Ehrard J. L'idée de nature dans la pensée française dans la première moitié du XVIII-ème siècle. Paris: Albin Michel, 1995.
- Fabre J. Stanislas-Auguste Poniatowski et l'Europe des Lumières, Étude de cosmopolitisme. Paris: Institut d'Études slaves, 1952.
- Goulemot J.-M. Le règne de l'Histoire. Discours historiques et révolutions. XVIIe – XVIIIe siècles. Paris: Albin Michel, 1996.
- Hazard P. La pensée européenne au XVIIIe siècle de Montesquieu à Lessing. P.: Boivin et Cie, Paris, 1946.
- Hazard P. La crise de la conscience européenne (1680–1715), Paris: Fayard, 1961.
- Livre et société dans la France du XVIIIe siècle. Paris: Mouton, 1965.
- Martin Chr. L'Esprit des Lumières. Paris: Armand Colin, 2017.
- Masseau D. L'invention de l'intellectuel dans l'Europe du XVIIIe siècle Coll. Perspectives littéraires. Presses Universitaires de France, 1994.
- Mauzi R. L'idée du bonheur dans la littérature et la pensée françaises au XVIIIe siècle. Paris: Albin Michel, 1994.
- Certeau M. de. La culture au pluriel. Paris: Le Seuil, 1993.
- Mornet D. La pensée française au XVIIIe siècle. Paris: Librairie Armand Colin, 1926.
- Mornet D. Les origines intellectuelles de la révolution française (1715–1787). Paris: Librairie Armand Colin, 1933.
- Poirrier Ph. Les enjeux de l'histoire culturelle. Paris: Éditions du Seuil, 2004.
- Pomeau R. L'Europe des Lumières, cosmopolitisme et unité européenne au XVIIIe siècle. Paris: Éditions Stock, 1966.
- Roche D. La France des Lumières. Paris: Fayard, 1993.

Roger J. Les sciences de la vie dans la pensée française au XVIIIe siècle. P.: Albin Michel, 1993.
Rosanvallon P. Le libéralisme économique. Histoire de l'idée de marché. Paris: Seuil, 1989.
Starobinski J. J.-J. Rousseau : la transparence et l'obstacle, 2 éd. Paris : Gallimard, 1976.
Taylor Ch. L'âge séculier. Paris: Édition du Seuil, 2011.
Tirole J. Économie du bien commun, Paris: Presses universitaires de France, 2016.

Занин Сергей Викторович, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой социально-политических наук, Самарский государственный медицинский университет; zansamara@mail.ru

A little bit about 'hedgehogs' and 'foxes', or Where will be 'armadillos' taken from? Notes on the New Cultural History of the Enlightenment

The contribution of the "new cultural history" to the historiography of the Enlightenment of the second half of the 20th century is considered in the article. The article emphasizes the emergence of the "new cultural history" as a response to the expansion and complication of information about the Enlightenment over the past 30 years. Despite the positive contribution of this new approach the paper reveals shortcomings: methodological eclecticism, denial of the preceding historiographical tradition and, at the same time, a vision of culture as a totality of cultural objects. According to the author, the further development of Enlightenment historiography is possible by improving the methodology in the context of specific historical studies.

Keywords: historiography of the Enlightenment, new cultural history, subject and methodology of historical research

Sergey Zanin, Dr. Sc. (History), Professor, Head of the Department of Social and Political Sciences, Samara State Medical University; zansamara@mail.ru

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Л. В. ЛАНДИНА

ПРОБЛЕМА АБСОЛЮТИЗМА В КОНЦЕПЦИИ Н.А. РОЖКОВА КАК ОТРАЖЕНИЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ В РОССИЙСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье проводится анализ трактовки Н.А. Рожковым проблемы абсолютизма. Путем выявления различных концептуальных составляющих в интерпретации Рожкова демонстрируется методологический поиск в российской историографии начала XX века, а также рецепция данным автором и степень принятия советскими историками разных теоретических подходов.

Ключевые слова: *Н.А. Рожков, позитивизм, марксизм, российская историография, методология, абсолютизм, самодержавие*

Начало XX столетия в российской историографии характеризовалось методологическим плюрализмом и нарастающими кризисными явлениями: приток эмпирического материала и теоретических исследований, выход в европейское пространство, узость позитивистской парадигмы и набирающий силу марксизм были знаковыми явлениями времени. Такие условия диктовали необходимость концептуального поиска с целью более адекватного осмысления как прошлого, так и настоящего. Мощный импульс для исторической мысли дали две российских революции. Превращение российской абсолютной монархии в конституционную в 1905 г., а затем ее упразднение в 1917 г. активизировали изучение государственных институтов – российских и западноевропейских. Последствия Первой мировой войны и Революции вызвали шок и переосмысление не только истории и современности, но и самого труда историка [Тарле 1922]. Поднятые Е.В. Тарле проблемы актуальны до сих пор – возрастание массы информации и устаревание научных работ, тесные рамки схем и соотнесение общего и единичного, повышение требовательности к исследованиям и осознание несовершенства подходов историка, который, будучи очевидцем социальных и военных катаклизмов, тем не менее, затрудняется в их понимании. Наконец, не было ли пережито историками постсоветской эпохи то, о чем сказал Тарле:

«Революция – всегда прежде всего смерть, а уж потом жизнь. Вот почему с каждым катаклизмом гибнет очень много старых фантомов и лжи. Тут же немедленно рождаются, конечно, новые, – но, во всяком случае, процесс отрезвления от старых фантазмагорий способен пошатнуть наиболее крепкую умственную самоуверенность. И в этот-то опасный период утраты веры в правильности целого ряда своих былых суждений, историки, пережившие катаклизм, подвергаются новым и сильным искушениям... А главное, наблюдаешь все ничтожество исторического значения рационального начала, всю особую, не-человеческую, а какую-то иную, неодолимую логику... Государ-

ства, казавшиеся вечными, разлетаются в куски, государственная культура оказывается ничтожной пленкою, первозданный хаос охватывает и топит скорлупу, которая только что представлялась несокрушимым и величавым ковчегом» [Тарле 1922: 13-15].

Свидетелем и участником событий этой неоднозначной эпохи был Николай Александрович Рожков (1868–1927) – историк, социолог, общественный деятель, научное наследие которого отразило сложность названных процессов. Созданная им «Русская история в сравнительно-историческом освещении» (12 т.) – уникальный для советской историографии опыт единоличного создания обобщающего нарратива на основе компаративного метода. Тем не менее, для Н.А. Рожкова положительных оценок в советской историографии не нашлось, в ней лейтмотивом звучало следующее: Рожков считал себя марксистом, но на деле им не был, а являлся «представителем мелкобуржуазной идеологии», выдвинувшим на первый план «вульгарно-экономический фактор, механистически понимаемый вне рассмотрения базиса и надстройки» [Очерки истории СССР. 1955: 25]. Н.Л. Рубинштейн в «Русской историографии» (1941)¹, утверждал, что научная мысль Рожкова «осталась до конца на буржуазных позициях» [Рубинштейн 2008: 660]. В «Очерках истории исторической науки в СССР», опубликованных уже в период устоявшегося идеологического канона и сглаженных трактовок, Рожков характеризуется, опять же по Ленину, как человек, заучивший положения марксизма, но не усвоивший их². Он, эклектик, отождествляет марксизм с экономическим материализмом, не понимает процесса смены формаций, оценивает характер Октябрьской революции с меньшевистских позиций [Т. 4: 170–172]. В постсоветское время научное наследие Рожкова стало рассматриваться непредвзято, с новым пониманием такого явления, как кризис в исторической науке [Андреева 1995: 7]. Были раскрыты причины его неприятия советской исторической наукой. Политические причины заключались в том, что Рожков, будучи в годы Первой русской революции большевиком, стал видной фигурой в меньшевистской партии. А в научном плане историко-социологическая концепция Рожкова противоречила утвердившейся в советской историографии схеме исторического процесса [Волобуев 2012: 7].

¹ Во время кампании по борьбе с космополитизмом в 1949 г. Н.Л. Рубинштейн был подвергнут резкой критике за то, что в «Русской историографии» «последовательно проводил взгляды буржуазного космополитизма, преклонения перед иностранцами и отрицал самостоятельный характер русской исторической науки» (Рубинштейн 2008: lxxvii). Более того, обстоятельства сложились так, что «Русскую историографию» «вынуждены были подвергать критике те же ученые, которые 8-9 лет назад давали на нее положительные и весьма хвалебные отзывы» (там же: lxxiv).

² Рожков сформировался как историк под влиянием народничества, марксизма и позитивизма, учился в Московском университете у В.О. Ключевского, в 1905 г. вступил в РСДРП [Волобуев 2010].

Между тем, российская историческая мысль начала XX в. была идейно и концептуально разнообразна. Лидировали «русская школа» всеобщей истории и государственная школа истории России, сосуществовали позитивистская, неокантианская, марксистская парадигмы, причем марксизм – в версиях В.И. Ленина, Г.В. Плеханова, А.А. Богданова, Н.А. Рожкова, Л.Д. Троцкого, М.Н. Покровского, но на рубеже веков это еще не было поводом для политических обвинений.

В настоящей статье анализируется трактовка Рожковым проблемы абсолютизма. Это предусматривает не только выявление в нем различных концептуальных составляющих, но и оценку их приемлемости для советской историографии. В ее проблемном поле абсолютная монархия рассматривалась как один из краеугольных факторов развития новоевропейского общества и предпосылка буржуазных революций. Еще важнее для советских историков было исследование российского абсолютизма – его возникновения, специфики и факторов крушения.

В научно-популярной работе «От самовластия к народовластию. Очерк из истории Англии, Франции и Германии» (издана в 1908, а затем в 1923 г.) он сформулировал общее для всех историков научное кредо: во-первых, это польза истории, знание которой позволит «открыть законы развития человеческого общества... чтобы людям жилось хорошо»; во-вторых, это гносеологический и социальный оптимизм; и, в-третьих, общий для либералов и марксистов европоцентризм: выделение «главных» европейских народов и необходимость России учиться у Европы [Рожков 1908: 4]. Эта работ, основанная одновременно на идеях либеральной «русской школы» и экономическом монизме, демонстрирует переход к теории «торгового капитала», которая станет доминирующей в 1920-х гг. В соответствии с экономическим монизмом, Рожков считает, что «главной причиной всех перемен в народной жизни является хозяйство» [там же: 9]. Поворотным моментом в развитии Англии, Франции и Германии был переход от переложного земледелия к трехпольному. В условиях сокращения свободных земель это привело к закреплению за постоянным собственником земли и рабочей силы. Бенефиций превратился в феодал с крепостными, появились вассальные отношения. В XI в. феодал стал самостоятельным государством [там же: 9-11]. Понимание феодализма как феодального партикуляризма, где власть расплывлена, а король – лишь первый среди равных, присуще и либеральным историкам. Можно вспомнить слова Н.И. Кареева о том, что процесс феодализации разложил государство [Кареев 1908. С. 35]. Сюжет о разложении натурального хозяйства и формировании рынка показывает «точку схождения» трактовок историков разной идейной направленности. Так, Рожков, утверждает, что развивающаяся экономика возвысила новый класс купцов и ремесленников. Соответственно, у дворян-владельцев феодалов появился соперник – класс горо-

жан [Рожков 1908. С. 12-13]. А несколькими годами ранее один из его коллег писал: «Разложение феодализма начинается как раз с его социально-экономических устоев... Развитие денежного хозяйства на счет натурального... рост торговли и промышленности... создает новый... городской класс – буржуазию... сосредоточивающий в своих руках новую силу: денежный капитал» [Ардашев 1902. С. 13, 15]. Хотя автор этих слов П.Н. Ардашев – отнюдь не марксист, а либерал, выдвигающий на первое место в формировании абсолютизма правовые факторы.

Предлагаемая Рожковым периодизация истории еще раз демонстрирует экономический детерминизм. Сначала «господствует натуральное хозяйство и в то же время утверждался феодализм. Затем, когда появилось денежное хозяйство, сначала развивается торговля, рассчитанная на небольшой местный рынок, образовывались сословия, слагались государства под властью монархов. Потом развивалась крупная торговля, рассчитанная на мировой рынок, и тогда крепла самодержавная власть государей» [Рожков 1908. С. 241]. Данную периодизацию иллюстрирует пример Англии, где XVI–XVIII вв. определяются как период абсолютизма, время товарного хозяйства с обширным рынком, когда при господстве земледелия появляются «маленькие фабрики, где... работа производилась ручным способом (т.е. мануфактуры – Л.Л.)» [там же: 74–75]. История Англии, Франции и Германии представлена по схеме «хозяйство – социальная структура – государство – общественная мысль». Нужно отметить, что именно такой алгоритм изложения впоследствии будет принят в работах советских историков.

Рожков предлагает определения сословий и классов, принятые затем советской историографией: «Если отдельные части общества... отличаются по правам и обязанностям, то эти части называются сословиями... Если же отдельные части общества... отличаются по своему положению в хозяйстве, то они называются классами» [там же: 24, 25]. Формирование классов он связывает именно с денежным хозяйством, которое требует предприимчивости, свободы распоряжения капиталами и землей, мобильности – того, что сословное общество обеспечить не может ввиду отсутствия гражданских свобод [там же: 197–198].

В государствах, описанных Рожковым, есть и классы, и сословия, но в разном сочетании. В Англии существуют классы – купцы и фабриканты и наемные рабочие, и сословия – дворяне, горожане, духовенство, крестьяне. Здесь превалируют сословные отношения, так как «денежное хозяйство не достигло еще очень большого значения» [там же: 25]. Во Франции господствует гораздо более сильный, чем в Англии сословный «старый порядок» [там же: 90–97]. В германских землях Рожков, напротив, делает акцент на классах, несмотря на наличие сословности, преодолеваемой в ряде случаев реформами «сверху» [там же: 198–201]. Ввиду успехов «денежного хозяйства», классы были во

всех землях, но на севере и востоке они только наметились, а на юге и западе были выражены гораздо резче [там же: 197].

Какая же политическая оболочка покрывала эти экономики и общества? Это абсолютная монархия: «единая огромная государственная власть – власть самодержавных королей, которые объединяли всю страну, укрепляли торговлю, делали возможным широкий сбыт товаров» [там же: 97–98]. Это «самодержавие английских королей» [там же: 31], «самодержавная власть французских королей» [там же: 98] и «абсолютизм, неограниченное самодержавие монарха, превращавшееся на деле в самодержавие чиновников» [там же: 202] в Германии. Характеризуя абсолютизм в этих странах, Рожков сочетает нарративную канву «русской школы» и значительно более жесткие оценочные суждения, что логично для историка-марксиста, особенно в свете недавно прошедших в России событий 1905–1907 гг. В Англии «сильная единая власть» была в интересах дворян, богатых купцов и фабрикантов, поэтому в XVI–XVII вв. она стала «почти совершенно самодержавной». Абсолютизм обогатил самых знатных и богатых, между тем как другие слои народа не могли этого достигнуть без политической свободы. Но король и знать не желали слышать ни о каких уступках. В результате – недовольство, усугубленное религиозным фактором и революция [там же: 28–32]. В Германии и Австрии отрицательно оцениваемому Рожковым абсолютизму положили конец революции 1848 года. До этого германские земли отличались не только экономически, но и разной степенью проводимых «сверху» реформ [там же: 202–205].

Апогеем же «королевского самодержавия» является Франция «старого порядка». Ее история излагается Рожковым в общем с либералами русле: короли победили феодалов, отняли у них права, ограничивающие королевскую власть, но оставили те, что обременяли народ [там же: 92]. Со временем «старый порядок» исчерпал себя, но дворянство и духовенство не хотели поступиться привилегиями, поэтому произошла революция [там же: 114]. Во Франции «король...был действительно самодержцем, совершенно неограниченным государем». При этом «французские короли были плохо образованны, их больше не жили и портили, чем учили, и к тому же они очень плохо знали жизнь и совсем не знали народа» [там же: 98, 100]. Политические структуры «старого порядка» выглядят почти карикатурно и по понятным причинам уподобляются российским. Королевский совет – бессильное учреждение при самодержавном короле. Губернаторы – из «обленившихся и изнеженных, не умевших и не желавших ничего делать» дворян. Назначаемые королем интенданты, подобно российским губернаторам, «совершали множество несправедливостей и насилий, и поэтому чаще всего население их ненавидело» [там же: 101–103]. Такие оценки французской монархии как отражение настроений в период первой россий-

ской революции были присущи и либералам. Так, Кареев отмечает, что в России крушение «старого порядка» началось в 1905 г. [Кареев 1908: 5], и что «французская революция и все за ней следующие вплоть до русской 1905 г. должны были создавать свободу там, где ее не было, где царил абсолютизм» [там же: 386]. Однако если либеральные оценки были сдержанны, то марксистские – обличающе-публицистичны.

Предрешенность Французской революции Рожков обосновывает и с либеральной, и с марксистской точки зрения. В первом случае повторяется тезис о пагубности сословных привилегий для общества, результатом чего были «большой произвол, крайние насилия и чрезвычайные несправедливости». Как марксист же Рожков считает, что «пока денежное хозяйство с обширным рынком еще только зарождалось и укреплялось, до тех пор сословность, королевское самодержавие и обширная власть чиновников были прочны, потому что все это было необходимо... Но в XVIII веке уже не приходилось создавать рынок – он был уже готов и прочен» [Рожков 1908: 105. В работе «От самовластия к народовластию...» либеральная сдержанно-негативная оценка «старого порядка» превратилась в резко обличительное «выставление счета» абсолютизму историком-марксистом. Здесь еще нет четко выраженной концепции «торгового капитала», но понятия «торговый капитализм» и «промышленный капитализм» уже присутствуют [там же: 127].

Еще более актуальной для российской аудитории была вышедшая в 1906 г. работа Н.А. Рожкова «Происхождение самодержавия в России». – здесь заложена основа концепции Рожкова: формирование самодержавия обусловлено развитием дворянского землевладения в условиях перехода к денежному хозяйству. При этом Рожков отвергает тезис о приоритете войн и внешней политики для становления самодержавия в России, чем отмежевывается от историков государственной школы [Волобуев 2010: 8-9]. Интерес представляет исследование влияния разных научных школ на автора «Происхождения самодержавия...», считавшего себя марксистом. Однако ссылок на марксистскую литературу Рожков не дает, хотя, например, М.Н. Покровский тогда уже написал свою «Русскую историю с древнейших времен». Работа начинается обращением к идеям Н.М. Коркунова и Г. Еллинека – юристам, историкам права, позитивистам и либералам. И вместе с этим, очевидно сильное влияние А.А. Богданова, чей «Краткий курс экономической науки» к тому времени уже был неоднократно издан.

Указывая на обусловленность институтов власти экономическими факторами, Рожков отмечает специфику России. Обилие земли на обширной территории привело к тому, что потребности в регламентации землепользования не возникало до XII в., и, по мнению Рожкова, «ни классового, ни сословного расчленения общества в сущности совершенно не было» [Рожков 1906: 5-6]. Поворотным моментом развития

северо-востока Руси Рожков считает развитие торговли. В руках бояр и монастырей, занимавшихся ею, оказались значительные капиталы. Это привело к перераспределению земель в боярское и монастырское владение, и в XIII–XV вв. сформировались вотчинные порядки, когда «в социальных отношениях главную роль играла неразлучность политических прав с правом собственности на землю» [там же: 22].

Расценивая применительно к Европе это явление как феодализм, Рожков отрицает существование феодальных отношений в удельной Руси, признавая только их элементы. Спецификой русских земель была неразвитость суверенных прав князей. Основываясь на правовых критериях феодализма, автор поясняет: «Даже служебные князья (находившиеся на службе у Московского князя – *Л.Л.*) ...не обладали полной суверенных прав: монета чеканилась не ими, а удельным самостоятельным князем, и, кроме того, у них не было права войны, иностранных сношений, права на непререваемое участие в законодательных съездах и суда пэров, а между тем все эти права считаются непререваемой принадлежностью феодального порядка в развитом виде [там же: 21].

Особенности имела и торговля на русских землях. Обширные равнины, продолжительный снеговой покров, множество рек позволяли создавать рынки не в 10-15 верстах в окружности, как в Европе, а сразу в 200-500. Россия, считает Рожков, по сути, пропустила этап локальных рынков и сразу перешла к рынку, называемому им, вслед за немецким экономистом К. Бюхером, народным [там же: 45–46]. Этот рывок, резкий экономический перелом, привел к несоответствию старой юридической базы новым условиям и к тяжелому кризису последней трети XVI – 40-х гг. XVII вв. Выход из кризиса был в приспособлении хозяйства к новым условиям обширного рынка. Эту задачу призваны были решать средние и мелкие дворяне-землевладельцы и городские торговцы-скупщики, ориентированные на рынок. В социальной области их интересы обеспечивались самодержавием, сословностью и крепостным правом. На протяжении XVI-XVII вв. происходила замена поместья вотчиной. Поместье, жалуемое за службу, было владением условным, неотчуждаемым, а денежное хозяйство требовало свободного распоряжения землей. В свою очередь, ориентация поместья на рынок приводила к расширению барской запашки, увеличению барщины и необходимости прикрепления рабочих рук к земле [там же: 49–54, 57–62].

Считая себя марксистом, Рожков, пришел к выводам государственной школы о «закрепощения сословий», что будет поставлено ему в вину советскими историками. Он утверждал, что крепостное право, гарантирующее наличие рабочей силы в поместьях, необходимое средство для эффективного хозяйства. Оно выгодно и для помещика, и для крестьянина, который в случае нужды мог обратиться к землевладельцу за помощью [там же: 57–63]. Процесс «закрепощения сословий» Рож-

ков объясняет необходимостью рывка для перехода от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком. Русское общество XVI–XVII вв. «сомкнулось в крепостные сословия, в среде которых перевес принадлежал дворянству» [там же: 205].

Государством, которое соответствовало этим реалиям, была самодержавная монархия. Она сформировалась в политической борьбе, где противостояли, с одной стороны – бояре, думная аристократия, с другой – среднее и мелкое провинциальное дворянство, посадские люди и зажиточные крестьяне [там же: 185]. История России от Ивана Грозного до Алексея Михайловича изложена Рожковым сквозь призму этой борьбы, закончившейся победой дворянства. Он указывает на момент, когда завершилось становление самодержавия, и московское правительство «окончательно вступило на путь абсолютизма». Это 1653 г., когда был созван последний Земский собор. А когда в 1662 г. посадские люди Москвы выступили и заявили царю, что полезно было бы созвать Земский собор, власть проигнорировала это пожелание. То, что самодержавие в России оказалось сильнее, чем на Западе, Рожков объясняет рывком второй половины XVI – начала XVII в. от натурального хозяйства к денежному с обширным рынком [там же: 208–209].

Таким образом, концепция Рожкова, развитая им в последующих работах и неоднократно критикуемая советскими историками, была сочетанием идей государственной школы и марксизма с выраженным экономическим монизмом. При этом Рожков применяет понятия «самодержавие» и «абсолютизм», не объясняя, чем первое отличается от второго. Однако по контексту видно, что гранью между ними выступает прекращение созыва Земских соборов.

В сентябре 1922 г., во время кампании по высылке интеллигенции, Рожков был арестован и пробыл в тюрьме до января 1923 г. После четырех обсуждений в ЦК РКП (б), в декабре 1922 г. было принято решение выслать его в Псков [Волобуев 2010: 37]. Такими были условия переиздания в 1923 г. «Происхождения самодержавия в России». Рожков писал в предисловии: «Во втором издании не сделано сколько-нибудь существенных изменений: прибавлены лишь некоторые отдельные замечания и сделаны некоторые новые ссылки» [Рожков 2010: 212]. Действительно, в концептуальном плане работа не изменилась. Новыми же были ссылки на «Русскую историю с древнейших времен до смутного времени» М.Н. Покровского. В условиях угрозы высылки это было для Рожкова самозащитой. Однако он обратился к работе лидера исторической науки СССР лишь дважды. Первое замечание, где речь шла о Василии Шуйском, было уточнением. Рожков, считавший этого царя удобным лишь боярской олигархии, дополнил это утверждение, сославшись на Покровского, тем, что Шуйского поддерживали и богатые купцы, а сам он пытался связаться с дворянством [там же: 401].

Второе замечание, более красноречивое, касалось последствий Смуты. По мнению Рожкова, от нее максимально пострадали средние слои населения – дворянство, посадские люди, богатые крестьяне, духовенство, и в их интересах были восстановление денежного хозяйства, утверждение крепостного строя, уничтожение боярской олигархии. Далее Рожков добавляет слова Покровского (выделено курсивом – Л.Л.): «Восстановление порядка было для них насущной потребностью, тем более, что польское дворянство в отрядах Сапеги, Лисовского, Рожанского направляло все усилия к истреблению дворянства русско-го» [там же: 405]. Эти слова Покровского, приуроченные к завершению советско-польской войны и тяжелым условиям Рижского мира 1921 г. и повторенные Рожковым, попали на острие политической конъюнктуры.

Максимального развития концепция Н.А. Рожкова достигла «Русской истории в сравнительно-историческом освещении...», второе издание которой вышло в 1928 г., уже после смерти автора. Рожков предложил системное изложение всемирной истории, охватив не только разнообразие цивилизаций, но разнообразие их структур – от экономики до типов личности. Тем не менее, основа «Русской истории...» – социологическая схема, с упрощением материала и слабой базой источников, на что указывалось как при выходе «Русской истории» [Сидоров 1929: 184–185], так и в наши дни [Волобуев 2009: 129]. Количество исторических периодов изменяется от девяти в начале работы до 15-ти в конце [ср.: Рожков 1928. Т. 1: 21–22 и Т. 12: 386].

Абсолютизм, или, по Рожкову, королевское самодержавие – это форма государственного устройства, соответствующая торговому капитализму в XV–XVIII вв. Период торгового капитализма, в свою очередь, состоит из двух этапов – дворянской революции (критический период) и старого порядка (органический период). Последний сменяется критическим периодом буржуазно-демократической революции и гибелью абсолютизма [там же: 369–375]. Сущность дворянской революции – в переходе власти из рук старой феодальной аристократии, приспособленной к натуральному или рассчитанному на узкий рынок хозяйству, в руки нового землевладельческого дворянства, приспособленного к национальному и международному рынку. В хозяйственной сфере дворянская революция означает победу торгового капитализма. В области политической она «ознаменовывает образование монархического самодержавия (абсолютизма) и бюрократии». В социальной сфере – характеризуется «господством сословности и преобладанием землевладельческого дворянства и крупной торговой и ростовщической, отчасти также промышленной – буржуазии» [там же: 369–370].

Критический период дворянской революции сменяется органическим – старым порядком (у Рожкова это словосочетание без кавычек). Данная им характеристика «старого порядка» как дворянского государ-

ства сохранится на многие десятилетия. Еще в 1928 г. Н.А. Рожков писал: «Государственный строй покоится на самодержавии и бюрократии, действующих посредством правильно и стройно организованных учреждений и провозглашающих основной целью государственного союза общее благо, которое фактически сводится к благу *господствующего сословия – дворянства, в особенности его основного ядра – класса дворян–землевладельцев*» [там же: 373]. Крушение старого порядка, «упадочного» в конце своего существования, обусловлено переходом к новому периоду – производственному капитализму и господству буржуазии, что реализуется путем буржуазных революций.

Нарратив Рожкова, источниками которого послужила историографическая классика – от Гизо, Ранке, Гардинера до Кареева и Ковалевского, не содержит каких-либо сюжетных открытий, а схематизм изложения приводит к написанию исторического полотна «широкими мазками». В центре внимания – экономика, эволюция власти дана в общих чертах, а внешняя политика вытеснена на периферию как фон для расширения рынков торгового капитала. Абсолютная монархия включена в общеисторическую панораму, созданную на основе сравнительного метода. Однако часто применяемое Рожковым слово «отсталость» не только несет негативную коннотацию, но и нуждается в уточнении, ведь отсталостью именуется то, что не соответствует некоему образцу.

Так, Англия, несомненно, страна передовая. В ней дворянская революция «совершилась и закончилась... и легче, и быстрее, и удачнее, чем во многих иных местах» [там же, т. 6: 151]. С другой стороны, «экономически передовая» в XV–XVI вв. Италия, где зародился европейский капитализм и абсолютная власть итальянских правителей, объявляется Рожковым отсталой, так как в Италии не было создано единое государство [там же: 45–46]. Германские земли с развитыми мануфактурами и торговлей по этой причине также отсталые [там же: 82–83].

Во Франции, классической стране «старого порядка» формой политической власти выступает королевское самодержавие, служившее интересам дворянства. Оно окончательно утвердилось при Генрихе IV и Людовике XIII и получило выражение в словах Людовика XIV «Государство – это я!» [Рожков 1928. Т. 7: 183–184]. Нужно отметить, что психологические характеристики правящей элиты у Рожкова минимальны, но в отношении «короля-Солнца» сделано исключение. Король показан как воплощение французского дворянства: «Старое приобетательство, эгоистическая жадность, заставлявшая Людовика XIV возвращаться теоретически к традициям вотчинной монархии... сочеталась у него с крайним индивидуализмом, с обожествлением своей личности и своего положения, с чрезвычайно сильной любовью к славе... составлявшими, с его точки зрения, необходимую рамку... для самодержавной власти» [там же: 190–191].

По сравнению с властью «короля-Солнца», английский «старый порядок» Стюартов – явление условное. Он не был так прочен, не был настолько выражен, не был так длителен. Наконец, «все почти время своего существования он находился уже в состоянии... частичного, а потом и полного разложения» [там же: 203]. В политически разрозненных германских землях, где преобладало крепостное право, «дворянский абсолютизм» был «запоздалым явлением по сравнению с абсолютизмом французским и особенно английским» [там же: 208, 210, 212]. В силу этого он приобрел оригинальные черты: речь идет о просвещенном абсолютизме и реформах «сверху». Это было политикой разумного консерватизма, направленной к охране существующего строя путем удаления крайних его злоупотреблений [там же: 210]. Реформы приводили административный и хозяйственный аппарат в соответствие с экономической основой, абсолютизм и меркантилизм равнялись по торговому капитализму, и старый порядок упрочивался [там же: 227].

Социологическое построение Рожкова, основанное на аналогии и стадильной асинхронности, включает в число стран дворянской революции и старого порядка Древний Египет, эллинистические монархии, Рим первых веков нашей эры. Египет Нового царства охарактеризован как переживший дворянскую революцию в связи со значительным расширением торговли и внешней экспансией фараонов с целью захвата новых территорий для развития торгового капитализма [Т. 6: 199]. Подобные выводы оставляют вопросы. Так, Рожков утверждает: «и в Египте, и в эллинистическом мире, и в Римской империи крепостнические (рабские) порядки были сильнее, чем во Франции (? – Л.Л.), и этим отклоняли их в сторону *более отсталых стран* (?)» [Т. 7: 272].

В сравнительной характеристике России идея Рожкова о колонизации огромных территорий, устойчивости традиционных хозяйственных отношений и неразвитости феодальных институтов была сохранена [Рожков 1928. Т. 2: 286–287], как и тезис о том, что зарождение российского самодержавия было обусловлено формированием национального и международного рынка. Соответственно, дворянская революция в России – это период рывка в формировании денежного хозяйства, связанный с возникновением самодержавия, Рожков выделяет в ней три момента. Первый, начальный – вторая половина XVI в., царствование Ивана Грозного; второй, промежуточный – Смутное время и его последствия в первой половине XVII в.; третий – вторая половина XVII в. и реформы Петра Великого в первой четверти XVIII в. Задача дворянской революции – перестроить общество и государство в соответствии с новым хозяйственным базисом, т.е. «выдвинуть на первый план дворянство вместо боярства и приспособить организацию труда к новым хозяйственным условиям... положить основы самодержавия и бюрократии» [Рожков 1928. Т. 5: 270]. В понимании Рожковым петров-

ской эпохи соединились теории «закрепощения сословий» и теория «торгового капитала», и первая из них была неприемлема в советской историографии. У Рожкова же это звучит так: «...России и ее правящему классу необходимо было сделать колоссальные усилия... чтобы от *отсталого, недоразвитого феодализма* (курсив мой. – Л.Л.) перейти к торговому капитализму. *Только крепостной строй помог справиться с этой задачей.* Дворянство оказалось достаточно зрелым для того, чтобы, закрепощая в своих интересах и в интересах строящейся дворянской государственности другие сословия, закрепить и себя временно (имеется в виду обязательная служба – Л.Л.)» [там же: 162].

Критический период дворянской революции сменился органическим периодом господства дворянства – старым порядком. В России это 1725–1855 гг., и последние пятьдесят лет – период разложения «старого порядка» [Рожков 1928. Т. 7: 5]. Форма государственного управления этой эпохи – самодержавие, единоличная власть монарха [там же: 91]. При этом важно различать самодержавие, служащее интересам дворянства, и личное самовластие. Последнее дворянством пресекается, что показал пример Павла I [там же: 112]. Интерпретация Рожковым российского «старого порядка» может претендовать на известную методологическую универсальность, судя по количеству тезисов, приемлемых для историков разных направлений. Гораздо более показательна трактовка Рожковым других аспектов российской монархии. Например, когда закончился российский «старый порядок»? Конечной датой выступает 1855 г., но Февральская революция, свергнувшая его, произошла в 1917 г. [Т. 12: 274]. Налицо небрежность в периодизации, хотя по контексту ясно, что более полувека перед Февральской революцией – это тоже старый порядок, но периода упадка.

Работая в СССР, Рожков мог характеризовать российскую монархию и ее реформы «сверху» только в негативном плане. Эпоха Александра I – это надлом старого порядка [Т. 10: 40], завершившийся, несмотря на реформы, кризисом. В николаевскую эпоху власть стремилась «произвести только частичные технические поправки и поделки в государственном строе, не меняя основных его принципов и устоев...» [там же: 193]. Символом и типичным представителем этого дворянства был сам император. Для Рожкова Николай I был такой же масштабной фигурой, как и Людовик XIV, с той лишь разницей, что русский царь был воплощением кризиса и косности монархии, в отличие от «короля – Солнца», олицетворявшего расцвет абсолютизма. Николай I – символ охранительства. Признавая его по-своему цельной и яркой личностью [там же: 218], Рожков сводит мотивы его деятельности к инстинкту самосохранения и страху перед революцией. Отмена крепостного права укрепила старый порядок – были сделаны некоторые уступки и дана новая пища царистским иллюзиям крестьянства.

Получивший простор для развития капитализм вносил разложение в сословное общество [Т. 12: 378]. Как на это реагировало государство? Рожков считает, что «старорежимный абсолютизм имел все данные для своего существования» [там же: 263]. Обращает на себя внимание появление термина *абсолютизм* вместо *самодержавие*, причем с выраженной негативной коннотацией. Дискурс автора передает отношение советской историографии к свергнутой монархии: в пореформенной России «львиная доля власти принадлежала по-прежнему крупноземлевладельческому, полукрепостническому дворянству (здесь и далее курсив мой. – Л.Л.), которое лишь частично и медленно перерождалось в производственно-капиталистическую буржуазию...» [там же: 266]. Среди Романовых два монарха привлекли особое внимание Рожкова: Николай I и Николай II. Олицетворением «вырождения и упадка» старого порядка, «декаданса реакции» выступает последний самодержец. Возможно, Рожков создал образы «двух Николаев» для контрастного сопоставления: Николай I символизирует силу государственного консерватизма, а Николай II – бессилие власти [там же: 299–302].

Причину революции 1905–1907 гг. Рожков видит в полумерах реформы 19 февраля 1861 г. [там же: 378]. Как марксист, он обесценивает итог революции, считая, что она окончилась крушением [там же: 137]. Он называет Манифест 17 Октября «октябрьской полупобедой», считая, что старый порядок устоял [там же: 152]. В этом отличие его оценки от оценки либералов. Например, Н.И. Кареев считал, что в России крушение «старого порядка» началось в 1905 г. [Кареев 1908: 5].

Глубинной причиной Февральской революции 1917 г., в которой участвовали «в той или иной мере все сколько-нибудь жизнеспособные классы общества», Рожков считал объективную экономическую необходимость: «старый режим не создал ни культурного, ни самостоятельного народного хозяйства России». Условия развития российской государственности изначально были тяжелые: с одной стороны – «нигде феодализм не был столь отсталым» [Т. 7: 270-274], с другой – Россия должна была преодолевать отсталость от передовых стран Запада [Т. 12: 394], и достигнуть этого можно было лишь путем рывков и напряжения.

В чем причина устойчивости российского самодержавия? Русский старый порядок имел возможность «снять сливки с приобретений европейского запада... в техническом смысле, без нарушения... фундаментальных устоев» [Т. 7: 271]. Отсюда его гибкость, приспособляемость и длительность. Сообразны с большей силой, необходимой для «гигантского прыжка от натурального хозяйства прямо к торговому капитализму» были и «политические меры самозащиты старого порядка» [Т. 10: 381]. Подводя итог, Рожков подчеркивает сохранение в условиях СССР идеи преодоления отсталости России от Запада. В 1920-х гг. это звучало актуально и было своего рода идейным напутствием [Т. 12: 394].

3 февраля 1928 г. на заседании Института истории РАНИОН, посвященном памяти Рожкова, был сделан вывод: марксизм Рожкова – не революционный, а «легальный». Ему были приписаны психологизм, махизм, эклектизм, недialeктичность, враждебные «подлинному марксизму». Его классовая позиция была расценена как позиция мелкобуржуазного идеолога капиталистического пути развития России [Сидоров 1998: 119–120]. В тех идеологических условиях иначе и быть не могло – ввиду ряд расхождений его концепции с официальной версией исторического процесса. Ситуацию усложняли разногласия с Лениным в вопросах развития Советской России и универсальное обвинение после разгрома «школы Покровского»: «вслед за струвизмом и богдановщиной Рожков развивает теорию торгового капитализма» [Рубинштейн 2008: 644].

Сегодня работы Рожкова – историографический источник и свидетельство эпохи, а также яркий пример методологического синтеза, показатель уровня знаний и дискурса историка в условиях теоретических поисков и социальных потрясений начала XX в. Советская историография называла Рожкова эклектиком, но сама формировалась в условиях селективного отбора и синтеза. Свободное от идеологических ограничений осмысление созданного Рожковым приводит к пониманию ценности его компаративного подхода и системного видения. Наконец, возможно, что возвращение в российскую историографию «в той или иной форме теории торгового капитала – это только вопрос времени»³.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андреева И.А. Историческая концепция Н.А. Рожкова: автореф. ... канд. ист. наук. Екатеринбург. 1995. 20 с. [Andreeva I.A. Istoricheskaya koncepciya N.A. Rozhkova: avtoref... kand. ist. nauk. Ekaterinburg. 1995. 20 s.]
- Ардашев П.Н. Абсолютная монархия на Западе. СПб., 1902. 183 с. [Ardashev P.N. Absolyutnaya monarhiya na Zapade. SPb., 1902. 183 s.]
- Волобуев О.В. Николай Александрович Рожков // Н.А. Рожков. Избранные труды / Сост., вступ. ст. О.В. Волобуев, сост, коммент. А.Ю. Морозов. М.: РОССПЭН. 2010. С. 5–50 [Volobuev O.V. Nikolaj Aleksandrovich Rozhkov // N.A. Rozhkov. Izbrannye trudy / Sost., vstup. st. O.V. Volobuev, sost, komment. A.Yu. Morozov. M.: ROSSPEN. 2010. S. 5–50]
- Волобуев О.В. Н.А. Рожков – историк и общественный деятель. М.: Собрание, 2012. 320 с. [Volobuev O.V. N.A. Rozhkov – istorik i obshchestvennyy deyatel'. M.: Sobranie, 2012]
- Волобуев О.В. Феодалная революция в трактовке Н.А. Рожкова // Вестник Московского государственного областного университета: Серия: История и политические науки. 2009. № 4. С. 124–130 [Volobuev O.V. Feodal'naya revolyuciya v traktovke N.A. Rozhkova // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta: Seriya: Istoriya i politicheskie nauki. 2009. № 4. S. 124–130.]
- Володьков О.В. Проблемы торгового капитализма в работах М.Н. Покровского конца 1890-х – 1917 гг.: дисс. к.и.н. Омск. 2002. 338 с. [Volod'kov O.V. Problemy torgovogo kapitalizma v rabotah M.N. Pokrovskogo konca 1890 – 1917 gg.: diss... Омск. 2002. 338 s.]
- Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков. Общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1908. 452 с. [Kareev N.I. Zapadnoevropejskaya

³ Волобуев 2012: 301. В подтверждение см., напр., диссертацию: Володьков 2002.

- absolyutnaya monarhiya XVI, XVII i XVIII vekov. Obshchaya charakteristika byurokraticeskogo gosudarstva i soslovnogo obshchestva «starogo poryadka». SPb., 1908. 452 s.]
- Очерки истории исторической науки в СССР [в 5 т.] / Под ред. М.В. Нечкиной. М.: Изд-во АН СССР. 1955–1985. Т. 4. 1966. 853 с. [Oчерki istorii istoricheskoy nauki v SSSR [v 5 t.] / Pod red. M.V. Nechkinoy. M.: Izd-vo AN SSSR. 1955–1985. T. 4. 1966. 853 s.]
- Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV – начало XVII в. Укрепление русского централизованного государства (конец XV – начало XVI в.). Крестьянская война и борьба русского народа против иностранной интервенции в начале XVII в.) / Под ред. А.Н. Насонова. М.: Изд-во АН СССР. 1955. 960 с. [Oчерki istorii SSSR. Period feodalizma. Konec XV – nachalo XVII v. Ukreplenie russkogo centralizovannogo gosudarstva (konec XV – nachalo XVI v.) Krest'yanskaya vojna i bor'ba russkogo naroda protiv inostrannoy intervencii v nachale XVII v.) / Pod red. A.N. Nasonova. M.: Izd-vo AN SSSR. 1955. 960 s.]
- Рожков Н.А. От самовластия к народовластию. Очерк из истории Англии, Франции и Германии. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой. 1908. 248 с. [Rozhkov N.A. Ot samovlastiya k narodovlastiyu. Oчерk iz istorii Anglii, Francii i Germanii. SPb.: Izd-vo O.N. Popovoy. 1908. 248 s.]
- Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России. М.: Тип. А.И. Мамонтова, 1906. 213 с. [Rozhkov N.A. Proiskhozhdenie samoderzhaviya v Rossii. M.: Tip. A.I. Mamontova, 1906]
- Рожков Н.А. Происхождение самодержавия в России // Избр. труды. 2010. С. 211–419. [Rozhkov N.A. Proiskhozhdenie samoderzhaviya v Rossii // Izbr. trudy. 2010. S. 211–419]
- Рожков Н.А. Русская история в сравнительно-историческом освещении (Основы социальной динамики): в 12 т. 2-е изд. М.-Л.: Книга, 1928. [Rozhkov N.A. Russkaya istoriya v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii (Osnovy social'noj dinamiki): v 12 t. 2-e izd. M.-L.: Kniga, 1928.]
- Рубинштейн Н.Л. Русская историография / Под. ред. А.Ю. Дворниченко, Ю.В. Кривошеева, М.В. Мандрик. СПб.: Изд-во Петерб. ун-та. 2008. 938 с. [Rubinshtejn N.L. Russkaya istoriografiya / Pod. red. A.Yu. Dvornichenko, Yu.V. Krivosheeva, M.V. Mandrik. SPb.: Izd-vo Peterb. un-ta. 2008. 938 s.]
- Сидоров А.Л. Исторические взгляды Н.А. Рожкова: К выходу нового издания 12 томов «Русской истории в сравнительно-историческом освещении» // Историк-марксист. 1929. № 13. С. 184–220. [Sidorov A.L. Istoricheskie vzglyady N.A. Rozhkova: K vyhodu novogo izdaniya 12 tomov «Russkoj istorii v sravnitel'no-istoricheskom osveshchenii» // Istorik-marksist. 1929. № 13. S. 184–220]
- Сидоров А.В. Марксистская историографическая мысль 20-х годов. М.: Унив. гуманитар. лицей. Симферополь: Таврия. 1998. 229 с. [Sidorov A.V. Marksistskaya istoriograficheskaya mysl' 20-h godov. M.: Univ. gumanit. licej. Simferopol': Tavriya. 1998. 229 s.]
- Тарле Е.В. Очередная задача // Анналы. 1922. № 1. С. 5–20 [Tarle E.V. Oчерednaya zadacha // Annaly. 1922. № 1. S. 5–20]

Ландина Лариса Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, Белорусский государственный университет культуры и искусств (Минск); larisa-hist@mail.ru

Problem of absolutism in N.A. Rozhkov's conception as a reflection of the methodical transformation of the Russian historiography in the early 20th c.

The article is devoted to the methodological analysis of N.A. Rozhkov's interpretations of Western European and Russian absolutisms. By revealing various conceptual components in Rozhkov's interpretation, methodological search in Russian historiography of the early 20th century is demonstrated, as well as the author's reception of various theoretical approaches and the degree of their acceptability by Soviet historians.

Keywords: N.A. Rozhkov, positivism, Marxism, Russian historiography, methodology, absolutism, autocracy

Larisa Landina, Ph. D. in History, Associate Professor, Belorussian State University of Culture and Arts; larisa-hist@mail.ru

В. В. ТИХОНОВ

«КЛЮЧЕВСКИАДА» М. В. НЕЧКИНОЙ

Статья посвящена анализу эволюции образа В.О. Ключевского в историографическом наследии М.В. Нечкиной. Особое внимание уделено ее неопубликованным или малоизвестным трудам 1920-х гг. Показано, что ранние работы стали своеобразным полигоном теоретико-методологических поисков М.В. Нечкиной; в них представлен синтез психоанализа и экстерналистского классового подхода к развитию науки. Ранние работы тесно связаны концептуально с итоговой монографией «Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества» (1974).

Ключевые слова: В.О. Ключевский, М.В. Нечкина, история исторической науки, психоанализ, марксизм

Биография В.О. Ключевского – одна из магистральных тем научного творчества М.В. Нечкиной. Этим вопросом она занималась на протяжении всей жизни. В имеющейся литературе, посвященной наследию Нечкиной, совершенно закономерно основное внимание уделяется итоговой фундаментальной монографии «Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества» (1974). Труды Нечкиной 1920-х гг., посвященной этой же теме, долгое время оставались в тени. Повышенный интерес к ним со стороны исследователей наметился только в последнее время [«История в человеке»: 65-87]. Заметный шаг вперед был сделан в кандидатской диссертации Е.Ю. Черной, которая постаралась показать эволюцию взглядов Нечкиной на научное наследие Ключевского и выделила два периода: ранний (конец 1910-х – конец 1920-х гг.) и поздний (1950–1980-е гг.). И все же многие проблемы ранней «ключевскиады» Нечкиной остались нерешенными [Черная 2014: 153].

Фигура Ключевского, ставшего еще при жизни классиком и легендой, всегда вызывала колоссальный интерес¹. Показательно, что изучение жизни и творчества выдающегося историка началось еще до того, как он умер. После его смерти появился сборник «В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания» (1912). В этом издании в воспоминаниях и очерках учеников и коллег Ключевский предстал великим ученым и эталоном в профессии. Уже в этом сборнике можно обнаружить два основных подхода к оценке Ключевского как историка. Одни подчеркивали новаторский характер его теоретико-методологической платформы и, как следствие, конкретно-исторических исследований². Дру-

¹ Библиографию публикаций о В.О. Ключевском, впрочем, неполную, см.: Богомазова, Гришина. 2011: 38-44.

² Наиболее последовательно этой точки зрения придерживался Б.И. Сыромятников: [Сыромятников 1912: 69-93].

гие, наоборот, делали акцент на преемственности в творчестве Ключевского по отношению к его учителям и «государственной школе».

Нечкина начала рассматривать научное творчество известного историка как объект исследования в ходе работы над конкурсным сочинением по экономическому материализму (это была ее первая монография [Нечкина 1922]). При этом знакомство с трудами Ключевского и работами о нем состоялось много ранее [Черная 2014: 154; «И мучилась...»: 139]. Первоначально Нечкина планировала ограничиться изучением Ключевского как социолога. В этом проявилось и личное увлечение социологией как наукой, и веяние времени, требующее научного поиска, нацеленного на широкие обобщения.

Работа шла интенсивно. Как утверждала спустя полвека Нечкина, рукопись монографии была подготовлена в 1921–1922 гг., еще до приезда в Москву и начала работы в семинарах М.Н. Покровского [Нечкина 1974: 39]. На самом деле она не была завершена в 1922 г., что позволяют утверждать дневники Нечкиной: согласно записям, к интенсивной работе над научным наследием Ключевского она приступила только весной 1922 г. Известно, что Нечкина консультировалась по этому вопросу с учеником Ключевского – М.М. Богословским. Первоначально она планировала акцентировать внимание на Ключевском как социологе, что казалось актуальным и соответствовало интересам Нечкиной. Но Богословский настоятельно рекомендовал исследовать все научное наследие Ключевского как единый комплекс [Богословский 1987: 142]. Очевидно, Нечкина вняла совету, и в дальнейшем тема «В.О. Ключевский как социолог» стала лишь частью общего плана исследования.

По мнению Е.Ю. Черной, опиравшейся на дневниковые записи Нечкиной, работа над монографией, получившей итоговое название «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли», была завершена в ночь на 16 мая 1923 г. [Черная 2014: 156; «И мучилась...»: 262], но это утверждение следует уточнить. Очевидно, что была завершена работа над черновой версией. В дальнейших дневниковых записях неоднократно упоминается о том, что «для Ключевского» просматривались новые материалы. Более того, в докладе на историографическом семинаре М.Н. Покровского в Институте красной профессуры 18 мая 1925 г. Нечкина указала: «эта работа была мною начата два года назад» [АРАН. Ф. 1820. Оп. 1. Ед.хр. 5. Л. 47], т.е. получается, что в 1923 г. работа над темой была только начата. Но в публикации в обобщающем сборнике семинара Покровского можно прочитать, что «работа была окончена в 1923 г.» [Нечкина 1930: 217 ссылка]. Все эти хронологические нестыковки требуют объяснения.

Очевидно, что черновой вариант монографии был готов в мае 1923 г., но это не значит, что он не дорабатывался и, возможно, серьезно перерабатывался. Почему же Нечкина указывает в докладе в ИКП,

что ее работа началась за два года до доклада, хотя она началась значительно раньше? Вероятно, это не только ошибки памяти. Дело в том, что именно два года назад Нечкина переехала в Москву и оказалась в довольно тесном контакте с М.Н. Покровским. Возможно, она хотела показать, что выполненное исследование – плод работы, сделанной под влиянием новой среды и непосредственно Покровского. Впрочем, уже в публикации 1930 г. четко будет указано: работа выполнена в 1923 г. Спустя 50 лет Нечкина будет подчеркивать, что ее первая монография о Ключевском была написана до начала сотрудничества с Покровским. Думается, это утверждение тоже не случайно. Теперь уже маститый историк в новых условиях максимально старалась дистанцироваться от спорной фигуры советской исторической науки³.

До нас дошел еще один, крайне важный документ, освещающий работу Нечкиной над научной биографией Ключевского – ее отчет для НИИ истории ФОН МГУ. Как уже заметил И.Л. Беленький: «Содержание “Отчета...” шире его наименования. По существу, он подводит итог всего казанского периода научного творчества М.В. Нечкиной, фиксируя, в частности, то понимание историографических и философско-методологических проблем исторической науки, которое сложилось у нее к моменту, предшествующему решительному повороту ее научной судьбы – переезду в Москву» [«История в человеке»: 65].

Наиболее интересна в «Отчете...» теоретико-методологическая рефлексия Нечкиной, ставшая продолжением ее поисков в монографии об экономическом материализме. Ключевой проблемой все еще оставался вопрос определения предметной области историографических исследований. Нечкина выступала против взгляда на историографическое исследование как на «регистрацию» научных трудов и их содержания. Она рассматривала историографию как «область психологии научного творчества» и предлагала сделать особый акцент на личности историка: «Наиболее распространен взгляд на историографию как на "отдел регистрации и учета" нового в историческом знании. Это отношение кажется мне неправильным: в нем не учитывается главное "действующее лицо" историографии – историк как творческая личность» [там же: 75]. При этом она не призывала отказаться от «регистрации и учета», но отводила этому «скромное место второго этапа историографической разработки», играющего «подсобную роль». Основой нового подхода должен был стать социологический анализ. Указанные идеи вполне вписывались в формирующиеся в особый раздел исследований социологию знания и социологию науки.

Нечкиной была разработана «теория индивидуальной среды». К сожалению, содержание данной методологической новации не рас-

³ При этом М.В. Нечкина много сделала для реабилитации Покровского в 1960-е гг.

крывается. Изучение дневниковых записей также не дает прямого ответа. Бросается в глаза, что во время работы над монографией о Ключевском Нечкина интенсивно читала литературу по психологии и психоанализу (в основном З. Фрейда). Впрочем, искать конкретный источник, из которого она могла заимствовать теорию, вряд ли имеет смысл. Нечкина, амбициозный и самостоятельный ученый, старалась выработать собственную теорию. Можно в целом согласиться с И.Л. Беленьким, что содержанием «этой формулы, по всей видимости, являлась идея интеграции проблемы взаимоотношения личности и общества / личности и среды в трактовке, опирающейся на постулаты теории марксизма, с теми представлениями о психологии личности и психологии творчества, которые сложились у нее в 1919–1923 гг. в контексте рано пробудившегося влечения к изучению психологии (общей и экспериментальной), психиатрии и психоанализа» [Там же: 67].

С февраля 1924 г. Нечкина начинает заниматься в семинарах Института красной профессуры [«И мучилась...»: 280]. Хотя, икаписты относились к ней настороженно [Сидоров 2005: 383–384]. К тому времени ею уже было опубликовано несколько статей, напрямую или косвенно касающихся Ключевского [Нечкина 1923]. 18 мая 1925 г. она представила доклад «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли». В ее личном фонде в Архиве РАН хранится рукопись с идентичным названием. В деле лежат рукописный и машинописный тексты. Объем рукописного текста относительно небольшой, а машинописного – примерно 7 п.л. Во всей имеющейся историографической литературе она фигурирует как доклад. В то же время трудно представить, что за один день можно изложить такой объем информации в качестве доклада. С высокой долей вероятности перед нами текст небольшой монографии. На эту же мысль наводит и фраза: «В основном, доклад воспроизводит центральные главы большой работы, но и дополняет ее: рукопись была закончена в прошлом году и за последнее время сведения мои о Ключевском кое-чем были дополнены. Эти дополнения входят в доклад, но еще не вставлены в указанную работу, которая для справок прилагается к докладу» [Ф. 1820. Оп. 1. Ед.хр. 5. Л. 47–47 об.]. Можно предположить, что имеющаяся рукопись и есть «большая работа», служащая приложением к докладу. Трудно сказать, насколько он совпадает с рукописью 1923 г. Указывалось, что в течение последнего года Нечкина серьезно работала над текстом.

Композиционно работа выстроена следующим образом [там же: Л. 46]:

Предисловие

1. Введение
2. Составные части исторической схемы Ключевского
3. Общий ход русской истории в представлении Ключевского
4. Взгляд Ключевского на связь экономических, социальных и политических явлений и противоречия этого взгляда

5. Политическое мирозерцание Ключевского
 6. Приложение: басня Фонвизина «Лисица-Кознодей», приложенная студентами к речи Ключевского памяти Александра III.
- Список главнейшей литературы о Ключевском, использованной в докладе.

Автор здесь идет от содержания трудов Ключевского, а не от его личности, чего можно было ожидать, памятуя о теории «индивидуальной среды». Во Введении привлекают внимание рассуждения о социальной сущности идей Ключевского. Вполне в духе времени Нечкина связывает историческую концепцию С.М. Соловьева с «идеологией промышленной буржуазии», а его ученика В.О. Ключевского квалифицирует как «первого русского историка интеллигента», точнее – как «академического интеллигента» [Л. 48]. Задачей «академического интеллигента» являлось осознанное или неосознанное отстаивание с помощью теории правового государства интересов той же самой промышленной буржуазии и отчасти собственных корпоративных. Далее следовал экскурс в историю теории правового государства, которая связывалась с капиталистической эпохой и «кабинетным метаюридическим мышлением». «Эта теория – порождение буржуазной академической интеллигенции, оторванной от жизни и желавшей усыпить свое встревоженное зрелищем классовый борьбу воображение сложными теориями примирения этой борьбы», – писала Нечкина [Л. 48 об.]. В методологии Ключевского ею обнаруживаются «мелкобуржуазные элементы».

Более того, Ключевский, по мысли Нечкиной, даже не смог предложить оригинальной версии исторического пути России к правовому государству: «Элементы этой схемы Ключевского не были новы. Верный ученик С. Соловьева, он взял от учителя его теорию борьбы леса и степи, понимание русской истории как колониационного процесса; у Б.Н. Чичерина он взял понимание смысла русской государственности в закреплении и раскреплении сословий» [там же]. Здесь необходимо подчеркнуть, что перед нами почти дословная цитата из Покровского: «Его [Ключевского] понимание этого [исторического – *В.Т.*] – это был Чичерин, помноженный на Соловьева, или Соловьев, привитый к Чичерину, – как угодно. Словом, это была теория закреплении, приспособленная к теории борьбы со степью» [Покровский 2012: 189]⁴.

Первая глава должна была четко ответить на вопрос об оригинальности исторической концепции Ключевского. Ответ оказался неутешительным и повторяющим введение – таковой концепции Нечкина у Ключевского не обнаруживает. В то же время Нечкина не отрицала существенный вклад историка, представляющий, по ее мнению, интеле-

⁴ Впервые статья была опубликована в 1923 г. в «Вестнике Социалистической академии». Нечкина знала об этой публикации, о чем свидетельствует ее дневник. Затем статья вошла в известный авторский сборник М.Н. Покровского «Историческая наука и борьба классов» (Пг., 1923).

рес и для марксистов. Она подчеркивала, что Ключевский не был теоретиком-социологом (имеется в виду, что он не был способен разработать полноценную оригинальную концепцию развития общества). Поэтому Нечкина заявляет, что наиболее ценной частью его наследия является разработка фактической стороны истории России.

Вообще первая глава небольшая – всего три машинописных страницы. Своим крошечным объемом она явно выделяется на фоне следующих глав и выпадает из композиции. Можно предположить, что эта глава писалась в короткие сроки, вероятно одновременно с введением.

Во второй главе, вычлняя основу исторической концепции Ключевского, Нечкина обнаруживает сильное влияние «государственной школы». Вслед за ее представителями Ключевский кладет в основу исторического процесса два основных элемента – национальность-народ и государство, причем, несмотря на признание противоречий между ними, именно государство оказывается высшим выразителем национальности и руководящей нитью развития. С нацией и государством тесно связано понятие общего блага, играющего для Ключевского чрезвычайно важную роль. Конечной целью истории должно стать национальное правовое государство. Кладя в основу своей концепции такие метафизические категории, Ключевский так же метафизически рассматривает русскую историю как достижение естественных границ нацией и государством. Автор не преминула язвительно указать на то, что ученик Ключевского П.Н. Милюков раздвигал «естественные границы» до самого Константинополя [Л. 58]. Упреки приобретут актуальное для того времени звучание, если вспомнить, что «национальная» концепция Ключевского вполне могла рассматриваться как разновидность «великорусского шовинизма» в противовес интернационализму М.Н. Покровского.

Нечкина признает, что Ключевский большое внимание уделяет истории хозяйства, но подмечает, что это история государственного хозяйства. Фактически история русского общества показана «с точки зрения тех средств, которыми оно удовлетворяло потребности государства» [Л. 63]. В этом Нечкина увидела слегка завуалированную теорию закрепощения сословий. Нечкина часто упрекает Ключевского в непоследовательности и туманности выводов и формулировок. С ее точки зрения, государство предстает у Ключевского в виде «израильского бога», требующего жертв, но все они оправдываются во имя будущего «бессловного» правового государства. В рамках марксистской парадигмы право не может быть бессловным, а, следовательно, «правовое государство» – лишь идеалистическая конструкция, которую нельзя воплотить в жизнь. Приговор Нечкиной суров: «Ключевский – историк небывшего правового национального государства» [Л. 84 об.].

Неоднократно подчеркивается, что он был «плохим теоретиком-социологом», обладал осторожной натурой (что было признано полез-

ным для историка, занимающегося конкретно-историческими изысканиями), и у него часто можно обнаружить «отсутствие смелости и боязнь новшеств, а это едва ли выгода для социолога» [Л. 85 об.]. Постоянно подчеркивается теоретико-методологический эклектизм Ключевского: «В сложной и тонкой ткани его исторических исследований можно уловить все оттенки различных типов исторического мышления: от чистого идеологизма до экономического материализма, от глубокой убежденности в правоте путей божественного разума и самой теплой религиозности до глухих глубин исторического скептицизма и отрицания. Разлад Ключевского – один из видов трагедии русского интеллигента» [Л. 86 об.]. Указывалось, что полноценную философию истории Ключевский подменил «искусственной комбинацией слов, терминов и фраз». Нечкина видела причины этого в отказе от монистического взгляда. По ее мнению, Ключевский придерживался общей идеалистической концепции русской истории, но сумел предложить глубоко материалистическую трактовку отдельных явлений, процессов, событий: «Широкие рамки его идеалистической схемы заполнены этим материалистическим изучением, ни в схеме, ни в теории не отразившемся» [там же: Л. 93]. Тем не менее Ключевский, сильно зависимый от «государственной школы», «страдает» такой чертой, как «юридизм», стремление провести юридический анализ исторических явлений и событий. Эту черту Нечкина связывает с влиянием Б.Н. Чичерина.

Наконец, пятая глава посвящена политическим взглядам Ключевского, в ней открывалось широкое поле для классового анализа, но это самая психоаналитическая часть рукописи, по сути, классовый анализ заменяется психоанализом. Методологическая и жизненная «двуликость» Ключевского объясняется его психологической боязнью порвать со старой средой, стремлением сохранить мостик между своим прошлым и настоящим. Нечкина приходит к выводу, что историк стремился находиться вне политики (хотя интерес к ней у него был устойчивым). Нежелание примкнуть к какой-либо политической группе также объясняется чисто психологически: заикание привело к замкнутости и социальной отчужденности. И знаменитая ирония историка объяснялась психологическим одиночеством: с детства у Ключевского, небогатого и зависимого от благодетелей, развилась осторожность в политических вопросах, и, как следствие, именно оттуда осторожность методологическая. Много внимания в тексте уделено истории с речью Ключевского в память об Александре III, после которой он подвергся обструкции со стороны части студенчества. Нечкина обнаружила текст пародийной переладки басни Д. Фонвизина «Лисица-кознодей».

В основе методологии разбираемой работы Нечкиной лежит экстерналистский подход, постулирующий определяющее влияние внешних факторов на развитие науки. Важно отметить, что в монографии

«Русская история в освещении экономического материализма» доминировал все-таки интерналистский подход. В новой же работе ученый оказывается не беспристрастным исследователем и передатчиком фактов (объективизм), а активным творцом исторических образов. Такую модель сейчас назвали бы конструктивистской. Более того, Нечкина использует такой термин, как «историческое мироздание Ключевского» [Л. 83]. В данном случае «мироздание» является эквивалентом понятия «конструкт» в современной терминологии.

Классовый анализ на первый взгляд доминирует, очевидны концептуальные заимствования из Покровского. Но последняя глава приносит мощный поток психоаналитики. Трудно сказать, насколько в данном тексте была реализована исследовательская программа «теория индивидуальной среды» (нужно учитывать и то, что она могла сильно измениться за прошедшие годы). Тем не менее синтез марксизма и психоанализа состоялся.

С конца 1920-х гг. в стране начался т.н. «Великий перелом», частью которого стала борьба против «старых специалистов», в т.ч. и на «историческом фронте». В этой связи разоблачение классовой сущности немарксистской историографии приобрело сверхактуальное значение. В 1927 и 1930 гг. в двух томах вышел известный сборник «Русская историческая наука в классовом освещении», составленный из работ участников историографического семинара Покровского. Цель издания – разоблачение классовой сущности досоветской исторической мысли. Издание предназначалось для широкого круга читателей и должно было служить цели пропаганды нового взгляда на историческую науку. В нем была опубликована и объемная работа Нечкиной «В.О. Ключевский». По мнению А.Н. Артизова, исследование Нечкиной было наиболее глубоким в сборнике [Артизов 1995: 191].

Сама Нечкина утверждала, что текст статьи является кратким изложением неопубликованной рукописи «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли» [Нечкина 1974: 39]. В значительной мере это так. Но сравнение двух работ позволяет увидеть и заметные отличия. Так, Е.Ю. Черная совершенно справедливо указывает на композиционные отличия: «Заметим, что названия и количество глав в напечатанном варианте не совпадают с представленным вариантом в дневниках, в отчете и докладе. В опубликованной работе четыре главы: “Политические взгляды Ключевского”, “Руководящий комплекс идей в историческом синтезе В.О. Ключевского”, “Общий ход русской истории в представлении В.О. Ключевского”, “Внутренние противоречия исторической концепции В.О. Ключевского”. При этом глава о политических взглядах с последнего места в докладе перемещается на первое в опубликованной статье» [Черная 2014: 159]. Причины отмеченного перемещения очевидны – необходимо было усилить политиче-

ский аспект анализа научного пути Ключевского, что органично вписывалось в общую концепцию сборника.

Сравнение двух текстов позволяет выявить и заметные концептуальные различия. Если в версии 1925 г. Ключевский квалифицировался как «академический интеллигент», то теперь акцент делался на его разночинстве. Исчезают указания на то, что Соловьев и Ключевский выражали, каждый по-своему, идеологию промышленного капитала. Фраза построена так: «Соловьев стоит на рубеже крепостной России: он сложился, как ученый, в последние пятнадцать лет ее жизни. Его преемник по кафедре Московского университета В.О. Ключевский – первый русский историк, вырастающий на фоне пореформенной экономики» [Нечкина 1930: 217]. Впрочем, остаются размышления об оторванности Ключевского от политической жизни страны. Подчеркивались его «половинчатость и эклектизм» в теории и методологии. Акцентировалось также влияние Соловьева-Чичерина, но теперь отчетливее звучало указание на то, что Ключевский совершил новый синтез их идей и вывел их на новый уровень. Главное, что почти исчез психоанализ, хотя некоторые положения, вполне вписывающиеся в классовую парадигму, о влиянии среды на Ключевского остались (например, причины его осторожности из-за зависимости от дарителей).

В 1974 г. выйдет итоговая для Нечкиной монография «Василий Осипович Ключевский: история жизни и творчества». С первых трудов, написанных в 1920-е гг., прошло более четырех десятков лет. Серьезно изменилась советская историческая наука, как в плане методологическом, так и в конкретно-историческом. Исследователям стали доступны архивные документы, связанные с Ключевским. Все это, несомненно, отразилось на эволюции интерпретации Нечкиной научного наследия и биографии историка. Но помимо колоссального насыщения исследования фактическим материалом заметно и общее снижение социологической составляющей. Меньше стало и концептуальных выводов. Вполне возможно, что Нечкина, теперь уже опытный исследователь, не склонный к однозначным суждениям, сделала это сознательно. Но в большей степени это следует связать с общей эволюцией советской исторической науки, отказом от методологических экспериментов и переходом к позитивистскому формату историописания.

Теперь Ключевский рассматривался не как выразитель идеологии «промышленного капитала», а более абстрактно, как историк периода «кризиса дореволюционной буржуазной науки». В книге активно используется понятие «академическая легенда» (вариант – «академический канон»), т.е. сформированный академической средой начала XX в. образ Ключевского как бесстрастного ученого, верного только науке. Напомню, что в работе «В.О. Ключевский и его место в развитии русской исторической мысли» историк называется «академическим интел-

лигентом». Теперь Нечкина последовательно старается дистанцировать Ключевского от академизма и разрушить «академический канон». Стараясь его опровергнуть, Нечкина стремится вписать Ключевского в революционно-демократический канон. Она считает, что «Ключевский “левет” в годы всех трех революционных ситуаций, пережить которые выпало на его долю» [там же: 407].

Ключевский предстает неблагонадежным для режима человеком, который противостоит царской, казенной России, пусть и пассивно. Характерный пример. Рассуждая о том, хотел ли Ключевский читать курс для наследника престола, Нечкина однозначно говорит, что нет. Но делает это, по сути, бездоказательно: «Отказывался ли Ключевский от свалившейся на него “чести”? Думаю, всеми силами и средствами, какие только считал допустимыми» [Нечкина 1974: 326]. «Думаю» не подкреплено никакими источниками. И таких примеров немало.

Оценки теоретико-методологических поисков историка оказываются более устойчивыми. Несомненным достижением является стремление рассмотреть концепцию Ключевского в развитии. Но выводы в целом не изменились за много десятилетий. Вновь подчеркивается двойственность методологии историка, его метания между идеализмом и материализмом. На основании отсутствия четкой методологической базы отрицается и существование «школы Ключевского».

Несмотря на заметную эволюцию образа Ключевского в трудах Нечкиной, между ними отчетливо прослеживается преемственность. Более того, пожалуй, именно в итоговом труде 1974 г. автор в наибольшей степени сумела реализовать исследовательскую модель, в центре которой оказывается личность историка. Таким образом, замысел, возникший в 1920-е гг., был реализован спустя полвека.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Артизов А.Н. Историографические семинары М.Н. Покровского // История и историки. 1995. М., 1995. С. 185-199 [Artizov A.N. Istoriograficheskie seminary M.N. Pokrovskogo // Istoriija i istoriki. 1995. M., 1995. S. 185-199]
- Богомазова О.В., Гришина Н.В. Юбилейные и мемориальные публикации о В.О. Ключевском (Библиография (1897-2007) // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23. С. 38-44 [Bogomazova O.V., Grishina N.V. Jubilejnye i memorial'nye publikacii o V.O. Ključevskom (Bibliografija (1897-2007) // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 23. S. 38-44]
- Богословский М.М. Историография, мемуаристика, эпистолярная. М., 1987 [Bogoslovskij M.M. Istoriografija, memuaristika, jepistoljarija. M., 1987]
- «И мучилась, и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной / Сост., автор вступ. ст. и комментариев Е.Р. Курапова. М., 2013 [«I muchilas', i rabotala neverojatno»: Dnevniki M.V. Nechkinoj / Sost., avtor vstup. st. i kommentarijev E.R. Kurapova. M., 2013]
- «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: Документальная монография. М., 2011 [“Istoriija v cheloveke” – akademik M.V. Nechkina: Dokumental'naja monografija. M., 2011]
- Нечкина М.В. В.О. Ключевский // Русская историческая литература в классовом освещении: Сб. ст. / Под ред. М.Н. Покровского. Т. 2. М., 1930. С. 215-350 [Nechkina M.V. V.O. Ključevskij // Russkaja istoričeskaja literatura v klassovom osvshhenii: Sb. st. / Pod red. M.N. Pokrovskogo. T. 2. M., 1930. S. 215-350]

- Нечкина М.В. Василий Осипович Ключевский: История жизни и творчества. М., 1974 [Nechkina M.V. Vasilij Osipovich Kljuchevskij: Istorija zhizni i tvorchestva. M., 1974]
- Нечкина М.В. Взгляд В.О. Ключевского на роль «идей» в историческом процессе (Из работ о предшественниках экономического материализма в русской историографии) // Красная новь. 1923. № 5. С. 174-203 [Nechkina M.V. Vzgljad V.O. Kljuchevskogo na rol' «idej» v istoricheskom processe (Iz rabot o predshestvennikah jekonomicheskogo materializma v russkoj istoriografii) // Krasnaja nov'. 1923. № 5. S. 174-203]
- Нечкина М.В. Гегельянская «окаменелость»: (В связи с книгой Л. Троцкого «1905»). 2-е изд. М., 1922) // Казанский библиофил. 1923. № 4. С. 20-30 [Nechkina M.V. Gegel'janskaja «okamenelost'»: (V svjazi s knigoj L. Trockogo «1905»). 2-e izd. M., 1922) // Kazanskij bibliofil. 1923. № 4. S. 20-30]
- Нечкина М.В. К характеристике В.О. Ключевского как социолога: (В связи с изданием 5-го тома «Курса русской истории» В.О. Ключевского. Пг., 1922) // Вестник просвещения. 1923. № 1/2. С. 28-39 [Nechkina M.V. K harakteristike V.O. Kljuchevskogo kak sociologa: (V svjazi s izdaniem 5-go toma «Kursa russkoj istorii» V.O. Kljuchevskogo. Pg., 1922) // Vestnik prosveshhenija. 1923. № 1/2. S. 28-39]
- Нечкина М.В. Русская история в освещении экономического материализма (историографический очерк). Казань, 1922 [Nechkina M.V. Russkaja istorija v osveshhenii jekonomicheskogo materializma (istoriograficheskiy ocherk). Kazan', 1922]
- Покровский М.Н. Откуда взялась внеклассовая теория развития русского самодержавия // Покровский М.Н. Историческая наука и борьба классов: Историографические очерки, критические статьи и заметки. Изд. 2. Т. 1. М., 2012 [Pokrovskij M.N. Otkuda vzjalas' vneklassovaja teorija razvitija russkogo samodержavija // Pokrovskij M.N. Istoricheskaja nauka i bor'ba klassov: Istorigraficheskie ocherki, kriticheskie stat'i i zametki. Izd. 2. T. 1. M., 2012]
- Сидоров А.Л. Институт красной профессуры // Мир историка: Историографический сборник. Омск, 2005. С. 363-408 [Sidorov A.L. Institut krasnoj professury // Mir istorika: Istorigraficheskiy sbornik. Omsk, 2005. S. 363-408]
- Сыромятников Б.И. В.О. Ключевский и Б.Н. Чичерин // В.О. Ключевский. Характеристики и воспоминания. М., 1912. С. 69-93 [Syromjatnikov B.I. V.O. Kljuchevskij i B.N. Chicherin // V.O. Kljuchevskij. Harakteristiki i vospominanija. M., 1912. S. 69-93]
- Черная Е.Ю. Милица Васильевна Нечкина – историк отечественной исторической науки. Дисс... к.и.н. Новосибирск, 2014 [Chernaja E.Ju. Milica Vasil'evna Nechkina – istorik otechestvennoj istoricheskoy nauki. Diss... k.i.n. Novosibirsk, 2014]

Тихонов Виталий Витальевич, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН; tihonovvitaliy@list.ru

«Klyuchevskiada» by M.V. Nechkina

The article analyzes the evolution of the image of V.O. Klyuchevsky in the historiographic heritage of M.V. Nechkina. Special attention is paid to unpublished or little-known works of M.V. Nechkina of the 1920s. It is shown that early works became a kind of polygon of theoretical and methodological searches of M.V. Nechkina, who presented the synthesis of psychoanalysis and externalist class approach to the development of science. Nevertheless, it is concluded that conceptually early works are closely connected with the final monograph "Vasily Klyuchevsky: the history of life and creativity" (1974).

Keywords: V.O. Klyuchevsky, M.V. Nechkina, the history of historical science, psychoanalysis, Marxism

Vitaly V. Tikhonov, Ph. D. in History, leading researcher, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences; tihonovvitaliy@list.ru

ПЕРЕКРЕСТКИ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ

M. S. PETROVA

CLARIFICATION OF THE MEANING AND CONTENT OF A FRAGMENT “ON INTOXICATION” ATTRIBUTED TO ARISTOTLE THROUGH MACROBIUS’ “SATURNALIA”

The paper examines a reconstructed fragment by Plutarch (Quaest. conv. III, 3,1 [650af]) and Athenaeus (Deipn. X, 34 [429cd]) from the lost treatise “On intoxication” (probably, “Symposium, or On intoxication”) attributed to Aristotle. The corresponding discussion by Macrobius (Sat. VII, 6, 15-21) is used. The comparative analysis of the texts by Plutarch, Athenaeus and Macrobius is carried out; the similarities and differences between them are demonstrated. It is proposed to use Macrobius’ text to clarify the meaning of the lost fragment and to reconstruct the views on the nature and effects of intoxication contemporary to Aristotle.

Keywords: Aristotle, “On intoxication”, fragment, meaning, reconstruction, Macrobius

The text of Macrobius’ “Saturnalia” (VII, 6, 17-21), which will be discussed below, was not taken into account by E. Heitz (1869), V. Rose (1886), W.D. Ross (1955), D. Page (1962), M. West (1972) and R. Laurenti (1987) in their work on reconstruction of the fragment from the lost treatise “On intoxication” (probably “Symposium, or On intoxication”) attributed to Aristotle¹. Here we are referring to the fragment (6/99 [Heitz], 109 [Rose], 8-9 [Ross]), which was reconstructed by Plutarch’s “Quaestiones convivales” (III, 3, 1 [650af, Hubert]) and Athenaeus’ “Deipnosophistae” (X, 34, Kaibel, [429cd]).

However, it seems, Macrobius’ “Saturnalia” is important not only for clarification of the content of the fragment of Aristotle which is under consideration (as well as the logic of his treatise as a whole), but also for recreation of the ancient ideas about how to use wine and its effects on the person depending on age and sex, and the nature and mechanism of intoxication.

Perhaps for this reason, Emile Heitz, as mentioned above, one of the earliest editors of the fragments of the lost Aristotle’s works, indicating the

¹ Here we do not consider the problem of authorship of this text. Following the earlier tradition (e.g. Plutarch [ad loc.], Athenaeus [ad loc.]) it is possible to note it as the treatise “On intoxication”, attributed to Aristotle. In regard to the contents and title of this work, E. Heitz (Heitz [ed.] 1869: 64) has noted that its surviving fragments could be related to the third part of Aristotle’s “Problems” (Bekker [ed.] 1831: 871a 1 – 876a 28) which dealt with the use of wine and intoxication. E. Heitz also pointed to the tradition of the existence of such treatises. He mentioned Antisthenes and his treatise “On the use of wine” (or “On intoxication”, or “On the Cyclopes”) with reference to Diogenes Laertius (VI, 18) and Aristide (Orat. XXV, 1 [Dindorf (ed.) 496]). In the Rose’ edition (see: Rose [ed.] 1886) the reconstructed fragments of this work were placed in the section “Dialogues”; one of them was called “Symposium” (and below – “On intoxication”), with the reference to the already mentioned statement of Aristotle’s “Problem” (see: Thesaurus Linguae Graecae 1999: 0086 051).

texts of Plutarch and Athenaeus, had already paid attention to Macrobius' "Saturnalia" highlighting the two paragraphs of the 7-th Book (6, 15-16)². However, it had received no reaction from subsequent scholars, who did not mention Macrobius, considering him to be a secondary Latin author.

Below will be cited the texts by Plutarch (Quest. conv. III, 3, 1 [650af]), Athenaeus (Deipn. X, 34 [429cd]) as well as that noted by Heitz namely the fragment of Macrobius (Sat. VII, 6, 15-16), which will demonstrate and examine the doctrinal and lexical similarities and differences existing between them, and analyze the other excerpts by Macrobius (Sat. VII, 6, 17-21)³. In the conclusion Aristotle's contemporary views on the effects of wine on the person depending on age and sex will be reconstructed, as also on the nature and mechanism of intoxication.

Plutarchus, "Quaestiones convivales" III, 3, 1 (650af):

...Ἀριστοτέλης ἐν τῷ περὶ μέθης, ὅτι μάλιστα μὲν οἱ γέροντες ἤκιστα δ' αἱ γυναῖκες ὑπὸ μέθης ἀλίσκονται, τὴν αἰτίαν οὐκ ἐξεργάσατο, μηδὲν εἰωθῶς προῖεσθαι τῶν τοιούτων. εἴτα μὲντοι προῦβαλεν ἐν μέσῳ σκοπεῖν τοῖς παροῦσιν. ἦν δὲ τῶν συνήθων τὸ δεῖπνον. ἔφη τοίνυν ὁ Σύλλας θατέρωθ' ἄτερον ἐμφανισθαι: κἂν εἰ περὶ τῶν γυναικῶν ὀρθῶς τὴν αἰτίαν λάβοιμεν, οὐκ ἔτι πολλοῦ λόγου δεήσεσθαι περὶ τῶν γερόντων: ἐναντίας γὰρ εἶναι μάλιστα τὰς φύσεις τῆ θ' ὑγρότητι καὶ ξηρότητι καὶ λειότητι καὶ τραχύτητι καὶ μαλακότητι καὶ σκληρότητι. καὶ τοῦτ' ἔφη λαμβάνειν κατὰ τῶν γυναικῶν πρῶτον, ὅτι τὴν κρᾶσιν ὑγρὰν ἔχουσιν, ἢ καὶ τὴν ἀπαλότητα τῆς σαρκὸς ἐμμεμιγμένη παρέχει καὶ τὸ στίλβον ἐπὶ λειότητι καὶ τὰς καθάρσεις: ὅταν οὖν ὁ οἶνος εἰς ὑγρότητα πολλὴν ἐμπεσῆ, κρατούμενος ἀποβάλλει τὴν βαφὴν καὶ γίνεται παντάπασιν ἀβαφῆς καὶ ὑδατώδης. ἔστι δὲ τὴν καίπαρ' αὐτοῦ λαβεῖν Ἀριστοτέλους τοὺς γὰρ ἄθροον καὶ ἀπνευστί πίνοντας, ὅπερ 'ἀμυστίζειν' ὠνόμασαν οἱ παλαιοί, φησὶν ἤκιστα περιπίπτειν μεθαις: οὐ γὰρ ἐνδιατριβεῖν τὸν ἄκρατον αὐτοῖς, ἀλλ' ἐξωθούμενον ῥύμη διαπορεύεσθαι διὰ τοῦ σώματος. ἐπιεικῶς δὲ τὰς γυναῖκας ὀρθῶς οὕτω πινοῦσας. εἰκὸς δ' αὐτῶν καὶ τὸ σῶμα, διὰ τὸν ἐνδελεχῆ τῶν ὑγρῶν κατασπασμὸν ἐπὶ τὰς ἀποκαθάρσεις πολύπορον γεγενέαι καὶ τεμηθῆσθαι καθάπερ ἀνδῆροις καὶ ὀχετοῖς: εἰσοὺς ἐμπίπτοντα τὸν ἄκρατον ὑπάγειν ταχέως καὶ μὴ προσίστασθαι τοῖς κυρίοις μέρεσιν, ὧν διαταραττομένων συμβαίνει τὸ μεθύειν. οἱ δὲ γέροντες ὅτι μὲν εἰσὶν ἐνδεεῖς ἰκμάδος οἰκείας, τοῖνομά μοι δοκεῖ φράζειν πρῶτον: οὐ γὰρ ὡς ῥέοντες εἰς γῆν, ἀλλ' ὡς γῶδες καὶ γεηροὶ τινες, ἤδη γιγνώμενοι τὴν ἔξιν οὕτω παραγορεύονται. δηλοῖ δὲ καὶ τὸ δυσκαμπέσαυτῶν καὶ σκληρὸν, ἔτι δ' ἢ τραχύτης: τὴν ξηρότητα τῆς φύσεως, ὅταν οὖν ἐμπίνουσιν, εἰκὸς ἀναλαμβάνεσθαι τὸν οἶνον, τοῦ σώματος σπογγώδους διὰ τὸν αἰχμὸν ὄντος: εἴτ' ἐμμένοντα πληγὰς καὶ βαρύτητας ἐμποιεῖν. ὡς γὰρ τὰ ρεύματα τῶν μὲν πυκνῶν ἀποκλύζεται χωρίον καὶ πηλὸν οὐ ποιεῖ τοῖς δ' ἀραιοῖς ἀναμίγνυται μᾶλλον, οὕτως ὁ οἶνος ἐν τοῖς τῶν γερόντων σώμασιν ἔχει διατριβὴν ἐλκόμενος ὑπὸ τῆς ξηρότητος, ἄνευ δὲ τούτων ἰδεῖν ἔστι τὰ συμπτώματα τῆς μέθης τὴν τῶν γερόντων φύσιν ἐξ

² See: Heitz (ed.) 1869: 66. These lines precede those paragraphs, which we intend to consider in our study.

³ Note, Paul A. Clement, the researcher and translator of Plutarch's "Quaestiones convivales", following previous experience of editors of this text (Bernardaris [ed.] 1892; Hutten [ed.] 1798; Wyttenbach [ed.] 1797), has already indicated here (Quaest. conv. III, 3), that Macrobius is an imitator of Plutarch's text in his "Saturnalia" (VII, 6, 14-21). See: Clement 1969: 226; 1.

ἐαυτῆς ἔχουσαν: ἔστι γὰρ συμπτώματα μέθης ἐπιφανέστατα, τρόμοι μὲν ἄρθρων ψελλισμοὶ δὲ γλώσσης, πλεονασμοὶ δὲ λαλιάς ὀξύτητες δ' ὀργῆς, λήθαί τε καὶ παραφοραὶ διανοίας: ὧν τὰ πολλὰ καὶ περὶ τοὺς ὑγιαίνοντας ὄντα πρεσβύτας ὀλίγης ῥοπῆς δεῖται καὶ σάλου τοῦ τυχόντος: ὥστε μὴ γένεσιν ἰδίων ἀλλὰ κοινῶν ἐπίτασιν συμπτωμάτων γίνεσθαι τὴν μέθην τῷ γέροντι: τεκμήριον δὲ τούτου τὸ μηδένειναι γέροντι νέου μεθυσθέντος ὁμοίωτερον...

...Aristotle in his *Concerning Drunkenness* did not work out the element of causation when he wrote that old men were especially susceptible to drunkenness and women least susceptible, though it was not his habit to neglect such a matter... that one part of the problem threw light upon the other. If we should rightly determine the cause where women are concerned, there would be no further need of much speculation where old men are concerned, for their natures are very emphatically opposites: moist and dry, smooth and rough, soft and hard. "The first thing about women... they possess a moist temperament which, being a component of the female, is responsible for her delicate, sleek, smooth flesh, and for her menses; wine, therefore, when it falls into a great amount of liquid, is overcome, loses its edge, and becomes completely insipid and watery. [Furthermore, one can get some hint of the causation even from Aristotle himself; for he says that people who drink all in one gulp, without drawing a breath, – a manner of drinking the ancients called 'tossing it off', – are the people least apt to fall into a state of intoxication, since the wine does not linger in them, but proceeds through the body and is pushed out by the force of the draught]⁴. And we usually see women drinking in this fashion. Again, it is likely that the female body, on account of the constant drawing down of fluids for menstruation, has come to be provided with many passages and cut up as if by dikes and channels; and the wine doubtless falls into these, is quickly eliminated, and does not attack the body's sovereign parts, from the disturbance of which drunkenness results. As for 'old men' the word itself (*gerontes*) seems to me to be the first thing to indicate that they are in need of proper moisture, for 'old men' are so called, not as 'flowing into earth' (*rheontes eis gēn*), but as individuals now become 'soil-like' and 'earthy' (*geōdeis, geēroi*) in their condition; their stiffness and hardness, and their roughness besides, show the dryness of their substance. Therefore, when they drink, it is likely that the wine is soaked up, for their bodies because of dryness are like sponges; and then the wine lies there and afflicts them with its heaviness. For just as flood-waters run off from compact soils and do not make mud, but are soaked up in greater degree by soils of loose texture, so in the bodies of old men wine lingers on, attracted by the dryness there. Apart from these considerations, one can observe that the characteristics of intoxication are those peculiar to the nature of old men, for the characteristics of intoxication are very clear: trembling limbs and stammering tongue, excessive talkativeness, irascible temper, forgetfulness, wandering mind. Most of these exist even in healthy old men and need but a slight turn of the scale, an accidental disturbance, to bring them out. Consequently, intoxication in an old man does not produce symptomatic characteristics peculiar to the individual, but simply intensifies characteristics common to all old men. A proof of this is the fact that nothing is more like an old man than a young man drunk"⁵.

⁴ Paul A. Clement with reference to Hubert and Rose (see: Hubert [ed.]: 119) noted the non-authenticity of this place. Cf. Clement 1969: 229 (a).

⁵ Clement (tr.) 1969: 227-231. Cf. trans. by William W. Goodwin: "... Aristotle in his discourse of *Drunkenness*, affirming that old men are easily, women hardly, overtaken, did not assign the cause, since he seldom failed on such occasions. He therefore proposed it to us (we were a great many acquaintance met at supper) as a fit subject for our enquiry... One

Athenaeus, “Deipnosophistae” X, 34 (429cf)

Ἀριστοτέλης δ' ἐν τῷ περὶ μέθης φησὶν “εἰ ὁ οἶνος μετρίως ἀφεψηθεῖ, πινόμενος ἦπτον μεθύσκει”. τὴν γὰρ δύναμιν ἀφεψηθέντος αὐτοῦ ἀσθενεστέραν γίνεσθαι. “μεθύσκονται δέ, φησιν, οἱ γεραίτεροι τάχιστα, δι' ὀλιγότητα καὶ ἀσθένειαν τοῦ περὶ αὐτοὺς ἐνυπάρχοντος φύσει θερμοῦ. καὶ οἱ παντελῶς δὲ νέοι τάχιον μεθύσκονται διὰ τὸ πλῆθος τοῦ ἐνυπάρχοντος θερμοῦ· τῷ γὰρ ἐκ τοῦ οἴνου προσγινομένῳ κρατοῦνται ῥαδίως...”

Aristotle says in the work “On Drunkenness”: “If wine be boiled down moderately, the drinking of it is less apt to cause intoxication; for the potency of it when boiled down becomes weaker. Older men, he continues, become intoxicated soonest because of the slightness and weakness of the natural heat contained within them. But very young persons also become intoxicated rather quickly because of the large amount of heat within them; for they are easily overpowered by the heat which is added from the wine...”⁶.

part will conduce to the discovery of the other; and if we rightly hit the cause in relation to the women, the difficulty, as it concerns the old men, will be easily despatched; for their two natures are quite contrary. Moistness, smoothness, and softness belong to the one; and dryness, roughness, and hardness are the accidents of the other. As for women, I think the principal cause is the moistness of their temper; this produceth a softness in the flesh, a shining smoothness, and their usual purgations. Now when wine is mixed with a great deal of weak liquor, it is overpowered by that, loses its strength, and becomes flat and waterish. [Some reason likewise may be drawn from Aristotle himself; for he affirms that those that drink fast, and take a large draught without drawing breath, are seldom overtaken, because the wine doth not stay long in their bodies, but having acquired an impetus by this greedy drinking, suddenly runs through; and women are generally observed to drink after that manner]. Besides, it is probable that their bodies, by reason of the continual deflection of the moisture in order to their usual purgations, are very porous, and divided as it were into many little pipes and conduits; into which when the wine falls, it is quickly conveyed away, and doth not lie and fret the principal parts, from whose disturbance drunkenness proceeds. But that old men want the natural moisture, even the name *γέροντες*, in my opinion, intimates; for that name was given them not as inclining to the earth (*ρέοντες εἰς γῆν*), but as being in the habit of their body *γεώδεις* and *γεηροί*, *earthlike* and *earthy*. Besides, the stiffness and roughness prove the dryness of their nature. Therefore it is probable that, when they drink, their body, being grown spongy by the dryness of its nature, soaks up the wine, and that lying in the vessels it affects the senses and prevents the natural motions. For as floods of water glide over the close grounds, nor make them slabby, but quickly sink into the open and chapped fields; thus wine, being sucked in by the dry parts, lies and works in the bodies of old men. But besides, it is easy to observe, that age of itself hath all the symptoms of drunkenness. These symptoms everybody knows; shaking of the joints, faltering of the tongue, babbling, passion, forgetfulness, and distraction of the mind; many of which being incident to old men, even whilst they are well and in perfect health, are heightened by any little irregularity and accidental debauch. So that drunkenness doth not beget in old men any new and proper symptoms, but only intend and increase the common ones. And an evident sign of this is, that nothing is so like an old man as a young man drunk”. Goodwin (tr.) 1874.

⁶ Gulick (tr.) 1957: IV, 445. Cf. trans. by C.D. Yonge: “And Aristotle, in his treatise “On Drinking”, says, ‘If the wine be moderately boiled, then when it is drunk, it is less apt to intoxicate; for, as some of its power has been boiled away, it has become weaker’. And he also says, ‘Old men, become drunk more quickly on account of the small quantity of natural warmth which there is in them, and also of the weakness of what there is. And again, those who are very young get drunk very quickly, on account of the great quantity of natural warmth

Macrobius, "Saturnalia" VII, 6, 15-16:

(15) Legisse apud philosophum Graecum memini (ni fallor, ille Aristoteles fuit in libro quem de ebrietate composuit) mulieres raro in ebrietatem cadere, crebro senes: nec causam vel huius frequentiae vel illius raritatis adiecit. Et... ad naturam corporum tota haec quaestio pertinet... (16) ...Recte et hoc Aristoteles, ut cetera... Mulieres, inquit, raro ebriantur, crebro senes. Rationis plena gemina ista sententia, et altera pendet ex altera. Nam cum didicerimus quid mulieres ab ebrietate defendat, iam tenemus quid senes ad hoc frequenter inpellat: contrariam enim sortita naturam sunt muliebre corpus et corpus senile.

"I remember having read in the work of a Greek philosopher (unless I am mistaken, it was Aristotle's treatise "On Drunkenness") that women rarely become drunk but old men often, and that no explanation was given either of the frequency of the one occurrence or of the rarity of the other. Non since this question is one that is wholly concerned with our bodily nature... (16) In this as in everything else... Aristotle is right... Women, he says, rarely become drunk, old men often. There is a completely rational explanation of each part of this twofold statement, and the one depends on the other; for when we have learned what it is that keeps women from becoming drunk, then we know what it is that often brings old men to this pass, since it so happens that the nature of a woman's body is the direct opposite of the nature of an old man's body"⁷.

As can be seen from the texts by Plutarch, Athenaeus and Macrobius, they all have doctrinal parallels relating to the properties of wine, the nature of intoxication of persons – in particular women, old and young men. The paraphrase by Plutarch is the most informative. However his text lacks the detail presented by Athenaeus (for instance, there is no mention of wine losing its strength after short period of boiling) and Macrobius (for example, there is no Aristotle's apologetic position in relation to women). With regard to the textual / lexical parallels, they are absent, although minor similarities exist.

Note all these fragments have certain features, which should be analysed. So, Plutarch uses corresponding masculine (οἱ γέροντες) and feminine (αἱ γυναῖκες) nouns, when stating that the aged men are more susceptible to intoxication than women. Accordingly here, in making comparisons Plutarch violates the logic: he takes the pair "women / old men" instead of pairs "old men / old women", "women / men", "the young / the old". However below, in his statement about young people and the elderly, such logic is preserved.

Unlike Plutarch, in treating the question similarly Athenaeus does not mention women at all and briefly writes (preserving gender and age parallels) only about the old men (οἱ γεραιότεροι) and young men (νέοι), whose reaction to wine consumed is the same.

In comparison to Plutarch, Macrobius' discussion is more elaborate. He writes about women (mulieres), who are obviously young, and some "senes" (pl. from Lat. "senex"), which may equally refer to the old people of the same sex (i.e. old women or old men) or of different sexes (that is, old women and

that there is in them; for, in consequence, they are easily subdued by the warmth proceeding from the wine which is added to their natural warmth...". Yonge (tr.) 1854: II, 677-678.

⁷ See: Davies (tr.) 1969: 470.

old men). In relation to Macrobius' text, two possible readings are discussed. To preserve correct practice of contrasting only comparable groups (similar to that of Athenaeus, who compared old men and young men), then in the text of Macrobius, who speaks of women, it is necessary to understand "senes" as a feminine noun in plural ("old women")⁸. Then, in his text the young women (mulieres) resistant to intoxication will be opposed to old women susceptible to intoxication. On the contrary, if we treat "senes" as a masculine noun in plural ("old men"), then incomparable elements are contrasted.

Macrobius further notes (Sat. VII, 6, 16), that the difference is due to the nature of their bodies (Here and below, "senes" is understood to be a feminine noun [or adjective] in plural): "There is [Aristotle's] explanation of each part of this twofold statement, and the one depends on the other; for when we have learned what it is that keeps [*young*] women from becoming drunk, then we know what it is that often brings *old women* to this pass, since it so happens that the nature of a [*young*] woman's body is the direct opposite of the nature of an *old woman's body*"⁹.

The subsequent Macrobius' explanation (Sat. VII, 6, 17-21) helps to better understanding of the idea of Aristotle, which perhaps was talking about the nature of the effect of wine on women of different ages:

(17) Mulier humectissimo est corpore. Docet hoc et levitas cutis et splendor, docent praecipue adsiduae purgationes superfluo exonerantes corpus humore. Cum ergo epotum vinum in tam largum ceciderit humorem, vim suam perdit et fit dilutius, nec facile crebri sedem ferit fortitudine eius extincta. (18) Sed et haec ratio iuvat sententiae veritatem: Quod muliebre corpus crebris purgationibus deputatum pluribus consertum est foraminibus, ut pateat in meatus et vias praebeat humori in egestionis exitium confluenti, per haec foramina vapor vini celeriter evanescit. (19) Contra senibus siccum corpus est, quod probat asperitas et squalor cutis. Unde et haec aetas ad flexum fit difficilior, quod est indicium siccitatis. Intra hos vinum nec patitur contrarietatem repugnantis humoris, et integra vi sua adhaeret corpori arido, et mox loca tenet quae sapere homini ministrant. (20) Dura quoque esse senum corpora nulla dubitatio est: et ideo ipsi etiam naturales meatus in membris durioribus obserantur, et hausto vino exhalatio nulla contingit, sed totum ad ipsam sedem mentis ascendit.

Below there is P. Davies' translation of this passage with some changing, realizing "senes" as the feminine noun:

(17) A [*young*] woman's body is full of moisture, as appears from the smoothness and sheen of her skin, and above all from the repeated purgings which rid her body of the burden of superfluous fluid. The wine, then, that a woman drinks meets such an abundance of fluid that it loses its force and becomes diluted, and with its strength extinguished it does not easily attack the seat of the brain. (18) The truth of this statement is supported by the further consideration that a [*young*] woman's body, being subject to frequent purgings, is provided with a number of outlets to open up channels and make ways for the exit of the moisture that collects for evacuation, and it is through these outlets that the fumes of the wine quickly disappear.

⁸ This meaning for "senes" was chosen by Russian scholar. See: Zvirevich (tr.) 2013: 484-485.

⁹ See P. Davies' translation of this passage, realizing "senes" as the masculine noun (Davies [tr.] 1969: 470). Compare Russian translation (Zvirevich [tr.] 2013: 484).

(19) An old woman's body, on the other hand, is dry, as is evident from the harshness and roughness of her skin. That is why at that time of life it becomes more difficult to bend, for this too is an indication of dryness. Wine drunk by and old woman encounters no resistance and opposition from moisture but lays hold of the dry body with its strength unabated and presently takes possession of the parts which serve a man's faculty of reason. (20) The bodies of old women are, without doubt, hard as well; and so, in these harder limbs, the natural channels themselves also become blocked, and consequently there are no means of escape for the fumes of the wine drunk, but they ascend in their entirety to the very seat of the mind¹⁰.

The next statement of Macrobius (Sat. VII, 6, 21) accurately reproduces the relevant text of Plutarch (Quaest. conv. III, 3, 1 [650ef]). Here Macrobius (as Plutarch), adhering to comparative logic, writes about similar physiological and psychological qualities of being in a sober condition for old men and for drunken young men, as well as about the similarity of their behavioral states:

(21) Hinc fit ut et sani senes malis ebriorum laborent, tremore membrorum, linguae titubantia, abundantia loquendi, iracundiae concitatio: quibus tam subiacent iuvenes ebrii quam senes sobrii. Si ergo levem pertulerint impulsum vini, non accipiunt haec mala, sed incitant quibus aetatis ratione iam capti sunt.

"Thus it happens that, even when they are sober, old men labor under the unpleasantnesses which attend drunkenness – for their limbs tremble, their speech is indistinct, they are talkative, and they are easily provoked to anger – and in their liability to these conditions old men sober resemble young men drunk. If, then, old men are but slightly under the influence of wine, they do not experience these unpleasant symptoms for the first time but rather exhibit in a more marked degree symptoms to which they have already become subject by reason of their age" [Ibidem].

Thus, on the basis of analysis of the fragments by Plutarch, Athenaeus and Macrobius it is possible to come to the following conclusion. In this fragment of Aristotle's lost treatise the questions about the effect of wine on the persons had been discussed – not only of different sexes, but different age groups (young women and men – old women and men), whilst preserving the logic of comparison, which corresponds to similar practices in other Aristotle's works. Certainly, in the formulation of this conclusion it is necessary to consider not only the secondary of Macrobius as the Latin author and his indirect use of Aristotle's texts, but compilation manner of Plutarch's and Athenaeus' writing, and the inability to determine, what and how they were borrowing from Aristotle, direct or indirect. As to the question of the imitation by Macrobius (Sat. VII, 6, 15-21) Plutarch's text (Quaest. conv. III, 3, 1), it can not be resolved uniquely. However, based on an analysis of Macrobius' other indirect borrowing from Aristotle, we can suppose, that Macrobius had followed some other sources, closer to his time, for example, a Latin paraphrase of Aristotle's text, which could not be saved to our time. Finally, on the basis of the fragments of Plutarch, Athenaeus and Macrobius an attempt has been made to reconstruct ideas from the epoch of Aristotle concerning the effects of intoxication on persons of different age and gender groups.

¹⁰ See: Davies (tr.) 1969: 470-471.

ON THE EFFECT OF INTOXICATION ON THE PERSONS,
DEPENDING ON THEIR AGE AND SEX

(*ap. Plut., Quaest. conv. III, 3, 1 [650af], Ath., Deipn. X, 34 [429cd], Macr., Sat. VII, 6, 15-21*)

Effect of wine per person varies depending on the temperature of the wine. If it is boiled a little, it will lose its strength and intoxication effect is less (Ath.); if it is drunk in one gulp, also the intoxication effect is less, because it will pass through the body pushed in a rapid onslaught (Plut.). Effect of the wine varies depending on the nature of the person, due to the age (Plut.) and sex. So, [young (Macr.) women] having an opposite nature, are less susceptible to intoxication, than old women (Macr.) and old men (Plut.). [Besides], young women rarely get drunk, old women frequently (Macr.). The nature of [young] women is characterized by moisture, smoothness and softness; the nature of [old women (Macr.)] and old men is characterized by dryness, roughness and stiffness (Plut., Macr.). Accordingly, the nature of [the first group, that is young] women (Macr.) is inherent in the wet mixing (Plut.), the nature [of the second group], that is old women is inherent in dry mixing (Macr.), as well as the nature of old men (Plut., Macr.). So, [young (Macr.)] women have a very moist and porous body with a soft and shining smooth skin (Macr., Plut.), which is constantly able to weep and often cleaned (Plut., Macr.). Such a body riddled with many holes (Macr.) and little pipes and conduits, is opened for the exit of the moisture. It gives the moisture the exit, when it expires in the form of frequent purgings (Macr.). [Therefore] when such wine is drunk, it is getting inside such a body saturated with numerous holes and, in its moist environment, loses its strength. Wine becomes non palpable, watery and diluted, and its strength is weakened. [For this reason], evaporated through bodily holes it does not lie in and effect the principal parts, from whose disturbance drunkenness proceeds and could hardly affect the mind (Plut., Macr.). [On the contrary], old women and old men have the body, which is dry, dense and stiff with rough and wrinkled skin (Plut., Macr.), spongiform, due to desiccation of body tissue.

Getting into such body all the natural channels of which are blocked (Macr.), the wine in the absence of resistance of moisture and keeping its strength, gets fixed there and takes possession of the mind (Macr.). The wine, soaking and stopping in the body because of its dryness (Plut.), causes intoxication and painful shocks: limbs tremble, faltering of the tongue, babbling, irritability, forgetfulness, accidental debauch (Plut., Macr.). All these symptoms pertaining to old men (Plut.) and old women (Macr.) in their healthy condition, are aggravated under the influence of wine (Plut., Macr.).

So, in general, old men [and old women (Macr.)] are easily intoxicated (Plut.) because their bodies do not have enough moistness (Plut.). The drunken young man is very similar to the old man (Plut.), because he has the same symptoms (Macr.). [In addition], young people get drunk quickly for the reason that they have a lot of [the own] warmth; this added warmth from wine quickly overpowers them. Elderly people are vulnerable to intoxication more quickly due to the fact that they have less of the natural warmth [than young people] and it is weaker (Ath.).

REFERENCES

I. Original texts

Aristotle

- Heitz (ed.) 1869. – *Fragmenta Aristotelis collegit disposuit illustravit Aemilius Heitz* (Parisii: Ed. A. Fermin-Didot, 1869).
- Rose (ed.) 1886. – *Fragmenta varia*, ed. V. Rose. *Aristotelis qui ferebantur librorum fragmenta*. Leipzig: Teubner, 1886 (repr. Stuttgart, 1967).
- Ross (ed.) 1955. – *Aristotelis fragmenta selecta*, ed. by W.D. Ross (Oxford: Clarendon Press, 1955).
- Page (ed.) 1962. – *Fragmentum*, ed. D.L. Page. *Poetae melici Graeci* (Oxford: Clarendon Press, 1962; repr. 1967; 1st edn. corr.).
- West (ed.) 1972. – *Fragmenta*, ed. M.L. West. *Iambi et elegi Graeci*, vol. 2 (Oxford: Clarendon Press, 1972).

Laurenti (ed.) 1987. – Aristotele. I Frammenti del Dialoghi. A cura di Renato Laurenti, t. I – II (Napoli, 1987).

Athenaeus

Perseus Digital Library, <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/> (April, 2016); Thesaurus Linguae Graecae (1999) – 0008 001.

Plutarch

Perseus Digital Library, <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/> (April, 2016); Thesaurus Linguae Graecae (1999) – 0007 112.

Macrobius

Jan (ed.) 1848–1852. – Macrobius. Opera quae supersunt, ed. L. von Jan. 1 vol. (Leipzig – Quedlinburg, 1848–1852).

Willis (ed.) 1963. – Ambrosii Theodosii Macrobi Saturnalii, ed. I. Willis (Leipzig, 1963).

II. Translations and Editions

Clement (tr.) 1969. – Plutarch's Moralia in sixteen volumes, vol. 8 (612b – 697c), with an English translation by Paul A. Clement and Herbert B. Hoffleit (Cambridge, MA: Harvard University Press – L.: William Heinemann LTD, 1969).

Davies (tr.) 1969. – Macrobius. The Saturnalia. Trans. by Percival Vaughan Davies (N.Y. – L.: Columbia University Press, 1969).

Goodwin (tr.) 1874. – Plutarch's Morals. Trans. from the Greek by several hands; corr. and rev. by William W. Goodwin (Boston: Little, Brown, and Company – Cambridge: Press of John Wilson and son, 1874), <http://data.perseus.org/citations/urn:cts:greekLit:tlg0007.tlg112.perseus-eng1:3.3.1> [Dec., 2015].

Gulick (tr.) 1957. – Athenaeus. The Deipnosophists, with an English translation by Charles Burton Gulick, Ph.D., in 7 vols., vol. IV (L.: William Heinemann LTD – Cambridge, MA: Harvard University Press, 1957; 1930).

Yonge (tr.) 1854. – The Deipnosophists, or, Banquet of the learned of Athenæus. Trans. by Charles Duke Yonge, in 3 vol., vol. II (L.: Henry G. Bohn, 1854), <http://digital.library.wisc.edu/1711.dl/Literature.AthV2> (Dec., 2015).

Zvirevich (tr.) 2013. – Macrobius Theodosius. The Saturnalia. Trans. from Greek and Latin by V.T. Zvirevich, ed. M.S. Petrova (Moscow, 2013) – in Russian.

III. References

Petrova, M.S. (2015). The Texts of Aristotle in the Latin Tradition of Late Antiquity. Dialogue with Time 53, 72-81. – in Russian.

Maya S. Petrova, Dr.Sc. (History), chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; mayapetrova@yandex.ru

Прояснение смысла и содержания фрагмента «Об опьянении», приписываемого Аристотелю, посредством «Сатурналий» Макробия

В работе обсуждается реконструированный по Плутарху (Quaest. conv. III, 3, 1 [650af]) и Афиней (Deipn. X, 34 [429cd]) фрагмент (fr. 6 / 99 Heitz; fr. 109 Rose; fr. 8-9 Ross) приписываемого Аристотелю и не дошедшего до нас сочинения «Об опьянении» (возможно, «Пир, или Об опьянении»), в котором шла речь об употреблении вина и его воздействия на человека в зависимости от пола и возраста. Отмечено, что применительно к этому месту одним из ранних издателей (Heitz [1869], p. 66) уже было обращено внимание на Макробия (Sat. VII, 6, 15-16), что не было принято последующими исследователями текстов Аристотеля. Проводится сравнительный анализ текстов Плутарха, Афиней и Макробия; анализируются их сходства и отличия. Предлагается использовать дальнейшее изложение Макробия (Sat. VII, 6, 17-21) для лучшего понимания содержания рассматриваемого фрагмента и реконструкции современных Аристотелю представлений о природе и механизме опьянения.

Ключевые слова: Аристотель, «Об опьянении», фрагмент, содержание, реконструкция, Макробий

Петрова Майя Станиславовна, доктор исторических наук; главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва), mayapetrova@yandex.ru

Н. В. Карначук

ЭРОЗИЯ ЧУВСТВА КОММУНАЛЬНОЙ ОБЩНОСТИ ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССИИ И ПЛОЩАДНЫЕ БАЛЛАДЫ в 1560-1630 гг.

В статье исследованы параллельные изменения в погребальной процессии в дворянской среде и трансформации площадной литературы в начале XVII в. Начиная с 1612 г., росла популярность ночных похорон – менее обременительных материально, обращенных более к личному переживанию потери, чем к публичному акту единения общины. Отмечены особенности жанра площадной баллады-эпитафии и стабильность этого рода литературы на протяжении второй половины XVI в. Показано, что одновременно с ростом популярности ночных похорон площадная баллада претерпела ряд количественных и качественных изменений. Предложена гипотеза о связи этих явлений и их влиянии на самовосприятие городского сообщества.

Ключевые слова: *Англия раннего Нового времени, площадная литература, эпитафия*

Эдмунд Бонер, епископ Лондона в годы правления Марии Тюдор, обесславленный в «Книге мучеников» Фокса как жестокий тиран и истязатель истинно верующих, скончался в тюрьме Маршалси в сентябре 1569 г. Во избежание публичных скандалов и проявлений ненависти, он был похоронен очень тихо и в ночное время. Однако смерть его и похороны не остались незамеченными: печатная баллада об этих событиях разошлась по Лондону во множестве экземпляров. О погребении католического епископа автор баллады судил так: «Поскольку свет он не любил, но презирал его, он похоронен в полночь был, вдали от глаз людских»¹. В июле 1616 г. леди Анна Клиффорд, горя о смерти своей почтенной матери, записала в дневнике: «...мы прибыли в Эпплби около получаса после одиннадцати, и примерно в 12 ее тело было предано земле. К трем часам утра мы вернулись домой...»².

Менее чем за полвека полуночная погребальная церемония, лишённая всякой публичности, превратилась из позорного клейма в широко распространенный в дворянской среде ритуал. Точнее было бы сказать, что перемена произошла почти моментально: до 1612 г. в Англии не было принято устраивать ночные похороны высородных особ или почтенных горожан. Однако в сентябре 1612 г. Иаков I проложил дорогу новому обычаю, организовав перенос останков своей матери, королевы Марии Стюарт, в Вестминстерское аббатство. Поскольку в пост-елизаветинской Англии пышное публичное перезахоро-

¹ «And sith he loved not the light, but did the same despise: At midnight was he buryed there, from vewe of peoples eyes». EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32094/xml>
² English family life. 1988. С. 202.

нение казенной католички было бы немислимым, церемонию скрыли от глаз широкой публики, организовав ее в поздние часы, практически ночью [Range 2016: 29]. Очевидна причина выбора ночного времени, а также ощущение и королем, и двором, и подданными некоторой неловкости. Некогда сама Мария Стюарт распорядилась похоронить своего мужа, Генри Дарнли ночью, тихо, без королевской торжественности, в отсутствие лиц благородного происхождения – и тем дала дополнительную пищу слухам о своей причастности к его убийству [Lang 1819: 29]. Таким образом, как в Шотландии второй половины XVI в., так и в Англии в начале XVII в. полуночные тихие похороны были отчетливо маркированы во всех слоях общества как аномальные, так или иначе ущемляющие честь покойного или намекающие на преступление.

Однако после 1612 г. в придворных кругах, прежде всего среди шотландцев, прибывших в Лондон в свите Иакова, ночные погребения, «похороны при свете факелов», стали распространенным явлением. К концу 1630-х они превратились в традиционные в аристократической и, шире, дворянской среде, ритуал их «уже полностью устоялся» [Gittings 1997: 25]. Перенос похорон с дневного времени на ночное, неоднократно отмечен исследователями, очерчен и круг вероятных причин изменения в погребальном ритуале. По С. Слейтеру, это было «восстание знати» против заоблачных цен на пышные геральдические похороны [Slater 2006: 47]. Процесс погребения знатных лиц в эпоху Елизаветы был сложным и крайне дорогостоящим ритуалом, а монопольное право организовывать церемонию принадлежало Геральдической палате. Герольды фиксировали факт смерти, определяли количество траурных знамен, флагов и значков, полагающихся покойному по его титулу и рангу, утверждали количество и порядок следования высоких персон в траурной процессии, руководили всей церемонией и получали у родственников умершего необходимые на организацию суммы [Litten 2007: 26-28]. Официальная королевская монополия, выданная Геральдической палате еще в первой половине XVI в., была подтверждена Елизаветой и просуществовала очень долго³. Плата за организацию похорон стабильно росла и к концу века достигла гигантских размеров. Хорошо известен неординарный, но все же пребывающий в русле общей тенденции казус, когда пышные похороны сэра Филиппа Сидни одновременно поразили воображение современников и разорили тестя покойного, сэра Фрэнсиса Уолсингема, оплачивавшего их [Range 2016. С. 8].

Шотландские придворные нового английского короля воспользовались тем, что не попадали в сферу действия английской Геральдической палаты и фактически с нуля создали новый похоронный ритуал. Он включал в себя факельное шествие, в котором присутствие и место

³ Laqueur 1983. С. 113. Окончательно монополия была отменена Вильгельмом III.

в процессии были менее жестко зафиксированы, где не требовалась неременная оплата траурного оформления церкви и траурных одеяний для членов процессии, а также сокращена была раздача одежды и угощения плакальщикам из числа бедноты. Новый порядок в буквальном смысле приблизил к гробу родных покойного, в т.ч. допустил определенное гендерное смешение (в елизаветинскую эпоху умершего мужчину окружали мужчины равного с ним социального ранга, женщины же были исключены из шествия, и, наоборот, женский гроб окружали преимущественно женщины). В целом, формат ночных похорон XVII в. был приватным, в противовес публичным дневным похоронам.

Как полагает Клара Гиттингс, в допущении подобных новшеств сыграла роль усилившаяся с приходом Реформации индивидуализация переживания смерти. Отказ от идеи чистилища и возможности живых повлиять на загробную участь их близких ослабил связи между живыми и мертвыми, однако взамен сыграл на упрочение связей между оставшимися в живых. Постепенное ослабление корпоративных связей привело и к психологическому обособлению личности, повлияв на переживание утраты близкого. Ритуал же публичных похорон XVI в., с чем дружно соглашаются исследователи, был призван продемонстрировать незыблемость социального порядка и сплоченность общины, корпорации, сословия перед лицом смерти, вырывающей людей из ее среды. Для выражения персонального горя он не был предназначен, более того, несдержанность чувств при похоронах супруга или близкого родственника вызывала, по крайней мере, в придворной среде, сдержанное осуждение. Но в определенный момент проявилась потребность «подчеркнуть ритуалом скорее личную утрату, чем публичное выражение силы, что и привело к моде на ночные похороны» [Gittings 1984: 197].

Наложил отпечаток на формирование новой традиции и гендерный аспект. Судя по завещаниям, начиная с 1630-х гг., женщины чаще мужчин желали быть похороненными ночью, с соблюдением самых скромных ритуалов. Леди Мирабелла Беннет, вдова, в 1639 г. просила в завещании, чтобы «ни герольд, ни знаток геральдики не присутствовали на ее похоронах», и церемония была проведена вечерней порой, тихо, без флагов [Gittings 1997: 21]. Леди Джудит Крисп в 1700 г. предписала, чтобы ее похоронили «в одиннадцать часов ночи, в самом узком кругу, так скромно, как только возможно» [Brady 2006: 78]. Поздний час похорон ассоциировался со смирением и скромностью, стремлением избежать публичности, что пристало женщине, но не было обязательной добродетелью мужчины. Видимо, поэтому во второй половине XVII в. преобладали женские ночные похороны. Женское тело было в принципе менее «публично», чем мужское: параллели проводятся со способами публичной казни, в процессе которой мужское тело часто обнажалось, выставлялось напоказ и расчленялось, женское же, как правило, остава-

лось прикрыто одеждой [Brady 2006: 7]. Во второй половине XVII в. отмечены случаи, когда бальзамирование (почти неизменный атрибут елизаветинских похорон знатных персон) рассматривалось как поругание скромности женщины, тело которой, нагое и беззащитное, оказывалось в руках посторонних мужчин [Litten 2007: 119-120].

Таким образом, традиции ночных похорон возникла достаточно спонтанно, но быстро распространилась, поскольку позволяла экономить средства, а постепенно обрела и моральное оправдание через стремление к христианской скромности и смирению. Внешне кажется, что эта перемена вполне безболезненно вписалась в культурные рамки социума, вернее, ограниченной социальной страты – аристократии и дворянства⁴. Радикальный слом в одной из знаковых и значимых сфер человеческого бытия для современников прошел, по всей видимости, незамеченным. XVI век для Англии, как и для Европы, был временем потрясения многих основ: религиозные, социальные, экономические, политические, гендерные устои претерпевали серьезные изменения, и современники остро реагировали на них, источники позволяют проследить массовые беспокойства, которое вызывали перемены. Однако перемена в традиции похорон знати прошла практически неотрафлексированной. Дневники и письма первых десятилетий XVII в., памфлеты и полемические сочинения не поднимали тему ночных похорон. Детально описывая дневные похороны и сопровождавшие их процессии, современники лапидарно отмечали сам факт ночных погребений, не давая понять, какую реакцию у них вызвал новый обычай⁵.

Между тем, это равнодушие современников выглядит загадочно, если вспомнить, что ночные похороны в Англии, вплоть до XVII в., недвусмысленно маркировали покойного как нарушителя законов человеческих или божеских, как отверженного. Причем носители этого убеждения не принадлежали к низшим социальным стратам, оно было общераспространенным, включая дворянскую среду: его так или иначе воспроизводят и документы законодательной власти, и церковные документы, и литературная, и фольклорная традиция. Чаще всего ночами хоронили преступников или «нечистых» существ. Это могла быть женщина, умершая родами, которую обычай предписывал похоронить не позже 24 часов после смерти [Cressy 1999: 427]. Это были самоубийцы, которых на следующую ночь после смерти «официальные лица прихо-

⁴ За пределы благородного сословия традиция «похорон с факелами» в Англии не вышла, известны очень немногочисленные исключения. Лишь во время большой эпидемии чумы 1660-х гг. ночные похороны горожан стали в Лондоне привычной картиной – но именно похороны жертв болезни [Harding 1993: 58]; «ночные похороны должны были посылать различные сигналы, в зависимости от социальной страты» [Cultures of Death and Dying... 2015: 27].

⁵ The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities...

да, церковные старосты и их помощники, несли на перекресток дорог и бросали в вырытую могилу обнаженными. Тело протыкали деревянным колом, после чего яму засыпали. Молитв о покойном не звучало, священник не присутствовал» [MacDonald, Murphy 1990: 15]. Причем этот обычай сохранялся и в XVII в., а значит, продолжал существовать параллельно с аристократическими «факельными похоронами». И, разумеется, именно ночью хоронили вероотступников, в т.ч. и упомянутого выше Эдмунда Бонера. В XVII в. был распространен обычай зарывать их в землю внутри церковной ограды, но в специально выделенном углу кладбища (как правило, у северной стены), и организовывать погребения после наступления темноты.

Символика ночи в XVI и первой половине XVII в. в целом основывалась на отрицательных и пугающих образах: это было время дьявольских соблазнов и преступлений, в лучшем случае – одиноких созерцательных размышлений о Боге. Достаточно вспомнить риторику Лютера и Цвингли, Эразма Роттердамского и Томаса Мора, для которых, при всем различии их взглядов, ночь неоспоримо была синонимом тьмы и заблуждения, олицетворяла ослепление, ошибки в выборе пути и духовное смятение. Трактат Томаса Нэша с характерным названием «Ужасы ночи» (вышел в 1594 г.), живописал эти ужасы, называя ночь «матерью отчаяния и дочерью ада» [Nashe 1904: 341], и эту точку зрения разделяли другие представители университетской и литературной среды. Спускаясь ниже по социальной лестнице, мы находим массу площадных текстов, также сближающих ночь со страхом смерти и посмертного суда и явлением Дьявола⁶, с папским Римом и ложными вестями⁷, с обманами и бесчестьем развратных шлюх⁸. Ночь могла ассоциироваться с лишением радости, потерей, смертью и холодом. Традиционная риторика, называющая монарха светилом, шла рука об руку с описанием печали и ночного мрака, который приносит отсутствие суверена. В памфлете, посвященном возвращению Карла I из Шотландии в Лондон, столица рисуется погруженной в отсутствие короля во тьму «постоянной мрачной ночи», в которой «всякая радость исчезает» [Hart 1994: 161]. В площадной балладе 1570–1580-х гг. читаем: «Ночью, ложась, будь готов принять: свой сон, свою смерть, свою кровать, свою могилу»⁹.

Однако момент смерти и момент погребения имеют различное социально-психологическое наполнение. Похороны XVI в. всегда были нацелены прежде всего на преодоление смерти: они утверждали как надежды на посмертное спасение души умершего, так и «чувство лок-

⁶ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/20025/xml>

⁷ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32480/xml>

⁸ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/20217/xml>

⁹ EBBA: <https://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32168/xml>

тя», ощущение витальности социума и социального порядка, что были призваны продемонстрировать все детали погребального ритуала. Похороны были публичным действием, в ходе которого окончательно фиксировалась коммунальная память об умершем, в то время как смерть воспринималась индивидуальным переживанием, последним актом разговора смертного грешника с Богом. Едва ли не единственным средневековым действием, связанным со смертью и привязанным к темному времени суток, было зажжение свечей и бдение у тела покойного: обряд, в котором отчетливо видны следы охранительного ритуала «опустевшего» тела от нечисти. Протестантизм в Англии, в числе прочих католических суеверий, вел борьбу и с ночными бдениями, но ритуал продолжал жить в XVII в., постепенно теряя популярность, сохранился и к XVIII столетию, но лишь в северных, наиболее отсталых районах страны и в среде простонародья [Cressy 1999: 428].

Как утверждает Крэйг Козлофски, изменение восприятия ночи, отказ от почти исключительно отрицательных коннотаций с ней были настоящим водоразделом между средневековыми топосами и взглядами Нового времени. Трансформация взглядов была обеспечена процессом улучшения средств освещения и сдвигом рабочего дня в вечернюю зону. Этот водораздел пролегает в Англии между первой и второй половиной XVII в. Именно после 1650 г. городская жизнь и жизнь королевского двора сместились в ночную сторону – время закрытия городских ворот и таверн, а также начала балов и придворных развлечений сдвинулось на несколько часов позднее [Koslofsky 2011: 2]. Ночь стала допустимым временем для проведения различного рода социальных ритуалов и действ. Однако на рубеже XVI–XVII вв. это изменение еще никак не проявляло себя и, возможно, «похороны с факелами» были самым первым шагом в указанном направлении, что не делает этот шаг менее удивительным исключением из правил – поскольку все публичные церемонии XVI – начала XVII вв. происходили в дневное время.

В свете указанной проблемы интересные результаты дает обращение к коммеморативным текстам особого рода, характерного для Англии XVI–XVII вв.: площадным балладам-эпитафиям. Этот жанр – в близком родстве, с одной стороны, с надгробными эпитафиями, с другой – с литературной элегией той эпохи. Такие тексты выполняли функцию сохранения памяти о покойном, а отчасти создавали эту память, отливая ее в окончательные словесные формы. Надгробная эпитафия была лапидарней и долговечнее, литературные элегии часто оставались в рукописи или входили в поминальные сборники в честь покойного, что ограничивало круг читателей представителями одной с ним среды, элитарной в смысле статуса, доходов и уровня образования. Печатные эпитафии, как и прочие площадные тексты, предназначались для самого широкого круга читателей. Издатели старались вы-

пустить баллады на смерть видного лица одновременно или сразу после похорон, когда интерес читателей к событию был особенно силен.

Если траурная процессия наглядно демонстрировала социальный порядок и место в нем покойного, то баллады-эпитафии, наоборот, нивелировали иерархическую заданность, поскольку обращались к представителям всех сословий и озвучивали горе от утраты и надежду на спасение души умершего как всеобщие. В эпитафии на смерть сэра Ричарда Гудрика (1562) о достойном муже скорбит все королевство¹⁰, о сэре Фрэнсисе Уолсингеме (1590) плачет вся Англия и «народ Англии»¹¹, Маргариту Дуглас, графиню Леннокс (1578) провожают совместным скорбным стоном «двор и город»¹². И, даже не указывая на максимально широкий круг оплакивающих, автор площадной эпитафии неизменно выступал от множественного числа, объединяя местоимением «мы» всех, кто мог прочесть или услышать эпитафию. Литературная эпитафия подчеркивала личные переживания автора, друга покойного, который исполнял последний долг дружбы, скорбел, искал утешения и не мог его найти. Например, в элегии на смерть Филиппа Сидни Фалк Гренвилл выражал свое горе, растерянность и гнев на судьбу:

Silence augmenteth grief, writing increaseth rage,
 Staled are my thoughts, which loved and lost the wonder of our age;
 Yet quickened now with fire, though dead with frost ere now,
 Enraged I write I know not what; dead, quick, I know not how¹³.

Но печатная эпитафия, предназначенная широкому читателю, за редчайшим исключением, не знала местоимения «я». Приведу один из многочисленных примеров – эпитафию на смерть епископа Солсбери Джона Джуэла (1562), в которой покойный представлен всеобщей драгоценностью (автор использовал игру слов, поскольку фамилия усопшего созвучна слову «драгоценность»):

The Juell of our joy is gone!
 the happy heavens have won
 The greatest gift that ever was
 with us beneth the sun¹⁴.

Следует отметить, что в площадных балладах, посвященных иным публичным событиям – казням преступников, торжественным въездам монархов, государственным празднествам, авторы чаще выступали от собственного лица, формируя образ рассказчика некоей истории для круга слушателей, выделяя себя из этого круга. Возможно, изменение формулы «рассказчик – слушатели» на «единую общность» в случае

¹⁰ *Broadside Black-letter Ballads...* С. 29-30.

¹¹ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32407/xml>

¹² EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32417/xml>

¹³ Цит. по: Pinsky 1978. С. 27.

¹⁴ *The Roxburghe ballads. 1847г.* С. 139.

с балладами-эпитафиями не было результатом сознательного авторского выбора, но отражало автоматизмы восприятия погребальной процессии как универсально значимого, публичного момента.

Порой печатная эпитафия отходила от обобщающей всеобщности скорби и выстраивала перечень тех, кого смерть оплакиваемого лица коснулась ближе всего, и первыми в этом списке всегда шли люди, принявшие от покойного благодеяния. Бедняки, получавшие помощь, несправедливо осужденные, которым нужна была поддержка в суде, люди или даже монарх, нуждающиеся в мудром и взвешенном совете – вот наиболее распространенные категории «плакальчиков», которых находят нужным отметить авторы. Типичная в этом отношении эпитафия сэра Уильяма Лэма (1580) сообщает: «Раздавал он милостыню, когда видел, что в ней есть нужда: одежду для спины, хлеб для рта, корм для голодной души. Был любящим, как агнец, чье имя по праву носил, был глазом слепых и ногой хромых, утешением безутешных, поддержкой больных, отцом сирот, донимаемых острой нуждой, мужем отчаявшихся одиноких вдов; всем благодетель и друг, никому не враг»¹⁵. Здесь, как и во многих других площадных эпитафиях, светская иерархия отставлена в сторону в пользу внесловной, основанной на библейских топосах, общности людей, облагодетельствованных покойным и, в силу этого, ставших гарантами доброй памяти о нем перед людьми и богом.

Одна из баллад на смерть графа Бедфорда самим заглавием обозначает, от чьего имени она исполняется: «Жалоба бедных людей, скорбящих о смерти своего знаменитого благодетеля, достойного графа Бедфорда»¹⁶. Ее структура представляет нечто промежуточное между эпитафией и нарративной морализаторской балладой: бедняки, скитающиеся без приюта и помощи, отвергнутые жестокими лендлордами, всегда находили защиту у графа Бедфорда. Несправедливо лишенные своих наделов и денег просили у графа помощи, и он ходатайствовал о них перед королевой – с неизменным успехом. После смерти графа они оплакивают его и свою долю, однако уверены, что душа его пребывает с Христом, чего нельзя сказать о «жестоким стюардах», которые отвертываются от страждущих. В редких случаях автор печатной баллады-эпитафии все-таки выделял, не называя поименно, конкретных скорбящих. Ими оказывались супруги и дети, а вслед за ними, часто в одной строфе – родственники, слуги, арендаторы, йомены и соседи покойного, как, например, в уже цитированной выше эпитафии сэра Уолсингема:

His Lady wails, his Daughter weeps, his kins-folke sighing sits,
His Servants wail and wring their hands as folk besides their wits.

¹⁵ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32265/xml>

¹⁶ The Shirburn ballads. C. 256-259.

Точно так же смерть графа Дерби (1572) являлась ударом для его друзей, йоменов и соседей:

What mourning make his friends, of him that are bereft?
 what mourning make his yomen all, that he behind hath left?
 How doth his neighbors all, that dwell in Lancashire?
 with sobs and tears they do deplore, this death of his to hear¹⁷.

Подобное перечисление несет в себе сильные следы феодальной модели связей в обществе, когда младшие члены семьи и различные категории слуг дома и вассалов одинаково причисляются к «ближним» покойного. Но такой подход казался авторам баллад естественным только если они поминали большого вельможу, чей образ жизни соответствовал этим традиционным критериям. В эпитафиях рыцарей и горожан круг близких обычно включал семью, друзей и коллег покойного. В случае похорон проповедника или епископа особо выделялась его осиротевшая паства.

Таким образом, печатная баллада-эпитафия гибко следовала за реалиями повседневной жизни, обозначая социальную ранжированность общества, но основной своей целью имела обратиться к внесловным переживаниям аудитории. Этому способствовал, безусловно, тот факт, что площадная баллада-эпитафия не несла в себе неотъемлемого признака элитарности: любой достаточно популярный в стране и столице человек мог быть помянут таким образом. Среди дошедших до нас баллад или их заглавий, при преобладании представителей властной элиты (которого и следовало ожидать), сохранились элегии в память купцов, городских магистратов, начальников военных отрядов, проповедников. Сам род площадной литературы не предполагал элитарности и выбирал объект прославления, исходя из прагматических соображений о том, чья смерть могла заинтересовать многочисленных читателей.

Не встречается в поминальной балладе и другой популярный топос эпохи, изображение смерти как «всеобщего уравнивателя», что свойственно циклам Плясок смерти. Баллада не подчеркивала иерархических, возрастных или половых различий усопших, но не говорила и об уничтожении этих различий. Скорее, все покойные воспринимались как члены одной неразделимой общины, в самом широком смысле слова. Велик соблазн охарактеризовать эту общность как «всех англичан и истинных христиан», но национальные и религиозные рамки, хоть и предполагаются авторами, но не подчеркиваются. Даже в случае, когда национальность усопшего значима и не может быть проигнорирована, она становится поводом для объединяющей морали. Примером может быть баллада в память французского проповедника Джона Верона. Автор баллады упоминает, что «Твоя родная страна не оценила твоего

¹⁷ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32154/xml>

ума, когда Господь призвал тебя проповедовать, и тогда ты покинул ее», упоминает о тех трудах, которые Верон положил на изучение английского языка¹⁸. Но, сделав в начале эпитафии эти замечания, автор оставляет тему национальности; дальнейшее перечисление добродетелей покойного и картина его всеобщего оплакивания ничем не отличаются от аналогичных эпитафий английских проповедников и прелатов.

Возможно, достоин выделения такой аспект единства усопших и поминающих, как «община верных подданных», поскольку мотив служения монарху и стране возникает достаточно регулярно как в эпитафиях военных, королевских советников, так и в балладах памяти простых рыцарей и купцов. Удостоенный баллады лондонский торговец Фрэнсис Бенисон, среди прочих его достоинств, «как многие купцы этой страны, пока был жив, увеличивал королеве ее коронные доходы со всем старанием, с самой юности преданный этой службе»¹⁹.

Итак, печатная баллада-эпитафия XVI в., с одной стороны, переосмысливает похоронный ритуал, ранжированный по знатности и роли во властной иерархии, в единое сообщество усопших и плакальщиков, тем самым выполняя объединяющую роль, приближая скорбь события ко всем читателям и слушателям. С другой стороны, баллада «работает» в той же плоскости, что и погребальная процессия XVI в. – в поле общественно значимого, публичного события. Похороны столь же громкое событие в городе, как приезд послов, юбилейные торжества или казнь преступников – именно эти события чаще всего отмечают горожане, делавшие дневниковые записи в XVI в. Генри Мачин за 13 лет ведения дневника отметил в нем почти 40 похорон [Machin 1563].

И, если дневные погребальные процессии и службы по умершему были призваны сплотить общину физически, то баллады стремились объединить ее духовно в едином порыве скорби и стремления подражать хорошим примерам. Это был моральный комментарий к зрелищу похорон – и, возможно, отчасти поэтому в XVI столетии баллады никогда не описывали и не комментировали собственно процессию, уделяя внимание лишь добродетелям покойного и скорби по нему.

Традиция сочинять и издавать баллады-эпитафии была невероятно устойчивой. Она прослеживается с самого момента зарождения печатных площадных баллад. Известно, что любая смерть в королевском семействе, начиная с безвременной кончины принца Артура, сына Генриха VIII, освещалась в печатных балладах. От ранних печатных эпитафий сохранились в лучшем случае названия или упоминания о самом факте их продажи, мы располагаем текстами этого жанра лишь начиная со второй половины XVI в. Однако с 1557 г. баллады лицензировались,

¹⁸ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32082/xml>

¹⁹ EBBA: <http://ebba.english.ucsb.edu/ballad/32086/xml>

сведения о них вносились в Реестры компании книгоиздателей²⁰, и, согласно им, с 1557 по 1603 г. было лицензировано 63 баллады-эпитафии (баллады эпохи Елизаветы, не включая блока похоронных текстов в ее память). Кроме того, хорошо известно, что далеко не все печатники исправно лицензировали свои тексты, избегая уплаты пошлины. Сами Реестры имеют лакуны, а также не всегда указывают содержание баллады, лишь имя печатника и сумму пошлины. Таким образом, реальное количество поминальных баллад могло быть значительно больше. Это подтверждает тот факт, что заглавия почти двух десятков баллад-эпитафий, из числа сохранившихся до наших дней, не встречаются в Реестрах.

В целом, можно с некоторой долей уверенности заключить, что на протяжении полувека в течение каждого года появлялось от одной-двух до десяти баллад-эпитафий, каждая расходилась в сотнях экземпляров. Особо популярные фигуры удостаивались нескольких различных эпитафий. Как уже упоминалось, социальный срез лиц, удостоенных баллады-эпитафии, достаточно широк, то же можно сказать и о гендерном срезе: примерно каждая пятая эпитафия – памяти женщины. Смерть и похороны вне пределов Лондона не исключали появления печатных баллад, как было с Уильямом Греем, бароном Уилтоном (1562) или Маргаритой, графиней Норфолк (1564): он умер в поместье своей дочери, к югу от столицы, она – в Норидже. Определяющим фактором, по всей видимости, была популярность в Лондоне очередного усопшего, что обеспечивало издателей эпитафий доходом с продаж.

И здесь мы сталкиваемся с исключительно интересным фактом: род литературы, стабильно процветавший более полувека, стремительно деградировал в первые десятилетия XVII в. За три десятилетия XVII в. лицензировано всего 12 баллад-эпитафий. Количество нелицензированных, но дошедших до нас печатных эпитафий этого периода также крайне мало: менее 10 баллад. Среди них есть лишь одна, посвященная женщине – она написана на смерть Анны Датской, супруги Иакова I, и нет ни одной баллады этого периода, объектом поминания в которой стал бы кто-нибудь, кроме представителей высшей знати или членов королевской семьи. Зато появляются эпитафии на смерть зарубежных монархов, например, короля Швеции или старшего сына короля Богемии – тех, чья судьба в силу политических или династических причин волновала Англию в те годы. Для елизаветинской эпохи подобные площадные эпитафии совершенно нехарактерны, о кончине иностранных монархов сообщали баллады, написанные в ином жанре. Это были баллады-новости, в которых вместо призыва ко всеобщей скорби и рассказа о добродетелях покойного основное место занимал рассказ об обстоятельствах смерти, о ее причинах и возможных последствиях.

²⁰ A transcript of the Registers of the Company of Stationers of London. ...

Изменилось не только количество площадных баллад-эпитафий, изменилось и содержание текстов этого жанра. Баллада-эпитафия в XVII в. из оповещения общины о смерти одного из ее членов и призыва к общей скорби, в целом стала больше походить на балладу-новость, которая, комментируя смерть и похороны известной особы, рассматривала это событие словно «извне». Как правило, в XVII в. печатные эпитафии, помимо традиционного содержания, также описывали траурную процессию и комментировали участие в ней видных лиц двора.

Автору статьи не удалось обнаружить сведений ни об одной печатной эпитафии, посвященной персонам, чьи похороны происходили в ночное время, что логично: поскольку погребальная процессия исчезает из дневной, публичной жизни города, постольку она перестает быть и частью этой жизни. Учитывая, что нередко баллады-эпитафии продавали либо во время похорон, либо в ближайшие дни после, перед дверями церковей, очевидно, что и чисто прагматичные соображения удерживали книгоиздателей от выпуска текстов, для сбыта которых могло не найтись удачных «торговых площадок». Однако то, что и дневные похороны перестают быть популярным предметом для создания площадных текстов, а также сужается социальный и гендерный состав удостоившихся печатной эпитафии, а содержание начинает все в большей степени отражать внешний ход событий, – все это показывает, что не одни торговые соображения определяли суть изменений.

Возможно, эти изменения косвенно указывают на то, что похороны перестают быть одним из узловых моментов, связывающих воедино общность горожан. Речь, конечно, не идет о том, что похоронная процессия лишается зрителей: похороны монарха или представителя аристократии в XVII в. по-прежнему вызывают огромное стечение публики. Но возможно, публика эта начинает ощущать себя в большей мере зрителями, чем соучастниками события. Оплакивание умершего, становясь более индивидуальным переживанием, одновременно теряет свой смысл как общественное действие, призванное сплотить социум.

ИСТОЧНИКИ

- Broadside Black-letter Ballads Printed in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. Ed by. J P. Collier. L: Thomas Richards. 1868. 166 с.
- English Broadside Ballad Archive (EBBA) [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://ebba.english.ucsb.edu/>, свободный (дата обращения 15.11.2017).
- English family life, 1576-1716. An anthology from Diaries. Ed. by Ralph Houlbrooke. Oxf.: Basil Blackwell Ltd. 1988. 269 с.
- Machin H. The Diary of Henry Machin, Citizen and Merchant-taylor of London, from A.D. 1550 to A.D. 1563. L., N.Y., AMS Press. 1848. 530 с.
- Nashe T. The Works of Thomas Nashe. Ed. by Ronald Brunlees McKerrow. V. 1, L.: Printed by A. H. Bullen. 1904. 413 с.
- The Progresses, Processions, and Magnificent Festivities of King James the First, His Royal Consort, Family, and Court. Collected from Original Manuscripts, Corporation Records, Parochial records etc. Ed. by John Nichols. L. Vol. 1-4. 1828.

The Roxburghe ballads. Ed. by John Payne Collier. 1847. 390 c.
 The Shirburn ballads, 1585-1616. Ed. Andrew Clark. Oxford: Clarendon Press, 1907. 380 c.
 A Transcript of the Registers of the Company of Stationers of London, 1554-1640. Vol. 1-2.
 Ed. by Edward Arber. L. 1875. 596 c.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Brady A. English Funerary Elegy in the seventeenth century: Laws in Mourning. N.Y.: Palgrave Macmillan. 2006. 265 c.
- Cressy D. Birth, Marriage and Death. Ritual, Religion and the Life-Cycle in Tudor and Stuart England. Oxf.: Oxford University Press. 1999. 641 p.
- Cultures of Death and Dying in Medieval and Early Modern Europe. Ed. by Mia Koriola and Anu Lahtinen \ COLLeGIUM. Studies across disciplines in the humanities and social sciences. Vol. 18. Helsinki: Helsinki Collegium for Advanced Studies. 2015. 200c.
- Gittings C. Expressions of Loss in Early Seventeenth-Century England / The Changing Face of Death: Historical Accounts of Death and Disposal. Ed by. Howarth G., Jupp P.C. L.: Palgrave Makmillan UK. 1997. C. 19-33.
- Gittings C. Death, burial and the individual in early modern England. L., Sydney: Croom Helm, 1984. C. 269
- Harding V. Burial of the plague dead in early modern London. / Epidemic Disease in London. Ed. by J.A.I. Champion. Centre for Metropolitan History Working Papers Series. No. 1, 1993 C. 53-64.
- Hart V. Art and Magic in the Court of the Stuarts. L: Routledge. 1994. 266 c.
- Koslofsky C. Evening's Empire: A History of the Night in Early Modern Europe. Cambr.: Cambridge University Press. 2011. 488 c.
- MacDonald M., Murphy T.R. Sleepless Souls. Suicide in Early Modern England. Oxf.: Clarendon Press. 1990. 369 c.
- Lang M. The History of Scotland from the union of the crowns to the union of the kingdoms. London: Longman, Hurst, Rees. 1819. 558 c.
- Laqueur T. Bodies, Death, and Pauper Funerals. / Representations. No. 1. 1983. C.109-131.
- Litten J. The English Way of Death: The Common Funeral Since 1450. L.: Robert Hale Ltd. 2007. 224 c.
- Pinsky R. The Situation of Poetry: Contemporary Poetry and Its Traditions. Princeton: Princeton University Press. 1978. 187 c.
- Range M. British Royal and State Funerals. Music and ceremonial since Elizabeth I. Woodbridge: The Boydell Press. 2016. 409 C.
- Slater S. The Illustrated book of Heraldry. Leicester: Anness Publishing. 2006. 256 c.

Карначук Наталия Викторовна, кандидат исторических наук, доцент, Томский государственный университет; karnach2005@yandex.ru

Disintegration of the communal unity feeling: funerals and broadside epitaphs in 1560-1630

The article points out synchronism in transformations of funerary procession of nobility and of broadside epitaphs in the early 17th century. After 1612 popularity of night funerals, which were cheaper and apt more for the expression of individual feelings than for the display of communal unity, was constantly growing. The article ponders over characteristic features of broadside epitaphs and marks constant flourishing of these texts in the second half of the 16th century. However, in the first decades of the 17th century broadside epitaphs underwent several quantitative and qualitative changes, simultaneous with the growing popularity of night funerals. The article suggests a hypothesis that these processes were connected and worked for disintegration of the communal unity feeling.

Keywords: Early Modern England, broadside literature, epithaph

Nataliya Karnachuk, Ph.D. in History, Associate professor, English Philology Department, Tomsk State University; karnach2005@yandex.ru

М. А. СИДОРЕНКО

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛЮДОВИКА XIV В ТАНЦЕВАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ ОТ ПРИДВОРНОГО БАЛЕТА К КОРОЛЕВСКОМУ БАЛЕТУ

Придворный балет как жанр французского музыкального театра появился в конце XVI в. За последующие десятилетия короли Франции не раз использовали танцевальные постановки для формирования своего позитивного общественного образа. Однако лишь с началом самостоятельного правления Людовика XIV эти спектакли стали по-настоящему эффективным инструментом репрезентации монаршей власти. Они способствовали в проведении королем придворной политики, направленной на «одомашнивание» дворянства, и в формировании репрезентативного образа, породившего впоследствии миф о Короле-Солнце. Какие изменения претерпел придворный балет с появлением Людовика XIV на сцене, как балетной, так и политической?

Ключевые слова: *репрезентация власти, Людовик XIV, королевский двор*

В «Словаре барочной музыки» мы найдем информацию о таких жанрах танцевальных спектаклей эпохи Барокко как героический балет, комедия-балет, опера-балет и, конечно, придворный балет¹. Но в этом справочном издании, как и в других, подобных ему, нет статьи, посвященной королевскому балету. Тогда почему мы употребляем этот «несуществующий» в науке термин? И какой смысл вкладываем в него?

Впервые понятие «королевский балет» в историческую науку ввел в 1990-е гг. основатель Центра барочной музыки в Версале (Centre de Musique Baroque de Versailles) и член Французской академии Ф. Боссан². Данным термином историк постарался объяснить эволюцию придворного балета за годы пребывания короля Франции Людовика XIV (1643–1715, г.р. 1638) на сцене³. Речь идет об изменениях, которые претерпел придворный балет, как культурное явление эпохи Барокко и средство создания общественного положительного образа королевской власти.

С 1980-х гг. вышло много исследований о репрезентативных стратегиях Людовика XIV. Из наиболее значимых – монография Ж.-М. Аполиди «Король-машина: Зрелище и политика во времена Людовика XIV» (1981)⁴, в которой правление монарха разделено на два периода: сначала (1660–1674) король управлял зрелищами, затем сам стал главным воплощением идеи французской монархии. Л. Марен в книге «Пор-

¹ Bouissou 2008. P. 36, 37, 154.

² Beaussant 1992; Beaussant 2000.

³ Впервые Людовик XIV танцевал перед подданными 26 февраля 1651 г. в «Балете Кассандры». Последний раз французы лицеизрешили короля на сцене 7 февраля 1670 г. в комедии-балете Мольера и Люлли «Блистательные любовники».

⁴ Apostolidès 2008.

трет короля»⁵ изучил репрезентативный образ Людовика через анализ символики медалей, дворцов, придворных празднеств и живописи. В монографии Ж.-П. Неродо «Олимп Короля-Солнце»⁶ исследовано, как античная мифология была поставлена на службу Короне. Британский историк П. Берк в книге «Людовик XIV: Стратегии славы»⁷ анализирует образ короля в коллективном представлении своих подданных. К данной проблематике обратились и отечественные исследователи⁸. Однако изучены не все аспекты общественного образа Людовика XIV, что касается и придворного балета. Историки признают его роль в репрезентативных стратегиях короля, разбирают отдельные танцевальные постановки и образы монарха в них, но не задаются вопросом о том, как Людовику XIV удалось сделать из постановок этого жанра инструмент репрезентации королевской власти эпохи Барокко.

Датой рождения придворного балета считается 15 октября 1581 г. Этот вид зрелища, характерный для культуры позднего Возрождения и Барокко, сразу заявил о себе как эффективном способе репрезентации монаршей власти. Появлению придворного балета, объединившего на сцене музыку, танец и театр, способствовала Екатерина Медичи. Согласно Брантому, Екатерина, ставшая в 1533 г. женой будущего короля Генриха II (1547–1559), страстно увлекалась театром: «Королева-мать [Екатерина Медичи] однажды перед Великим постом велела поставить в театре парижского особняка архиепископов Реймских весьма искусную комедию по-итальянски»⁹. Благодаря принцессе из флорентийского рода Медичи, пригласившей в Париж труппу комедиантов – своих соотечественников, при французском ренессансном дворе театр стал модным развлечением. Страсть матери к театру разделял ее любимый сын Генрих III (1574–1589), который разрешил итальянским комедиантам ставить спектакли в театральном зале Пти-Бурбона. При дворе последнего Валуа и был поставлен первый придворный балет – грандиозный танцевальный спектакль «Комический балет королевы»¹⁰. Одной из главных причин организации празднества 1581 г. стали продолжительные Религиозные войны (1562–1598), внутренний конфликт, расколовший королевство на несколько частей. Единства не было даже в католическом лагере, разделенном на ультра-католиков (во главе с Гизами) и сторонников короля. Ситуацию усугублял династический кризис из-за

⁵ Marin 2010.

⁶ Néraudau 1986.

⁷ Burke 2007.

⁸ Ямпольский 2004; Неклюдова 2016.

⁹ Брантом 2006. С. 309.

¹⁰ История балетных постановок при французском дворе начинается с правления Франциска I (1515–1547), но танцевальные спектакли тех лет нельзя отнести к жанру придворного балета.

отсутствия прямых наследников у сыновей Екатерины Медичи. В это время у французского двора появился конкурент, пускай и ненадолго. В августе 1579 г. вождь гугенотов король Наваррский, будущий Генрих IV (1553–1610, король Франции с 1589), обосновался в Нераке, где тон задавала его жена-католичка Маргарита де Валуа, одна из самых образованных женщин того времени. «Наш двор был таким прекрасным и столь приятным, что мы совсем не завидовали двору Франции», – писала королева Наваррская¹¹. Роскошь и утонченность неракского двора доставляли беспокойство королю Франции, поскольку в эпоху Возрождения и по этим характеристикам судили о величии и могуществе правителя. Екатерина Медичи и ее сын-король, желая объединить вокруг трона представителей благородного сословия и установить в государстве мир, решили предложить принцам, знати и многочисленным сторонникам зрелище, доселе невиданное и исключительно красивое – придворный балет. Спектакль, объединивший в себе три любимых французами XVI в. вида развлечения, музыку, танец и театр, стал таким мостом от культуры Возрождения к культуре Барокко.

«Комический балет королевы», сочиненный скрипачом и танцовщиком из Пьемонта Балтазаром Божуае (в 1555 г. он был приглашен в Париж Екатериной Медичи), был поставлен для королевы Луизы, жены Генриха III, по случаю свадьбы ее сестры Маргариты де Лоррен-Водемон с любимцем короля герцогом Анном де Жуайезом. Невеста, представительница младшей ветви Лотарингского дома, не могла принести большого приданого королевскому фавориту, поэтому щедрый монарх подарил молодоженам 400 тыс. экю. Цель союза заключалась в том, чтобы усилить связь королевской семьи с Лотарингским домом, долгое время доставлявшим последнему Валуа много хлопот – таков был политический расчет монарха. Желая придать празднеству большой размах, король-эстет не скупился на расходы. В день свадьбы, 24 сентября, Генрих III и Жуайез появились при дворе в одинаковых костюмах, покрытых богатой вышивкой и драгоценными камнями (казна заплатила за эти одежды 10 000 экю) – символ альянса, который отныне объединял короля и его подданного. По случаю балов, турниров и увеселений Генрих позаботился об одежде для музыкантов, пажей, конюших, о туалетах придворных кавалеров и дам. Король желал продемонстрировать подданным и иностранным послам могущество французской монархии и озаменовать восстановление гармонии внутри королевства¹².

Двор и Париж праздновали свадьбу де Жуайеза целый месяц, с 18 сентября по 19 октября. Одно увеселение следовало за другим – четыре больших пира, два бала, маскарад, праздник на воде, карусель. Только

¹¹ Маргарита де Валуа 2010. С. 162.

¹² Le Roux 2013. P. 76.

на водном празднике, который развернулся 10 октября на Сене, присутствовало 50 тыс. парижан. Кульминацией же самого зрелищного праздника правления Генриха III стало представление в жанре придворного балета, данное пятью днями позже в Пти-Бурбоне. В постановке, длившейся около шести часов, участвовали сто двадцать актеров. Посмотреть танцевальный спектакль пришли несколько тысяч зрителей. Об организации сцены и зрительного зала повествует гравюра, опубликованная в 1582 г.¹³ В центре среди зрителей мы видим короля, рядом – его мать. Первый зрительный ряд и трибуны в два яруса с придворными расположены по бокам. Зал богато и изобретательно декорирован, хотя, это еще не театральная стенография эпохи Барокко.

При первых Бурбонах, когда нравы двора заметно огрубели, возможности придворного балета как средства репрезентации власти использовались не в полной мере¹⁴. Часто танцевальные спектакли ставились лишь с целью развлечь двор, тогда как их репрезентативная нагрузка была минимальна. Главным образом это касается спектаклей в жанре буффонадного балета. Много сил было потрачено на постановку «Мерлезонского балета», показанного в Шантийи 15 марта 1635 г. Между тем спектакль, одним из авторов которого был Людовик XIII (1601–1643, король Франции с 1610), предназначался для того, чтобы монарх признался публике в своей любви к охоте на дроздов. Согласно либретто, король-танцор появился перед зрителями в двух бурлескных образах, Фермера (13-й выход) и Торговки приманками (3-й выход)¹⁵, что вряд ли способствовало формированию позитивного образа монаршей власти, к тому же зрителями были только придворные. Правда, и в данном случае заметен политический подтекст. Если не в содержании балета и ролях короля, то в том месте, где было организовано увеселение двора. Дело в том, что земля Шантийи, с XV в. принадлежавшая роду Монморанси, стала королевским владением не так давно – она была конфискована после казни маршала де Монморанси (30 октября 1632 г.), поддержавшего мятеж Гастона Орлеанского против Короны. Не исключено, что посредством дивертисмента в Шантийи Людовик хотел обратить внимание придворных, которые часто принимали сторону знатных заговорщиков, на печальный пример бывшего владельца замка.

К началу самостоятельного правления Людовика XIV (1661) ситуация с использованием придворного балета в создании образа королев-

¹³ Le Ballet comique de la Reine, 15 octobre 1581. Le gentilhomme échappé du palais de Circé se présente devant le roi, 1582.

¹⁴ Все-таки Генрих IV и Людовик XIII привлекали искусства на службу государству. Так, Беарнец много внимания уделял строительным проектам. Людовик же покровительствовал художникам, которые написали множество его портретов и заложили основы образа монарха эпохи Барокко в живописи.

¹⁵ Ballet de la merlaison 1635. P. 4, 5.

ской власти изменилась немногим. В 1640–1650-е гг. бурлескный балет, в котором монарх в сопровождении принцев и придворных появлялся перед тысячами подданных в костюмах персонажей перевернутого, карнавального мира (цыган, жуликов, пьяниц, весталок и т.п.), по-прежнему царил на сцене. Атмосфера регентства Анны Австрийской (1643–1651) и Фронды (1648–1653), которая стала своеобразной реакцией на авторитарное правление Людовика XIII и кардинала де Ришельё (1585–1642, главный министр короля Франции с 1624 г.), только способствовала тому. Хотя благодаря кардиналу Джулио Мазарини (1602–1661, первый министр короля Франции с 1643), определенные подвижки в использовании придворного балета как средства репрезентации власти короля наметились. Примером может служить «Королевский балет ночи», роскошный танцевальный спектакль с машинами, состоящий из сорока пяти выходов и разделенный на четыре части, посредством которого Корона объявила парижанам о своей победе в гражданской войне. Впервые «Балет ночи» был поставлен в зале Пти-Бурбона 23 февраля 1653 г., после чего его показали еще несколько раз (25 и 27 февраля, 2, 4, 6 и 16 марта). Количество представлений свидетельствует о желании подданных видеть на сцене юного короля¹⁶, танцевальная техника которого уже тогда вызывала восхищение. «Король танцевал очень хорошо»¹⁷, – писала Великая Мадемуазель. Кроме того, Корона была заинтересована в том, чтобы как можно больше зрителей ознакомились с содержанием балетной постановки, с этим королевским посланием. Для тех, кто не посмотрел представления, было издано либретто.

Фронда указала монарху на необходимость выстраивания системы придворного общества, полностью подчиненного ему, следовательно, интересам государства. Людовик XIV оценил коммуникативные возможности придворных празднеств и танцевальных постановок. Его дед и отец использовали театральные представления и придворные увеселения с целью донести до своего окружения и остальных подданных ту или иную информацию, но делали это не постоянно. Теперь содержание каждого придворного балета с участием монарха согласовывалось с политическим контекстом. Подобно предшественникам, Людовик XIV смешивался с подданными (членами монаршей семьи, принцами, придворными и профессиональными актерами) на сцене, танцуя среди них и с ними, но отныне лишь король являлся распорядителем танцевального действия. Хореография постановок всецело сосредотачивалась на его персоне и вокруг него, он всегда был в центре сценического, т.е. репрезентативного, пространства, он один. «"Придворного балета", каким он

¹⁶ За одно представление балет могли посмотреть около 3000 человек, столько вмещал зал Пти-Бурбона, тогда самый просторный в Париже.

¹⁷ Grande Mademoiselle 2005. P. 387.

был при Генрихе III или Людовике XIII, как такового больше не было, поскольку теперь был "балет короля" с четким пониманием центра сцены, в котором находился самый блистательный танцор, созерцаемый своими подданными»¹⁸, – писал Ф. Боссан.

Существенным отличием королевского балета Людовика XIV от придворного (вслед за Боссаном позволим себе сделать это разграничение) стало и то, что с каждой новой постановкой число танцоров-придворных на балетной сцене уменьшалось, тогда как число профессионалов танца росло. В последних балетных спектаклях с участием короля рядом с ним находились всего несколько придворных, танцевальная техника которых также не вызывала даже малейших нареканий¹⁹. А как иначе, ведь в данном случае образы, в которых благородные танцоры выходили на сцену, служили королевской власти. Танцую в придворных балетах XVII в., дворянин исполнял свой долг перед королем, как если бы он воевал под его знаменем. Но только ли этим объясняется преобразование придворного балета в королевский? Конечно, нет.

Благодаря гению композитора Жана-Батиста Люлли существенно изменилась музыка танцевальных постановок²⁰. С сочинениями Флорентинца (так при французском дворе называли Люлли) она стала многоголосой, мощной и сильной по своему звучанию – такая музыка, исполняемая многочисленным профессиональным оркестром, эталонным для музыкальной Европы, словно была призвана олицетворять могущество Франции и величие правящего монарха. Кроме того, Люлли, гениальный организатор и устроитель придворных увеселений, довел до абсолюта прием визуализации театральной музыки. Его музыканты, одетые в роскошные костюмы, которые согласовывались с сюжетами постановок, располагались по бокам сцены, а не в скрытой от публики оркестровой яме. Таким образом, зритель мог не только слышать музыку Солнечного композитора, но и «видеть» ее. Отныне только такая музыка сопровождала каждое появление Людовика XIV на сцене.

Карло Вигарани, придя на смену Торелли²¹, который в 1640-е гг. привил французам любовь к спектаклям с машинами, выказал себя ис-

¹⁸ Beaussant 2000. P. 184.

¹⁹ Известны имена придворных, которые дольше всех не сходили с балетных подмостков. Во время второго представления «Блистательных любовников» (14 февраля 1670 г.) роли, которые на премьере исполнил король, были распределены между графом д'Арманьяком и маркизом де Вильруа. В ноябре 1672 г. была поставлена пастораль Кино, Мольера и Бенсерада на музыку Люлли «Праздники Любви и Бахуса», в третьем акте вместе с пятью профессиональными танцорами на сцену вышли все те же д'Арманьяк и де Вильруа, также маркиз де Рассан и герцог Монмут.

²⁰ См.: Сидоренко 2015.

²¹ Составить представление о сценографии Торелли позволяют гравюры из либретто «Балета ночи» (Ballet royal de la Nuit 1653. P. 21, 35, 49, 65).

тинным гением преобразования барочного сценического пространства. Работая при дворе короля Франции (в Париж он прибыл по приглашению кардинала Мазарини с отцом Гаспаром Вигарани и братом Лодовико в 1659 г.), он создавал декорации к балетным постановкам короля, его версальским празднествам и музыкальным трагедиям Люлли и Кино. Вигарани, как и его товарищ Люлли, старался дабы каждое появление монарха на сцене поражало и завораживало зрителей (танец короля должен был вызывать у находившихся в зале сильные положительные эмоции). Вигарани блестяще справлялся с этой задачей. Благодаря ему, а также его предшественнику Торелли, театральные эффекты, машинерия и декорации стали неотъемлемой составляющей репрезентативного образа Людовика XIV, идеального короля эпохи Барокко. Принцип нарочитой декоративности нашел отражение в жизни монарха и вне сценического пространства. Он был данностью и в Средние века, однако Людовик XIV придал ему заверченный, законченный вид.

Людовик, избавив придворный балет от всего лишнего (танцоров-дилетантов, перегруженных бурлескными деталями сюжетов, устаревших музыкальных инструментов и т.д.), словно академизировал его, сделал этот вид сценического барочного искусства классицистским. Звучит противоречиво, ведь придворный балет – явление барочной эстетики. Однако историки и искусствоведы так и не пришли к единому мнению в ответе на вопрос: где пролегает грань между Барокко и Классицизмом. С Версалем, казалось бы, определились: так, Версаль 1660–1670-х гг. – барочный замок, Версаль же второй половины правления – уже классицистский. Однако и эту хронологию легко подвергнуть аргументированной критике, поскольку столь четкое разделение выглядит схематичным. Так и с другими культурными явлениями Великого века. Придворный балет Людовика XIII с его буффонадой и карнавальностью – это Барокко. А вот балет Людовика XIV можно рассматривать и как образчик Барокко (может быть того самого «высокого барокко?»), и Классицизма (который, возможно, и был этим «высоким барокко?»).

Таким образом, благодаря усилиям талантливых авторов, артистов и Людовика XIV, придворный балет стал идеальным зрелищем эпохи Барокко. Торжественные въезды монарха в город с 1660 г. Людовиком XIV больше не практиковались. Разве могли эти перегруженные барочной символикой многочасовые шествия, не дававшие возможности оценить их великолепие в полной мере, состязаться с постановками придворного балета? Ведь танцевальные спектакли давались в театральных залах, где зрителю было легче увидеть то, за чем он пришел. Правда, и здесь порой приходилось терпеть неудобства и довольствоваться не самыми лучшими местами. Так, на премьере «Балета ночи» газетчик Лоре был вынужден стоять перед входом в зрительный зал более трех часов. «Наградой» за продолжительное ожидание стало

«проклятое место», расположенное высоко и сбоку, что, безусловно, не позволило литератору в полной мере насладиться представлением²².

Эволюция придворного балета прослеживается и в смене сценического амплуа короля. В трактате о музыкальном искусстве ученого и теоретика музыки Марена Мерсенна «Универсальная гармония» (1636) сказано, что «танец способен имитировать бал небесных светил и гармонию "правившую и приводящую все в порядок" во вселенной»²³. Насколько такое понимание роли танцевального искусства близко к тому, как понимал природу королевской власти Людовик XIV? И как его видение своего монаршего предназначения отразилось на эстетике придворного балета и тех ролях, которые он выбирал? Поиск ответов стоит начать с «Мемуаров» Людовика XIV, с того места, где он объясняет выбор символа Солнца для Карусели 1662 г., впоследствии окончательно закрепив его за собой (здесь уже монарх использует параллель с небесными телами): «Она [эмблема Солнца] должна была в какой-то мере символизировать обязанности государя и постоянно побуждать меня самого их выполнять». У Мерсенна танец имитирует небесную гармонию, у Людовика – главное небесное светило олицетворяет «обязанности государя»: «За основу выбирается Солнце, которое по правилам искусства эмблематики считается наиболее благородным и по совокупности присущих ему признаков уникальным светилом. Оно сияет ярким светом, передает его другим небесным светилам, образующим как бы его двор, распределяет свой свет ровно и справедливо по разным частям земли»²⁴. Перед нами картина небесной гармонии, которой, словно умелый дирижер, управляет главное светило – Солнце. Людовик ясно давал понять, какое место при дворе он отводил себе, а какое – родственникам и придворным. Донести эту информацию до королевского окружения и должен был придворный балет. Разве трактат о музыкальном и танцевальном искусстве и «Мемуары» короля говорят не об одном и том же?

«Творит добро повсюду, порождая беспрестанно жизнь, радость, движение; бесконечно перемещается, двигаясь плавно и спокойно по своей постоянной и неизменной орбите, от которой никогда не отклоняется и никогда не отклонится, являясь, безусловно, самым живым и прекрасным подобием великого монарха. Те, кто видел, как я достаточно легко управляю, не чувствуя себя в затруднительном положении из-за множества забот, падающих на долю короля, уговорили меня включить в эмблему земной шар и для души надпись "Nec plus ultra"»²⁵, считая, что мило польстить амбициям юного короля; что раз я

²² Christout 2005. P. 68.

²³ Цит. по: Roucher 2007. P. 88.

²⁴ Louis XIV 2007. P. 172.

²⁵ «И для многих равный». По мнению Ф. Блюша, традиционный перевод девиза Людовика XIV «Не многим равный» или «Выше всех людей на свете» ошибочен, так как не учитывает правила латинского языка (Блюш 1998. С. 183). Этот девиз Людовик закрепил за собой на все последующие годы правления, но для Карусели

один в состоянии справиться с таким количеством дел, то смог бы даже управлять другими империями, как Солнце смогло бы освещать и другие миры, если бы они попадали под его лучи»²⁶.

Возможно в подобных параллелях кроется ответ на вопрос, почему именно придворный балет в первое десятилетие личного правления Людовика XIV стал главным средством репрезентации короля.

Как с годами изменилось сценическое амплуа Людовика XIV? Ведь и до 1661 г. король выходил на балетную сцену в костюмах Солнца и Аполлона. Примеры использования этих ключевых для Людовика XIV репрезентативных и сценических образов можно найти и ранее. Людовик XIII танцевал в костюмах героев и богов Древности²⁷. Но таких примеров немного, поскольку благородные персонажи в сценической карьере монарха были исключением, предпочтение он отдавал ролям второстепенным и бурлескным²⁸. В «Балете освобождения Рено» (1617) он танцевал в костюме Демона огня. Но именно эта постановка стала одной из самых знаковых для политической истории Франции: посредством придворного балета король декларировал, что готов выжечь все дурное в королевстве. Не случайно балет был показан за несколько месяцев до убийства Кончино Кончини (24 апреля) и ссылки Марии Медичи (2 мая). Людовик Справедливый в балете «Серьезность и Гротеск» (1627) вышел на сцену в костюме Серьезной дамы. В «Мерлезонском балете» он исполнял роль Торговки приманками. Монарху тогда было тридцать три года, меж тем его сын позволял себе столь «вольные» сценические перевоплощения лишь в юности²⁹.

За первое десятилетие карьеры Людовика XIV можно найти множество его перевоплощений, никак не сочетающихся с образом величественного монарха. Значительная часть ролей юного Людовика, отличается от его ролей 1660-х гг. Это: Муза, Пьяный жулик, Вакханка, Фурия (дважды), Игра, Страсть, Ярость, Дриада, Огонь, Развратник, Гений танца, Безумный дух, Воздыхатель, Развлечение, Ненависть, Демон, Мавр (дважды), Испанец (на языке того времени – Цыган, дважды), Смех и Юпитер, переодетый Дианой. «Какая свобода!» – восклицает Ф. Боссан³⁰. Но даже эта свобода имела свои ограничения, поскольку была возможна в рамках бурлескного балета. Героический балет предполагал

1662 г. выбрал другой: «Vt uidi, uici» (что я увидел, я победил) – цитата на девиз Цезаря. В описании Карусели (1672) на одной из гравюр изображен щит короля именно с этим девизом (Gissey, Bailly. 1670).

²⁶ Louis XIV 2007. P. 172.

²⁷ В 1615 г. в «Балете Мадам» 14-летний монарх появился перед зрителями в роли Солнца. – Булычева 2004. С. 385.

²⁸ Он «почти всегда изображал смешных персонажей». Таллеман де Рео 1974. С. 112.

²⁹ Исключением являются роли Сельской девушки в балете «Сельская свадьба» (1663) и Нимфы в «Балете муз» (1666).

³⁰ Боссан 2002. С. 18.

совершенно иное. И хоть там не было места барочному карнавалу, но это не отменяло простора для творчества, фантазии и перевоплощений.

Впрочем, и в первое десятилетие сценической карьеры Людовика среди множества бурлескных ролей, сыгранных им, встречаются и героические: Рыцарь (1651), Восходящее солнце (1653), уже на следующий год – Аполлон, окруженный музами, в 1655 г. – Придворный, в 1656-м – Воздыхатель и Плутон, затем – Эолом (1658) и Счастье (1659). Наконец, в 1661 г., незадолго до Совета 10 марта, Людовик танцевал на сцене в образах Великого Влюбленного, Рыцаря старого закала, богини Цереры и Весны. Получается, что за десять лет на двенадцать бурлескных ролей пришлось одиннадцать благородных и героических. Возникает вопрос: уместно ли говорить о смене сценического амплуа Людовика? Такой вопрос обоснован, поскольку с 1661 г., когда буффонадный балет сошел со сцены, Людовик не только перестал танцевать бурлескные роли (хотя изредка позволял себе это в комедиях-балетах), но среди благородных и героических были оставлены лишь те, что способствовали созданию нового образа короля – Александр³¹, Нептун, Рено, Юпитер³², Плутон. Получается, что с 1661 г. Людовик появлялся на сцене не столько как *король-артист*, подобно тому, как это делал его отец, а скорее как символ, олицетворяющий величие тысячелетней французской монархии – ее крепость, красоту и мощь.

Можно даже сказать, что Людовик XIV перенес в сценическое пространство придворного балета реалии традиционных королевских церемоний³³. Во время коронации король тоже был не конкретным человеком, а символом неувядающей французской монархии. Не важно, на кого возлагалась корона Шарлеманя: на хрупкого 9-летнего мальчика, как в случае с Людовиком XIII (17 октября 1610 г.), или на умудренного опытом, закаленного испытаниями монарха-воина вроде Генриха IV (27 февраля 1594 г.). На первом гобелене из серии Лебрена «История короля», где изображена коронация Людовика XIV³⁴, Людо-

³¹ Александр Великий – один из главных образов, с которыми современники ассоциировали молодого Людовика XIV. Александр присутствует в творчестве Расина и Лебрена и все это репрезентативные аватары короля.

³² С Юпитером королей Франции ассоциировали еще в эпоху Возрождения. Например, по заказу коннетабля де Монморанси Лимозен написал портрет семьи Генриха II, на котором король предстал в образе Юпитера. Богом-громовержцем в живописи и скульптуре не раз предстал и Генрих IV.

³³ Церемонии с участием короля делились на государственные (коронации и похороны королей, заседания парламентов с участием монарха), семейные (рождение, крестины, брак), придворные, а также праздники и спектакли. При этом первый комнатный дворянин отвечал за организацию как коронации, церемоний рождения, брака, крестин, похорон, так и спектаклей, каруселей, придворных балетов и балов.

³⁴ D'après Charles Le Brun. Sacre de Louis XIV Roy de France et de Navarre. Châteaux de Versailles.

вик находится в центре полотна, епископ Суассона возлагает на его голову корону. Король одет в королевскую мантию, расшитую золотыми лилиями, с цепью Ордена Святого Духа на плечах. Однако он изображен спиной, мы не видим его лица, следовательно, не можем идентифицировать его как человека, но можем как монарха.

Великая Мадемуазель писала о Людовике: «Он прекрасно знает историю, рассуждает на исторические темы, всегда к стати хвалит то, что надо хвалить в своих предшественниках, и берет на вооружение то, что необходимо использовать при подходящем случае»³⁵. Наблюдение кузины короля делает более понятным выбор эмблемы Солнца для Карусели 1662 г., празднества, ознаменовавшего начало самостоятельного правления Людовика XIV. Ведь Солнце было одним из традиционных символов французской монархии со времен Карла V (1364–1380)³⁶.

Но Людовик XIV не просто использовал этот символ в качестве центрального образа собственной репрезентативной программы. Новаторство заключалось в том, что король задействовал весь потенциал, заложенный в данном образе, чего не делал ни один его предшественник и преемник. Выбор Солнца не был случайным с точки зрения политических целей, которые ставил перед собой монарх в начале правления. Людовик желал приручить принцев и грандов, чтобы оградить себя и своих наследников от повторения ужасов Фронды. А для этого надо было превратить горделивых феодалов в покорных придворных, спутников Главного светила. В этом ему и помог образ Солнца. Не случайно на Олимпе Людовика главенствующее положение занял Аполлон, потеснив Юпитера: на портрете королевского семейства кисти Жана Нокре Людовик и его близкие изображены в костюмах античных богов³⁷. Полотно было написано в 1670 г., примечательном для истории репрезентации монарха. Король ушел с балетной сцены, завершив свою карьеру танцора ролью Аполлона. Людовик, выходя на сцену в костюме Солнца или Аполлона, демонстрировал подданным новую картину придворного мира, поведенческую и социальную модель, которую желал применить в отношениях между собой, монархом, и дворянами, подданными. Такими словами сопровождался выход Людовика-Солнца во «Влюбленном Геркулесе» (1662) – король, недавно взяв всю полноту власти в свои руки, объявил об этом посредством танцевального искусства:

³⁵ Цит. по: Блюш 1998. С. 183.

³⁶ Во Франции монарх традиционно представлял либо лоцманом, управляющим кораблем-государством, либо врачом, который перевязывает раны и лечит болезни, либо Солнцем, которое светит и греет. Людовик XIV после неофициального признания гелиоцентрической системы мироздания, придал Солнцу совсем иной смысл – оно находится в центре мироздания, окруженное другими небесными светилами, исполняющими роли спутников.

³⁷ Noret 1670.

Cet astre à son auteur ne ressemble pas mal,
 Et si l'on ne craignait de passer pour impie,
 L'on pourroit adorer cette belle copie,
 Tant elle approche près de son original...
 Des secrets Phaétons les grands et vains soins
 Pourraient bien s'attirer la foudre et le naufrage;
 Si pour la chose même il faut tant de courage,
 Pour la seule pensée il n'en faut guère moins.
 Voyant plus par ses yeux que les yeux d'autrui,
 Il empêchera bien ces petits feux de luire;
 Par sa propre lumière il songe à se conduire,
 Tout brillant des clartés qui s'échappent de lui³⁸.

Кстати, первой «жертвой» новой картины придворного мира Людовика XIV стал его брат Филипп, герцог Орлеанский, о чем свидетельствуют роли принца в балетных спектаклях. Так, в 1651 г. в «Балете Кассандры» брату короля доверили исполнять роль Пажа. Либреттист Бенсерад объяснил такой выбор тем, что Филипп был еще слишком юным (на тот момент ему исполнилось только десять). И в «Балете ночи» принц танцевал незначительного персонажа – Аврору. Именно он, согласно либретто, возвестил о появлении Солнца.

Le Soleil qui me suit c'est le jeune Louis.
 La troupe des astres s'enfuit,
 Dès que ce grand Roi s'avance ;
 Les nobles clartés de la Nuit,
 Qui triomphaient en son absence,
 N'osent soutenir sa presence,
 Tous ces volages feux s'en vont évanouis,
 Le Soleil qui me suit, c'est le jeune Louis³⁹.

Так персонаж Месье был охарактеризован Бенсерадом.

Est beaucoup moins que le Soleil,
 Et beaucoup plus que tout le reste⁴⁰.

Вряд ли можно было сказать точнее.

³⁸ «Это светило немало похоже на своего автора, / И если бы не боязнь прослыть нечестивцем, / Можно было бы поклоняться этой копии, / Так похожа она на свой оригинал... / Великие и тщетные усилия тайных Фаэтонов / Вполне могут вызвать молнии и катастрофу; / Чтобы так поступать, нужно немалое мужество, / Но и для одной мысли об этом его нужно не меньше. / Видя больше собственными глазами, чем глазами других, / Он мешает сиять этим маленьким огонькам; / Он собирается править собственным светом, / Сияя огнем, исходящим из него самого» (Benserade 1662. P. 32).

³⁹ «Солнце, что следует за мной – юный Людовик. / Армия звезд исчезает с неба, / Как только к ней приближается великий Король; / Яркие вельможи Ночи, / Которые торжествуют в его отсутствие, / Не осмеливаются вынести его присутствия: / Все эти изменчивые огни рассеиваются, / Солнце, что следует за мной – юный Людовик» (Ballet royal de la Nuit 1653. P. 65).

⁴⁰ «Намного менее значим, чем Солнце, / Но намного больше – чем все остальные» (Ballet royal de la Nuit 1653. P. 64).

Секрет успеха Бенсерада как сочинителя либретто к постановкам придворных балетов Людовика XIV заключался в том, что благодаря его стихам король и придворные танцевали на сцене персонажей, которые служили эмблемами, олицетворяющими их самих, что создавало «состояние неразличности актера и роли»⁴¹. Чего-то удивительного для эпохи Барокко в этом нет, однако обратим внимание на новаторство, примененное Бенсерадом при Людовике XIV. Шарль Перро писал:

«До него [Бенсерада], когда писали стансы, например, о Юпитере, который поражает молнией циклопов, в этих стансах говорилось только о Юпитере как таковом, а вовсе не об особе, представлявшей его; в отличие от этого г-н Бенсерад так строит свои стихи, чтобы они в равной мере относились и к действующему лицу, и к тому, кто исполняет его роль, а так как роль Юпитера или Нептуна, а иногда Марса и Солнца обыкновенно исполняет король, поэт с изумительной тонкостью восхваляет короля, не обращаясь к нему, и двойным смыслом стихов доставляет двойное удовольствие зрителям»⁴².

Практически в каждой роли балетных постановок можно увидеть следствие придворной политики короля. Восходящее солнце в 1653 г. и Аполлон, окруженный музами в 1654-м – таким образом, до 1661 г. король танцевал «солнечные» роли дважды. В 1662 г., выбрав символ Солнца для Карусели, монарх, словно желая убедить всех в серьезности своего решения, вышел на сцену театрального зала Тюильри в костюме Солнца в интермедии V акта музыкальной трагедии «Влюбленный Геркулес». Итальянская опера с французским придворным балетом была поставлена 7 февраля (после ошеломительного успеха ее показали еще шесть раз), за несколько месяцев до Карусели (5 и 6 июня).

Монарх методично закреплял за собой монополию на этот репрезентативный символ⁴³. У него были на то причины. Не так давно на тот же символ претендовал сюринтендант финансов Никола Фуке (1653–1661), опалу которого, правда, лишь частично можно этим объяснить. Нельзя сводить арест и отставку Фуке к тому, что он приказал Леброну написать Аполлона на плафоне своей спальни в Во и организовал блестящее празднество для короля и двора 17 августа 1661 г. Это упрощает

⁴¹ Ямпольский 2004. С. 234.

⁴² Перро 1985. С. 243.

⁴³ Н. Леконт обращает внимание на то, что в образах Солнца и Аполлона на сцену выходил не только король, но и некоторые придворные. По ее мнению, Людовик был далек от того, чтобы монополизировать эти роли (Lecomte 2014. P. 178). Мы считаем такой вывод поспешным. Во-первых, не стоит учитывать танцевальные спектакли, поставленные до 1662 г., пока эти образы король не закрепил окончательно за собой. Во-вторых, впоследствии солнечная роль в балетной постановке исполнялась не монархом всего один раз – в 1665 г. в образе Аполлона на сцену вышел маркиз де Беринген. Но вспомним, что Людовик тогда появился на подмостках в образе Александра Великого. Всего одна роль, зато какая! Монарху, который задумался о славе великого полководца, в тот год важно было донести до своего окружения и иностранных дипломатов именно эту информацию.

природу важного события, тем более, что у Фуке были предшественники: с Солнцем и Аполлоном себя ассоциировали Ришелье и Мазарини. К образу Солнца в придворном балете король вернулся лишь в 1669 г. Солнце – одна из двух его ролей (в костюме одного из Европейцев он появился на подмостках уже не с одиночным выходом, а в кадрили танцоров) в «Королевском балете Флоры», который стал последней постановкой в жанре придворного балета с его участием.

Soleil, de qui la gloire acompagne le cours,
Et qu'on m'a veu loüer toûjours
Avec assez d'éclat quand vostre éclat fut moindre,
L'Art ne peut plus traiter ce sujet comme il faut,
Et vous estes monté si haut
Que l'Eloge, & l'Encens ne vous sçauoient plus joindre⁴⁴.

Слушая эти строки, зритель мог предвосхитить скорый уход короля со сцены, так как поэт ясно давал понять, что его искусство и придворный балет исчерпали свои возможности в прославлении монарха.

Для своего последнего выхода на сцену король опять-таки выбрал «солнечную» роль. В феврале 1670 г. в финале комедии-балета Мольера и Люлли «Блистательные любовники» Людовик танцевал на сцене, оборудованной в саду Сен-Жермен-ан-Ле, в образе Аполлона. Прекрасного и вечно юного бога из античной мифологии (идеальная роль для молодого короля, чьей внешностью и физическими данными восхищались современники) и сегодня ассоциируют с Солнцем. Аполлон, покровитель наук и искусств, – еще одна уместная параллель с деяниями, вкусами и предпочтениями Людовика. Ведь одним из символов Аполлона является лира. Да, король не играл на этом инструменте, однако он прекрасно владел техникой игры на гитаре и имел великолепный музыкальный вкус. Людовика XIV можно смело назвать Аполлоном XVII в., поскольку он выказывал любовь к музыке до последних дней жизни: «Он не знает другого удовольствия, кроме как прогуливаться или слушать музыку», – писала мадам де Ментенон⁴⁵. На семейном портрете Нокре король-Аполлон изображен с лирой у ног⁴⁶.

Картина Нокре – не единственный пример ассоциации Людовика с Аполлоном в живописи. В 1664 г. Ж. Верне написал сразу два портрета короля в образе солнечного бога⁴⁷. На одном в руках монарха опять-

⁴⁴ «Солнце, ход которого сопровождает слава, / И которое мне хочется восхвалять всегда / С достаточным блеском, как если бы ваш блеск был меньше, / Искусство больше не может обращаться к этому сюжету должным образом, / Ибо вы поднялись так высоко / Что Похвала и Благовония больше не доходят до вас» (Ballet royal de Flore 1669. P. 10).

⁴⁵ Цит. по: Desprat 2010. P. 410.

⁴⁶ Noret J. La Famille de Louis XIV (1670).

⁴⁷ Werner J. Louis XIV en Apollon conduisant son char (ver 1664); Louis XIV en Apollon triomphant du serpent Python (ver 1664).

таки лира; на другом он, одетый в античную тунику, словно готовится сделать танцевальное па. Добавим сюда скульптурную группу Жирродона и Ренодена «Нимфы, прислуживающие Аполлону», заказанную королем для грота Фетиды в 1667 г. Тогда же Людовик заказал и статуи для бассейнов Аполлона и Латоны. И вообще с начала второй строительной кампании в Версале (с 1668 г.) Аполлон стал поистине вездесущим. Присутствие солнечного бога ощущалось и в других королевских резиденциях. В 1664 г. Лебрэн начал работу над галереей Аполлона в Лувре. В Тюильри Лево заново декорировал королевские апартаменты (1666–1671). Тон в них задавали Аполлон и Геркулес.

Были и другие благородные роли, которые Людовик XIV исполнял в балетных спектаклях чаще остальных. В образе Весны король выходил на сцену трижды (в постановках 1654, 1656, 1661 гг.), Юпитером он предстал перед зрителями дважды (в 1661 и 1666 гг.), дважды венценосный артист был и Плутоном (в 1656 и 1662 гг.) – однако эти роли не могли соперничать с Солнцем-Аполлоном. За 20 лет сценической карьеры у Людовика было пять «солнечных» ролей – немного, но больше, чем остальных. А в 1660-е гг. королевская символика с Солнцем и Аполлоном стала присутствовать повсюду.

Подведем итоги. С одной стороны, Людовик XIV, сделав придворный балет средством репрезентации королевской власти, не прибег к чему-то новому, а взял на вооружение то, что было наработано предшественниками. С другой же, его нельзя упрекнуть в отсутствии воображения – он практически до неузнаваемости изменил этот жанр музыкального театра, расставив в нем акценты так, чтобы зритель видел лишь то, что король-режиссер хотел донести до него. В этом и заключалась суть преобразования придворного балета в королевский. Каждое танцевальное представление с участием Людовика XIV было репрезентацией короля Франции в чистом виде, без отвлекающих внимание зрителей буффонад и параллельных сюжетных линий, чем «грешили» спектакли в жанре придворного балета до 1661 г. Таковым стал придворный балет благодаря Людовику XIV.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ballet royal de Flore. Dansé par Sa Majesté, le mois de février 1669. Paris, 1669.
Ballet de la merlaison, dansé par Sa Majesté en son chasteau de Chantilly le jedy 15 Mars 1635. Paris, 1635.
Ballet royal de la Nuit, divisé en quatre parties, ou quatre veilles: et dansé par Sa Majesté, le 23 février 1653. Paris, 1653.
Gissey H., Bailly J. Le Roy, devise du roi. Courses de testes et de bague faites par le Roy et par les princes et seigneurs de sa Cour, 1670. Versailles, bibliothèque municipale
Nocret J. La Famille de Louis XIV en habit mithologiques 1670. Châteaux de Versailles.
Блюш Ф. Людовик XIV. Пер. с фр. М., 1998.
Боссан Ф. Людовик XIV, король-артист. Пер. с фр. М., 2002.
Брантом. Галантные дамы. Пер. с фр. М., 2006.
Таллеман де Рео Ж. Занимательные истории. Пер. с фр. А.А. Энгельке. Л., 1974.

- Булычева А.В. Сады Армиды: Музыкальный театр французского барокко. М., 2004 [Bulycheva A.V. Sady Armidy: Muzykalnyy teatr frantsuzskogo barokko. M. 2004.].
- Маргарита де Валуа. Мемуары. Избранные письма. Документы. Пер. с фр. СПб., 2010.
- Неклюдова М.С. «Монарх Плутон»: об одной роли Людовика XIV // Франция и Россия: век XVII. Н. Новгород, 2016. С. 179-188 [Neklyudova M.S. «Monarkh Pluton»: ob odnoy roli Lyudovika XIV // Frantsiya i Rossiya: vek XVII. Nizhniy Novgorod. 2016. S. 179-188].
- Перро Ш. Параллель между древними и новыми в отношении поэзии // Спор о древних и новых. Пер. с фр. Н.В. Наумова. М., 1985. С. 142–245.
- Сидоренко М.А. Музыка Жана-Батиста Люлли и монархия Людовика XIV // Новая и Новейшая история. 2015. №1. С. 50–60 [Sidorenko M.A. Muzyka Zhana-Batista Lully i monarkhiya Lyudovika XIV // Novaya i Noveyshaya istoriya. 2015. №1. S. 50–60].
- Ямпольский М.Б. Физиология символического. Кн. I. Возвращение Левиафана: Политическая теология, репрезентация власти и конец Старого режима. М., 2004 [Yampolskiy M.B. Fiziologiya simvolicheskogo. Kniga I. Vozvrashcheniye Levifana: Politicheskaya teologiya. reprezentatsiya vlasti i konets Starogo rezhima. M. 2004].
- Apostolidès J-M. Le roi-machine: Spectacle et politique au temps de Louis XIV. Paris, 2008.
- Beaussant P. Lully ou Le musicien du soleil. Paris, 1992.
- Beaussant P. Le Roi-Soleil se lève aussi. Paris, 2000.
- Benserade I. de. Vers du ballet royal dansé par Leurs Majestez entre les actes de la grande tragédie de l'Hercule amoureux. Avec la traduction du prologue et des argumens de chaque acte. Paris. 1662.
- Bouissou S. Vocabulaire de la musique baroque. Paris. 2008.
- Burke P. Louis XIV: Les stratégies de la gloire. Lonrai, 2007.
- Christouat M.-F. Ballet de cour de Louis XIV: 1643–1672. Mises en scène. Paris, 2005.
- Desprat J.-P. Madame de Maintenon (1635–1719) ou Le prix de la reputation. Paris, 2010.
- Lecomte N. Entre cours et jardins d'illusion. Le ballet en Europe (1515–1715). Paris, 2014.
- Le Roux N. Le roi, la cour, l'État. Paris, 2013.
- Louis XIV. Mémoires // Louis XIV. Mémoires. Manière de montrer les jardins de Versailles. Paris, 2007. P. 47–332.
- Marin L. Le portrait du roi. Paris, 2010.
- Montpensier, Anne de. Mémoires de la Grande Mademoiselle / Anne de Montpensier. P., 2005.
- Néraudau J.-P. L'Olympe du Roi-Soleil: Mythologie et idéologie royale au Grand Siècle. P., 1986.
- Roucher E. Entre le bel estre et le paroistre: La danse au temps de Louis XIII // Regards sur la musique: Au temps de Louis XIII. Textes réunis par J. Duron. Wavre. 2007. P. 79–113.
- Sabatier G. Le Prince et les arts: Stratégies figuratives de la monarchie française de la Renaissance aux Lumières. Paris, 2010.

Сидоренко Максим Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления; masid@list.ru

The representation of Louis XIV in the dancing art: from the ballet de cour to the royal ballet

The court ballet as a genre of French musical theater appeared at in the late 16th century. In later years French kings used dancing productions more than once to create their positive social image. But since the adult rule of Louis XIV these performances became effective tool of crown representation. They helped the king carry out the policy of the domestication of nobles and to form his representative image, which gave rise to the myth of the King-Sun as this nickname. What were the modifications in the court ballet when Louis XIV appeared in the ballet and political scene?

Keywords: Representation of power, Ancien Régime, French royal court, Louis XIV

Maxim Sidorenko, Ph.D., Associate professor, Novosibirsk State University of Economics and Management (NSUEM); masid@list.ru

С. С. ЛАЗАРЯН

РОЛЬ ЛАНДШАФТОВ В КОНТЕКСТЕ СУЩЕСТВОВАНИЯ И ПРОТИВОБОРСТВА РОССИИ С ГОРСКИМИ ОБЩЕСТВАМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА (1801-1864)

Кавказские ландшафты представляли собой не только среду существования, но и природно-культурные комплексы, из которых прорастали горские этнические социумы. Характеры рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения сливались в единую гармоническую целостность. Кавказские ландшафты были активными участниками общественной жизни местных горских обществ и вместе с людьми активно сопротивлялись инокультурному влиянию. В ходе Кавказской войны ландшафты были неприступными крепостями и сражались против русской армии на стороне горских народов. Покорение Кавказа для русских сопровождалось необходимостью покорять не только людей, но и местные ландшафты. Только трансформировав сакральность и смыслы горской среды обитания, российская сторона могла надеяться подчинить их своей воле.

Ключевые слова: ландшафт, социум, Россия, горские общества, Северный Кавказ, противостояние, сакральность, трансформация

Ландшафты являются естественной и первоначальной основой социокультурных миров. Исторически складываются «открытые» или «закрытые» по своей самореализации миросоциумы, в разной степени подготовленные и способные к ведению диалога с инородными миросоциальными субстанциями¹. В качестве примера неоднозначных последствий такого взаимодействия можно привести контакты между Российской империей и народами Северного Кавказа в XIX веке, где российская сторона столкнулась с миросоциумами, в которых ландшафты продолжали играть значительную экзистенциальную роль, в то время как русский мир находился на иной ступени отношений с ландшафтами – социокультурные компоненты там оказывали значительное влияние на параметры существования природной среды.

Горский миросоциум в процессе становления и функционирования там общественных институтов, связывался тесными узами с физико-географическими компонентами местных ландшафтов и местными этническими религиозно-мифологическими поверьями. Они в своей совокупности оказывали сильное влияние на формы исторически существовавшего общественного быта и хозяйственной деятельности. Сама

¹ Миросоциум – сложносоставное пространство, состоящее из набора взаимообусловленных физико-географических и социокультурных компонентов, посредством и в рамках которых тот или иной социум самореализуется и представляется миру. Миросоциум исторически обусловлен характером и состоянием системных элементов, их способностью тем или иным образом отвечать на внутренние и внешние вызовы.

проблема восприятия и переживания этно-социального пространства, находящегося во взаимодействии с ландшафтом, выростала «...из опыта и манипуляций с ним, а также из концептов, представленных традицией...» [Тишков 2003: 288]. Включенность общества в природный миропорядок предполагала обязательную организацию в нем социально обусловленного «своего» пространства и «своего» времени. По мнению Ю.Ю. Карпова, «пространство такой модели подразумевает, что при любых естественных пространственных формах окружающей среды люди делают их своими – искусственными, выделяя центр и периферию, т.е. вводя системные отношения, “окультуривая”, что необходимо уже для ориентации в жизненном пространстве» [Карпов 2007: 6]. Потому «всякая территория, занятая с целью проживания на ней или использования её в качестве “жизненного пространства” превращается из неупорядоченного первоначального “хаоса” в “космос”, посредством ритуала ей придается некая “форма”, благодаря которой она становится реальной» [Элиаде 1987: 38], мирским пространством.

Поскольку ландшафт с его элементами и атрибутами способствовал формированию этнического самосознания и всех форм этнической культуры, которая как бы прорастала из ландшафтных оснований, можно полагать, что социум и ландшафт взаимообуславливающиеся системы. Потому любые негативные перемены в установившихся правилах взаимодействия людей с ландшафтами могли вызвать не только хозяйственный крах, но крах мировоззренческий, духовно-нравственный, ценностный для любого горского миросоциума.

Е этносов Северного Кавказа не было стремления подавить естественный ландшафт, господствовать над ним. Это отношение к окружающим горцев ландшафтам обуславливалось не столько тем, что они могли не обладать достаточным орудийным потенциалом и технологиями для преобразовательной деятельности, сколько базировалось на сакральной спаянности людей со средой обитания. Культурная деятельность горских социумов гармонично вплеталась в природные комплексы и связанные с ними процессы. По мнению ряда исследователей, Кавказу были присущи экофильные черты во взаимодействии людей с ландшафтными системами, с характерными для них природосберегающими формами хозяйствования, позволявшие сохранять экосистемы в целостности и воспроизводстве их элементов [Сотникова: 2012].

Сам способ существования горцев в системе среды их обитания предписывался модальностью сохранения и сбережения установившихся обыкновений [Доценко 2006: 18-19]. На этой почве повседневного взаимодействия с окружающим пространством жизнедеятельности, очерченной строгими рамками традиции, выростал своеобразный горский патриотизм (сопереживание), базировавшийся на чувстве близости и родства с вмещающим горские социумы ландшафтом. По свиде-

тельству А.Н. Дьячкова-Тарасова, лес был стихией абадзехов. Они настолько сроднились с лесным пространством, что чувствовали себя в лесах, «как рыбы в волнах» [Дьячков-Тарасов 1902: 6]. Лес их кормил, укрывал от непогоды и от неприятелей. В случае нападения врагов абадзехи прятали своих стариков, женщин и детей среди горных лесов в благоприятно вырытых рвах, которые покрывались сверху срубленными с деревьев ветвями. В лесных чащах также укрывали скот. Аналогичную тактику применяли многие другие горские народы Северного Кавказа. Кроме того, в лесах скрывались абреки и изгои.

Связанность людей с окружающими их ландшафтами проявлялась по-разному. Например, ежедневный метеорологический прогноз люди строили на естественных объектах ландшафта. Насекомые, населявшие горные луга, вместе с цветами подавали безошибочные признаки любых изменений в атмосфере. Туманы, застилавшие вершины и склоны гор, давали внимательному наблюдателю информацию о силе ожидавшегося дождя или ветра своим цветом, плотностью или протяженностью [Спенсер 2008: 76-77]. Ландшафт был неотъемлемой частью общественной жизни горцев: «в горах каждая вершина и долина имеют свое название и свою индивидуальность» [Карпов 2007: 7]. Так, на горе Кетыш-Коры проходили ежегодные собрания старейшин чеченских тейпов. Там разбирались дела о кровной мести, обсуждались и принимались решения «по обычаям и этикету вежливости» [Карпов 2007: 20].

В Южном Дагестане почиталась гора Шалбуздаг. По свидетельству Ю.Ю. Карпова, «лезгини, проживавшие по обе стороны Главного Хребта, в систему которого и входила данная вершина, а также рутулы, агулы, даже живущие на значительном расстоянии от горы табасаранцы относились к ней как к святыне». К священной горе обращались по разным поводам: бездетные вымаливали детей, больные просили здоровья, бедняки – благополучия, а также дождя в случае длительной засухи. На эту гору ходили и для того, чтобы испросить прощения, искупить вину. Пытаясь склонить духов горы на свою сторону, люди приносили туда разнообразные подношения и подарки, приводили баранов [Карпов 2007: 24]. Более того, в Дагестане горы были не только сакральным местоположением, но «элементами конструкции мира», с определенными функциями, центральной из которых была «функция лестницы, ведущей к небу, к Богу» [Карпов 2007: 33].

Среди адыгов аналогичную сакрально-символическую роль часто приобретали и гигантские деревья, которые воспринимались, «как естественный, природный центр, нахождение которого на земле владельца обеспечивает за ним стратегическое превосходство над окружающими» [Нарты: 300]. Отсюда культ таких деревьев, которые не только наделяли людей нравственной силой, но влияли и на социальный статус человека в горском социуме.

Единство ландшафта и культуры без нарушения равновесия в экосистемах, сакральность в отношениях между ними сохранялись и передавались через поколения посредством поверий, примет, пословиц и поговорок. Природоохранные традиции горских народов – историческое явление, сложившееся в результате их адаптации к окружающей природно-ландшафтной среде [Доценко 2006: 18-19].

Скудость плодородных пространств в горных комплексах Дагестана, необходимость большой затраты усилий нескольких поколений по уходу за полями, крепко привязывали горцев Восточного Кавказа к своему местожительству. Этим определялось длительное существование местопребывания селений в Дагестане, устойчивость проложенных в горной местности трафиков, жесткая фиксированность географических рамок и привязанность к ним социокультурных компонентов. Как подметил Ф. Бродель: «Почти неподвижна история людей в их отношениях с землей, которая их носит и кормит; этот диалог, который не прекращает повторяться, который повторяется, чтобы длиться, который может на поверхности меняться и меняется, но упорно продолжается...» [Бродель 2015: 37]. Так повсюду и, в том числе, на Северном Кавказе.

На Кавказе издавна происходила сакрализация ландшафта в целом или отдельных его частей. Традиция выступала как абсолютное установление и запечатление форм взаимодействия человека с ландшафтом, определяя механизм повседневных отношений. Традиция формировала рамки дозволенного и запрещенного, выступая одним из столпов этнического мировидения и этики, в системах горских миросоциумов.

Негативные изменения во взаимодействиях с ландшафтом, происшедшие под давлением внешних факторов, порождали социокультурный шок. Вторжение этнически, социально и культурно чуждых пришельцев, сопровождавшееся их воздействием на привычный ландшафт, воспринималось как насилие над этнически близкими и обязательными ценностями. Данная ситуация была чревата кризисом традиции, а её поправление, всегда сопровождалось реакцией отторжения от всего чужого, инокультурного. Возникла необходимость защиты своего миросоциума, включая ландшафт, от вторжения чужаков.

Рейды русской армии вглубь гор часто сопровождались выкашиванием горских полей, рубкой просек и сведением лесов в ущельях. Производимая войсками выемка грунта при дорожном строительстве, «оскопление» горных склонов, возведение построек, изменявших ландшафт, переселение аулов на новые территории и многое другое имело следствием в горах шок, гнев, сопротивление. Привычная картина окружающего пространства разрушалась, а вместе с ней рушилась устойчивость повседневного существования, опосредованного через образы привычных артефактов и природных объектов, которые либо разрушались физически, либо приобретали после внешнего воздей-

ствия инозвучание, изменяли не только физический облик, но также изменяли свою сакральную сущность либо теряли её.

Автохтонное географическое сознание, направленное на сакрализацию, понимание и присвоение структурной образности ландшафтной среды, уступало место инокультурному переформатированию существовавшей географической образности – символической топонимии, объектам которой пытались придать инокультурное воплощение. Язык инокультурности изменял не только облик или смысл прежних ландшафтных образов, но также отношения – как между элементами ландшафтной целостности, так и между людьми и ландшафтами, существовавшие в разрушенных вторжением координатах. Более того, вторгнувшаяся в автохтонный геосемантический ряд инокультурная новация, по мере проникновения в присваиваемую ландшафтную среду, выстраивала несколько слоев образных систем, не прекращая обновленческих усилий, пока не добивалась подавляющего доминирования собственной образности. Отечественный культуролог Д.Н. Замятин по сходному поводу заметил, что «подобные образно-географические манипуляции представляют собой, по сути, своеобразный полигон для отработки механизмов созидания и функционирования географических систем, которые способны эффективно адаптировать и как бы переваривать в соответствующий географический продукт различного рода историко-культурные рефлексии и национальные комплексы» [Замятин 2012].

Наиболее интенсивные модификации и собственно моделирование новой географической образности происходит в культурных ландшафтах. Своеобразие самой этнической культуры выступает непременным условием создаваемого образа ландшафта. В данном случае происходила этнокультурная «формовка» и «затвердевание» новых географических образов, без чего невозможно укоренение новых символов и смыслов в автохтонной ландшафтной среде и присвоение вновь обретенного этнокультурного пространства. Можно сказать, что Россия-Метрополия пересаживала себя в пространство Северного Кавказа путем внедрения первоначально отдельных, а затем расширенных культурных комплексов, с помощью которых она стремилась переформатировать пространство культурных ландшафтов вновь обретенных территорий. Из отдельных локальных географических образов формировалась образно-географическая картина универсального имперского пространства соединенных культур и времени.

Слишком часто продолжением перемен, вносимых в ландшафт со стороны России, становились новации существования, основывавшиеся на социокультурном фундаменте имперских смыслов. Новации такого рода всегда угрожали горским сообществам девальвацией традиции и, следовательно, идентичности, поскольку изменения приходили из иной экологической и социальной плоскости, а потому неизбежно нарушали

равновесие в сложившейся системе этнос-природа, этнос-ландшафт. Принудительные выселения горцев из привычных для них ландшафтов и замещение их казаками и колонистами, помимо всех и многих последствий, порождали экологические проблемы. Выжигание лесов и кустарников с целью подготовки пространства под пашни не только изменяли первоначальные условия экосистем, но и ускоряли эрозию почв, нарушали водосток, следствием чего становилось усыхание почв или вызывались селевые оползни в предгорьях.

Кавказский ландшафт, чуждый для подавляющего большинства русских, волевым усилием имперских властей насыщался привычными артефактами, чтобы в какой-то мере сформировать и обустроить привычное для русского миросоциума жизненное пространство, воссоздать привычную и понятную среду обитания. Однако местные кавказские ландшафты и природно-климатические условия неласково принимали новопоселенцев, которые первоначально платили высокую цену за пребывание на северокавказской территории. Переселенцы из внутренних губерний России, подвергались многим заболеваниям от «ощутительной перемены климата» [АКАК: 223], когда из десяти заболевших умирало пятеро [Чекменёв 1994: 58]. Немало людей погибло от эпидемий холеры и чумы, неоднократно свирепствовавших на Северном Кавказе. Продолжительное время цинга и лихорадка оставались каждодневным явлением, заметно прорежая семьи переселенцев.

Ландшафт выступал как территория мира, мирной повседневной жизни или территорией перманентной войны. Одни и те же объекты ландшафта выполняли разные или даже противоположные функции в зависимости от их местонахождения – на территориях мира или территориях войны. Привычные части ландшафта: лес, берега рек, реки, склоны гор, поросшие кустарником, горные ущелья, вершины гор, каменные глыбы, сенокосные луга, сады и мн. др., для русских были частью территории мира, прирученного человеком, а в кавказских условиях становились местами, где людей могла ожидать смерть, плен, увечье, т.е. территорией войны. Чрезвычайно опасным местом горноландшафтной среды оставались для войск и колонистов дороги. В условиях Северного Кавказа дороги были особым «неким замкнутым пространством, отдельной территорией, проникновение на которую чревато серьёзной опасностью» [Ботяков 2004: 101]. Многие и многие лишились на кавказских дорогах жизни или потеряли свободу.

Там, где удавалось преобразовывать кавказский ландшафт по российским социокультурным лекалам, это делалось без оглядки на существовавшую ранее традицию. При этом не только изменялся его внешний облик, но происходила подмена смыслового содержания, насильственная смена ценностного ряда, который всегда присутствует в социальном восприятии той или иной ландшафтной системы.

Там, где ландшафтная система не позволяла коренного реформирования своей сущности, в неё пытались встраивать хотя бы отдельные элементы российской социокультурной парадигмы, чтобы иметь возможность окружать себя привычными артефактами и атрибутами, дававшими возможность присваивать иные социокультурные пространства и потреблять их в привычной для себя форме.

Для местных жителей ландшафты, претерпевшие радикальные трансформации, вызывали перемены в повседневном существовании: традиционные социумы лишались своей первоосновы, в рамках которой они исторически формировались. Бытие таких социумов наполнялась непредсказуемостью с большим числом элементов девиации, вырвавшейся на свободу из-за попрания традиции, или, скорее всего, из-за потери её абсолютности и универсализма. В условиях нового (не значит лучшего) звучания обновленных ландшафтов терялась жизнеутверждающая и жизнеспасительная константа, постепенно отступавшая под напором обновленческих структур, которые привносились российской стороной в горскую миросоциальность. Военные действия, рубка лесов и прокладка дорог, радикальным образом изменяли привычную обстановку существования горцев, вскрывали сакральную имманентность их жизни, выталкивали в чужеродную публичность.

Реакцией было ожесточение. Право одних сталкивалось со стремлением других. Ни русские, ни горцы не щадили культурных ландшафтов своих неприятелей: они им были чужие и такие же враги, как и люди. Горцы совершали набеги на русские крепости, казачьи станицы, крестьянские села и даже города (в разное время – Моздок, Кизляр, Георгиевск и др.) не только ради грабежа, но для разрушения, в котором отражалась степень неприятия ими перемен, привносимых в их мир. Следы разрушений и пожаров были видны над каждым домом поселений, переживших набег. Нападениями и разбоями горцы столько же стремились поправить свое материальное положение (обычай войны), сколько старались вынудить русских к отступлению и уходу.

Русские отвечали тем же во время экспедиций в горы, когда, например, «двенадцать деревень легло пеплом на след русских войск в ущельях Табасарани» [Бестужев-Марлинский 1832], когда после осады и штурмов превратились в руины Ахульго и Гергебиль [Ольшевский 2003]. Во все продолжение военного противостояния почти во всех частях Северного Кавказа враждующие стороны не оставляли своих усилий разрушать культурные ландшафты друг друга. В северо-западной части Кавказских гор, чтобы окончательно лишить горские общества способности к сопротивлению, российские военные власти требовали от горских жителей переселения «...из привычной окружающей среды обитания – что было для них не только жестоким оскорблением, но и психологической катастрофой...» [Гордин 2008: 209].

Р.А. Фадеев, одним из главных идеологов «русского дела» в ходе Кавказской войны, понимал значение для Кавказа связи ландшафта и социума, он считал, что перемена мест обитания для горских сообществ есть задача стратегическая и одновременно прикладная, имевшая целью не только приведение горцев к покорности, но и изъятие из их мироsocialности фундаментальных оснований, чуждых российской имперской социокультурной системе. При этом для покорения Кавказских гор нужно было иметь определенный запас времени, поскольку любое «перевоспитание» народа «есть дело вековое». Так как «воспитание» народа имеет вековую длительность в условиях существования вековых ландшафтов, то «было бы легкомысленно надеяться переделать в данный срок чувства почти полумиллионного варварского народа, искони независимого, искони враждебного, вооруженного, защищаемого неприступной местностью...» [Цит. по: Гордин 2008: 209] без разрушения и перемены их кормящих и вмещающих ландшафтов.

Чужаки в среде географического и этнического инобытия также переживали социокультурный шок от встречи с ними. На Кавказе все элементы ландшафта: горы, леса, овраги, ущелья, деревья, камни и связанные с ними грозовые ливни, туманы, пронизывающие ветры и морозы – все воевали на стороне горцев против русских войск. Потому для подавляющего большинства русских солдат одним из главных психофизических состояний и эмоционального сопровождения восприятия местных ландшафтов становится - ПРЕОДОЛЕНИЕ. Солдаты постоянно вынуждены были преодолевать бурные и пугающие шумом и ревом реки, опускаться и вновь взбираться по склонам ущелий, поросших колючими кустарниками, безжалостно рвавшими на людях одежду, преодолевать крутые перевалы и восходить на вершины гор. В окружавшем ландшафте все было враждебно и все грозило смертью и страхом – камни, деревья, кустарник, нависающие уступы скал, почти бездонные пропасти. Покорение Кавказских гор, как восточных, так и западных требовало не только «необычайной энергии со стороны руководителей, и не только мужества и опытности, но еще безграничного самопожертвования со стороны войск» [Фадеев 2003: 129], поскольку природно-климатические условия кавказских ландшафтов не менее людей были опасными и беспощадными противниками русской армии.

Наблюдатели разворачивавшихся событий воочию видели и ощущали эту враждебность кавказских ландшафтов. Она отображалась в их лексико-семантической атрибутике, которой они обозначали окружающее пространство. «Угрюмая природа Кавказских гор: непроходимые леса, неприступные скалы, глубокие ущелья, темные пропасти, бешеные горные реки – составляет отличительные признаки топографии западного Кавказа, на котором жили много веков разные племена черкесских народов в замкнутом положении». Ландшафт способствовал

замкнутости и суровости нравов горцев. «На северном склоне Кавказского хребта непроходимые прикубанские болота залегали мертвой пустыней, а на южном – скалистые берега морского побережья, нередко упирающиеся в самое море, препятствовали свободному сообщению; внутри страны горная местность представляла на пути недосыгаемы вершины скал и многочисленные реки и водные ручьи, изливавшиеся в Кубань с одной и в Черное море с другой стороны; хребты служили неодолимой преградой на пути, особенно когда выпадали сильные дожди в горах, поднимавшие потоки вод... бурные волны, несущиеся с быстротой сильных водопадов, рвали на берегах с корнями огромные деревья и несли их по течению, как мелкие щепки, а катящиеся по руслу разной величины камни до того производили оглушительный шум, что заглушали речь рядом стоящих людей» [Короленко 2001: 178-179].

Природные условия Кавказа ставили перед русской армией новые и неожиданные задачи, которых прежде (в Европе) не возникало. В северокавказских горных лесах русская армия становилась «слепой» из-за незнания местности, отсутствия надежных карт, первоначального неумения ориентироваться и слаженно действовать в лесных чащобах. Само движение в горнолесной местности изматывало войска в силу того, что солдатам постоянно приходилось все необходимое для них нести на себе. Пересеченная местность постоянно вынуждала на каждом подъеме или спуске удерживать, или втаскивать на руках обозные фуры и пушки, чтобы они не раскатились и не покалечили лошадей и людей, не свалились в пропасть [Лапин 2008: 111]. Людей изматывала постоянная необходимость форсирования бесчисленных горных рек и ручьев. На большей части Кавказа не было ни дорог, ни переправ, кроме едва заметных тропинок, проложенных местными жителями. Горные леса были самым труднопреодолимым препятствием для русских войск, в то время как неприятель, выросший в этих лесных пространствах, умел в таких условиях стойко обороняться и наносить ущерб противнику. Особенно преуспевали в том чеченцы, которые «...были наиболее искусными защитниками своих лесов» [Ольшевский 2003: 184]. Сами тактические приемы войны, используемые горцами, были наиболее адаптированы к местным ландшафтам.

Весь горный ландшафт Северного Кавказа был враждебен русским. Все и вся требовало воли, самообладания, храбрости и преодоления, физического или психического. А. Бестужев-Марлинский отмечал «как дика и величава, и грозна являлась там природа, но еще грозней стала она от вражды человека» [Бестужев-Марлинский 1832]. Уже сам по себе «...горный пейзаж вообще был совершенно особым психологическим опытом для русского человека...» [Гордин 2008: 30]. Как свидетельствовал Н.И. Воронов: «Первые впечатления от Дагестана на незнакомого с его трупцами путника производят нечто тяжелое,

болезненное... На склонах дидойских громадных гор все людское и все, что не горы, кажется равно ничтожностью: оно бежит от глаз» [Воронов 1868: 9-10, 12]. Пейзажи Дагестана казались русским чудовищным горным лабиринтом. Горы угнетающе давили на психику солдат и офицеров, впервые оказавшихся на Кавказе. «Природа Дагестана внушала отвращение» [Лапин 2008: 118], а солдат охватывала тоска по родине – России. До прихода на Северный Кавказ ландшафты, в пространстве которых существовало русское население, не порождали негативной культурно-психологической нагрузки из-за особенностей пространства их обитания, поскольку они не выходили за пределы традиционного для них вмещающего географического пространства.

Кавказ был, как казалось и ощущалось русскими, средоточием враждебной для России энергии, которую чтобы укротить, следовало подавить. По мнению Я.А. Гордина: «Символом Кавказа для русского человека были горы – тип ландшафта, резко контрастировавший с российской плоскостью, антитеза Великой русской равнине... Горы сами по себе были вызовом жизненной тривиальности... Горы – пространственная вертикаль – приобретали смысл, далеко выходящий за пределы топографии» [Гордин 2008: 28]. Восприятие русскими кавказского (дагестанского) ландшафта во всей полноте оттенков выразил полковник К.К. Бенкендорф: «... Здесь все перемешано, все разбито, все в беспорядке; точно чудовищные волны океана как бы внезапно застыли и окаменели в бурю; это полное изображение первобытного хаоса» [Цит. по: Гордин 2008: 28]. Это зрелище, не имевшее опоры в прежнем опыте, могло внушать ужас, особенно человеку религиозному, которому его воображение способно было нарисовать в данном каменном нагромождении нечто запредельное, неохватное разумом, казавшееся адом.

Ландшафт Кавказа порождал культурно-психологическое напряжение среди русских солдат и офицеров не столько теми трудностями, «которые создавали особенности рельефа в чисто военном плане. Кавказские войска постепенно выработали рациональную тактику ведения боевых действий в горных условиях. Дело было в ощущении экзистенциальной чуждости этого пространства, воспринимаемое как пространство inferнальное, находящееся по другую сторону человеческой жизни, пространство смерти» [Гордин 2008: 29].

Непонимание социокультурной парадигмы, рожденной местными ландшафтами, имело следствием конфликт, который выливался в фактор этнокультурного взаимодействия². На Северном Кавказе ландшафт имел также свойство социокультурной идентификации. Идентифика-

² Ценностные разряды этносов «будут тем более различными, чем более различными были природные и исторические условия в эпоху становления этносов» [Авксентьев А.В., Авксентьев В.А. 1998: 28].

ционный атрибут разнообразия среды обитания способствовал этнической дифференциации, порождая крайнюю этническую пестроту, даже отсутствие общепонятного языка межкультурной коммуникации. Во время развертывания военного противостояния, которое получило название Кавказская война, «вполне сложились образы оппонирующих на Северном Кавказе сторон» [Шнайдер, б.г.: 70]. Отношение к северокавказскому ландшафту русские переносили на отношение и оценку местных горских народов. Ландшафты, доставлявшие русской армии наибольшее количество проблем, обычно населялись наиболее непримиримыми к русским горскими обществами. Страх или ненависть, испытываемые к таким ландшафтам, переносились на их обитателей. Примером может быть восприятие русскими солдатами вековечных чащоб ичкерийских лесов и проживавшего в них населения [Ольшевский 2001], или бурного и неукротимого Терека, разрушавшего своей свирепостью берега и с грохотом перекатывавшего громадные камни.

Русские видели в кавказском ландшафте природную крепость, бывшую достоянием враждебных горцев. Рисуя условия восточного побережья Черного моря, Р.А. Фадеев указывал на особенности местного ландшафта, глубокие ущелья которого, «покрытые чрезвычайно роскошными, но потому и чрезвычайно непроходимыми лесами, круто спускаясь от вечных снегов к теплomu морю, образуют неисходный лабиринт, в котором каждая пядь земли была природной крепостью» [Фадеев 2010: 230]. В.М. Сидоров отмечал, что «...весь Дагестан, это страшное гнездо гор, изрезанное черными пропастями, отвесными стенами, уходящими за облака и одетыми снегами, казался всему миру недоступной и неодолимой крепостью» [Сидоров 1897: 342-357].

Социокультурная слиянность человека и среды его обитания многократно умножала его силы и возможности противостоять чужеродным переменам. Специфические связи человека и природы Северного Кавказа составляли первооснову мировоззрения местных жителей, поскольку существовало физическое пространство ландшафта и его ментальные образы и границы. Ландшафт был привязан к исторической памяти этносов, содержанием которой являлись объекты т.н. «сакральной географии», проявляющейся в «символической топографии» [Заятин 2015: 30]. Символическая топография состоит из сакральных смыслов, придаваемых этническим сообществом различным местам, связанным с природными объектами, и представляет образные структуры ландшафта – горы, отдельные вершины, камни, реки, ущелья, лес, отдельные деревья, овраги, родники и т.д. Сакральность символической топографии – это не только абсолютность, вырастающая из религиозной обусловленности, не только способ адаптации пространства, его встраивания в этническую картину мира, но и символизм, обладающий позитивной или негативной коннотацией, рождающейся в культурной

среде данного социума. Любой символический топоним одновременно предстает как концепт-образ со своим смысловым содержанием, соотносимым с физико-географическими и метафизическими параметрами конкретного ландшафта в данной этнокультурной среде. Освоение экзистенциальных смыслов символической топографии чужаками крайне затруднительно. Постижение символичности пространства возможно через её присвоение – оно выступает обязательным требованием, вне реализации которого любые образы ландшафта, предстающие как особое психофизическое состояние, остаются вне понимания чужаков.

Как уже отмечалось выше, приход на Северный Кавказ русских и переформатирование ими кавказских ландшафтов совершалось не только в сфере физического их бытия, но также в ментальной сфере путем придания местной геокультурной среде новой смыслодержающей символики. Не случайны в этой связи усилия кавказских главноуправляющих, которые призывали в край архитекторов, способных изменять видимый образ местных ландшафтов. Архитектор Н.А. Львов, братья Джузеппе и Джованни Бернардацци, Самюэль Аптон не только устраивали возводимые российской стороной поселения, но посредством стилевой архитектоники вводили образы петербургского пространства на Кавказских Минеральных водах, в Ставрополе и других городах края. Такая новая физическая и символическая образность, воплощавшаяся в общественные и частные здания, арки, беседки, галереи и бульвары, способствовала не только замещению чужеродной для русских среды, но также её приручение и присвоение. Кроме того, необходимо было «расколдовать» ландшафт Северного Кавказа, освободить его символическую образность от прежней сакральности, чтобы «заколдовать» его снова в русской транскрипции, чтобы присвоить его себе и отнять у горцев. Пространство не удавалось взять под контроль без «расколдовывания» его прежней образности и семантики.

Борьба между Российской империей и непримиримой к ней частью горских обществ, шла не только за физическое пространство – местообитание, стороны боролись также за социокультурное его наполнение, связанные и рожденные в данной ландшафтной среде смыслы и ценности. Насыщая кавказские ландшафты собственными именами, российская сторона, наполняла физическое пространство ландшафтов социокультурным полиморфизмом – сосуществованием традиции и новации, сталкивала старые имена с новыми именами, старые смыслы с новыми смыслами. Традиция в таком полиморфизме приобретала новые возможности существования в параллелизме рядом с новациями. Пространство ландшафта как бы переуступалось чужакам под внешним давлением, но традиция сохраняла свое бытие в памяти и символизме, который накладывался поверх или проступал сквозь символизм нововведений. С другой стороны, символический параллелизм мог допус-

каться только потому, что у наступающей стороны не имелось в достатке возможностей для тотальной перекодировки присваиваемого ландшафтного и социокультурного пространства.

С вытеснением горцев из их изначального местопребывания, разрушался фундамент их социокультурных устоев. Поэтому горский социум всячески цеплялся за свое прошлое, помещая существовавшее социокультурное пространство в пространство памяти. Память об этническом символизме, о маркерах, существовавших в этническом мигросоциуме горцев, препятствовала тотальной энтропии.

В сложившейся ситуации полиморфизма старое и новое, свое и чужое вели непрерывный спор: старое, чтобы выжить и сохраниться, новое, чтобы доминировать и властвовать. Отсюда происходили двойные топонимы с двойной сакральностью. Старые имена, например, реки Пшиз или Схаугваше вынуждены были сосуществовать рядом с новыми именами – Кубань или Белая. Селения Эндери или Костеки вынуждены были мириться с русской формой Андреевское и Костыковка. Псекупское селение минеральных вод Псефабе превратилось в Горячий Ключ. Кавказские ландшафты переназывались русскими не только, чтобы ими владеть и присваивать, но и понимать их, обозначать пространство, с которым приходилось иметь дело. Так пять хребтов Северной Осетии стали именоваться как Лесистый, Пастбищный, Скалистый, Боковой и Главный [Кузьминов 2004: 671].

Некоторые топонимы, маркировавшие местность, исходили от местных жителей, которые в качестве повода для имен избирали лиц или общины, которые пользовались данными местами. Так в Кумыкии появились селения Эрмени-Озек и Нагы-Кель. Первое имя произошло от армянского драгунского полка, а второе – от имени жителя [Кузьминов 2004: 651]. Рядом с рекой Уруп в 1839 г. появилось новое поселение Эрмени-хабль, или Армянский аул, в который генералом Г.Х. Зассом были выселены черкесо-гаи, армяне, много веков проживавшие среди черкесов (адыгов) [см.: Ктиторов 2002].

В одних случаях новация полностью вытесняла из обихода традицию, поместив в пространство ландшафта новопоселенцев и полностью выселив прежних обитателей. В других случаях ландшафты отторгали чужаков и их попытки переформатировать пространство посредством изменения сакральной географии. Так, Нагорный Дагестан оказался той территорией, символическая топонимика которого не отступила перед внешним вторжением чужеродной новации. Подавляющее число новых имен, приходившие в край вместе с русскими, не смогли прижиться в нагорной среде, поскольку национальная картина мира русских не смогла произвести адекватное присвоение нового для них пространства местных ландшафтов. Новый символизм как бы соскальзывал с прежних образов или разбивался от столкновения с ними. В свою очередь,

прежние образы не желали помещаться в российском культурном поле, которое не принимало и тяготилось, стремилось избавиться «от этих проклятых гор» [Гордин 2008: 29]. Новые имена скоро забывались, так как существовали в достаточно узком круге военных или гражданских чиновников и связанных с ними поселенцев, пребывавших в Нагорном Дагестане непродолжительное время. Новые имена не успевали приобрести новой сакральности и быстро забывались или уходили из края, как только их приверженцы покидали Дагестанские горы.

Однако, когда выходцы из России надолго задерживались на Кавказе, когда их пребывание в крае становилось частью их жизни, то это производило на свет особую породу людей – русских кавказцев, для которых кавказская ландшафтная символика переставала быть чужой, по крайней мере, внешне. В этом случае поселенцы продолжали оперировать прежними образами и именами, наполняя их понятным для себя содержанием. Примером может служить ландшафтное пространство долины реки Дахо, бывшей притоком реки Белой (Схаугваше). Там была основана казаками станица Даховская, находившаяся в окружении Даховских гор, поросших Даховскими лесами. С этих мест отправлялся в экспедиции Даховский отряд российских войск.

Отмеченные сущностные стороны взаимодействия горских обитателей с Российской империей, поданные сквозь призму местных ландшафтов оформлялись и проявлялись постепенно. Сначала Кавказская война мало отличалась от предыдущих войн в истории Кавказа, и горцев не слишком беспокоило появление в их пределах отдельных русских укреплений. Они успешно им противостояли и считали, что «укрепление – это камень, брошенный в поле, ветер и дождь снесут его», но, когда каждый шаг русской армии стал сопровождаться устройством новых станиц, горцы поняли всю опасность, которая нависла над ними: «станция – это растение, которое впивается в землю корнями и понемногу обхватывает поле» [Фадеев 2003: 153-154].

С расширением и изменением характера колонизации Кавказская война приобретала для автохтонного населения вид катастрофического перелома. Горские ландшафты начинали жить по-новому. Русские военные топографы исследовали приобретаемые силой территории, размечали их новыми структурами и выделяли предпочтительные для новых поселян элементы. За боевыми полками возникали ряды станиц, за станицами поселялись крестьяне, прокладывались дороги, распахивались поля, разбивались сады, развивался иной образ жизни, в котором предстояло существовать бывшим горским этническим ландшафтам, но без прежней сакральности и символической образности. Разразившийся над горскими обществами погром сломил их нравственно. «Всякая историческая общественная формация, сколько бы она ни длилась, состоит из набора условий, который только и делает её возможной: климати-

ческие, географические, технологические, культурные, властно-политические и демографические предпосылки должны перемешаться в некую амальгаму, чтобы возникло именно это общество. Если набор условий меняется, меняется и общество» [Сарацин 2016: 25].

Модернизация ландшафта как части сакральной традиции привела к травматическому искажению сакральной среды горских миросоциумов, формированию травматической исторической памяти, образы которой пролонгировались в мировоззрении последующих поколений горских жителей. Столкновение с горской сакральностью в рамках ландшафтной среды или пренебрежение ею со стороны русских часто происходило не из желания унижать или доказать свое превосходство, а из-за простого незнания социокультурной роли и сакрального символизма тех или иных объектов и образов горского ландшафта, в котором русские войска и поселенцы начинали свою жизнедеятельность.

В силу того, что имперская социокультурная парадигма строилась на совершенно иных экологических основаниях в отношении с ландшафтом, новопоселенцы не могли видеть в своих манипуляциях с горскими ландшафтами чего-либо предосудительного. Например, русские солдаты и офицеры могли свободно располагаться посреди горских священных рощ, чистота и опрятность которых способствовала получению удовольствия от отдыха. Горные ландшафты и их социокультурные образы были для русских слишком иной формой бытия, чтобы в короткое время преодолеть культурное и мировоззренческое потрясение от встречи с ними. Кроме того, в условиях войны и взаимной неприязни трудно было рассчитывать на то, что местная традиция будет принята и услышана в войсках и среди колонистов.

Кавказская война значительно активизировала миграционные процессы в регионе, изменив мотивированность передвижения человеческих масс. Все прежние переселения совершались либо из-за обстоятельств хозяйственной деятельности, либо из-за необходимости защиты от внешних вторжений неприятелей, не пересекая исторически сложившихся границ. Кавказская война с колонизационными процессами и массами колонистов-переселенцев спровоцировала миграционные движения местного кавказского населения, жившего столетиями в замкнутых горных ущельях. Горцы вынуждены были искать новое приемлемое жизненное пространство. «Резко увеличивалось количество зон выхода мигрантов и зон выселения... переселенцы потянулись из одного общества в другое, из ущелья в ущелье или на плоскость» [Кузьминов 2004: 757-758]. Следствием становилась необходимость перемены характера землепользования, хозяйственной деятельности и быта. Изменились отношения горских обществ с ландшафтом. В новых местах обитания переселенцы не могли устанавливать родственную близость с ландшафтом, не возникало и прежней сакральности.

С другой стороны, для выходцев из имперских губерний прежде «...враждебный Кавказ обращался в Россию» [Фадеев 2003: 201]. Кавказские ландшафты, прежде бывшие труднопреодолимыми крепостями горских обществ, теперь переформатировались русской средой в свои собственные крепости. Неприступность Кавказа теперь становилась неприступностью России на обретенных ею южных рубежах. Русские стремились к тому, чтобы «...Кавказ... оставался в русских руках такою же твердыней против внешнего врага, какою он был против нас в руках черкесов» [Фадеев 2003: 205].

Эта новая роль Кавказа стала менять восприятие местных ландшафтов. То, что прежде пугало, казалось враждебным, вдруг перестало таким быть. Неожиданно увидели, что «в предгорьях волнистые поля до такой степени испещрены цветами, что при каждом дуновении ветра, будто радуга рассыпается перед глазами. Во всем простор человеку; в теплом и здоровом климате пашни, пастбища, леса и везде вода, все у него под рукой», а «прибрежная страна Кавказа не узкая полоса земли между горой и морем... она сама по себе составляет целую область, обставленную как теплица, закрытую от северных ветров и открытую южным. Глубокие долины, спускаясь от вечных снегов к морю, рассыпаются у берега холмами, образующими прелестнейшую страну, какую только можно видеть... Высокие земли, лежащие у подошвы вечных снегов, одеваются летом такими тучными травами, что стада, сгоняемые с них осенью, едва могут двигаться от жира» [Фадеев 2003: 210].

Эта новая роль Кавказа вынуждала российскую сторону проявлять интерес и внимание к сущностным смыслам и образам того, что сделалось её достоянием. При этом надо отметить, что такое стремление не облегчало задачи и не представляло возможности быстрого постижения кавказского ландшафтного пространства, поскольку его тайнопись представляла бóльшую загадку, чем культурные артефакты, доставшиеся от прежних обитателей гор в силу их малозаметных следов. Нравственное влияние этих перемен не могло оставаться без заметных последствий, как в российской среде, так и в горских обществах. Иное было на восточном Кавказе. Там российский элемент едва закрепился в местных ландшафтах, а местное население оставалось в горах и лесах господствующим, но после случившейся победы русского оружия в 1864 г. – это не представляло уже «никакой опасности политической... Страшный погром западного Кавказа грянул в души прикаспийских горцев таким же сокрушительным впечатлением, как покорение их страны в 1859 г.» [Фадеев 2003: 212].

Итак, мы исходили из того, что природно-культурные комплексы представляют собой области, где характеры рельефа, климата, растительного покрова, животного мира, населения и культуры людей «сливаются в единое гармоническое целое» [Калуцков 2009: 33]. Такой под-

ход совпадает с антропогеографической трактовкой роли ландшафтов как природно-культурных комплексов Л.Н. Гумилева, который одним из первых отечественных исследователей указывал на связь ландшафтов и этнических коллективов [Гумилев 2001: 322]. В силу особенностей географического пространства Кавказа, местные ландшафты часто становились этнической территорией. Это, прежде всего, касалось ущелий, бывших первоначальной территорией, в которой формировались горские этнические общности. Ландшафт как природно-культурный комплекс мог развиваться на Кавказе только как региональная локальность, которая составляла основу для формирования локальных культурных традиций, освященных местной сакральностью, и запечатлялась в образах символической топонимики. Только «расколдовав» прежнюю сакральность и символическую топографию, русским удалось переформатировать кавказские ландшафты и заполнить доставшиеся им природно-культурные комплексы собственными артефактами и именами. Период «расколдовывания» социокультурной основы горских ландшафтов в разных частях Кавказа не был одинаковым, потребовал от российской стороны многих усилий и высокой цены.

Источники

- Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). Тифлис, 1885. Т. X. *Бестужев-Марлинский А.* Письма из Дагестана. URL: <http://ruslit.traumlibrary.net/book/bestuzhev-kavkaz/bestuzhev-kavkaz.html#work003>
- Воронов Н.И.* Из путешествия по Дагестану // Сборник сведений о кавказских горах. Выпуск I. Тифлис, 1868. С. 3-36.
- Короленко П.П.* Записки о черкесах // Русские авторы XIX века о народах Центрального и Северо-Западного Кавказа: 2 т. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2001. Т. 2. С. 153-237.
- Нарты. Адыгский героический эпос / Сост. А.И. Алиева, А.М. Гадагатль. М.: Наука, 1974. 415 с.
- Сидоров В.* Путевые заметки и впечатления. СПб.: Тип. М. Акинфеева и И. Леонтьева, 1897. 683 с.
- Спенсер Э.* Описание поездок по Западному Кавказу в 1836 г. / Пер. с англ. К.А. Мальбахова. Нальчик, 2008. 256 с.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авксентьев А.В., Авксентьев В.А.* Северный Кавказ в этнической картине мира. Ставрополь: Изд-во СГУ, 1998. 160 с.
- Ботяков Ю.М.* Абреки на Кавказе. Социокультурный аспект явления. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. 208 с.
- Бродель Ф.* Очерки истории. М.: Академический проект, Альма Матер, 2015. 223 с.
- Гордин Я.А.* Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. СПб.: ЗАО Журнал «Звезда», 2008. 288 с.
- Гумилев Л.Н.* Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2001. 560 с.
- Доценко Л.Н.* Этно-экологическая картина северокавказского региона как форма проявления культурфилософской парадигмы. Автореф. дисс. канд. философ. наук. Ставрополь, 2006. 27 с.
- Дьячков-Тарасов А.Н.* Абадзехи. Историко-этнографический очерк. Тифлис: Типография К.П. Козловского, 1902. 52 с.
- Зяматин Д.Н.* Феноменология географических образов // URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-l-r.pdf>

- Замятин Д.Н.* Геокультурная региональная политика и геокультурный брендинг территории: концептуальные схемы исследования // Брендинг малых и средних городов России: опыт, проблемы, перспективы. Екатеринбург: Изд. Урал. Ун-та, 2015. С.29-39.
- Калуцков В.Н.* О ландшафтных перспективах этнической экологии (по работам В.И. Козлова) // Этнос и среда обитания. Сборник этноэкологических исследований к 85-летию В.И. Козлова. М.: Старый сад, 2009. С.32-44.
- Карпов Ю.Ю.* Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социальный опыт горцев Дагестана. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2007. 656 с.
- Ктиторов С.Н.* История Армавира (досоветский период: 1839–1918). Армавир, 2002. 384 с.
- Кузьминов П.А.* Этнодемографическая карта народов Терека: размещение, численность и миграция населения в конце XVIII – первой половине XIX века // Ландшафт, этнографические и исторические процессы на Северном Кавказе в XIX – начале XX века. Нальчик: Изд. центр «Эль-Фа», 2004. С.641-760.
- Лапин В.В.* Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
- Ольшевский М.Я.* Кавказ с 1841 по 1866 год. СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.
- Сарагин Т.* Германия: самоликвидация. М.: АСТ, 2016. 500 с.
- Сотникова Н.Н.* Этноэкологическая культура как адаптивное средство жизнеобеспечения этносов // Современные проблемы науки и образования. 2012. №4 // URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=6797>
- Тишков В.А.* Реквием по этносу. Исследования по социально-культурной антропологии. М.: Наука, 2003. 544 с.
- Фадеев Р.А.* Кавказская война. М.: Эксмо, 2003. 640 с.
- Фадеев Р.А.* Государственный порядок. Россия и Кавказ / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2010. 992 с.
- Чекменёв С.А.* Переселенцы. (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством, и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. 352 с.
- Шнайдер В.Г.* Россия и Северный Кавказ в дореволюционный период: особенности интеграционных процессов. Б.г., б.м. 147 с.
- Элиаде М.* Космос и история. Избранные работы. М.: Прогресс, 1987. 312 с.

REFERENCES

- Avksent'ev A.V., Avksent'ev V.A.* Severnyj Kavkaz v jetniceskoj kartine mira. Stavropol': Izd-vo SGU, 1998. 160 s.
- Botjakov Ju.M.* Abreki na Kavkaze. Sociokul'turnyj aspekt javlenija. – SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2004. 208 s.
- Brodell' F.* Oчерki istorii / Per. s fr. Je. Orlovoj. M.: Akademicheskij proekt, Al'ma Mater, 2015. 223 s.
- Gordin Ja.A.* Zachem Rossii nuzhen byl Kavkaz? Illjuzii i real'nost'. SPb.: ZAO Zhurnal «Zvezda», 2008. 288 s.
- Gumilev L.N.* Jetnogenez i biosfera Zemli. M.: Jeksmo, 2001. 560 s.
- Docenko L.N.* Jetno-jekologicheskaja kartina severokavkazskogo regiona kak forma projavlenija kul'turfilosofskoj paradigmy. Avtoref. diss. kand. filosof. nauk. Stavropol', 2006. 27 s.
- D'jachkov-Tarasov A.N.* Abadzehi. Istoriko-jetnograficheskij oчерk. Tiflis: Tipografija K.P. Kozlovskogo, 1902. 52 s.
- Zamjatin D.N.* Geokul'turnaja regional'naja politika i geokul'turnyj brending territorii: konceptual'nye shemy issledovanija// Brending malyh i srednih gorodov Rossii: opyt, problemy, perspektivy. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. Un-ta, 2015. S.29-39.
- Zamjatin D.N.* Fenomenologija geograficheskikh obrazov// URL: <http://eng.regionalstudies.ru/journal/homejournal/rubric/2012-11-02-22-16-38/165-l-r.pdf>
- Kaluc'kov V.N.* O landshaftnyh perspektivah jetniceskoj jekologii (po rabotam V.I. Kozlova)// Jetnos i sreda obitanija. Sbornik jetnojekologicheskikh issledovanij k 85-letiju V.I. Kozlova. M.: Staryj sad, 2009. S.32-44.
- Karpov Ju.Ju.* Vzgljad na gorcev. Vzgljad s gor: Mirovozzrencheskie aspekty kul'tury i social'nyj opyt gorcev Dagestana. SPb.: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 656 s.

- Kitorov S.N.* Istorija Armavira (dosovetskij period: 1839-1918). Armavir, 2002. 384 s.
- Kuz'minov P.A.* Jetnodemograficheskaia karta narodov Tereka: razmeshhenie, chislennost' i migracija naselenija v konce XVIII – pervoj polovine XIX veka // Landschaft, jetnograficheskie i istoricheskie processy na Severnom Kavkaze v XIX – nachale XX veka. Nač'chik: Izdatel'skij centr «Jel'-Fa», 2004. S.641-760.
- Lapin V.V.* Armija Rossii v Kavkazskoj vojne XVIII- XIX vv. SPb.: Evropejskij Dom, 2008. 400 s.
- Ol'shevskij M.Ja.* Kavkaz s 1841 po 1866 god. SPb.: Izd-vo zhurnala «Zvezda», 2003. 608 s.
- Saracin T.* Germanija: samolikvidacija. M.: AST, 2016. 500 s.
- Sotnikova N.N.* Jetnojekologičeskaja kul'tura kak adaptivnoe sredstvo zhizneobespečenija jetnosov// Sovremennye problemy nauki i obrazovanija. 2012. №4 //URL: <http://www.science-education.ru/article/view?id=6797>.
- Tishkov V.A.* Rekviepm po jetnosu. Issledovanija po social'no-kul'turnoj antropologii. M.: Nauka, 2003. 544 s.
- Fadeev R.A.* Kavkazskaja vojna. – M.: Jeksmo, 2003. 640 s.
- Fadeev R.A.* Gosudarstvennyj porjadok. Rossija i Kavkaz / Otv. red. O.A. Platonov. M.: Institut russkoj civilizacii, 2010. 992 s.
- Chekmen'ov S.A.* Pereselency. (Očerki zaselenija i osvoenija Predkavkaz'ja russkim i ukrain-skim kazachestvom, i krest'janstvom v konce XVIII – pervoj polovine XIX v.). Pjatigorsk: TOO «Kint», 1994. 352 s.
- Shmajder V.G.* Rossija i Severnyj Kavkaz v dorevoljucionnyj period: osobennosti integrac-ionnyh processov. B.g., b.m. 147 s.
- Jeliade M.* Kosmos i istorija. Izbrannye raboty. M.: Progress, 1987. 312 s.
- Лазарян Сергей Степанович*, доктор исторических наук, доцент, Пятигорский государственный университет; aflost@yandex.ru

The role of landscapes in the context of the social and cultural existence of matter and Russian opposition to mountain societies of the Northern Caucasus (1801–1864)

The Caucasian landscapes were not only environment of the existence, but nature and cultural complexes, of which came mountain ethnic communities. The characters of the relief, climate, vegetable and animal kingdom, population became one harmony. The Caucasian landscapes were active participants of the mountain societies' social life and together with people opposed to another culture influence. In the course of the Caucasian war the landscapes were like unassailable citadels against the Russian army with mountain peoples. The conquest of the Caucasus was accompanied by necessity to conquer both the population and landscapes. The Russian side could subdue them only having transformed the sacred sense of the mountain living environment.

Keywords: landscape, society, social and cultural existence, Russia, mountain societies, Northern Caucasus, opposition, sacredness, transformation

Sergey Lazaryan, Dr. Sc. (History), Associate professor, Pyatigorsk State University; aflost@yandex.ru

В. В. Прилуцкий

ФЕНОМЕН ПЕРВЫХ «ГРУПП НЕНАВИСТИ» В США В XIX – НАЧАЛЕ XX В.¹

В статье рассматриваются особенности возникновения и деятельности основных «групп ненависти» в США в XIX – начале XX в. Проведен анализ сформировавшихся в данную эпоху идеологических основ американского политического экстремизма, радикализма и расизма, носителями которых первоначально являлись антимасоны, нативисты и ку-клукс-клановцы. Социокультурный и социально-психологический подходы позволили понять умонастроения и поведенческие стереотипы радикалов. Показано, что «группы ненависти» были одержимы идеей поиска и разоблачения врагов, якобы угрожавших благополучию и безопасности страны, замышлявших заговоры против государства, подрывавших морально-нравственные устои общества и разрушавших его религиозную идентичность.

Ключевые слова: *«группы ненависти» в истории США, радикальная идеология, расизм, конспирология, антимасоны, нативисты, Ку-клукс-клан*

«Группы ненависти» (hate groups, «хейтеры», «ненавистники») – термин в современной американской политологии, обозначающий организации, разжигающие в обществе вражду и ненависть к федеральному правительству и отдельным группам населения, способные спровоцировать насилие, беспорядки и даже вооруженное противостояние. Объектами ненависти, агрессии и преследований становятся граждане и группы лиц по признакам расы, национальности, религии, пола, гендерной принадлежности, сексуальной ориентации. В США действуют более 900 таких экстремистских организаций; среди них можно выделить движения белых расистов (Ку-клукс-клан), анти-мусульман (исламофобов), анти-иммигрантов, неонацистов и белых националистов, неоконфедератов, анти-ЛГБТ-активистов, черных сепаратистов и расистов, «Христианскую Идентичность», а также многочисленное антиправительственное «патриотическое движение» (гражданские милиции – народные ополчения, добровольческие пограничные патрули, «автономные» группы граждан и т.п.). Истоки экстремизма и расизма следует искать в исторических событиях XIX – начала XX в. Ранние «группы ненависти» возникли в условиях массовой иммиграции католиков из Ирландии, Германии, Италии, евреев – из Восточной Европы и в ситуации резкого обострения расового конфликта в связи с Гражданской войной (1861–1865), отменой рабства и Реконструкцией Юга (1865–1877).

¹ Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МД-978.2018.6. Проект: «Социальный протест, протестные движения, религиозные, расовые и этнические конфликты в США: история и современные тенденции».

В 1820–1830-е гг. главными объектами ненависти для белого протестантского большинства в Америке стали масоны и католики. Еще в конце XVIII в. – первой четверти XIX в. в прессе и печати США начали широко распространяться представления о существовании всемирного масонского заговора, угрожавшего американской демократии, правам и свободам граждан. «Вольные каменщики», к которым принадлежали Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин и некоторые другие «отцы-основатели» США пользовались большой популярностью². В первой половине XIX в. в Америке было до 8 тыс. лож и до 200 тыс. масонов. Привилегированный характер тайного франкмасонского ордена, к которому относились элитарные группы, вызывал неприятие со стороны низших социальных слоев и подозрение в коррумпированности, криминальных деяниях. Отдельные граждане стали обвинять членов мистического братства в создании «секретной параллельной системы власти», «тайных судилищах», в преследовании и убийствах инакомыслящих. В 1826 г. возникло мощное антимасонское движение, которое быстро распространилось, преимущественно на северные штаты, и трансформировалось в радикальную политическую партию, просуществовавшую до конца 1830-х гг. Антимасонов следует считать первой организованной «группой ненависти» в истории США.

Протестанты считали масонский орден «Антихристом», «тьмой, темной стороной», «Зверем Апокалипсиса», «врагами Христа и христиан», «многоголовой гидрой», «орудием и царством Сатаны», «греховным, аморальным, источающим ложь, предательским, кровожадным, антиреспубликанским и антихристианским институтом». Тайное братство («масонскую империю») якобы отличали «атеизм», «безнравственные и богопротивные клятвы», за ним тянулся шлейф «кровавых преступлений, лжи и оболыщения»³. Экс-президент США Джон Квинси Адамс выступил против «теневого правительства» и «страшной игры с грозными клятвами», предусматривавшей за их нарушение наказания, «на которые не решаются даже дикари-каннибалы». «Мы наблюдаем безнаказанность злоумышленников, нарушение законов или пренебрежение ими, укрывательство, сокрытие следов криминальных деяний: неведом список связанных с убийствами масонских преступлений – мы и сейчас не знаем о них ничего». Адамс настаивал на необходимости организованно и централизованно вести борьбу с орденом в целом, а не с отдельными людьми. Конечная цель антимасонской кампании заключалась в «запрещении масонства в Соединенных Штатах»⁴.

² Free masonry... P. vii-ix.

³ Antimasonry... P. 43-47, 58-59; An abstract of the proceedings... P. 17-18; A Brief Report... P. 39; Fuller 1995. P. 8-12, 86.

⁴ Adams 1833. P. 3; 1851. P. 6-10, 29-33; A collection of letters... P. 8-9, 35-36.

Антимасоны оперировали такими понятиями, как «темные тайны масонства», «тайная власть», «секретные сборища», «кровавый заговор», «тайные наказания», «незаконные клятвы», «подкуп правосудия», «преступления», «тьма и свет»⁵. «Позвольте предположить, что часть членов тайного общества... составила заговор против свободы нашего народа и жизни людей», «занимается разрушительной деятельностью, нарушая установленные ими же самими правила»⁶. «Наказанием, наложенным за нарушение клятвы, является смерть, и только смерть». «Франкмасонство, следуя буквально своим законам, принципам и клятвам, препятствовало выявлению преступников, вынесению судебных приговоров и наказанию похитителей людей и убийц». «Незаконные масонские клятвы оказались сильнее, чем гражданская присяга...»⁷.

В движении антимасонов нашли воплощение теория заговоров, иррациональные страхи, нарастание тревожности, ощущения угрозы со стороны неких опасных врагов, в отношении которых выдвигались обвинения в страшных ритуальных убийствах. Для антимасонов были характерны склонность к морализаторству, социальная неудовлетворенность, агрессия в отношении элиты, богатых и влиятельных людей, а также разного рода меньшинств. Несмотря на то, что имела место сильная критика секретного ордена, давление на него со стороны публицистов, журналистов, религиозных деятелей и активистов, постоянно происходил поиск скрытых и явных масонов, «охота на ведьм», судебные приговоры «вольным каменщикам», настоящий террор в отношении врагов – членов тайных организаций так и не был развязан.

Антимасоны выдвигали собственных кандидатов в ходе избирательных кампаний и преуспели как на региональном уровне, так и на выборах в Конгресс, но пост президента их претендент завоевать не смог. Антимасоны добились того, что по тайному союзу был нанесен мощный удар. Орден временно потерял политическое влияние, его покинула четверть членов, закрылось множество масонских лож, была подорвана репутация «братьев». Но из-за отсутствия продуманной политической и экономической программы антимасоны потеряли популярность и полностью распались как партия к 1840 г. В послевоенный период движение противников франкмасонства возродилось, опять начали регулярно проводиться антимасонские конвенты. Консервативные христиане создали несколько антимасонских организаций: «Национальную ассоциацию христиан, оппозиционных секретным обществам» (1867–1868), «Христианскую партию» (1872–1888), «Национальную христианскую ассоциацию» (1874). «Христианская партия» стре-

⁵ A Brief Report... P. 15, 31, 38-39; An abstract of the proceedings... P. 54, 58.

⁶ An abstract of the proceedings... P. 75-77.

⁷ The proceedings... P. 145-161; Proceedings of the Fourth... P. 7-8, 38-39.

милась выдвигать кандидатов на выборах разных уровней, включая президентские, но не преуспела в этих попытках⁸.

Ненависть к масонам унаследовали белые националисты и расисты – нативисты и члены Ку-клукс-клана. Нативисты – это американские националисты-протестанты, выступавшие в XIX в. против католической иммиграции в страну. Для раннего периода (XVII–XVIII вв.) было характерно незначительное количество переселенцев-католиков. Они были представлены преимущественно ирландцами, французами, поляками, испанцами, немцами, которые предпочитали селиться в многонациональных городах Севера или компактно проживали в сельской местности на Юге. Существенное влияние на этнический состав они не оказывали. Подавляющее большинство американцев, предки которых являлись выходцами из Англии, Шотландии и стран Северной Европы, придерживались протестантского вероисповедания в форме баптизма, пресвитерианства, англиканства (епископальная церковь), методизма, квакерства. Помимо традиционных деноминаций («церквей основной линии») действовало множество мелких независимых протестантских сект и групп. Но с 1830 г. ситуация стала радикально меняться: началось массовое переселение в США католиков из Ирландии, Германии и других стран: всего к 1861 г. переехали более 5 млн. чел. Революционные потрясения в Европе, неурожай, бедность и экономические кризисы стимулировали данный процесс. Кроме того, длительное время отсутствовали законы, способные существенно ограничить иммиграцию. После Гражданской войны в Соединенных Штатах иммиграция еще более усилилась, достигнув в период 1865–1918 гг. почти 28 млн. чел.

Англо-американцы (белые англосаксы-протестанты) были возмущены неконтролируемой иммиграцией, угрожавшей гибелью «протестантской республике». Среди них начали распространяться идеи о католическом (иностранном) «заговоре» с целью захвата власти в Америке римским папой и его сторонниками. Паранойя охватила широкие слои населения и привела в 1830–1870-е гг. к кровавым столкновениям протестантов с католиками в американских городах. Возникло мощное националистическое движение нативистов, имевшее антикатолическую и антииммигрантскую направленность. Главными требованиями нативистов были: существенное ограничение иммиграции, продление срока получения гражданства с 5 до 14-25 лет, запрет католикам и иммигрантам занимать чиновничьи должности, высылка из страны всех иностранцев, ведущих асоциальный и криминальный образ жизни, усиление религиозно-нравственной составляющей в жизни общества.

Нативисты утверждали, что «католики – наиболее влиятельная и опасная секта в стране... и они работают с умами и финансовыми фон-

⁸ The Anti-Masonic defeat...

дами всей деспотической Европы». Для подрывной деятельности «папистов» благоприятны: атмосфера религиозной терпимости, характерная для Америки, политические свободы, а также противоречия между протестантскими деноминациями. На тайных заседаниях австрийского правительства якобы обсуждаются интриги, плетутся заговоры против США. «Папа и его консистория кардиналов» «осуществляют планы и указания имперского кабинета». Где гарантии, что «наши выборы» не будут под контролем Меттерниха, а «назначение» президента США не сможет осуществлять имперский кабинет в Вене или консистория кардиналов в Риме? Не случится ли однажды так, что во главе Америки встанет представитель дома Габсбургов или римский папа? Подобные предположения выглядели абсурдными, но вполне соответствовали конспиративистскому мышлению. «Иностранные заговорщики» якобы используют «слабые места в нашей политической системе, чтобы подвергать атакам наши свободы», превратить американцев в «слуг», «рабов», «невольников», «лакеев» «иноземного самодержца»⁹. Недалеко видные американские политики и представители прессы сотрудничают с Римской церковью. Обе ведущие политические партии страны борются за голоса католиков. Они не понимают, что открывают двери «европейской тирании» в лице австрийского кабинета, престола Святого Петра и российского самодержавия. Каноники – «слуги зарубежного деспотизма» грубо вмешиваются в процесс выборов¹⁰.

В 1830–1840-е гг. возникли более десятка организаций нативистов, которые называли себя «протестантскими ассоциациями», «американскими республиканцами», «тайными нативистскими орденами». В середине 1850-х почти все они объединились в Американскую партию, которая насчитывала до 1 млн. членов, а в 1856 г. выдвинула собственного кандидата в президенты США. Он набрал около 21% голосов избирателей (менее чем 900 тыс. из 4 млн.) и получил поддержку 8 выборщиков. Нативисты выдвинули лозунги: «Америка для американцев!», «Бог и страна наших отцов!». Они утверждали, что почти все государственные учреждения «поразила чума» в виде иностранцев-католиков. Иезуиты создали десятки монастырей и школ во всех штатах. Католическая церковь, опирающаяся на ресурсы Европы, «пронизана аристократизмом», «основана на деспотизме», несовместима с демократией и республиканизмом, о чем свидетельствует история: так, во время Варфоломеевской ночи только в Париже погибли от рук католиков 100 тыс. чел. «Кровь протестантов обагрила землю европейских государств», а всего Римская церковь в течение столетий якобы казнила 68 млн. чел., несогласных с ее политикой. «Сейчас она не изменилась

⁹ Morse 1835. P. 49-55, 113-119.

¹⁰ Ibid. P. 64-66, 88-89, 128-131, 171-174.

к лучшему и не отреклась от подобных доктрин и методов», поскольку «по своей природе изначально являлась и будет являться тиранией». «Иностранцы заговоры против свободных учреждений Соединенных Штатов» основываются на «иммиграции, зарубежных деньгах и папстве». Американцам необходимо «избавиться от внутренних врагов, иностранных демагогов и церковных иерархов» и «сделать страну еще более сильной и свободной»¹¹.

Помимо относительно умеренного политического крыла нативизм был представлен и радикальным уличным протестом. Экстремисты спровоцировали кровавые бунты и погромы католиков, организовали уничтожение их собственности, поджоги и подрывы католических церквей. Гражданская война 1861–1865 гг. приостановила развитие движения нативистов. Но в 1870-е гг. произошло возрождение антикатолических настроений, которые вылились в два последних в истории США бунта против «папистов» в Нью-Йорке. В 1880–1890-е гг. продолжилась пропаганда против Римской церкви и ее приверженцев в периодической печати, листовках, плакатах, памфлетах и на страницах издаваемых ультра-протестантами книг. Появились и новые враги: азиаты (китайские рабочие) на западных территориях и освобожденные от рабства афроамериканцы на Юге. В 1890–1910-е гг. нативисты организовали кампанию по американизации «новых иммигрантов» из Южной и Восточной Европы. В целом, политическая программа и террористические действия нативистов позволяют сделать вывод о них, как об ультраправом, основанном на ксенофобии, радикальном националистическом, шовинистическом, протофашистском движении.

Крайнее воплощение нативизм получил в Ку-клукс-клане или «Невидимой Империи Юга», созданной ветеранами Гражданской войны-южанами. Эта тайная террористическая организация белых расистов возникла в декабре 1865 г. в штате Теннесси и объединила в своих рядах на Юге более 600 тыс. чел.: преимущественно бывших солдат, офицеров и даже генералов Конфедерации. Куклуксклановцами были поглощены другие, родственные им, многочисленные тайные расистские организации, часть из которых возникла еще в 1850-е гг.: «Рыцари золотого круга», «Сыны Юга», «Социальный союз», «Голубые ложки», «Рыцари белой камелии», «Белое братство», «Стражи конституции», «Соединенные стражи конституции», «Вашингтонские братья», «Рыцари черного креста», «Желтые жакеты», «Красные шапки», «Разведчики Хегги», «Регуляторы», «Патрули», «Южный крест», «Белая лига» и т.п. Ку-клукс-клан оказался в значительной степени децентрализованной

¹¹ Our Country... P. 55-60; The Wide-awake Gift... P. 40, 54-63, 98-100; Carroll 1856. P. 238-250, 299-310, 342-345; Brownlow 1856. P. 55-59, 86-98; Busey 1856. P. 82-89, 138-151.

организацией, многие местные подразделения которой предпочитали действовать автономно¹².

Клансмены не представили четко сформулированной идеологической платформы, но опубликовали «Предписание» («Принципы») – устав (конституцию) и программу действий. Они заявляли о себе как о «патриотах», «лояльных федеральному правительству», стремящихся «помогать вдовам и сиротам солдат Конфедерации», нацеленных «на защиту Конституции Соединенных Штатов и законов, принятых в соответствии с ней». В программных положениях косвенно утверждалось, что «белые должны управлять страной», «не может быть равенства черных и белых», необходимо «восстановление конституционных прав южных штатов, гражданских и политических прав белого народа Юга»¹³. На практике свою основную задачу Клан видел в борьбе за обеспечение превосходства и привилегированного положения белой расы и максимальное ограничение прав черной расы, ее подавление вплоть до уничтожения и высылки отдельных представителей¹⁴. Число их жертв в южных штатах в эпоху Реконструкции превысило 100 тыс. чел. (по другим данным – до 300 тыс. чел.). Объект нападения – негритянское население и сторонники уравнивания в правах черных и белых из числа радикальных деятелей правящей антирабовладельческой Республиканской партии¹⁵. Ку-клукс-клан формально объявил о самороспуске в 1869 г., но фактически был уничтожен федеральными войсками только в 1871–1872 гг. Остатки клановцев совместно с радикальными демократами создали военизированные организации «Белые лиги» и «Красные рубашки», которые продолжали террористическую деятельность против избирателей-афроамериканцев вплоть до 1874-1876 гг.

Память о наводившей ужас тотальным и часто немотивированным террором экстремистской организации, превратившейся в «народную легенду», не исчезла на Юге, где и спустя десятилетия после 1872 г. продолжались «суды Линча» над неграми. Эти обстоятельства предопределили воссоздание Ку-клукс-клана в октябре 1915 г. Второй Клан стал легальной и более многочисленной организацией, объединив около 3 млн. чел. (по другим данным – до 4-6 млн. чел.). Он распространился также на Север и Средний Запад и просуществовал до 1944 г., пройдя в своем развитии несколько этапов. Наивысшего подъема новый Ку-клукс-клан достиг в 1921–1925 гг., став серьезной политической силой в ряде штатов¹⁶. Исследователи рассматривают Ку-клукс-

¹² Chalmers 2003. P. 15-16.

¹³ The Ku Klux Klan: Organization...; Ku Klux Klan. Its Origin... P. 154-176.

¹⁴ Newton 2010. P. 8-9.

¹⁵ Wade 1998. P. 22-26, 36-37, 46-49.

¹⁶ См.: Jackson 1992; MacLean 1995; McVeigh 2010.

клан в качестве одного из своеобразных «эталонов» для существовавших и существующих в США и в мире «групп ненависти».

В XIX – начале XX в. возникшие в Америке «группы ненависти» имели общие черты в политической идеологии и практике. Они объединили экстремистски настроенных представителей низов общества, средних слоев, городских рабочих, ремесленников, фермеров, консервативных христиан, представлявших различные протестантские церкви и секты, а также часть интеллектуалов, интеллигенции и даже членов элиты, стремившихся получить поддержку на выборах со стороны радикалов. «Группы ненависти» отличались иррационализмом, преобладанием отрицательных эмоций, сильной неприязнью, крайней враждебностью к противникам, желанием уничтожить врага тем или иным способом. В то же время, в мышлении и поведении экстремистов была заметна и значительная рациональная составляющая, поскольку им не нравилось несправедливое распределение ресурсов, наличие привилегий у отдельных групп населения. Кроме того, американцы в рассматриваемый период ощущали себя гражданами единственной в мире полноценной республики и демократии, базировавшейся на принципах свободы и прав человека, и чувствовали угрозу со стороны европейских монархий и переселенцев из Старого Света, отягощенного феодально-абсолютистскими пережитками.

Истоки насилия и появления линчевателей в Америке следует видеть в слабости судов, полиции на местах и власти вообще, которую нередко заменяли «комитеты бдительности» не только на западной границе, но также на Юге и Севере. «Группы ненависти» активно участвовали в религиозно-этническом противостоянии, которое играло большую роль в истории США вплоть до 1860–1870-х гг. В послевоенный период ему на смену пришел расовый конфликт в явной или завуалированной форме и стал существенным социальным фактором на многие десятилетия. Расовый конфликт продолжает оказывать значительное влияние и на развитие современных Соединенных Штатов. Массовая иммиграция из Латинской Америки, Азии, Восточной Европы и Африки, вызвав недовольство белой «одноэтажной Америки», привела к росту расистских настроений. Белые англо-американцы обоснованно опасаются превратиться к 2040–2050 гг. в меньшинство в США¹⁷. Повышение активности «групп ненависти» и обострение противоречий между афроамериканцами, белыми гражданами и латиноамериканцами, вылившееся в расовые беспорядки, наблюдались в периоды президентского правления Б. Обамы и Д. Трампа. Для современной Америки характерно усиление процесса расовой самоидентификации, ускоренное формирование расовой, этнической и религиозной идентичности.

¹⁷ Тэйлор 2014. С. 392-405.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- A Brief Report of the Debates in the Anti-Masonic State Convention of the Commonwealth of Massachusetts, Held in Faneuil Hall, Boston, December 30, 31, 1829, and January 1, 1830. Boston: J. Marsh, 1830. 48 p.
- A collection of letters on freemasonry: In chronological order. John Canfield Spencer, Richard Rush, Henry Tatem. Boston: T.R. Marvin, 1849. 103 p.
- Adams J.Q. Letters and opinions of the Masonic institution. Cincinnati: L. Stratton, 1851. 276 p.
- Adams J.Q. Six Letters from John Quincy Adams to Edward Livingston, on Masonry. Philadelphia: C.T. Jones, 1833. 32 p.
- An abstract of the proceedings of the Antimasonic State Convention of Massachusetts, Held in Faneuil Hall, Boston, May 19-20, 1831. Boston: Printed at the Office of the Boston Press, for the publishing committee, 1831. 78 p.
- Antimasonry: The Crusade and the Party. American Historical Sources Series / Compiled by L. Ratner. Englewood Cliffs (N.J.): Prentice-Hall, 1969. 100 p.
- Brownlow W.G. Americanism contrasted with foreignism, Romanism, and bogus democracy, in the light of reason, history, and Scripture: in which certain demagogues in Tennessee, and elsewhere, are shown up in their true colors. Nashville (Tenn.): Pub. for the author, 1856 (reprint: 1991-2009). 208 p.
- Busey S.C. Immigration: Its Evils and Consequences. N.Y.: De Witt & Davenport, 1856 (reprint: N.Y.: Arno Press, 1969). 162 p.
- Carroll A.E. The Great American Battle: Or, The Contest Between Christianity and Political Romanism. N.Y. – Auburn: Miller, Orton & Mulligan, 1856 (reprint: 2009). 365 p.
- Chalmers D.M. Hooded Americanism: The History of the Ku Klux Klan. Durham (N.C.): Duke Univ. Press, 2007 (1-st edition – 1981). 477 p.
- Free masonry. Its pretensions exposed in faithful extracts of its standard authors; with a review of Town's Speculative masonry: its liability to prevent the doctrines of revealed religion, discovered in the spirit of its doctrines, and in the application of its emblems: its dangerous tendency exhibited in extracts from the Abbé Barruel and Professor Robison, and further illustrated in its base service to the Illuminati. N.Y., 1828 (reprint: Kessinger Publishing, 2008, General Books, 2009). 399 p.
- Fuller R.C. Naming the Antichrist: The History of an American Obsession. N.Y.: Oxford University Press, 1995. 240 p.
- Jackson K.T. The Ku Klux Klan in the City, 1915-1930. Chicago: I.R. Dee, 1992 (1-st edition – 1967). 326 p.
- Ku Klux Klan. Its Origin, Growth and Disbandment / Ed. by J.C. Lester, D.L. Wilson, W.L. Fleming. N.Y. – Wash.: Neale Pub. Co, 1905. 195 p.
- MacLean N. Behind the Mask of Chivalry: The Making of the Second Ku Klux Klan. N.Y.: Oxford Univ. Press, 1995. 292 p.
- McVeigh R. The Rise of the Ku Klux Klan: Right-Wing Movements and National Politics. Minneapolis: Univ. of Minnesota Press, 2010. 244 p.
- Morse S.F.B. Foreign Conspiracy Against the Liberties of the United States: The Numbers Under the Signature of Brutus, Originally Published in the New-York Observer. N.Y.: Leavitt, Lord & Co., G. & C. Carvill & Co. – Boston: Crocker & Brewster, 1835 (reprint: N.Y.: American and Foreign Christian Union, 1855, 2007, 2009). 188 p.
- Newton M. The Ku Klux Klan in Mississippi: A History. Jefferson (N.C.): McFarland & Co., 2010. 246 p.
- Our Country: or, The American Parlor Keepsake / Ed. by W.H. Ryder. Boston: J.M. Usher, 1854. 252 p.
- Proceedings of the Fourth Antimasonic Republican Convention of Massachusetts, Held at Boston, September 11-13, 1833: for the nomination of candidates for governor and Lt. governor of the commonwealth and «for the purpose of 'consulting upon the common good, by seeking re-dress of wrongs and grievances suffered' from secret societies». Boston: Printed by J. Howe, for the convention, 1833. 48 p.
- The Anti-Masonic defeat // The New-York Times. 1880. November 4.
- The Ku Klux Klan: Organization and Principles, 1868. URL: <http://www.trinityhistory.org/AmH/KKKorganizationalPrinciples.pdf>

The proceedings of the United States Anti-Masonic Convention, Held at Philadelphia, September 11, 1830. Embracing the Journal of Proceedings, the Reports, the Debates, and the Address to the People. Philadelphia: I.P. Trimble; N.Y.: Skinner and Dewey, 1830. 164 p.

The Wide-awake Gift: A Know-nothing Token for 1855. Edited by «One of «Em.»». N.Y.: J.C. Derby, 1855. 312 p.

Wade W.C. The Fiery Cross: The Ku Klux Klan in America. N.Y.; Oxford: O.U.P., 1998. 526 p.

Тэйлор Дж. Белое самосознание: Расовая идентичность в XXI веке. М.: Икс-Истори; Кучково поле, 2014. 496 с. [Taylor J. Beloe samosoznanie: Rasovaya identichnost' v НКНН веке. М.: Iks-Histori; Kuchkovo pole, 2014. 496 s.]

Прилуцкий Виталий Викторович, доктор исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, международных отношений и международного права, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского; vitaliypr@yandex.ru

The phenomenon of the first «hate groups» in the United States in the XIX – early XX cc.

The article considers features of development and the main activities of «hate groups» in the United States in the 19th – early 20th centuries. The analysis of ideological bases of modern American political extremism, radicalism and racism is carried out, which bearers were originally Anti-Masons, Nativists and Klansmen. Socio-cultural and socio-psychological methods made it possible to understand the mentality and behavioral stereotypes of radicals. It is shown that «hate groups» were obsessed with the idea of searching and exposing enemies, that allegedly threatened the welfare and security of the country, plotting conspiracies against the state, undermining the moral and moral foundations of society and destroying its religious identity.

Keywords: «hate groups» in US history, radical ideology, racism, conspiracy theories, Anti-Masons, Nativists, Ku Klux Klan

Vitaliy V. Prilutskiy, Dr.Sc. (History), Associate professor, Bryansk State University named after academician I.G. Petrovsky; vitaliypr@yandex.ru

В. З. АКОПЯН, В. П. ЕРМАКОВ

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ЭТНОГЕНЕЗЕ СУБЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ ГРЕКОВ-УРУМОВ

Авторы рассматривают версии формирования субэтнической группы греков-урумов, ранее проживавших в Цалкском и ряде других районов Грузии. В статье показана решающая роль Греческой церкви в процессе приобщения к общегреческому этническому сообществу разных христианских этносов Османской империи. После распада СССР большая часть цалкских греков переселилась на Северный Кавказ. Несколько десятилетий назад большинство урумов считало родным языком анатолийский диалект турецкого языка. В настоящее время у урумов России путь к греческому языку пролегает через русский язык, способствующий избавлению от турецкого.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Цалкский район, православная церковь, понтийские греки, урумы, этногенез

В статье речь идет об этногенезе субэтнической группы цалкских греков-урумов (самоназвание – *урумлар*), говорящих на диалекте турецкого языка. Основная масса урумов (от тюркского «римляне», в Греции называют – «туркофоны»), понтийцы – «цалкалидис» или «цалкали») проживала в Цалкском (Цалкинском) районе (и составляли подавляющую часть греческого населения района), а также в нескольких селах других районов Грузии. После распада СССР тысячи цалкинских греков покинули свои села¹. Одни из них обрели пристанище в Греции, с большим трудом приспособившись к новой обстановке. Другая, более многочисленная группа, обосновалась на Северном Кавказе, в частности на Кавказских Минеральных Водах. В этом регионе, основная масса урумов поселилась в городах (Ессентуки, Минеральные Воды) и населенных пунктах Предгорного и Минераловодского районов. В последние годы немало урумов поселилось в городах Краснодарского края (Краснодар, Абинск, Сочи, Геленджик и др.), где они численно уступают говорящим на греческом языке.

Сегодня трудно определить точную численность урумов в общей массе греков Ставрополя. Греческие общественные объединения, заинтересованные в культурно-языковой «реабилитации» этой субэтнической группы, т.е. полном их включении в общегреческий массив «ромеюс», дают весьма приблизительные данные о реальном соотношении урумов и ромеюс. В настоящее время урумы составляют большинство греческого населения Ставропольского края (по данным Все-

¹ По проведенной в Грузии в 2002 г. переписи там проживало 15166 греков, в т.ч. в Цалкском районе – 4589 (см.: Этнический состав Грузии...), а по переписи 2014 г. – 5544 чел. См.: Национальный состав населения Грузии...

российской переписи 2010 г. в крае проживало 33573 греков)². Наибольшая концентрация урумов, как и раньше, наблюдается в регионе Кавказских Минеральных вод, особенно в селах Предгорного района.

Греческая научная общественность не углубляется в исследование этногенеза урумов. Это можно объяснить вполне понятным опасением, что акцентирование внимания на особую этническую самобытность урумов может привести к торможению их «эллинизации», и даже к обратным процессам. Тем более что новое поколение урумов, само заинтересовано в успешном завершении процесса своего приобщения к общегреческому сообществу. Это в немалой степени связано с тем, что тюркский язык, многие обряды и особый менталитет вызывают неприятие в Греции и на Кипре, где поселилось немало урумов.

Исследования советского периода не столько выясняли этногенез урумов (принимая за аксиому их греческие корни), сколько занимались их этнографией (язык, обряды) в цалкинский период. Проблема происхождения урумов сводилась к выяснению прежних мест обитания³. Особую «сдержанность» в выяснении этногенеза урумов проявляет арменоведческая наука, хотя интерес, казалось бы, очевидный – предыстория значительной части кавказских урумов связана с северо-западными областями исторической Армении, граничивших с историческим Понтом⁴. Грузинская историография склонна усматривать картельские (лазские) корни у понтийских греков, что находит возражение у ряда историков⁵. Официальная турецкая историография либо однозначно игнорирует «нетурецкую» историю древнейших народов, включенных в пределы Османской империи, либо рассматривает этнические группы, в т.ч. урумов, как особую группу турецкого этноса.

Все исследователи отмечают уникальность урумов по сравнению со всеми другими группами греков⁶. Имеется несколько традиционных подходов к объяснению появления этой субэтнической группы.

1. Предположение о «разовом акте» перехода в тюркоязычие. Такое представление получило распространение среди самих урумов. Утверждается, что, оказавшись под турецким гнетом, перед греками был поставлен жесткий выбор: либо принять ислам, что механически превращало их в турок, либо перейти на турецкий язык, но сохранить христианскую веру, а, следовательно, сохранить свою принадлежность к греческому народу. Урумы сделали выбор в пользу второго варианта.

² Всероссийская перепись населения 2010.

³ Аклаев 1988; Акритас 1962; Волкова 1975; Корелов 1990; Михайлов 1982; Харацидис 1990; Попадиус 1994 и др.

⁴ Арутюнова-Фиданян 1980; Бартикян 1987; Юзбашян 1988 и др.

⁵ Гозашвили 1967 и др.

⁶ Наиболее обстоятельные исследования северокавказских урумов проведены под руководством И.В. Кузнецова. – Понтийские греки. «*Studia Pontocaucaica*» 1997.

2. Второе предположение рассматривается в контексте первого, однако, предполагает переход к тюркоязычию в течение длительного исторического периода.

3. Мнение Ю.В. Ивановой, в соответствии с которым, урумы образовались в результате «смешения» греков «с другими православными группами турецкого населения»⁷. Данная позиция не выдерживает критики. В истории не было прецедента, чтобы группы турецкого населения (частные случаи не принимаются во внимание) становились христианами. Абсурдность этой формулировки преодолевается, если слова «турецкое население» поменять на «население Турции».

В настоящей статье высказывается точка зрения, в соответствии с которой, субэтническая группа урумов сложилась на основе нескольких христианских этносов, для которых тюркский язык стал языком «межнационального общения», но конфессиональная принадлежность смешанного населения к Греческой церкви⁸ предопределила исход этнического процесса в пользу греческого самосознания.

Истоки этногенеза греческого народа восходят к крито-микенской эпохе (III–II тыс. до н.э.), затем продолжают в «эллинский» период, когда на территории Южных Балкан, островах Эгейского моря и прибрежных районах Малой Азии осели племена дорийцев (XI–X вв. до н.э.). Языковая близость, более или менее общий пантеон богов, создали благоприятные условия для консолидации разных этнических групп в единую народность. Иная картина наблюдалась во внутренних районах Малой Азии, где эллинизация многочисленных этносов растянулась на многие века, и даже к концу средневековья имела незавершенный характер. В III тыс. до н.э. Малую Азию населяли т.н. протохетты. Осевшие здесь во II тыс. индоевропейские племена объединили почти все население, создав мощное Хеттское царство. После гибели Хеттского царства, не позднее VIII в. до н.э., на полуострове образовались фригийское государство⁹ и Каппадокия, на территории которых проживали многочисленные племена. На востоке Каппадокия граничила с Арменией, а северная часть Каппадокии, примыкавшая к Черному морю (Понтийская Каппадокия или Понт) стала объектом греческой колонизации. В последние века до н.э. в западных и прибрежных районах Малой Азии складываются предпосылки для этнической консоли-

⁷ Иванова 1994. С. 134.

⁸ Под Греческой церковью в настоящее время мы подразумеваем Элладскую и Кипрскую православные церкви, а также исторические Константинопольский, Александрийский, Антиохийский и Иерусалимский патриархаты, в которых богослужение ведется на греческом языке, но имеющие многонациональную паству.

⁹ По мнению многих историков и лингвистов, фригийский язык являлся своеобразным недостающим «средним звеном» между греческим и армянским. См.: Дьяконов 1976; Нерознак 1976.

дации многоплеменного населения Малой Азии на основе эллинизма. Этому процессу благоприятствовали использование представителями местных элит греческого языка как официального и религиозный синкретизм – отождествление греческих богов с восточными культурами. Однако эллинизация автохтонного населения Малой Азии носила еще «поверхностный» характер, «эллинами» в данном регионе обозначали не этническую общность, а привилегированные слои населения.

Процесс этнической консолидации народов Малой Азии продолжился и в «римский период» (I в. до н.э. – V в. н.э.). Греки-эллины и эллинизированная часть населения Малой Азии, получили престижное право принадлежать к «ромееям», т.е. римлянам, и быть полноправным населением империи. Этот политический статус оказался привлекательным для многих народов восточной части Римской империи. Принадлежность к господствующей ромейской нации определялась официальной конфессией. В 313–325 гг. государственной религией Римской империи становится христианство. Распад империи на Восточную и Западную, а затем и гибель под ударами варваров «Вечного города» в V в. не прервали историю «ромейского» государства. Восточно-Римская империя (или «Империя ромеев» – новая империя никогда в период своего существования не называлась Византией), мало чем отличалась от прежнего государства, а ее правители продолжали старую «национальную» политику превращения всех народов в «ромеев». Однако после смерти Юстиниана (565), империя утратила огромные территории, в связи с чем, греческий (эллинский) элемент стал преобладающим не только в столице, но и во всей империи. Появляется еще одно условие, указывавшее на принадлежность к господствующей «ромейской» нации – использование греческого языка, который постепенно вытесняет латинский из политической сферы и становится языком власти.

Политике «ромееизации» народов Малой Азии в целом сопутствовал успех. Серьезные проблемы возникли у восточных границ Каппадокии, откуда начиналась Армения. Армения раньше Римской империи приняла христианство как государственную религию (301), придав национальный характер своей церкви уже в первые века ее существования. Это значительно затрудняло ассимиляцию армян ромееями. Поводом для разрыва между официальной Греко-римской и Армянской церквями послужили решения Халкидонского собора. Собор должен был найти свободное от крайностей несторианства и монофизитства определение о «двух природах во Христе», соединенных «неслитно, неизменно, нераздельно и неразлучно». Армянские богословы, не приглашенные на собор, восприняли халкидонские догматы как признание «двух лиц» во Христе, и церковь осудила принятые там решения. Константинопольские правители использовали догматические споры для борьбы с Армянской церковью. И, наоборот, Армянская церковь полу-

чила возможность не допустить романизации своей паствы, однако вошедшие в состав господствующего класса империи представители армянской знати приняли «халкидонскую веру», а затем распространили ее на часть своих подданных. В ряде районов исторической Армении, Каппадокии и Понте появились значительные группы армян-халкидонитов, которые в конфессиональном отношении оказались подчиненными Константинопольскому патриарху. Однако некоторое время халкидониты сохраняли свой язык и обряды¹⁰. Мхитар Апаранци (1410) называл их «кисатхойн» (букв. «половинчатые греки») ¹¹.

Борьба Армянской и Греческой церковью по вопросу о принадлежности паствы заканчивалась, как правило, в пользу официальной церкви. Если в византийский период, константинопольский патриарх имел преимущество благодаря покровительству православных императоров, то в первые века минувшего тысячелетия, приоритеты расставляли турецкие султаны. В XI–XII вв. преодолев Армянское нагорье, азиатские орды турок-сельджуков ворвались в Малую Азию, в центральной части которой они создали Румский (Конийский) султанат (1077-1307). Покорив Каппадокию и Малую Армению, где проживало смешанное армянское (в т.ч. халкидониты) и греческое население, турки, особенно в «османский период» (с XV в.), начинают проводить их тюркизацию. Одни малоазиатские греки и армяне приняли ислам, постепенно усвоили тюркский язык огузов и ассимилировались с ними, другие – остались христианами, хотя и усвоили тюркский язык; наконец, третьи сохранили и христианскую веру, и свой язык. До прихода турок, каждая этническая группа в районах смешанного проживания пользовалась либо родным языком, либо диалектами греческого языка как языка «межнационального» общения. Но греческий язык не мог выполнять такую функцию для завоевателей. Разговорный тюркский язык, подкрепленный силой нового государства, рано или поздно должен был превратиться в язык межнационального общения в смешанной этнической среде. Сохранение родного языка стало возможным только в районах компактного проживания. Часть армянского и греческого населения, принявшего турецкий как язык межнационального общения со временем будет воспринимать его в качестве своего родного языка.

Значительная часть тюркоязычных христиан была исламизирована и слилась с формировавшейся турецкой народностью. Национальность других, должна была определиться принадлежностью к Греческой или Армянской церквям. Османские правители, проводя политику

¹⁰ Еще в 1930-х гг. у части старшего поколения цалкского села Кяржак бытовал диалект армянского языка, а фамилии многих сельчан (Айвазовы, Вардиковы и др.) имеют армянское происхождение. – Цалкский район 1999. С. 132-133.

¹¹ Марр 1905; Бартикян 1987. С. 187.

насильственной исламизации и тюркизации христианского населения, не могло не считаться с неприятием этой политики населением, поднимавшимся на восстания. К тому же принадлежность к исламу арабов, курдов, и других мусульманских народов механически не приводило к их отуречиванию.

Пытаясь взять этнические процессы под государственный контроль, османские правители создали систему миллетов. Мехмед II издал в 1476 г. свод законов («Канун-намэ»), в котором, помимо прочего, установил для немусульманских религиозных общин особый статут. Все православные народы (греки, славяне, валахи и др.) рассматривались отныне как одна община – «румиллети» (т.е. римская, а фактически, греческая). Назначенный над ними константинопольский патриарх пользовался не только церковной, но и судебной властью¹².

Из двух христианских патриархов особым расположением султана пользовался православный патриарх, имевший более многочисленную паству. К тому же, османское правительство пыталось с помощью Греческой церкви распространить свое влияние на Москву. «Приписка» разных православных народов империи к Греческой церкви привязывала их к греческому этническому сообществу. Однако в районах компактного проживания славян, валахов, части албанцев, грузин и др., их православие не привело к изменению этноса, так как у этих народов выявилось стремление получить церковную автономию от Константинополя. Автокефалия позволила сохранить национальное самосознание, язык и, тем самым, не слиться с «греческой общиной». Впрочем, и турки со временем отказались содействовать появлению многочисленного и сплоченного греческого сообщества. Не оправдались и расчеты повлиять с помощью константинопольского патриарха на Москву¹³.

Иная картина наблюдалась в местах «смешанного» проживания греков, армян-халкидонитов и других христиан, их этническая принадлежность решалась в пользу «румов» или «урумов». что вызвало удовлетворение со стороны константинопольского патриарха, получившего «большую паству». На его лояльность турецкое правительство могло рассчитывать в своей «национальной» политике. Но судьба смешанного православного населения была предрешена.

Таким образом, в Османской империи вступает в завершающую стадию процесс оформления полиэтнического понтийского греческого сообщества (в отличие от более или менее моноэтнического населения Эллады). Но в этом сообществе урумы долгое время держались особняком. Их национальное самосознание выражалось фактически только в конфессиональной форме, так как их образ жизни, обряды и ментали-

¹² Очерки истории Турции 1983. С. 49-50.

¹³ Карташов 1993. С. 388.

тет почти ничем не отличался от соседних христиан. Урумы воспринимали себя как особый этнос, имеющий общую судьбу со всеми христианами восточных областей Османской империи – греками и армянами. Но их турецкий язык создавал условия и для ассимиляции господствующей османской нацией. Немало греков приняло ислам, продолжая некоторое время тайно оставаться христианами – т.н. криптохристиане («скрытые христиане»). Очередная русско-турецкая война, завершившаяся Адрианопольским миром (1828), позволила урумам обосноваться в единоверной России, основав на Цалкской возвышенности десятки селений. В «русский период», благодаря особому попечению Русской Православной Церкви, процесс утверждения греческого национального самосознания усилился. Однако сложившиеся к тому времени турецкий язык, традиции и обряды были в целом законсервированы. Рассмотрим некоторые элементы культуры этой этнической группы.

Главный этнический признак урумов – принадлежность к греческому православию. Сложившиеся у них *религиозные обряды* стали определять их образ жизни и менталитет. В связи с этим, урумы, обосновавшиеся в Кавминводском регионе, выявляют большую приверженность религии, чем греки-старожилы. Религиозная обрядность, играющая более важную роль в их жизни, проявляется и в стремлении каждой общины возвести свой храм. В целом, религиозные обряды соответствуют общеправославным, но имеют и особенности. В прошлом, исследователи отмечали, что у урумов храмовые дни (св. Георгия, св. Ильи и др.) почитаются с большей помпезностью, чем Рождество и Пасха. Самый любимый праздник для всех урумов Успение Богородицы (Меримана), отмечаемый 15 (28) августа. Каждый месяц у урумов имеет свое название. В связи с особой популярностью отмеченного выше праздника август получил название «Меримана». Самый «бархатный» месяц – сентябрь, цалкинские урумы назвали «хач-айи» – «месяц креста» (по-армянски «хач» – «крест»). Урумы в один день отмечали и Рождество, и Крещение («Хач-су» или «крест-вода», «су» по-тюркски переводится «вода») – через шесть дней после Нового года. Такой порядок существует в Армянской церкви. В дни главных праздников урумы совершают обряд жертвоприношения (курбан) около церкви. Шею или рога жертвенному животному (бык или баран) обвязывали красной лентой. Священник освящал животное, которое (с участием прихожан) трижды обводили вокруг церкви и закалывали. Животному на ухе делали надрез в виде креста, а выступившей кровью рисовали крест на темени детей. В прежние времена кресты кровью также рисовали на пороге и дверях церкви. В некоторых селах сохраняется традиционная *система питания*. Большое место в пищевом рационе занимают блюда из молочных продуктов: молочный суп (айран аш), твердая простокваша (мацуни), особо твердый и сухой сыр (пей-

нир). Из мясных блюд, которые раньше готовились на праздничные и торжественные дни, можно назвать следующие: голубцы из виноградных или капустных листьев (долма); суп из вареных говяжьих ножек и бараньего желудка (хаш) к которому подавались приправы из протертого чеснока и душистого перца; хашлама, шашлык и др. Употребление свинины считалось нежелательным, особенно на поминках. Плов являлся обязательным поминальным блюдом. Значительное место в рационе питания урумов занимают блюда из дикорастущих трав, фасоли (лоби) и зерна. Алкогольные напитки: вино, изготовлялось из винограда (чахар), водка (арах) из выжимок винограда (чача арах), шелковицы и др. На праздники выпекали пироги: кята (гата) и голот – ритуальный слоеный пирог из теста, начинкой которому служит мука, обжаренная в сливочном масле (внутри этого пирога кладут монету, приносящую удачу). На Цалке у многих во дворе имелись печи (тандыр). В отличие от понтийцев, среди урумов распространена профессия строителя¹⁴.

Таким образом, традиционные занятия, система питания, жилище, одежда, свадебные, похоронные и другие обряды урумов обнаруживают значительное сходство с армянскими.

Национальный дух особо проявляется в *музыке и танцах*. Урумы используют такие музыкальные инструменты как дудук (арм.), зурна, барабан (даул) и каманча (струнный инструмент). Исполняются как одиночные, так и круговые танцы. Наиболее популярным из круговых танцев является «кочари». Этот танец, имеющий армянское происхождение, распространен и среди других понтийцев. Один из танцев, которые исполняют урумы, называется «бар», что буквально с армянского переводится «танец». Почти все понтийские круговые танцы осуществляются шагами влево и общим продвижением по часовой стрелке. Но урумы, как и армяне, продвигаются вправо, при этом нередко шаги ставятся накрест, что, по мнению краснодарского исследователя И.В. Гололобова, является особенностью армянского танца¹⁵.

Каковы возможные варианты протекания этнического процесса урумов Северного Кавказа? Наблюдается ярко выраженная тенденция к сближению всех греческих субэтнических групп, в чем заинтересованы Греция, культурно-национальные автономии и особенно молодое поколение урумов. Если старшее поколение все еще проявляет завидную приверженность к обрядам и тюркскому языку, то молодежь проходит «очищение» от турецкого языка и отказывается от многих обрядов, которые не соответствуют общепонтийским. В связи с тем, что урумы Северного Кавказа стали прихожанами Русской Православной Церкви, утрачивается самый популярный у них обряд – жертвоприно-

¹⁴ Колесов 1997. С. 103-105; Попов, Тортопиди 1997. С. 96-97, 170-171.

¹⁵ Гололобов 1997. С. 116-123.

шение (курбан). В настоящее время самоназвания «ромеюс» и «урум» постепенно заменяются словом – «пontiос», или «понтиец» (так принято называть кавказских греков в Греции). В связи с этим, греки Кавказа впервые переходят на новое для них самоназвание – «эллины» (или как вариант – «эллино-понтийцы»)¹⁶. Хотя греческие общественные объединения достигли серьезных успехов в организации изучения литературного греческого языка среди общей массы понтийского населения, у урумов путь к греческому языку пролегает через русский язык, который способствует избавлению от турецкого. Сложности, которые возникли у многих урумов при натурализации в Греции, вынуждают их в долговременной перспективе закрепиться в северокавказском регионе России. Может иметь место и другой вариант протекания этнического процесса. В связи с тем, что урумы имеют выраженную тенденцию к образованию компактных поселений, в частности в селах Предгорного района (например, Санамер), и в связи с тем, что их удельный вес среди греческого населения указанного региона имеет тенденцию к дальнейшему увеличению (исход из Грузии продолжается), возможна консервация особого урумского самосознания. При этом русский язык и традиции для них будут заменять не турецкий, а грузинский, степень владения которого была достаточно высокой, несмотря на малочисленное грузинское население Цалки и сопредельных районов.

В данной статье предложена гипотеза о том, что субэтническая группа греков-урумов образовалась в результате смешения различных христианских этносов Малой Азии и областей Западной Армении, когда под воздействием Греческой церкви, несмотря на тюркоязычие, сформировалось общегреческое национальное самосознание. Проблема этногенеза урумов требует дальнейшего исследования с привлечением широкого круга исторических и этнографических источников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аклаев А.Р. Этноязыковая ситуация и особенности этнического самосознания грузинских греков (по материалам исследования в Цалкинском районе) // СЭ. 1988. № 5.
- Акопян В.З. Греки Северного Кавказа // Энциклопедия культур народов Юга России. Т. 1. Ростов н/Д, 2005.
- Акопян В.З. Греки // Народы Юга России. Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Озерова. Ростов н/Д: ООО «Фонд науки и образования», 2016. С. 187-194.
- Акритас П.Г. Греки Кавказа // Народы Кавказа. М., 1962. Т. 2.
- Арутюнова-Фиданян В.А. Армяне-халкидониты на восточных границах Византийской империи (XI). Ереван. 1980.
- Бартикян Р.М. О византийской аристократической семье Гаврас // Историко-филологический журнал. № 3-4. 1987.
- Волкова Н.Г. У греков Грузии // ПИИЭ. 1974. М., 1975.
- Всероссийская перепись населения 2010 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Гасратян М.А., Орешкова С.Ф., Петросян Ю.А. Очерки истории Турции. М., 1983. 296 с.

¹⁶ Акопян 2005; 2016. С. 187-194.

- Гозашвили Г. Два этюда из истории Понта и Каппадокии. Тбилиси, 1967. 111 с.
- Гололобов И.В. Понтийский танец // Понтийские греки. «Studia Pontocaucaasica». С. 116-123.
- Дьяконов И.М. Место фригийского среди индоевропейских языков // Древний Восток. Ереван, 1976. Т. 2.
- Иванова Ю.В. Греки // Народы России. Энциклопедия. М., 1994. С. 6-24.
- Карташов А.В. Очерки по истории русской церкви. Т. 1. М., 1993.
- Колесов В.И. Материалы по истории и этнографии греков-урумов // Понтийские греки. «Studia Pontocaucaasica». Краснодар, 1997. С. 90-105.
- Корелов И.А. Иноязычные греки (урумы) на территории Грузии // Известия АН ГССР. Серия истории, архитектуры, этнографии и истории искусства. № 2. Тбилиси, 1990.
- Марр Н.Я. Аркауи, монгольское название христиан. В связи с вопросом об армянах-халкедонитах // Византийский временник. Т. XII. 1905.
- Михайлов М.А. Культура и быт греков Грузии (историко-этнографическое исследование). Дис. канд. ист. наук. Тбилиси, 1982. 211 с
- Национальный состав населения Грузии по данным переписи населения 2014 года. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Нерознак В.П. К изучению фригийского языка: проблемы и результаты // Древний Восток. Ереван, 1976. Т. 2.
- Попадиус А.Г. География поселения, экономическое положение, быт, нравы и причины переселения греков Шерии в Россию в 60-е годы XIX в.» // Вопросы истории понтийских греков в России. Сборник научных статей. Выпуск I. Пятигорск, 1994.
- Попов А.П., Тортопиди И.А. Греки Северского района Краснодарского края (этнографические заметки) // Понтийские греки. «Studia Pontocaucaasica». С. 155-173.
- Харацидис Э.К. Хозяйственный быт и материальная культура греческого населения Восточной Армении во второй половине XIX – начале XX века (Историко-этнографическое исследование): Автореф. дис. канд. ист. наук. Ереван, 1990.
- Хаханов А.С. Цалкинские греки и их современное положение // Этнографическое обозрение. 1907. № 3.
- Цалкский район // Энциклопедия греков СНГ. Ставрополь, 1999. С. 241.
- Этнический состав Грузии по переписи 2002 года. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/92/Georgia_Census_2002_-_Ethnic_group_by_major_administrative-territorial_units.pdf
- Юзбашян К.Н. Армянские государства эпохи Багратидов и Византия IX-XI вв. М.: Наука, 1988. 304 с.

REFERENCES

- Aklaev A.R. Etnoyazykovaya situaciya i osobennosti etnicheskogo samosoznaniya gruzin-skih grekov (po materialam issledovaniya v Calkinskom rajone) // SE. 1988. № 5.
- Akopyan V.Z. Greki Severnogo Kavkaza // Enciklopediya kul'tur narodov Yuga Rossii. T. 1. Rostov n/D, 2005.
- Akopyan V.Z. Greki // Narody Yuga Rossii. Enciklopedicheskij slovar' / Pod red. A.A. Ozerova. Rostov n/D: OOO «Fond nauki i obrazovaniya», 2016. S. 187-194.
- Akritas P.G. Greki Kavkaza // Narody Kavkaza. M., 1962. T. 2.
- Arutyunova-Fidanyan V.A. Armyane-halkidony na vostochnyh granicah Vizantij-skoj imperii (XI). Erevan. 1980.
- Bartikyan R.M. O vizantijskoj aristokratičeskoj sem'e Gavras // Istoriko-filologičeskij zhurnal. № 3-4. 1987.
- Volkova N.G. U grekov Gruzii // ПИЕ. 1974. М., 1975.
- Vserossijskaya perepis' naseleniya 2010 g. T. 4. Nacional'nyj sostav i vladenie yazykami. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm
- Gasratyan M.A., Oreshkova S.F., Petrosyan Yu.A. Očerki istorii Turcii. M., 1983. 296 s.
- Gozashvili G. Dva etyuda iz istorii Ponta i Kappadokii. Tbilisi, 1967. 111 s.
- Gololobov I.V. PONTIJSKIJ TANEC // PONTIJSKIE GREKI. «Studia Pontocaucaasica». S. 116-123.
- D'yaconov I.M. Mesto frigijskogo sredi indoevropejskih jazykov // Drevnij Vo-stok. Erevan, 1976. T. 2.
- Ivanova Yu.V. Greki // Narody Rossii. Enciklopediya. M., 1994. S. 6-24.
- Kartashov A.V. Očerki po istorii russkoj cerkvi. T. 1. M., 1993.

- Kolesov V.I. Materialy po istorii i etnografii grekov-urumov // Pontijskie greki. «StudiaPontocaucaasica». Krasnodar, 1997. S. 90-105.
- Korelov I.A. Inoyazychnye greki (urumy) na territorii Gruzii // Izvestiya AN GSSR. Seriya istorii, arhitektury, etnografii i istorii iskusstva. № 2. Tbilisi, 1990.
- Marr N.Ya. Arkaun, mongol'skoe nazvanie hristian. V svyazi s voprosom ob armyanah-halkedonitah // Vizantijskij vremennik. T. XII. 1905.
- Mihajlov M.A. Kul'tura i byt grekov Gruzii (istoriko-etnograficheskoe issledovanie). Dis. kand. ist. nauk. Tbilisi, 1982. 211 s
- Nacional'nyj sostav naseleniya Gruzii po dannym perepisi naseleniya 2014 goda.URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>
- Neroznak V.P. K izucheniyu frigijskogo yazyka: problemy i rezul'taty // Drevnij Vostok. Erevan, 1976. T. 2.
- Popadius A.G. Geografiya poseleniya, ekonomicheskoe polozhenie, byt, nrvy i pri-chiny pereseleniya grekov Sherii v Rossiyu v 60-e gody XIX v.» // Voprosy isto-rii pontijskih grekov v Rossii. Sbornik nauchnyh statej. Vypusk I. Pyatigorsk, 1994.
- Popov A.P., Tortopidi I.A. Greki Severskogo rajona Krasnodarskogo kraja (etno-graficheskie zametki) // Pontijskie greki. «Studia Pontocaucaasica». S. 155-173.
- Haracidis E.K. Hozyajstvennyj byt i material'naya kul'tura grecheskogo naseleniya Vostochnoj Armenii vo vtoroj polovine XIX – nachale HH veka (Istoriko-etnograficheskoe issledovanie): Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Erevan, 1990.
- Hahanov A.S. Calkinskije greki i ih sovremennoe polozhenie // Etnograficheskoe obozrenie. 1907. № 3.
- Calkskij rajon // Enciklopediya grekov SNG. Stavropol', 1999. S. 241.
- Etnicheskij sostav Gruzii po perepisi 2002 goda. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/9/92/Georgia_Census_2002_-_Ethnic_group_by_major_administrative-territorial_units.pdf
- Yuzbashyan K.N. Armyanskiye gosudarstva epohi Bagratidov i Vizantiya IX-XI vv. M.: Nauka, 1988. 304 s.

Акопян Виктор Завенович, кандидат исторических наук, доцент кафедры исторических и социально-философских дисциплин, Пятигорский государственный университет; zaven2005@yandex.ru

Ермаков Виктор Павлович, кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторических и социально-философских дисциплин, Пятигорский государственный университет»; ermakov@pgu.ru

The role of the Orthodox Church in the ethno-genesis of sub-ethnic groups of the Greeks-Urums

The article discusses the release of the formation of sub-ethnic groups of Greeks-the Urums had lived in Tsalka and other regions of Georgia. The authors substantiate the crucial role of the Greek Church in the process of introducing them to public Greek ethnic community of different Christian ethnic groups of the Ottoman Empire. After the collapse of the USSR the majority of Tsalka Greeks moved to the North Caucasus. A few decades ago, most Urums considered as the native language of the Anatolian dialect of Turkish language. The authors note that currently Urums Russia the way to the Greek language runs through the Russian language, which helps to get rid of Turkish.

Keywords: North Caucasus, Tsalka district, the Orthodox Church, the Pontic Greeks, the Urums, the ethnogenesis

Victor Akopyan, PhD (History), Associate Professor, Pyatigorsk State University; zaven2005@yandex.ru

Victor Ermakov, Professor, Head of the Department, Pyatigorsk State University; ermakov@pgu.ru

С. Г. КАТАЕВА, Д. В. КАТАЕВ

ИСТОРИЯ НЕМЕЦКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ЯЗЫКА КАК РЕФЛЕКСИЯ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ГЕРМАНИИ (1945–1988)

Статья знакомит с новым разделом прикладной лингвистики – историей политического языка (история политолингвистики), интенсивно разрабатываемой в Германии. Изменение социальных и политических смыслов, стратегий манипулирования общественным и историческим сознанием в полной мере раскрывается благодаря выявлению семасиологически и ономасиологически ориентированной типизации идеологически значимых языковых различий.

Ключевые слова: политолингвистика, идеология, общественное сознание, историческое сознание

Начало интенсивным исследованиям политического языка было положено в середине XX в. в Германии, причем «в отличие от большинства других направлений языкознания, в которых новые научные тенденции исходили от англосаксов, в особенности от американцев, лингвистическое исследование политической коммуникации, недавно названной А. Буркхардтом “политолингвистикой”¹, начиная с 1950-х гг. интенсивно разрабатывается в первую очередь в немецкоязычных странах»². Пристальный интерес немцев к данной тематике объясняется существованием «особой повышенной чувствительности» немецкой общественности к проблемам политического употребления языка, обусловленной особенностями исторического развития Германии: ролью немецкого языка в «создании национальной идентичности немцев», объединенных в единое государство только в конце XIX века и фактом применения немецкого языка на службе двух тоталитарных режимов XX в.: «Кто пытается использовать немецкий язык для передачи политического содержания, тот находится между Сциллой и Харибдой [...]: справа он попадает к Сцилле – языку Третьего Рейха, слева к Харибде – к немецкому языку [...] коммунистического режима ГДР»³.

Актуальность данных исследований резко возрастает с 1945 г., так как основные изменения в немецком языке происходят в сфере политической коммуникации. Научное исследование языка политики, по мнению немецких лингвистов⁴, начинается с исследований «языка национал-социализма» („NS-Sprache“), интерес к которому особенно ярко проявился в первые годы после окончания Второй мировой войны и,

¹ Burkhardt 1996. S. 82.

² Klein 1998. S. 186.

³ Good 1990. S. 50.

⁴ Dieckmann 1975, Burkhardt 1996, Klein 1998.

начиная с 1950-х гг., с исследований «языка в разделенной Германии» („Sprache im geteilten Deutschland“). Именно эти две темы явились, по определению А. Буркхардта «историческим исходным пунктом для возникновения германской лингвистики политического языка»⁵ и определили исследовательскую область политического языка в Германии во второй половине XX в. К другим направлениям, наряду с названными «основными специальными предметами исследования»⁶, которые вызвали интерес к немецкому политическому языку, относят «язык пропаганды», который также «исследуется преимущественно на примере языка Третьего Рейха и политического языка ГДР»⁷.

К «языку национал-социализма» и «языковым дивергенциям в политическом словаре двух немецких государств» проявляется неослабевающий лингвистический интерес. В начале 1990-х гг. к ним добавляется еще одна область современного исследования политического языка, обусловленная актуальными событиями новейшей истории Германии: «Язык “поворота”» («Sprache der Wende»), «Язык в объединенной Германии» («Sprache im vereinigten Deutschland»). Исходя из того, что основные языковые изменения в Германии, начиная с 1945 г., «часа ноль» («Stunde Null»), происходят в сфере политической коммуникации⁸, описание новых тенденций в развитии современного немецкого языка в 1945–2005 гг. большей частью совпадает с тенденциями развития немецкого политического языка и обязательно включает в себя общественно-политическое развитие Германии данного периода.

Выделим следующие этапы новейшей истории политического языка Германии: 1) политический язык национал-социализма и «денацификации»; 2) политический язык «разделенной Германии»; 3) политический язык «поворота» или язык «великого перехода»⁹; 4) «языковое объединение», феномен «остальгии». Интересующий нас период охватывает первые два этапа. Мы рассмотрим социально-политическую рефлексию в историческом сознании, используя известный междисциплинарный подход к анализу языковых явлений в сфере политической коммуникации, основополагающим принципом которого является анализ «истории языка как истории современного общества» („Sprachgeschichte als Zeitgeschichte”)¹⁰.

⁵ Burkhardt 1996. S. 76.

⁶ Dieckmann 1975. S. 133.

⁷ Ibid. S. 24.

⁸ Eroms 1989. S. 10.

⁹ Мы считаем термин «великий переход» выдающегося польского социолога П. Штомпки [Sztompka 1992] наиболее удачным, так как политолингвистические концепты «язык поворота» и «язык объединенной Германии» отражают не всю глубину исторических трансформационных процессов.

¹⁰ См. Wengeler 1998.

Главный тезис нашего исследования: история политического языка в Германии – это один из способов выявления эвристических смыслов новейшей истории Германии¹¹, отражающий основные вехи и ключевые периоды в историческом сознании.

Политический язык национал-социализма и «денацификации»

Общественно-политические дискуссии о «преодолении прошлого» („Vergangenheitsbewältigung“) и политический спор о будущем бывшего Третьего Рейха определили языковые исследования раннего послевоенного периода и надолго и прочно вошли в тематику исследований политического языка и перманентно актуализируются в наши дни¹². Языковому преодолению фашизма служит также широко развернувшаяся общественная дискуссия о «(коллективной) вине» немцев („Kollektiv-Schulddiskussion“) в ходе начавшегося в западных оккупационных зонах «демократического перевоспитания» („reeducation“). Она вносит вклад в критическое осмысление языка национал-социализма, основными темами которого являются: «соблазнение немецкого народа через язык» („Verführen des deutschen Volkes durch die Sprache“), «оккупация языка национал-социалистами» („Okkupation der Sprache durch die Nationalsozialisten“), «нацистский немецкий» („Nazi-Deutsch“), «коричневый немецкий» („Braun-Deutsch“) и др. В этой связи актуальными становятся требования «денацификации языка» („Entnazifizierung der Sprache“) и «демилитаризации понятий» („Entmilitarisierung der Begriffe“). Эти дискуссии, предметом которых было (зло)употребление немецкого языка в прошлом, находят свое продолжение в острых дебатах сегодняшних дней, хотя еще в 1974 г. Г. Фойгт объявил в своей статье о «конце исследований языка национал-социализма»¹³.

Исследование языка национал-социализма в период «холодной войны» было чрезмерно политизированным: «В первые годы существования ФРГ, когда немцы были втянуты в противостояние, вызванное холодной войной, исследования национал-социалистического употребления языка были по большей части направлены на то, чтобы доказать схожесть между Третьим Рейхом и ГДР, под общим знаком тоталитаризма»¹⁴. Простое уравнивание по схеме *коричневый=красный* значительно сокращало возможности полноценной рефлексии.

Языковая ситуация в начале послевоенного времени характеризуется употреблением нацистских слов для диффамации политических противников, дискуссии об упомянутых параллелях между фашизмом и коммунизмом принимают особенно острый характер: «Не устая,

¹¹ Мы согласны с Г. Штётцелем относительно начала новейшей истории исследования политического языка в Германии с 1945 г. Stötzel 1995. S. 4-9; S. 19.

¹² Stötzel 1995. S. 19; S. 14.

¹³ См.: Voigt 1974.

¹⁴ Sauer 1995. S. 9.

бичевали друг друга обе стороны, инкриминируя друг другу использование слов и выражений из нацистского прошлого»¹⁵. Непризнание немецкого языка в другой части Германии мотивировалось в основном нежеланием признавать политическую систему другого немецкого государства. В работах ряда западногерманских исследователей языка, уже название содержит однозначный пропагандистский компонент: «Советский немецкий – язык как жертва и инструмент советизации», «Немецкий язык в восточной смирительной рубашке», «Языковое вырождение в советской зоне»¹⁶. При этом само слово «вырождение» (*Entartung*) взято как раз из вокабуляра национал-социализма¹⁷. Оно, как отмечено в словаре Г. Пауля, относилось к ключевым понятиям пропаганды национал-социализма, было направлено против современного искусства, и в наши дни подлежит языковому табу¹⁸. Обоюдные упреки и обвинения лингвистов Восточной и Западной Германии в том, что они унаследовали нацистский язык и являются «прямыми наследниками Гитлера, Гимmlера и Геббельса», свидетельствуют о том, что в 1950-е гг. доминировало не критически-языковое, а «политико-пропагандистское направление в исследовании языка»¹⁹.

Видмер в своей книге «1945 или “новый язык”. Исследование прозы “молодого поколения”» подробно описывает изобличающие нацистов слова и их последующее воздействие на современный немецкий язык после 1945 г. Он приходит к выводу, что «запачканные» („belastete“) нацистами слова продолжают как «медленно действующий яд» („schleichendes Gift“) неосознанно и без критического осмысления употребляться и передаваться дальше²⁰. Характеризуя политическую риторику национал-социалистов, он выделяет в речах Гитлера, Геббельса и др. четкие тенденции к «идиоматическому закреплению» („idiomatische Verfestigung“) и «лексическому окостенению» („lexikalische Erstarrung“), «преувеличенной (напряженной) гиперболике» („angestrengte Hyperbolik“), использованию номинального стиля, ритуальных форм и «синтаксических нагромождений в виде цепочки атрибутов в родительном падеже» („zu syntaktischen Ungetümen geballter Ketten von Genitivattributen“)²¹. Й. Кляйн видит во всех этих языковых явлениях «склеротические тенденции» господствующего языка фашистской диктатуры,

¹⁵ Sauer 1995. S. 18.

¹⁶ См. „Sowjetdeutsch – die Sprache als Opfer und Werkzeug der Sowjetisierung“ [Koepp 1955]; „Die Sprachentartung in der Sowjetzone“ [Boreč 1952]; „Deutsche Sprache in östlicher Zwangsjacke“ [Köhler 1953] и др.

¹⁷ Berning 1964. S. 66.

¹⁸ Paul 1992. S. 221-222.

¹⁹ См. Sauer 1995. S. 18; Bauer 1988. S. 49.

²⁰ См.: Widmer 1966. S. 67.

²¹ Volmert 1989, 142-143.

обусловленные монопольным господством языка национал-социализма, его ролью инструмента социального контроля. «Склеротизация» словаря, его шаблонность способствовали формализации и моностилистическим тенденциям во всех типах текстов²².

Политическое употребление языка в тоталитарной системе страдает языковым обнищанием, что связано с тенденцией экстремального упрощения немецкого языка для соответствия целям системы. Нацистский жаргон имел относительно небольшой словарь, который изобиловал военными, религиозными, техническими и биологическими понятиями. Языковой манипуляции служили национал-социализм, «германизация» (*Deutschtümelei*), гигантомания, тавтология, суперлативизация (чрезмерное использование превосходной степени качества), маскировка, эвфемизация, табуизация, патологическая метафорика, изменение и «захват понятий». Тоталитарная целеустановка употребления языка просматривается по доминирующим стилистическим элементам, например, «высокопарным и высокомерным словам и выражениям, демонстрирующим физическую силу и тотальное превосходство», которые должны рождать «агрессивное чувство общего сознания» («*aggressives Wir-Bewusstsein*»), «осознание себя частью сплоченного коллектива». Этому способствовал и т.н. *kollektiver Singular*, который как средство «симплификации» (тотального упрощения), был также нацелен на выработку чувства общей сопричастности «немец», «германец», «еврей» (*der Deutsche, der Germane, der Jude*)²³. Нацистские тексты были пронизаны простыми словами, настраивающими на героические поступки: *каждый, все, вечный, решительный, грандиозный, величественный, колоссальный, могущественный, героический, несравненный, гордый, беспощадный, тотальный* (*jeder, alle, ewig, entschlossen, großartig, kolossal, mächtig, heroisch, unvergleichlich, stolz, rücksichtslos, total*) и др.²⁴ Политический язык представлял собой нацистский жаргон, который наводнил немецкий язык массой позитивно или негативно оценивающих понятий и вытеснил нейтральные понятия; он радикализировал черно-белый схематизм и уничтожил возможность какой-либо дифференциации; он генерализировал и нивелировал правила употребления слов и выражений таким образом, что они стали чуждыми для индивидуального языкового восприятия; он способствовал включению языковых форм, которые уравнивали все языковые различия исторического, социального, регионального происхождения посредством настроенного на героику партийного языка, одетого в униформу²⁵. Дис-

²² См. Klein 1998. S. 191.

²³ См. Bergsdorf 1996, 25-26, 29-34.

²⁴ von Polenz 1978, 168.

²⁵ Bergsdorf 1996. S. 31.

курс о фашизме, отмечает К. Элих, проходит в ФРГ сложно: немецкий феномен «преодоление прошлого» означает на языковом уровне критическое осмысление языка времен национал-социализма и постоянную (от часа «ноль» до наших дней) языковую критику его рецидивов, поскольку «трансформации национал-социалистических идеологических амальгам в современном обществе идут полным ходом»²⁶.

Политический язык «разделенной Германии»

Параллельные исследования русского языка в советском обществе и немецкого языка в ГДР выявили ряд закономерностей функционирования языка в условиях тоталитарного общества: язык ввергался в «крепостное состояние», превращался в идеологическую собственность», что вело к «функциональному оскудению официальной речи»²⁷. Основной причиной такого «оскудения официальной речи» являлось «идеологическое насилие над языком», породившее в советском обществе *новояз*²⁸; а в ГДР официальный партийный язык получил названия *Funktionärdeutsch* (немецкий язык партийных функционеров), *Parteijargon* (партийный жаргон), *DDRsch* (ГДРский).

Несмотря на определенные различия в современной истории Восточной Германии и России, можно проследить и общие тенденции развития языков в этот период. Исходя из семасиологически и ономазиологически ориентированной типизации идеологически значимых языковых различий, можно проследить конкретные языковые изменения целых групп идеологически релевантной лексики в сопоставляемых языках. К этому виду языковых изменений относятся группы слов, идеологическая релевантность которых проявляется в форме лексической, семантической и сопровождающей их оценочной специфики. Идеологически релевантная лексическая специфика выражается в соотношенности лексических единиц с определенной идеологией и политической системой. Это «слова-цитаты», „ГДРизмы: *Staatsrat, Volkskammer, Politbüro des ZK der SED, FDJ, Friedenswacht, Subbotnik* (Государственный совет, Народная палата, политбюро ЦК СЕПГ, ССНМ, вахта мира, субботник) и «советизмы»: (*Верховный Совет, ЦК КПСС, политбюро, комсомол, вахта мира, субботник*). Отмечается явная параллельность номинаций данной группы в обоих языках. Сюда же относятся номинации, служащие саморекламе и пропаганде своих идей: *моральный кодекс строителя коммунизма, всесторонне развитая личность, самая читающая нация / gebildete Nation* (образованная нация), *sozialistisches Friedenslager* (социалистический лагерь мира), *MMM (Messe Meister von Morgen – Ярмарка мастеров будущего дня)*. Эти

²⁶ Ehlich 1989. S. 30.

²⁷ Караулов 1991. С. 42-44.

²⁸ См. Земская 1996. С. 25; Сарнов 2002.

слова исчезают вместе с обозначаемыми ими денотатами в постсоциалистический период в процессе деактуализации политических реалий социализма, а вместе с ним архаизации специфических системных номинаций, отражающих советские реалии и реалии ГДР.

Идеологически релевантная смысловая специфика выражается в идеологически обусловленной разнице значений политических понятий, существующих в разных идеологически противопоставленных политических системах – социалистической/капиталистической. Данное явление носит название *идеологической полисемии* („ideologische Polysemie“)²⁹ и касается в первую очередь ключевых политических понятий, таких как *Freiheit, Sozialismus, Demokratie/свобода, социализм, демократия*, имеющих при одинаковом обозначении разную трактовку и употребление. Идеологически обусловленная многозначность данных понятий, всегда бывших предметом острых дискуссий политологов, философов, лингвистов, выражается в полярном толковании значений, в «монополизации дефиниций»³⁰ каждой стороной, что в политолингвистике нашло название *захвата понятий* („Besetzen der Begriffe“)³¹.

В ходе «семантической деидеологизации понятий» происходит моносемантизация этих идеологически многозначных политических терминов за счет освобождения их значений от «идеологических смысловых приращений», «деидеологизации» семантики слов³².

Как изменяются существовавшие концептуальные идеологически обусловленные толкования основных понятий в связи с изменением политических целей можно продемонстрировать на понятии *демократии/Demokratie* в немецком и русском языках. Это сравнение показало как общие тенденции семантических изменений в понятийной системе, так и их некоторые различия. Анализ русских и немецких словарей до и после перестройки/объединения показал произошедшие с данным политическим термином понятийные метаморфозы. В словарях советского периода и словарях ГДР наряду с общей дефиницией «демократии» как «государственной формы народовластия» имеется ее обязательное определение с классовых позиций: «*социалистическая демократия* (высший тип демократии, подлинное народовластие); *буржуазная демократия* (государственный строй, при котором формальное равенство политических прав и свобод всех граждан прикрывает собой господство буржуазии над трудящимися)»³³. В словаре ГДР R. Klappenbach/W. Steinitz также прослеживаются классовые характеристики при толковании понятия „Demokratie“: „die sozialistische Demokratie“ (*Staats-*

²⁹ Dieckmann 1975. S. 70-71.

³⁰ Hellmann 1980. S. 524.

³¹ Klein 1991. S. 44-69.

³² Ермакова 1996. С. 36.

³³ Мокиенко 2003. С. 137.

form, in der die Arbeiterklasse im Bündnis mit den werktätigen Bauern auf Grund der Diktatur des Proletariats die Herrschaft ausübt); „die bürgerliche Demokratie“ (*Staatsform, in der die Bourgeoisie auf Grund ihres Privatbesitzes an den Produktionsmitteln die Herrschaft ausübt*)³⁴.

Новые идеологии несут с собой новый язык, а вместе с ним и новые языковые проблемы, в т.ч. проблемы языковой манипуляции: «Просматривая ненужные слова 20-го столетия, сразу замечаешь, что после прощания с бывшими в свое время сильнейшими идеологиями столетия не уменьшается число попыток снова навязать людям определенный тип мышления»³⁵. Исследовать эти явления в различных политических культурах, вскрывать механизмы их действия, адекватно интерпретировать их политическую, культурную и языковую сущность, и тем самым противостоять в эпоху всеобщей глобализации изоцированной манипуляции сознанием людей (в т.ч. через языковую манипуляцию), является центральной задачей истории политического языка.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ермакова О.П. Семантические процессы в лексике // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 32-66. [Ermakova O.P. Semanticheskie processy v leksike // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. S. 32-66]
- Земская Е.А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985-1995). М.: Языки русской культуры, 1996. С. 9-31. [Zemskaja E.A. Vvedenie // Russkij jazyk konca XX stoletija (1985-1995). M.: Jazyki russkoj kul'tury, 1996. S. 9-31]
- Караулов Ю.Н. О состоянии русского языка современности. Доклад на конференции «Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики». М.: Просвещение, 1991. [Karaulov Ju.N. O sostojanii russkogo jazyka sovremennosti. Doklad na konferencii «Russkij jazyk i sovremennost'. Problemy i perspektivy razvitija rusistiki». M.: Prosveshhenie, 1991]
- Мокиенко В.М., Никитина Т.Г. Словарь русской брани. Матизмы, обценизмы, эвфемизмы. СПб.: Норинт, 2003. [Mokienko V.M., Nikitina T.G. Slovar' russkoj brani. Matizmy, obscenizmy, jevfemizmy. SPb.: Norint, 2003]
- Сарнов Б. Наш советский новояз. М.: Материк, 2002. [Sarnov B. Nash sovetskij novojaz. M.: Materik, 2002]
- Bauer G. Sprache und Sprachlosigkeit im «Dritten Reich». 2. überarb. Auflage. Köln: Bnd-Verlag, 1988.
- Borée K. F. Die Sprachentartung in der Sowjetzone. In: SBZ-Archiv. Jg. 3, H. 2. 1952.
- Bergsdorf W. Wiedervereinigung der Sprache. Einige Bemerkungen zum politischen Sprachgebrauch in Deutschland // Böke K., Jung M., Wengeler, M. (Hrsg.). Öffentlicher Sprachgebrauch. Praktische, theoretische und historische Perspektiven. Opladen: Westdeutscher Verlag, 1996. S. 24-37.
- Berning C. Vom «Abstammungsnachweis» zum «Zuchtwart». Vokabular des Nationalsozialismus. Berlin: Walter de Gruyter, 1964.
- Burkhardt A. Politolinguistik. Versuch einer Ortsbestimmung // Klein J., Diekmannshenke H. (Hrsg.). Sprachstrategien und Dialogblockaden. Linguistische und politikwissenschaftliche Studien zur politischen Kommunikation. Berlin; New York, 1996. S. 75-100.
- Dieckmann W. Sprache in der Politik. Einführung in die Pragmatik und Semantik der politischen Sprache. Mit einem Literaturbericht zur 2. Auflage. Heidelberg, 1975.

³⁴ Klappenbach 1978. S. 783.

³⁵ Schlosser 2000. S. 10.

- Ehlich K. Über den Faschismus Sprechen – Analyse und Diskurs // Ehlich K. (Hrsg.). Sprache im Faschismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. S. 7-34.
- Eroms H.W. Von der Stunde Null bis nach der Wende: Zur Entwicklung der politischen Sprache in der Bundesrepublik Deutschland // Forum für interdisziplinäre Forschung 2, 1989. S. 9-18.
- Good C. Szylla and Charybdis // SuL 21. Jg., H. 65, 1990. S. 49-60.
- Hellmann M. Deutsche Sprache in der BRD und der DDR // Althaus H.P., Henne H., Wiegand H.E. (Hrsg.) Lexikon der Germanistischen Linguistik. 2. Auflage. Tübingen. 1980. S. 519-527.
- Klappenbach R., Steinitz W. Wörterbuch der deutschen Gegenwartssprache. Berlin, 1978.
- Klein J. Kann man „Begriffe besetzen“? Zur linguistischen Differenzierung einer plakativen Metapher//Liedtke,F./Wengeler, M./Böke, K. (Hrsg.). Begriffe besetzen. Strategien des Sprachgebrauches in der Politik. Opladen, 1991. S. 44-69.
- Klein J. Politische Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Jarren O., Sarcinelli U., Saxer U. (Hrsg.). Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch mit Lexikonteil. Opladen/Wiesbaden, 1998. S. 186-210.
- Koepp F. «Sowjetdeutsch». Die Sprache als Opfer und Werkzeug der Sowjetisierung // Akademische Blätter. Jg. 57, 1955. S. 41-46.
- Köhler A. Deutsche Sprache in östlicher Zwangsjacke. Vortrag im deutschen Sprachverein Berlin am 4. Dezember 1953. Berlin: Sprachverlag Leben im Wort, 1954.
- Polenz P. von Geschichte der deutschen Sprache. 9. Aufl. Berlin; N.Y.: Walter de Gruyter, 1978.
- Sauer Ch. Sprachwissenschaft und NS-Faschismus. Lehren aus der sprachwissenschaftlichen Erforschung des Sprachgebrauchs deutscher Nationalsozialisten und Propagandisten für den mittel- und osteuropäischen Umbruch? // Steinke, K. (Hrsg.). Die Sprache der Diktaturen und Diktatoren. Heidelberg: Universitätsverlag C. Winter, 1995. S. 9-75.
- Schlösser H.D. Lexikon der Unwörter. Gütersloh: Bertelsmann Lexikon Verlag, 2000.
- Sztompka P. Dilemmas of the Great Transition // The Johns Hopkins University Bologna Center. 1992. No.74. 1992. P. 9-28.
- Stötzel G., Wengeler M. Kontroverse Begriffe. Geschichte des öffentlichen Sprachgebrauchs in der Bundesrepublik Deutschland. Berlin; New York: Walter de Gruyter, 1995.
- Voigt G. Bericht vom Ende der «Sprache des Nationalsozialismus» // Diskussion Deutsch 19, 1974. S. 445-464.
- Volmert J. Politische Rhetorik des Nationalsozialismus // Ehlich K. (Hrsg.). Sprache im Faschismus. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. S. 137-161.
- Wengeler M. Sprachgeschichte als Zeitgeschichte // Praxis Deutsch, 25. Jg., H. 151, 1998. S. 4-7.
- Widmer U. 1945 oder die «Neue Sprache». Studien zur Prosa der «Jungen Generation» // Wirkendes Wort. Schriftenreihe Bd.2. Düsseldorf: Pädagogischer Verlag Schwann, 1966.

***Катаева Стalina Гавриловна**, доктор филологических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; katajewa@rambler.ru*

***Катаев Дмитрий Валентинович**, доктор социологических наук, доцент, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского; dmitrikataev@rambler.ru*

History of the German political language as a reflex of the recent history of Germany (1945-1988)

The article deals with a new section of applied linguistics – the history of political language, intensively developed in Germany. The change in social and political meanings, strategies for manipulating social and historical consciousness is fully revealed through the identification of a semasiological and onomasiologically oriented typification of ideologically significant linguistic differences.

Keywords: political linguistics, ideology, social consciousness, historical consciousness

***Stalina Kataeva**, Doctor of Philology, Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University; katajewa@rambler.ru*

***Dmitriy Kataev**, Doctor of Sociology, Associate Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University. dmitrikataev@rambler.ru*

ИСТОРИЯ ОХРАНЫ КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТИ СВЕДЕНИЙ В РОССИИ

Рассматривается история правовой охраны тайн в России. Основное внимание уделяется взаимосвязи ограничения доступа к информации и государственного режима. Автор анализирует эволюцию правового регулирования государственной, профессиональной, коммерческой и иных тайн на материале нормативных правовых актов со времен Петра I до новейшей истории. Выделены важные детерминанты развития института тайны – от совокупности морально-этических норм до современных специальных правовых режимов, обусловленная состоянием общества и государства.

Ключевые слова: исторические закономерности, информация, тайна, конфиденциальность, историко-правовой анализ, генезис, правовой режим тайны

Для того чтобы лучше разобраться в современном состоянии правовой охраны конфиденциальности сведений в России, необходимо обратиться к ее истории¹. Изучение дошедших до нас актов древнерусского права показывает, что в праве изначально отсутствовало понятие тайны. Обеспечение конфиденциальности происходило на нравственно-этической основе и категории «верность». Начало правового регулирования характеризуется введением уголовной ответственности за измену – устное или письменное сношение с неприятелем и передачу сведений о военных укреплениях. Е.М. Гиляров и С.П. Балабанов замечают:

«Высокий уровень таинственности... в борьбе за выживание во многом обусловил успех... князей, “собиравших” земли вокруг Москвы, позволил создать и вооружить по последнему слову техники войско на Куликовом поле, обеспечил Ивану IV и его преемникам успех в деле создания и упрочения централизованного государства, появление которого в XV–XVII вв. связано с деятельностью таких государственных органов, как Приказы (тайных дел, разрядного, посольского и др.)» [Гиляров, Балабанов 2013. С. 48-52].

Эволюция правовых средств охраны тайн детерминирована развитием общества и государства. Становление режимов тайн происходит постепенно и обусловлено усложнением общественных отношений,

¹ Истоки правового регулирования ограничения доступа к информации лежат в глубине веков. Источники права Древнего Египта уже в конце IV – начале III тыс. до н.э. за измену и разглашение государственной тайны устанавливали смертную казнь. Закон Древнего Рима предусматривал наказание за принуждение раба к выдаче секретов его хозяина. Была установлена тайна торговых книг, сведения из которых могли быть раскрыты лишь для фискальных целей и правосудия [Пермяков 2012: 231]. В Китае усиленно охранялась конфиденциальность сведений о технологии производства шелка, фарфора, мороженого и пороха. Традиционным фактором обеспечения государственной безопасности с момента возникновения государств являлось введение секретности сведений в военной и дипломатической деятельности.

включая выстраивание и реформирование системы государственного управления, формирование системы разведывательной и контрразведывательной деятельности, дипломатических отношений, борьбы с преступностью. С укреплением российской государственности в середине XVII в. появляются первые признаки правового обеспечения конфиденциальности служебных сведений. Формы присяги чиновника 1651 и 1653 гг. содержали обязательство «никому не приносить и не сказывать», «никому до Государева указа не сказывать» и «тайные государевы и всякие дела хранить в секрете» [Пропись Думным дьякам 1830: 311].

Правление Петра I характеризуется усилением охраны тайн, что было детерминировано задачами реформирования в сфере управления и обороны. Генеральный регламент 1720 г. устанавливал: «Все, что при коллегиях читится, а наипаче ежели такие дела, которые его царского величества высокой службе и интереса касаются, тайно содержаны и весьма прежде времени явны не были». Предусматривалась ответственность для лиц, тайно унесших что-либо «из коллегийных писем и документов». Были приняты и иные акты, направленные на сохранение конфиденциальности государственных секретов и служебных сведений².

В условиях преобладания православия и его статуса государственной религии значительная роль в Российской империи придавалась охране тайны исповеди. Исповедовались не только простые люди, но и лица, занимающие государственные должности», разглашение этой тайны священнослужителем могло привести и к разглашению государственной, служебной или профессиональной тайны. Вместе с тем, «Духовный регламент о праве чина церковного и монашеского» 1722 г., составленный по Указу Петра I, ставил служителей церкви на стражу государственных интересов и под угрозой наказания требовал от духовника доводить содержание исповеди, если исповедуемый замыслил злодейство против государевой службы или церкви [Бурмейстер 2010: 3-7].

Значительную роль в развитии правовой охраны тайн сыграл первый российский уголовный кодекс – Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Оно предусматривало ответственность за разглашение многих тайн – государственной тайны (ст. 275-282, 455); служебных сведений и «чужих тайн» чиновником (ст. 362, 365, 379, п. 5 ст. 447, ст. 449, 450, 453, 454); за преднамеренное раскрытие обвиненному содержания судебных документов, если они могут быть использованы для сокрытия истины или избежания наказания (ст. 451, 452); почтовых чиновников и служителей за распечатывание отправлений и писем, адресованных на имя другого лица (ст. 1530); должностных лиц и чиновников банков, государственных кредитных организаций за нарушение

² Указ Петра I от 13.01.1724; Приказ Правительственного Сената 1830. С. 4409, 4418, 4481.

тайны действий, подлежащих сохранению в тайне (ст. 1575); по жалобе хозяина купеческих приказчиков или сидельцев за открытие тайны на счет хозяина, которые сделают подрыв его кредиту (ст. 1626). Особое внимание уделяется тайнам в сфере зарождающейся предпринимательской деятельности. Установлена ответственность биржевых маклеров за преждевременное раскрытие данных о торговой сделке (ст. 1751), за разглашение лицами, принадлежащими к фабрике, заводу или мануфактуре, фабричной тайны (ст. 1790). Перечисленное позволяет сделать вывод о правовой охране Уложением 1845 г. комплекса тайн (государственной, фабричной, профессиональных и иных), что не случайно, так как к середине XIX в. сложились предпосылки индустриализации. Следует отметить, что охрана тайн производилась не только уголовно-правовыми средствами. Так, ст. 9-11 Нормального положения о городских общественных банках и локальные акты банков содержали правило, согласно которому директор и его товарищи, а также сотрудники банка дают письменное обещание хранить в тайне вверяемые банку дела и счета.

Судебная реформа 1864 г., последовавшая за отменой крепостного права, основывалась на передовых идеях разделения властей и была направлена на дальнейшие преобразования государственного управления. Поэтому в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. и более поздних актах отразилось обеспечение конфиденциальности сведений в ходе судопроизводства. На фоне общей публичности судопроизводства предусматривалась возможность рассмотрения дел в закрытых судебных заседаниях, тайное совещание судей и присяжных заседателей.

Статья 403 Учреждения судебных установлений впервые содержала норму, направленную на охрану адвокатской тайны, и устанавливала, что «присяжный поверенный не должен оглашать тайн своего доверителя не только во время производства его дела, но и в случаях устранения из него, и даже после окончания дела». Статья 704 указанного Устава вводит запрет на допрос присяжного поверенного: «не допускаются к свидетельству ... присяжные поверенные и другие лица, исполняющие обязанности защитников подсудимых в отношении к признанию, сделанному им доверителем во время производства по их делу». В Учреждении судебных установлений также получили закрепления первые положения об ограничении доступа посторонних к информации о деятельности нотариусов, внесенных в нотариальные книги (ст. 123). Таким образом, масштабные преобразования в ходе судебной реформы 1864 г. явились вехой в развитии целого ряда тайн в целях обеспечения объективности и беспристрастности правосудия и охраны прав граждан.

В Уголовном уложении 1903 г. криминализация разглашения различных тайн получила дальнейшее развитие. Оно предусматривало наказание за государственную измену в форме умышленного разглашения сведений, за разглашение тайны переписки, банковской, коммерческой,

налоговой тайны, тайны частной жизни, секрета производства, нотариальной тайны, ставших известными служащему при исполнении должностных обязанностей, за оглашение или сообщение содержания телеграмм или корреспонденции, их передачу заведомо неподлежащему лицу с целью ознакомления с содержанием, во вскрытии корреспонденции (ст. 541-546, 653, 655, 680). Одновременно акт предусматривал ответственность чиновников за непринятие, вопреки служебной обязанности, мер к обнаружению или приведению в действие закона или иного акта, составление документа с заведомо неверным изложением в нем удостоверенных обстоятельств, сообщение или удостоверение заведомо неверных сведений, причинившее вред порядку управления, казенному, общественному или частному интересу (ст. 640, 641, 667, 670).

Сегодня в условиях экономического кризиса значительный интерес представляет формирование охраны коммерчески ценных сведений. Ее современные механизмы формируются в начале XX в., что обусловлено научно-техническим прогрессом и эффектами внедрения его результатов в производственную и иную предпринимательскую деятельность.

Считается, что правовая охрана коммерческих секретов и ноу-хау возникла в странах общего права. В 1916 г. эти понятия впервые были применены в судебном споре в США [Ситдилов 2017: 9]. Но как социальное явление коммерческая тайна возникает вместе с рыночными отношениями. Одним из направлений ее регулирования является также законодательство, направленное на борьбу с недобросовестной конкуренцией. Так, немецкий закон о недобросовестной конкуренции с 1909 г. содержит понятие бизнес- или коммерческой тайны, что свидетельствует о начале формирования охраны коммерческих секретов практически одновременно в нескольких экономически развитых странах.

В Российской империи конфиденциальность подобных сведений охранялась в форме тайны торговых книг и фабричной тайны, получивших обобщенное наименование «промысловая тайна» [Розенберг 1910]. После 1917 г. с принятием Положения о рабочем контроле, огосударствлением экономики, переводом ее на плановые рельсы, отменой законодательства старого режима правовая охрана сходит на нет. Коммерческая тайна в советский период воспринималась как инструмент капиталистической конкуренции и применялась лишь в ходе международного экономического сотрудничества. Положение о рабочем контроле в областях, имеющих наемных рабочих, вводило функционирование фабричных и заводских комитетов, в которые включались представители от служащих и технического комитета. Они получили право проверки и осмотра всех книг и отчетов организации, деловой переписки. Пункт 7 положения отменял коммерческую тайну и вводил ответственность владельцев предприятий «по суду» за сокрытие документов. Статья 14 Декрета ВЦИК 1918 г. «О суде» предоставляла суду право требо-

вать предъявления купеческих и иных книг по правилам, установленным для других доказательств. Устанавливалась недопустимость создания препятствий деятельности рабоче-крестьянских и впоследствии советских органов со ссылкой на секреты производства и промышленную тайну. Все сказанное позволяет признать объективным вывод о том, что Положением о рабочем контроле было сделано все для отравления последних дней жизни частного бизнеса [Занковский 2014: 11-22]. Практически на всем протяжении существования советского государства политика в части коммерческой тайны отличалась стабильностью.

Позиции специалистов по вопросу о видах тайн, охранявшихся законом в советский период, существенно разнятся: (1) выделяют охраняемую государственную тайну (степени секретности «Особой важности» и «Совершенно секретно»), служебную тайну («Секретно» и «Для служебного пользования») [Бачило и др. 2001: 550-551]; (2) высказываются о существовании двух систем тайн: государственной и партийной; (3) дополнительно отмечают наличие в советский период военной тайны³.

Реальная ситуация была сложнее. Хотя и в несколько усеченном виде в советский период сохранялась правовая охрана профессиональных тайн и, в определенных случаях, информации о гражданах, но их охрана целиком подчинялась общественным и государственным интересам. Вместе с тем на развитие законодательства СССР оказывали влияние мировые тенденции. В 1936 г. получили конституционно-правовое закрепление неприкосновенность жилища, охрана тайны переписки и голосования. Следует отметить, что в Конституции СССР 1936 г. впервые в конституционных нормах был использован термин «тайна».

Особое внимание в советский период придавалось охране государственно значимой информации. В Российской империи организационно-правовая защита государственной тайны не была полностью сформирована, не существовало единого перечня сведений, составляющих государственную тайну. Но уже в первые годы становления советского государства принимаются меры по обеспечению государственной безопасности, включая введение Декретом СНК 1921 г. перечня сведений, составляющих тайну и не подлежащих распространению. Его принятием положено начало применения перечневого подхода в отношении секретных сведений. Перечни сведений, составляющих специально охраняемую государственную тайну, и сведений, не подлежащих оглашению, принимались впоследствии в 1926, 1947, 1948, 1959, 1980 гг. Уголовно-правовая охрана государственной и служебной тайны была заложена Уголовным кодексом РСФСР 1922 г., который предусматривал наказание за шпионаж, выражающийся в передаче, сообщении, похищении или сборе сведений, имеющих характер государственной тайны, и со-

³ Государственная тайна в Российской Федерации 2000. С. 21.

держал составы должностных преступлений, помимо прочего, криминализовавших разглашение служащими не подлежащих оглашению сведений (п. 117). В 1927 г. принимается Положение о воинских преступлениях, различающее разглашение специально охраняемой тайны о вооруженных силах и об обороноспособности и военных сведений, не подлежащих оглашению, но не являющихся специально-охраняемой тайной, что повлекло впоследствии выделение военной тайны.

Были усовершенствованы меры обеспечения конфиденциального делопроизводства. Уже в 1920-е гг. приняты документы, устанавливавшие общеобязательные требования к хранению секретных документов, особенности режимного документооборота и создание частей для ведения секретного делопроизводства⁴. 1926 и 1928 гг. ознаменовались принятием общесоюзных инструкций по ведению секретного делопроизводства, включая взаимосвязанные вопросы шифрования, архивного и мобилизационного делопроизводства, положивших начало общегосударственным инструкциям по режиму секретности⁵.

В 1922 г. для контроля за содержанием издаваемой и распространяемой печатной продукции и предотвращения публикации материалов, содержащих секретные и иные не подлежащие оглашению сведения, создана специализированная государственная структура, ставшая на десятки лет органом советской цензуры. Главлит совместно с ведомствами осуществлял выработку перечней сведений, являющихся охраняемой тайной и не подлежащих опубликованию или оглашению.

Содержание информации, не подлежащей оглашению, составлял широкий круг сведений, включая сведения о порядке реализации паспортной системы, планах и методике финансово-хозяйственных ревизий организаций, о репрессивных актах против народов и многие иные. Особого внимания заслуживает, что в советский период не подлежали оглашению и опубликованию нормативно-правовые акты, большое число которых вышло с указанием на их конфиденциальность «Не подлежит опубликованию», «Не для печати», «Для служебного пользования», «Секретно»), в т.ч. акты, регулировавшие вопросы гражданства, подсудности, амнистии, ответственности, трудовых отношений и социального обеспечения. Использовалось прямое направление государственным органам актов для доведения до сведения. Многие нормативные документы публиковались только по представлению организаций с разре-

⁴ История системы и органов защиты информации...

⁵ Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР 1956 г., Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны и режима секретности проводимых работ 1965 г., Инструкция по обеспечению сохранности государственной тайны и режима секретности проводимых работ 1972 г., Инструкция по обеспечению режима секретности в министерствах, ведомствах, на предприятиях, в учреждениях и организациях СССР 1987 г.; и др.

шения Управляющего Делами Совета Министров СССР, что способствовало злоупотреблениям и ущемлениям прав граждан, и в 1990 г. было признано не соответствующим конституционным нормам.

В советский период «механизм защиты основывался на разрешительном принципе права, когда, по сути, вся информация имела ограниченный доступ. В каждом конкретном случае должностное лицо (чиновник) принимало решение о разрешении (запрете) доступа к информации, что входило в прямое противоречие с нормами международного права и не позволяло успешно реализовывать право каждого на получении информации» [Фатьянов 1999: 14-22]. Сложившееся положение было детерминировано существовавшим тоталитарным режимом и характерными для него методами государственного управления.

Специалисты пишут, что примерно в 1960-х гг. происходит выделение из системы государственных секретов служебной тайны в связи со смягчением режима и потребностями снижения государственных затрат на обеспечение национальной безопасности. Вместе с тем отдельные нормы, направленные на охрану служебной тайны, можно обнаружить уже в законодательстве Российской империи и Советского Союза начиная с 1920-х гг. Помимо упомянутых актов можно привести ст. 129 Гражданского процессуального кодекса РСФСР 1927 г., предусматривавшую исключение из недопустимости отказа от свидетельства в суде, если это сопряжено с нарушением государственной или служебной тайны, а также уголовной ответственности, предусмотренной за разглашение служебной тайны с 1922 по 1961 гг. и с 1984 по 1996 гг.

Профессиональные тайны, основы правовой охраны которых были заложены в середине XIX в., в советское время не получили существенного развития. Более того, многие профессиональные тайны, включая врачебную, изначально отрицались и объяснялись бытовыми пережитками. Вместе с тем отдельные виды профессиональных тайн были закреплены в законодательстве СССР – тайна вкладов, нотариальная тайна, тайна корреспонденции, адвокатская тайна. Так, Положение о государственном нотариате 1922 г. устанавливало, что «нотариус обязан соблюдать тайну относительно актов и документов, находящихся у него на хранении и всех порученных ему дел, за исключением случаев, в законе указанных» (п. 19). За нарушение нотариальной тайны предусматривалась ответственность ст. 117 Уголовного кодекса РСФСР. При предоставлении и пользовании кредитом, счетами по вкладам охранялась тайна счета по вкладам. Так, Устав Центрального сельскохозяйственного банка Союза ССР предусматривал тайну счетов по вкладам и возможность получения справок по ним только вкладчиком или судебным и следственным органом. Врачебная тайна получила законодательное закрепление в 1969 г. Существенным достоинством являлось признание обязанности не разглашать ставшие известными сведения о медицин-

ских обследованиях, болезнях, семейной и интимной жизни граждан в отношении достаточно широкого круга субъектов, включая не только врачей и других медицинских, но и фармацевтических работников, а также ограничение совокупности лиц, получающих такие сведения органами здравоохранения, следствия и суда.

Возвращение России на рыночный путь развития в 1990-е гг. привело к формированию потребности обеспечения информационной безопасности предпринимательской деятельности. Коммерческая тайна была введена Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности». Шагом вперед в середине 1990-х гг. явилось закрепление коммерческой тайны в ст. 139 Гражданского кодекса РФ. Специальное законодательное регулирование эта тайна получила в 2004 г. в Федеральном законе «О коммерческой тайне» и ч. 4 Гражданского кодекса РФ в части совокупности норм о секрете производства.

Во второй половине XX в. большое значение стало придаваться защите прав человека, что выразилось, помимо прочего, в развитии законодательства о персональных данных. Попытка включения неприкосновенности частной жизни в правовые категории была сделана в 1890 г. американскими юристами, сформулировавшими его как право быть предоставленным самому себе (the right to be alone) [Samuel 1890: 193-220]. Конституция США не содержит нормы, закрепляющей право на неприкосновенность частной жизни. Судебная практика США исходит из ряда положений Билля о правах и идеи свободы от государственного контроля за деятельностью человека, которая относится к частной жизни [Прохорова 2011: 79]. При доктринальном толковании в судебной практике широко используется ссылка на четвертую поправку к Конституции США, гарантирующую право на охрану жилища, документов, имущества и личности от необоснованных арестов и обысков. Рассматриваемое право традиционно именуется ими термином «privacy».

Впервые специальный закон, направленный на защиту персональных данных, был принят в 1970 г. в Германии германской землей Гессен [Абаев 2013. С. 137]. Последнее позволяет говорить, что персональные данные – достаточно молодой правовой институт, наличие которого к настоящему времени стало нормой демократического общества.

В России нормы о защите персональных данных появляются в 1990-х гг. Закон определял персональные данные и устанавливал, что их правовой режим определяется федеральным законом и обработка является лицензируемым видом деятельности. Хотя нормы первоначального регулирования не были практически реализованы, они способствовали формированию общественного мнения в части потребности охраны персональных данных.

В начале 1990-х гг. при принятии Закона РФ «О государственной тайне» происходит легализация ее режима. Впервые в нормах законода-

тельства находят отражение определение понятия, принципы введения режима, основы правового статуса субъектов и др. Закрепление понятия государственной тайны в законодательстве России происходит относительно поздно. Для сравнения, законодательное установление государственной тайны в законодательстве Германии впервые было сделано в период Третьего Рейха в нормах уголовного права, что сохраняется в законодательстве ФРГ до сегодняшнего дня [Агеев 2016. С. 79].

Исследование истории правовой охраны тайн невозможно без учета достижений общей теории и истории государства и права, а также отраслевых юридических наук, включая информационное право, специалистами которого сегодня признано, что правовое обеспечение конфиденциальности осуществляется группой объектных специальных правовых режимов информации, характеризующихся особым порядком регулирования и выраженных в комплексном сочетании правовых средств. Режим тайн устанавливается особым взаимодействием методов регулирования, создающим особую направленность на достижение желаемого состояния общественных отношений в информационной сфере и имеющим конкретную цель – удовлетворение законных интересов субъектов в обеспечении безопасности. Существенное достоинство Закона РФ 1993 г. «О государственной тайне», что впервые специальный правовой режим определенной информации ограниченного доступа получил системное регулирование во всех своих основных аспектах.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что правовое регулирование начинается введением уголовной ответственности за измену государству и государю. Существенным укреплением режима правом тайн отметились правление Петра I, который в определенной мере заложил основы их правовой охраны. Во времена Российской империи был заложен базис правовой охраны государственной и служебной тайны, тайны исповеди, связи, банковской, торговой, фабричной тайны, тайны судопроизводства и др. Начало советского периода ознаменовалось укреплением правовой охраны государственно значимой информации ограниченного доступа, но, с другой стороны, отмиранием коммерческих секретов в сфере торговли и производства, а также подчинением охраны иных частноправовых тайн государственным и общественным интересам. В этот период действовал принцип закрытости информации. Не подлежал оглашению и опубликованию широкий круг сведений, включая материалы многих нормативно-правовых актов, правовая оценка чему была дана лишь в 1990 г. в связи с борьбой за гласность во времена перестройки. Расширение открытости российского государства и общества привели к формированию в 1990 гг. основ правового режима коммерческой тайны, а также изменению взглядов на цели и правовую природу профессиональных тайн. Глобализация, интеграция и развитие информационно-коммуникационных технологий способствовали фор-

мированию зарубежного и российского законодательства о персональных данных. Ныне происходит дальнейшее совершенствование законодательства, направленного на охрану отдельных тайн и расширение спектра охраняемой законом информации ограниченного доступа.

Рассмотрение генезиса охраняемых законом тайн позволяет видеть закономерность формирования специальных правовых режимов тайн, характеризующуюся последовательным переходом от нравственно-этических норм и мер уголовной ответственности за разглашение сведений к введению в законодательство норм-дефиниций тайн и впоследствии формированию совокупности норм, направленных на обеспечение режима их конфиденциальности. Для современного состояния охраняемой законом информации ограниченного доступа показательна лишь относительная упорядоченность их системы, что, будучи связано с особенностями их исторического развития, ставит сегодня вопрос о дальнейшем развитии законодательства в данной сфере.

Источники

- Генеральный регламент от 28.02.1720 // Полное собрание законов Российской Империи в 46 томах. Т. 6. 1720-1722 гг. Печат. в Типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 817 с.
- Государственная тайна в Российской Федерации: учебно-методическое пособие. 2-е изд., перераб. и доп. / под ред. М.А. Вуса. СПб.: Изд-во СПб ун-та. 2000. 409 с.
- Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 01.07.2017) // Собрание законодательства РФ. 2006. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.
- Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
- Гражданский процессуальный кодекс РСФСР, введенный в действие Постановлением ВЦИК от 10.07.1923 (ред. от 14.02.1927) // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1923. № 46-47. Ст. 478.
- Декрет ВЦИК от 07.03.1918 № 2 «О суде» // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.
- Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. Утверждена Постановлением Чрезвычайного VIII съезда Советов Союза ССР от 05.12.1936 (утратила силу) // Известия ЦИК СССР и ВЦИК. № 283. 06.12.1936.
- Новое Уголовное уложение, Высочайше утвержденное 22 марта 1903 г. СПб.: Изд. Каменноостровского юридического книжного магазина В.И. Анисимова, 1903. 253 с.
- Нормальное положение о городских общественных банках, высочайше утвержденное 6.02.1862 мнение Государственного совета. Тула: Тип. Н.И. Соколова, ценз. 1881. 49 с.
- О коммерческой тайне: федеральный закон от 29.07.2004 № 98-ФЗ (ред. от 12.03.2014) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 32. Ст. 3283.
- О порядке опубликования постановлений Правительства Союза СССР и информации о его решениях и работе: постановление Центральной исполнительной комиссии СССР № 83, Совета народных комиссаров СССР № 2582 от 07.12.1933 // Собрание законодательства СССР. 1934. № 45. Ст. 351.
- О правилах, допускающих применение неопубликованных нормативных актов о правах, свободах и обязанностях граждан: заключение Комитет Конституционного надзора СССР от 29.11.1990. № 12 (2-12) // Ведомости Совета народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 50. Ст. 1080.
- О предприятиях и предпринимательской деятельности: закон РСФСР от 25.12.1990 № 445-1 (ред. от 30.11.1994) (утратил силу) // Ведомости Совета Народных Депутатов и Верховного Совета РСФСР. 27.12.1990. № 30. Ст. 418.

- Об уголовной ответственности за воинские преступления: закон СССР от 25.12. 1958 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 10.
- Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении: закон СССР от 19.12.1969 № 4589-VII // Ведомости Верховного Совета СССР. 1969. № 52. Ст. 466.
- Положение о воинских преступлениях: постановление Центрального исполнительного комитета СССР от 27.07.1927 // Собрание законодательства СССР. 1927. № 50. Ст. 505.
- Положение о главном управлении по делам литературы и издательства. 1922 г.: Декрет Совета Народных Комиссаров от 06.06.1922 // Музей истории российских реформ имени П.А. Столыпина. URL: <http://музейреформ.рф/node/13811>
- Положение о государственном нотариате: декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 04.10.1922 // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.
- Положение о рабочем контроле, принятое Всероссийским Центральным Исполнительным комитетом 27 (14).11. 1917 // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5309/>
- Пропись Думным дьякам // Полное собрание законов Российской Империи в 46 томах. Т. 1. 1649-1675 гг. Печат. в Типографии Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 1029 с.
- Розенберг В. Промысловая тайна. СПб., 1910. 68 с.
- Судебные уставы от 20.11.1864 с изложениемъ разсуждений, на коиъхъ они основаны. Ч. 2. Уставъ Уголовнаго судопроизводства. СПб: Издание Государственной Канцеляіи, 1866 // URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/118/>
- Уголовный Кодекс РСФСР 1922 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 63. Ст. 807.
- Уголовный кодекс РСФСР, введенный в действие Постановлением Всероссийского центрального исполнительного комитета от 1.06.1922 г. «О введении в действие уголовного кодекса Р.С.Ф.С.Р.» // Собрание Узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
- Указ Петра I от 13.01.1724 «О неписании секретных дел в партикулярных письмах», от 16 января 1724 г. «О поручении секретных дел в Сенате благородным людям», Приказ Правительственного Сената «О надписях на пакетах, в которых секретные дела» // Полн. собр. законов Российской Империи в 46 т. Т. 7. 1723-1727 гг. Печ. в Тип. Второго отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии. 1830. 933 с.
- Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. СПб.: В Типографии Второго Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1845. Т. IV. [XVII]. URL: <http://www.crimpravo.ru/blog/1457.html>
- Устав Центрального Сельско-Хозяйственного Банка Союза ССР: постановление ЦИК СССР, Совета народных комиссаров СССР от 15.02.1924 // Систематическое собрание действующих законов СССР. Кн. третья. М., 1927.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Samuel D. Warren and Louis D. Brandeis. The Right to Privacy // Harvard Law Review. 1890. Vol. 4, No. 5. P. 193-220.
- Абаев Ф.А. Историко-правовые предпосылки формирования и современные тенденции развития персональных данных в трудовом праве // Пробелы в российском законодательстве. 2013. №5. С. 136-139 [Абаев Ф.А. Istoriko-pravovye predposylki formirovaniya i sovremennye tendentsii razvitiya instituta personal'nykh dannykh v trudovom prave // Probely v rossiiskom zakonodatel'stve. 2013. №5. S. 136-139]
- Агеев А.С. Право на доступ к информации, находящейся в распоряжении государственных органов (особенности конституционно-правового регулирования в России и Германии): дисс... к.ю.н. М., 2016. 251 с. [Ageev A.S. Pravo na dostup k informatsii, nakhodyashchaysya v rasporyazhenii gosudarstvennykh organov (osobennosti konstitutsionno-pravovogo regulirovaniya v Rossii i v Germanii): diss M., 2016. 251 s.]
- Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: учебник / под ред. Б.Н. Топорнина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. 789 с. [Bachilo I.L., Lopatin

- V.N., Fedotov M.A. *Informatsionnoe pravo: uchebnik / pod red. V.N. Topornina*. SPb.: Yuridicheskii tsentr Press, 2001. 789 s.]
- Бурмейстер И.А. Тайна исповеди: теоретико-правовой аспект // Сибирский юридический вестник. 2010. № 2 (49). С. 3-7 [Burmeister I.A. Taina ispovedi: teoretiko-pravovoi aspekt // Sibirskii yuridicheskii vestnik. 2010. № 2 (49). S. 3-7]
- Гиляров Е.М., Балабанов С.П. Государственно-правовое обеспечение информационной функции в истории России // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (29): в 2 ч. Ч. I. С. 48-52 [Gilyarov E.M., Balabanov S.P. Gosudarstvenno-pravovoe obespechenie informatsionnoi funktsii v istorii Rossii // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. Tambov: Gramota, 2013. № 3 (29): v 2 ch. Ch. I. S. 48-52]
- Занковский С.С. Исторические предпосылки предпринимательства в России // Предпринимательское право. 2014. № 1. С. 11-22 [Zankovskii S.S. Konstitutsionnye osnovy predprinimatel'stva v Rossii // Predprinimatel'skoe pravo. 2014. № 1. S. 11-22]
- История системы и органов защиты информации / Ассоциация историков спецслужб им. А.Х. Архузова // Agentura.ru. Спецслужбы под контролем. URL: <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/story/> [Istoriya sistemy i organov zashchity informatsii / Assotsiatsiya istorikov spetssluzhby im. A.Kh. Arkhuzova // Agentura.ru. Spetssluzhby pod kontrolem. URL: <http://www.agentura.ru/equipment/psih/info/story/>]
- Пермяков М.В. Исторические предпосылки возникновения категории «тайна» // Ленинградский юридический журнал. 2012. № 4 (30). С. 230-239 [Permyakov M.V. Istoricheskie predposylki vznikhoveniya kategorii «taina» // Leningradskii yuridicheskii zhurnal. 2012. № 4 (30). S. 230-239.]
- Прокурова Н.Н. Конституционно-правовой опыт регулирования защиты персональных данных за рубежом // Вестник Тюменского госуд. ун-та. 2011. № 3. С. 76-80 [Prokhorova N.N. Konstitutsionno-pravovoi opyt regulirovaniya zashchity personal'nykh dannykh za rubezhom // Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. № 3. S. 76-80]
- Ситдииков Р.Б. Правовая охрана ноу-хау в России. М.: Статут, 2017. 144 с. [Sitdikov R.B. Pravovaya okhrana nou-khau v Rossii. M.: Statut, 2017. 144 s.]
- Фатьянов А.А. Проблемы формирования института служебной тайны в отечественном праве // Государство и право. 1999. № 4. С. 14-22 [Fat'yanov A.A. Problemy formirovaniya instituta sluzhebnoi tainy v otechestvennom prave // Gosudarstvo i pravo. 1999. № 4. S. 14-22]

Камалова Гульфия Гафиятовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики и судебных экспертиз, Удмуртский государственный университет; прикрепленное лицо, Институт государства и права РАН; gulfia.kamalova@gmail.com

History of confidentiality protection in Russia

The article reviewed the history of legal protection of secrets in Russia from the time of the formation of its statehood to the present. The main attention is paid to the interconnection of state-supported ideas of the specifics of secrets. The author analyzes the evolution of the regime of state, professional and other secrets on the basis of historical normative legal acts from the time of Peter the Great to modern history. As a result of the analysis, important determinants of the current state of the institution of secrecy are distinguished: its evolution from the totality of moral and ethical norms to modern regimes; conditionality of development by a condition of a society and the state, dominating in it ideas.

Keywords: historical patterns, information, secret, confidentiality, historical and legal analysis, genesis, legal regime of secrecy

Gulfia Kamalova, PhD in Law, Associate Professor, Department of Criminalistics and Forensic Expertise, Udmurt State University; attached person, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; gulfia.kamalova@gmail.com

ИЗ ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ

М. А. ВЕДЕШКИН

«УЧИТЕЛЯ–ДУШЕГУБЫ»: ОБРАЗОВАНИЕ И АПОСТАСИЯ В ПОЗДНЕЙ РИМСКОЙ ИМПЕРИИ¹

В статье рассматривается влияние классического образования, а также преподавателей-язычников на религиозный выбор учеников риторических и философских школ поздней Римской империи. Для многих представителей языческой интеллигенции традиционные культы были неотделимы от классического культурного наследия. Прививая эти воззрения своим ученикам, учителя-язычники способствовали обращению многих получавших образование христиан к языческим культам. Данный тезис проиллюстрирован несколькими примерами подобной апостасии в IV–V вв.

Ключевые слова: *поздняя античность, поздняя Римская империя, ранняя Византия, образование, язычество, вероотступничество, образовательное пространство*

Аммоний был христианином и воспитан был родителями-христианами, но войдя в разум и познакомившись с философией, он перешел к образу жизни, согласному с законами (Euseb. HE. VI.19.6).

С окончанием эпохи гонений Церковь начала триумфальное шествие по римской державе и землям прилегающих государств и племен. Благодаря трудам проповедников и поддержке власти, уже во второй половине IV в. новая вера стала доминирующей в империи, а языческие культы, права и привилегии которых все более ограничивались христианскими августиами, потеряли значительную часть приверженцев. Однако было бы неверно считать, что процесс христианизации проходил гладко. IV–VI вв. знают немало примеров обращения в язычество.

Древние культы были привлекательной альтернативой новой вере, о чем свидетельствует постоянное обращение церковного и светского законодательства к проблеме отступничества: посвященные апостасии статьи были включены в правила Эльвирского, Анкирского, Никейского и Карфагенского соборов (Syn. Elv. Can. 1; Syn. Anc. Can. 1–9; Syn. Nic. Can. 10–12; Syn. Cart. Can. 45(54–55)), каноны Василия Кесарийского и Григория Нисского (Bas. Caes. Can. 7; 73; 81; Greg. Nyss. Can. 2–3), декреталии папы Сириция (Sir. Ep. 1.3) и своды гражданского права Римской империи (CTh. XI.39.11; XVI.7.1–6; CJ. I.11.10). Мотивы апостасии были не менее разнообразны, чем причины, побуждавшие вчерашних язычников уверовать в единого Бога. В недолгий период «ласкового», по выражению Иеронима Стридонского, гонения Юлиана Отступника²,

¹ Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда № 18-78-10001 «Образовательное пространство и антропопрактики античного и современного города».

² «в более заманивающее, чем принуждающее к языческому жертвоприношению, гонение, ...многие из наших пали собственною волею» (Hieron. Chron. 362.1).

христиан влекли к алтарям желание сохранить свою должность, получить награду и выслужиться перед новым правителем³, ранее скрываемая под личиной христианского благочестия тайная привязанность к отеческой вере или же банальный конформизм⁴. Случаи перехода сенаторов-христиан в веру отцов, не были редкостью и в Риме второй половины IV в. Некоторые искренне разочаровывались в новом учении⁵, другие меняли религию с расчетом занять прибыльную и почетную должность в одной из жреческих коллегий Вечного города (Amb. Ep. 17.4), третьи стремились получить поддержку *superbis daemonicis* – представителей староримской знати, все еще игравшей первую скрипку в политической и экономической жизни столицы и близлежащих провинций⁶. Нетверды в религиозных убеждениях были и выходцы из простонародья: римские плебеи меняли веру, следуя примеру наследников древних сенаторских фамилий (Ambrosiast. QVNT. 114.13–14), а кре-

³ Юлиан открыто заявлял, что он предпочитает, чтобы все важные посты занимали язычники: Jul. Ep. 38(83); ср. Greg. Naz. Or. IV.64. О его кадровой см. Haehling 1978. S. 537–547. Зная умонастроение императора, многие чиновники постылились заявить о своем язычестве, см. у Руфина: «вознаграждениями, почестями, лаской, уговорами вырвал чуть ли не большую часть паствы, как если бы жестоко преследовал ее» (Ruf. HE.I.32). Астерий Амасийский: «когда известный царь... желающим делать это (приносить жертвы) предоставлял большие почести – то сколько людей, оставив Церковь, побежали к жертвенникам? Сколько, приняв на себя эту приманку государственных почестей, попались вместе с ним на удочку отступничества? (Aster. Amas. Nom. III.10.3). Ср. Greg. Naz. Or. V.19. Нередко Юлиан лично проповедовал своим придворным. См. Lib. Or. XVIII.125; XIV.36; Greg. Naz. Or. VII.11–12. Примеры обращения чиновников Юлиана: Jones, Martindale, Morris 1971. P. 332 (Felix 3); 415 (Helpidius 6); 470 (Iulianus 12). О вероотступничестве христианских священнослужителей: Jul. Ep. 34(79); Philost. VII.13; воинов: Jul. Ep. 13(8); Greg. Naz. Or. IV.64–65; 82–83; Lib. Or. XII.90; XVIII.167 – 168; Theod. HE. III. 16–17; Soz. V. 17; Iohan. Crys. Nom. In Iuvent. 2; рядовых граждан: Theod. HE. III.22; Greg. Naz. IV.11.

⁴ Многие жители империи вовсе не имели религиозных убеждений и исповедовали ту веру, которая была любезна правящему августу (Them. Or. V.67D). Яркий пример подобного *modus operandi* – учитель Отступника Экеболий, который после вступления Юлиана на престол перешел в язычество (возможно после издания указа, воспрещавшего христианам занимать должности городских риторов и грамматиков) и «раскался» сразу после гибели своего царственного ученика (Soc. III.1; 13; Lib. Or. XVIII.12; 14; см. также Kinzig 1993. P. 92–105, особ. 103; Kahlos 2007. P. 44, п. 130). Еще одним «религиозным флюгером» той эпохи был высокопоставленный чиновник Домиций Модест, исповедовавший христианство при Констанции II (хотя, согласно Либанию, он был криптоязычником (Lib. Ep. 791F (=108B); 804F (=74B))), язычество при Юлиане, и обратившийся в арианство при Валенте (Greg. Naz. Or. 43.48). О нем, см. Dagron 1984. P. 242–244; 246–247; Jones, Martindale, Morris 1971. P. 608 (Domitius Modestus 2); Sandwell 2011. P. 6–8; 258–259; Van Dam 2002. P. 106–135.

⁵ В анонимной поэме «*Carmen ad senatorem*» рассказывается о сенаторе, который раскался в своем обращении в христианство и возвратился к почитанию Великой Матери (CAS. 6–20) и Изиды (ibid. 21–34). См. McLynn 2015.

⁶ См. Aug. Conf. VIII.2.4; ССР. 78–83. Об упоминаемых в «*Carmen contra paganos*» вероотступниках Левкадии и Маркиане, см. Ведешкин 2016b. С. 76–79.

стьяне Северной Африки – из отвращения к взаимной жестокости кафоликов и донатистов⁷. Наконец, на фоне варварских нашествий конца IV–V в. были случаи апостасии из убеждения, что бедствия империи – следствие забвения богов⁸. В статье будут рассмотрены примеры перехода в язычество под воздействием изучения классической литературы, философии и в целом образования⁹.

Классическая традиция была основой самоидентификации образованного слоя населения империи. Бытовавшее в культурной элите представление, что почитание древних богов является неотъемлемым элементом ее традиции¹⁰, способствовало длительному сохранению язычества в этой среде¹¹. На протяжении всего позднеантичного периода значительная часть врачей, грамматиков, риторов и философов упорно сохраняла верность отеческой религии. Настороженное, а иногда и прямо враждебное отношение христиан к языческой, т.е. светской культуре – один из факторов, обусловивших неприязнь этой части позднеримского общества к новому учению. По мере усиления процессов христианизации империи, выразившихся, в т.ч. в запрете на отправление традиционных культов, разрушении храмов, сожжении библиотек и репрессиях против почитателей традиционных верований¹², это предубеждение ничуть не уменьшалось. Представители языческой интеллигенции могли

⁷ Kahlos 2007. P. 45.

⁸ См. полемику Нила Синайского с ритором Аполлодором (Nil. Ep. I.75 (= 72 PG 79). О переходе христиан в язычество, после адрианопольской катастрофы, см. Vas. Caes. Cap. 81. О жалобах западных язычников на то, что поражения Рима связаны с запретом на отправление их культов, см. Ведешкин 2018. С. 156–158.

⁹ О некоторых аспектах этой темы см.: Athanassiadi 1993. P. 12; Watts 2000. P. 73–74).

¹⁰ Либаний ставил в один ряд языческие культы, греческую образованность и полисный строй (Lib. Or. II.74). Идея единства классической культуры, религии и политической организации ярко проявлялась в религиозно-политической концепции Юлиана Отступника. См. Downey 1959. P. 339–343; Athanassiadi 1992. P. 121–128.

¹¹ Свидетельство тому семантическая трансформация термина «эллин». Уже с начала IV в., этот этноним, который ранее преимущественно обозначал принадлежность к греческой культурной традиции, начал использоваться едва ли не исключительно в значении «язычник». См. Bowersock 1990. P. 1–13; Kahlos 2007. P. 21–22. В IV в. тот же термин стал использоваться для обозначения язычников не только в греческом, но также в сирийском и коптском (Alston 2001. P. 284).

¹² См. Ведешкин 2016а. Важные работы о разрушении храмов перечислены в Busine 2013. P. 326, n. 3–7. О сожжении христианами книг и библиотек, см. Rohmann 2016. О казни императором Константином философа Сопатра, см. Eunap. V. Soph., 462–463, Zos. II. 40. Авторы «Свиды» пишут, что Константин приказал казнить Сопатра, чтобы доказать своему окружению, что он более не язычник (Sud. Sigma, 845). Об антиязыческом аспекте Скифопольского процесса 359 г., см. Коптелов 2003. С. 133–142; Ведешкин 2018. P. 197–198; Heyden 2010. P. 310–311, о язычниках, как о главных жертвах политических процессов Валента, см. Ведешкин 2018. С. 224, прим. 5; 230–231; Lenski 2002. P. 223–230, библиографию о репрессиях против языческой интеллигенции при Зеноне, см. в Szabat 2012. P. 155, n. 1, об антиязыческих процессах Юстиниана и его приемников: Constantelos 1964; Ведешкин 2018. С. 295–299.

мирно уживаться с образованными последователями господствующей религии¹³, но большинство из них оставались противниками христианского учения. В условиях полного запрета на все формы языческого богопочитания эти защитники старины продолжали поддерживать отправление древних культов¹⁴, отстаивать собственные убеждения в острой полемике с апологетами новой веры¹⁵ и даже пропагандировать свои воззрения. Формы этой проповеди предопределила принадлежность многих представителей языческой интеллигенции к преподавательской корпорации. В IV–V вв. обращение в язычество нередко совершалось в процессе обучения, т.е. приобщения к той культурной традиции, хранителями которой считали себя интеллектуалы-идолопоклонники¹⁶.

Большая часть христианской элиты признавала ценность классического образования, но многие проповедники христианства, в т.ч. и весьма эрудированные, считали, что изучение языческой литературы (особенно не уравновешенное чтением Писаний) потенциально опасно¹⁷. Как точно отметила В.И. Уколова, школа была той неуничтожимой брешью, через которую язычество проникало в христианскую культуру¹⁸. Основу школьного курса составляли чтение и комментиро-

¹³ Например, ритор Либаний имел множество христиан среди своих друзей, учеников и корреспондентов (Cribiore 2007. P. 376; Maxwell 2006. P. 31–32; Petit 1957. P. 206); софист Исоксий обменивался дружескими письмами с епископом Феодоритом Киррским (Schor 2011. P. 140–141), Гипатия со своим учеником епископом Синезием Птолемаидским (Watts 2017. P. 46–50), а знаменитый врач Гессий с христианскими риториками Энеем и Прокопием (Watts 2009. P. 115–117).

¹⁴ Ведешкин 2018. С. 190–191; 280.

¹⁵ Так, в начале V в. увидела свет языческая «История» Евнапия Сардского, на рубеже V–VI в. комитт Зосим в своем историческом труде резко отрицательно оценил влияние христианства на империю. К V–VI вв. относится и составление таких образцов языческой агиографии как «Жизнь философов и софистов» и несохранившаяся «Жизнь Юлиана» Евнапия Сардского, «Прокл или О счастье» Марина Неаполитанского и «Жизнь Исидора» Дамаския Схоларха. Примеры литературной полемики христиан с восточноримскими язычниками см. в Kaegi 1968, P. 63–65, п. 11. Самым ярким примером подобных споров на латинском западе является переписка Августина и Максима Мадавского: Aug. Ep. 16; 17. См. Ведешкин 2018, С. 157–158. О религиозной борьбе на западе см. также Петрова 2017. С. 137–156.

¹⁶ Конечно, далеко не все позднеантичные преподаватели-язычники ставили перед собой задачу по обращению своих воспитанников в древнюю веру. Григорий Назианзин, Феодорит Киррский и Василий Кесарийский, не сомневаясь, посылали молодых единоверцев учиться у последователей традиционных культов, что было бы невозможно, если бы эти епископы подозревали рекомендуемых ими учителей в стремлении привлечь христианскую молодежь к идолопоклонству. См. Greg. Naz. Ep. 238(203); Theod. Ep. 203(23); 214(34); 220(40); Bas. Ep. 326(335); 327(337); 328(339). Следует упомянуть, что некоторые исследователи сомневаются в аутентичности вышеперечисленных писем Василия. См. Nesselrath 2010.

¹⁷ О неоднозначном отношении христиан к классической культуре, см. Kaster 1988, P. 71–95; Rohmann 2016, P. 220–235; Watts 2006, P. 19–20.

¹⁸ Уколова 1992. С. 89.

вание сравнительно узкого круга текстов, наполненных рассказами о богах. Представленные в определенном свете, они могли оказать решающее воздействие на формирование взглядов юноши. Угроза душе ученика становилась еще значительнее в случае, если эти «лживые», с точки зрения последователей новой веры, мифы толковал учитель-идолопоклонник. Признанное великолепие слога Гомера и Гесиода образованные язычники считали неоспоримым доказательством «боговдохновенности» и истинности их рассказов¹⁹. Преподаватели, вольно или невольно, прививали это отношение к древним поэтам своим христианским ученикам, многие из которых не могли не соглашаться с тем, что своими литературными качествами тексты классиков выгодно отличаются от написанных нарочито немудреным языком Писаний²⁰. Еще сильнее на образ мысли молодого человека мог повлиять курс философии, по окончании которого многие догматы христианской веры представлялись, по меньшей мере, спорными²¹.

Свидетельством того, что путь к богам нередко лежал через школу, служат слова человека, пережившего подобную религиозную трансформацию: «благодаря нашей науке всякий из вас (христиан), кто имеет благородные задатки, отступается от своей нечестивости; у кого сохранилась хоть капля дарования отказывается от вашей нечестивой религии» (Jul. C. Gal. 229). История апостасии автора этих строк, императора Юлиана описана многократно. Благодаря своему педагогу Мардонию, который был страстным почитателем Гомера, рожденный в христианской семье Юлиан заинтересовался древними мифами. Позднее он учился у неоплатоников пергамской школы, поддавшись их влиянию, отверг

¹⁹ См.: Jul. Or. IV.136; Ep. 30(61c); Procl. In. ReP. I.193; Lamberton 1992; Sandnes 2009. P. 45–47.

²⁰ Недостаточно изящный язык христианских Писаний являлся постоянным объектом критики языческих интеллектуалов, считавших, что откровение не могло быть явлено в столь вульгарной форме. Graves 2014, P. 76–77, ссылки на источники, см. Ibid. 163, nn. 82–83., см. также Isid. Pel. Ep. II.478; 531; 533.

²¹ Например, согласно Евсевию Кесарийскому, один из зачинателей неоплатонической традиции Аммоний Саккас отказался от христианства, познакомившись с философией (Euseb. HE. VI.19.6; см. Schott 2008) В начале V в. ученик Гипатии епископ Синезий Киренский признавался, что не принял и никогда не примет христианское учение о конечности сущего, воскрешении во плоти и зарождении души (Syn. Ep. 105, об отношении Синезия к христианским догматам, см. Vregman 1982, P. 155–163). Интеллектуалы-последователи новой веры были вынуждены бороться с «глетворным» влиянием идей языческих философов на протяжении всего позднеантичного периода. Так, убедительность рассуждений неоплатоников о вечности мира вынудила нескольких христианских мыслителей встать на защиту учения Церкви от нападок языческих «любомудрствователей». Памятники этой полемики – трактаты «Геофраст» Энея Газского, «Аммоний» Захария Митиленского, «Комментарии на книгу Бытия» Прокопия Газского и сочинение Иоанна Филопона «О вечности мира против Прокла». См. подробнее Sorabji 2015; Watts 2006. P. 227–245; 2005b.

«галлилеянок суеверие» и обратился к язычеству²². Его убежденность в том, что преподнесенная искренним почитателем богов «эллинская наука» способна привлечь молодого христианина к алтарям вернее любых кровавых гонений, во многом определила характер его борьбы с новой верой. Став императором, Юлиан издал т.н. школьный указ, утвердивший монополию язычников на преподавание классической литературы и философии²³. Юлиан Отступник – не единственный позднеримский законодатель, осознававший влияние учителей на религиозный выбор учеников; в VI в. ему вторил «христианнейший царь» Юстиниан I, заявляя, что преподаватели-идолопоклонники «губят души своих учеников» (СJ. I.11.10; ср. СJ. I.5.18). Источники V–VI вв. сохранили многочисленные сообщения об отступничестве воспитанников языческих учителей. Среди них – «Жизнь Исидора», вышедшая из-под пера схолаха Дамаския²⁴, а также труды историка и богослова Захарии Митиленского. Сведения ревностного защитника традиционных культов Дамаския и благочестивого христианина Захарии раскрывают сложную палитру интеллектуальных контактов христиан и язычников в образовательных центрах Восточной империи. Важен персональный характер информации: Дамаский был лично знаком с языческими проповедниками Александрии и Афин, а Захария входил в кружок «трудолюбцев»²⁵ – студентов-христиан, боровшихся с влиянием преподавателей-идолопоклонников среди учеников школ столицы Египта и Берита.

Главным центром языческого прозелитизма были Афины²⁶ Десятилетия после издания антиязыческих эдиктов Феодосия I афиняне продолжали отправлять празднества в честь своей богини-покровительницы²⁷, а храмы принимали подношения от верующих (Marin. V. Procl. I; XXIX). Высокое положение языческим культам во многом обеспечивала деятельная поддержка членов афинского буле, сохранявших верность отеческим богам²⁸. Афины были знамениты своими школами, сотни молодых аристократов ежегодно высаживались в Пирее, примыкая к шумной толпе афинского студенчества. Религиозная атмосфера здесь способствовала привлечению юношества к традиционным культам: христи-

²² См.: Athanassiadi 1992. P. 14–53; Bowersock 1978. P. 21–32; Browning 1976. P. 31–66; Hunt et al. 2008. P. 44–49; Smith 1995. P. 23–36; 180–189.

²³ За христианскими учителями император сохранил лишь право «толковать Матфея и Луку» (Jul. Ep. 30(36)). Источники о «школьном эдикте» Юлиана см. в Ведешкин 2018. С. 210; библиографию вопроса, см. в Teitler 2017. P. 172.

²⁴ Этот труд сохранился в выписках патриарха Фотия (IX в.) и статьях из лексикона Свиды (X в.). Мы опираемся на выполненную П. Афанасиади реконструкцию текста.

²⁵ О деятельности *philoponoi*, см. Wipszycka 1996. P. 257–278.

²⁶ См. в Eliopoulos, Saradi 2011. P. 265–288; Trombley 2001. P. 292ff.

²⁷ В IV–V вв. Панафиней оставались важнейшим празднеством для жителей Аттики. Описание церемонии см. у Гимерия (Or. XLVII).

²⁸ См. Watts 2006. P. 82–84; 2016. P. 201–209; Brisson 2017.

ан среди преподавателей почти не было²⁹, а обучение зачастую сочеталось с участием в местных религиозных празднествах и церемониях: ученики афинских школ «воздавали подобающую честь и почитание богам, входя в храм великой Афины, припадая к ней и прося ее умудрить разум для принятия знаний» (Georg. V. John. Chrys. P. 258–261). Вспоминая годы ученичества, Григорий Назианзин отмечал: «...душепагубны Афины, потому что изобилуют худым богатством – идолами, которых там больше, нежели в целой Элладе, так что трудно не увлечься за другими, которые их защищают и хвалят» (Greg. Naz. Or. 43. 22)³⁰.

Религиозно-мистический компонент студенческого курикулума был особенно заметен в самом значительном из афинских училищ – неоплатонической Академии. Первый глава Академии Плутарх происходил из древнего жреческого рода³¹ и не раз лично организовывал празднования в честь богини-покровительницы родного города (IG. II/III². 3818). Избранные ученики его школы не только изучали труды Аристотеля и Платона, но посвящались в тайны теургии, разбирали «Халдейские оракулы» и орфические гимны³². Этот элемент образовательной практики был абсолютизирован схолархом Проклом Диадохом, который возглавлял Академию в середине – второй половине V в. Этот благочестивый язычник³³ многие десятилетия боролся с распространением христианства среди образованной части восточноримского общества³⁴. Свидетельства об изменении религиозных убеждений учеников Академии позволяют предположить, что в приобщении воспитанников к древним обрядам богопочитания Прокл видел едва ли не главную задачу своей преподавательской деятельности. Известны имена двух принявших язычество выпускников школы Прокла. Один из них – александрийский иудей Зенон, публично отрекся от религии предков и заявил о приверженности «философии» (Dam. V. Isid. 67). Второй – самаритянин Марин

²⁹ Среди множества известных нам риторов и философов, преподававших в Афинах в IV–V вв. был лишь один христианин – Прозересий. О нем, см. Jones, Martindale, Morris 1971. P. 731 (Proaeresius); Watts 2006. P. 48–78.

³⁰ Именно в Афинах, будущий император Юлиан был посвящен в Элевсинские мистерии, тем самым завершив свое отпадение от христианства (Eunap. V. Soph. 476).

³¹ Плутарх был сыном или возможно внуком Нестория (Marin. V. Procl. 12; Procl. In. ReP. II.64; см. также Marin. V. Procl. 28; Athanassiadi 1999. P. 173, n. 149), которого обычно отождествляют с иерофантом, посвятившим Юлиана в Элевсинские мистерии. См. Clinton 1974. P. 43–44.

³² Об этом аспекте педагогической деятельности Плутарха, см. Watts 2006. P. 87–93. Библиография современного состояния исследований по вопросам позднеантичной теургии, см. в Watts 2006. P. 87, n. 93.

³³ О религиозности Прокла, см. Marin. V. Procl. 15; 19; 28. Свидетельством искренней привязанности схоларха к богам являются написанные им гимны богам. См. также Watts 2006. P. 101–104.

³⁴ Перу схоларха принадлежал опровергавший христианскую космологию трактат «Возражение против христианства».

Неаполитанский³⁵ (Ibid. 97A) впоследствии возглавил школу и описал жизнь своего учителя в труде «О счастье».

Возможно, в числе обращенных схолархом был и старший архиатр императора Льва I Иаков Психрист, слывший одним из самых искусных лекарей своей эпохи³⁶. Он носил библейское имя, но в источниках VI в. сохранилось несколько упоминаний о приверженности врача язычеству³⁷. Вероятность того, что родители-язычники могли дать сыну имя ветхозаветного патриарха, ничтожна, следовательно, Иаков родился в иудейской либо христианской семье. Гипотеза Афанасиади о еврейском происхождении врача³⁸ противоречит свидетельству комита Марцеллина, называвшего Иакова *achivus*, т.е. греком (Marcell. Com. Chron. 462). Единственно логичным является признание того, что Иаков родился в христианской семье и впоследствии принял язычество. Обстоятельства его вероотступничества неизвестны. Из сообщения Дамаския следует, что Иаков некоторое время жил в Афинах и пользовал Прокла (Dam. V. Isid. 84J). Таким образом, можно предположить, что архиатр также был обращен в язычество стараниями схоларха.

Активно проповедовали язычество и учителя Александрии. В IV в. столица Египта была одним из важнейших образовательных и культурных центров язычества³⁹. Представители местной языческой интеллигенции не только преподавали риторику и философию, но и поддерживали традиции древнего богопочитания и даже возглавляли единоверцев во время межрелигиозных столкновений⁴⁰. Положение преподавателей-язычников не смогли всерьез поколебать ни разрушения Серапеума⁴¹, ни скандальное убийство Гипатии⁴², ни последовавший погром языческих школ⁴³. На протяжении всего V в. возглавляемые приверженцами

³⁵ Самаритянское происхождение Марина на данный момент признается большинством исследователей, см. Hult 1993; Luz 2017.

³⁶ Пациенты воздвигли Иакову две статуи: в Зевксиповых банях Константинополя (Malal. Chron. 370; Chron. Pasch. 367) и в Афинах (Damas. V. Isid. 84J).

³⁷ Marc. Com. 462; Дамаский именовал его «святым и избранныком богов» (Dam. V. Isid. 84E).

³⁸ Athanassiadi 1993. P. 12.

³⁹ См. Ведешкин 2018. С. 193, прим. 1; 195; 248, прим. 1.

⁴⁰ В конце IV в. философ Антонин возглавлял языческую религиозную общину в предместье Александрии – Канопе (Eupar. V. Soph. 471–472). В правление Юлиана Отступника язычники, ведомые неким «философом», осквернили одну из городских церквей (Greg. Naz. Or. IV.86; см. Ведешкин 2018. P. 212, прим. 2–3). В 391 г. философ Олимпий возглавил александрийских язычников во время беспорядков, окончившихся разрушением Серапеума и других храмов города (Ruf. HE. II.22; Soz. VII. 15). Об Олимпии см. Dam. V. Isid. 42.

⁴¹ См.: Ведешкин 2018. С. 273, прим. 3.

⁴² Dzielska 1995. P. 83–100; Watts 2017. P. 107–120.

⁴³ Иоанн Никиусский писал, что «в те дни», когда Иоанн Златоуст был внесен в диптихи александрийской Церкви (т.е. в 418 г) «жители Александрии», уничтожили «место», где преподавали языческие философы (Iohann. Nik. LXXXIV. 43).

традиционных культов школы оставались важнейшими учебными заведениями города и продолжали привлекать студентов со всех концов империи⁴⁴. Имена некоторых из обращенных в язычество александрийцев передал Дамаский. В своем труде он вспоминал о Епифании и Евпрепии, которые поначалу не были последователями «традиционного образа жизни» и перешли к почитанию богов благодаря общению с теми «кто придерживался древних заветов» (в контексте повествования Дамаския, под ними подразумевались представители языческой интеллигенции). Впоследствии они стали лидерами языческой общины столицы Египта. Епифаний был избран распорядителем мистерий Осириса и Эона⁴⁵, а Евпрехий – мистерий Митры (Dam. V. Isid. 41). Вероятно, эти обращения относятся ко второй половине IV в.⁴⁶

О распространенности языческой проповеди в первой половине V в. свидетельствовал патриарх Кирилл Александрийский. Во вступлении к своему труду «Против Юлиана», он заявил, что под воздействием сочинения Отступника «Против галилеян» «многие легкомысленные и склонные к отпадению из верующих удобно впадают в его [Юлиана] сети и становятся приятной добычей демонов. Иногда, впрочем, приходят в смущение и утвержденные в вере...» (Cyril. C. Jul. Pr. 4). Один поздний источник передает рассказ о разговоре патриарха Кирилла с неким философом, похвалившимся, что все александрийцы читают труд покойного императора⁴⁷. Видимо, эта легендарная встреча отражает реальный факт глубокой озабоченности церковных властей влиянием антихристианской литературы на александрийское общество⁴⁸.

Захария Митиленский сообщал, что во время его обучения в столице Египта (480-е гг.) пропагандой язычества занимался ритор и философ Гореполлон: он был «превосходным учителем, но кроме того, язычником, введенным в заблуждение демонами и чародейством». Согласно

⁴⁴ О языческом обществе Александрии 20–30-х гг. V в., см. напр. Marin. V. Procl. 8–9.

⁴⁵ О синкретическом культе Эона, см. Athanassiadi 1999. P. 125, n. 84.

⁴⁶ Время обращения Епифания и Евпрепия – предмет дискуссии. Зинтзен, отождествляя Епифания с упомянутым Созоменом (Soz. VI.25) софистом середины IV в., относит это событие к первой половине IV в. (Zintzen 1967. P. 75). Авторы PLRE II предполагали середину – вторую половину V в. (Martindale 1980. P. 398 (Eiphanianus 2); 427 (Euprepius)). Реконструкция текста Дамаския позволяет предположить, что этот отрывок был частью описания александрийских философов конца IV – начала V в. Если принять эту гипотезу, то героя повествования Дамаския можно отождествить с Епифанием, которому посвящен выполненный Теоном Александрийским комментарий на «Альмагест» Птолемея (Athanassiadi 1999. P. 123, n. 83). На 391 год как *terminus ante quem* обращения двух александрийцев указывает и упоминание об их участии в культах Эона и Митры. Сомнительно, что эти таинства отправлялись в Александрии после разрушения Серапеума (см.; Ведешкин 2018. С. 248, прим. 2).

⁴⁷ History of the Patriarchs of the Coptic church of Alexandria. Vol. II. P. 432–433.

⁴⁸ О литературном аспекте борьбы Кирилла с влиянием язычников, см. Allen 2015. P. 180–181. О его труде «Против Юлиана», см. Вишняков 1908; Wilken 1999.

«Житию Севера», философ приобщал воспитанников к древним культам и даже совершал с ними давно запрещенные жертвоприношения (Zach. V. Sev. 15). За распространение язычества среди юношества Горapolлон получил от александрийцев прозвище Психаполлон, «Душегуб» (ibid. 33). Конфликт его студентов с принявшим христианство юношей Паралием спровоцировал языческий погром в столице Египта и Менуфисе. Присланный расследовать это происшествие чиновник устроил настоящую охоту на представителей языческой интеллигенции, незадолго до того скомпрометировавшей себя связями с мятежником Иллоом (см. ниже). Горapolлон пытался бежать из города, но был схвачен и подвергнут пытке. Сломленный физически и морально он принял христианство⁴⁹.

После событий конца 480-х из многих преподавателей-язычников Александрии к чтению курса философии вернулся лишь Аммоний Гермий, по-видимому, согласившийся изменить свою программу на более приемлемую для христианской общины города⁵⁰. Впрочем, даже выхолощенные от всех элементов религиозной пропаганды лекции Аммония продолжали склонять студентов к язычеству. Одним из героев диалога Захарии Митиленского «Аммоний» (после 490 г.) является некий ученик египетского философа, усомнившийся в постулатах христианской веры под влиянием своего наставника (Zach. Ammon. Pr.).

Языческая проповедь звучала и в аудиториях знаменитой юридической академии Берита⁵¹. В конце V в. одним из лучших преподавателей школы считался Леонтий, чья «слава была известна всякому, изучавшему законы» (Zach. V. Sev. 48)⁵². Согласно Захарии, «искушенный в соблазнении» Леонтий не только разъяснял ученикам тонкости римского права, но и приобщал «будущих префектов и вождей» к идолопоклонству, обучая их магии и астрологии (ibid. 66–67). До времени ему удавалось скрывать свою проповедь от властей. Информация об этой стороне его деятельности вышла на поверхность лишь после того, как группа его учеников была застигнута за попыткой принести жертву «демонам». Разбирательство выявило, что сам юрист и многие из воспитанников его школы владели запрещенными книгами и практиковали чародейство и мантику. Разъяренная толпа едва не линчевала Леонтия, который спасся лишь благодаря заступничеству своих христианских учеников (ibid. 69–70). Позднее Леонтий вернулся в Берит и, очевидно желая сохранить кафедру, принял крещение (ibid. 74; Dam. V. Isid. 40).

Языческие учителя влияли не только на своих студентов. Уважение, испытываемое к носителям классической пайдеи представителя-

⁴⁹ Dam. V. Isid. 120. Некоторые исследователи считают, что причина его вероотступничества крылась в семейной драме (Kosinski 2010. P. 157–158, n. 67).

⁵⁰ См. Szabat 2012. P. 172–175; Watts 2006. P. 223–225; 223, n. 115.

⁵¹ О юридической школе Берита, см. Hall 2004. P. 192–216.

⁵² Ср. Cj. I.17.2.9.

ми чиновной и военной знати, открывало широкие возможности для пропаганды язычества в высших эшелонах власти. Так, по данным Дамаския и Захарии, в язычество был обращен исаврийский полководец Илл. Апостасия военачальника якобы свершилась стараниями его советника – ученика Прокла, поэта, мистика и философа Пампрепия (Dam. V. Isid. 77B; Zach. V. Isaiae. P. 7. Ed. Brooks)⁵³. Противоречивость свидетельств не позволяет однозначно судить об истинных убеждениях Илла⁵⁴, но восточноримские язычники, несомненно, считали его единоверцем. В начале 480-х гг. Пампрепий совершил несколько поездок по языческим общинам востока, распространяя слухи о том, что Илл намеревается поднять мятеж против императора Зенона и восстановить древние культы⁵⁵. Очевидно, Илл возложил на Пампрепия задачу привлечь на свою сторону восточноримских язычников. Несмотря на то, что некоторые последователи традиционных культов более чем прохладно отнеслись к Пампрепию и его миссии⁵⁶, эмиссару Илла удалось привлечь на свою сторону александрийских, афродизийских и газских язычников. Дамаский сообщал, что многие последователи традиционных культов связывали с заговором Илла и Пампрепия «надежды на возвращение былого» (Dam. V. Isid. 113C). Уже после подавления мятежа, юноша Паралий писал своему брату в Афродизий: «...мы взывали к богам, вопрошая, победим ли вместе с Пампрепием, Иллом и Леонтием и теми, кто восстал с ними против блаженной памяти императора Зенона. И были знамения, что падет пред их мощью Зенон и наступит время язычеству восторжествовать, а христианству распасться и исчезнуть» (Zach. V. Sev. 40). Примечательно, что подобное мнение об Илле разделяли и газские христиане, считавшие, что в случае победы мятежников язычники откроют свои храмы (Zach. V. Isaiae. P. 7. Ed. Brooks). Шанса проверить эти опасения не представилось. Начавшееся в 384 г. восстание Илла было с легкостью подавлено армией Зенона⁵⁷.

Самый интригующий кандидат на роль языческого неопита – один из последних правителей Западной империи Анфимий. В фотиевых вы-

⁵³ О нем, см.: Asmus 1913; Salamon 1996; Ведешкин 2011; Livrea 2014.

⁵⁴ Ряд источников рисуют Илла христианином-халкидонитом. На это, видимо, указывают его связи с такими противниками «Энотикона» как Иоанн Талайя и Каландион Антиохийский (Козлов 1988. P. 65–67; Kosinski 2010. P. 151–151, n.123). Однако нельзя исключать, что, завязывая контакты с находящимися в оппозиции к императору архиереями, Илл преследовал исключительно политические цели, а объявленная им поддержка халкидонитов была лишь ширмой. Очевидно, подготавливая мятеж он пытался создать максимально широкую коалицию внутри- и внешнеполитических противников Зенона. См. Kosinski 2010. P. 147–148.

⁵⁵ О его поездке в Египет в 482 г. см. Rhet. 117; Dam. V. Isid. 113. Свидетельства Захарии позволяют предположить, что философ также посещал язычников Афродизия и Газы (Zach. V. Isaiae. P. 7. Ed. Brooks; Zach. V. Sev. 40).

⁵⁶ См.: Dam. V. Isid., 66A; 112A; 113J–R.

⁵⁷ О ходе восстания, см. Kosinski 2010. P. 147–150.

писках из Дамаския, август назван «эллином» и идолопоклонником, планировавшим реставрацию язычества (Dam. V. Isid. 77A)⁵⁸. При этом ни один из современных западных авторов не сообщал о приверженности императора древним культам⁵⁹. Рассказ о язычестве Анфимия можно было бы принять за сплетню, пущенную в оборот кем-то из александрийских язычников⁶⁰, если бы не ряд аспектов его внутренней политики, косвенно свидетельствующих в пользу сообщения Дамаския. При назначении на высшие посты Анфимий отдавал явное предпочтение язычникам. Не скрывавшего своей приверженности древним богам правителя Далмации Марцеллина он жаловал титулом патриция (Dam. V. Isid. 69; Marc. Com. Chron. 468)⁶¹, а сенатора-язычника Мессия Феба Севера патрициатом и должностями консула и префекта Рима⁶². Подозрительна веротерпимость августа в отношении еретиков (Coll. Avell. 95.61) и то, что он не препятствовал проведению в Риме языческого праздника Луперкалий (Coll. Avell. 100.13). Наконец, на одном из монетных типов Анфимия появляется изображение Геркулеса⁶³. Эти факты не могут служить доказательством язычества западного императора⁶⁴, но в совокупности они придают определенный вес сообщению Дамаския.

Признание возможности того, что Анфимий был тайным последователем традиционных культов, ставит вопрос о его пути к язычеству. Сведения о принадлежности предков императора к виднейшим родам константинопольской знати позволяют утверждать, что будущий август воспитывался в христианской семье и не мог быть язычником от рождения. Его гипотетическая приверженность древним культам могла быть лишь следствием обращения. В панегирике в честь императора Сидоний Аполлинарий сообщал, что Анфимий был знатоком древних и новых философских учений (Sidon. Apol. Pan. II.156ff). Как известно, к Анфимию был близок друг александрийских философов Север, а в свиту его сподвижника Марцеллина входил один из преподавателей Академии,

⁵⁸ На этом основании ряд исследователей признает Анфимия язычником без всяких оговорок (например, Athanassiadi 1993. P. 18; Shanzer 1986. P. 25–26).

⁵⁹ См. MacGeorge 2002. P. 53.

⁶⁰ Можно предположить, что источником информации об апостасии Анфимия был проживавший в столице Египта сподвижник императора – римский аристократ-язычник Мессий Феб Север. Выведенный на страницах «Жизни Исидора» образ Севера живо напоминает хрестоматийного героя Рудольфа Распе – сенатор явно любил рассказывать всяческие небылицы. См.: Dam. V. Isid. 51.

⁶¹ О нем, см. MacGeorge 2002. P. 15–68.

⁶² См. в Martindale 1980. P. 1005–1006 (Severus 19).

⁶³ Kent 2018. P. 198 (RIC X 2907), примечательно, что это первое с 313 г. изображение Геркулеса на монетных типах.

⁶⁴ Политическая необходимость вынуждала императоров мириться с существованием еретиков, десакрализованные изображения богов (напр., Виктории и Тюхе) время от времени появлялись на монетах правителей-христиан, а языческие празднества продолжали справляться жителями многих городов империи вплоть до VI в.

философ-язычник Салустий (Dam. V. Isid. 69D)⁶⁵. Таким образом, Анфимий мог отступить от христианства под влиянием одного из философов круга Прокла⁶⁶. Впрочем, реальная или мнимая приверженность императора древним культам никак не повлияла на положение западных язычников⁶⁷. Ситуация в агонизировавшей Западной империи явно не благоприятствовала крупным изменениям курса религиозной политики.

Языческая проповедь затихла лишь в VI в. Вскоре после вступления на престол Юстиниана I было издано несколько суровых антиязыческих эдиктов. Указ 529 г. предписывал всем язычникам креститься под страхом конфискации имущества и изгнания. Если новообращенные продолжали отправлять языческие ритуалы, они предавались смерти (CJ. I.11.10). Так был открыт новый этап правового регулирования религиозной жизни. Впервые преступным стал не только факт отправления языческого культа, но сама непричастность к христианскому сообществу. Язычники были лишены всех гражданских прав: им было запрещено завещать и наследовать имущество, владеть рабами-христианами (CJ. I.10.2), служить на гражданской и военной службе (Theoph. 6022), преподавать (CJ. I.5.18; I.11.10). В том же году Юстиниан разогнал афинскую Академию (Malal. XVIII.47)⁶⁸. Схоларх Дамаский и несколько преподавателей были вынуждены искать убежища у персидского шахиншаха Хосрова. Позднее афинским философам было позволено вернуться в пределы империи (Agath. II.30). Некоторые из них осели в Каррах-Харране, ученик Дамаския Сипликий, возможно, вернулся в Афины⁶⁹, небольшая языческая школа, во главе с наследником Аммония Олимпиодором Младшим, сохранилась в Александрии⁷⁰. Но свидетельства о случаях обращения их воспитанников в древнюю веру нет.

Приведенные примеры обращения в древнюю веру свидетельствуют, что представители языческой интеллигенции (особенно философы-неоплатоники) активно пропагандировали традиционные культы на протяжении IV–V вв. Под влиянием своих учителей, друзей и советников христиане, иудеи и самаритяне убеждались в истинности древних богов и, невзирая на возможные последствия для их статуса, обращались к гонимой религии. Позднеантичное язычество продолжало привлекать новых сторонников и таким образом являлось «живой» верой, а не пустой оболочкой, лишенной религиозного содержания.

⁶⁵ О нем, см. Martindale 1980. P. 972 (Salustius 7).

⁶⁶ Предположение о том, что сам Анфимий был учеником Прокла (O'Meara 2003. P. 21), не находит подтверждения в источниках.

⁶⁷ Вероятно, прав Шувен, полагая, что Анфимий (если он действительно был язычником) предпочитал не афишировать свои убеждения (Chuvin 1990. P. 121).

⁶⁸ О закрытии Афинской школы и судьбе преподавателей, см. Watts 2006. P. 131–141.

⁶⁹ Об их судьбе, см. Athanassiadi 1993. P. 24–26; Watts 2005a.

⁷⁰ О школе Олимпиодора, см. Watts 2006. P. 233–237.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Ведешкин М.А. К вопросу идентификации героя «Carmen contra paganos» // Аристей. 2016б. № 13. С. 63–89. [Vedeshkin M.A. K voprosu identifikacii geroya «Sarmen sontra paganos» // Aristej. 2016a. T. 13. S. 63–89].
- Ведешкин М.А. Пампрепий и последняя битва восточноримского язычества // Классическая и византийская традиция. 2011. Белгород: 2011. С. 94–99. [Vedeshkin M.A. Pamprepij i poslednyaya bitva vostochnorimskogo yazychestva // Klassicheskaya i vizantijskaya tradiciya. 2011. Belgorod: 2011. S. 94–99].
- Ведешкин М.А. Правовой статус язычников и языческих культов в Римской империи IV–VI вв.: законодательство и практика // Император Юлиан. Полное собрание творений. СПб., 2016а. С. 749–791. [Vedeshkin M.A. Pravovoj status yazychnikov i yazycheskih kul'tov v Rimskoj imperii IV–VI vv.: zakonodatel'stvo i praktika // Imperator Yulian. Polnoe sobranie tvorenij. SPb., 2016a. S. 749–791].
- Ведешкин М.А. Языческая оппозиция христианизации Римской империи IV–VI вв. СПб.: 2018. 357 с. [Vedeshkin M.A. Yazycheskaya oppoziciya hristianizacii Rimskoj imperii IV–VI vv. SPb., 2018].
- Вишняков А. Император Юлиан Отступник и литературная полемика с ним св. Кирилла, архиепископа Александрийского в связи с предшествующей историей литературной борьбы между христианами и язычниками. Симбирск: 1908. [Vishnyakov A. Imperator Yulian Ostupnik i literaturnaya polemika s nim sv. Kirilla, arhiepiskopa Aleksandrijskogo v svyazi s predshestvuyushchej istoriej literaturnoj bor'by mezhdru hristianami i yazychnikami. Simbirsk: 1908].
- Козлов А.С. Политическая оппозиция правительству Византии в 476–491 гг. V в. Основные направления и социальное содержание. // АДСВ. 1988. № 24. С. 58–73. [Kozlov A.S. Politicheskaya oppoziciya pravitel'stvu Vizantii v 476–491 gg. vv. Osnovnye napravleniya i social'noe sodержanie. // ADSV. 1988. № 24. S. 58–73].
- Коптелов Б.В. Отношения римских императоров с христианской церковью в 330–х – начале 360–х годов. Дисс. к.и.н. М., 2003. [Koptelov B.V. Otnosheniya rimskih imperatorov s hristianskoj cerkov'yu v 330–h – nachale 360–h godov. Diss. M., 2003].
- Петрова М.С. Вся жизнь – борьба? К вопросу о противостоянии чужому // Цивилизация и варварство. 6 (2017). [Petrova M.S. Vsyazhizn' – bor'ba? K voprosu o protivostoyanii chuzhomu // Civilizaciya i varvarstvo 6 (2017)].
- Уколова В.И. Поздний Рим: пять портретов. М., 1992. [Ukolova V.I. Pozdnyj Rim: pyat' portretov. M. 1992].
- Allen P. The Festal Letters of the Patriarchs of Alexandria: Evidence for Social History in the Fourth and Fifth Centuries. // Alexandrian Legacy: A Critical Appraisal / Ed. D. Costache, P. Kariatlis. Newcastle upon Tyne, 2015. P. 174–189.
- Alston R. The City in Roman and Byzantine Egypt. London; New York, 2001.
- Asmus R. Pamprepios, ein byzantinischer Gelehrter und Staatsmann des 5. Jahrhunderts. // Byzantinische Zeitschrift. 1913. № 22. P. 320–347.
- Athanassiadi P. Damascius: The Philosophical History. Athens, Gr.; Oakville, CT, 1999.
- Athanassiadi P. Julian: An Intellectual Biography. London; New York, 1992.
- Athanassiadi P. Persecution and Response in Late Paganism: The Evidence of Damascius // The Journal of Hellenic Studies. 1993. № 113. P. 1–29.
- Brisson L. Family, political power and money in the Neoplatonic School of Athens // ΣΧΟΛΗ (Schole). № 11. 2. 2017. P. 321–332.
- Bowersock G. Hellenism in Late Antiquity. Ann Arbor, 1990.
- Bowersock G. Julian the Apostate. Cambridge, 1978.
- Bregman J. Synesius of Cyrene: Philosopher-Bishop. Berkeley; Los Angeles; London, 1982.
- Browning R. The Emperor Julian. Berkeley, 1976.
- Busine A. From Stones to Myth: Temple Destruction and Civic Identity in the Late Antique Roman East // Journal of Late Antiquity. 2013. № 6. № 2. P. 325–346.
- Chuvin P. A Chronicle of the Last Pagans. London, 1990.
- Clinton K. The Sacred Officials of the Eleusinian Mysteries // Transactions of the American Philosophical Society. 1974. № 64. № 3. P. 1–143.
- Criboire R. The school of Libanius in late antique Antioch. Princeton, 2007.

- Constantelos D.J. Paganism and the State in the Age of Justinian // *The Catholic Historical Review*. 1964. № 50. № 3. P. 372–380.
- Dagron G. Naissance d'une capitale : Constantinople et ses institutions de 330 à 451. P., 1984.
- Downey G. Julian and Justinian and the Unity of Faith and Culture // *Church History*. 1959. № 28. № 4. P. 339–349.
- Dzielska M. Hypatia of Alexandria. Cambridge, Mass., 1995.
- Eliopoulos D., Saradi H.G. Late Paganism and Christianisation in Greece // *The Archaeology of Late Antique "Paganism"* / ed. L. Lavan, M. Mulryan: 2011. P. 261–310.
- Graves M. The Inspiration and Interpretation of Scripture: What the Early Church Can Teach Us. Grand Rapids, Michigan; Cambridge, U.K.: 2014.
- Haehling R. Die Religionszugehörigkeit der hohen Amtsträger des Römischen Reiches seit Constantins I. Alleinherrschaft bis zum Ende der Theodosianischen Dynastie. Bonn: 1978.
- Hall L. Roman Berytus: Beirut in late antiquity. London: 2004.
- Heyden K. Beth Shean/Scythopolis in Late Antiquity: Cult and Culture, Continuity and Change // *One God – One Cult – One Nation: Archaeological and Biblical Perspectives* / ed. R.G. Kratz, H. Spieckermann. Berlin; New York: 2010. P. 301–337.
- History of the Patriarchs of the Coptic church of Alexandria. Vol. II / ed. B. Evetts. Paris, 1904.
- Hult K. Marinus the Samaritan. // *Classica et Mediaevalia. Revue danoise de philologie et d'histoire*. 1993. № 43. P. 163–178.
- Hunt D. et al. The Cambridge Ancient History: The Late Empire, A.D. 337-425 / ed. A. Cameron, P. Garnsey: 2008.
- Jones A.H.M., Martindale J.R., Morris J. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. I. A.D. 260-395. Cambridge, 1971.
- Kaegi W.E. Byzantium and the Decline of Rome. Princeton: 1968.
- Kahlos M. Debate and dialogue: Christian and pagan cultures c. 360-430. Aldershot: 2007.
- Kaster R.A. Guardians of Language: The Grammarian and Society in Late Antiquity. Berkeley: Kent J. Roman Imperial Coinage: Volume X - The Divided Empire and the Fall of the Western Parts, 395-491. London: 2018.
- Kinzig W. «Trample Upon Me...» The Sophists Asterius and Hecebolius: Turncoats in the Fourth Century A.D // *Christian Faith and Greek Philosophy in Late Antiquity* / ed. L.R. Wickham, C.P. Bammel, E.C.D. Hunter. Leiden; New York; Köln: 1993. P. 92–111.
- Kosinski R. The Emperor Zeno: Religion and Politics. Cracow: Historia Iagellonica, 2010.
- Lamberton. Homer the Theologian: Neoplatonist Allegorical Reading and the Growth of the Epic Tradition (Transformation of the Classical Heritage): Un-ty of California Press, 1992.
- Lenski N. Failure of empire : Valens and the Roman state in the fourth century A.D. Berkeley: University of California Press, 2002.
- Livrea E. The Last Pagan at the Court of Zeno: Poetry and Politics of Pamprepios of Panopolis. // *New Perspectives on Late Antiquity in the Eastern Roman Empire* / ed. A. de Heredero, D.A. Hernandez. Newcastle upon Tyne: 2014. P. 2–30.
- Luz M. Marinus' Abrahamic notions of the Soul and One // *Proclus and his Legacy* / ed. D. Layne, D.D. Butorac. Berlin, Boston: 2017.
- MacGeorge P. Late Roman warlords. Oxford; New York: 2002.
- Martindale J.R. The Prosopography of the Later Roman Empire. Vol. II. A.D. 395-527. 1980.
- Maxwell J.L. Christianization and Communication in Late Antiquity: John Chrysostom and his Congregation in Antioch. New York: 2006.
- McLynn N. Poetry and Pagans in Late Antique Rome: The Case of the Senator "Converted from the Christian Religion to Servitude to the Idols" // *Pagans and Christians in Late Antique Rome* / ed. M.R. Salzman, M. Sághy, R.L. Testa: 2015. P. 232–250.
- Nesselrath H.-G. Libanio e Basilio di Cesarea: un dialogo interreligioso? // *Adamantius*. 2010. № 16. P. 338–352.
- O'Meara D.J. Platonopolis: Platonic political philosophy in late antiquity. Oxford; N.Y.: 2003.
- Petit P. Les étudiants de Libanio. Paris: 1957.
- Rohmann D. Christianity, Book-Burning and Censorship in Late Antiquity, *Studies in Text Transmission*. Berlin, Boston: 2016.
- Salamon M. Pamprepizus z Panopolis – pisarz, profesor, polityk, obrońca pogaństwa w cesarstwie wschodnim // *Studia classica et byzantina: Alexandro Krawczuk oblata* / ed. M. Salamon, W. Adamski. Krakow: 1996. P. 163–195.

- Sandnes K.O. The Challenge of Homer: School, Pagan Poets and Early Christianity: 2009.
- Sandwell I. Religious Identity in Late Antiquity: Greeks, Jews and Christians in Antioch. Cambridge, 2011.
- Schor A.M. Theodoret's People: Social Networks and Religious Conflict in Late Roman Syria. Berkeley: 2011.
- Schott J.M. 'Living Like a Christian, but Playing the Greek': Accounts of Apostasy and Conversion in Porphyry and Eusebius // Journal of Late Antiquity. 2008. № 1. Vol. 2. P. 258–277.
- Shanzer D. A Philosophical and Literary Commentary on Martianus Capella's De Nuptiis Philologiae Et Mercurii. Book 1. Berkeley; Los Angeles: 1986.
- Smith R. Julian's gods : religion and philosophy in the thought and action of Julian the Apostate. London; New York: Routledge, 1995.
- Sorabji R. Waiting for Philoponus // Causation and Creation in Late Antiquity / ed. A. Marmorodoro, B.D. Prince. Cambridge: 2015. P. 71–93.
- Szabat E. The "Great Persecutions" of Pagans in the 5th Century Alexandria // Palamedes. 2012. № 7. P. 155–176.
- Teitler H.C. The Last Pagan Emperor: Julian the Apostate and the War against Christianity. Oxford, New York: Oxford University Press, 2017. 312 p.
- Trombley F.R. Hellenic religion and Christianization, c. 370-529. Leiden: Brill, 2001. 362 p.
- Van Dam R. Kingdom of Snow: Roman Rule and Greek Culture in Cappadocia. Philadelphia: 2002.
- Watts E. Athens between East and West: Athenian Elite Self-Presentation and the Durability of Traditional Cult in Late Antiquity // Greek, Roman and Byzantine Studies. 2016/1. P. 191–213.
- Watts E. City and school in late antique Athens and Alexandria. Berkeley: 2006.
- Watts E. The Enduring Legacy of the Iatrosophist Gessius // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2009. № 49. № 1. P. 113–133.
- Watts E. The Late Antique Student's Perspective on Education Life // New England Classical Journal. 2000. № 27. № 2. P. 73–78.
- Watts E. Where to Live the Philosophical Life in the Sixth Century? Damascius, Simplicius, and the Return from Persia // Greek, Roman, and Byzantine Studies. 2005a. № 45. P. 285–315.
- Watts E.J. An Alexandrian Christian response to fifth-century Neoplatonic influence // The philosopher and society in late antiquity / ed. P. Brown, A. Smith, K. Alt. Oakville, CT: 2005b. P. 215–229.
- Watts E.J. Hypatia: The Life and Legend of an Ancient Philosopher. New York, NY: 2017.
- Wilken R.L. Cyril of Alexandria's Contra Iulianum // The Limits of Ancient Christianity: Essays on Late Antique Thought and Culture in Honor of R. A. Markus / ed. W.E. Klingshirn, M. Vessey, Ann Arbor: 1999. P. 42–52.
- Wipszycka E. Études sur le christianisme dans l'Égypte de l'antiquité tardive. Roma: 1996.
- Zintzen C. Damascii Vitae Isidori reliquia. Hildesheim: 1967.

Ведешкин Михаил Александрович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, доцент ИОИ РАНХуГС; Balatar@mail.ru

«Soul-destroying» teachers:

Education and apostasy in the Later Roman Empire

The article discusses influence of classical education and pagan teachers on the religious choice of students of rhetorical and philosophical schools of the Later Roman Empire. For many representatives of the pagan intelligentsia, traditional cults were inseparable from the classical cultural heritage. Pagan teachers instilled these views in their students, which led to the conversion of many educated Christians to paganism. This thesis is illustrated by several examples of this kind of apostasy in the 4th – 5th cc.

Keywords: Late Antiquity, the Late Roman Empire, early Byzantium, education, paganism, apostasy, educational space

Mikhail Vedeshkin, Ph.D. in History, research fellow of the Institute of World History, Russian Academy of Sciences; associate professor of the School of Public Policy – RANEPА; Balatar@mail.ru

С. В. ГОЛИКОВА, Л. А. ДАШКЕВИЧ

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОЕКТЫ РАЗВИТИЯ ГОРНТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ (по материалам Урала конца XIX – начала XX в.)

В статье анализируются проекты развития горнотехнического образования, рассмотренные съездами уральских горнопромышленников. Дебаты между их участниками, горными инженерами, заводовладельцами, горной администрацией, управляющим Уральским горным училищем выявляют их требования к низшему и среднему образованию, которое должно было соответствовать по структуре и функциям задачам экономического развития. В 1916 г. эти положения были учтены министерством торговли и промышленности при разработке законопроекта о промышленных училищах.

Ключевые слова: профессиональное образование, Урал, съезды уральских горнопромышленников, министерство торговли и промышленности, экономика знания

В конце XIX – начале XX в. все большее значение в России обрело профессиональное образование. Появление специальных учебных заведений свидетельствовало как об усложнении труда и его организации, так и о дифференциации самой образовательной среды. Индустриализация и урбанизация вызывали рост потребности в специалистах, владевших особыми знаниями и умениями. Профессиональное обучение в стране зарождалось по инициативе центральных властей и базировалось первоначально в столицах и университетских центрах. Но в изучаемый период пришло осознание, что ускорение развития страны в целом возможно лишь при условии распространения профессионального образования на регионы, где был широко востребован труд соответствующих профессий. Учебные заведения открывались в соответствии с нуждами территорий, на Урале, где неразвитость системы профессионального образования ощущалась особенно остро – прежде всего с потребностями горнозаводской промышленности¹. Обсуждение проблем развития среднего и низшего горнотехнического образования на V–VIII съездах уральских горнопромышленников в 1897–1900 гг. свидетельствует, что местные элиты уже рассматривали образовательную среду как ресурс регионального развития, видели в специальном образовании конкурентное преимущество края, наряду с промышленными предприятиями, запасами полезных ископаемых и опытными рабочими кадрами.

¹ Недостаток горнотехнических школ многие деятели горного дела считали явлением совершенно ненормальным. В Пермской губернии их можно было пересчитать по пальцам: Уральское горное училище в г. Екатеринбурге, горнозаводское отделение при реальном училище в г. Перми, Нижнетагильское и Турьинское горные училища, относившиеся к низшей профессиональной школе. См.: Ячевский 1911. С.122-124.

Проектная деятельность в сфере общеобразовательной школы пореформенного периода и начала XX в. хорошо известна², а профессиональной школе власти и общественность уделяли значительно меньше внимания, планы создания отечественной системы обучения различным профессиям, включавшие как открытие новых училищ, так и преобразование уже действующих, изучены слабо. Литература дореволюционного периода в основном представлена работами по истории отдельных учебных заведений. Даже законодательство о профессиональном обучении не было предметом специального исследования, и горная школа не стала исключением. Если «бумажный» период начального всеобщего в Пермской губернии был описан по «горячим следам»³, то исследований, касающихся планов создания и реформирования училищ, готовящих квалифицированные кадры для горнозаводской промышленности, немного⁴. Между тем в крае имелись силы, способные разрабатывать подобные интеллектуальные проекты, продвигать их в центральных ведомствах, имелись и «площадки» для их обсуждения и апробации.

V Съезд уральских горнопромышленников, собравшийся в Екатеринбурге в 1897 г., признал необходимым открыть при предприятиях низшие окружные горнотехнические школы по типу промышленных училищ ведения Министерства народного просвещения⁵. Управляющий Катавских горных заводов Л.Д. Тенчинский считал, что на Урале должно действовать не менее 50 таких школ⁶. Среди выступавших были и пожелания улучшить начальную подготовку рабочей молодежи, организовать на заводах и промыслах популярные технические курсы, чтобы поднять умственный уровень рабочих и снабдить их краткими теоретическими сведениями по разным специальностям горнозаводского дела⁷.

На VI съезде в 1898 г. Совет съездов уральских горнопромышленников представил проект нормального устава для окружных низших горнотехнических школ. В соответствии с ним, школы должны были причисляться к разряду низших технических учебных заведений ведения министерства земледелия и государственных имуществ и подчиняться главному начальнику горных заводов Урала на правах попечителя учебного округа. Курс обучения в окружных горнозаводских школах составлял три года. Создавались они в центре каждого округа или при нескольких предприятиях. Программа преподавания включала: Закон божий, начала алгебры и геометрии, естествознание (начала физики, химии, ботаники, зоологии), краткий курс минералогии, горное искус-

² Она проанализирована еще современниками; см., напр.: Чарнолуцкий 1908.

³ Сироткин 1904; 1905; 1905(а).

⁴ Материалы к вопросу...; Постников, Фельдман 2004; Дашкевич, Рукосуев 2013.

⁵ Штейнфельд 1898. С. 18.

⁶ Журналы заседаний V съезда... 1897. С. 25.

⁷ Штейнфельд 1898. С. 19.

ство, каллиграфию, техническое черчение, металлургию и начала заводской механики. Для практических занятий при школах устраивались мастерские «применительно к главнейшим отраслям производства, существующим в данном округе», в летний период учащихся следовало отправлялись на местные заводы, рудники и промыслы. Образовательный ценз при поступлении в школу устанавливался на уровне двухклассного училища ведения министерства народного просвещения. За обучение предлагалось взимать оплату по 5–10 руб. в год по определению Училищного совета, беднейших учеников можно было от нее освободить. Окончившим курс такой школы разработчики проекта предлагали присваивать права и льготы слушателей трехклассных городских училищ. Общее содержание окружных горнотехнических школ, по подсчетам Совета съездов, должно было составить 3140–3440 руб. в год, эти средства раскладывались в равных долях на казну и заводчиков.

Защищая интересы казны, главный начальник Уральского горного управления П.П. Боклевский поручил управляющему Уральским горным училищем Н.Е. Китаеву разработать альтернативный устав и проект положения о школах более «законченного типа», который также был представлен на обсуждение съезду. По плану Китаева, школы создавались на средства владельцев одного или нескольких горнопромышленных предприятий при пособии от казны (его размер не оговаривался). Обучение было бесплатным, но ученики должны были иметь свои учебные принадлежности. Образовательная программа была выше предложенной Советом съездов и включала преподавание следующих предметов: Закон божий, русский язык, русская история, география всеобщая и российская, арифметика, геометрия и общие понятия по съемке, строительное искусство, сведения по физике, механике и химии, минералогия, горное искусство, металлургия, черчение и каллиграфия. Программа практического обучения включала только практику в заводских цехах тех округов, где созданы школы, утверждалось, что «горнотехническим школам не следует иметь своих мастерских, как это проектирует Совет съезда, иначе бюджет этих училищ тотчас же превысит те скромные рамки, в пределах которых они должны будут действовать и развиваться»⁸. Общий срок обучения ограничивался тремя годами.

Избранная съездом комиссия из четырех человек: горные инженеры Н.С. Коннохов (Кыновский завод), С.Д. Кузнецов (Омутнинские заводы), И.А. Чиканцев (Сысертские заводы) и И.Н. Павловский (Лысьвенские заводы) – высказалась в пользу проекта Китаева, внося в него изменения⁹. Во-первых, члены комиссии посчитали нужным удалить из названия «окружные горнозаводские школы» термин «окружные», так

⁸ Материалы к вопросу... 1905. С. 3-31.

⁹ Труды VI Съезда горнопромышленников... 1898. С. 348-351.

как школы могут создаваться и при отдельных заводах. Во-вторых, резкие возражения у них вызвало предложение проводить практические занятия учеников в заводских цехах. Комиссия поддержала уже принятое в педагогической науке правило, что занятия учеников должны производиться в школьных мастерских «в строгой учебной последовательности по известной системе, соответственно программе училища по означенным предметам и непременно под постоянным надзором и руководством знающих людей, каковые условия при учебных работах учеников в заводских мастерских невыполнимы, так как у заводских служащих не найдется достаточно времени для руководства и надзора за занятиями учеников». К тому же, по мнению комиссии, большинство уральских заводов не имело достаточного количества свободных станков, на которых могли бы работать ученики. В образовательную программу комиссия предлагала добавить строительное, столярное, кузнечное и слесарное искусства, а при прохождении курсов металлургии и горного искусства знакомить учеников с устройствами и правилами, применяемыми для безопасности работ. Предлагалось исключить из обучения алгебру, каллиграфию и счетоводство, чтобы не переполнять программу предметами, не нужными ученикам в практической работе. Было признано необходимым ввести коллективное содержание учебных заведений казной и горнопромышленниками за счет податного обложения горных промыслов. Комиссия подсчитала необходимые издержки в 130 тыс. руб., включая содержание 20 низших школ (по 4 тыс. руб. на каждую), и смету реформированного Уральского горного училища (50 тыс. в год).

Все проекты были разосланы на обсуждение членам съезда с планом вернуться к ним через год¹⁰. Но, согласно докладу Совета на VII съезде в 1899 г., отзывов от заводоуправлений, за исключением Катавского и Сысертского, не поступило. Сысертский отзыв был подписан членом комиссии Чиканцевым и, естественно, поддерживал доработанный ею проект Китаева. За управляющего Катавскими и Юрюзань-Ивановскими заводами князя Белосельского-Белозерского отзыв подписал горный инженер Н.Н. Филиппов, который утверждал, что заводоуправление может высказаться «только отрицательно в смысле принятия участия в коллективном и обязательном содержании горнотехнических школ на средства горнопромышленников, при равном участии со стороны казны». В случае, если все управление школами будет сосредоточено в руках казны, то горнопромышленники будут лишены законного права распоряжения своими средствами. Если же права в предполагаемом коллегиальном учреждении будут зависеть от величины «школьной подати», то и здесь преобладание будет на стороне казны, так как она является крупным горнопромышленником и будет обладать как ми-

¹⁰ Там же. С. 36.

нимум одной пятой голосов. «Конечно, можно горнопромышленников заставить платить увеличенную горную подать, но согласиться добровольно на обязательный взнос денег, коими неизвестно, как будут распорядиться, нет оснований». По мнению заводоуправления, инициатива устройства заводских школ должна принадлежать тем предприятиям, которые в них нуждаются. Они сами и должны изыскивать средства на основание и поддержание школ с помощью от казны «непосредственно заинтересованной в просвещении народонаселения и улучшении его нравственности». Предполагаемые к открытию двадцать низших горнозаводских школ казались Катавскому заводоуправлению величиной слишком значительной, и к тому же нацеленной на образование должностных лиц «вышестоящих, чем обычные рабочие». Достаточно было бы создать одну-две такие школы за счет средств казны, а на заводах организовать для рабочих более элементарные учебные заведения¹¹.

Подобные мнения прозвучали и на VII съезде. Идея о коллективном участии горнопромышленников в содержании низших специальных школ не встретила сочувствия. Совместное участие горнопромышленников и казны в обеспечении средств низшего горнотехнического образования на Урале, по мнению Совета, могло бы выразиться гарантией со стороны министерства земледелия и государственных имуществ ежегодной субсидии каждой открываемой на местные средства школе, как это было установлено для низших сельскохозяйственных учебных заведений. П.П. Боклевский, прислушавшись к замечаниям горнопромышленников, предложил Н.Е. Китаеву подготовить компромиссный вариант «Нормального положения о низших горнотехнических школах». Проект разрешал устраивать в заводских поселках школы двух разрядов. Школы первого разряда примерно соответствовали тем учебным заведениям, проект которых был представлен Китаевым VI съезду, школы же второго разряда были упрощенными. В них, по новому проекту, было обязательным преподавание Закона божия, русского языка и русской истории «по особо выработанной для сей цели кратной программе», а выбор прочих предметов как общеобразовательных, так и специальных, не ограничивался. Курс обучения в школе второго разряда мог определяться в зависимости от желания учредителей – в два или три года. Согласно проекту, школы входили в ведение министерства земледелия и государственных имуществ и могли учреждаться с его разрешения горнозаводскими предприятиями, земствами, обществами либо частными лицами с пособием или без пособия от правительства. При этом школы первого разряда могли рассчитывать на назначение из средств государственного казначейства 3500 руб., школы второго разряда – на 1500 руб. в год, а также на безвозмездное отведение из казен-

¹¹ Материалы к вопросу... С. 32-35.

ных земель участков для постройки школьных зданий и леса из казенных дач (в случае устройства горнозаводских школ в поселках казенных заводов размер правительственных ассигнований удваивался). Штат содержания низших горнотехнических школ, устроенных в казенных заводах, устанавливался в 7000 руб., в частных – 3500; в школах второго разряда на казенных заводах – в 3000, на частных – 1500. Ссылаясь на мнение министра земледелия и государственных имуществ, Китаев предложил создать преемственную систему обучения: выпускники школ первого разряда могли поступать в Уральское горное училище, а оттуда – в проектируемый городом горный институт или политехникум: «В настоящее время ученики Уральского горного училища лишены права поступления в высшие русские учебные заведения, а следовательно и в горный институт, между тем, лучшие из них могли бы давать наиболее подходящий контингент для прохождения высшего курса горных наук, так как большинство из них родилось, выросло и получило образование в кругу горных людей и горных интересов. Это обстоятельство по достоинству оценила – одно из лучших горнотехнических учебных заведений Европы – Фрейбергская горная академия, принимающая окончивших курс в Уральском училище без экзамена»¹².

Для обсуждения проекта Китаева VII съезд вновь собрал комиссию¹³. Ею был принят проект «Нормального положения о горнотехнических школах». Изменения касались в основном вопросов финансирования. Из плана Китаева было исключено положение о двойном пособии от правительства в случае организации школ на казенных заводах и принят общий для всех учебных заведений штат содержания: школы первого разряда должны были получать в год 6000 руб., второго – 4000 руб. Кроме того, был уменьшен размер правительственного пособия для школ первого разряда до 3000 руб., для школ второго разряда, напротив, увеличен до 2000 руб. Не встретило понимания предложение Китаева установить преемственность между программами учебных заведений низшего и среднего уровня, «так как в Уральское училище будет поступать лишь незначительный процент общего числа обучавшихся в проектируемых школах и ради подготовки этого небольшого числа учеников придется заставлять и прочих проходить усиленный курс общеобразовательных предметов», но оговаривалось: если учредители школ поставят целью дать более широкое образование детям своих служащих, то такие школы по новому положению «могут найти полное применение»¹⁴.

¹² Там же. С. 58.

¹³ В нее вошли член Совета съезда, представитель Верх-Исетских заводов А.И. Фадеев, горные инженеры С.Д. Кузнецов (Омутнинские заводы), Н.С. Конюхов (майорат Строгановых), И.А. Чиканцев (Сысертские заводы), И.Н. Павловский, (Лысьвенские заводы) и горнопромышленник Е.А. Олесов.

¹⁴ Там же. С. 60.

Переработанное комиссией «Нормальное положение о низших горнотехнических школах» было напечатано в трудах VII съезда и отправлено в Горный департамент, после чего началось долгое хождение документа по кабинетам чиновников. Из Горного департамента его отправили на обсуждение особого совещания, созданного для рассмотрения ходатайств съезда. Совещание решило внести в Положение «некоторые дополнения, касающиеся программы преподавания и материального участия казны» и вернуло его в Горный департамент, где в это время уже работала комиссия о штейгерских школах. Комиссия обратилась к уполномоченным съездов в Санкт-Петербурге с просьбой пояснить, чем отличается преподавание в уже существующих горных школах и проектируемых. VIII съезду в январе 1900 г. от комиссии по устройству горнотехнических школ съезду был представлен доклад, пояснявший, что «разница между существующими горными училищами и вновь создаваемыми школами заключается как в преследуемой цели вышеупомянутых учебных заведений, так и в средствах, коими они располагают». Горные училища готовят техников как ближайших помощников инженеров, а проектируемые съездом школы «преследуют более скромную цель дать интеллигентного рабочего, могущего относиться сознательно к химическим и физическим процессам, совершающимся у него на глазах». Комиссия дала подробные разъяснения об объеме и уровне программ специальных предметов, включенных в курс горнотехнических школ первого и второго разряда (горного искусства, физики, механики, химии, минералогии, металлургии, строительного искусства)¹⁵. По окончании съезда необходимые разъяснения были отправлены в Горный департамент, но и после этого проект не был утвержден.

Обсуждение вопросов низшего и среднего профессионального образования горнопромышленники Урала возобновили лишь в 1914 г. на своем XIX съезде. К тому времени образовательная ситуация в стране стала иной: заявило о себе общественное движение за просвещение народа, начался реформаторский бум, касающийся низших и средних общеобразовательных училищ, широко обсуждались проблемы введения всеобщего начального обучения. На повестке дня встал вопрос не просто о развитии профессионального обучения «вширь» (открытии новых учебных заведений и, соответственно, их количественном росте), а о системе профессионального образования и встраивании ее в образовательную среду России, которая сама находилась в стадии реформи-

¹⁵ Там же. С. 66-71. Присутствовавший на съезде представитель Съезда горнопромышленников Юга России Н.Ф. фон Дитмар, предложил дополнить программу преподавания ознакомлением учащихся с правилами оказания первой помощи при несчастных случаях. После некоторых возражений, Съезд постановил: включить его в программу преподавания горного искусства наряду с правилами о предупреждении опасности при работах. – Труды VIII съезда... 1900. С. 24.

вания¹⁶. Условия для созидательной деятельности оказались непростыми: в разных отраслях производства возникали новые специальности и профессии, о которых совсем недавно даже не знали, причем профессии, требующие массового обучения. К тому же, как обычно, не хватало финансов, материально-технической базы и преподавательского состава.

Сложности подстерегали сторонников развития профессионального образования и в самой педагогической сфере. Отечественная педагогическая мысль в то время обосновывала принцип «единой» школы. По П.Ф. Каптереву, требуемое «единство», в первую очередь, обеспечивалось образовательной вертикалью и преемственностью. «Единая школа есть осуществление основной, единой педагогической задачи – всестороннего развития человека – в последовательном ряде школ, органически связанных между собою и допускающих свободный переход учащихся из одной в другую», – писал он. Педагог был уверен в том, что «каждая школа, имея свои задачи, в то же время служит подготовительным классом для другой, следующей за ней, не искусственно, а по самой природе дела. Человек может сделаться настоящим человеком, только пройдя правильную семейную школу, элементарную, получив общее законченное образование и специальное. Последующая школа или образовательный период покоится на предыдущих, их предполагает; все вместе составляют одно целое»¹⁷. Приверженцы идеи «единой» школы настаивали на связи общего и профессионального образования, рассматривая первое как необходимую предпосылку, фундамент второго.

XIX съезд уральских горнопромышленников обвинил правительство в невнимании к вопросам горной школы, в промедлении с утверждением устава низших горнотехнических школ, подготовленного на съездах¹⁸. Но позиция властей по вопросам профессионального обучения уже претерпела заметные изменения в лучшую сторону, так как начавшаяся Мировая война продемонстрировала насущную необходимость реформирования профессионального сегмента образования. Однако реализация реформ столкнулась с серьезными трудностями. Большие ресурсы были брошены на преобразование начальной общеобразовательной школы, обсуждались и реформы средней школы. Об изменениях в сфере профессионального обучения приходилось рассуждать как о перспективе. В профессиональном образовании преобладал ведомственный подход – учебные заведения создавались, финансировались и принадлежали к различным ведомствам, привести их к единому знаменателю было очень сложно. И все же, несмотря на трудности военного времени, учебный отдел Министерства торговли и промышленности

¹⁶ См., напр.: Вахтеров 1987. С. 256-268.

¹⁷ Каптерев 1913. С. 73-74, 78.

¹⁸ Постников, Фельдман 2004. С. 36.

(в его ведении находилась большая часть горных школ) приступил к консультациям «по организации и постановке преподавания в низших и средних технических учебных заведениях в России».

19 мая 1915 г. на заседании под председательством члена Государственного совета А.Е. Лагорио был заслушан доклад об устройстве горнотехнического образования, подготовленный Н.Ф. фон Дервизом и Ф.А. Ивановым. Они предложили «для удовлетворения нужд горнозаводской промышленности» ввести четыре типа учебных заведений: «школу для подготовки горных и заводских десятников» (I ступень), затем «школу горных и заводских уставщиков» (II ступень), третьей ступенью было «училище горных и заводских техников»¹⁹. Завершало образование обучение в Горном институте (IV ступень). Предлагалось создать школы первой образовательной ступени для подготовки «работников в горном и заводском деле, которым может быть поручаем ближайший технический надзор над работами». Принимать сюда можно было людей со стажем работы на производстве не менее двух лет, они изучали общеобразовательные предметы (закон Божий, русский язык, арифметику, геометрию, черчение) и специальные дисциплины («сведения о машинах и орудиях», «горные работы» и «учет горных работ», «знакомство со съемочными работами и употребляемыми при этих работах инструментами», «правила по надзору за безопасностью работ», «спасательные работы и меры предупреждения несчастных случаев», «подание первоначальной помощи при несчастных случаях»). Учебный курс предполагался длиной от 6 месяцев до 1 года. Заведовать делами школы должен был попечительный совет, финансировать ее могли общественные учреждения, частные лица и казна. Длительность обучения в школах горных и заводских уставщиков составляла 3-4 года. Для обеспечения преемственности горного образования предлагалось дать выпускникам данного учебного заведения право после пяти лет практической деятельности по выбранной специальности «поступать по особому экзамену в высшие классы училищ горных и заводских техников». Последние учебные заведения, по мысли разработчиков, должны были быть организованы по типу Уральского горного училища. Если по их окончанию молодые люди решат получать высшее образование в горном институте, то им надо дать эту возможность, но также через пять лет практики. Иванов и фон-Дервиз полагали, что этим шансом воспользуются единицы, «большинство же, посвятив 3 года или 5 лет практической деятельности и устроив в материальном отношении известным образом свою жизнь, не будет стремиться в высшую школу»²⁰.

¹⁹ РГИА. Ф. 25. Оп. 5. Д. 531. С. 102-104.

²⁰ Там же. С. 104-105.

Критике присутствующих подверглись два положения доклада: не всем было понятно включение в типы учебных заведений школ уставщиков, некоторых не устраивал срок работы на производстве, необходимый для продолжения учебы. По мнению О.Р. Сан-Галли, деление средних горнотехнических учебных заведений на два типа: пониженный (штейгерская школа) и повышенный (школа горных техников) было нецелесообразно. Для В.В. Милютин «не совсем ясным» был вопрос о разделении среднего горного учебного заведения на школу штейгеров и школу техников. Однако больше всего у него было возражений по поводу стажа работы, который казался ему «слишком велик». Чтобы не «закрывать штейгерам доступ в горное училище», он предлагал иной вариант: «Было бы лучше установить стаж в 2-3 года и не предрешать поступление штейгера в “старшие” классы горного училища, а разрешить ему поступать в какой угодно класс, куда он выдержит экзамен»²¹. Подводя итоги заседания, Лагорио предложил фон-Дитмару по спорным вопросам выяснить мнение участников предстоящего горнопромышленного съезда. Однако в военную пору там обсуждались более важные темы и съезд «за недостатком времени, не пришел к окончательному выводу относительно желательных типов горных учебных заведений»²².

В феврале 1916 г. чиновники министерства торговли и промышленности, вслед за центральным учебным ведомством, возглавляемым энергичным графом П.Н. Игнатьевым, внесли в Государственную думу свой законопроект о промышленных училищах, подчеркнув, что он создавался «при деятельном участии широкого круга сведущих лиц и представителей общественных, торгово-промышленных и просветительных организаций». К февралю 1917 г. проект министерства народного просвещения успел получить силу закона, а документ министерства торговли и промышленности преодолел лишь думскую комиссию по народному образованию. Летом 1917 г. уже министр торговли и промышленности Временного правительства посчитал «неотложно необходимым провести в жизнь основные черты законопроекта о технических учебных заведениях с тем, чтобы поставить на прочные основания дело технического образования по ведомству Министерства торговли и промышленности, получить возможность помочь открывающимся техническим учебным заведениям и преобразовать существующие на основах нового закона с повышением окладов преподавательскому персоналу и выдачей пособий на устройство и содержание школ, ибо дальнейшее промедление в этом деле может повлечь за собою уход служащего персонала и расстройство учебной жизни». Документ свидетельствует, что в министерстве появилась политическая воля к унификации профессиональной

²¹ Там же. С. 106-107.

²² Там же. С. 190.

школы по любым специальностям, выдвигались «четыре нормальных типа технических учебных заведений»: 1) технические училища или курсы; 2) школы или курсы для подготовки мастеров; 3) курсы для подготовки старших рабочих; 4) школы или курсы для подготовки рабочих²³.

Положения законопроекта дали импульс развитию инициативы на местах. Уже в августе 1917 г. Министерство торговли и промышленности выдало разрешение горному инженеру И. Знаменскому и инженеру-технологу Н. Михайлову на открытие в Перми Уральских политехнических курсов. В сопроводительной записке учредители объяснили, что подвигло их в столь сложное время торопиться с открытием курсов. По их мнению, «развитие промышленности в стране в большей мере обуславливается наличием в ней профессионально подготовленных техников», и «странам, отставшим в своем промышленном развитии, если они пожелают отстоять свою хозяйственную и политическую независимость и национальную личность при конкуренции стран с высокоразвитой техникой, необходимо краеугольным камнем экономической политики поставить создание избыточного числа техников». В России же «ничтожное, по сравнению с территорией страны и населением, количество средних профессиональных школ выпускает и ничтожное количество профессиональных техников»²⁴.

Эти высказывания убедительно свидетельствуют о том, что профессионализм технических кадров стал рассматриваться обществом как одна из важнейших движущих сил прогресса. Свидетельством этому служат и проекты создания системы низшего и среднего профессионального образования, с которыми съезды горнопромышленников обращались в центральные ведомства. Горнопромышленники Пермской губернии рассматривали формы, методы, учебную базу системы профессиональной подготовки в контексте локальной экономики, основой которой в регионе оставалось горнодобывающее и металлургическое производства. Система профобразования была призвана выполнять социальный заказ – готовить специалистов, необходимых для удовлетворения общественных потребностей в трудовых ресурсах.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Источники

- Журналы заседаний V съезда Уральских горнопромышленников. 1897 год. Екатеринбург: Тип. газеты «Урал», 1897. 59, 88 с.
- Каптерев П.Ф. Современные задачи народного образования в России. М.: Изд-во журнала «Народный учитель». 1913. 80 с.
- Материалы к вопросу о низших горнотехнических учебных заведениях на Урале. СПб.: Тип. Г.И. Зархи, 1905. 72 с.
- Сироткин С.Г. Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии (Исторический очерк). Глава I // ЖМНП. 1904. № 7. Отд. 3. С. 819-837.

²³ Там же. Л. 1-2.

²⁴ Уральский техникум... 1917. С. 1, 3.

- Сироткин С.Г. Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии. (Исторический очерк) Глава II // ЖМНП. 1905. № 1. Отд. 3. С. 1-46.
- Сироткин С.Г. Вопрос о всеобщем обучении в Пермской губернии. (Исторический очерк) Глава III // ЖМНП. 1905(а). № 9. Отд. 3. С. 135-198.
- Труды VI Съезда горнопромышленников Уральской горной области. Екатеринбург, 1898. VII, 423 с.
- Труды VIII съезда уральских горнопромышленников. Екатеринбург: Тип. Б.Ю. Вурм, 1900. VII, 234 с.
- Уральский техникум в г. Перми (Политехнические курсы). Пермь, 1917. 18 с.
- Чарнолуцкий В.И. К школьной реформе. М.: Тип. Тов-ва И.Д. Сытина, 1908. 70, II с.
- Штейнфельд Н.П. Горнопромышленные съезды в Екатеринбурге // Адрес-календарь и памятная книжка Пермской губернии на 1898 год. Пермь: Пермский губернский статистический комитет, 1898. Вып. IX. С. 3-27.
- Ячевский Л. Статистика среднего и низшего горного образования в России // Горный журнал. 1911. Т. 3. № 7. С. 122-124.

Литература

- Вахтеров В.П. Тяжба между общим и профессиональным образованием // Вахтеров В.П. Избранные педагогические сочинения. М.: Педагогика, 1987. С. 256-268 [Vahterov V.P. *Tyazhba mezhdru obshchim i professional'nyum obrazovaniem* // Vahterov V.P. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniya*. М.: Pedagogika, 1987. S. 256-268]
- Дашкевич Л.А., Рукосуев Е.Ю. Среднее техническое образование на Урале в конце XIX – начале XX вв. // Актуализация исторического знания и исторического образования в современном обществе. Екатеринбург: УГПУ, 2013. Ч. 2. С. 50-66 [Dashkevich L.A., Rukosuev E.Yu. *Srednee tekhnicheskoe obrazovanie na Urале v konce XIX – nachale XX vv.* // Aktualizaciya istoricheskogo znaniya i istoricheskogo obrazovaniya v sovremennom obshchestve. Ekaterinburg: UGPU, 2013. Ch. 2. S. 50-66]
- Постников С.П., Фельдман М.А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900-1940 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 228 с. [Postnikov S.P., Fel'dman M.A. *Gosudarstvo i professional'naya podgotovka rabochih kadrov promyshlennosti Urала v 1900-1940 gg.* Ekaterinburg: UrO RAN, 2004. 228 s.]

Голикова Светлана Викторовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; avokilog@mail.ru

Дашкевич Людмила Александровна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН; ldash54@mail.ru

Regional projects for the development of mining engineering education (based on the materials of the Urals, late 19th - early 20th century)

The article analyzes the projects of mining engineering education considered by the congresses of the Ural miners. The controversy between participants of the congresses, mining engineers, factory owners, the mining administration, the manager of the Ural Mining College reveals their requirements for the lower and medium mining technical education, which should be consistent with the structure and functions of professional training in the tasks of the region's economic development. In 1916 these requirements were taken into account by the Ministry of Trade and Industry when drafting a bill on industrial schools.

Keywords: professional education, Ural, congresses of Ural miners, Ministry of Trade and Industry, knowledge economy

Svetlana Golikova. Dr. Sc. (History), senior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, avokilog@mail.ru

Liudmila Dashkevich. Dr. Sc. (History), senior researcher, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, ldash54@mail.ru

К ПАМЯТНЫМ ДАТАМ

Л. В. КОРОБИЦЫНА

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ПОЛИТИКИ УМИРОТВОРЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ БРИТАНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья посвящена особенностям интерпретации политики умиротворения 1930-х гг. в современной британской исторической науке. Автор делает вывод, что британская историография отходит от апологетики и критики умиротворителей в сторону изучения таких проблем, как передача и трансформация исторической памяти, поиск консенсуса между разными национальными традициями трактовки предвоенных лет и внедрение междисциплинарных методов исторического исследования.

Ключевые слова: политика умиротворения, происхождение Второй мировой войны, историческая память, концепция «виновники», Н. Чемберлен, ревизионизм

Традиционно изучение политики умиротворения занимало особое место в британской исторической науке, будучи одной из наиболее дискуссионных и политически значимых проблем. Формирование подходов к интерпретации предвоенной международной политики Н. Чемберлена началось с момента вступления Великобритании во Вторую мировую войну. Политические противники умиротворителей во главе с У. Черчиллем заложили основу для концепции «виновники» (*'guilty men'*), согласно которой одной из главных причин начала войны была череда дипломатических просчетов и уступок в отношении Германии, активно наращивавшей силу для военной экспансии в Европе. В 1960-е в связи с выходом в свет книги А.Дж.П. Тейлора «Происхождение Второй мировой войны» возникла необходимость в пересмотре этой концепции. Начиная с середины 1970-х ревизионизм стал реальной силой, выступая в защиту умиротворителей в противовес ортодоксам. Дебаты между сторонниками двух подходов нашли отражение на страницах многих научных журналов [2; 9; 23; 25] и тематических сборников [3; 19; 20; 21], однако не привели к победе той или иной концепции.

Вплоть до 2000-х гг. борьба ревизионистов и ортодоксов не теряла актуальности во многом благодаря биографическим исследованиям Р.А.К. Паркера «Чемберлен и умиротворение» и «Черчилль и умиротворение», которые реанимировали концепцию «виновники». В этих работах Паркер утверждал, что действия Н. Чемберлена были изначально ошибочными и ослабили позиции Великобритании на международной арене: «В противовес широко распространенному мнению умиротворение никогда не стремилось к “миру любой ценой”. Это был комплексный и смертельно опасный дипломатический акт, иными словами, – “война нервов”» [13: 127]. Сопоставив программы по выходу из между-

народного кризиса конца 1930-х, предложенные Чемберленом и его оппонентами, Паркер пришел к выводу, что Европа могла избежать крупномасштабного конфликта, если бы у власти был Черчилль, предлагавший ослабить позиции Гитлера посредством заключения двусторонних договоров с рядом европейских государств [13: ix]. Тем не менее, Паркер признал: «Цели Чемберлена и Черчилля были идентичными. Оба стремились к сохранению независимости Британии и всей империи в целом, однако их методы были абсолютно разными» [13: 259].

Первую попытку пересмотра критического подхода к личности Чемберлена осуществил историк-ревизионист Дж. Чармлей в 1989 г. в книге «Чемберлен и потерянный мир». Автор утверждал, что план по выходу из международного кризиса, реализованный умиротворителями, был единственным шансом для Британии избежать войны. В 2006 г. в свет вышли два биографических исследования Р. Селфа и Г. Маклина, ставшие реальным противовесом ортодоксальным работам Паркера. Книга «Невилл Чемберлен» Р. Селфа [16] является ярким примером классической биографической работы, раскрывающей в равной степени личностные и профессиональные качества политика. По мнению ученого, Чемберлен, хотя и создавал образ упряма, в действительности был человеком чувствительным и глубоко сопереживающим, о чем свидетельствовала его многочисленная корреспонденция с ближайшим окружением и родными, особенно с сестрой: «Вне всяких сомнений, уйдя в отставку или умерев в 1937 г., а не тремя годами позже, Чемберлен вошел бы в историю как великий политик мирного времени, радикальный, но реалистичный реформатор, невероятно талантливый администратор и движущая сила многих недооцененных успешных преобразований начала и середины 1930-х гг. Вместо этого в возрасте 68 лет он стал премьер-министром и остался в памяти потомков как “яркий пример лидера не справившегося с событиями происходившими в мире”» [16: 3]. Провал умиротворения и трагический итог чемберленовской политической деятельности – в совокупности с тем, что имена «виновников» навсегда стали ассоциироваться с фактом сильно травмировавшим историческую память британского общества – затмили важные преобразования, осуществленные Чемберленом в сфере национальной политики, экономики, промышленности и производства.

Анализируя британскую международную политику в контексте событий 1930-х гг., Г. Маклин, автор второй биографии, изданной в 2006 г., опроверг широко распространенное в английском обществе мнение о вине в начале Второй мировой войны недалекновидных и трусливых умиротворителей, потворствовавших экспансионистским амбициям нацистов. Автор полагал, что задача, стоявшая перед Чемберленом, заключалась в обращении сил фашистской Германии против коммунистической России, вызывавшей трепет у всего Запада ростом

своего идеологического и политического влияния в Восточной Европе. Личный секретарь Чемберлена Дуглас-Хоум вспоминал в 1962 г.: «Чемберлен оценивал коммунизм как главную долгосрочную угрозу. Он ненавидел Гитлера и немецкий фашизм, но чувствовал, что над Европой в целом и Британией в частности нависла огромная угроза коммунизма». Чемберлен был также уверен, что Россия предпочтет остаться в стороне от крупных международных конфликтов. Главная задача заключалась в том, чтобы оставить Россию на второстепенных ролях, не вступая с ней в непосредственное противостояние. Кроме того, Чемберлен оценивал СССР как ненадежного, плохо вооруженного, чрезвычайно ослабленного сталинскими чистками, военного союзника» [11: 82]. Очевидно, что работа, проводимая Интернационалом по экспорту революции из Советского Союза, рассматривалась западными лидерами, в особенности англичанами, как реальная угроза, которая могла подорвать государственную систему как внутри самой Великобритании, так и на территориях британских колоний. Вероятно, тот факт, что в 1930-е гг. Россия сконцентрировалась на решении внутренних проблем и выбрала путь строительства социализма в отдельно взятой стране, не внушал доверие Чемберлену. Таким образом, страх перед «красной опасностью» подтолкнул Лондон пойти на сближение с Германией, которая виделась меньшим из зол.

Линия Г. Маклина была продолжена в книге А.Д. Стедмена «Альтернативы умиротворению». Главная задача исследователя заключалась в пошаговом анализе решений, принимаемых Чемберленом на протяжении последних лет его премьерства, и попытке найти альтернативные формы выхода из кризиса. Проведя работу на основе архивных материалов и прессы предвоенных лет, историк пришел к следующему выводу: «За множеством спекуляций вокруг альтернативных вариантов развития событий теряется центральная идея политики умиротворения, которая в первую очередь была нацелена на избежание какой-либо войны. Придерживаясь принципа дипломатического баланса и учитывая влияние любой политики на место Британии на международной арене, Чемберлен не знал наверняка начнется ли война и, следовательно надеялся избежать какого бы то ни было вооруженного конфликта на территории Европы. Таким образом, он не думал, как большинство историков, о том, какая война будет лучше для Британии и ее империи, но стремился абсолютно избежать катастрофы» [17: 242].

На протяжении второй половины 2000-х гг. британскими учеными было издано несколько исследований общего характера, посвященных предвоенным международным отношениям, которые в значительной степени актуализировали идеи, высказанные историками относительно политики умиротворения еще в 1970–1980-е гг. [8]. В 2008 г. журнал «Дипломаси энд Стейткафт» посвятил целый выпуск пробле-

ме интерпретации политики умиротворения в современной британской историографии [4]. Во введении М. Рой представил историю трансформации подходов к международной политике конца 1930-х гг. в виде противостояния между ортодоксами и ревизионистами и пришел к выводу: «Наступило время, когда пора оставить в стороне дебаты и по-новому взглянуть на умиротворение» [15]. В сущности, именно этому и был посвящен журнал, в который вошли статьи, указавшие вектор развития историографии на ближайшее десятилетие.

С. Астер в работе «Умиротворение: до и после ревизионизма» отметил, что существует прочная аналогия между умиротворением и современной политикой, присущая как общественным деятелям и историкам, так и обывателям: «Следует помнить, что использование аналогий не начинается и не заканчивается на Мюнхенском соглашении. Время от времени выдвигаются предположения, что обращение к умиротворению пойдет на спад по мере того, как поколение и люди, участвовавшие или выступившие свидетелями этих событий, исчезнут. Данное предположение является по меньшей мере неубедительным. Более того, в противовес мнению Майкла Говарда, что “дискуссии вокруг умиротворения окончены”, что “ученые изменили свое мнение по данному вопросу” и что историки “создают слишком много мистификаций”, мы уверены – у проблемы политики умиротворения большой потенциал в плане дальнейшего развития» [1: 469].

Не менее значимые выводы были сделаны Г.Б. Стрейнджем в статье, посвященной идеологическому аспекту предвоенной политики 1930-х гг. Автор утверждал, что на современном этапе изучения феномена умиротворения все более очевидной становится необходимость привлечь методы социальной и культурной истории: «Более детальное понимание идеологических убеждений и их интеграции в сеть структурных ограничений расширит наши представления об умиротворении и, возможно, поможет преодолеть кажущийся разрыв между ревизионистским и контр-ревизионистским подходами к интерпретации политики» [18]. Стрейндж, вероятно, понимал, что именно методологический аспект станет актуален в последующее десятилетие.

В 2011 г. под общей редакцией профессора Ливерпульского университета Ф. МакДонау в свет вышел сборник статей «Происхождение Второй мировой войны» [22], объединивший представителей разных исторических школ и направлений. Каждый автор признает влияние следующих факторов на политику Н. Чемберлена, которые трактуются как более или менее значимые в зависимости от личной позиции: Великобритания не подозревала, что амбиции Гитлера выходят за рамки территорий, исконно населенных немцами; еврейский вопрос не воспринимался политиками всерьез и оценивался как пропагандистская «утка»; экономическая нестабильность и влияние колониального во-

проса на нежелание Британии вступать в войну; изоляционизм и пацифизм; недостаточная степень подготовки вооружения; использование Мюнхенского соглашения, как отсрочки; использование Мюнхенского соглашения, как морального укора по отношению к действиям Гитлера; страх перед ростом влияния коммунистической идеологии в Европе.

В 2010-е гг. особой актуальностью в британской историографии начали пользоваться междисциплинарные исследования и использование концепций исторической и культурной памяти для анализа предвоенной международной политики. Это нашло отражение в работах таких ученых как П. Финни [5; 6; 14], С.Г. Уолкер [24] и Р.Г. Хьюэс [10].

В 2011 г. один из наиболее влиятельных специалистов по исторической памяти Второй мировой войны, профессор университета Аберистуита Патрик Финни рассмотрел интерпретацию событий предвоенных лет в семи историографических традициях (российской, немецкой, итальянской, французской, британской, американской и японской). В частности, значительное внимание было уделено политике умиротворения: «Мы не можем утверждать, что историография политики умиротворения занимает позицию столь же широко растиражированной, скандальной и выдающейся проблемы в дискурсе исторической памяти, как другие мифы о годах Второй мировой войны (отходя от обобщающих суждений, следует особо отметить «миф о Мюнхене», обладающий своей особой риторикой и статичностью в рамках международно-политического дискурса). Тем не менее, история умиротворения конца 1930-х гг. тесно переплетается с более масштабными и знаковыми событиями предвоенных и военных лет и заслуживает отдельной оценки, являясь феноменом, изучение которого представляло собой длительные размышления британцев о потере Великобританией статуса мировой державы» [6: 217]. Изучение исторической памяти нашло продолжение в сборнике под редакцией П. Финни «Помня о Второй мировой войне» [14]; в него вошли статьи историков, социологов и филологов из девяти стран, посвященные актуальным тенденциям в трактовке событий 1939–1945 гг. Подобного рода исследования свидетельствуют о том, что мировая историческая наука активно работает над поиском консенсуса по наиболее острым и дискуссионным аспектам культурного и меморативного наследия Второй мировой войны.

В отличие от концепции П. Финни, в рамках которой умиротворение рассматривается, как неотъемлемая часть памяти о военных событиях, специалист по международной политике Р.Г. Хьюэс в книге «Поствоенное наследие умиротворения. Британская международная политика с 1945 г.» предложил иной ракурс изучения проблемы. Отметив, что феномен умиротворения оказал наиболее травмирующее воздействие на восприятие Британией своего вклада в победу над фашизмом, он проанализировал влияние данного исторического опыта на

решения принимаемые правительством Великобритании в сфере мировой политики во второй половине XX – начале XXI в.: «События 1930-х гг. – то, каким образом они были представлены, означало, что все “хорошее” в умиротворении было абсолютно перечеркнуто “плохим”. Последующая дипломатическая политика Британии уже ни при каких обстоятельствах не могла признать наличие позитивного аспекта в умиротворении» [10: 19]. Исследование показало, что по мере роста напряжения на международной арене, Лондон активно стремится к принятию жестких мер по ограничению агрессии извне, таким образом происходит своего рода антирецепция политики умиротворения.

Необычное междисциплинарное исследование «Ролевая теория и когнитивная архитектура решений британских умиротворителей» было представлено политологом С.Г. Уолкером в 2013 г. [24]. Используя матричные уравнения, ученый создал теоретическую модель политики умиротворения, изображая стратегию Великобритании и действия отдельных политических деятелей в виде математических формул и схем: «Историки могут смоделировать британскую стратегию умиротворения в пределах накладываемых методологией ограничений, используя обычный язык для описания с большой долей детализации хронологию событий, мыслей и действий лидеров Британии; однако язык передает факты, в значительной степени делая акцент на конкретных понятиях, а не их генерализации. В свою очередь теоретики могут представить политику умиротворения скорее в общих, чем в конкретных понятиях, при помощи языка математики, с использованием статистических индексов и шкалы для оценивания числовых показателей решений, принимаемых британскими умиротворителями» [24: 14]. Итогом работы стала бинарная ролевая теория, которая может быть использована в качестве теоретической базы для политологических исследований.

Исследование 2016 г. Джули Готтлиб несколько выбивается из общего тренда, существующего в современной британской историографии по проблеме умиротворения, отражая более общие процессы современной гуманитарной науки. Книга «Виновицы» [7], посвященная женщинам из ближайшего окружения Чемберлена и его кабинета, восполнила существенные пробелы, существовавшие в представлении академического сообщества относительно роли женщин в предвоенных событиях. Рассмотрение международной политики через призму феминистского подхода дало возможность вскрыть прежде неизученные аспекты умиротворения. Джули Готтлиб полагает, что женщины, хотя и не принимали самостоятельных решений, но были мощной поддержкой для своих мужей и ближайших родственников, принимая деятельное участие в пропаганде пацифизма в средствах массовой информации и публичных акциях против военных действий.

За более чем 70-летнюю историю изучения истоков Второй мировой войны в британской историографии проблема интерпретации политики умиротворения конца 1930-х гг. не потеряла и, вероятно, в ближайшие годы не утратит своей актуальности. Дипломатический курс, взятый Чемберленом и его ближайшими соратниками в отношении фашистской Германии в предвоенные годы, вызывал острые дискуссии, разделяя общество на два лагеря – критиков и апологетов. В течение 1940–2000-х гг. британская историография по данной проблеме характеризовалась непрекращающимся противостоянием между ортодоксами и ревизионистами, при котором преобладающей становилась то одна, то другая концепция. В конце 2000-х гг. часть британских специалистов в области международной политики середины XX в. высказалась против критики и апологетики умиротворения в пользу поиска новых подходов к трактовке этой сложной и дискуссионной проблемы. Особо были выделены три ключевых вектора для дальнейшего развития темы: реализация междисциплинарных исследований, использование концепции исторической памяти и поиск консенсуса между различными национальными традициями.

На современном этапе наблюдается тенденция расширения и усложнения методологической базы, позволяющей раскрыть степень влияния политики умиротворения на сознание европейского общества и современную международную политику. В этом отношении важнейший вклад был осуществлен благодаря использованию концепции исторической памяти, призванной выявить и изучить сложные социальные механизмы, формирующие и трансформирующие представление нации о своем прошлом. Вторым методологическим столпом значительной части современных англоязычных исследований стала междисциплинарность, позволяющая преодолеть неизбежную ограниченность исторической науки посредством привлечения политологии, социологии, математики и других наук для решения исследовательских задач. Третьим существенным фактором является поиск консенсуса между различными национальными традициями, который сопровождается привлечением специалистов из разных стран. Можно предположить, что в ближайшем будущем указанные тенденции не потеряют своей актуальности и позволят выявить новые аспекты этой дискуссионной и политически ангажированной темы.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

1. Aster S. Appeasement: Before and After Revisionism // *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008. Pp. 443-480.
2. *British Journal of International Studies*. Vol. 6, № 3, Oct. 1980.
3. *Crisis and controversy. Essays in Honour of A.J.P. Taylor* / ed. A. Sked, Ch. Cook. London: Macmillan, 1976.
4. *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008.

5. Finney P. Politics and Technologies of Authenticity: the Second World War at the Close of Living Memory // *Rethinking History*. 2017. №21. Pp. 154-170.
6. Finney P. *Remembering the Road to the World War Two*. London: Routledge, 2011.
7. Gottlieb J.V. 'Guilty Women', Foreign Policy, and Appeasement in inter-war Britain. London: Palgrave, 2015.
8. Henig R. *The Origins of the Second World War*. London: Routledge, 2005.
9. Hoper W. The Origins of the Second World War by A.J.P. Taylor (Review) // *International Journal*, Vol. 18, № 1, winter 1962/1963. Pp. 119-121.
10. Hughes R.G. *The postwar Legacy of Appeasement: British Foreign Policy since 1945*. London: Bloomsbury, 2014.
11. Macklin G. *Chamberlain*. London: Haus Publishing, 2006.
12. Overy R. *The Origins of the Second World War*. London: Longman, 2008.
13. Parker R.A.C. *Churchill and Appeasement*. London: Papermac, 2001.
14. *Remembering the Second World War* / Ed. P. Finney. London: Routledge, 2018.
15. Roi M. Introduction: Appeasement: Rethinking the Policy and the Policy-Makers. *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008. Pp. 383-390.
16. Self R. *Neville Chamberlain*. Aldershot: Ashgate, 2006.
17. Stedman A.D. *Alternatives to Appeasement*. London: Tauris, 2011.
18. Strange G.B. The Spirit of Ulysses? Ideology and British Appeasement in the 1930s. *Diplomacy & Statecraft*, 19, 3, 2008. Pp. 481-526.
19. *The Origins of the Second World War: A.J.P. Taylor and His Critics* / ed. by W.R. Louis. N.Y.: John Wiley & Sons, 1972.
20. *The Origins of the Second World War: Historical Interpretations* / ed. by E.M. Robertson. London: Palgrave, 1971.
21. *The Origins of the Second World War: the A.J.P. Taylor Debate after Twenty Five Years* / ed. by G. Martel. London: Routledge, 1986.
22. *The Origins of the Second World War. An international perspective* / Ed. F. McDonough. London: Continuum, 2011.
23. Trevor-Roper H. A.J.P. Taylor, Hitler and the War / *Encounter*, July 1961. Pp. 88-96.
24. Walker S.G. *Role of Theory and the Cognitive Architecture of British Appeasement Decisions*. London: Routledge, 2013.
25. Watt D.C. Appeasement: the Rise of a Revisionist School? // *The Political Quarterly*. Vol. 36. № 2. Pp. 191-213.

Коробицына Луиза Владимировна, аспирант кафедры Всеобщей истории Уральского государственного педагогического университета; luizakorobitsyna@mail.ru

Interpretation of the appeasement policy in contemporary British historiography

This article is focused on the peculiarities of interpretations of the appeasement policy 1930s in the contemporary British historical science. It is for the first time in Russian historiography when author analyses a number of the most recent English historical studies devoted to the international policy of London in 1930s. The author came to the conclusion that there is a tendency to move from criticism and apology of appeasers' policy to the studies of the problems of historical memory, transformation and searching for consensus between different national historiographical traditions and using new interdisciplinary methods.

Keywords: British historiography, appeasement policy, N. Chamberlain, the origins of the Second World War, historical memory, guilty men conception, revisionism

Luiza Korobitsina, PhD student, The Ural State Pedagogical University; luizakorobitsyna@mail.ru

Н. С. КРЕЛЕНКО

СЕМЕЙНЫЙ ПОДРЯД СУПРУГОВ ИСТЛЕЙК

Статья посвящена деятельности супругов Истлейк, в 1850–1860-х гг. приобретавших в Италии произведения живописи периода Кватроченто для Лондонской национальной галереи. Чарльз Истлейк был первым директором Лондонской национальной галереи и известным художником, а Элизабет Истлейк – журналисткой и знатоком искусства. Благодаря их усилиям галерея не просто обогатилась шедеврами живописи, появилась возможность воссоздать последовательную историю становления искусства Возрождения в Италии. На этом примере проявляется характерное для середины XIX в. стремление дать научное объяснение любому явлению, видеть во всем прогресс. СобираТЕЛЬСКАЯ деятельность супругов Истлейк способствовала пробуждению интереса общества к искусству Кватроченто, так же как творчество художников-прерафаэлитов.

Ключевые слова: история искусства, кватроченто, Лондонская национальная галерея, Чарльз Истлейк, Элизабет Ригби леди Истлейк, прерафаэлиты

Искусство и все, имеющее к нему отношение, воспринималось с глубоким почтением в западном обществе середины и второй половины XIX века. Искусство, как нечто воплощавшее прекрасное и возвышенное, противопоставлялось в общественном сознании некрасивой и низменной реальности капитализирующегося быта. Регулярные театральные премьеры, художественные выставки, посещение музеев, число которых быстро росло, – все это стало обязательным составляющим модного времяпрепровождения. Изменения были значительно серьезнее, чем модные веяния, они свидетельствовали о новом статусе искусства в общественной жизни. Самым обобщенным определением этого изменения можно считать утверждение, что «...искусство заняло место религии среди эмансипированных и образованных членов общества, иначе говоря, в среде преуспевающих средних классов»¹.

В 1824 г. в Лондоне открывается Национальная художественная галерея, в основе коллекция картин барона Дж. Ангерстайна, бывшего удачливым предпринимателем и большим знатоком искусства. После смерти Ангерстайна его коллекцию собирались продать с аукциона. Президент Королевской академии художеств Т. Лоуренс обратился к сыну Ангерстайна с просьбой не продавать картины за границу. Одновременно он просил премьер-министра, чтобы эта коллекция была приобретена государством.хлопоты были успешны: парламент в марте

¹ Хобсбаум 1999. С. 398.

1824 года выделил 57 тыс. фунтов на приобретение этих полотен². Коллекция состояла из 38 картин итальянских, фламандских, голландских, французских художников XVI–XVII вв. и английских мастеров XVIII в. В следующее десятилетие галерея пополнилась несколькими подаренными коллекциями (Д. Бомонта, Холуэн-Карра).

В 1843 г. умер первый хранитель галереи, и на это место был назначен художник и знаток искусств Ч.Л. Истлейк. Появление нового руководителя галереи пришлось на период, когда практически прекратились щедрые пожертвования старомодных меценатов. К этому времени произведения искусства все более стали восприниматься не только как художественные артефакты, но как ценности, имеющие значительную материальную стоимость, а потому их следует оставлять наследникам.

Чарльз Локк Истлейк, четвертый сын в семье адвоката, родился 17 ноября 1793 г. в Плимуте. Он учился в Королевской академии художеств, профессиональную деятельность начал в качестве портретиста в родном Плимуте. Его первой заметной работой стало полотно «Наполеон на борту “Беллерофонта” на рейде Плимута» (1815). Подобно многим другим любопытствующим Истлейк нанял лодку, чтобы добраться до стоящего на рейде корабля, который должен был доставить низложенного императора на остров Св. Елены. Молодой художник сделал несколько набросков с натуры, которые позднее перенес на полотно. Впечатление документальности изображенной сцены обыгрывается композицией: зритель видит стоящего на палубе Наполеона снизу, с позиции поднимающегося с нижней палубы моряка. Тема была выбрана удачно (была актуальной), успех картины заложил основы карьерного роста Истлейка. Последующие 15 лет он провёл на континенте, жил в Париже, Афинах, но дольше всего в Ферраре и Риме. Он писал картины на библейские и мифологические сюжеты, а также пасторали с живописными итальянскими крестьянами и разбойниками. Все написанное им отличается добросовестным следованием требованиям классической эстетики и лишено (за исключением некоторых пейзажей) выраженной индивидуальности. Он аккуратно посылал свои работы на академические выставки и в 1827 г. стал членом академии.

Думается, секрет успеха Ч. Истлейка заключался не столько в художественном даровании, сколько в его коммуникабельности и очевидной эрудированности. Он перевёл с немецкого трактат И.В. Гёте «Учение о цветах» и «Руководство по истории живописи» Ф. Куглера, а позднее сам написал «Материалы к истории масляной живописи» (1847) и «Вклад в литературу изящных искусств» (1851). Имея репутацию весьма просвещенного человека с разносторонними интересами,

² Кузнецова 1968. С.15.

одновременно практика и теоретика, он в 1843 г. был назначен хранителем Национальной галереи. На портретах, изображающих Чарльза Истлейка на разных этапах его жизни, предстает человек спокойный, исполненный уверенности и чувства собственного достоинства, и эти последние качества с годами проявлялись все очевиднее.

Первые годы работы Истлейка в качестве администратора не были безоблачны. Когда он распорядился очистить пять старых полотен от слоя «галерейного лака» (смеси скипидара с кипяченым льняным маслом), знатоки, привыкшие к затемненности музейной живописи, назвали посветлевшие картины «ободранными». Ситуацию осложнила покупка картины, которую он приписал кисти Г. Гольбейна Младшего: из-за этого неудачного приобретения Истлейку пришлось в 1847 г. покинуть свой пост, и, по всей видимости, на всю жизнь у него осталась неуверенность в верности собственных оценок предметов искусства.

Показательно, что в 1840-х гг. для Национальной галереи начали приобретать картины художников, работавших ранее XVI в. И дело не в том, что администратор Истлейк испытывал интерес к искусству раннего Возрождения, он изначально старался представить в галерее не собрание шедевров, а историю развития искусства³. Именно с этой целью по-новому организуется музейная экспозиция. Вместо традиционной шпалерной развески картин, при которой вся плоскость стены покрыта картинами разного размера, обычно обрамляющими центральное большое полотно, картины стали развешивать в один-два ряда, причем в хронологическом порядке. «В сущности, такие классические музеи представляли собой модель мировидения прошлого столетия, ощущавшего себядвигающимся строго по «железным рельсам» истории»⁴.

Несмотря на постигшую его неудачу в сфере музейного дела, несколько последующих лет стали для Истлейка вполне успешными. Прежде всего, старый холостяк женился. И этот факт его личной жизни оказал влияние на его последующую деятельность.

Его избранница Элизабет Ригби родилась в провинциальном городе Норидже в 1809 г. в зажиточной семье доктора Э. Ригби. После смерти главы семьи в 1827 г. Анна Ригби с детьми переехала на континент, где в Гейдельберге один из сыновей изучал медицину. Трое из девушек Ригби вышли там замуж за «тевтонских баронов» и уехали на побережье Балтики. Вернувшись в Норидж, Элис Ригби (так называли Элизабет в домашнем кругу, так она подписывала письма к друзьям) делила свой обширный досуг между сочинительством и рисованием.

³ Напрашивается сравнение с происходившим на четверть века ранее становлением исторической науки, с желанием историков выстроить причинно-следственные связи при написании исторических сочинений.

⁴ Данилова 1997. С. 31.

Сохранилось около двухсот ее рисунков, сделанных на протяжении жизни. Это зарисовки, на которых представлены читающие, вышивающие, беседующие женщины и играющие дети, представляют собой своего рода дневник в картинках. «...Любительские изображения следовало воспринимать как часть семейной жизни... Эти любительницы были скорее зарисовщицами, чем авторами...»⁵ Вместе с тем, приобретенные навыки рисования позволяли почувствовать работу художника, так сказать, изнутри, что пригодится ей позднее.

Для практической мисс Ригби было очевидно, что ей нужно найти сферу деятельности, которая давала бы ей определенное материальное подспорье. Наиболее достижимым стало сочинительство. После того как в 1838 г. Элис навестила сестер, живших близ Ревеля, появилась книга, «Пребывание на берегах Балтики». В последующие годы Э. Ригби довольно много писала для торийского издания «Квотерли Ревю», и все написанное имело «прибалтийский колорит».

Согласно традиции своего времени, она писала под псевдонимами, из которых ей более всего подходил «Королева Бесс». Элис Ригби, несомненно, была личностью, сильной, цельной, умной и совершенно точно знающей, «что такое хорошо и что такое плохо». При этом она умела держаться рамок общепринятых правил и норм, свободно маневрируя в пределах, дозволенных приличиями. Она была олицетворением викторианской леди, чей облик демонстрировал серьезность, уверенность в себе и некоторую величественную суровость.

В одном из писем дальней родственницы мисс Ригби Харриет Мартино к Джейн Карлейль, написанных в начале 1840-х гг., ей дается весьма нелицеприятная характеристика: «Я должна ответить об Эллис Ригби... Не кузина она мне, благодарствую... Женщины этой семьи (и... Эллис и ее мать) очень беспринципны, неискренни, склонны к интригам (не всегда доводимым до конца...) и злы злобой интригующих женщин. Они надели на себя наряд истинного благочестия около пяти лет назад»⁶. Если не обращать внимания на подчеркнутую недоброжелательность, вырисовывается облик персоны, стремящейся, с одной стороны, соответствовать идеалам благопристойности, а, с другой, самоутверждаться любыми средствами.

Знакомство Элизабет Ригби с Чарльзом Истлейком, состоявшееся в середине 1840-х гг., завершилось в апреле 1849 г. заключением брака. Жениху было 56 лет, невесте 40. Оба они были людьми, уже обеспечившими себя имя в культурной жизни своей страны. Истлейки поселились в большом георгианском особняке сэра Чарльза на Фицуотсквер в престижном районе Лондона. Супруги быстро включились в жизнь

⁵ История женщин на Западе... С. 259.

⁶ The Letters of Elizabeth Rigby, Lady Eastlake. 2009, P. 122.

лондонского общества. Литературные дарования леди Истлейк, украшенные ее уверенностью в себе, позволили ей быстро занять заметное положение в интеллектуальных кругах лондонского общества.

В 1849 г. адвокат Б. Кер предложил создать Арундельское общество⁷, которое на протяжении полувека занималось популяризацией искусства в Великобритании и за её пределами. В 1850 г. Истлейк был избран президентом Королевской Академии художеств, а в 1853 г. стал первым президентом Фотографического общества. Двумя годами позднее сэр Истлейк вернулся в Национальную галерею в качестве ее директора. С 1855 по 1865 г. ежегодно он ездил в Италию для пополнения коллекции Национальной галереи. Первые три года сначала на разведку отправлялся «разъезжающий агент» Отто Мюндлер⁸, он отыскивал интересные артефакты, определял вероятную ценность находок, а затем подъезжали сэр Чарлз и леди Истлейк. По сути некоторое время леди Элизабет набиралась опыта, у нее оказался верный глаз в отношении произведений искусства. Между тем в печати стали появляться недовольные высказывания относительно того, что Мюндлер тратит неоправданно большие деньги на покупки картин. Палата общин ликвидировала должность, которую он занимал, а обязанности «знатока» стала выполнять леди Элизабет. Хотя периодически Ч. Истлейк обращался к помощи Мюндлера. Видимо, собственная неудача с псевдо-Гольбейном заставляла его подстраховываться.

Чета Истлейк ездила в Италию каждое лето на пять недель. Элизабет выполняла при этом роль секретаря, занималась корреспонденцией, организацией встреч, на ней в большой степени лежала задача определения ценности и авторской принадлежности картин. В письмах леди Истлейк очень метко, емко и красочно описывает все увиденное в этих поездках. При этом постоянно чувствуется избранная ею позиция снис-

⁷ Арундельское общество (Arundel Society for promoting the knowledge of art) получила название в честь Томаса Говарда Арундела, коллекционера и одного из первых английских меценатов, жившего в XVII в. Общество организовало качественное воспроизведение старинных картин посредством олеографии, т.е. полиграфического воспроизведения картин, написанных масляными красками. Для большего сходства с произведениями масляной живописи типографские оттиски лакировали и подвергали рельефному тиснению, в результате чего создавалась имитация поверхности холста. Кроме того, изготавливались гипсовые копии переплетов средневековых книг из слоновой кости. При этом оригинал нередко терял свои художественные достоинства, огрублялся. Деятельность общества прекратилась в 1897 г.

⁸ Мюндлер Отто (1811–1870) – немецкий знаток и торговец предметами искусства. В середине 1830-х приобрел известность во Франции, с 1855 по 1857 г. занимал пост «разъездного агента» Лондонской галереи. В палате Общин вызвали недовольство его затраты на предметы искусства и пост «разъездного агента» был ликвидирован. Мюндлер уехал на континент, сотрудничал в качестве консультанта с Лувром и несколькими берлинскими музеями. Издал ряд музейных каталогов.

ходительного восприятия всего, что она видит. Красноречиво выглядит такой пассаж из ее письма: «Из Корреджио мы продолжили путь в Брешию, которая прекрасно смотрится в окружении холмов, многочисленных домов и башен и прекрасной цитадели. Мы обошли бесчисленные церкви, любая из которых могла бы вместить всех обитателей этого жалкого местечка: здесь два собора, оба огромные. Мы посетили три дворца – гигантские постройки, имеющие дворы и сады, которые могли бы быть прекрасными при самом элементарном уходе...»⁹.

Одновременно леди Истлейк демонстрировала скромность, заявляя, что ее познания в истории искусства «невелики», но результаты ее деятельности были весьма успешны, и они свидетельствовали, что «Истлейк в действительности означает они»¹⁰.

Для энергичных, толковых и обладающих средствами собирателей памятников культуры это был удачный момент: произведения искусства уже стали объектом интереса знатоков, просвещенной, а также около просвещенной части публики, но еще были доступны (с финансовой и с юридической точки зрения) для приобретения. Нищие обладатели бесценных художественных сокровищ, хранившихся в ветшающих дворцах или затерянных в горах церквушках и монастырях, видели для себя возможность спасти обремененное долгами поместье, залатать прохудившуюся крышу или подновить обветшавший церковный алтарь. Как раз в эти десятилетия происходило объединение итальянских земель в единое государство. А в смутные времена легко происходят всякого рода перемещения собственности, в т.ч. в сфере того, что нынче именуется «культурным наследием». Ч. Истлейк честно платил некую сумму, и алтарные образы, написанные мастерами Кватроченто, перемещались в залы Лондонской Национальной галереи. Всего за десять лет активного собирательства было приобретено 137 картин, преимущественно кисти итальянских мастеров. Так, например, в 1857 г. за 7 тыс. фунтов была куплена коллекция Ломбарди-Бальди, включающая работы Дуччо, Маргарито из Ареццо, Паоло Учелло. Среди приобретений Истлейков следует упомянуть фра Беато Анжелико, Пьеро делла Франческа, Пьетро Перуджино, Сандро Боттичелли.

Истлейки пополняли экспозицию Национальной галереи работами мастеров, прежде неизвестных и не пользовавшихся вниманием ценителей искусства. Судя по всему, они ценили таких мастеров, как Дуччо, Паоло Учелло, фра Беато в качестве предтеч мастеров Высокого Возрождения. Их собственные вкусы, пристрастия оставались во многом традиционными. Об этом свидетельствуют итальянские пасторали сэра Чарльза, которые он продолжал методично писать в традиционной ака-

⁹ Journals and correspondence of Lady Eastlake. 2014. P. 16.

¹⁰ The Letters of Elizabeth Rigby, Lady Eastlake. P. 11.

демической манере, об этом свидетельствует выбор персонажей книги леди Истлейк «Пять великих художников» (1869), где даны биографии Леонардо да Винчи, Микеланджело, Рафаэля, Тициана, Дюрера.

Наконец, об этом свидетельствует то, как Истлейки, можно сказать открывшие британцам искусство Раннего Возрождения, неодобрительно относились к деятельности художников Братства прерафаэлитов. Деятельность этого творческого объединения по замыслу его создателей¹¹ должна была реформировать английскую живопись, обратившись к искренности итальянского искусства XIV–XV вв. (дорафаэлевского, прерафаэлевского периода). Прерафаэлиты и их идейный вдохновитель, художественный критик Д. Рескин искали в искусстве раннего Возрождения свой эстетический и этический идеал. Чарльзу Истлейку эти искания были чужды. Работы мастеров Треченто и Кватроченто интересовали его как образцы определенного этапа в истории искусства. Он категорично заявлял, что не допустит, чтобы работы прерафаэлитов проникли на территорию Лондонской галереи. Прерафаэлиты и чета Истлейков действовали в одном направлении, но порознь.

Летом 1865 г. супруги Истлейк, как обычно, отправились в экспедицию, но при переезде через Альпы сэр Чарльз заболел и, проболев несколько месяцев, умер. В начале следующего 1866 г. леди Истлейк вернулась в Англию, похоронила мужа рядом с их мертворожденной дочерью, и продолжала работать еще почти тридцать лет.

Со второй половины 1880 г. образ ее жизни изменился: из-за ревматизма она оказалась прикованной к инвалидной коляске. Визитеры заставляли ее в гостиной первого этажа, украшенных работами мастеров Возрождения и итальянскими пейзажами Ч. Истлейка. В кресле на колесах она маневрировала вокруг огромного стола, заваленного рукописями, журналами и книгами. Специально укрепленная доска позволяла ей писать, сидя в кресле, до конца жизни она продолжала писать статьи и письма многочисленным корреспондентам, привычно наставляя всех, к кому обращалась. Торговцы предметами искусства, как и прежде, обращались к ней за консультациями по поводу определения авторства интересующих их картин. Умерла леди Истлейк в 1893 г.

Деятельность и семейная жизнь четы Истлейк могут рассматриваться как «один из многих примеров викторианского брака, разрушающих ранние феминистские обвинения насчет “раздельных сфер”»¹².

¹¹ Братство прерафаэлитов объединило семерых молодых людей в возрасте около 20 лет. Пятеро из них начинали как живописцы (У.Х. Хант, Д.Г. Россетти, Д.Э. Миллес, Д. Коллинсон, Ф. Стивенс), Т. Вулнер – как скульптор, а У.М. Россетти просто интересовался искусством. Братство просуществовало с 1848 по 1853 год; расставшись, они продолжили творческую деятельность, но уже каждый сам по себе.

¹² The Letters of Elizabeth Rigby, Lady Eastlake. P. 10.

Однако в официальной традиции роль реформатора музейной деятельности закрепилась за Чарльзом Истлейком. Ведь это он занимал должность директора галереи, он организовывал поездки по поискам картин, он был главой семьи...

Истлейки выступают не как восторженные почитатели, а как собиратели, систематизаторы. На практике это означало, что искусство уподоблялось главному идолу времени – научному знанию, основанному на наблюдении и выявлении причинно-следственных связей.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Данилова И. Прощание с историей. XX век // Юный художник. 1997. № 7. [Danilova I. Proshchaniye s istoriej. XX vek // Yunyj hudozhnik. 1997. № 7]
- История женщин на Западе в 5 тт., Т. 4. Возникновение феминизма: от Великой французской революции до Мировой войны / Под общ. ред. М. Перро. СПб., 2015. [Istoriya zhenshchin na Zapade v 5 tt., T. 4. Vozniknovenie feminizma: ot Velikoj francuzskoj revolyucii do Mirovoj vojny / Pod obshch. red. M. Perro. SPb., 2015]
- Креленко Н.С., Чернова Л.Н., Костина А.С. Такие разные... Судьбы английских интеллектуалок Нового времени. М., 2018. [Krelenko N.S., Chernova L.N., Kostina A.S. Takie raznye... Sud'by anglijskih in-tellektualok Novogo vremeni. M., 2018].
- Кузнецова А.И. Национальная галерея в Лондоне. М., 1968. [Kuznecova A.I. Nacional'naya galereya v Londone. M., 1968]
- Хобсбаум Э. Век капитала. Ростов н/Д., 1999. [Khobsbaum A. Vek kapitala. Rostov n/D., 1999].
- Gillett P. The Victorian Painter's World. Gloucester, 1990.
- Journals and correspondence of Lady Eastlake. V.2 / ed. C.E. Smith. L., 1895.
- Ketton-Cremer R.W. Horace Walpole. L., 1946.
- The Encyclopaedia Britannica. A dictionary of arts, sciences and general literature. 9 ed., v. 7. Edinburgh, 1887.
- The Letters of Elizabeth Rigby, Lady Eastlake / Ed. by J. Shelden. Liverpool: Univ. Press, 2009.
- Креленко Наталья Станиславовна**, доктор исторических наук, профессор, кафедры Всеобщей истории, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского; krelenkon@mail.ru

The family business of the Eastlake spouses

The article deals with the life and work of the Eastlake spouses who purchased the paintings of the Italian Quattrocento for the National Gallery of London in the 1850s–60s. Charles Eastlake was a famous artist and the first director of the National Gallery of London. Elizabeth Rigby was a journalist and art critic. Thanks to their efforts, the Gallery had not only been enriched by masterpieces of art, it also provided an opportunity to recreate a rather consistent history of the development of Renaissance art in Italy. This example shows the desire to explain scientifically and systematize phenomena and to see progress in everything, which was typical of the middle 19th century. The Eastlake spouses' collecting activities, as well as the works of Pre-Raphaelite artists, developed public interest in Quattrocento art.

Keywords: Art History, Quattrocento, the National Gallery of London, Charles Eastlake, Elizabeth Rigby, Lady Eastlake, the Pre-Raphaelites

Natalia Krelenko, Dr. Sc. (History,) Professor of the General History Chair of Saratov State University; krelenkon@mail.ru

Т. Н. ИВАНОВА, Н. Н. АГЕЕВА

РОД ФОРТУНАТОВЫХ: ФОРТУНА В КОЛЕСЕ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVIII–XXI ВЕКОВ

В статье прослеживается история известного рода Фортунатовых на протяжении XVIII–XXI вв., дана характеристика его наиболее видных представителей, подчеркивается их вклад в развитие российской науки и образования. Авторы выделяют несколько учебных заведений, с которыми была связана деятельность Фортунатовых: Вологодская и Олонецкая гимназии (XVIII в. – «просветительский этап»), Московский университет (XIX в. – «либерально-демократический этап»), университет им. А.Л. Шанявского и Петровская сельскохозяйственная академия (конец XIX – первая половина XX в. – «научно-просветительский этап»), Московский городской педагогический институт (советский период).

Ключевые слова: род Фортунатовых, российская интеллигенция, просветительство, интеллектуальная история

Фамилия «Фортунатов» знакома большинству гуманитариев, но многие из них не представляют, что речь может идти о десятках людей, прославившихся в разных областях, но принадлежащих к развесистому древу одного рода. Педагог, организатор образования, филолог, историк, агроном-статистик, хирург, театровед, психолог, гидробиолог, журналист, юрист, композитор, геолог – профессиональные предпочтения Фортунатовых весьма многообразны, но большинство из них стали известными специалистами в своей сфере. В обширной родословной, хранящейся в РГАЛИ, перечислены более сотни ее представителей¹.

Заслуживает осмысления тот факт, что отнюдь не знатный и не богатый род дал российской культуре такое количество выдающихся деятелей. Где причины этого феномена? В удачной мутации, передававшей некий ген «талантливости» всем представителям плодovitого рода? В особенностях воспитания, заключавшихся не только в привитии трудолюбия, но и в особой духовности, высокой нравственности, верности просветительским идеалам? В исторических условиях, закаливших представителей рода, которые прошли через горнило народничества, либерально-западнических проектов, революционной социал-демократии, царских ссылок и сталинских лагерей, воинских подвигов на фронтах мировых войн, энтузиазма первых пятилеток и коллизий марксистского монизма? Несмотря на различия в политических позициях и профессиональных предпочтениях, всех Фортунатовых можно назвать настоящими представителями российской интеллигенции во всем многообразии смысловых оттенков этого понятия.

¹ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79.

В одной статье невозможно дать исчерпывающий ответ на поставленные вопросы и рассказать о всех Фортунатовых. Из нескольких ветвей рода мы выделили ветвь Федора Николаевича Фортунатова, поскольку на этом примере можно выявить как основные этапы в развитии семьи, так и особенности судеб ее представителей.

Истоки семьи восходят к крестьянской среде северо-восточной Руси. В начале XVIII в. бывший крестьянин Никита Кузьмич стал иконописцем в селе Палех. Один из его сыновей Федор Никитич (1725–1790) закончил семинарию, где получил символичную фамилию Фортунатов, обещавшую удачу крестьянскому сыну. Его семья, как и семьи большинства Фортунатовых, была многодетной. Два сына Федора стали священниками, а трое сделали карьеру на учительском поприще в Вологде. Типичным представителем провинциального учительства, носителем просветительских идей можно считать *Алексея Федоровича Фортунатова* (1777–1828). Учитель естественной истории, он публиковал статьи по метеорологическим наблюдениям, экономике Вологодского уезда, по краеведению и минералогии². Его племянник *Николай Петрович Фортунатов* (1783–1831), вырос под сильным влиянием своего дяди и стремился во всем ему подражать. Он стал учителем математики и физики, и тоже известен как автор статей по истории Вологодского края. Брак Н.П. Фортунатова был заключен при романтических обстоятельствах. Он был приглашен в качестве домашнего учителя к дочери Федора Алексеевича Юрьева Екатерине, из рода, состоявшего в родстве с Романовыми. Молодые люди полюбили друг друга и тайно обвенчались. Отец не смог смириться с выбором дочери, отрекся от нее, и до конца своих дней оставался непреклонен. Ф.А. Юрьев был сторонником «вольтерьянства» и весьма негативно относился к религии, что, по всей видимости, еще больше настраивало его против молодого Фортунатова, как потомка «попов и мужиков-богомазов»³.

Николай Петрович дослужился до должности инспектора Вологодской гимназии и получил потомственное дворянство, а вместе с ним и фамильный герб. Его старший сын *Федор Николаевич Фортунатов* (1814–1872) стал первым представителем рода, известность которого вышла за пределы малой родины. Очень способный, он закончил гимназию в 12 лет и в 1830 г. поступил в Петербургский университет. В своих воспоминаниях он особо выделяет своего преподавателя древних языков Ф.Б. Грефе (1780–1851)⁴. После окончания университета Федор выдержал экзамен в Академии Наук и был рекомендован к по-

² РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79.

³ Фортунатов Г.А. Комментарии к таблице прямых предков Константина, Александра, Федора, Григория, Марии и Михаила Фортунатовых. IV. Фортунатовы и Юрьевы. Л. 71-73.

⁴ Фортунатов Ф.Н. 1869. С. 15.

ступлению в профессорский институт Императорского Дерптского университета. Его выпускники (М.С. Куторга, М.М. Лунин, Н.И. Пиров и др.) стали видными представителями российской университетской науки. Возможно, если бы Федор Николаевич продолжил здесь учебу, его имя стояло бы в ряду этих выдающихся ученых. Однако родители Федора скоропостижно скончались от холеры. Долг перед волею младшими братьями и сестрами побудил его вернуться в Вологду, где он стал учителем истории и статистики в губернской гимназии. Талантливый молодой человек быстро сделал карьеру. Уже в 1837 г. он становится инспектором гимназии. В разные годы, он вел в гимназии уроки истории и статистики, русской словесности, логики, древнегреческого и французского языков⁵. Вскоре Ф.Н. Фортунатов стал известен в Вологде как руководитель губернского статистического комитета, редактор «Вологодских губернских ведомостей», инициатор организации курсов по методике преподавания для учителей уездных и городских училищ. Вокруг него группируется литературный кружок местной интеллигенции. Он поддерживает активные связи с учеными и писателями Москвы (М.П. Погодин, С.П. Шевырев, И.И. Дмитриев и др.) и Петербурга (А.А. Краевский, П.А. Плетнев, Н.И. Надеждин).

В 1852 г. Ф.Н. Фортунатов был переведен на должность директора Олонецкой губернской мужской гимназии и, одновременно, директора народных училищ в Петрозаводске. Большую известность получила его краеведческая деятельность в Карелии. Он ввел в практику подготовку всеми выпускниками гимназии исторических исследовательских работ по источникам. В 1861 г. по его инициативе в Петрозаводске было открыто женское училище. Выйдя в отставку, в 1863 г. овдовевший Ф.Н. Фортунатов вместе с детьми переезжает в Москву⁶. Здесь он преподает педагогику в Филаретовском епархиальном училище, публикует статьи, преимущественно по истории и этнографии Вологодского края⁷. Федор Николаевич уделял большое внимание образованию и воспитанию своих детей. Домашнее образование сыграло важную роль в их профессиональном выборе: «Дом Фортунатовых был как будто насквозь пропитан ученостью, и было бы странно и непонятно, если бы сыновья глубоко преданного науке Федора Николаевича Фортунатова не стремились к кафедре», – писал один из современников⁸.

Старший сын *Евгений Федорович Фортунатов* (1841–1866) закончил Петербургский университет и был оставлен на кафедре славянских языков. В мае 1862 г. он был командирован в научную стажировку

⁵ Агеева 2013. С. 8.

⁶ Старшая дочь Мария вышла замуж за ссыльного революционера П.В. Завадского и осталась в Петрозаводске.

⁷ Кошелев 1985. С. 99.

⁸ Высотский 1910. С. 170.

в Прагу. По сохранившимся письмам можно сделать вывод о том, что в эти годы Евгений, если и не состоял в революционных организациях, то сочувственно относился к студенческим выступлениям и общественным движениям рубежа 1850–1860-х гг., был сторонником либерализма. Однако в письмах отец предостерегал сына от общественной активности, напоминая, что в семье семеро малолетних братьев и сестер⁹. Жизнь многообещающего молодого ученого рано оборвалась: в двадцатипятилетнем возрасте он скончался от скоротечной чахотки.

Самым известным представителем рода – второй сын Федора Николаевича *Филипп Федорович Фортунатов* (1848–1914). После окончания историко-филологического факультета Московского университета он в 1868 г. был оставлен при кафедре сравнительной грамматики индоевропейских языков. Еще в студенческие годы он был известен как знаток санскрита, в 1871 г. совершил вместе с В. Миллером путешествие по Литве для изучения литовского языка и фольклора, и в том же году был отправлен в научную командировку в Германию, где учился у П. Рота, Г. Курциуса, А. Лескина, Г. Вебера, Г. Эбеля, а в Париже посещал лекции М. Бреалья¹⁰. Его магистерская диссертация (1875 г.) была посвящена сравнительной грамматике индоевропейских языков. В течение 27 лет он преподавал в Московском университете сравнительно-историческую грамматику, древние индоевропейские языки, общее языкознание. Его учениками были известнейшие русские слависты. Западноевропейские корифеи лингвистики через его учеников стремились получить конспекты лекций Фортунатова¹¹. Он является основоположником Московской (Фортунатовской) лингвистической школы. Ученый одним из первых начал изучать проблемы соотношения языка и мышления, языка и общества¹². В 1902 г. был избран действительным членом Академии наук и переехал в Петербург, где занимался научными исследованиями в Отделении русского языка и славистики и редактированием изданий Академии, возглавлял одну из подкомиссий Орфографической комиссии реформы русского алфавита и правописания. В эти годы он регулярно посещал Петрозаводск, недалеко от которого находилась его дача. Там он и скончался в 1914 г.¹³

Своеобразное место в истории исторической науки и в российской культуре занимает *Степан Федорович Фортунатов* (1850–1918). После окончания историко-филологического факультета Московского уни-

⁹ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 246. Л. 5; Л. 11.

¹⁰ Поржезинский 1914. С. 192–193.

¹¹ Кизеветтер 1996. С. 64.

¹² Борисова.

¹³ Здание гимназии, где он учился, и его могила еще в 1970 г. были объявлены памятниками культуры. С 2007 г. в Петрозаводске проводятся «Фортунатовские чтения», посвященные истории и культуре Карелии.

верситета он был оставлен В.И. Герье для приготовления к профессорскому званию, но диссертацию защитить не смог, выхлопотанную для него научную командировку за границу сорвал. В то же время он был настоящим интеллектуалом и оригинальным мыслителем. Его перу принадлежит единственное в русской науке исследование об индпенденте Генри Вене. Он стал одним из первых отечественных исследователей, начавших изучение истории Северной Америки, истории политических учений США посвящена одна из его монографий. Он первым в России стал читать студентам Московского университета историю североамериканской страны¹⁴. Он был последовательным сторонником либерализма, никогда не скрывал своих взглядов, и, возможно, это стало одной из причин того, что он не защитил диссертацию. Отсутствие защищенной диссертации и звания, привело к тому, что его научные работы не изучались и были забыты отечественными американистами. В истории российской культуры он больше известен как автор публицистических статей и рецензий, журналист «Русских ведомостей», как блестящий педагог, преподававший в Московском университете, на Высших женских курсах, в университете А.Л. Шанявского и в средних учебных заведениях. Его талант преподавателя отмечали Р.Ю. Виппер, Н.И. Кареев, А.А. Кизеветтер, П.Н. Милюков и др.¹⁵ Обладая разносторонними знаниями, глубокой эрудицией, феноменальной памятью и, в то же время, легким общительным характером, С.Ф. Фортунатов был неизменным членом неформального сообщества московской профессуры, где без него не проходили журфиксы, а рассказы о причудах старого холостяка оживляли научные беседы. Умер С.Ф. Фортунатов в 1918 г., в одиночестве. Возможно, поэтому не сохранились рукописи его научных работ и лекций, что мешает изучению его научного наследия.

Единственный из сыновей Ф.Н. Фортунатова, не увлеченный гуманитарными науками, *Иван Федорович* (1852–1916), закончил физико-математический факультет Московского университета и стал инженером в правлении Московского округа путей сообщения. Инженер участвовал в проектировании и строительстве ряда важных сооружений в Москве (Бабьегородская плотина, техническое училище в Измайлове и др.). По решению Московской городской Думы одной из новых улиц, появившихся в начале XX в. в Измайлово, было присвоено название «Фортунатовская» (которое сохраняется и поныне). Одна из его дочерей, Евгения Ивановна занималась революционной деятельностью, была членом большевистской партии, до 1917 г. жила в эмиграции в Женеве, при советской власти работала в Политпросвете в Москве¹⁶.

¹⁴ Агеева, Иванова 2015. С. 294; Иванова, Агеева 2013. С. 12; Агеева 2015. С. 17-18.

¹⁵ Агеева 2016. С. 16.

¹⁶ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л.3.

Младший сын Федора Николаевича *Алексей Федорович Фортунатов* (1856–1925) занимает уникальное место в истории рода. С одной стороны, он оставил многочисленное талантливое потомство, с другой – стал вдохновителем и центром притяжения для всех Фортунатовых. Он известен как разносторонне развитый человек, один из первых отечественных специалистов по статистике и географии сельского хозяйства, автор ряда работ по педагогике, к тому же влюбленный в историю. Эта разносторонность привела к тому, что в юношеские годы он сменил с 1874 по 1879 г. несколько высших учебных заведений: сначала – историко-филологический, затем – медицинский факультеты Московского университета, потом – Императорская медико-хирургическая академия в Петербурге, где он занимался у профессоров П.Ф. Лесгафта и С.П. Боткина. В 1879 г. молодой ученый увлекся аграрной статистикой и политэкономией и перешел в Петровскую сельскохозяйственную академию, которую окончил в 1881 г.¹⁷ Его магистерская диссертация «Урожайи ржи в Европейской России» была удостоена большой золотой медали Русского географического общества. В течении более чем сорока лет А.Ф. Фортунатов преподавал в Петровской (ныне Тимирязевской) сельскохозяйственной академии. Его ученик профессор Н.И. Вавилов очень высоко оценивал его преподавательские качества¹⁸. Кроме того А.Ф. Фортунатов читал лекции в Новоалександрийском лесном институте, Киевском политехническом институте, Коммерческом институте, Московском высшем техническом училище, на Женских Голицинских сельскохозяйственных курсах, в Московском городском народном университете им. А.Л. Шанявского, а также на курсах агрономов, статистиков, кооператоров, журналистов, учителей¹⁹. В публичных лекциях он говорил о важности науки, необходимости для студенческой молодежи поиска новых путей, о творческом начале в учебе²⁰. Алексей Федорович называл себя «привратником при храме науки»²¹. Эта скромная оценка опровергается анализом обширного научного наследия ученого (более 200 работ), его активным участием в работе Географического отделения Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете, Юридического общества, Общества взаимопомощи русских агрономов.

Политические взгляды А.Ф. Фортунатова были близки к социал-демократии, в студенческие годы он общался с народниками из группы «Черный передел», но активного участия в политических событиях не

¹⁷ Фортунатов Г.А. Предки (прямые) Константина Алексеевича Фортунатова. Л. 1-2.

¹⁸ Петров.

¹⁹ Агеева 2014. С. 21.

²⁰ Фортунатов А.Ф. 1915. С. 15.

²¹ Фортунатов А.Ф. 1913. С. 184.

принимал. Большое внимание он уделял просветительской деятельности, чтению научно-популярных лекций. Он воспитал пятерых сыновей, каждый из которых заслуживает отдельного исследования.

Его старший сын *Константин Алексеевич Фортунатов* (1882–1915), как и его отец, учился на нескольких факультетах Московского университета. Сначала он поступил на физико-математический факультет, но за участие в революционном движении был исключен, в 1906–1908 гг. находился в ссылке, а после возвращения закончил медицинский факультет и в 1911 г. стал заведующим и врачом земской больницы в Калужской губернии. Здесь он занялся научной работой, опубликовал несколько статей по химии и сельскохозяйственной статистике. С началом Первой мировой войны он стал ординатором полевого госпиталя и в 1915 г. умер во время эпидемии брюшного тифа в действующей армии в Восточной Пруссии, где и был похоронен²².

Его сын *Игорь Константинович Фортунатов* (1909–1987), рано потеряв отца, был воспитан глубоко религиозной матерью²³. Поступив в Тимирязевскую академию, где долгие годы преподавал его дед, Игорь пытался уйти в монастырь, но не получил благословения настоятеля. В 1931 г. он закончил академию по специальности агроном-садовод. Его духовник, архимандрит Данилова монастыря отец Георгий (Лавров), был вскоре арестован, а в 1933 г. за «религиозную пропаганду и контрреволюционную деятельность» арестовали и Игоря Константиновича. Он был сослан в Карагандинский исправительно-трудовой лагерь, на территории которого в то время было создано сельскохозяйственное производство. И.К. Фортунатов получил возможность работать по профессии, участвовал в испытаниях 85 сортов плодов и ягод и 30 древесно-кустарниковых пород в климате Казахстана. После ссылки он продолжал научную работу в Казахстане, участвовал в изучении пустыни Бетпак-Дала. В 1939 г. он ненадолго возвратился в Москву, где вновь был арестован и сослан в Казахстан. В КарЛАГЕ, где на опытной станции было много ссыльных выпускников Тимирязевской академии, он стал старшим научным сотрудником, а затем руководителем станции. Он заочно закончил аспирантуру Института почвоведения и ботаники, работал под руководством члена-корреспондента АН СССР Б.М. Козо-Полянского. В г. Джезказгане он заложил Ботанический сад, плодовый сад и ягодники; участвовал в озеленении Северной пустыни²⁴. После окончания ссылки работал в Академии наук Казахской ССР, в 1947 г. защитил кандидатскую диссертацию о культурной дендрофлоре Джез-

²² РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 3.

²³ Фортунатова 2008. С. 35–36.

²⁴ В 1950-е гг. одна из улиц Джезказгана была названа именем И.К. Фортунатова. – См.: Агеева, Иванова 2013. С. 134.

казгана, затем руководил одним из отделов Ботанического сада в Алма-Ате (этому саду в советское время было присвоено его имя), заведовал сектором Урало-Эмбен-ской научно-исследовательской базы в Гурьеве, участвовал в озеленении Прикаспийской пустыни. В 1953 г. он переехал в Горький, где преподавал в сельскохозяйственном институте, а затем до последних лет жизни работал в г. Пушкино научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института лесоводства и механизации лесного хозяйства. Автор 126 научных работ, он занимался экологическим воспитанием, был ректором Народного университета охраны природы. При этом он оставался глубоко религиозным человеком, воспитав в таком духе и своих дочерей.

Второй сын Алексея Федоровича *Александр Алексеевич Фортунатов* (1884–1949) хорошо известен отечественным медиевистам. Ученик Д.М. Петрушевского, он в 1909 г. после окончания Московского университета был оставлен при кафедре всеобщей истории, в 1916 г. стал приват-доцентом историко-филологического факультета. Однако его магистерская диссертация «Генуэзские поселения в Крыму» осталась незаконченной, так как после 1917 г. итальянские архивы для него стали недоступны²⁵. С 1921 г., после преобразований в Московском университете, он стал профессором кафедры теории и практики народного образования факультета общественных наук, а с 1923 г. – научным сотрудником Института истории ФОН МГУ-РАНИОН. Кроме того, более 10 лет он читал лекции в университете им. А.Л. Шанявского.

Научные интересы А.А. Фортунатова, с одной стороны, определялись его тяготением к медиевистике, а с другой – диктовались читаемыми им курсами по истории педагогики. Самая значительная работа А.А. Фортунатова – обширный очерк «Школьное дело», об истории развития школы от древности до современности²⁶. В 1939 г. он стал профессором Московского городского педагогического института им. В.П. Потемкина, а в 1947 г. – деканом исторического факультета этого вуза. Его смерть была ускорена его эмоциональным выступлением на заседании ученого совета в 1949 г. в защиту ранее репрессированного В.Н. Бочкарева²⁷. В отечественной историографии наибольшую известность получили статьи А.А. Фортунатова об Алкуине и Каролингском Возрождении, выводы которых не потеряли значимости и сегодня²⁸.

А.А. Фортунатов уделял внимание искусству, эстетическому воспитанию, организации передвижных театров, был ученым секретарем Комиссии по художественному воспитанию Государственной Академии

²⁵ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 652, Л.2.

²⁶ Фортунатов А.А. 1930.

²⁷ Воробьева 2012. С. 315.

²⁸ Иванова, Агеева 2017.

художественных наук²⁹. Эта увлеченность искусством, возможно, предопределила профессиональный выбор его сыновей. *Юрий Александрович Фортунатов* (1911–1998) был музыковедом, членом Союза композиторов СССР, долгие годы преподавал в Московской консерватории. *Константин Александрович Фортунатов* (1915–1996) стал композитором, музыкальным писателем и редактором, работал директором издательства «Музыка» (до 1964 г. Мугиз). Он был участником Великой Отечественной войны, награжден орденами и медалями³⁰.

Возвращаясь к сыновьям Алексея Федоровича стоит упомянуть о *Федоре Алексеевиче Фортунатове* (1888–1965), который окончил юридический факультет Московского университета, но в 1920-е гг. стал директором театрального училища и затем работал во Всесоюзном театральном обществе и в Московской филармонии. Его брат *Григорий Алексеевич Фортунатов* (1891–1972) всю жизнь преподавал в Московском городском педагогическом институте. Он известен как специалист по детской психологии, педагогике и дошкольному воспитанию, как автор (вместе с Н.В. Петровским) популярного учебника по психологии³¹. Во время Великой Отечественной войны он вел научные исследования по изучению методов преодоления страха смерти. За эту работу Г.А. Фортунатов был награжден орденом Ленина³². Младший сын Алексея Федоровича *Михаил Алексеевич* (1899–1984), окончив рыбный факультет Тимирязевской сельскохозяйственной академии в 1923 г., организовал ихтиологическую станцию на озере Севан. В 1932 г. по ложному обвинению был осужден на 10 лет (реабилитирован в 1955 г.). Он работал на Камчатке, Байкале, Амуре, Ангаре, Азовском и Аральском морях. С 1955 г. – старший научный сотрудник Института внутренних вод АН СССР, в 1961 г. стал доктором биологических наук.

Среди ныне живущих представителей рода есть и музыканты, и юристы, и ученые. Особо хочется выделить *Наталью Константиновну Фортунатову*, доктора геолого-минералогических наук, заместителя генерального директора по научной работе Всероссийского научно-исследовательского геологического нефтяного института. Являясь одним из ведущих российских специалистов в области сланцевой нефти, на сегодняшний день она отошла от активной педагогической работы. В разговоре с ней³³ ощущается такая искренняя озабоченность состоянием современного образования, такой нереализованный до конца педагогический потенциал, что явно осознаешь основное «предназначение» этой династии в российской истории – просветительство!

²⁹ РГАЛИ. Ф. 941. Оп. 10. Ед. хр. 652, Л. 3.

³⁰ РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 5.

³¹ Фортунатов Г.А., Петровский Н.В. 1956.

³² РГАЛИ. Ф. 3204. Оп. 1. Д. 79. Л. 4.

³³ Интервью с Натальей Константиновной Фортунатовой.

Женщины рода Фортунатовых в большинстве своем не так известны, как их братья, мужья и сыновья, но являются собой тип настоящей русской интеллигентки: верной сподвижницы, образованной наставницы. Мы знаем, как многим были обязаны сыновья Федора Николаевича своим старшим сестрам Марии и Екатерине, тете Анне Николаевне, заменившим их рано умершую мать. Хотелось бы упомянуть и *Нину Игоревну Фортунатову* (дочь Игоря Константиновича), которая была одной из активных сподвижниц отца Александра Меня, написала прекрасную книгу, посвященную ему³⁴. Будучи музыкальным работником по образованию, она много лет является регентом храма Сретения Господня в г. Пушкино. Нина Игоревна бережно собирает семейный архив, заботится о сохранении памяти рода. Благодаря ей нам стали доступны многие рукописные материалы по истории Фортунатовых³⁵.

Так в чем же феномен рода Фортунатовых? Обращают на себя внимание крепкие семейные традиции, поддерживавшиеся связи между многочисленными братьями, племянниками, внуками и т.д.

Можно выделить несколько учебных заведений, вокруг которых группируются представители Фортунатовых. На первом, просветительском этапе (XVIII в.) – это Вологодская и Олонецкая гимназии. На втором, либерально-демократическом этапе – Московский университет (XIX в.). Третий научно-просветительский этап (конец XIX – первая половина XX в.) связан с Петровской сельскохозяйственной академией. В то же время практически все Фортунатовы в начале XX в. преподавали в университете им. А.Л. Шанявского. На четвертом, советском, этапе новым связующим центром становится Московский городской педагогический институт. Семейственность в позитивном значении этого слова позволила Фортунатовым поддерживать друг друга, формировать общие интересы у представителей разных профессий.

Немалую роль, на наш взгляд, сыграла и искренняя религиозность многих представителей этого рода. Г.А. Фортунатов, отмечая отношение к религии и церкви своих предков писал: «Религия для этого поколения Фортунатовых была привлекательна двумя своими сторонами: она являлась конкретным показом основ человеческой морали... а вместе с тем она была основой своеобразной народной эстетики... Этот эстетический подход был вполне понятен и естественен в потомках «богомасов», «иконописцев», которые своими руками «богов» делали, которые помнили рассказы о постройке большой церкви в Палехе, воспринимали мощь Вологодского собора, изящество и соразмерность других произведений русского народного религиозного искусства»³⁶.

³⁴ Фортунатова 2009.

³⁵ Интервью с Ниной Игоревной Фортунатовой.

³⁶ Фортунатов Г.А. Комментарии к таблице прямых предков... Л. 51-52.

В ряду талантливых представителей рода Фортунатовых можно выделить несколько ключевых фигур – это Федор Николаевич, Алексей Федорович и Александр Алексеевич. Эти люди обладали не только разносторонними талантами; но и огромной силой воли, позволившей выстоять под ударами неблагоприятных обстоятельств; также они были многодетными отцами, передававшими детям традиции семьи.

Не обошлось и без фортуны: несмотря на крутые зигзаги российской истории, род Фортунатовых выстоял и продолжал служить своей родине. Нам неизвестно ни одного случая эмиграции представителя этой династии³⁷.

Деятельность Фортунатовых всегда была созвучна актуальным задачам, стоявшим перед российским обществом. В XIX в. – это развитие образования, в т.ч. женского, в российской глубинке; исследование места русского языка в индоевропейской языковой семье; изучение американистики; осознание необходимости реформ и активное участие (иногда революционное) в преобразованиях. В XX в. – развитие сельскохозяйственной науки, статистики и образования; изучение теоретических и практических вопросов педагогики и психологии; музыковедение, ихтиология и т.д. Сегодня одна из представительниц рода занята изучением сланцевой нефти в России.

Феномен рода Фортунатовых может быть понят в связи с феноменом такого многозначного понятия как российская интеллигенция и в свою очередь проясняет его.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Интервью с Натальей Константиновной Фортунатовой. 8.12.2017 // Полевые исследования авторов.
- Интервью с Ниной Игоревной Фортунатовой. 9.12.2017 // Полевые исследования авторов. РГАЛИ. Ф. 3204 (Фортунатов Игорь Константинович). Оп. 1. Д. 79, 246.
- РГАЛИ. Ф. 941 (Фортунатов Александр Алексеевич). Оп. 10. Ед. хр. 652.
- Фортунатов А.А. Школьное дело // Энцикл. слов. Рус. библиогр. ин-та Гранат: в 74 т. М.: Рус. библиогр. ин-т Гранат, 1930. Т. 49. Стб. 644–672.
- Фортунатов А.Ф. Автобиография // Рус. ведомости. 1863-1913: сб. ст. – М.: Тип. «Русских ведомостей», 1913. С. 183-185.
- Фортунатов А.Ф. О студенческом интересе. М.: Тип. т-ва «И.Н. Кушнерев и К^о», 1915. 15 с.
- Фортунатов Г.А. Комментарии к таблице прямых предков Константина, Александра, Федора, Григория, Марии и Михаила Фортунатовых. IV. Фортунатовы и Юрьевы. 78 л. // Личный архив Н.И. Фортунатовой.
- Фортунатов Г.А. Предки (прямые) Константина Алексеевича Фортунатова. 21 л. // Личный архив Н.И. Фортунатовой.
- Фортунатов Г.А., Петровский Н.В. Психология. М.: Учпедгиз, 1957. 128 с.
- Фортунатов Ф.Н. Воспоминания о С.-Петербургском университете за 1830-1833 гг. М., 1869. 36 с.
- Фортунатова Н.И. Воспоминания об И.К. Фортунатове// Отцовская память. М.: Сергиев Посад, 2008. С. 24-36.

³⁷ Интервью с Ниной Игоревной Фортунатовой.

Литература

- Агеева Н.Н. Научно-педагогическая и общественно-публицистическая деятельность С.Ф. Фортунатова в конце XIX – начале XX вв.: автореф. дис. к.и.н. Чебоксары, 2016. 24 с.
- Агеева Н.Н. Преподавательская деятельность С.Ф. Фортунатова в Московском университете // Университетское образование в полиэтничных регионах Поволжья: к 50-летию Чувашского государственного университета имени И.Н. Ульянова (VI Арсентьевские чтения): сб. статей. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2015. С. 17-21.
- Агеева Н.Н. Преподавательские традиции в династии Фортунатовых // Российская интеллигенция в условиях цивилизационных вызовов (V Арсентьевские чтения): сб. статей. Чебоксары: ЦНС «Интерактив плюс», 2014. С. 17-22.
- Агеева Н.Н. Ф.Н. Фортунатов – выдающийся представитель учительской династии // Патриотизм в России: история и современность (к 400-летию воцарения династии Романовых). Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. С. 7-15.
- Агеева Н.Н., Иванова Т.Н. Портрет интеллектуала: к 165-летию С.Ф. Фортунатова // Диалог со временем. 2015. № 50. С. 287-306.
- Агеева Н.Н., Иванова Т.Н. Страницы истории России и Казахстана в личности И.К. Фортунатова // Социальная модернизация стран постсоветского пространства: исторические тенденции и казахстанский опыт. Материалы международной научно-практ. конференции 25-26 апреля 2013 г. Актобе: Актюбинский государственный педагогический институт, 2013. С. 133-135.
- Борисова Г.Ю. Документы ЦИАМ как источники по истории Вологодского края. http://mosarchiv.mos.ru/meropriyatiya/vystupleniya_SMI/2004%20-%202007/kruglystol.php
- Воробьева И.Г. Профессор Н.И. Радциг в письмах к С.И. Архангельскому // Диалог со временем. 2012. № 40. 298-316.
- Высотский Н.Г. Из далекого прошлого (Воспоминания о студенческих годах в Московском университете) // Вестн. воспитания. 1910. № 7. С. 150-170.
- Иванова Т.Н., Агеева Н.Н. Научно-педагогическое наследие российского историка С.Ф. Фортунатова // Вестник Чувашского университета. 2013. № 2. С.10-14.
- Иванова Т.Н., Агеева Н.Н. А.А. Фортунатов как исследователь Каролинского Возрождения // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2017. Т. 159, кн. 4.
- Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания: 1881–1914. М., 1996. 386 с.
- Кошелев В.А. Вологодские давности. Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1985. 220 с.
- Петров К.В. Алексей Федорович Фортунатов. <http://gallery.economicus.ru/cgibin/framerightn.pl?type=ru&links=ru/fortunatov/biogr/fortunatovb1.txt&name=fortunatov&img=brief.gif>
- Поржезинский В. Ф.Ф. Фортунатов: некролог // Журн. Мин-ва нар. просвещения. 1914. Ч. 54. Декабрь. С. 180-192.
- Фортунатова Н.И. Мой огненный ангел. М.: Дом надежды, 2009. 176 с.

REFERENCES

- Ageeva N.N. Nauchno-pedagogicheskaya i obshhestvenno-publicisticheskaya deyatelnost S.F. Fortunatova v konce XIX – nachale XX vv.: dis. ... k.i.n. Cheboksary, 2016. 300 s.
- Ageeva N.N. Nauchno-pedagogicheskaya i obshhestvenno-publicisticheskaya deyatelnost S.F. Fortunatova v konce XIX – nachale XX vv.: avtoref. dis. ... k.i.n. Cheboksary, 2015. 24 s.
- Ageeva N.N. Prepodavatel'skaya deyatelnost S.F. Fortunatova v Moskovskom universitete // Universitetskoe obrazovanie v polietnichny'x regionax Povolzh'ya: k 50-letiyu Chuvashskogo gosudarstvennogo universiteta imeni I.N. Ulyanova (VI Arsentevskie chteniya): sb. statej. Cheboksary: CzNS «Interaktiv plyus», 2015. S. 17-21.
- Ageeva N.N. Prepodavatel'skie tradicii v dinastii Fortunatovy'x // Rossijskaya intelligenciya v usloviyax civilizatsionnyx vyzovov (V Arsent'evskie chteniya): sb. statej. – Cheboksary: CzNS «Interaktiv plyus», 2014. S. 17-22.
- Ageeva N.N. F.N. Fortunatov – vydayushhij'sya predstavitel uchitel'skoj dinastii // Patriotizm v Rossii: istoriya i sovremennost (k 400-letiyu vozczareniya dinastii Romanovy'x): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. Cheboksary: Izd-vo Chuvash. un-ta, 2013. S. 7-15.
- Ageeva N.N., Ivanova T.N. Portret intellektuala: k 165-letiyu S.F. Fortunatova // Dialog so vremenem. 2015. № 50. S. 287-306.

- Ageeva N.N., Ivanova T.N. Stranicy istorii Rossii i Kazaxstana v lichnosti I.K. Fortunatova// Socialnaya modernizatsiya stran postsovetского prostranstva: istoricheskie tendentsii i kazaxstanskiy opyt. II Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakt. konferentsii 25-26 aprelya 2013 g. Aktove: Aktyubinskiy gosudarstvenny'j pedagogicheskij institut, 2013. S. 133-135.
- Borisova G.Yu. Dokumenty CIAM kak istochniki po istorii Vologodskogo kraja. URL: http://mosarchiv.mos.ru/meropriyatiya/vystupleniya_SMI/2004%20-%202007/kruglystol.php
- Vorobyova I.G. Professor N.I. Radcig v pismax k S.I. Arxangelskomu // Dialog so vremenem. 2012. № 40. S. 298-316.
- Vysotskiy N.G. Iz dalekogo proshlogo (Vospominaniya o studencheskix godax v Moskovskom universitete) // Vestn. vospitaniya. 1910. № 7. S. 150-170.
- Ivanova T.N., Ageeva N.N. Nauchno-pedagogicheskoe nasledie rossijskogo istorika S.F. Fortunatova // Vestnik Chuvashskogo universiteta. 2013. № 2. S.10-14.
- Ivanova T.N., Ageeva N.N. A.A. Fortunatov kak issledovatel Karolingskogo Vozrozhdeniya // Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2017. № 4.
- Kizevetter A.A. Na rubezhe dvux stoletij. Vospominaniya: 1881–1914. M., 1996. 386 s.
- Koshelev V.A. Vologodskie davnosti. Arxangel' sk: Sev.-Zap. kn. izd-vo, 1985. 220 s.
- Petrov K.V. Aleksej Fedorovich Fortunatov. <http://gallery.economicus.ru/cgi-bin/framerightn.pl?type=ru&links=/ru/fortunatov/biogr/fortunatovb1.txt&name=fortunatov&img=brief.gif>
- Porzhezinskiy V. F.F. Fortunatov: nekrolog // Zhurn. Min-va nar. prosvshheniya. 1914. № 54. Dekabr. S. 180-192.
- Fortunatova N.I. Moj ognennyj angel. M.: Dom nadezhdy, 2009. 176 s.

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; tivanovan@mail.ru

Агеева Наталья Николаевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культуры зарубежных стран Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова; nageeva@mail.ru

The Fortunatovs dynasty: fortune in the wheel of Russian history, the 18th – 21st centuries

The article traces the history of the well-known Fortunatovs dynasty through the 18th -21st cc., characterizes its most prominent representatives, emphasizes their contribution to the development of various fields of Russian science and education. The authors identify several educational institutions, which are associated with the Fortunatovs activity: Vologda and Olonets gymnasium (the 18th c. – the "Enlightenment stage"), Moscow University (the 19th c. – "liberal democratic stage"), the A.L. Shanyavsky University and the Peter the Great Agricultural Academy (late 19th – early 20th cc. – "scientific and educational stage"), the Moscow city pedagogical Institute (the Soviet period).

Keywords: Fortunatovs dynasty, the Russian intelligentsia, enlightenment, biography studies, intellectual history

Tatyana Ivanova, Dr.Sc. (History), Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University; tivanovan@mail.ru

Natalya Ageeva, PhD in History, Associate Professor, Department of History and Culture of Foreign Countries, Chuvash State University; nageeva@mail.ru

Н. А. КОТЕЛЬНИЦКИЙ

МИРОВОЗЗРЕНИЕ И. И. ПЕТРУНКЕВИЧА ШТРИХИ К ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ

В статье исследуется формирование мировоззрения И.И. Петрункевича. Охарактеризовано его отношение к политическому режиму Российской империи, крестьянской и земской реформам. Показаны ключевые факторы его биографии, семейной летописи, повседневной жизни, воспитания и образования, дружественных и родственных связей, как фундаментальные составляющие кристаллизации идеалов, взглядов и убеждений. Освещены знаковые события первого, украинского периода жизни и деятельности И.И. Петрункевича.

Ключевые слова: И.И. Петрункевич, мировоззрение, либеральная идеология

Мировоззрение любого человека, а тем более выдающейся исторической личности, формируется длительный период времени и содержит в себе широкий комплекс взаимосвязанных составляющих. Это в полной мере касается и героя нашего очерка – Ивана Ильича Петрункевича (1843–1928), крупного политика второй половины XIX – первой четверти XX в., яркого представителя украинской аристократии, патриарха земского либерализма в Российской империи [см. Котельницкий 2015]. Попытаемся обозначить ключевые факторы, так или иначе, повлиявшие на формирование идеалов и взглядов И.И. Петрункевича.

Во-первых, это, безусловно, семья. Как вспоминал Петрункевич, его мать была очень умной женщиной и отличалась сильным характером. Она была воспитана в крепостных традициях и до конца жизни не признавала идей равенства в обществе. Она была глубоко убеждена в своих законных собственнических правах в отношении крепостных и не допускала возможности других форм социальной организации. Отец, напротив, придерживаясь гуманных убеждений, с самого начала процесса отмены крепостничества встал на сторону прогрессивных сил и всегда оставался в рядах того аристократического меньшинства, которое понимало, что обновление Российской империи принципиально невозможно без освобождения крестьянства [Петрункевич 1911: 5]. Думается, взгляды отца положительно повлияли на молодого Петрункевича.

Пребывание на учебе в Чернигове запомнилось И. Петрункевичу благодаря эпохальному событию – отмене крепостного права. В своей публицистике он ярко отобразил социокультурную среду провинции, своей родной Черниговской губернии накануне освободительной реформы. Петрункевич писал, что до конца Крымской войны никто не думал, что возможна «беда» для высших сословий – освобождение крестьян от рабства, и что позорное военное поражение Российской импе-

рии приведет именно к таким последствиям. После завершения войны в Борзнянский уезд прибыли гусарские полки для постоянной дислокации. Появление военной молодежи внесло в монотонную провинциальную жизнь небывалое оживление: бесконечные балы, свадьбы, игровые салоны – все это наполнило жизнь дворянских имений. Помещики жили сегодняшним днем, а о катастрофически увеличивающихся долгах хозяйств никто не думал – аристократия не сомневалась, что крестьянские спины все выдержат. Положение усугублялось еще и тем, что общественного мнения фактически не существовало – газета «Черниговские губернские ведомости» приходила в Борзнянский уезд раз в неделю, а в село попадала лишь в результате «недоразумения».

Освобождение крестьян стало болезненным ударом для помещиков. Черниговская губерния была одной из тех, где земля была единственным источником доходов, что обусловило реакционную позицию аристократии – она выступила против наделения свободных крестьян земельными наделами в собственность. Но после того, как законодательные положения освободительной реформы были окончательно приняты в либеральной концепции, черниговское дворянство использовало удобный момент, когда крестьянство желало получить немедленно свободу и минимальные земельные наделы, и выиграло наиболее выгодные и прибыльные земельные латифундии, поставив крестьян в условия дворянского экономического диктата.

Петрункевич ярко описал процедуру оглашения Манифеста об освобождении. Как он вспоминал, черниговский губернатор К. Шабельский, который не сочувствовал реформам и боялся больших волнений, срочно подал в отставку и оставил территорию Черниговской губернии. Назначенный на его место князь С. Голицын, «почему-то» прибыл лишь после обнаружения Манифеста. Согласно законодательным положениям, его место должен был временно занять вице-губернатор, но тот «неожиданно» заболел. В срочном порядке «заболели» также Управляющий государственным имуществом губернии и председатель Казенной палаты. Наконец, очередь дошла до председателя криминальной палаты суда, и отец политика – Илья Петрункевич, избранный представитель судебной ветви власти, взял на себя знаковую миссию – публичное оглашение Манифеста. 9 марта 1861 г. эпохальный документ был обнаружен по всей губернии. Однако крестьянство было разочаровано: все ожидали немедленного и полного освобождения от власти помещиков, но оказалось, что еще надолго оставались в реальной силе обязательные отношения с бывшими хозяевами, личная служба, барщина, оброки и повинности. Как вспоминал Петрункевич, крестьяне после оглашения документа разошлись по домам в состоянии категорического неудовлетворения – они ожидали значительно большего. Принудительное введение уставных грамот, по его наблюдению, целиком подтверждало скеп-

тицизм крестьянства – столкновения помещиков и крестьян на экономической почве очень часто приводили как к административному, так и к военному беспределу господствующих сословий [там же: 5].

Каким же было отношение Петрункевича к реформе 1861 г.? Он начал свою общественную работу с того, что отказался от 1/5 части выкупных платежей временнообязанных крестьян своего имения и таким образом уничтожил все отношения, связанные с крестьянскими обязательствами [Петрункевич 1934: 30]. Эта акция Петрункевича была проявлением понимания им того сложного положения, в котором очутились крестьянские хозяйства после отмены крепостного права.

Вспоминая, Петрункевич отмечал, что согласно законодательным нормам освободительной реформы, крестьянские земельные наделы в его родном селе Плиски Борзнянского уезда, составляли не более 6-7 десятин на земледельческую семью. Такой небольшой надел был явно недостаточным. Эта ситуация ставила крестьян в экономическую зависимость от помещика или от купцов, массово скупавших земли у дворян, или же от зажиточных казаков, т.е. ставила в зависимость от соседнего землевладельца, который диктовал свои условия, так как вблизи не было ни фабрик, ни заводов, ни промыслов, а мигрировать не было смысла, ибо железных дорог было очень мало, и передвижение по стране было весьма непростым делом. Проблему усложняло и то, что крестьяне не знали никакого другого труда, кроме земледельческого, что в условиях малоземелья было катастрофой. Это сразу значительно снизило материальное обеспечение крестьян, которое они имели при крепостном праве. Получило распространение мнение, что освобождение от рабства не улучшило, а, скорее, ухудшило положение крестьянства.

Петрункевич откровенно заявил в мемуарах, что недостаточное обеспечение крестьян землей после их освобождения, особенно в провинции, где земледелие составляло основную отрасль экономики, было величайшей государственной и хозяйственной ошибкой, которая имела роковые для страны последствия в форме революционного решения аграрного вопроса [там же: 14-15]. В своем знаменитом труде, брошюре «К аграрному вопросу», он сформулировал однозначные оценки и дал категорические комментарии относительно отмены крепостного права.

Размышляя над мотивами, которыми руководствовались власти, Петрункевич акцентировал внимание на том, что комплекс правительственных реформ был вызван желанием разрешить насущные финансовые проблемы, усугубленные поражением в Крымской войне. Правительству срочно требовались колоссальные средства для восстановления экономического потенциала страны, а для развития промышленности нужна была свободная рабочая сила. Но превратив крестьян в свободных наемных работников, правительство не предусмотрело необходимость сделать из них свободных граждан, считая их лишь объектами для

налогообложения. В результате крестьянская реформа стала искаженным компромиссом между неотложными требованиями времени и постепенно умирающим прошлым. По мысли Петрункевича, этот политический консенсус привел к тому, что экономические интересы крестьян были принесены в жертву интересам их бывших собственников, получивших непропорциональные компенсации при отмене крепостного права. Ситуация могла быть другой, если бы была поставлена цель создать слой мелких землевладельцев, свободных граждан, экономически независимых субъектов, а не армию бедных плательщиков налогов [Петрункевич 1905; 1907]. Мысли, высказанные в брошюре, позволяют утверждать, что Петрункевич был сторонником американской модели развития аграрного сектора экономики путем образования мощного слоя мелкого фермерства. Эти соображения стали фундаментальной основой для конструирования его экономической философии и дальнейшей общественной работы. Петрункевич был «американистом», считал США идеальным образцом построения государства, местного самоуправления и комплекса взаимоотношений в обществе.

Важным фактором в формировании мировоззрения Петрункевича стали судьбоносные знакомства в период учебы с представителями династий Бакуниных и Вернадских. С А. Бакуниным он познакомился в Петербурге осенью 1864 г. Братья Иван и Михаил Петрункевичи были студентами университета и снимали квартиру вместе с отцом будущего великого ученого В. Вернадского – И. Вернадским. Однажды к ним наведлся А. Бакунин, в ходе знакомства сразу завязались политические дискуссии по поводу многообещающего будущего страны. Очевидно, Бакунин увидел в молодых студентах своих политических соратников, так как с этого момента симпатии быстро превратились в крепкую дружбу [Петрункевич 1934: 146]. Как считает один из современных исследователей К. Могилевский, под влиянием Бакунина Петрункевич стал членом студенческого политического клуба, который имел ярко выраженную либеральную направленность. Члены клуба, регулярно собираясь на квартире, которую нанимал Бакунин, обсуждали насущные политические проблемы. На этой почве И. Петрункевич и А. Бакунин стали идейными соратниками [Могилевский 2002].

Намного позже Петрункевич говорил, что история династии Бакуниных – это история его собственной души, в самом ее источнике [Сысоев 2002: 391]. А. Бакунин систематически приглашал братьев Петрункевичей проводить студенческие каникулы в фамильном имении династии Бакуниных – селе Прямухино Тверской губернии. Петрункевич многократно с благодарностью вспоминал о доброжелательном приеме семьи Бакуниных [Петрункевич 1934: 148]. В середине XIX в. семейное гнездо Бакуниных, без преувеличения, было центром консолидации великих представителей русской культуры. По образному выражению

правнука И. Петрункевича Н. Шлиппенбаха (1928–2010), общественно-политическая жизнь в Прямухино накануне Великих реформ «была ключом». Много выдающихся политиков были гостями в радушном салоне имения Бакуниных [Шлиппенбах 2005: 18-19]. Как свидетельствовал Шлиппенбах в личном письме к автору, именно в Прямухино Петрункевич имел регулярные встречи с выдающимися деятелями русского освободительного движения, прогрессивными представителями тверского дворянства, которое славилось своим либерализмом, и с великими русскими писателями-гуманистами, деятелями культуры: И. Тургеневым, Ф. Достоевским, Л. Толстым, Н. Ге, В. Серовым, Н. Пироговым, В. Белинским¹. Эти регулярные контакты стали определяющим фактором в процессе кристаллизации убеждений Петрункевича.

Отметим и значительное влияние на Петрункевича дружбы с династией Вернадских. Имения двух семей находились рядом. Вернадские были представителями малороссийской аристократии в терминологии Российской империи и репрезентировали черниговское либеральное дворянство. Отец Петрункевича и отец В. Вернадского, были не только близкими друзьями, но также идейными соратниками. Семья Вернадских была одной из немногих, отказавшихся от выкупных платежей крестьян, что, вероятно, повлияло на Петрункевича как практический пример для подражания². В. Вернадский впоследствии станет единомышленником Бакуниных и постоянным гостем их имения в селе Прямухино Тверской губернии [Шлиппенбах 2008; 2009].

Очевидно, либеральный дух, благотворная аура политической оттепели, а также влияние А. Бакунина и семьи Вернадских подтолкнули Петрункевича к решению принять самое активное участие в проводившихся общественных трансформациях. После учебы в Киеве (Киевский Владимирский кадетский корпус) и Санкт-Петербурге он вернулся на Черниговщину весной 1866 года. Именно в этот период начали свою деятельность земские учреждения Черниговской губернии. Молодой политик побывал на торжественном открытии губернского земского собрания осенью 1865 года. Увиденное впечатлило его, он увлекся будущими перспективами земской работы [Петрункевич 1934: 6-8].

Петрункевич вспоминал, что после возвращения в Плиски у него не было конкретного плана действий, он осознавал одно – что должен посвятить себя служению народу, среди которого вырос и видел его невыносимые условия жизни. Он понимал, что причины этого – забитость, бедность, несправность народа и циничная наглость властей. Поэтому он считал нужным стать ближе к народу, понять его нужды и интересы, получить его доверие. Размышляя о состоянии дел в Российской импе-

¹ Личный архив автора. – Письмо от 14 мая 2008 года. Л. 1об.

² Личный архив автора. – Письмо от 5 декабря 2008 года. Л. 2.

рии, Петрункевич указывал на основного виновника сложившейся ситуации – государство и его институты. Государство очень мало заботилось о жизни крестьянского сословия, этой основы империи. Петрункевич подчеркивал, что «в глазах государства эта народная масса была только рабочей силой и податным сословием, которое удовлетворяет государственные нужды, и не более того...». Введенное государством крепостное право разделило народ на две части – дворянство и подданных, на аристократию и рабов, создав глубинный разрыв между властным меньшинством и огромным народным большинством. Даже при освобождении крестьян от крепостничества, размеры их земельных наделов определялись исключительно целью обеспечения уплаты налогов, хотя привилегированные сословия общества – дворяне, чиновники, военные, бюрократы, были освобождены от уплаты налогов. Констатируя отсутствие каких-либо государственных гарантий крестьянству, Петрункевич отмечал покорное исполнение всех повинностей простыми людьми. Основные негативные стороны системы власти, по его убеждению, состояли в разгуле бюрократии, взяточничестве, абсолютной некомпетентности чиновничества, коррупциализации государственной службы. Государству было выгодно иметь необразованных людей, ибо это было залогом ограничения «ненужных» мыслей в народе и, как следствие, гарантией общественного спокойствия в стране. В результате своих размышлений Петрункевич пришел к следующему выводу:

«чтобы народ знал, ценил и любил свое Отечество, нужно, чтобы он знал свое прошлое, свою славу и свои несчастья; нужно, чтобы он знал свое Отечество, не путешествуя по тюрьмам и ссылкам, а весторонне брал участие в делах своего Отечества: в делах государственных, так и местных; нужно, чтобы народ привык не отделять себя от Отечества, и чтобы каждый чувствовал свою величайшую ответственность за общее благополучие» [там же: 20].

Эти мысли стали основой политической концепции Петрункевича, стержнем философской парадигмы его мышления, что, в свою очередь, заложило прочный фундамент его идеологической платформы, продуктом которой стала либеральная политическая программа.

Оказавшись в провинциальной среде, Петрункевич имел альтернативу: будучи представителем местного потомственного дворянства, он мог связать свои интересы либо с поместной аристократией, либо с представителями местного чиновничества. Однако он выбрал дружбу с маленькой группой общественных деятелей, которых в будущем назовут *шестидесятниками*. Как свидетельствовал Петрункевич, они были горячо преданы идее обновления Российской империи на почве крестьянской, земской и судебной реформ. Они видели и признавали все недостатки реформ: их незаконченность, а часто и непоследовательность; боязнь дать больше того, что безусловно необходимо; но признавали, что общество получило благодаря этим реформам точку опоры

и почву для общественно-полезной работы, которая, сама по себе, неотвратимо должна раздвинуть рамки, установленные правительством, и подготовить страну к самому широкому самоуправлению.

Группу возглавлял М. Имшенецкий, в нее входили: Н. Волк-Карачевский, В. Тарновский, Г. Волк-Карачевский, В. Савич, В. Волк-Карачевский. К этой организации представителей либерального дворянства и бюрократии примкнул Петрункевич. По его словам, хоть их и было мало, но это не страшило членов сообщества, так как их идеология и политическая программа выходили за пределы Борзнянского уезда Черниговской губернии, а планы группы распространялись на Российскую империю в целом. Члены организации не сомневались, что быстро найдут единомышленников как в других уездах Черниговской губернии, так и в других губерниях страны [там же: 30-31]. Идеологическая платформа и политическая программа сообщества были обсуждены и утверждены Имшенецким и Петрункевичем летом 1866 г. в фамильном имении Имшенецких, где Петрункевич гостил две недели. Этот факт позволяет утверждать, что Петрункевич был фактическим руководителем группы. В ходе личных бесед были сформированы принципы деятельности и политическая программа, которая состояла в следующем.

Члены группы мечтали о конституционном устройстве Российской империи, желали превратить земство в школу самоуправления, тем самым подготовив страну к конституционной монархии. Они считали, что только демократия без ограничений станет основой нового устройства, без разделения общества на социально-правовые, религиозно-конфессиональные и национально-культурные слои. Представители сообщества совсем не думали о революции – они считали, что в тех исторических условиях насильственный переворот был нецелесообразным, ибо народ не поднялся к такой форме сознания, когда он должен стать не объектом, а субъектом государственного управления. Они понимали, что в случае революции, традиционное российское самодержавие могло быть заменено на «просвещенный деспотизм», когда славянофильская идея «народу – мнение, царю – власть» считалась бы революционной. Члены организации надеялись, что общественные революционные преобразования можно реализовать через широкое, всеобъемлющее местное самоуправление, если его расширить до волостной единицы, освободить от административного контроля и подчинить специальному парламентскому органу. Фактически речь шла о широкомасштабной децентрализации власти в государстве и делегировании полномочий провинции. По убеждению представителей группы, обязательным и непременным условием реализации этих планов должно стать упразднение всех социальных сословий и каст, всех корпоративных и сословных привилегий, отмена всех узкоклассовых преференций и бенефиций, уравнивание всех людей в гражданских и политических правах.

Таким образом, летом 1866 г. в Борзнянском уезде Черниговской губернии был создан нелегальный либеральный политический клуб, который возглавил И. Петрункевич. Основой политической платформы клуба стала философия либерализма, с ее основными составляющими – реформизмом и конституционализмом. Можно с полной уверенностью констатировать, что клуб стал качественно новым явлением в общественной жизни малороссийских земель в 1860-е годы.

Как свидетельствовал Н. Шлиппенбах, Петрункевич никогда не был ярким противником монархии, но он категорически выступал против самодержавного абсолютизма и настойчиво агитировал за установление конституционного строя, т.е. за всестороннее ограничение монархии, за равенство всех перед законом. По своим убеждениям, Петрункевич никогда не был близок к революционному лагерю, ожидая от дворянства добровольного отказа от своего привилегированного статуса³. Петрункевич был “западником” по мировоззрению и одним из первых “неолибералов” в стране, поскольку отстаивал западную модель построения правового государства и ратовал за всеобъемлющие социальные реформы, как залог достижения общественного благополучия.

Для реализации политической программы клуба, его члены были вынуждены идти во власть, ибо только она была единственным инструментом для достижения этой цели. В 1867 г. Петрункевич баллотировался на выборах в Борзнянское уездное земское собрание от крестьянского сословия, так как его либеральная речь на торжественном банкете в честь избрания Имшенецкого предводителем дворянства Борзнянского уезда не позволила ему выставить свою кандидатуру от крупных землевладельцев – смелое выступление чуть не закончилось вызовом на дуэль. Летом 1868 года все члены политического клуба были избраны гласными Борзнянского уездного и Черниговского губернского земских собраний [Петрункевич 1934: 32-35].

Интересно личное отношение Петрункевича к земской реформе 1864 года. Он считал ее великой, наряду с другими реформами Александра II: при всех ее недостатках, земская реформа сыграла свою выдающуюся роль. В мемуарах он образно писал, что вчерашние землевладельцы и рабы, освобожденные от крепостной зависимости, сошлись, как равные граждане, для разрешения местных хозяйственных, государственных и культурных задач. Однако он ясно понимал все негативные моменты процесса, главным из которых считал частный, провинциальный характер деятельности земских учреждений. Петрункевич отмечал, что самодержавие боялось создать ситуацию двоевластия, что было недопустимо для монархии. Земские учреждения были самоуправляемыми органами, а поэтому действовали независимо от машины госу-

³ Личный архив автора. – Письмо от 19 августа 2009 года. Л. 1.

дарственной бюрократии. Именно эта метаморфоза и обусловила, по мнению политика, постоянную борьбу земства с бюрократией для защиты прав местного самоуправления. Такая борьба началась сразу после появления земских учреждений, когда стали понятными истинные намерения власти по поддержке в земствах консервативной и реакционной части дворянства, которое захватило всю полноту власти в земских институциях. И лишь в период 2-го трехлетия депутатский корпус земских собраний начал постепенно меняться в соответствии с политическими настроениями в обществе. Кроме того, Петрункевич указывал на отсутствие реального равноправия в представительстве разных социальных сословий в земских учреждениях [там же: 10-11].

Таким образом, как видно из мемуаров Петрункевича, он считал крайне необходимым бороться за всестороннее расширение и углубление начатых самодержавием либеральных реформ. В своей публицистике он отмечал, что сразу после создания земских институций, монархический режим и корпорация бюрократии начали всеми способами ограничивать и без того скромную компетенцию органов местного самоуправления и их права, тем самым существенно задерживая становление и развитие этих учреждений. Он указывал, что земство ощутило все возможные способы уничтожения принципов самоуправления. Земское законодательство создавало почву для постоянных столкновений земских учреждений с властью, что делало невозможным гармоничное существование и функционирование выборных общественных институций в самодержавной политической системе [Петрункевич 1914: 1].

Почему Петрункевич ориентировался именно на земства? Причиной, думается, был относительно либеральный характер законодательного акта земской реформы 1864 г. Земства были выборными общественными представительными учреждениями, которые формировались на основе принципа всеобщности, т.е. в них были представлены все общественные слои, включая крепостных крестьян. Отдельные положения закона предусматривали публичность деятельности этих организаций, путем привлечения общественности на заседания земских собраний в качестве публики; легальное обнародование всего комплекса земской документации, с помощью публикации соответствующих журналов заседаний земских собраний и отчетов земских управ, разнообразных материалов о развитии отдельных отраслей земского хозяйства.

Сосредоточение земств на провинциальных проблемах позволило им автономизироваться от широкого влияния бюрократии, стать самостоятельными и объединить вокруг земских органов наиболее прогрессивные общественные силы. Земства не слились с органами политической власти, они сами выбирали свои руководящие органы, формировали структуру управления, определяли основные направления своей деятельности, исключительно сами подбирали себе служащих и специали-

стов. Земства самофинансировались (бюджеты земств формировались на основе части консолидированных налогов провинции) и, следовательно, были в плане экономического обеспечения относительно независимы от власти. Все это делало земские учреждения относительно свободным общественным институтом, в котором существовал хотя бы какой-то дух инакомыслия, что, в свою очередь, стимулировало появление симптомов “парламентаризации” земских институций, а, следовательно, и конструктивной оппозиции власти. Социальной опорой земств стало либеральное дворянство, поскольку большая часть аристократии была вынуждена подчиниться духу нового времени и пройти путь буржуазной либерализации. Консервативное дворянство проявило индифферентное отношение к земским учреждениям и предпочло должности при императорском дворе, или в органах государственной власти. Эти факторы и вызвали симпатии Петрункевича к земствам.

Подчеркнем, что поскольку публичной политической деятельности на тот момент в Российской империи практически не существовало, то земства стали единственными институтами политической свободы. Воодушевленный эпохой Великих реформ, Петрункевич избрал службу в выборных учреждениях основной деятельностью. Как бы там ни было, его отказ от перспективных и многообещающих карьер кадрового военного и государственного служащего вызывает большое уважение, ибо не каждый сверстник политика смог бы отказаться от такого будущего.

Завершая размышления о причинах выбора Петрункевича в пользу земства, процитируем политическую характеристику, данную ему выдающимся советским историком земского либерализма Н. Пирумовой:

«...Профессиональный политический деятель, конституционалист, гибкий тактик... Не идеализируя земскую реформу 1864 года, понимая мелкие политические и экономические возможности органов местного самоуправления, он тем не менее делал ставку именно на земства, как на арену общественной деятельности, и на либерально-настроенных земцев, как силу, способную консолидировать общественное мнение в масштабах страны... Активная, всегда имеющая политическую основу работа И. Петрункевича... в Черниговском земстве, его участие в земских съездах... разработка вместе с другими лидерами движения политических решений, и очень часто компромиссных требований, составляли лишь одну, более-менее известную сторону его деятельности. Другая же сторона, мало кому известная, состояла в организации и координации нелегальных акций конституционалистов: в формировании политических программных основ, работе по созданию периодического органа земских либералов. Но, не выступая открыто с пропагандой конституционализма, он рассчитывал расширить круг участников движения, привлечь хотя бы к умеренным формам оппозиционной деятельности как можно больше земцев». [Пирумова 1977: 100-101].

Подводя итоги отметим, что указанные нами факторы из биографии и повседневной деятельности И. Петрункевича обусловили формирование принципиальных либеральных убеждений деятеля, привед-

ших его в стан конструктивной оппозиции российскому империализму и деспотизму. Пример героя нашего очерка убедительно показывает, что во многих случаях решающее значение в формировании взглядов, идеалов и убеждений имеют именно влияние семьи, процессы воспитания и образования, дружественные и родственные отношения.

Личный архив автора

Письмо Н.А. Шлиппенбаха к Н.А. Котельницкому от 5 декабря 2008 года.

Письмо Н.А. Шлиппенбаха к Н.А. Котельницкому от 14 мая 2008 года

Письмо Н.А. Шлиппенбаха к Н.А. Котельницкому от 19 августа 2009 года.

Петрункевич И.И. К аграрному вопросу. М., 1905. С. 3-5.

Петрункевич И.И. Введение // Аграрный вопрос. М. 1905. Т. 1. С. 15–36.

Петрункевич И.И. Манифест 19 февраля в провинции (из личных воспоминаний) // Речь. 1911. № 49. 19 февраля. С. 5.

Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания / Под ред. А.А. Кизеветтера. Прага: Б.и. 1934. С. 30.

Петрункевич И.И. 50-летие «Положения о земских учреждениях» (1864–1914) // Речь. 1914. №1. Января. С. 1.

Шлиппенбах Н.А. Путешествие во времени далеко и близко. СПб., 2005.

Шлиппенбах Н.А. Ветвистый багаж // Курортный район. 2008. № 33. 6 августа. С. 8.

Шлиппенбах Н.А. Потомки Бакунина встречаются в Прямухино // Семья и школа. 2009. № 1. С. 29.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

Котельницкий Н.А. Иван Ильич Петрункевич: жизнь и деятельность на Черниговщине. Историко-биографический очерк. М.: Летний Сад, 2015. 124 с. [Kotel'nickij N.A. Ivan Il'ich Petrunkevich: zhizn' i deyatel'nost' na Chernigov-shchine. Istoriko-biograficheskij ocherk. M.: Letnij Sad, 2015. 124 s.]

Могилевский К. Иван Ильич Петрункевич: «Подготовить страну к самому широкому самоуправлению...» // Российский либерализм. Идеи и люди. М., 2007. С. 386-394 [Mogilevskij K. Ivan Il'ich Petrunkevich: «Podgotovit' stranu k samomu širokomu samoupravleniyu...» // Rossijskij liberalizm. Idei i lyudi. M., 2007. S. 386-394]

Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977 [Pirumova N.M. Zemskoe liberal'noe dvizhenie. Social'nye korni i evoluciya do nachala XX veka. M., 1977]

Сысоев В.И. Бакунины. Тверь, 2002 [Sysoev V.I. Bakuniny. Tver', 2002]

Котельницкий Назар Анатольевич, кандидат исторических наук, член-корреспондент Центра украинских исследований, Институт Европы РАН; subton7@gmail.com

World view of I. Petrunkevich: details of a political portrait

The article studies the formation of the ideology and mentality of I.I. Petrunkevich. The personal attitude of the figure to the social and political regime of the Russian Empire, the peasant and zemstvo reforms has been characterized. The key factors of biography, family history, everyday life, educational and educational processes, friendly and family ties are shown as fundamental components of the crystallization of ideals, views and beliefs of I.I. Petrunkevich. The significant events of the first, Ukrainian period of life and politics are highlighted.

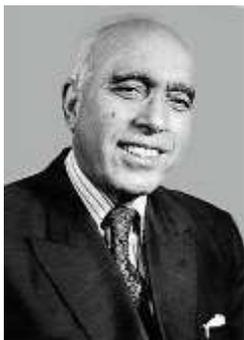
Keywords: I.I. Petrunkevich, world outlook, liberal ideology, mentality

Nazar Kotelnitsky, Ph.D., Corresponding Member of the Center for Ukrainian Studies, the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences; e-mail: subton7@gmail.com

ШЕЙХ АБДУЛЛА: ПОРТРЕТ В КАШМИРСКИХ ТОНАХ¹

Исследование истории княжества Джамму и Кашмир, трагедии его раздела в 1947 г., ведется давно². В центре внимания автора личность, сыгравшая видную роль в становлении современного Кашмира, но пока недостаточно изученная, – «Лев Кашмира» Шейх Абдулла (1905–1982), бывший с 1947 по 1982 гг., с перерывами, премьер-министром Джамму и Кашмира. В статье дан анализ его деятельности в первые месяцы после образования Индийского Союза и Пакистана.

Ключевые слова: *Кашмир, Шейх Абдулла, Индийский Союз, Пакистан, СССР*

Княжества колониальной Индии формально считались независимыми, в действительности они находились в подчинении Короны. В годы Второй мировой войны они поддерживали Великобританию, предоставляли в ее распоряжение все силы и ресурсы, их войска сражались в Африке и Сирии. Однако в ходе войны ситуация в княжествах стала постепенно меняться. Населявшие их народы, вопреки искусственной изоляции от Британской Индии, оказались под влиянием бурно развивавшегося в провинциях освободительного движения.

На территории многих княжеств возникли местные комитеты ведущей политической партии – политконфессионального Индийского национального Конгресса (ИНК) и близкие к нему организации. Хотя и запоздалое, политическое пробуждение привело в движение массы людей. Авторитетный лидер ИНК Мохандас Карамчанд Ганди, Махатма рассчитывал на активную поддержку антибританской борьбы как со стороны народов княжеств, так и их правителей. Он исходил из установок Харипурской сессии ИНК 1938 года, провозгласившей, что «полная независимость... должна быть достигнута для всей Индии, включая княжества, поскольку целостность и единство Индии сохранятся при независимости, как они сохраняются при подчинении» [Coupland 1943: 172]. Однако обострившиеся на фоне антиколониальной освободительной борьбы индусско-мусульманские и сикхско-мусульманские политические и религиозные противоречия, использованные британцами, не оставили шанса сохранить единство Индии. Политический оппо-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-01-00258-ОГН/18.

² См.: Шаумян 1989. С. 113–147; 1995. С. 61–72; 2002. С. 61–76; Белокреницкий, Москаленко, 2008; 2002. № 1. С. 9–14; Юрлов, Юрлова 2010.

нент Конгресса, конфессиональная Мусульманская лига (МЛ) во главе с Мухаммадом Али Джинной выступавшая за раздел Индии по конфессиональному признаку и создание Пакистана, старалась влиять на княжества, поддерживая идею их «права на самоопределение» после ухода англичан с Индостана. Окончание войны ускорило процесс подгонки передачи власти, так как удерживать Индию под контролем британцам стало чрезвычайно трудно. В декларации премьер-министра К. Эттли от 20 февраля 1947 г. был назван срок ухода – до июля 1948 г., и для переговоров с индийскими лидерами в Дели прибыл новый вице-король Маунтбэттен. Готовя раздел страны на Индийский Союз и Пакистан, он сразу обозначил и один из важнейших принципов интеграции княжеств: «Теоретически все княжества свободны связать свое будущее с любым доминионом, но существуют обязательные географические тяготения, которые невозможно обойти. Подавляющее большинство княжеств... примыкают к доминиону Индия» [Mountbatten 1949: 51–53].

Раздел Индии в августе 1947 г. был осуществлен с учетом религиозно-конфессионального, экономического факторов, а также – географических тяготений ее провинций и княжеств. ИНК и МЛ сформировали свои правительства и превратились в оппонентов на международном пространстве Южной Азии³. Их лидеры – первый премьер Индийского Союза Джавахарлал Неру и первый генерал-губернатор Пакистана Мухаммад Али Джинна стали главами-антиподами. Оставшийся до лета 1948 г. генерал-губернатором в Индии, Маунтбэттен стремился сбалансировать их интересы для обеспечения дальнейшего влияния Великобритании в Южной Азии. Но далеко не все территориальные проблемы были урегулированы, в т.ч. и судьба северного княжества Джамму и Кашмир, которое в августе 1947 года не согласилось войти в состав ни одного из новообразовавшихся государств.

Это княжество с индусско-мусульманским, в высокогорьях – и буддистским, населением и индусской династией во главе, было расположено у границ СССР, Афганистана и Китая и имело большое стратегическое значение. Во время войны британцы построили там два первоклассных военных аэродрома – в Сринагаре и Гилгите, и намеревались навсегда сохранить контроль над ними. Но при подготовке к разделу Индии, 2 июля 1947 г., Кашмир внезапно объявил себя «независимым» [АВП РФ. Л. 3]. Махараджа Хари Сингх опасался, что лидер МЛ и Пакистана Джинна станет преследовать его из-за религиозных различий и, в конечном итоге, лишит власти. Вступить же в Индийский Союз ему мешала его «лютая ненависть» к Неру, преемнику Ганди, человеку с социалистическими и демократическими идеалами. Англичане, учитывая, что «независимость» Кашмира, означавшая на деле сохранение их

³ NAI. Ministry of Home Affairs. 1947. L. 3–7.

власти в княжестве, вызовет возражения со стороны правительства Индии, еще до вступления в силу «Закона о независимости Индии» предпринял шаги по подготовке присоединения Кашмира к более послушному им Пакистану, чтобы сохранить свое господство [там же: Л. 26].

Прибыв в Кашмир летом 1947 г., вице-король Маунтбэттен убеждал Хари Сингха не делать никаких заявлений о независимости и к середине августа присоединиться к тому или иному доминиону. Вице-король заверял махараджу, что даже его «вступление в Пакистан не будет рассматриваться в Индийском Союзе как враждебный акт», но Махараджа не шел на компромисс [Campbell-Johnson. 1972: 120-121]. В преддверии дня вступления в силу «Закона о независимости Индии», Неру и Ганди также заявили вице-королю о желании содействовать решению судьбы Кашмира. Индия, как и британцы, не намеревалась терять это стратегически бесценное княжество. К тому же Неру по рождению был кашмирским брахманом. 27 июля он написал Маунтбэттену: «Ваша поездка в Кашмир, на мой взгляд, оказалась неудачной, все там осталось по-прежнему... Я решил ехать туда 4 августа и пробыть 4-5 дней. Поеду как частное лицо... Моя цель – встретиться с друзьями, коллегами, с родным народом, страдающим от политики властей...» [Constitutional Relations 1983: 368]. В конечном счете, вице-король его отговорил, в Кашмир отправился Ганди. Он встречался с людьми, мягко склонял их к правильному выбору своего будущего, а на обратном пути, в Равалпинди, сделал итоговое заявление – предоставил «воле кашмирского народа» выбор доминиона, к которому княжество присоединится. Маунтбэттен в эти дни записал в личном дневнике: «Ганди еще объявил и то, что намерен провести остаток жизни в Пакистане, в заботе об интересах меньшинств. Это приведет Джинну в ярость» [ibid.: 594]. Вопреки расчетам ИНК, «турне Ганди» практического результата не дало. Махараджа выжидал, но тем временем подписал с Пакистаном «мораторий», по условиям которого в княжество, пакистанскими дорогами, начали доставлять жизненно необходимые припасы, нефтепродукты, продовольствие. Хари Сингх хотел подписать «промежуточное соглашение» и с Индийским Союзом, но его предложение задержалось в пути.

Мусульманская лига тоже активно и всеми способами отстаивала Кашмир «для себя». Внутри княжества была организована кампания за присоединение к ее доминиону. 20 сентября 1947 г. в Кашмире был проведен «День Пакистана». Как передавало радио Пешавара 2 октября, девять ведущих деятелей МЛ обратились к махарадже Кашмира с призывом присоединиться к Пакистану, и для большей убедительности, безо всякого предупреждения, были прекращены поставки оттуда пшеницы, соли, селитры в Кашмир. В протесте, переданном 20 октября по телеграфу правительство Кашмира констатировало: «Власти Пакистана в нарушение достигнутого ранее соглашения блокируют княжество, в резуль-

тате чего в княжество перестали поступать нефть, сахар, соль, одежда и другие, жизненно необходимые, товары» [АВП РФ. Л. 4]. Так колебания махараджи, выказывавшие его явную неуверенность в самопровозглашенной независимости, превращались в раздражитель для всех игроков на Индостане и грозили обернуться трагедией кашмирского народа.

Массовая политическая организация, основная партия Кашмира – Национальная конференция ставила своей целью борьбу с автократией Хари Сингха и проведение ряда демократических реформ, в т.ч. ликвидацию помещичьего землевладения и национализацию основных отраслей промышленности. Несмотря на то, что основной социальной базой этой организации были мусульмане, она всегда примыкала не к МЛ, а к ИНК и сотрудничала с ним. Лидером Национальной конференции был Шейх Абдулла, личный друг Неру, пользовавшийся большим влиянием не только в Кашмире, но и во всей Индии. Он родился в 1905 г. в семье небогатого торговца, в деревне близ Сринагара. От отца, потомка кашмирских брахманов, принявшего ислам он получил свое мусульманское имя. С трудом получил образование в Алигархском исламском университете. В студенческие годы Шейх Абдулла познакомился с либеральными идеями, стал осознавать пагубное воздействие застывшей восточно-феодальной системы на судьбы кашмирского народа, участвовал в политическом движении и в 1931 г. впервые попал в тюрьму. Он считался религиозным человеком, читал проповеди в мечетях, но ходили слухи, будто делал это, только чтобы не прослыть атеистом и не оттолкнуть от себя индусов и мусульман княжества. Свою первую политическую организацию – Кашмирскую Мусульманскую конференцию он создал и возглавил, выйдя на свободу, в октябре 1932 г. Несмотря на наименование, она не была узко конфессиональной партией, Шейх Абдулла подчеркивал ее направленность на защиту прав всех угнетенных слоев кашмирского общества [Bakshi 1995: 56-63]. Эта организация предприняла в 1933 г. попытку объединить все партии княжества, которая не увенчалась успехом. Однако его знакомство с молодым лидером ИНК, учеником Ганди Дж. Неру, укрепило его в уверенности – борьба за свободу не может быть конфессиональной или сектантской. Она должна обрести всеобщий характер, объединить мусульман, индусов, сикхов, представителей разных вер и национальностей. В Кашмире же демократическое движение против автократического режима махараджи должно было объединить и усилия его частей – Джамму и Кашмира. Он добился поддержки политических сил Джамму в лице их лидера Чаудхари Гуляма Аббаса, и, после длительной подготовительной работы, в июне 1939 г. Мусульманская конференция Кашмира превратилась в Национальную конференцию Кашмира [ibid.: 57]. В период пребывания в Индии британской миссии во главе с Петик-Лоуренсом, подготавливавшей передачу власти на наиболее выгодных для метрополии условиях образования

федерации провинций и княжеств, Шейх Абдулла развернул агитацию под лозунгом «Махараджа, вон из Кашмира!». Власти в очередной раз арестовали его и приговорили к трем годам заключения.

Таким образом, не увидевший ни провала миссии 1946 г., ни прибытия в Индию лорда Маунтбэттена и переговорного процесса о разделе страны и образовании двух доминионов, в драматические дни лета – начала осени 1947 г. Шейх Абдулла как опасный политический преступник находился в тюрьме. Однако в обстановке резкого обострения индо-пакистанских противоречий вокруг Кашмира 2 октября 1947 года Шейх Абдулла и другие лидеры Национальной конференции были освобождены. Уже 10 октября он выступил в столице княжества, Сринагаре, с заявлением: «Мы будем поддерживать присоединение к тому доминиону, в котором будет поощрено наше требование свободы». Он уточнил, что Национальная конференция никогда не добивалась низложения махараджи, а только желала его превращения в конституционного монарха [АВП РФ. Л. 26], что стало ударом по планам англичан и пакистанских лидеров использовать факт освобождения Абдуллы для запугивания махараджи, а тот увидел, что с этой стороны ему бояться нечего...

23 октября грузовики и джипы армии Пакистана пересекли границу с Кашмиром и двинулись к его столице Сринагару по шоссе Музаффарабад–Барамулла. Вторгшаяся группировка (ок. 5000 чел.) состояла из вооруженных пуштунов, выходцев из северо-западных пограничных племен. Началась военная акция Пакистана по захвату Кашмира, хотя официальный Карачи не взял на себя ответственность за ее организацию, квалифицируя происходящее как «добровольческую акцию мусульман» [см. Kashmir... 1956]. Пуштуны захватили Музаффарабад, их передовой отряд продвинулся к Сринагару, убивая, насилая, сжигая все на своем пути. Доказательств того, что это вторжение было санкционировано правительством Джинны, на настоящий момент нет, хотя открытое намерение захватчиков взять столицу Кашмира, пленить или уничтожить махараджу и «явочным путем» решить вопрос о присоединении княжества к Пакистану было созвучно его намерениям. Маунтбэттен срочно созвал заседание Индийского Совета обороны, который принял решение перебросить в Сринагар специальные воинские подразделения. К махарадже был направлен эмиссар В.П. Менон, чтобы убедить его немедленно подписать соглашение о вступлении Кашмира в состав Индийского Союза, но тщетно – Хари Сингх все еще никак «не мог решиться». Лишь когда ситуация стала патовой, 24 октября 1947 г. махараджа обратился к Индийскому Союзу с просьбой об оказании помощи.

Шейх Абдулла в этой ситуации заявил, что члены Национальной конференции будут бороться с захватчиками и защищать Сринагар, начал формировать ополчение. Почти одновременно и индийские власти приняли историческое решение – на рассвете 27 октября через Гималаи

в Кашмир, самолетами, был отправлен Первый сикхский полк, который по прибытии немедленно вступил в бой. Правительство Индии считало необходимым немедленно «преобразовать существующее правительство княжества в Народное правительство» и, по инициативе Ганди и Неру, склонило махараджу «предложить именно Шейху Абдулле возглавить его» [АВП РФ. Л. 3]. Махараджа согласился на присоединение к Индии. Шейх Абдулла приступил к формированию правительства.

В состав нового правительства вошли многие яркие персоны. Гулям Мухаммед Бахши стал министром внутренней безопасности, законности и порядка. Был очень близок к Неру. Будучи несколько «правее» Абдуллы, любил повторять, что в душе он – коммунист. С коммунистами всегда честно сотрудничал. Занялся торговлей и с помощью Неру получил в Дели магазин. Неру опирался на него больше, чем на Абдуллу, интуитивно и безошибочно опасаясь, что последний мог выйти из повиновения. Гулям Мухаммед Садык был назначен командующим народной гвардией и министром вербовки и тренировки вооруженных сил, коммунист, был популярен в народе, особенно среди молодежи. Маулана Мухаммед Саид, министр пропаганды, Генеральный секретарь Национальной конференции Кашмира, также был очень близок к коммунистам. Гулям Мохид-Уд-Дин, получивший пост министра связи, дорог, аэродромов, водоснабжения, электричества, склонялся к социалистам, но накануне и после раздела Индии стал более тесно сотрудничать с коммунистами. Сардар Будх Сингх, министр восстановительных работ, лидер сикхов Кашмира, единственный сикх в кабинете Шейха Абдуллы, в свое время был губернатором провинции Джамму, но отказался от поста и вступил в Национальную конференцию. Честный деятель, но далеко не революционер. Еще ряд министров-индусов замыкали круг членов поликонфессионального кабинета Шейха Абдуллы. Длительное время взаимные политические симпатии Шейха Абдуллы и неруистов в индийском руководстве были достаточно сильны. Он не раз подчеркивал: «Все мы черпаем вдохновение от Пандита Неру, он очень сочувственно относится к нашей борьбе за свободу... Г-н Джинна, напротив, противостоит нам. Как теперь Мусульманская лига может все перевернуть и заявлять, что она является лидером кашмирского народа?»⁴.

В Дели и Сринагаре с тревогой ожидали реакции Джинны. Маунтбэттен и Неру опасались, что, если Пакистан (теперь уже официально) направит войска к Сринагару, то впервые в истории Британского Содружества наций на поле боя сойдутся две части некогда единого целого – англо-индийской колониальной армии, под командованием английских офицеров с обеих сторон. Опасения подтвердились: как только Джинна узнал об индийском воздушном десанте, он немедленно отдал

⁴ Encyclopaedia of Kashmir. 1995. P. 123.

приказ о введении в Кашмир двух пакистанских бригад из Равалпинди и Сялкоты, которым предстояло, помимо прочего, пленить махараджу. Несмотря на то, что и.о. главкома Д. Грейси отказался выполнить этот приказ, войска получили прямое распоряжение Джинны и вошли в Кашмир. Так, «бескровная» передача власти, наряду с межобщинными погромами в Панджабе, вызвала реальную угрозу индо-пакистанской войны. Лишь под давлением верховного главнокомандующего фельдмаршала К. Окинлека Джинна отменил свой приказ. Тем не менее, в ответ 24 октября в Паланди (район Пунча), при явной поддержке Пакистана, было создано «Временное правительство Свободного Кашмира» во главе с Сардаром Мохаммедом Ибрагим Ханом. Княжество Джамму-Кашмир фактически раскололось на части.

29 октября правительство Пакистана, официально объявило, что не признает присоединения Кашмира к доминиону Индия, и обратилось через Генерального секретаря ООН Трюгве Ли ко «всем демократически мыслящим и свободолюбивым народам мира» с просьбой поддержать «патриотический народ Кашмира в его борьбе за свободу» и признать Временное правительство. Телеграммы аналогичного содержания были направлены Сталину, Эттли, Трумэну. В телеграмме Сардара Ибрагима Сталину от 4 ноября 1947 г. говорилось: «Четыре миллиона населения Кашмира ходатайствуют о поддержке свободолюбивого правительства и народа Советского Союза в этот критический час нашей борьбы за свободу против феодальной аристократии махараджи, которого поддерживает Индийский Союз. Признание Вами нашего Временного правительства окажет значительную помощь нашему благородному делу, вдохновит все прогрессивные силы мира в борьбе за действительную свободу» [АВП РФ. Л. 8]. Письмо осталось без ответа.

1 ноября 1947 г. Маунтбэттен вылетел в Пакистан, где провел напряженные переговоры, тщетно пытаясь убедить Джинну в законности действий Индии на территории Кашмира. Пакистанская сторона, невзирая на его усилия, осталась при своем мнении: присоединение Кашмира к Индийскому Союзу было осуществлено насильственным способом. Опротестовывая это обвинение, 2 ноября с большой речью по радио выступил Неру. Проанализировав сложившуюся ситуацию, премьер Индийского Союза всю ответственность за кризис возложил на Пакистан и отдал должное Шейху Абдулле, «благодаря которому в столице княжества отсутствовала всякая паника, и люди занимались своими делами, как обычно» [Л. 8-10]. В свою очередь, с пакистанской стороны 4 ноября по радио выступил премьер Лиакат Али Хан, буквально заклеивший Индию как «гонителя мусульман»: «В настоящее время кашмирцы борются не только за свободу, но за самое существование. Видимо, уничтожение населения Кашмира входит в обширный план ликвидации мусульман в княжествах, присоединившихся к Индии. Когда правитель-

ство Пакистана обратилось к индийскому с просьбой защитить мусульман в этих княжествах, последнее ответило, что этот вопрос является внутренним вопросом Индии» [Л. 10].

В середине ноября корреспондент ТАСС О.Л. Орестов провел несколько дней в Кашмире и вместе с заместителем Шейха Абдуллы Гулямом Мохаммедом Бакии посетил несколько деревень. Он наблюдал сожженные доглы улицы, увидел даже труп члена Национальной конференции, которому, еще живому, пуштуны на лоб гвоздем прибили доску с надписью «Предатель». Советский корреспондент писал: «Сринагар полностью находится в руках Национальной конференции и народной милиции. Все дома украшены красными флагами с изображением плуга (флаг Национальной конференции. – Л.Ч.). Стоит одному из лидеров Конференции показаться на улицах, как тысячи людей собираются, чтобы пожать ему руку и заверить в поддержке народа» [Л. 14].

Внутренняя политика Шейха Абдуллы в наиболее напряженные первые месяцы кашмирского кризиса сводилась к экстренным политическим и социально-экономическим мероприятиям. В ряде районов правительство и милиция начали проводить реформы, объявили об отмене тяжелых податей. Национальная конференция наталкивалась на настоящую обструкцию старой администрации, и Шейху Абдулле не раз приходилось угрожать арестом министрам махараджи, чтобы преодолеть их саботаж. Еще более острой была проблема вооружения народной милиции, в ноябре 1947 г. имевшей лишь чуть более 700 винтовок, в то время как ее численность составляла несколько тысяч человек. Характерно, что индийские войска, освобождая Кашмир и захватывая вооружение неприятеля, не передавали его местной милиции. В эти тревожные месяцы судьба Кашмира полностью зависела от того, насколько быстро и эффективно сумеет провести реформы в политической и экономической областях Шейх Абдулла. В конце 1947 г. время еще работало на него. Бесчинства вторгшихся на кашмирскую землю пуштунов оттолкнули местное население от Пакистана, оно практически полностью поддерживало Национальную конференцию. Имена Абдуллы и Бакии стали легендарными в деревнях Кашмира.

Однако к декабрю 1947 г. положение Шейха Абдуллы значительно ухудшилось. Боеспособность индийской армии понизилась из-за наступившей зимы. Резко активизировались индусские шовинисты, распространяющие коммуналистские настроения: «Ради чего воюем?», «Следует ли нам проливать кровь здесь за мусульман?». Наконец, махараджа, невзирая на договоренность, не думал ослаблять свою власть, и, как итог, создалось двоевластие: правительство Шейха Абдуллы существовало одновременно с правительством княжеского ставленника Махаджана. В ИНК не было единого мнения насчет ситуации с двоевластием в Кашмире. Группа Неру, социалисты и подавляющее большинство об-

щественности Индии пока оказывали полную поддержку Абдулле и считали, что власть должна находиться в руках Национальной конференции. В то же время группа министра внутренних дел Пателя считала Шейха Абдулла и Национальную конференцию опасной просоветской силой и высказывалась за то, чтобы махараджа оставался правителем Кашмира, проводя некоторые реформы. Сам же Шейх Абдулла понимал, что с его 777 винтовками он не сможет отразить серьезную атаку войск махараджи, если тот пойдет на ликвидацию власти Национальной конференции. Не исключал Шейх и того, что даже Неру может оставить его на произвол судьбы, если того потребует ситуация внутри ИНК. В этом случае руководители Национальной конференции были готовы «оторвать Кашмир от Индии и искать поддержку у СССР» [Л. 33]. Орестов предполагал, что они попытаются установить контакт с советскими представителями, в том числе на площадке ООН, чтобы выяснить, возможно ли «получить помощь от СССР для создания независимой народной республики Кашмира» [там же].

Внешние обстоятельства складывались для правительства Шейха Абдуллы крайне сложно. Англичане, увидев провал первоначального курса на присоединение Кашмира к Пакистану, перешли к новой политике, активно используя свою агентуру. В октябре-ноябре 1947 г. было сообщено, что «народ Гилгита восстал, создал временную власть и присягнул на верность правительству Свободного Кашмира»; затем Читрал, маленькие княжества Хунза и Нагар, лежащие к северу от Кашмира, объявили о присоединении к Пакистану. Индия не смогла направить туда свои войска, так как перевалы уже были покрыты снегом. Таким образом, не сумев присоединить весь Кашмир к Пакистану, англичане пошли по пути присоединения к нему всей стратегической полосы, необходимой для создания военных баз на рубежах СССР, и создавали легальную базу для постановки в Совете безопасности ООН вопроса о разделе Кашмира. В виде уступки Индии они были готовы согласиться на присоединение к ней южных районов княжества, но за север Кашмира, прилегающий к границе СССР, намеревались драться.

За деятельностью Шейха наблюдала и Компартия Индии. Коммунисты подчеркивали, что «на это движение и его руководителей беспощадно нападали пакистанские пропагандисты, и их оружие – «Правительство Свободного Кашмира, которое в действительности является орудием британских империалистов». Агенты империализма неоднократно пытались переманить на свою сторону Шейха Абдулла, используя религиозные исламистские чувства, но это им не удалось» [там же: Л. 50-52]. КПИ считала, что Шейх сам хотел бы уже давно устранить махараджу, но был бессилен окончательно ликвидировать класс феодалов-помещиков-джагирдаров, разрешить аграрный вопрос. КПИ не верила, что индийская армия была освободительной и не рекомендовала

своим членам слепо на нее полагаться. Она ставила задачи «изгнать захватчиков и пакистанскую армию, разбить заговор империалистов; разоблачить и изолировать правительство Индийского Союза, разбить фальшивые иллюзии Шейха Абдуллы по отношению к этому правительству; выдвинуть требование ликвидации феодализма» [Л. 58]. КПИ намеревалась развернуть крестьянское движение за конфискацию земельных поместий и мобилизовать народ Кашмира независимо от Шейха Абдуллы. Она была готова критиковать его правительство как не способное решить эти задачи и идущее на компромисс.

Насколько тесными были связи Шейха Абдуллы с СССР и имели ли они место вообще? Индийский вопрос всегда занимал значительное место в программных документах Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков) и советского правительства, так как национально-освободительные движения в Азии и Африке рассматривались как одна из составляющих мирового революционного процесса. 13 апреля 1947 г. Советский Союз и тогда еще колониальная Индия приняли решение об обмене дипломатическими представительствами, в Дели отправился посол К. Новиков, а первым послом Индии стала сестра Джавахарлала Неру Виджайя Лакшми Пандит [NAI. Ministry of External Affairs. 1947. L. 4-8]. Сталин скептически отнесся к передаче власти в Индии. Присутствие там иностранного капитала, членство в Британском Содружестве наций, по мнению советских лидеров, служило доказательством сохранения вассального статуса Индии. Тем более что генерал-губернатором Индийского Союза и командующим его армии, равно как и губернаторами провинций, многими дипломатическими служащими и гражданскими чиновниками некоторое время оставались англичане. Политика неприсоединения, провозглашенная Неру, воспринималась в Кремле через призму классово-идеологии, установок, сформулированных Сталиным, пропагандируемых В.М. Молотовым и А.Я. Вышинским [Юрлов, Юрлова 2010: 611-615]. Военные базы британцев в Кашмире, вблизи азиатских границ СССР, чрезвычайно беспокоили Москву. В первые месяцы возникновения индо-пакистанского спора за Кашмир СССР воздерживался от голосования по Кашмирскому вопросу в Совете безопасности ООН. Сталин мог поддержать Индию, если бы «Неру пошел на изменение внешней политики своего государства на просоветскую. Но помогать Индии, следовавшей американскому курсу, СССР не намеревался» [NAI. L. 105-106]. При этом Москва следила за ситуацией в Кашмире, за Шейхом Абдуллой и Национальной конференцией, не прошло незамеченным даже то, что он назвал главную площадь Сринагара «Лал Чоук» («Красная площадь» – *Л.Ч.*)⁵. Когда Шейх организовал празднование Дня независимости, на этом празднике присутствовали предста-

⁵ International Relations and Foreign Policy of India. 1992. P. 299–300.

вители СССР, в то время как представители англо-американского блока, за исключением Индии, бойкотировали этот праздник. Сам Шейх Абдулла считал почти неизбежным обращение к СССР за помощью и не исключал создания некоего аналога советской республики в Кашмире. Однако практических эффективных шагов по кашмирско-советскому сближению ему сделать не удалось; по меньшей мере, документально подтвердить их невозможно.

Так в контексте проблематики нашей статьи становится очевидным, что в первые месяцы индийской независимости вызревали объективные (политические, географические, экономические) причины надвигавшейся трагедии разделенного кашмирского народа и лично Шейха Абдуллы⁶. Приложивший значительные усилия для обеспечения безопасности и демократических преобразований в своем родном княжестве, первый министр оказался на перекрестке множества стратегий: противоречивой индийской (Неру–Патель), пакистанской (мусульманин против мусульманского доминиона), межкашмирской (два Кашмира), наконец, внутривнутриполитической (двоевластие в подконтрольной его правительству части княжества). Драматическая судьба кашмирского патриота, получившего в народе почетное прозвище «Лев Кашмира», символизировала все приобретения и потери раздела Индии 1947 года, стала отражением многоаспектной и не разрешенной до наших дней проблемы разделенных государств, городов, народов, человеческих судеб.

Архивные материалы

- Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. Отдела Юго-Восточной Азии (090). Референтура по Индии. Оп. За. П. 9. Д. 5.
 National Archives of India (NAI). Ministry of External Affairs. Branch EUR II. 1947. File № 37(8)-EUR II.
 NAI. Ministry of External Affairs. Europe and Pakistan Division. 1950. Branch. EUR. II., RT. File No. 88-RT.
 NAI. Ministry of Home Affairs. 1947. File No. 23(18).- E.O.47.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. История Пакистана. XX век. М., 2008 [Belokrenickij V.YA., Moskalenko V.N. Istoriya Pakistana. XX vek. M., 2008].
 Белокреницкий В.Я., Москаленко В.Н. Кашмирский очаг исламского экстремизма // Азия и Африка сегодня. 2002. № 1. С. 9–14 [Belokrenickij V.YA., Moskalenko V.N. Kashmirskij ochag islamskogo ehkstremitizma // Aziya i Afrika segodnya. 2002. № 1. S. 9–14].
 Шаумян Т.Л. Спор вокруг Кашмира: истоки конфликта // Индия. Достижения и проблемы. Материалы научной конференции. М., 2002. С. 61–76 [Shaumyan T.L. Spor vokrug Kashmira: istoki konflikta // Indiya. Dosti-zheniya i problemy. Materialy nauchnoj konferencii. M., 2002. S. 61–76].

⁶ Шейх Абдулла работал на посту премьер-министра Кашмира в тесном контакте с Неру до тех пор, пока не был заключен в тюрьму по обвинению в подготовке и организации сепаратистского движения. Освобожден Индирой Ганди и в последние годы жизни возобновил сотрудничество с индийским правительством и Индийским национальным конгрессом.

- Шаумян Т.Л. Внешнеполитический курс независимой Индии // Экономическое и политическое развитие Индии (1947–1987): Сб. стат. / Под ред. Котовского Г.Г. и др. М., 1989. С. 113–147 [Shaumyan T.L. Vneshnepolitcheseskij kurs nezavisimoj Indii // Ekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Indii (1947–1987): Sb. stat. / Pod red. Kotovskogo G.G. i dr. M., 1989. S. 113–147].
- Шаумян Т.Л. Кашмирская проблема в зеркале российской дипломатии // Россия и Индия в современном мире: вопросы сотрудничества и взаимодействия в свете их национально-государственных интересов. М., 1995. С. 61–72 [Shaumyan T.L. Kashmirskaya problema v zerkale rossijskoj diplomatii // Rossiya i Indiya v sovremennom mire: voprosy sotrudnichestva i vzaimodejstviya v svete ih nacional'no-gosudarstvennyh interesov. M., 1995. S. 61–72].
- Юрлов Ф.Н., Юрлова Е.С. История Индии. XX век. М., 2010 [Yurlov F.N., Yurlova E.S. Istoriya Indii. XX vek. M., 2010].
- Bakshi S.R. Struggle for Freedom. In 75 vols. Vol. 62 “Sheikh Abdulla”. New Delhi, 1995.
- Campbell-Johnson M. Mission with Mountbatten. London, 1972.
- Constitutional Relations between Britain and India. The Transfer of Power, 1942-47 / Ed. by N. Mansergh. In 12 vols. Vol. XII. London, 1983.
- Coupland R. Indian Politics 1936-1942. Report on the Constitutional Problem in India. Part 2. London, 1943.
- Encyclopaedia of Kashmir. In 10 vols. Vol. 7. New Delhi, 1995.
- International Relations and Foreign Policy of India. In 10 vols. Vol. 7 “USSR and India’s Foreign Policy” / Ed. by V. Grover. New Delhi, 1992.
- Kashmir 1947-1956. Experts from Prime Minister Nehru’s Speeches. New Delhi, 1956.
- Mountbatten L. Time Only to Look Forward. London, 1949.

Черешнева Лариса Александровна, доктор исторических наук, профессор, Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, larisa-chereshneva@rambler.ru

Sheikh Abdullah: a portrait in Kashmir tones

The study of the history of Jammu and Kashmir State, the tragedy of its partition in 1947, has been conducted for a long time. The Russian indologists and researchers of the Pakistan history have made a huge contribution to its reconstruction, analysis of the nature and relationship with the today's South Asia and the world. The task of our article is to focus on the person who played a prominent role in the development of the modern Kashmir, but is still insufficiently studied – we are talking about the “Lion of Kashmir” Sheikh Abdullah (1905–1982). On the basis of the Indo-Pakistani, British and domestic documents, we have launched a series of publications on Sheikh Abdullah to fill this lacuna, and a multi-layered portrait of the Kashmiri patriot, who from 1947 to 1982, intermittently was the Prime Minister of Jammu and Kashmir, received its execution in our country. The article analyzes its activities in the first months after the formation of the Indian Union and Pakistan.

Keywords: Kashmir, Sheikh Abdullah, Indian Union, Pakistan, USSR

Larisa Cheresheva, Dr. Sc. (History), Professor, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, larisa-chereshneva@rambler.ru

CONTENTS

History – Memory – Identity

Andreas Buller, Andrei Linchenko

Cultural memory as a subject of philosophical understanding 5

Victoria Pichugina

Classical texts in statu quo

the origin of the genre of pedagogical anthology as a form of historical memory..... 19

Tatiana Tairova

Koliivshchyna in the Historical Memory..... 37

Mariya Filimonova

Two Festivals of the American Revolution..... 54

Nikolay Antipin

The Russian-Japanese War of 1904-1905 and the Soviet writers: work on the past..... 68

Igor Kryuchkov, Natalia Kryuchkova

Historical memory and the Habsburg myth: post-traumatic stress disorder
of a human of the 20th century and a social product of mass consumption..... 86

Liudmila Mazur

Memorial museums of political figures

in the space of the historical memory of modern Russia..... 100

Artem Klyuev, Anton Sveshnikov

Discourse identity of the modern historical re-enactor

(on the material of medieval clubs of historical reconstruction) 120

Intellectual History Today

Irina Эрлихсон, Svetlana Vassilyeva

«A mill for grinding rogues honest» (repentance as the key notion
of English criminal justice transformation in the 18th century)..... 137

Sergiy I. Posokhov

Preaching traditions in the address speeches of university professors

in the Russian Empire (second half of the 18th - the first third of the 19th c.)..... 154

Natalia Alevras

Rediscovering the phenomenon of I.N. Sredniy-Kamashev's: a scientist

as the creator of the philosophical version of academic historical knowledge..... 176

Nadezhda Kovalenko

«Angry notes» as a part of N.I. Bukharin's ideal heritage..... 187

Invitation to Discussion

Sergey Zanin

A little bit about 'hedgehogs' and 'foxes', or Where will be 'armadillos'
taken from? Notes on the New Cultural History of the Enlightenment..... 209

History of the Soviet Historiography

Larisa Landina

Problem of absolutism in N.A. Rozhkov's conception as a reflection of
the methodical transformation of the Russian historiography in the early 20th c..... 223

Vitaly V. Tikhonov

«Klyuchevskiada» by M.V. Nechkina..... 238

Crossroads of Interdisciplinarity

M.S. Petrova

Clarification of the meaning and content of a fragment “On intoxication” attributed to Aristotle through Macrobius’ “Saturnalia”..... 249

Nataliya Karnachuk

Disintegration of the communal unity feeling: funerals and broadside epitaphs in 1560-1630..... 258

Maxim Sidorenko

The representation of Louis XIV in the dancing art: from the ballet de cour to the royal ballet..... 271

Sergey Lazaryan

The role of landscapes in the context of the social and cultural existence of matter and Russian opposition to mountain societies of the Northern Caucasus (1801-1864)..... 287

Vitaliy V. Prilutskiy

The phenomenon of the first «hate groups» in the United States in the XIX – early XX cc. 306

Victor Akopyan, Victor Ermakov

The role of the Orthodox Church in the ethno-genesis of sub-ethnic groups of the Greeks-Urums..... 316

Stalina Kataeva, Dmitriy Kataev

History of the German political language as a reflex of the recent history of Germany (1945–1988)..... 327

Gulfiia Kamalova

History of confidentiality protection in Russia..... 336

History of Education

Mikhail Vedeshkin

«Soul-destroying» teachers: Education and apostasy in the Later Roman Empire..... 348

Svetlana Golikova, Liudmila Dashkevich

Regional projects for the development of mining engineering education (based on the materials of the Urals, late 19th – early 20th century)..... 364

Memorable Dates

Luiza Korobitsina

Interpretation of the appeasement policy in contemporary British historiography..... 376

Historical Essays

Natalia Krenenko

The family business of the Eastlake spouses..... 384

Tatyana Ivanova, Natalya Ageeva

The Fortunatovs dynasty: fortune in the wheel of Russian history, the 18th – 21st cc..... 392

Nazar Kotelnitsky

World view of I. Petrunkevich: details of a political portrait..... 405

Larisa Chereshneva

Sheikh Abdullah: a portrait in Kashmir tones..... 416

CONTENTS..... 428

СОДЕРЖАНИЕ

История – Память - Идентичность

<i>А. Буллер, А.А. Линченко</i> Культурная память как предмет философского осмысления.....	5
<i>В.К. Пичугина</i> Античные тексты in statu quo: истоки жанра педагогической антологии как формы исторической памяти.....	19
<i>Т.Г. Таурова-Яковлева</i> Колывщина в исторической памяти.....	37
<i>М.А. Филимонова</i> Два праздника времен Американской революции.....	54
<i>Н.А. Антипин</i> Русско-японская война 1904–1905 гг. и советские писатели: работа над прошлым... <i>И.В. Крючков, Н.Д. Крючкова</i> Историческая память и габсбургский миф: посттравматический синдром человека XX в. и товар общества массового потребления.....	68
<i>Л.Н. Мазур</i> Мемориальные музеи политических деятелей в пространстве исторической памяти современной России.....	86
<i>А.И. Клюев, А.В. Свешиников</i> Дискурсивная идентичность современного исторического реконструктора (на материале медиевальных клубов исторической реконструкции)	100
	120

Интеллектуальная история сегодня

<i>И.М. Эрлихсон, С.А. Васильева</i> «Мельница для перемалывания негодяев...»: раскаяние как ключевая категория трансформации английского уголовного правосудия в XVIII столетии.....	137
<i>С.И. Посохов</i> Традиции проповеди в актовых речах профессоров университетов Российской империи (вторая половина XVIII – первая треть XIX в.).....	154
<i>Н.Н. Алеврас</i> Переоткрывая феномен И.Н. Среднего-Камашева ученый как создатель философской версии историко-научного знания.....	176
<i>Н.В. Коваленко</i> «Злые заметки» как часть идейного наследия Н.И. Бухарина.....	187

Приглашение к дискуссии

<i>С.В. Занин</i> Немного о «ежах» и «лисах», или откуда возьмутся «броненосцы»? (Заметки о «новой культурной истории Просвещения»).....	209
--	-----

Из истории советской историографии

<i>Л.В. Ландина</i> Проблема абсолютизма в концепции Н.А. Рожкова как отражение методологической трансформации в российской историографии начала XX века....	223
<i>В.В. Тихонов</i> «Ключевскиада» М.В. Нечкиной.....	238

Перекрестки междисциплинарности

<i>М.С. Петрова</i> Прояснение смысла и содержания фрагмента «Об опьянении», приписываемого Аристотелю, посредством «Сатурналий» Макробия.....	249
<i>Н.В. Карначук</i> Эрозия чувства коммунальной общности погребальные процессии и площадные баллады-эпитафии в 1560–1630 гг.....	258
<i>М.А. Сидоренко</i> Репрезентация Людовика XIV в танцевальном искусстве от придворного балета к королевскому балету.....	271
<i>С.С. Лазарян</i> Роль ландшафтов в контексте социокультурного существования и противоборства России с горскими обществами Северного Кавказа (1801–1864 гг.)	287
<i>В.В. Прилуцкий</i> Феномен первых «групп ненависти» в США в XIX – начале XX в.....	306
<i>В.З. Акопян, В.П. Ермаков*</i> Роль православной церкви в этногенезе субэтнической группы греков-урумов.....	316
<i>С.Г. Катаева, Д.В. Катаев</i> История немецкого политического языка как рефлексия новейшей истории Германии (1945–1988).....	327
<i>Г.Г. Камалова</i> История охраны конфиденциальности сведений в России.....	336

Из истории образования

<i>М.А. Ведешкин</i> «Учителя-душегубы»: образование и апостасия в Поздней Римской империи	348
<i>С.В. Голикова, Л.А. Дашкевич</i> Региональные проекты развития горнотехнического образования (по материалам Урала конца XIX – начала XX в.).....	364

К памятным датам

<i>Л.В. Коробицына</i> Интерпретация политики умиротворения в современной британской историографии...	376
--	-----

Исторические очерки

<i>Н.С. Креленко</i> Семейный подряд супругов Истлейк.....	384
<i>Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева</i> Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVIII–XXI вв.....	392
<i>Н.А. Котельницкий</i> Мировоззрение И.И. Петрункевича: штрихи к политическому портрету.....	405
<i>Л.А. Черешнева</i> Шейх Абдулла: портрет в кашмирских тонах.....	416
CONTENTS.....	428

*Исследование «Роль православной церкви в этногенезе субэтнической группы греков-урумов (авт. *Акопян В.З., Ермаков В.П.*)» выполнено при финансовой поддержке РГНФ (РФФИ), в рамках проекта № 16–01–00319а.

Адрес редакции: 119334, Москва, Ленинский пр., д. 32А, к. 1423; тел. +7 (495) 938–53–91

<http://www.roii.ru/intellect/books/index.htm> ; dialogue.time@yandex.ru

Поиск DOI: <http://search.rads-doi.org/index.php/> ; <http://www.doi.org/>

А. Буллер, А.А. Линченко
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25246>
В.К. Пичугина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25316>
Т.Г. Таирова-Яковлева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25318>
М.А. Филимонова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25319>
Н.А. Антипин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25320>
И.В. Крючков, Н.Д. Крючкова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25321>
Л.Н. Мазур
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25322>
А.И. Ключев, А.В. Свешников
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25323>
И.М. Эрлихсон, С.А. Васильева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25324>
С.И. Посохов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25325>
Н.Н. Алеврас
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25326>
Н.В. Коваленко
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25327>
С.В. Занин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25328>
Л.В. Ландина
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25329>
В.В. Тихонов
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25331>

М.С. Петрова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25332>
Н.В. Карначук
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25333>
М.А. Сидоренко
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25334>
С.С. Лазарян
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25335>
В.В. Прилуцкий
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25336>
В.З. Акоюян, В.П. Ермаков
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25337>
С.Г. Катаева, Д.В. Катаев
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25339>
Г.Г. Камалова
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25340>
М.А. Ведешкин
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25341>
С.В. Голикова, Л.А. Дашкевич
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25342>
Л.В. Коробицына
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25343>
Н.С. Креленко
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25344>
Т.Н. Иванова, Н.Н. Агеева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25345>
Н.А. Котельницкий
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25346>
Л.А. Черешнева
<https://doi.org/10.21267/AQUILO.2019.66.25347>

Подписано в печать 29. 08. 2018
 Формат 60х90 / 16. Бумага офсетная № 1.
 Гарнитура Таймс. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 26. Тираж 600.

Отпечатано в типографии Onebook.ru ООО
 «Сам Полиграфист». Москва, Волгоградский пр.,
 д. 42, стр. 5; info@onebook.ru ; www.onebook.ru ;
 тел. +7 (495) 545–37–10

ISSN 2073–7564

Журнал индексируется в Российском индексе научного Цитирования (РИНЦ).
 Журнал включен в диссертационный перечень ВАК по специальностям: история, история философии, филология; в каталог «Роспечать» (подписной индекс 36030); в базу данных SCOPUS (с 2016 г.); в базу данных WoS Core Collection (Emerging Sources Citation Index [ESCI]) (с декабря 2017 г.), Q 2 (History — 2017 г.).

Полные электронные версии статей представлены на сайте: <http://roii.ru/publications/dialogue>
 Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Свидетельство ПИ № ФС 77-24798 от 29 июня 2006 г.).

Электронная версия — Эл. № ФС 77-53624.

Дизайн обложки И.Н. Граев